

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

МИХЕЕВА АННА АНДРЕЕВНА

**ХРИСТИАНСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ (IV В. – НАЧ. XIII В.)**

Исторические науки

Специальность:

5.6.3. – Археология

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Том I

Научный руководитель:

Никонов В.П.

Кандидат исторических наук, ст.н.с

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ I

Введение	с. 4
Глава I. Историография археологического изучения христианства на территории Средней Азии	с. 16
Глава II. Археологические свидетельства христианства на территории Средней Азии	
2.1. Сооружения (церкви, храмы, монастырские комплексы и иные религиозные здания).....	с. 55
2.2. Памятники погребального обряда христиан (оссуарный, ингумация).....	с. 133
2.3. Церковно-храмовые принадлежности.....	с. 220
2.4. Предметы личного благочестия: церковные книги, терракотовые плакетки, ампулы Святого Мины, печати-штампы, нашивные бляшки, геммы и буллы, нательные, наперсные и процессионные кресты, подвески, амулеты.....	с. 243
2.5. Нумизматические источники.....	с. 278
2.6. Эпиграфические источники.....	с. 290
Глава III. Свидетельства письменных источников присутствия христианских общин на территории Средней Азии (краткий обзор)	с. 300
Глава IV. Этапы распространения христианства на территории Средней Азии по письменным и археологическим источникам	с. 313
Заключение	с. 334
Термины.....	с. 342
Список сокращений.....	с. 345
Архивные источники.....	с. 346
Источники и литература.....	с. 351

Том II

Приложение 1. Таблицы

Таблица 1. Байрам-алинский некрополь (Туркмения).....	с. 3
Таблица 2. Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс (Кыргызстан).....	с. 89

Таблица 3. Ак-Бешим (объект IV). Христианская церковь с кладбищем (Кыргызстан).....	с. 97
Таблица 4. Могильник Дурмон-тепе (Дурмен-тепа; Узбекистан).....	с. 114
Таблица 5. Некрополь Беловодская крепость (Кыргызстан).....	с. 129
Таблица 6. Сводная таблица керамических плакеток и матриц, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 145
Таблица 7. Сводная таблица крестов и подвесок из камня, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 162
Таблица 8. Сводная таблица металлических нательных, нагрудных и процессионных крестов, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 172
Таблица 9. Сводная таблица крестовключенных подвесок и медальонов-рыбок, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 235
Таблица 10. Сводная таблица предметов христианского культа, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 257
Таблица 11. Сводка монет с христианскими символами с Восточного Ирана и вассальных территорий.....	с. 262
Таблица 12. Сводка монет с христианскими символами, найденных на территории Средней Азии.....	с. 273
Таблица 13. Дурмон-тепе. Сводная таблица погребений: Восточный (Раскоп 12) и Западный (Раскоп 1) некрополи (Том I).....	с. 195
Таблица 14. Сводная таблица объектов и предметов христианского культа, обнаруженных на территории Средней Азии (Том I).....	с. 324

Том III

Приложение 2. Иллюстрации

Введение

История христианства в Средней Азии — одна из ведущих тем в общей культурной истории народов Востока [Никитин, 1984, с. 121]. Попытки решения вопросов, связанных с распространением христианских общин на обширной территории среднеазиатского региона, предпринимались с конца XIX в., с момента открытия первых христианских кладбищ в Семиречье (Припишпекское/Кара-Джигачское, Притокмакское/Буранинское). К настоящему времени на территории Средней Азии открыты церкви и монастырские комплексы, христианские кладбища и единичные захоронения христиан, собраны предметы церковно-храмового пользования и личного благочестия, нумизматические и эпиграфические коллекции. Обширный археологический материал позволяет в полной мере проследить всю историю этого вероучения, появившегося впервые в III в. (согласно письменным источникам) в пределах восточных границ Северного Хорасана (Мервский оазис) и со временем распространившегося далеко на Восток, за пределы Китая.

Пионером изучения древнего среднеазиатского христианства стал В.В. Бартольд. В 1889 г. он был награжден факультетом восточных языков Санкт-Петербургского университета серебряной медалью за сочинение «О христианстве в Средней Азии» (тему ему подсказал Н.И. Веселовский). Эта работа была опубликована через пять лет на русском [Бартольд, 1894; 1964], а еще через 7 лет с исправлениями и дополнениями — на немецком языке [Barthold, 1901]. Значительно позднее вопросы археологического изучения христианства на территории Средней Азии были рассмотрены в пяти диссертационных работах. Первой из них была диссертация Г.Я. Дресвянской, основанная на материалах памятников, открытых и изученных в Мервском оазисе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) под руководством М.Е. Массона [Дресвянская, 1968b]. Две диссертационные работы были посвящены исследованию согдийского христианства. В одной из них А.И. Наймарк рассматривал влияние раннего христианства и византийского искусства на мировоззрение и местную культуру христиан Согды, их художественные и культурные связи с Византией в поздней античности и раннем средневековье [Naumark, 2001]. Вторая работа — Б. Ашурова — представляет собой исследование согдийского христианства как отдельного элемента общей истории среднеазиатского христианства, сыгравшего важную роль в распространении этого учения в Согде, Хорезме, Чаче, Семиречье и Восточном Туркестане [Ashurov, 2013]. Средневековое христианство Семиреченского региона, в том числе новое прочтение тюркско-сирийских эпитафий на намогильных камнях (кайраках), было исследовано В. Кляйном [Klein, 1998; 2000]. В 2022 г. Б.А. Железняковым на основе археологических исследований была защищена диссертация, посвященная религиям средневекового Казахстана, в которой рассмотрены

различные материальные источники по христианству, манихейству и исламу [Железняков, 2022a].

Таким образом, отсутствие обобщающего исследования всего корпуса археологических источников, свидетельствующих о существовании христианства на территории древней Средней Азии, обусловило необходимость подготовки настоящей диссертационной работы.

Согласно свидетельствам письменных источников, распространение христианства на территории Средней Азии началось в III в. с появлением сирийских христиан в пределах границ Сасанидского Ирана, на его восточных окраинах [Кошеленко, 1996, с. 85–86]. Первые сведения о христианах в Иране относятся ко II в. [Никитин, 1984, с. 121]. В ранний сасанидский период начинается постепенное оформление иранских христианских общин в церковные организации, принадлежавшие в то время к различным толкам восточной или сирийской церкви, еще не отделившиеся от православия. В начале IV в. христианство становится официальной религией Римской империи, главного противника Сасанидского Ирана [Никитин, 1984, с. 121]. В нач. V в. на территории византийских провинций Сирии, Палестины и Египта появляются христиане различных течений: монофизиты, мелькиты (православные) и несториане [Залеская, 1998, с. 14]. Разногласия в толковании Священного писания привели к расколу среди христиан, часть из которых склонилась к учению константинопольского патриарха Нестория (428 г.). В 431 г. третий Вселенский собор в Эфесе осудил несторианство как ересь, вследствие чего его приверженцы были вынуждены найти убежище в Сасанидском Иране, где со времен царя Шапура I существовала община арамейев-христиан. Со временем христиане-несториане Ирана постепенно превратились в независимую от Антиохийского престола церковь и стали именоваться «Церковью Востока». Церковь Востока никогда не объявляла несторианство своей официальной доктриной и даже не называла себя «несторианской», тем не менее это обозначение прочно закрепилось за ней [Акопян, 2010, с. 304]. В середине 2000 г. в международном научном сообществе было решено не использовать в отношении восточных христиан термин «несторианство», а применять название «Церковь Востока» [Brock, 1996; Селезнев, 2005; Ashurov, 2013].

Христианству как одной из мировых религий было свойственно стремление распространять свое учение как можно шире, в чем довольно сильно преуспела несторианская церковь (Церковь Востока), осуществлявшая миссионерскую деятельность в Индии и странах Юго-Восточной Азии и на северо-востоке — в Средней Азии, Восточном Туркестане и Китае [Никитин, 1984, с. 122].

На территории Средней Азии именно Мерв стал той отправной точкой, откуда первые христианские миссионеры, купцы или бежавшие из Ирана христиане отправлялись в Бактрию, Согд, Чач, Семиречье и далее в Китай [Михеева, 2021, с. 255].

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Изучение сохранившихся остатков материальной культуры христианства на территории Средней Азии является одной из важнейших тем в общей средневековой истории этого региона и народов, проживавших на огромной территории от Каспийского моря на западе и Памира на востоке, между горами Копетдага и Гиндукуша на юге и низовьями Амударьи и Сырдарьи на севере. Исследования начались в Семиречье с открытия средневековых кладбищ с тюркско-сирийскими эпитафиями в конце XIX — нач. XX вв. К настоящему времени открыты церкви и монастыри в Древнем Мерве (Северный Хорасан; церковь Хароба-Кошук/Хароба-Кёшк), Согде (Ургутский монастырь) и в Чуйской долине Юго-Западного Семиречья (церковь с кладбищем и монастырский комплекс церковей на городище Ак-Бешим). Исследованы памятники погребального обряда и находки индивидуальных предметов христианского культа. Опубликовано большое количество научных работ, посвященных как определенным узким темам, так и трудам обобщающего характера [Религии Центральной Азии и Азербайджана, 2018].

Актуальность темы обусловлена рядом причин. Прежде всего целый ряд устоявшихся в историографии выводов и положений требует критического подхода и переосмысления. На сегодняшний момент мы обладаем достаточным количеством археологических предметов и артефактов, связанных с христианством и с христианской традицией. Однако некоторые предметы вошли в данный список случайно и по ряду причин интерпретация этих находок как христианских затруднительна. В связи с этим встает задача составления полного корпуса всех христианских предметов, обнаруженных на территории Средней Азии.

Анализ археологических, письменных и изобразительных источников позволит исследовать материальные свидетельства распространения христианства на территории Средней Азии в самом широком аспекте. Очевидно, что для всестороннего и объективного понимания истории и культуры христианского общества в пределах среднеазиатского региона, необходим определенный источниковедческий подход — скрупулезный анализ массового археологического материала, тем или иным образом связанного с христианством.

Степень разработанности темы

Вопросами археологического изучения христианства на территории Средней Азии занимались как советские, российские ученые, так и европейские.

Большой вклад в исследование христианства в Древнем Мерве внесли Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов, А.Н. Бадер [1994, 1995, 1996]. Специалистами были введены в научный оборот письменные источники на сирийском, арабском, китайском языках, повествующие о появлении первых христиан в III веке в пределах восточных границ Сасанидского Ирана [1994]. Помимо нарративных источников, ученые использовали данные археологии, исследовав все церковные

сооружения Ирана, Ирака, Сирии, а также все доступные материалы по археологии в Средней Азии, связанные со среднеазиатским христианством [Гайбов, Кошеленко, 2006, с. 136–176]. Труды М.Е. Массона, Г.А. Пугаченковой и Г.Я. Дресвянской, А.Б. Никитина также внесли большой вклад в изучение данного вопроса. Исследованию остатков материальной культуры христиан на территории Согда, Уструшаны, Хорезма были посвящены работы С.П. Толстова [1931; 1946], А.В. Савченко [1996; 2009; 2022], В.И. Распоповой [2014], А.А. Раимкулова [2001; 2004], А.И. Наймарка [2002], Б. Ашурова [2013], Е.В. Поторочиной [2017, 2020, 2021].

Исследование Семиреченского христианства началось еще в конце XIX в. — нач. XX вв. с первых публикаций Н.Н. Пантусова, Д.А. Хвольсона и С.С. Слуцкого, в которых учеными были введены в научный оборот результаты раскопок первых христианских кладбищ с надгробными камнями-кайраками с выгравированными на них крестами и эпитафиями [Пантусов, 1887; Хвольсон, 1887; Слуцкий, 1889]. Труды В.В. Бартольда, опубликованные в этот же период, значительно расширили источниковедческую базу по исследованию христианства Семиречья [Бартольд, 1894; 1964; Barthold, 1901].

Значительный вклад в изучение христианства в Семиречье был внесен Л.Р. Кызласовым, открывшим и раскопавшим христианскую церковь с кладбищем на городище Ак-Бешиш [1959]. В 2000-х гг. благодаря раскопкам Г.Л. Семенова на городище был открыт еще один важнейший памятник христианской культуры — монастырский комплекс или комплекс церквей [2002]. Археологические раскопки памятника возобновились в 2021 г. и продолжаются по настоящее время под руководством Б.Э. Аманбаевой и К. Ямаучи. Вопросам истории религиозной жизни средневекового общества Кыргызстана, не только христианства, но и буддизма, посвящены работы В.А. Кольченко [2002; 2003; 2013; 2014 в соавт.; 2016; 2018; 2019b], Ф. Ротта [2005], В. Кляйна [1999; 2000]. В Южном Казахстане исследованием материальной культуры христиан занимались К.М. Байпаков [2012, 2013, 2014; 2018] и в настоящее время Г.А. Терновая [2004; 2018] и Б.А. Железняков [2010; 2019; 2022a]. Из европейских ученых необходимо отметить М.А. Lala Compeno [1997], М. Dickens [2004, 2009, 2016, в соавт.; 2020], Ch. Baumer [2016], P.G. Vorbone [2020; 2022], Ч.Э. Стюарта [2020].

Объектом исследования являются все археологические памятники: сооружения, могильники с христианскими погребениями и отдельные материальные предметы, интерпретируемые как христианские вкупе с архивными документами, отражающими процесс их изучения.

Предметами исследования являются:

- сохранившиеся материальные источники, в которых нашла отражение духовная культура христиан Средней Азии;
- различные течения христианства — монофизитство, мелькитство, несторианство;

- результаты взаимоотношений христианских общин Северного Хорасана (Мервского оазиса), Северного Тохаристана, Хорезма, Согда, Уструшаны, Чача, Ферганы, Южного Казахстана, Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья;
- культурный феномен христианства в Средней Азии — среднеазиатское христианство.

Географические рамки. В диссертации для определения границ изучаемой территории используется термин «Средняя Азия», а не «Центральная Азия». В соответствии с решением ЮНЕСКО, под Центральной Азией подразумевается историко-культурный регион, включающий государства современных республик стран СНГ — Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, а также Афганистана, Пакистана, Северной Индии, Тибета, Синьцзяна и Монголии [Ставиский, 1995, с. 140]. Средняя Азия — географическое понятие, сложившееся в Российской империи в дореволюционный период — Русский Туркестан, в пределы которого входили Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сырдарьинская и Ферганские области, а также Бухарский эмират и Хивинское ханство. В процессе национально-территориального размежевания с 1925 по 1936 г. в составе СССР были образованы союзные республики: Киргизская, Узбекская, Таджикская, Туркменская; остальная часть территорий среднеазиатских владений Российской империи была включена в состав Казахской ССР. В советский период Казахстан не считался частью Средней Азии, а республики назывались «Средняя Азия и Казахстан». В 1992 г. президентом Казахстана было предложено отказаться от определения «Средняя Азия и Казахстан» в пользу понятия «Центральная Азия», охватывающего все постсоветские государства среднеазиатского региона. Восточный Туркестан — Синьцзян-уйгурский автономный район, — исторически связанный со среднеазиатскими странами, не включается в понятие «Средняя Азия», так как входит в состав Китая [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Средняя Азия](https://ru.wikipedia.org/wiki/Средняя_Азия)].

В связи с тем, что в диссертации исследуются археологические памятники и артефакты, обнаруженные на территории всего среднеазиатского региона, в том числе в пределах южных границ Казахстана, было принято решение использовать термин «Средняя Азия» или «Средняя Азия и Южный Казахстан», так как Среднеазиатско-Казахстанский регион с исторической точки зрения представляет собой единую культурную область с общностью исторических судеб живущих народов, близостью культуры и хозяйственных традиций [Ср. Азия в раннем средневековье, 1999, с. 7]. Памятники, обнаруженные на территориях Ирана и Ирака, северных границах Афганистана, северо-западных областей Восточного Туркестана, применяются в диссертационной работе в качестве сравнительного-типологического анализа.

Географические рамки исследования охватывают исторические области современной территории Средней Азии и Южного Казахстана:

- *Туркмениш* — историко-культурный регион Северный Хорасан, включавший территории современного Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана. В состав Хорасана входили следующие провинции: Мерв, Мерверуд, Бадгис, Серахс. Восточные провинции Хорасана, начиная с Ашхабада до современной Каахки, были связаны с Абаршахром (район Нишапура в Иране). Мерв являлся столицей всего Хорасана [Ср. Азия в раннем средневековье, 1999, с. 16];
- *Каракалпакиш* — историко-культурный регион Хорезм;
- *Узбекистана* — историко-культурные области в долине р. Зеравшан: Центральный Согд (или Самаркандский Согд) с городом Самарканд; Западный Согд (или Бухарский Согд) с городами Бухара, Пайкенд, Вардана и Южный Согд с городами Кеш и Нахшаб [Ср. Азия в раннем средневековье, 1999, с. 50].

К северо-востоку от Самаркандского Согда (совр. Ура-тюбе и Заамин) находилась область Уструшана. Уструшана занимала значительную территорию левобережной равнины Средней Сырдарьи, предгорья западной части Туркестанского хребта, верховья Зеравшана. На западе и юго-западе Уструшана граничила с Согдом, на востоке и северо-востоке — с Худжандом и Ферганой, на севере с Илаком и Чачем. В этническом и культурном отношении история Уструшаны тесно связана с Согдом и согдийцами [Ср. Азия в раннем средневековье, 1999, с. 114].

В бассейне Средней Сырдарьи и ее правых притоков (Ахангаран, Чирчик, Келес) и в долине степной левобережной зоне находился другой крупный историко-культурный регион с самобытной культурой и хозяйством, ядром которого являлся Ташкентский оазис. Регион включал два владения — Чач и позже (X в.) Илак. Эти два государства были тесно связаны между собой в политических и экономических отношениях [Ср. Азия в раннем средневековье, 1999, с. 78].

На юге Узбекистана располагался историко-культурный регион Северный Тохаристан (занимал также южную часть Таджикистана и северную часть Афганистана). Границы его шли от Гиссарского хребта и Железных ворот на севере до Амударьи; западная граница пролегла по горному хребту Кугитанг, восточная — в пределах Кулябской области [Ср. Азия в раннем средневековье, 1999, с. 131]. На границе крайнего юга Узбекистана и горных районов Таджикистана находилась Фергана;

- *Кыргызстана* — Юго-Западное Семиречье (Чуйская долина и долина Верхнего Таласа) [Байпаков, Терновья, 2018, с. 10-11], Иссык-Кульская котловина, Тань-Шань;
- *Южного Казахстана* — область на севере ограничивается степями Центрального Казахстана, на юге Таласским Алатау, на востоке Джувалинским плоскогорьем, на западе — песками Кызылкумов. Особое значение имеет долина р. Сырдарьи и горы Каратау с многочисленными мелкими речками [Ср. Азия в раннем средневековье, 1999, с. 163]. Согласно

К.М. Байпакову, на юге Казахстана выделяется три крупных историко-культурных региона развития городской жизни: Южный Казахстан или Присырдарьинская географическая провинция, Юго-Западное Семиречье, включающее среднее и нижнее течение р. Талас и нижнюю часть Чуйской долины, и Северо-Восточное Семиречье, включающее Илийскую долину [Байпаков, Терновая, 2018, с. 10–11]. В Юго-Западном Семиречье, в Таласской долине, одним из древнейших городов считается город Тараз, расположенный на реке Талас. В XI–XII вв. при караханидах, город достиг наивысшего расцвета; в 1220 г. город был разрушен монголами [Байпаков, Терновая, 2018, с. 11]. В средневековье в предгорьях Таласского Алатау и верховьях р. Арысь, находилась столица Южного Казахстана IX–XII вв. — город Испиджаб. Отрарский оазис соответствовал округу Суараб, а Туркестанский, с главным городом Туркестан, в средние века занимал часть среднего течения Сырдарьи [Ср. Азия в раннем средневековье, 1999, с. 163].

Хронологические рамки исследования определяются археологическими свидетельствами проникновения первых христиан или общин на территорию Средней Азии и их дальнейшего распространения на Восток. Первые письменные источники говорят о проникновении христианства на территорию Средней Азии еще в нач. III в. н. э. Самые ранние археологические находки, свидетельствующие о христианстве, датируются не ранее IV в. и встречены на территории Парфии или Северного Хорасана. Речь идет о Байрам-алинском некрополе и предполагаемых христианских погребениях [Ершов, 1959; Дресвянская, 1989; Михеева (Китаева), 2017]. Верхняя дата исследования — начало XIII в. В 1218 г. войска монгольской империи завоевывают Семиречье и Восточный Туркестан, затем Хорезм и остальные города Средней Азии. Организованные христианские общины продолжают существовать в Чуйской и Илийской долинах Семиречья до конца XIV в., предполагается, что в дальнейшем часть христиан погибает от чумы [Борбоне, 2019, с. 17; Spyrou, Musralina, Gneschi Ruscone et al., 2022], часть, как и на других территориях Средней Азии, постепенно вливается и ассимилируется в окружающую их среду и культуру. Христианство на территории Семиречья в период владычества Золотой Орды выходит за рамки данного диссертационного исследования

Целью исследования является рассмотрение и анализ археологических источников как единого комплекса, отражающего весь процесс появления, распространения и угасания христианских общин на территории Средней Азии.

Задачами данного диссертационного исследования являются:

1. Полный сбор всех археологических источников (отдельных памятников и предметов), свидетельствующих о существовании христианства на территории Средней Азии с IV по нач. XIII в.
2. Создание археологического свода памятников и отдельных находок по христианству в Средней Азии, представленного в виде сводных таблиц (Том II).

3. Критический подход к анализу и изучению археологических источников по истории христианства в Средней Азии.

4. Обобщающее исследование в рамках накопленного фактического археологического материала за более чем 130-летний период.

5. Определение этапов распространения христианства на территории Средней Азии на основе археологических источников.

Источники исследования. Фактологическую базу исследования составляют археологические, архивные и письменные источники. Археологические материалы собраны и изучены по публикациям и музеям. Обработаны полевые отчеты об археологических раскопках, находящиеся на хранении в архивах Института археологии РАН (Москва), Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), в Государственном Музее Востока (Москва) и Рукописном архиве Института языка и литературы НАН КР (Бишкек).

При изучении археологических материалов Ак-Бешима 1953–1954 гг. автором диссертации использована полевая документация личного архива Л.Р. Кызласова, предоставленная д.и.н. И.Л. Кызласовым (ИА РАН), который в настоящее время готовит ее для передачи в Научно-отраслевой архив ИА РАН. Архивные материалы по раскопкам 1986–1991 гг. на могильнике Дурмон-тепе предоставлены заведующим Отделом истории материальной культуры и древнего искусства Центральной Азии ГМВ, к.и.н. С.Б. Болеловым и к.и.н. О.Н. Иневаткиной (ГМВ). Документы Рукописного и Фотоотделов НОА ИИМК РАН предоставлены заведующей Научным архивом ИИМК РАН, к.и.н. М.В. Медведевой и старшим научным сотрудником Отдела археологии Средней Азии и Кавказа, к.и.н. В.П. Никоноровым. Архивные отчеты, хранящиеся в Рукописном архиве Института языка и литературы НАН Кыргызской Республики (Бишкек), материалы по раскопкам монастырского комплекса церквей в 2021 г. на городище Ак-Бешим и доступ к Проекту «Каталогизация памятников восточного христианства (Кыргызстан)», предоставлены руководителем Центра культурного наследия НАН КР, к.и.н. Б.Э. Аманбаевой. Археологические материалы, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа, предоставлены автору диссертации заведующим сектором Средней Азии, Кавказа и Крыма Отдела Востока ГЭ, к.фил.н. П.Б. Лурье, и ведущими научными сотрудниками ГЭ, к.и.н. А.И. Торговым и к.и.н. А.В. Омельченко. Выражаю глубокоуважаемым коллегам свою признательность и благодарность.

Просмотрены коллекции и материалы Государственного исторического музея (Москва), Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), Государственного музея истории Узбекистана (Ташкент), Национального исторического музея КР (Бишкек), Токмоцкого историко-краеведческого музея КР (г. Токмок), Археолого-архитектурного музея «Башня Бурана» КР, Музея цивилизации кочевников (КР).

Использована информация письменных источников средневековых европейских, армянских, арабских, сирийских и китайских авторов.

Методология и методы исследования определяются поставленными задачами и состоянием всего корпуса археологических и письменных источников. Методологической основой исследования являются принципы историзма, системности и объективности. В работе использованы следующие методы: сравнительно-типологический, сравнительно-исторический, описательный и логический. Кроме того, был применён комплексный анализ используемого в работе археологического материала и письменных источников.

Научная значимость диссертации заключается в анализе и обобщении всего корпуса археологических источников, свидетельствующих о проникновении и распространении христианства на обширной территории среднеазиатского региона. Изучение полевых археологических материалов по раскопкам кладбища при церкви (об. IV) на городище Ак-Бешим (Архив ИА РАН), полевой документации по раскопкам могильника на городище Дурмон-тепе (ГМВ) и материалов диссертационного исследования Г.Я. Дресвянской с Байрам-алинского некрополя позволили автору диссертации выявить, обобщить и представить погребальный обряда христиан, прослеженный на территории Северного Хорасана, Согда и Юго-Западного Семиречья. В процессе работы над личным архивом Л.Р. Кызласова по раскопкам церкви (об. IV), автором диссертации введены в научный оборот дополнительные сведения по памятнику, опубликованы чертежи погребений, обнаруженные у стен церкви и план церкви с дополнениями [Михеева, 2021, с. 336–349]. Кроме того, опубликованы результаты работы с полевой документацией из личного архива Л.Р. Кызласова по объекту III (Погребальный комплекс) на городище Ак-Бешим, а также с полевыми документами из архивов по раскопкам могильников Дурмон-тепе, Дашти Урдакон и Байрам-алинского некрополя [Михеева, 2021]. Участие в 2021 г. в полевых раскопках монастырского комплекса церквей на городище Ак-Бешим (об. VIII) позволило использовать результаты работ в диссертации, а также ввести в научный оборот обнаруженные археологические предметы этого полевого сезона [Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 201–213].

Научная новизна работы. В данной работе впервые собран полный корпус археологических источников по христианству в Средней Азии: сооружения, погребальный обряд, предметы, используемые при храмах или монастырях, предметы личного благочестия, данные нумизматики и эпиграфики. Анализ археологических материалов и письменных источников позволит представить общую картину появления и распространения христианских общин и христианства в целом, на всей территории Средней Азии и Южного Казахстана, с IV до нач. XIII вв. Автором диссертации была исследована значительная часть архивных полевых документов по раскопкам прошлых лет, благодаря которым была дополнена информация по

важнейшим памятникам Средней Азии: Байрам-алинский некрополь, могильник Дурмон-тепе, могильник Дашти Урдакон, церковь с кладбищем (об. IV) и монастырский комплекс (об. VIII) на городище Ак-Бешим. Часть этих архивных документов была опубликована автором диссертации впервые.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты и выводы диссертации могут быть использованы для изучения общих вопросов по истории и археологии христианства в Средней Азии и сопредельных странах; при разработке специальных курсов и лекций, посвященных вопросам религии или идеологии обществ, проживавших в средневековый период на исторических землях среднеазиатского региона; для написания научных статей и публикаций в ведущих научных журналах, энциклопедиях и монографиях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Строительство христианских церквей и монастырей на территории Средней Азии происходило по определенным правилам и канонам. Согласно этим правилам, к настоящему времени известно о четырех археологических памятниках, достоверно интерпретируемых как христианские культовые сооружения:

- 1) церковь базиликального типа — Хароба-Кошук (Туркмения, V–VI вв.);
- 2) христианский монастырь в Ургуте (Узбекистан, ок. Ургута, IX–нач. XIII вв.)
- 3) церковь с кладбищем (об. IV) на городище Ак-Бешим (Семиречье, VIII в.)
- 4) монастырский комплекс церквей на городище Ак-Бешим (Семиречье, X–XI вв.).

Такие памятники, как «Овальный» дом (Туркмения; V–VI вв.), Коштепа (Узбекистан; кон. VII — нач. VIII вв.), Коштепа в Нахшабе (Узбекистан; втор. пол VI в. — пер. четв. VII в.) и Айваджский монастырь (Таджикистан; V–VIII вв.), на взгляд автора, следует относить к сооружениям христианского культа осторожно. Планировка этих сооружений не соответствует церковным строительным правилам и приемам, известным к этому времени по церквям и монастырям Ирана и Ирака и Средней Азии.

2. Христиане Средней Азии определенно хоронили своих умерших по обряду трупоположения. Погребения могли совершаться как на зороастрийских, так и на мусульманских кладбищах. Вероятно, допускались и захоронения христиан по зороастрийскому обряду в сосудах-костехранилищах (оссуариях). На территории Согда и Юго-Западного Семиречья захоронение христиан по обряду трупоположения прослеживается с VIII в. С XIII в. в Юго-Западном и Северо-Восточном Семиречье также фиксируются христианские некрополи (Кара-Джигачский, Буранинский и Илибалык).

3. Находки керамических плакеток и фрагментов керамики со штампованными изображениями крестов, а также металлических крестов и подвесок показывают взаимовлияние и тесное взаимодействие христианских общин Мерва, Согда, Хорезма, Чача, Уструшаны и Юго-

Западного Семиречья на протяжении всей истории существования христианства на этих территориях.

4. Нательные кресты, найденные в пределах Согда и Чача, имеют практически прямые аналогии с находками в Юго-Западном Семиречье, где фиксируется значительная часть обнаруженных крестов. Датировка крестов широкая — с VIII по XIV вв. Формы крестов разнообразные, однако следует признать, что форма равностороннего креста с расширяющимися ветвями от центра к краям и с перлами на оконечностях, а также форма с удлиненной вертикальной ветвью, с расширяющимися ветвями от центра к краям, также чаще с перлами на концах для территории Средней Азии является преобладающей. Объемные кресты со сложнопрофилированными ветвями также чаще встречаются в пределах Юго-Западного Семиречья. Для этих территорий также характерны находки крестовключенных подвесок, датируемые в основном с XII по XIV вв. Возможно, это связано с определенной традицией завуалированности христианских символов в указанных областях именно в этот период.

5. Находки монет с изображением креста на аверсе или реверсе показывают, что христианство в Северном Хорасане, Согде, Уструшане, Чаче и Хорезме было социально интегрировано, и вполне вероятно, что такие монеты могли выполнять определенную хозяйственную и административную функцию. После VIII в. монеты с изображением равностороннего креста в этих областях перестают фиксироваться, и хождение там имели лишь подражания византийским солидам. Вероятно, это связано с постепенной исламизацией региона несмотря на то, что арабы были относительно терпимы к христианскому населению.

6. Археологические источники позволяют проследить следующие этапы появления и распространения христианства на территории Средней Азии. Впервые оно фиксируется в Северном Хорасане не ранее IV — начала V в., и до VII в. материальная культура христиан на этой территории прослеживается довольно убедительно. Интересно, что в соседнем историко-культурном регионе — Северном Тохаристане — следы столь раннего присутствия христиан как будто бы также прослеживаются, к ним относятся: Айваджский монастырь (V–VIII вв.), могильник Биттепа (VII–VIII вв.) и брактеат Анастасия (начало VI в.). Однако возникает ряд сложностей с интерпретацией Айваджского монастыря и могильника Биттепа, которые одними специалистами связываются с христианством, а другими — с буддизмом и манихейством. В этой связи необходимо отметить, что в пределах Северного Хорасана в тот же самый временной промежуток также сосуществовали различные религии: зороастризм, буддизм и христианство.

В VII–VIII вв. в результате продвижения в восточном и северо-восточном направлениях христианство начало появляться и прочно укрепляться в первую очередь в Согде, постепенно распространяясь в направлении Уструшаны и Чача. Следует выделить Хорезм, где находки христианского культа фиксируются не ранее первой половины VIII в. В это же время, вероятно,

через Согд происходило распространение христианства в Семиречье — Чуйскую и Таласскую долины. Следы материальной культуры христиан Согда, Уструшаны и Чача (монеты, нательные кресты, посуда с христианской символикой, церковно-храмовые предметы) датируются в пределах VIII — начала XII в., на территории Семиречья — VIII–XI вв. Это второй этап распространения христианства в Средней Азии.

В XI–XII вв. на территории Северного Хорасана, Согда, Хорезма, Ферганы и Чача предметы христианского культа встречаются на отдельных памятниках (Хароба-Кошук, Ургутский монастырь, Андижан, городище Канка) или случайными находками без точной археологической привязки к тому или иному объекту.

Третий этап распространения христианства на территории Средней Азии в большей степени связан с регионом Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья, где с начала XIII в. и до конца XIV в. в среде тюркского населения существовали восточно-сирийские христианские общины.

Степень достоверности результатов. В процессе подготовки диссертации автором была проведена научная архивная работа с полевыми археологическими отчетами и личными полевыми дневниками, хранящимся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Бишкека (КР). В полевом сезоне 2021 г. автор диссертации приняла непосредственное участие в раскопках монастырского комплекса церковей (об. VIII) на городище Ак-Бешим в Кыргызстане. Подготовлен научный полевой отчет по результатам работ, материалы из которого частично вошли в диссертационное исследование автора.

Апробация результатов работы. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседаниях Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, на всероссийских и международных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге и Бишкеке (КР). По результатам исследования автором диссертации было опубликовано пятнадцать научных работ, в том числе четыре статьи в рекомендованных ВАК РФ изданиях (журналы: Российская археология, ПИФК, КСИА, Археологические вести). В 2022 г. диссертантом была подготовлена научная статья в соавторстве с ведущими специалистами из Кыргызстана и Японии [Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022].

Структура диссертации. Диссертация состоит из трех томов. Первый том: введение, четыре главы, заключение, список сокращений, архивные источники, термины, источники и литература. Во втором томе представлены таблицы, в третьем — альбом иллюстраций.

Глава 1. Историография археологического изучения христианства на территории Средней Азии

Исторически сложилось так, что открытие археологического памятника на территории Средней Азии, тем или иным образом связанного с христианством, становится своеобразным импульсом к возрастанию интереса к данной проблеме, и в итоге — к публикациям как небольших заметок, так и полноценных научных статей.

Впервые историография археологического изучения христианских памятников на территории Средней Азии была представлена в кандидатской диссертации Г.Я. Дресвянской, защищённой ею в 1968 г. на историческом факультете кафедры археологии Средней Азии в Ташкенте [Дресвянская, 1968b, с. 4–18]. Несмотря на то, что тема диссертации охватывала в основном памятники, обнаруженные и раскопанные силами ЮТАКЭ на территории Туркмении, историографический очерк в этой работе охватывал христианские объекты и предметы, известные к тому моменту на всей территории Средней Азии и Южного Казахстана. Однако с 1968 г. прошло более 50 лет, и за этот период было открыто много других памятников, интерпретируемых как христианские, накоплено большое количество публикаций по этой теме, поэтому написание данного историографического очерка в настоящее время стало крайне необходимым и востребованным.

К сожалению, после распада Советского Союза появились определенные сложности с доступом к научным работам специалистов из стран СНГ, поэтому собрать весь корпус публикаций по теме археологического изучения христианства на территории Средней Азии непросто, и эту проблему необходимо принимать во внимание. Вторая сложность: вследствие большой территориальной разбросанности археологических памятников, некрополей, индивидуальных находок, найденных в пределах среднеазиатского региона, библиография по этим объектам обширна, поэтому в данной работе будут учитываться только самые важные и основополагающие издания.

Археологическое изучение христианских памятников¹ на территории Средней Азии началось в Семиречье (Кыргызстан) с открытия в мае 1885 г. военным врачом Пишпекского госпиталя Ф.В. Поярковым около Токмака (совр. г. Токмок) кладбища с надгробными камнями с изображением креста и надписями [Поярков, 1897, с. 1–28]. Практически параллельно, в начале июня 1885 г. вблизи Пишпека (совр. Бишкек) топографом межевого отделения Семиреченского областного правления В.А. Андреевым было открыто еще одно кладбище с надгробными

¹ Под христианским памятником в данной работе понимается археологический объект, который по определенным характеристикам соотносится с христианством.

камнями (кайраками)² с надписями и изображениями крестов. Сведения об этих открытиях поступили в Императорскую археологическую комиссию, и по ряду причин именно востоковед Н.Н. Пантусов приступил к изучению этих двух кладбищ [Самигулин, 2011, с. 18–19].

Краткая историография открытия семиреченских кладбищ.

Об открытии Ф.В. Пояркова впервые общество узнало в ноябре 1885 г. из известной в то время газеты «Восточное обозрение»³, главной газеты всей Азиатской России, издававшейся в Петербурге [Восточное обозрение, 1885]. Раскопки памятника начались в этом же году, и через полгода, в Петербурге, в марте 1886 г. барон В.Р. Розен предложил Императорской археологической комиссии взять на себя руководящую роль в исследовании данных камней, изучение и перевод которых был полностью поручен ведущему в то время специалисту семитологу и востоковеду — проф. Д.А. Хвольсону [Древности восточные, 1889, с. VII–VIII, XI].

Открытие этих двух кладбищ было настолько неожиданным, что вызвало небывалый интерес к теме восточного христианства как в России, так и на территории Средней Азии. Практически друг за другом стали публиковаться заметки и статьи в Ташкенте, Москве, и в Петербурге [Туркестанские ведомости, 1886, № 1, с. 3; № 9, с. 86; № 15, с. 59; № 18, № 19; № 46; Московские ведомости, 1886].

В Ташкенте в первом же номере Туркестанских ведомостей⁴ от 7 января 1886 г. было отмечено, что в Чуйской долине, в Токмакском уезде, были найдены два древних христианских кладбища. Одно открыто доктором Ф.В. Поярковым, второе — топографом В.А. Андреевым. Кладбище около Пишпека довольно большое; и на всей территории разбросано множество

² Кайрак — камень, из твердой горной породы, отшлифованный водой, обычно серого или черного цвета. На одной из сторон камня, иногда с двух сторон, выбивался крест и надпись на сирийском языке. Впервые такие камни были обнаружены в Семиречье и Восточном Туркестане в конце XIX в. — начала XX в. Помимо сирийских надписей, на камнях встречаются мусульманские и буддийские надписи и символика. Кайрак устанавливался в изголовье умершего в качестве надгробного камня с эпитафией.

³ «Восточное обозрение» — литературно-политическая газета, которая издавалась с 1886 по 1906 гг. До 1886 г. — в Петербурге, далее в Иркутске. Газета выходила еженедельно, затем 3 раза в неделю, а с 1898 г. — ежедневно. Основателем и редактором газеты был Н.М. Ядринцев [Попов, 1989].

⁴ Газета «Туркестанские ведомости» была создана в 1870 г. после завоевания Российской империей Туркестана и была официальным органом Туркестанского генерал-губернаторства. Издавалась в Ташкенте с 1870 по 1917 годы. Газета включала две рубрики: официальную — в ней печатались приказы и распоряжения Туркестанского генерал-губернаторства; неофициальная — в которой печатались научные статьи, исторические и географические заметки, публикации о культурной жизни и статистические данные. Цель газеты: внедрение идеологии государства путем распространения официальной информации. Газета выходила до 15 декабря 1917 г. [Шадманова С. Вестник архивиста. 2009, № 3 (107). С. 23–37]. В газете особый интерес представляют статьи и заметки по истории и археологии Средней Азии.

надгробных камней с надписями и крестами» [Туркестанские ведомости, № 1, от 7 января 1886 г., с. 3].

В марте этого же года в Туркестанских ведомостях вновь была опубликована заметка редактора Н. Маева «Языческие и христианские древности в Семиречье», в которой упоминалось со ссылкой на газету «Восточное обозрение» об открытии кладбища около Токмака, каменных баб и кладбища около Пишпека. Н. Маев отмечал, что камни около Пишпека найдены в больших количествах (17 шт.). С шестнадцати камней были сделаны рисунки. Камни располагались на древнем кладбище, на котором сохранились могилы и курганы. На всех камнях изображался крест, преимущественно одной формы. Сами надписи еще не прочитаны, но выяснилось, что они являются «... сирийским письмом несторианцев-христиан» [Туркестанские ведомости] от 4 марта 1886 г. № 9, с. 86]. Н. Маевым упоминалась Каталонская карта древнего Китая 1375 г. на которой на южном берегу озера Иссык-Куль, якобы изображен несторианский монастырь, с хранившимися в нем мощами Святого Апостола и евангелиста Матфея. Автором подчеркивалось, что дальнейшее изучение христианских древностей в Семиречье имеет огромное значение для науки [Туркестанские ведомости, 1886, № 9, с. 86].

Тем временем, в Петербурге, 7 марта 1886 г. был подготовлен первый выпуск Записок Восточного отделения Императорского Русского археологического общества [Протоколы заседаний Императорского ..., 1887, с. IX]. В этом выпуске в рубрике «Мелкие заметки и Известия» было опубликовано письмо доктора Пояркова, напечатанное впервые в газете «Восточное обозрение» от 14/XI. 1885 г., об открытии им христианского кладбища близ Токмака и примечание редакции журнала о сообщении Н.Н. Пантусова об открытии аналогичного кладбища близ Пишпека [Пантусов, 1887, с. 33–34]. Редакция отмечала, что еще до появления статьи Ф.В. Пояркова к ним пришло известие Н.Н. Пантусова о найденном около Пишпека древнехристианском кладбище. Но все же первенство открытия необходимо отдать Ф.М. Пояркову, который сделал это в мае 1885 г., а кладбище около Пишпека было открыто В.А. Андреевым уже в июне [Поярков, 1897, с. 2].

1 апреля 1886 г. в Петербурге, на заседании Историко-филологического отделения императорской Академии наук Н. Ядринцевым, основателем и главным редактором газеты «Восточное обозрение», был зачитан доклад «Археологические изыскания и открытия доктора Пояркова близ Токмака». Впоследствии данный доклад был опубликован в Записках Академии Наук [Ядринцев, 1886, с. 152–164]. В докладе сообщалось, что полгода назад появились известия об открытии близ Пишпека и Токмака ряда могильников, на которых находились камни с загадочными надписями и крестами. Кладбище около Пишпека было открыто топографом В.А. Андреевым, производившем там съемку. Н.Н. Пантусов как корреспондент Императорского Российского археологического Общества сообщил об этом Обществу и доставил описание

кладбища и три камня. Одновременно в Токмаке доктор Ф.В. Поярков, проводя антропологические и археологические работы в крае, открыл кладбище около Токмака. По просьбе Ф.В. Пояркова камни, найденные около Токмака и Пишпека, были отфотографированы и снимки переданы Ядринцеву, который в свою очередь передал их академику В. Радлову, а последний — профессору Д.А. Хвольсону. Благодаря трем камням и фотографиям Д.А. Хвольсон смог прочесть надписи на сирийском языке. Наиболее деятельное участие было принято Ф.В. Поярковым, который также посетил Пишпекское кладбище. И так как Ф.В. Поярков некоторым образом был связан с наукой, он был принят под покровительство Императорского Российского археологического Общества. Затем Н. Ядринцевым приводится полный текст статьи Ф.В. Пояркова [Ядринцев, 1886, с. 152–164].

Через месяц, 22 апреля, в Туркестанских ведомостях вышла еще одна заметка Н. Маева о годовом заседании Императорского Московского Археологического общества 14 марта 1886 г., на котором М.В. Никольским было сделано сообщение о сирийских надписях в Семиреченской области. Фотографии камней и общую информацию о кладбище около Пишпека М. Никольскому предоставил Н.Н. Пантусов. В заметке сказано, что М. Никольскому из девяти надписей удалось разобрать одну, в которой указан 1629 год; за которым следовало имя, и далее эпитет «верующий», который употреблялся только у христиан несторианского толка. На другой надписи лишь частично определился год, слово «гроб» и имя. На основании этих двух надписей, как указывал Н. Маев, М. Никольский пришел к выводу, что камни принадлежат христианам-несторианам, которые использовали селевкидскую эру летоисчисления, а следовательно, датируются началом XIV в., временем, когда следы присутствия христианства можно проследить на территории Средней Азии. В заметке также отмечено, что Д.Н. Анучин сообщил на заседании, что аналогичные камни были найдены доктором Ф.В. Поярковым около Токмака. Снимки с этого кладбища он обязался доставить М. Никольскому для последующего изучения. Кроме этого, как следует из заметки, Общество постановило Н.Н. Пантусову и Ф.В. Пояркову сделать более точные снимки с надписей и прислать лучшие из них Обществу в Москву, при этом все оплатить за счет Императорского Московского археологического общества, а также избрать Н.Н. Пантусова и Ф.В. Пояркова в члены-корреспонденты Общества [Туркестанские ведомости, 1886, № 15, с. 59].

Новость об открытии двух христианских кладбищ вызвала большой интерес в среде образованных жителей Туркестанского края. В Ташкенте в номерах от 13 и 20 мая 1886 г. (№ 18, 19) Туркестанских ведомостей в неофициальной рубрике вышла большая статья М. Лютова «Несторианство в Средней Азии». Кратко упомянув о возникновении несторианства в Византии и последующем изгнании его последователей в Персию, автор подробно останавливался на появлении и распространении христиан-несториан в пределах Средней Азии и Китая: в

Самарканде, Кашгаре, Яркенде, Хотане и Каракоруме. М. Лютов отмечал, что благодаря европейским путешественникам (Плано Карпини, Рубруквис, Марко Поло) и целенаправленным миссионерским католическим миссиям в Монгольские улусы, мы можем узнать о христианах-несторианах и несторианстве в целом в XI–XIII вв., их положении среди мусульманского большинства и постепенном возрастании и влиянии католического христианства в этих областях. Автор заметки описывал историю появления и укрепления несторианства на территории Средней Азии, опираясь, главным образом, на письменные источники [Лютов, 1886. Туркестанские ведомости, 1886, № 18 (начало), 19 (окончание)].

25 ноября 1886 г. в Туркестанских ведомостях (№ 46) вышла небольшая заметка: «Памятники несторианства в Средней Азии», написанная А.С., в которой содержался краткий очерк опубликованных ранее отдельным оттиском в Записках Восточного отделения Императорского русского археологического общества первых заметок Н.Н. Пантусова и Д.А. Хвольсона о кладбищах близ Пишпека и Токмака. Интересно отметить, что А.С. привел две надписи, изученные и переведенные Д.А. Хвольсоном, № 1 и № 9, считая, что дата надписи №1 — 858 г. позволяет заключить, что несториане появились в пределах Семиречья уже в VIII в. и принесли с собой «...семена европейской цивилизации...», что, по мнению автора заметки, являлось очень важным для европейцев, живущих в пределах Средней Азии [Туркестанские ведомости, 1886, № 46]. Правда, позже Д.А. Хвольсон пересмотрел дату надписи № 1 на более позднюю, что соответствует общей хронологии надписей на надгробных камнях с этих двух кладбищ.

Открытие христианских памятников не осталось незамеченным для других специалистов. В 1886 г. профессором Санкт-Петербургского университета Н.И. Веселовским, был прочитан курс по «Истории Востока» для первокурсников, где он упомянул об открытии несторианских памятников около Пишпека и Токмака в Киргизии. Курс лекций был впоследствии опубликован в 1887 г. и переиздан, но уже для студентов третьего курса [Веселовский, История Востока., 1886–87 уч. год., с. 45; 1893].

В конце ноября 1886 г. в известной газете Московские ведомости была опубликована заметка М.В. Никольского «О сирских надгробных надписях, найденных в Семиреченской области» [Московские ведомости от 29 ноября 1886 г.] В заметке шла речь о неожиданном открытии, которое было сделано «...на нашем дальнем Востоке, в Семиреченской области...» [Никольский М., 1886. Московские ведомости от 29 ноября 1886 г.]. В ней сказано, что старший чиновник особых поручений, Н.Н. Пантусов, в конце 1885 г. прислал в Московское Археологическое общество описание христианского кладбища около Пишпека в Чуйской долине (далее следует краткое описание этого кладбища). Затем сообщалось, что независимо от Н.Н. Пантусова, старший врач Токмакского военного лазарета Ф.В. Поярков также передал в

Общество снимки с надписей, найденных им в том же месте (вероятно, автор имеет ввиду Семиречье в целом). 14 марта состоялось заседание Московского археологического общества, на котором был поднят вопрос о присланных материалах, и было предложено, что эти надписи принадлежат несторианам, проживавшим в этой местности в конце XIII и в начале XIV в. Московское археологическое Общество заинтересовалось этими открытиями и поручило Н.Н. Пантусову и Ф.В. Пояркову продолжить исследование этих памятников, избрав их в свои члены-корреспонденты и снабдив их необходимыми средствами и поручениями. Далее в статье отмечалось, что так как аналогичные снимки с этих двух памятников были отправлены в Петербург, в Археологическую комиссию, то и петербургские ориенталисты сразу высказали свое мнение об этом открытии. В частности, профессор Д.А. Хвольсон прочел доклад о сирийских надписях в Петербургском университете, а затем опубликовал в ЗВОРАО вместе с описанием Пантусова и свои заметки. М.В. Никольский писал, что Хвольсон «...с интересом и энергией, достойными сего дела, взялся за изучение этого нового археологического материала» [Никольский М.В., 1886. Московские ведомости от 29 ноября 1886 г.]. Благодаря консультациям тюрколога В.В. Радлова и профессора Нельдеке, ему удалось объяснить некоторые фрагменты в надписях, которые были непонятны в Московском археологическом Обществе. Далее М.В. Никольский отмечал, что настоящая научная работа над фотографиями и оригиналами (камнями) только началась, и выражал надежду, что петербургские ориенталисты будут успешно изучать этот материал. Тем не менее, сквозь строки можно заметить, что М.В. Никольский не совсем доволен тем, что Д.А. Хвольсон предложил только свою кандидатуру в изучении сирийских надписей, так как, со слов Д.А. Хвольсона, только в Петербурге есть все условия для тщательного изучения этих надписей. При этом М.В. Никольский замечает, что «...монополизация исследования этого вопроса, на которую претендует г. Хвольсон, ни внушает нам ни малейшего чувства зависти» [Никольский М.В. 1886. Московские ведомости от 29 ноября 1886 г.]. Однако, по мнению М.В. Никольского, такое решительное желание монополизирования этого вопроса отнимает надежду у московских востоковедов в изучении этих надписей, которые готовы к исследованию этих камней и их снимков [Никольский М.В. 1886. Московские ведомости от 29 ноября 1886 г.]. М.В. Никольский отмечает, что в одном вопросе Д.А. Хвольсон прав. В Москве между востоковедами, которые имелись и в университетах, и в Лазаревском Институте, нет общего объединяющего центра, каким в Петербурге было Восточное отделение Императорского Русского археологического Общества. В связи с этим, как пишет М.В. Никольский, образование подобного кружка в Москве было бы очень важным и желательным, и данное открытие может стать настоящим толчком к объединению ориенталистов Москвы для успешного научного изучения вопросов востоковедения [Никольский М.В., 1886. Московские ведомости от 29 ноября 1886 г.].

К этому времени в Петербурге Д.А. Хвольсон в «Мемуарах Императорской Академии наук» на немецком языке опубликовал перевод первых 22 надписей с камней [Chwolson, 1886, 1–30, с. 31–32, фото камней], а в 1886 г. был подготовлен первый выпуск ЗВОРАО, в котором было перепечатано письмо Ф.В. Пояркова, вышедшее впервые в газете «Восточное обозрение» от 14/XI. 1885 г., об открытии им христианского кладбища близ Токмака и примечание редакции журнала о сообщении Н.Н. Пантусова об открытии аналогичного кладбища близ Пишпека [Поярков, 1886, с. 33–34].

Археологические работы на памятнике начались осенью 1885 г., а в январе 1887 г. в ИАК Н.Н. Пантусов прислал первую рукописную статью о проведенных им археологических работах на Пишпекском кладбище [Пантусов, 1887. Описание ... с. 1–7]. В 1887 г. были опубликованы первые официальные результаты археологического исследования этих двух памятников [Пантусов, 1887, с. 74–83]. Н.Н. Пантусов сообщил, что около Пишпека, Токмакского уезда Семиреченской области, были найдены разбросанными камни с надписями и крестами. Камни представляли собой валуны твердой горной породы равной величины и располагались в изголовье могил, на западе. Некоторые могилы на поверхности выкладывались жженным кирпичом квадратной формы и располагались рядами. Признаков часовни или церкви не было обнаружено. Всего Н.Н. Пантусовым было насчитано 611 камней, остальная, их большая часть, находилась в земле, под травой, поэтому узнать точное количество кайраков не представлялось возможным. Н.Н. Пантусов упомянул о еще одном древнем христианском кладбище с аналогичными камнями около г. Токмака, недалеко от башни Бурана [Пантусов, 1887, с. 74–83].

Вслед за статьей Н.Н. Пантусова, в этом же номере ЗВОРАО были опубликованы предварительные заметки Д.А. Хвольсона о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях [Хвольсон, 1887, с. 84–109]. После изучения этих надписей, он заключил, что все они принадлежали христианам-несторианам и написаны сирийско-несторианским письмом. Имена собственные, даты и год написаны на тюркском языке, но сирийскими буквами. В конце заметки Д.А. Хвольсон дал краткую историческую справку о христианах-несторианах Семиречья, их появлении в Персии, а затем в Средней Азии. Именно в этой публикации Д.А. Хвольсоном была выражена готовность заниматься обработкой и изучением этого материала в течение нескольких лет [Хвольсон, 1887, с. 109], что, как уже было указано ранее, вызвало некоторое недоумение со стороны московских коллег [Никольский М.В., 1886. Московские ведомости от 29 ноября 1886 г.]. В этом же номере опубликована еще одна статья Д.А. Хвольсона о «Несторианских надписях из Семиречья» и «Дополнения и поправки к статьям „Несторианские надписи из Семиречья“», в которых Д.А. Хвольсон сделал ряд важных дополнений [Хвольсон, 1887, с. 303–308].

Открытие христианских кладбищ в Семиречье и возрастание интереса к древностям Востока привело к тому, что в Москве, 8 мая 1887 г. при Московском Археологическом обществе была создана особая Восточная комиссия, занимавшаяся изучением Востока [Древности восточные, 1889, с. 3–12].

26 февраля 1888 г., в Москве, на заседании Восточной комиссии С.С. Слущким был зачитан доклад «Семиреченские несторианские надписи», который был встречен учеными с огромным интересом. Через год, в 1889 г., данный доклад был опубликован в первом томе и выпуске Трудов Восточной комиссии Императорского Московского Археологического общества [Слущкий, 1889, с. 1–66],⁵ с изложением основных выводов, сделанных в результате прочтения семиреченских надписей. В продолжение этой темы вслед за докладом С.С. Слущкого публикуется статья известного тюрколога Ф.Е. Корша «О турецком языке семиреченских надгробных надписей», в которой им довольно подробно рассматривалась языковая принадлежность тюркских слов, встреченных на несторианских надгробиях около Токмака и Пишпека [Корш, 1889, с. 67–72].

В 1890 г. в Мемуарах Императорской Академии наук отдельной серией вышла большая публикация Д.А. Хвольсона на немецком языке, в которой он подробно рассматривал историческое и палеографическое значение более 230 надписей с камней, обнаруженных на кладбищах Пишпека и Токмака [Chwolson, 1890, p. 1–164]. Отдельным приложением последовала работа тюрколога В.В. Радлова с главой, в которой была приведена таблица шрифтов. Научное издание Д.А. Хвольсона стало некоторым обобщающим итогом его плодотворных изысканий в области эпиграфики сиро-тюркских эпитафий Семиречья.

В 1891 г. вышел второй выпуск Трудов Восточной комиссии, в котором С.С. Слущкий вновь возвратился к Семиреченским несторианским надписям и дал развернутую рецензию на вышедшую в 1890 г. на немецком языке книгу Д.А. Хвольсона, полностью посвященную сиро-несторианским надгробным камням в Семиречье [Слущкий, 1891, 176–194]. Определенная конкуренция между московскими и Санкт-Петербургскими коллегами все же присутствовала.

Следующие полевые исследования этих кладбищ возобновились в сентябре 1892 г., тогда Н.Н. Пантусовым и его помощником А.М. Фетисовым были продолжены работы по фотографированию и эстампированию надгробных камней с Пишпекского и Токмакского кладбищ [Самигулин, 2011, с. 27].

В продолжение темы надгробных камней с сирийскими надписями в 1894 г. известным востоковедом В.В. Бартольдом была опубликована большая статья «О христианстве в

⁵ Полное название: «Древности восточные. Труды восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. Под ред. М.В. Никольского.

Туркестане в до-монгольский период (По поводу семиреченских надписей)». В.В. Бартольд рассматривал историю христианства, опираясь главным образом на письменные свидетельства китайских и мусульманских источников [Бартольд, 1894, с. 1–32]. В основу этой работы легло его студенческое сочинение «О христианстве Средней Азии», написанное в 1888 г., за которое В.В. Бартольд был награжден серебряной медалью Восточного факультета Петербургского университета [Бартольд, 1964, с. 12]. В этой работе ученый с присущей ему тщательностью собрал из всех известных в то время мусульманских источников сведения о христианстве, буддизме и манихействе, а также данные о торговых путях, которыми активно пользовались религиозные миссионеры, определявшие, по мнению В.В. Бартольда, пути культурного общения [Бартольд, 1964, с. 13]. Дополнениями к этой работе служат статья «Еще о христианстве в Средней Азии» 1895 г. и пара небольших заметок, в которых приведены сведения о распространении христианства и их положении в Средней Азии уже при монголах: «Мусульманские известия о Чигизидах-христианах» (1892 г.) и «К вопросу о Чингизидах-христианах» (1915 г.). Все эти работы были собраны в один том и переизданы в 1964 г. [Бартольд, 1964, с. 265–302; 317–319; 415–418]. Стоит отметить, что эта работа до сих пор очень актуальна, пользуется большим авторитетом среди ученых и часто цитируется в научных публикациях.

В этом же году вышла статья Н.Я. Марра о надгробном камне из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1323 г. [Марр, 1894, с. 344–349]. Проведя лингвистический анализ надписи, прочерченной на камне, Н.Я. Марр предположил, что в Семиречье, в нач. XIII в. проживала значительная армянская колония. Автор признавал, что помимо этой надписи каких-то других существенных археологических доказательств армянского присутствия на данной территории нет, тем не менее другие косвенные признаки говорят о наличии целой общины православных христиан, проживавших в Семиречье в XII–XIII веках. В 1906 г. автор вновь вернулся к вопросу об армянах-халкедонитах (православных) и армянском монастыре XIV в. на Иссык-Куле [Кыргызстан; Марр, 1906, с. 1–58]. Используя письменные источники, Н.Я. Марр пришел к выводу, что халкедонство в Армении имело глубокие корни. В борьбе со своими противниками последователи халкедонства распались на грузинских, греческих и сирийских халкедонитов (мелькиты). Последние, по мнению автора, могли называться аркаунами. Армяне-халкедониты и аркауны проживали в Средней Азии с VIII в. в тесном общении с сирийскими мелькитами (православными), и возможно, в связи с этим в XIII в. монголы переняли термин аркаун [Марр, 1906, с. 57–58].

Продолжая работу над переводом сиро-тюркских эпитафий с Семиреченских кайраков, в 1894 г. Д.А. Хвольсон получил около 330 бумажных снимков еще неизданных на тот момент надписей, 12 из которых он перевел и опубликовал в 1895 г. в Восточных заметках [Хвольсон, 1895, с. 115–129]. В 1897 г., после раскопок Н.Н. Пантусова и А.М. Фетисова, Д.А. Хвольсон

вновь возвратился к сиро-тюркским эпитафиям и опубликовал отдельным изданием с новыми дополнениями еще несколько надписей с комментариями, переводом и выводами [Chwolson, 1897, p. 1–55].

В этом же году в Ташкенте был открыт Туркестанский кружок любителей археологии [Бартольд, 1895, с. 16]. В первый год деятельности этого кружка на заседании было зачитано послание, присланное Д.Н. Ровнягиным о башне Бурана и несторианском кладбище около «Ак-Пейшина» [Ровнягин, 1896, с. 42–43]. Если до этого периода изучением несторианских памятников занимались специалисты из Петербурга и Москвы, то в скором времени, поняв всю важность открытия, к проблеме подключились историки из Средней Азии и Ташкента.

На третий год существования кружка, в 1897 г., В.А. Каллаур сообщил о Ташрабатском ущелье и о сооружении, найденном там (монастырь Таш-Рабат). По мнению ученого, расположение памятника и его планировка говорят о том, что это несторианский монастырь [Каллаур, год 3–1, с. 116–121]. В третьем же номере Протоколов Туркестанского Кружка любителей археологии вышла объемная работа А. Корчагина об исторической судьбе несторианства в Персии и Средней Азии. Касаясь вопроса об истории возникновения и распространения несторианства в Персии и Средней Азии, автор затрагивал церковный быт и археологические свидетельства христианства в Киргизии [Корчагин, 1897. год 3-й, с. 96–115, 181–203].

В 1901 г. в ПТКЛА была опубликована заметка о якобы найденном намогильном камне около Таш-Рабата, на котором, по мнению местного священника М.О. Абрамова, сохранилась эпитафия на сирийском языке [Абрамов, 1901, с. 38]. Следует отметить, что до настоящего времени камень не обнаружен и никаких сведений о данной находке нет. Императорская археологическая комиссия попросила Н.Н. Пантусова провести на памятнике научные исследования. Результаты этих работ были опубликованы уже в 1902 г. в Известиях императорской археологической комиссии. В своей статье «Таш-Рабат» автор, вслед за В.А. Каллауром, также предположил, что данное сооружение представляет собой развалины несторианского монастыря [Пантусов, 1902, с. 15–23]. В тот период В.А. Каллауром и Н.Н. Пантусовым была заложена историография исследования этого памятника, к изучению которого на протяжении практически ста лет обращались разные ученые, как историки, так и археологи. До настоящего времени вопрос принадлежности этого объекта к христианству остается дискуссионным.

В начале XX в. в Семиречье были открыты еще два кладбища с сиро-тюркскими эпитафиями: около Алмалыка (на границе Казахстана и Китая; Пантусов, 1902, с. 52–54; Коковцов, 1906, с. 0190–0200), и на Иссык-куле, у села Покровское, на реке Зауке [Пантусов, 1909, с. 14–15]. Туркестанские ведомости тут же опубликовали небольшую заметку об открытии

нехристианских могил у села Покровское [Туркестанские ведомости, 1907, № 100]. Правда, раскопки на этих кладбищах не проводились, ограничились лишь упоминанием в заметках о найденных надгробных камнях.

В это время к изучению надписей на камнях подключился ученик Д.А. Хвольсона, известный востоковед П.К. Коковцов. В 1907 г. в Известиях Императорской академии наук П.К. Коковцовым был опубликован текст и перевод одиннадцати христианско-сирийских надгробных надписей из Алмалыка с подробными комментариями и лексико-грамматическим разбором сирийских слов [Коковцов, 1907, с. 427–458].

В 1908 г. Н.Н. Пантусов в Туркестанских ведомостях [Туркестанские ведомости, 1908, № 21] опубликовал заметку об открытии им кладбища около селения Покровского, Пржевальского уезда, которая затем вышла в Протоколах заседаний ТКЛА [Пантусов, 1909, с. 14–15]. На следующий год П.К. Коковцов вновь подготовил публикацию по новым семиреченским надписям с анализом всех предыдущих статей по этой теме [Коковцов, 1909, с. 773–796]. Основной акцент в этой работе был сделан на палеографическом, орфографическом и грамматическом изучении сиро-тюркских эпитафий. Уже тогда П.К. Коковцов обратил внимание на то, что было бы полезно обнаружить аналогичные памятники для понимания границ распространения в Семиречье в XIII–XIV вв. населения, тюркского по племенному составу и исповедовавшего христианство нехристианского толка. К настоящему времени открыто лишь одно кладбище с надгробными камнями и с эпитафиями на них — на городище Иланбалык/Илибалык (Казахстан), но находится оно у северо-восточных границ Семиречья. Отдельные камни с крестами и сиро-тюркскими эпитафиями встречались при раскопках Краснореченского городища и около башни Бурана. При исследовании Пишпекского и Токмакского кладбищ частично камни вывозились в Верный (в совет. вр. Алма-ата), какие-то в Петербург и Москву. Некоторые экземпляры камней «осели» в музеях Ашхабада, Ташкента, Пенджикента, Казани и Новосибирска, причем они были привезены именно из Семиречья [Дресвянская, 1968b, с. 9–10; Vorbone, Mikheeva, 2022, в печати].

В 1910 г. в Кауфманском сборнике в память 25-летия со дня смерти устроителя Туркестана К.П. Кауфмана вышла последняя (вероятно, посмертная) небольшая статья Н.Н. Пантусова (умер в 1909 г.) о христианских надгробных памятниках в Алмалыке с краткой информацией о них и иллюстрациями [Пантусов, 1910, с. 172–175]. Важнейший период исследования памятников христианства нехристианского толка на территории Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья постепенно завершился.

Конец XIX — нач. XX в. в истории изучения христианских археологических источников Средней Азии и Южного Казахстана в целом можно назвать периодом открытия и изучения нехристианских надгробных камней с сиро-тюркскими эпитафиями и крестами. Обнаружение

христианских кладбищ в Семиречье — это одновременно начало научного археологического и эпиграфического изучения материальных остатков тюркского населения, исповедовавшего христианство несторианского толка. Как верно было подмечено современными специалистами, открытие этих камней вызвало огромный интерес у лингвистов, семитологов, где основной акцент был сделан именно на прочтении и комментировании этих надписей. В итоге археологический контекст был заслонен именно филологическими исследованиями, и надо признать, что в большей степени кайраки рассматривались скорее, как эпиграфический и лингвистический источник, а не археологический [Кольченко, 2018, с. 48–103].

Вероятно, тема несторианства вдохновила историка Н.А. Ригана в 1909 г. опубликовать большую статью по истории персидского христианства, где основной акцент был сделан именно на среднеазиатском христианстве монгольского времени [Ригана, 1909, с. 603–622]. Ранее В.В. Болотовым был написан курс лекций по истории сиро-персидской церкви, который читался в Московском университете [Болотов, 1900, с. 428–454].

Первый период археологического изучения христианства на территории Средней Азии в основном относится к открытиям памятников в Семиреченской области и в южной области Казахстана. Это не говорит о том, что в пределах других среднеазиатских областей не проводилось археологических изысканий. Археологические раскопки проводились в Самарканде (городище Афрасиаб), Ташкенте, Мерве (Туркмения). Основной задачей дореволюционного времени являлось сохранение архитектурных памятников, а сами раскопки проводились небольшими площадями и носили скорее характер разведывательных, а порой и стихийных. После революции 1917 г. создаются определенные археологические комитеты, контролирующие научно-археологические изыскания. Помимо Самарканда и Ташкента обследуются исторические памятники Бухары, Хивы, Карши, г. Туркестана, Ферганы, Чимкентский, Аулиетинский районы, долины р. Чу и оз. Иссык-Куль, Хорезма, Туркменистана и Киргизии [Лунин, 1990, с. 37–44]. Организуются комплексные археологические экспедиции, задачей которых становится полное и всестороннее исследование памятников [Массон, 1956, с. 5–40]. Археологическое исследование и археологическая наука выходят на профессиональный и качественный уровень.

Несмотря на всеобщий обхват изучаемых территорий⁶, находок именно христианского культа или памятников религиозного характера было немного, а если таковые встречались, то

⁶ В 1865 г. была образована Туркестанская обл., входившая в состав Оренбургского генерал-губернаторства. В 1867 г. она была преобразована в самостоятельное Туркестанское генерал-губернаторство, включавшее Сырдарьинскую обл. с центром в Ташкенте и Семиреченскую с центром в Верном. В 1868 г. к Российской империи был присоединен Бухарский эмират, в 1873 г. — Хивинское ханство, в 1885 г. — Закаспийский край. С 1886 г. завоеванные области официально стали называться Туркестанским краем. В апреле 1918 г. на территории Русского Туркестана была образована Туркестанская Автономная Советская Социалистическая

ученые не спешили их публиковать. Отметим, что период становления и укрепления советской власти известен своим негативным отношением к религии и религиозным древностям, поэтому если какие-то археологические артефакты обнаруживались, то ни статей, ни заметок по находкам не выходило, сама тема религиозных древностей была непопулярной и неактуальной.

Издавались в основном статьи исторического характера. В 1925 г. вышло второе издание лекций В.В. Бартольда по истории изучения Востока в Европе и России, прочитанных в университете СПбГУ и в Ленинградском институте живых восточных языков, в которых автор упоминает о памятниках христианства (несторианства) с сирийскими надписями, найденными в 1885 г. около Пишпека и Токмака [Бартольд, 1925]. Отдельные вопросы восточного христианства рассматривались известными историками Н.В. Пигулевской, А. Ранович, Р.Ю. Виппер [Пигулевская, 1940; Ранович, 1935; Виппер, 1938].

В 1926 г. В.Д. Городецкий опубликовал статью о наборе серебряной посуды, который случайно был найден в 1923 г. местными жителями села Покровского в Киргизии [Городецкий, 1926, с. 77–81]. Набор состоял из блюда, кружки с художественно оформленной ручкой и кувшина. На дне кувшина были набиты пять равноконечных крестов, которые позволили автору отнести весь набор к кругу христианских древностей. Это одна из первых работ, после длительного перерыва освещающая археологические предметы христианского культа. К примеру, в 1927 г. известный среднеазиатский археолог М.Е. Массон обнаружил на городище Бурана обожженный продолговатый кирпич с изображением прямого креста с косой перекладиной у его подножья (XI–XIII вв.), но информация об этой находке будет отмечена только в 1968 г., в диссертации Г.Я. Дресвянской [Дресвянская, 1968b, с. 9–10]. Обнаруженный в 1938 г. на городище Красная Речка (Кыргызстан) фрагмент надгробного жженного кирпича с изображением креста и надписью на сиро-тюркском языке не был внесен А.Н. Бернштамом в том трудов по экспедиции, а был лишь вскользь упомянут в примечании [Бернштам, 1950, с. 20, примеч. 2]. И только в 1963 г. А.Я. Борисовым был опубликован перевод надписи с комментариями, хотя последний узнал о находке практически сразу [Борисов, 1963, с. 56–57].

В 1938 г. при раскопках древнего Тараза (Казахстан), в его северо-восточном углу, в V слое (VI–VIII вв.), были найдены предметы, по мнению А.Н. Бернштама, культового назначения. Среди находок — небольшой глиняный сосуд желтовато-красного лощения со следами петлеобразной ручки и трехстрочной сирийской надписью, нанесенной размашисто до обжига сосуда. Сосуд сделан из местной глины, вероятно, в Таразе [Бернштам, 1941, с. 21–22]. Через 10 лет, в 1948 г. посмертно была подготовлена статья А.Я. Борисова, в которой он относит

Республика. После национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924–1925 гг. на территории Туркестана были образованы Советские Республики.

сосуд из Тараза к христианам-яковитам, основываясь на манере письма, характерной для западной, яковитской школы. Текст на сосуде содержал два христианских имени: Петр и Гавриил [Борисов, 1948, с. 108–109].

В 1940-х гг. в Ташкенте, на кафедре археологии САГУ профессором М.Е. Массоном читался курс лекций по археологии, в которых большое внимание уделялось памятникам христианства в пределах среднеазиатского региона [Дресвянская, 1968b, с. 14–15].

В 1946 г. при раскопках на городище Афрасиаб (Самарканд, Узбекистан), археологами был обнаружен бронзовый нательный крест по типу несторианского (VI — нач. VIII вв.). Крест равноконечный, с расширяющимися концами, по краям которых располагались украшения (перлы). Первоначально информация о кресте была включена в кандидатскую диссертацию А.И. Тереножкина «Согд и Чач», а затем опубликована в 1950 г. в иллюстративной части автореферата кандидатской диссертации [Тереножкин, 1950, с. 166, рис. 72, 2]. Никакой дополнительной информации по кресту автор в своей публикации не приводил.

В Туркмении в 1950 г. был обнаружен памятник, признанный некоторыми специалистами как сооружение монастырского типа, в котором проживали христиане-мелькиты Мерва. В науку название памятника вошло как «Овальное» здание или общественный дом типа «Ханако». С 1953 г. на памятнике начались стационарные раскопки и с некоторыми перерывами продолжались до 1964 г. [Дресвянская, 1974, с. 155–181]. Первые сведения о памятнике появились в 1968 г. в кандидатской диссертации Г.Я. Дресвянской [Дресвянская, 1968b, с. 76–114; 1969, с. 83–88]. Впоследствии раскопки на памятнике проводили археологи как по направлению от ЮТАКЭ, так и от Института археологии Москвы [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 5].

Настоящим открытием для среднеазиатской христианской археологии стали раскопки в 1953–1954 гг. Чуйским отрядом ККАЭЭ христианской церкви VIII в. с погребениями (об. IV) на городище Ак-Бешим в Киргизии [Кызласов Л.Р., 1959, с. 231–233; 2006, с. 314–322]. Памятник был исследован практически полностью, прослежена планировка сооружения, а под его стенами, внутри и с внешней стороны обнаружены христианские и мусульманские погребения. Руководителю раскопок Л.Р. Кызласову в 1959 г. в силу определенных обстоятельств было сложно опубликовать весь материал по церкви, поэтому им был дан лишь краткий обзор полевых работ, выводы и результаты.

Первая публикация по памятнику вышла в 1959 г. [Кызласов Л.Р., 1959, с. 155–237]. В 2006 г. в своей книге «Городская цивилизация Средней и Северной Азии» Л.Р. Кызласов вновь возвращается к христианской церкви и вводит в научный оборот часть иллюстраций по памятнику [Кызласов Л.Р., 2006, с. 219–354; Kyzlasov L.R., 2010, p. 355–363].

Одновременно на другом конце среднеазиатского региона — в Туркмении, специалистами ЮТАКЭ, был открыт ещё один памятник — церковь базиликального типа Хароба-Кошук (V–VI вв.; Пугаченкова, 1954, с. 15–19). Первые обследования памятника начались в 1954 г. известным советским искусствоведом Г.А. Пугаченковой, которая на основании его архитектурных особенностей предложила интерпретировать его как христианскую церковь.

Можно сказать, что 1954 г. оказался довольно плодотворным для изучения археологических памятников, связанных тем или иным образом с христианством. В Семиречье была открыта церковь с погребениями VIII в. на городище Ак-Бешим, в Туркмении — церковь V–VI вв. Хароба-Кошук, а совсем недалеко от нее, в этом же году совершенно случайно был обнаружен памятник, получивший впоследствии название некрополь «Древнего Мерва» или «Байрам-алинский некрополь». Работы на памятнике начались в 1954 г. и продолжались с перерывами до сер. 1970-х гг. Первые результаты раскопок были изданы в одном из томов Трудов ЮТАКЭ [Ершов, 1959, с. 160–204]. По мнению М.Е. Массона, на некрополе, помимо погребений по зороастрийскому обряду захоронения, были прослежены христианские захоронения по обряду трупоположения.

Находка в 1956 г. клада раннехристианских золотых бляшек и медальонов в Геок-тепе (Южная Туркмения) послужила предметом специального исследования проф. М.Е. Массона [Массон, 1956, с. 45–48]. Датировка бляшек и медальонов была отнесена к VI в. Предназначались они, вероятно, для нашивки на ткань, но не для повседневного пользования; возможно они нашивались на погребальные ткани [Массон, 1956, 48].

В 1957 г. вышла небольшая, но очень емкая статья Л.И. Ремпеля по некрополю древнего Тараза. Взяв за основу полевые работы на территории Мучного базара в Таразе (Казахстан), при которых были найдены глиняные урны или оссуарии для захоронения костей, автор пришел к выводу, что зороастризм и несторианство для VII–X вв. не имели в Таразе прочной основы, а более сильное влияние на обряд погребения было связано с шаманизмом и местными культами [Ремпель, 1957, с. 102–110]. В настоящее время считается, что на городском некрополе в Таразе допускались захоронения по зороастрийскому обряду, отдельным участком прослеживались погребения христиан; ближе к X в. чаще встречаются мусульманские могилы [Байпаков, Терновая, 2018, с. 11–13].

Открытие памятников, связанных с христианством с сер. 1950-х гг. вызвало определенный интерес у специалистов, и они стали обрабатывать и издавать заметки по находкам, обнаруженным еще в довоенное время. Еще в 1931 г. в Государственный Эрмитаж поступил интересный предмет — небольшой глиняный сосудик с уплощенным туловом, цилиндрическим горлом и двумя ручками по бокам, в центре его помещено изображение святого Мины.

Назывались такие сосудики «ампулами святого Мины» и предназначались для елея или воды из святого источника. Такие сосуды распространялись паломниками из Египта далеко за пределы Восточного Средиземноморья. Заметка об этом предмете была опубликована только в 1960 г. в связи с другой археологической находкой [Ставиский, 1960, с. 101–102].

В нач. 1960-х гг. киргизские ученые вновь возвращаются к изучению сиро-тюркских надписей на камнях, обнаруженных в Семиречье в конце XIX в., точнее к их переосмыслению. Заново опубликовав изображения нескольких камней, Ч. Джумагулов приложил перевод надписей, не включая в сборник каких-либо комментариев [Джумагулов, 1963, с. 5–11, 44–61]. Позже вышла отдельная работа по историографии сиро-тюркских памятников Киргизии с публикацией камней с эпитафиями [Джумагулов, 1967, с. 82–91].

С 1963 г. начинается серьезная работа по сбору и публикации трудов В.В. Бартольда. В итоге было подготовлено 9 томов, включающих работы по истории, географии, археологии Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы, Ирана и Афганистана. В данном случае самой важной и ценной можно считать подборку статей В.В. Бартольда по христианству и по христианству в монгольское время. Дополнительно были приведены статьи «Еще о христианстве в Средней Азии» [1895 г.; Туркестанский вестник, 1895, № 36] и две небольшие заметки: «Мусульманские известия о Чингизидах-христианах» [1892 г.; ЗВОРАО, Т. VI, с. 330–331] и «К вопросу о Чингизидах-христианах» [1915 г.; ЗВОРАО, т. XXII, с. 341–343], где ученым приводятся сведения о распространении христианства и положения христиан в Средней Азии при монголах. Несомненно, В.В. Бартольд в основном использовал письменные источники, но учитывались и свидетельства археологических данных, хотя и в малых объемах [Бартольд, 1964, с. 265–299].

В 1930 г. краеведом И.Г. Егоровым на одном их городищ Мерва, в Гяур-кале (Туркмения) была обнаружена керамическая плитка с рельефным изображением креста с ветвями, расширяющимися к концам. Лишь в 1968 г. удалось опубликовать эту находку с некоторыми комментариями и предположением об изготовлении данной плакетки в период раннего средневековья [Пилипко, 1968, с. 25].

В 1966–1967 гг. ученицей М.В. Массона, Г.Я. Дресвянской на памятнике Хароба-Кошук были проведены разведочные раскопки [Дресвянская, 1968а, с. 28]. Результаты работ представлены в ее кандидатской работе, защищенной в 1968 г. в Ташкенте на кафедре археологии Ташкентского государственного университета. Следует сказать, что Г.Я. Дресвянская написала первую на тот момент научную работу, полностью посвященную теме христианства на территории Средней Азии [Дресвянская, 1968b, с. 3–178]. Благодаря раскопкам ЮТАКЭ под руководством М.Е. Массона в Мервском оазисе (Туркмения) были открыты такие памятники как церковь Хароба-Кошук, «Овальный» дом христианской общины и некрополь Древнего Мерва. В

настоящее время многие вопросы, поставленные в диссертации Г.Я. Дресвянской, в связи с накоплением нового археологического материала нуждаются в пересмотре и новых подходах к их решению.

Проблема принадлежности и интерпретации именно христианских захоронений начала формироваться именно в это время. На Байрам-алинском некрополе, помимо погребений по зороастрийскому обряду, были обнаружены захоронения в могилах, в ямах, обложенных жженным или сырцовым кирпичом, или в подбоях. Во всех случаях костяк располагался вытянуто на спине, без сопровождающих предметов. Г.Я. Дресвянской проводились параллели с погребениями Ак-Бешима, однако у последних прослеживалось четкое расположение могил и костяка — запад-восток [Дресвянская, 1968b].

В этот период вышла интересная статья Т.Н. Сениговой по некрополю Древнего Тараза (Казахстан), в которой она пришла к заключению, что на некрополе Тик-Турмас были обнаружены захоронения в деревянных гробах, и как считают исследователи, принадлежали они христианскому населению Тараза [Сенигова, 1968, с. 51–67].

Исследования Северо-таджикистанского археологического отряда Института истории имени Ахмада Дониша АН Таджикской ССР на раскопках раннесредневековой столицы Уструшаны — Калаи Кахкаха (начали исследовать в 1965 г.) привели к открытию в 1967 г. живописной фрески на стене центрального коридора здания. Фреска занимала поверхность стены длиной полтора метра и высотой 85 см и включала целую сюжетную композицию. «Справа от смотрящего сохранилась нижняя часть человеческой фигуры, изображенная в профиль, и нижняя часть кафтаноподобной одежды, перед ногой и выше уровня пояса фигуры прослеживался растительный орнамент, который, возможно, был фоном этих изображений. Большую часть занимала деталь росписи, на которой изображена в крупном плане волчица с припавшими к ее соскам двумя младенцами». [Цит. по: Негматов, 1968, с. 33]. Художник довольно умело контурными, киноварными линиями изобразил этот рисунок. Контурные сохранились довольно четко, несмотря на сильный пожар в здании. Это первая уникальная фреска в Средней Азии и на всем Востоке с точным воспроизведением сюжета легенды об основателях Рима. По мнению Н. Негматова, изображение могло попасть в Среднюю Азию или из Византии через торговые пути в VI–VIII вв., или непосредственно из Рима через трансконтинентальный «Шелковый путь» — часть его проходила от долины Зеравшана до Иссык-Куля. Почва для воспроизведения сюжета из христианского Рима в Средней Азии была очень благодатной и подготовленной для усвоения мифологических традиций западного христианства [Негматов, 1968, с. 34].

В Туркмении продолжались раскопки Байрам-алинского некрополя, позволившие специалистам утвердиться в своих предположениях в вопросах интерпретации христианских погребений на Мервском кладбище [Обельченко, 1969, с. 86–99; Сусенкова, 1969, с. 100–108].

Окончательные работы на памятнике были выполнены Г.Я. Дресвянской в 1970, 1975 гг. В 1989 г. в одном из томов Трудов ЮТАКЭ Г.Я. Дресвянская опубликовала сводку всех предыдущих заключений исследователей с результатами ее собственных раскопок и выводов [Дресвянская, 1989, с. 159–162].

В этот же период на территории Хорезма (Каракалпакия) изучается некрополь с погребениями различных типов: как по обряду труположения, так и с погребением предварительно очищенных костей в оссуариях или сосудах-оссуариях. На нескольких оссуариях (VII–VIII вв.), расположенных особняком от остальных, были прослежены фрагменты креста и звезд, прочерченных, вероятно, перед самым захоронением костей. Это дало повод В.Н. Ягодину считать данные оссуарии принадлежащими не зороастрийцам, а скорее всего к христианскому населению раннесредневекового Миздахкана [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 6–168]. Вопрос принадлежности данных оссуариев к христианству до сих пор вызывает дискуссии среди ученых. Знаки крестов на оссуариях встречались на городище Афрасиаб и в Пенджикенте. На кувшине городища Ак-Бешим, расположенном около скелета погребенного, был прорисован равноконечный крест с расширяющимися концами. Высказывалось мнение, что подобные кресты могли принадлежать манихейской традиции [Кызласов Л.Р., 2006, с. 138–150].

В 1974 г. вышла большая работа Г.Я. Дресвянской, которая стала своеобразным итоговым отчетом по раскопам «Овального» дома христианской общины, открытого и раскопанного сотрудниками ЮТАКЭ [Дресвянская, 1974, с. 155–181]. В дальнейшем специалисты будут обращаться к этому памятнику лишь в контексте общих исторических исследований. Не все ученые согласны с точкой зрения Г.Я. Дресвянской о принадлежности этого сооружения христианам. Высказывались мнения, что это склад или своеобразный рабат — временный пункт остановки для проезжающих путников [Бадер, Гаилов, Кошеленко, 1996, с. 89; Гаилов, Кошеленко, 2006, с. 160; Хмельницкий, 2000, с. 249–250; Naymark, 2001, p. 304–308].

Успехи в полевых работах вызвали всеобщий интерес к теме христианства. Начинают появляться публикации, связанные с сирийскими предметами: бронзовым кадиллом [Залеская, 1972, с. 58–60], черепком с сирийским текстом [Пайкова, Маршак, 1976, с. 34–38], найденными в самых разных концах Средней Азии. Отдельные предметы находили даже в Пермском крае — сирийское блюдо или блюдо из с. Григоровское [Даркевич, Маршак, 1974, с. 213–222]. Все эти предметы, конечно, были найдены или случайно, или в результате археологических раскопок, но важность их в том, что они показывают, сколь значительна была роль сирийских христиан в становлении и распространении христианства в пределах среднеазиатского региона [Кычанов, 1978, с. 76–84]. Также выходят заметки о предметах, которые еще в досоветское время попали в те или иные музеи, но долгое время находились в запасниках. Одна из таких заметок была посвящена двум несторианским или сирийским надгробным камням, которые в 1929 г. были

привезены в Ашхабадский краеведческий музей и до 1978 г. никем не изучались. К концу 1970-х гг. этими камнями заинтересовался М.Е. Массон. Поручив перевод ведущему ориенталисту того времени А.В. Пайковой, профессор опубликовал статью, посвященную этим двум камням с переводом и комментариями, предположив, что они попали в Ашхабад из Ургута (Узбекистан), а в Ургут — из Семиречья [Массон, 1978, с. 50–55]. В настоящее время к изучению и анализу этих находок вернулись вновь: прочитаны надписи и высказано предположение, что один из камней, скорее всего, привезен из Алмалыка [Vorbone, Mikheeva, 2022, *в печати*].

В 1976 г. при раскопках могильника Дашти-Урдакон (Таджикистан), помимо захоронений в оссуариях были обнаружены погребения с подбоем по обряду трупоположения. В одной из могил находился скелет девочки, на шейных позвонках которой был обнаружен нательный крест. Информация о данной находке среди археологов, конечно, стала быстро распространяться, но публикация вышла только в 1982 г. в трудах археологических работ в Таджикистане [Беленицкий и др., 1982, с. 217–218]. Аналогичное захоронение чуть позже было найдено при раскопках некрополя городища Красная Речка, где в одной из грунтовых могил было обнаружено погребение молодой женщины с нательным крестом [Горячева, 1987, с. 68–69; 1988, с. 62–75].

В 1984 г. А.Б. Никитин опубликовал большую статью по христианству в Центральной Азии, в которой он попытался собрать весь имеющийся и доступный археологический материал с целью проследить путь появления, распространения и развития христианства на территории Персии, Средней Азии, Восточного Туркестана и Китая. В своей работе А.Б. Никитин также привлек свидетельства письменных источников. Данная работа до настоящего времени часто цитируется и до сих пор не утратила своей научной ценности, хотя определенные вопросы по памятникам археологии (датировка и интерпретация) уже частично пересмотрены [Никитин, 1984, с. 121–135].

В Киргизии продолжалась работа над публикацией и вводом в научный оборот камней с сиро-тюркскими эпитафиями. К 1987 г. Ч. Джумагуловым был подготовлен 3-й выпуск «Эпиграфики Киргизии», в которой он также собрал ранее неизвестные надписи на древнетюркском языке, сирийском, арабском и уйгурском языках. Помимо переводов с комментариями, к изданию прилагались фотографии и прорисовка надгробных камней с эпитафиями [Джумагулов, 1987, с. 5–20, 38–58].

Накопление археологического материала способствует пересмотру идей и выводов по тем памятникам, которые были открыты уже достаточно давно. В 1983 г. архитектор и историк А.М. Высоцкий предложил вновь вернуться к планировке церкви на городище Ак-Бешим, в которой он, сопоставив церковь с другими церковными сооружениями Ирана, стран Закавказья и Сирии, пришел к заключению, что второе ее помещение (центральное) имеет тип не свободного («обнаженного») креста, а вписанного. Дату памятника, по мнению А.М. Высоцкого,

также следует пересмотреть: церковь может датироваться не VIII в., а с сер. VII в., со времени проникновения христианства в Тюркский каганат, до конца VIII в., когда карлуки разрушили древний Суяб и привели город к запустению [Высоцкий, 1983, с. 25–26]. В 1990 г. А.М. Высоцкий уже обратился к другому памятнику — к церкви Хароба-Кошук (Туркмения). Он опубликовал свой вариант плана сооружения и предложил свою реконструкцию церкви, а также передатировал его на более узкую дату — с 484 г. до 651 г. [Высоцкий, 1990, с. 90–100]. Ученые-археологи отреагировали на выводы и предложения архитектора критикой, тем не менее, продолжают обращаться к этим работам до настоящего времени.

В 1993 г. на цитадели Старого Мерва на Эрк-кале (Туркмения) в слое VII века была обнаружена керамическая форма для отливки равноконечного («мальтийского») креста и подвески [Simpson, 1996]. Эта находка явилась еще одним свидетельством того, что в раннем средневековье в окрестностях Мерва проживала значительная христианская община.

С распадом Советского Союза и отделением среднеазиатских республик произошли серьезные изменения в археологической науке и в научном мире в целом. Археологические экспедиции, направлявшиеся от музеев и институтов Москвы, Санкт-Петербурга и ряда других городов, по определенным причинам перестали выезжать на места раскопок. Усложнился обмен научной литературой между библиотеками, институтами, а также среди специалистов. Ученые России и бывших советских республик были вынуждены подстраиваться под новые условия и возможности для продолжения научных исследований в среднеазиатских странах.

На фоне сложной общеполитической ситуации в России и в постсоветских среднеазиатских странах, довольно символичным выглядит выпуск коллективного сборника по истории древних культов, полностью посвященный истории христианства в Средней Азии в I тыс. н.э. [Из истории древних культов, 1994, с. 1–118]. Авторы: историки, археологи, нумизматы и искусствоведы в небольших очерках рассказали об истории материальной культуры христиан Средней Азии. В круг исследования были привлечены все бывшие республики СССР: Туркмения, Каракалпакия, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, а также Южные границы Казахстана. Ценность и значимость этого сборника состоит в том, что в научный оборот были введены новые археологические предметы и памятники, касающиеся христианства. Обобщены археологические данные, относящиеся к истории распространения христианства в Средней Азии.

Две статьи в данном сборнике были посвящены историческому развитию первых христианских общин сначала в Иране в начале II в., а затем на южных границах среднеазиатского региона и далее — до Китая. Это работа авторского коллектива «Христианство в Средней Азии» [Богомолов и др., 1994, с. 6–18] и статья Ю.Ф. Бурякова «Христианство на Великом шелковом пути» [Буряков, 1994, с. 19–26]. Используя исторические сведения и данные письменных источников, авторы этих двух работ постарались всесторонне

показать появление и распространение христианских общин в пределах центральноазиатского региона. Следует отметить, что некоторым археологическим материалом авторы оперируют довольно свободно. К примеру, упоминается о «...функционировании в пригороде Мерва христианского храма под погребальными сооружениями 3–4 вв.» [Цит. по: Богомолов и др., 1994, с. 10]. Авторы ссылаются на работу Г.Я. Дресвянской по некрополю Старого Мерва [Дресвянская, 1989]. Однако еще на момент исследования этого памятника Г.Я. Дресвянской не было никаких археологических предпосылок утверждать, что в какой-то период времени на некрополе существовала церковь или храм. Кроме того, впоследствии памятник также исследовался Г.А. Кошеленко и Ю.М. Десятчиковым, никаких подтверждений этой идеи специалисты не обнаружили.

Другое утверждение из этой же работы: «В Мерве обнаружен христианский некрополь, захоронения в котором велись с 3-го по 6-й век. Предполагается, что небольшой монастырь, раскопанный там же, построен в конце 4-го в., принадлежал мелькитам, покинувшим его в середине 6-го в., возможно, под напором несториан» [Богомолов и др., 1994, с. 10]. В данном фрагменте речь идет о Байрам-алинском некрополе (II–VII вв.), расположенном в пределах Древнего Мерва. Мы можем предположить, что часть погребений, совершенных по обряду трупоположения, возможно, принадлежала христианам, но прямых археологических доказательств для такого вывода в настоящее время нет, поэтому считать данный некрополь христианским нельзя. Это зороастрийский некрополь, на котором были отмечены захоронения иудеев и, предположительно, христиан [Михеева (Китаева), 2017, с. 296–313]. «Небольшой монастырь» — сооружение, вошедшее в науку как «Овальное» здание, на которое впервые обратил внимание в 1950 г. М.Е. Массон при проведении археолого-топографической съемки городища Гяур-кала. Изучение памятника началось в 1953 г. и с некоторыми перерывами продолжалось до 1964 г. В 1974 г. в Трудах ЮТАКЭ Г.Я. Дресвянская при поддержке М.Е. Массона интерпретировала данный памятник как здание монастырского типа, в котором проживали мелькиты [Дресвянская, 1974, с. 155–181]. Высказывалась и другая точка зрения: в связи с тем, что планировка сооружения не отвечает основным принципам монастырского устройства, известным не только по письменным источникам, но и благодаря раскопкам на острове Харг, где был открыт христианский монастырь с церковью, Г.А. Кошеленко и В.А. Гаиров предположили, что это здание играло роль государственного склада и с христианским культом никак не связано [Бадер и др., 1996, с. 93; Средняя Азия и Дальний Восток ..., 1999, с. 21–22].

Помимо обобщающих исторических работ по истории появления, распространения и угасания христианских общин на территории Средней Азии в сборнике следует отметить статьи, написанные на основе археологического материала. Статья З.И. Усмановой «Христианские

памятники Туркмении» посвящена археологическим работам в Туркмении, часть памятников которых по ряду признаков были отнесены специалистами к христианству [Усманова, 1994, с. 26–33]. Прежде всего, это вышеупомянутый «Овальный» дом в северо-восточном углу Гяуркалы, некрополь, расположенный за ее пределами (Байрам-алинский), и христианская церковь Хароба-Кошук, находящаяся в 15 км к северу от Мерва. Кроме этого, были упомянуты предметы христианского культа (буллы, оттиски печатей и форма для отливки равноконечного «несторианского» креста). В целом, З.И. Усманова представила общий краткий обзор опубликованных работ по данным памятникам.

Статья Л.И. Альбаума посвящена археологическому памятнику, раскопанному в Термезе и интерпретируемому как местная церковь [Альбаум, 1994, с. 34–41]. Г.В. Шишкина впервые опубликовала данные раскопок 1986 г. некрополя Дурмен-тепа (Узбекистан), на котором были обнаружены могилы в деревянных гробах. В одном из погребений у умершего в области живота был найден золотой нашивной равноконечный крест. По ряду признаков автор считала эти захоронения христианскими: ориентация могил (голова обращена на запад), кирпич-«подушка» под головой покойного и нашивной крест в одном из погребений [Шишкина, 1994, с. 56–63]. Также следует отметить статью А.А. Мусакаевой «О несторианах в Средней Азии (по нумизматическим данным)», в которой были собраны все монеты с территории Согда, Уструшаны и Хорезма с изображением креста, а также медальоны и предметы христианского культа [Мусакаева, 1994, с. 42–55]. Одним из недочетов этого сборника можно считать отсутствие работ иностранных коллег и учета иностранной литературы на тему восточного христианства.

В 1996 г. в одном из номеров «Mesopotamia» на сборник «Из истории древних культов Средней Азии. Христианство» вышла рецензия Г.А. Кошеленко, известного специалиста по изучению христианства в Мервском оазисе в парфянский и сасанидский периоды [Košelenko, Lapšin, 1996, p. 323–326]. Ученый отмечал, что в указанном издании собраны почти все археологические свидетельства о распространении христианства в Средней Азии, как известные ранее, так и публикуемые впервые. С определенными выводами, представленными в сборнике, Г.А. Кошеленко не был согласен. Например, в статье А.А. Мусакаевой приведены монеты VIII в. из Хорезма на реверсе которых, по мнению автора, имеется знак креста [Мусакаева, 1994, с. 42–55]. Г.А. Кошеленко считал эти выводы ошибочными, полагая, что изображения на монетах имеют признаки тамги, а не креста, с учетом того, что влияние Византии здесь вряд ли возможно. Их прототипами могли быть монеты Мервского монетного двора, чеканившего металлические деньги с крестом в период Сасанидского государства в течение длительного периода [Košelenko, Lapšin, 1996, p. 324]. Г.А. Кошеленко отмечал, что авторы сборника пытаются поместить анализируемые археологические материалы в контекст общих проблем по истории восточного

христианства, но в большинстве случаев данная попытка оказывается безуспешной. По мнению ученого, авторы слабо знакомы с новейшей литературой по восточному христианству, не совсем корректны в датировках и не обладают глубокими знаниями по теме восточного христианства [Košelenko, Lapšin, 1996, p. 325–326].

Отметим, что примерно с середины 1990-х гг., когда часть российских археологов уже не могла выезжать на раскопки в страны Средней Азии, а в самих республиках предпочтение отдавалось местным кадрам или иностранным экспедициям, сильно активизировавшимся в этот период, в России начинают выходить статьи обобщающего характера, построенные на анализе письменных и археологических источников. В Средней Азии специалисты публикуют научные труды в местных научных журналах, чаще на языке той страны, в которой они проживают. Иностранные экспедиции результаты своих раскопок издавали в международных научных публикациях или в сборниках своих стран.

В это время вышла обобщающая статья авторского коллектива о Мервской митрополии, в которой были рассмотрены письменные свидетельства появления первых христиан в Мерве и археологические находки, обнаруженные на этой территории [Бадер и др., 1996, с. 85–94]. В данной статье были введены в научный оборот новые письменные источники по истории восточного христианства.

В Ташкенте опубликован сборник статей по христианству, аналогичный сборнику 1994 г., но посвященный другому хронологическому периоду — до XIX–XX вв. В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой была подготовлена работа по христианским памятникам Кыргызстана, основанная на богатом архивном материале, чертежах и фотографиях монастырского и храмового зодчества [Горячева, Перегудова, 1998]. С 1996 по 1997 гг. Отделом Востока Государственного Эрмитажа и специалистами из Киргизии был обследован юго-восточный угол шахристана городища Ак-Бешим [Семенов, 1999, с. 51–53]. В результате проведенных работ археологами был открыт комплекс церквей (объект VIII), который на этот период уже стал третьим надежно интерпретируемым христианским церковным сооружением на территории Средней Азии. В 2002 г. Г.Л. Семенов опубликовал книгу-отчет по проведенным исследованиям на памятнике, в котором привел весь процесс раскопок, результаты и выводы. По мнению Г.Л. Семенова, данный комплекс церквей просуществовал недолго, около 100 лет, с X в. по XI в. [Семенов, 2002, с. 1–174].

Обобщающая работа по архитектуре в Средней Азии V–VIII вв. была опубликована архитектором С.Г. Хмельницким. Автор отдельно рассмотрел культовые археологические памятники, найденные и раскопанные от границ Туркмении до Семиречья [Хмельницкий, 2000]. С.Г. Хмельницкий провел тщательный архитектурный анализ известных христианских сооружений: Хароба-Кошук, Ак-Бешима (об. IV) и (об. VIII), храма в Термезе и Айваджского

монастыря. Автор привел многочисленные аналогии, обнаруженные в Сирии и Иране, и пришел к выводу, что среднеазиатские культовая архитектура, хоть и была результатом деятельности местных мастеров, но испытывала влияние извне, из соседних областей Ирана, Ирака и Сирии [Хмельницкий, 2000, с. 241–254].

В этот же период В. Кляйном была защищена кандидатская диссертация по христианству в Семиречье [Klein, 2000, р. 3–516]. В этой работе рассматривались вопросы распространения этой религии в Кыргызстане, природы появления надгробных камней с эпитафиями и крестами, предложено новое прочтение эпитафий и их датировка. Также рассматривался вопрос появления других религий в этом регионе: буддизма и манихейства.

Общие работы по истории христианства на основе археологических источников публикуются как российскими историками-археологами, так и среднеазиатскими. В 2000 г. вышла книга Л.А. Беяева «Христианские древности: Введение в сравнительное изучение», в которой рассматривались христианские археологические памятники Средней Азии, известные по публикациям [Беяев, 2000, с. 226–230]. В Кыргызстане издавались работы специалистов, которые еще в советское время занимались изучением восточного христианства: В.Д. Горячевой, К.М. Байпакова [Горячева, 2001, с. 65–70; Байпаков, 2002, с. 168–170].

В 2001 г. А.И. Наймарк защищает диссертацию на соискание степени доктора философии (PhD) на тему: «Sogdiana, its Christians and Byzantium: a study of artistic and cultural connections in late antiquity and early middle ages», посвященную исследованию культурного феномена христианства в Согдиане и влиянию Византии в художественном и культурном отношении в поздней античности и раннем средневековье. В работе рассмотрены памятники архитектуры, изделия из металла, настенные росписи, фрагменты керамики и монеты, как свидетельства материальной культуры раннехристианского и византийского влияния на христиан Согдианы с привлечением документальных и нарративных источников. Важнейшим достоинством данной работы можно считать подробный анализ нумизматических данных: монет с крестами на реверсе/aversе местного выпуска, монет эмиссий византийского чекана и ряда других монет. Впервые подробный анализ и разбор монет с крестами был выполнен именно в этой работе. Отметим, что Александр Ильич признанный специалист по нумизматике раннесредневековых монет Средней Азии, поэтому выводы ученого до настоящего времени не потеряли своей актуальности. В заключение А.И. Наймарк подчеркивает заметное влияние и роль раннехристианского и византийского искусства на развитие художественной традиции Согдианы, отразившейся в иконографии и стилистике предметов материальной культуры местного, согдийского производства.

В 2002 г. вышла статья В.А. Кольченко, посвященная христианским памятникам в Чуйской долине (в Киргизии) в средние века [Кольченко, 2002, с. 163–182]. В статье приведена

краткая историография и анализ всех археологических данных о христианстве в Семиречье, известных на момент написания работы: строения (церкви на городище Ак-Бешим (объекты IV и VIII), некрополи и надгробные камни (их эпиграфика), отдельные находки крестов. Во второй части статьи рассматриваются христианские течения в Средней и Центральной Азии по данным письменных источников (китайские, тюркские, ираноязычные, арабо-персидские, сирийские и европейские). Автор статьи акцентирует внимание на сведениях о конфессиональных течениях, сгруппировав их по языковому признаку [Кольченко, 2002, с. 170–182]. Ставя под сомнение принадлежность комплекса церквей на городище Ак-Бешим (об. VIII) к несторианской традиции, также некоторых надгробных камней и находок так называемых «несторианских» крестов, В.А. Кольченко предлагает подходить более вдумчиво к анализу археологических и письменных источников, свидетельствующих о том или ином течении христианства в Средней Азии. Статья полезная как для исследователей археологов, так историков, изучающих восточное христианство в пределах Средней и Центральной Азии. Особенно отметим, что в данной работе приведены сведения о раскопках комплекса церквей на городище Ак-Бешим (об. VIII) в 2000–2001 гг. Ак-Бешимским отрядом ИИ НАН КР и отдельных находках терракотовых плакеток. До настоящего времени публикация результатов раскопок 2000–2001 гг. не осуществлена.

Работы посвященные отдельным находкам или памятникам, обнаруженным в 2000-х гг., публиковались в тех же странах, в которых было сделано открытие [Китаева, 2006, с. 154-156]. А.А. Раимкулов, исследователь христианства в Узбекистане, совместно с Г.П. Ивановым публикует заметку о нательном кресте с городища Кува [Раимкулов, Иванов, 2000, 160–161]. Ряд публикаций А.А. Раимкулова посвящены исследованию христианских памятников и сооружений Средней Азии, как наземного — Коштепа в Нахшабе, так и пещерного типа — комплекс Кархана в долине Нарбексая [Раимкулов, 1999, с. 213–223; 2001, с. 147–149; 2004а, с. 222–231; Раимкулов, 2004б, с. 123–129]. Общим вопросам христианства на территории Согда (Самарканда) и Ташкента посвящены работы А.А. Раимкулова, опубликованные в 2007 и 2009 гг. [Раимкулов, 2007, с. 81–84; 2009, с. 75–80]. Хотя ряд специалистов оспаривают некоторые выводы ученого, необходимо отметить оригинальность и широкую эрудицию А.А. Раимкулова. На взгляд автора диссертации, ученому следует несколько критически относиться к изучению христианских памятников [Китаева, 2008, с. 228–231].

Крестам и их фрагментам была посвящена работа Ф.Г. Ротта, в которой он собрал все известные на тот момент нательные кресты из Семиречья (в Чуйской и Таласской долинах), провел сравнительный анализ и пришел к выводу, что считать форму равноконечного креста несторианской не совсем верно, об этом говорит многообразие форм и примеров крестов, найденных как в Кыргызстане, так и за ее пределами [Ротт, 2005, 44–51].

Следует отметить работу Кольченко В.А. который впервые предложил провести периодизацию распространения христианства в Средней Азии по данным археологии [Кольченко, 2003, с. 53–73]. Собрав весь корпус археологических источников, известных на начало 2000-х гг., он разделил всю историю христианства на пять периодов:

- 1) III–VI вв.;
- 2) V–VII вв.;
- 3) VII–VIII вв.;
- 4) IX — нач. XIII вв.;
- 5) XII–XIV вв.

В целом научным сообществом данная периодизация была принята положительно. Работа автора до настоящего времени часто цитируется специалистами, как историками, так и археологами. Следует отметить, что данной работе недостает некоторого критического анализа части предметов, ошибочно отнесенных к христианству. Анализ всего археологического корпуса объектов и предметов христианского культа, обнаруженных на территории Средней Азии, показал несколько иную картину распространения христианства по археологическим источникам. О чем будет указано в следующих главах диссертации.

В 2006 г. выходит большая статья известных российских археологов и специалистов по восточному христианству Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибова, посвященная христианским археологическим памятникам на Востоке, с подробной главой по памятникам в Средней Азии. На тот момент эта была единственная научная работа, в которой были приведены и проанализированы все открытые до 2006 г. памятники христианства не только в пределах Средней Азии, но также в Иране, Ираке и Сирии [Кошеленко, Гаилов, 2006, с. 136–176]. Работа до настоящего времени востребована как российскими учеными, так и европейскими.

В 2009 г. к памятнику Хароба-Кошук (Туркмения) вновь был проявлен интерес, но уже со стороны итальянских ученых [Osmida, 2011, p. 145–178]. Они провели рекультивацию шурфов Г.Я. Дресвянской, очистили памятник от мусора и провели дренажную систему для стока дождевых вод для предотвращения от дальнейшего разрушения памятника. В 2010 г. Г.Р. Осмида предпринял попытку реконструкции дверей и окон по фотографиям из отчетов Г.А. Пугаченковой и Г.Я. Дресвянской. В 2011 г. продолжилась работа по укреплению памятника от разрушения, и были выполнены небольшие археологические работы на его внешней стороне. В настоящее время памятник полностью законсервирован. Планомерных археологических раскопок всего памятника никогда не проводилось. Результаты работ и находки с памятника были опубликованы в 2011 г. [Rossi Osmida, 2011, p. 150–178]. К сожалению, исследования итальянских ученых оставили больше вопросов, чем ответов. На памятнике Хароба-Кошук следовало бы провести полномасштабные археологические раскопки, но, к

сожалению, тот памятник, который был запечатлен на рисунках и фотографиях в 1954 г., почти полностью разрушен.

Важным событием 2000-х гг. можно считать открытие еще одного культового сооружения в Средней Азии — христианского монастырского комплекса в Ургуте недалеко от Самарканда (Узбекистан). Изучение памятника показало, что это двухнефная, но с изолированными нефами, церковь, построенная по всем архитектурным правилам Церкви Востока. Первые публикации по результатам работ стали издаваться автором раскопок с 2005 г. В 2009 г. вышла небольшая заметка А.В. Савченко в соавторстве с М. Дикенсом, посвященная археологическим работам на памятнике и сбору общих источников, свидетельствующих о христианстве в районе Самарканда и Ургута [Savchenko, Dickens, 2009, p. 121–135, 295–302]. Эта же статья вышла уже в немецком журнале [Savchenko, 2010, p. 74–82]. Последняя заметка о памятнике была опубликована в 2018 г. в одном из сборников, посвященных христианству в Центральной Азии и Азербайджане [Грицина, 2018, с. 104–156]. Для такого значительного, во многом решающего, для истории восточного христианства в Средней Азии памятника данных публикаций, конечно, недостаточно. В 2022 г. А.В. Савченко опубликовал монографическое исследование по результатам работ в Ургуте.

Интересный каталог археологических находок, обнаруженных в Чуйской долине и на озере Иссык-Куль, был опубликован в 2013 г., в г. Бишкеке Историко-археологическим музеем КРСУ. Помимо прочих предметов, в каталоге были введены в научный оборот христианские кресты и надгробные камни с крестами и эпитафиями. Незначительным недостатком можно считать слишком обобщающую аннотацию к находкам [Историко-археологический Музей КРСУ, 2013].

В 2012 г. выходит монография известного казахстанского ученого и археолога К.М. Байпакова «Древняя и средневековая урбанизация Казахстана», в которой кроме глав, посвященных развитию городской культуры древнего и средневекового Казахстана с эпохи бронзы до раннего средневековья, основанных на материалах ЮККАЭ, предложено свое мнение относительно христианства и христианских памятников на территории Юго-Западного Семиречья [Байпаков, 2012]. В книге приведена отдельная глава по культовым и погребальным постройкам, в которой рассмотрены буддийские памятники (Ак-Бешим, Краснореченское городище, городище Кара-Джигач, Сокулук, Александровское), сооружения христианского культа (церковь Ак-Бешим) и отдельно рассмотрены могильники: Борижарский, могильник у с. Шага, Сидак, Красная речка, Ак-Бешим, Тараз, Джамукат как памятники и свидетельства зороастрийско-маздеистского и мусульманского культов [Байпаков, 2012, с. 284–304]. По мнению К.М. Байпакова, наличие христианских храмов, эпитафии, кресты на посуде и кирпичах, а также согдийские надписи на керамике с христианскими именами и титулами, показывают и

подтверждают наличие среди жителей городов Жетысу (Юго-Восточный Казахстан, Семиречье) христиан несторианского толка, которые активно участвовали в формировании своеобразной городской культуры Жетысуйских (Чуйских) городов в VII — пер. пол. IX в. [Байпаков, 2012, с. 304]. Кроме того, отдельно были рассмотрены вопросы религии и культов: шаманизма, буддизма, христианства, манихейства и иудаизма [Байпаков, 2012, 353–369].

В 2013 г. вышел второй том монографии К.М. Байпакова, посвященный средневековой урбанизации Казахстана с IX в. до нач. XIII в., подготовленной по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции [Байпаков, 2013]. В данном томе христианству была посвящена небольшая глава, в которой был упомянут известный археологический памятник X–XI вв. — комплекс церквей на городище Ак-Бешим (об. VIII) и дана краткая информация по кайракам из Семиречья. В монографии К.М. Байпакова был представлен общий обзор источников по христианству в регионе, без включения новых дополнений [Байпаков, 2013, с. 475–478].

В 2013 г. в открытом доступе появилась диссертационная работа Б. Ашурова, посвященная анализу согдийского христианства, основанная на археологических, нумизматических, эпиграфических и письменных источниках [Ashurov, 2013, p. 1–229]. Изучив все возможные источники, автор приходит к выводу, что распространение христианства в Мавераннахре происходило благодаря согдийцам. По мнению Б. Ашурова, из всех народов Центральной Азии согдийцы приняли самое активное участие в распространении христианского учения, вплоть до границ Китая. Эта мысль впервые была отмечена А.Б. Никитиным, в своей небольшой, но очень содержательной работе по христианству в Центральной Азии и Восточном Туркестане [Никитин, 1984, с. 125]. Добавим, что после диссертации Г.Я. Дресвянской и А.И. Наймарка, — это третья диссертационная работа, посвященная христианству на территории Средней Азии, в основе которой помимо письменных, рассматриваются археологические источники.

Интересной обобщающей работой по христианским находкам и памятникам в Пенджикенте (Таджикистан) можно назвать статью В.И. Распоповой о «Христианах в Пенджикенте в VIII в.» [Распопова, 2014, с. 154–160]. Автор проанализировала весь имеющийся на сегодняшний день археологический материал, который тем или иным образом связан с христианским культом: фрагменты сирийской эпиграфики, нательные кресты с раскопок (некрополь Дашти-Урдакон), хум с процарапанной на нем сценой поклонения кресту. Ценность этой небольшой заметки в том, что В.И. Распопова много лет сама участвовала в раскопках памятника, поэтому владеет материалом лучше, чем кто-либо.

Вторым обобщающим трудом в историографии этого периода, следует отметить работу А.Б. Никитина «К истории христианства в Мерве» [Никитин, 2015, с. 164–170]. Он вновь

проанализировал весь имеющийся археологический материал, касающийся христианства в этом регионе, и пришел к заключению, что столь раннюю дату — III в. — как время распространения христиан на территории Парфии, Мервского оазиса можно допускать, только опираясь на письменные источники. Археологические же материалы показывают совсем иную хронологию.

Как заметка В.И. Распоповой, так и статья А.Б. Никитина — это переосмысление старого материала, его анализ в новых реалиях вкупе с новыми открытиями и исследованиями.

Одной из подобных работ также можно считать небольшую публикацию автора диссертации, посвященную Байрам-алинскому некрополю [Михеева (Китаева), 2017, с. 296–313]. Вопрос принадлежности части погребений на этом некрополе христианам был поднят давно, практически с момента первых публикаций по этому памятнику. Открытие христианских погребений на всей территории Средней Азии позволило автору провести сравнительный анализ этих памятников и прийти к заключению, что предположение ученых по поводу христианских могил на Байрам-алинском некрополе выглядит не таким уже гипотетичным. Основываясь на использованных в статье примерах и выводах, можно сказать, что часть погребений, совершенных по обряду трупоположения, все же следует отнести к христианскому населению Мерва, несмотря на отсутствие христианских предметов в могилах и четкой ориентации расположения покойного с запада на восток. Более подробно вопрос принадлежности и интерпретации христианских захоронений на всей территории Средней Азии автором был рассмотрен в специальной статье, подготовленной для журнала «Христианский Восток» [Михеева, 2021, с. 317–366].

Одна из редких публикаций, посвященных иконографии религиозного искусства христиан Центральной Азии в средневековье, опубликована в 2017 г. Е.В. Поторочиной в сборнике статей по литургическому и библейскому искусству христиан Запада и Востока [Поторочина, 2017, с. 61–68]. В работе рассмотрены образы Причастия в изобразительном искусстве христиан Центральной Азии, выраженные в определенных позах фигур со скрещенными руками в области груди и нашедшие отражение как в литургии, так и в культуре христианского Востока. Анализируя природу происхождения подобных изображений: египетскую культуру, буддийскую иконографию и христианскую традицию, Е.В. Поторочина приходит к выводу, что в культовых традициях восточных и западных христиан «...семантика поз со скрещенными на груди руками имеет различные варианты, но обобщенный смысл ее выражает Причастие Христу» [Цит. по: Поторочина, 2017, с. 61–63]. Автор публикации отмечает, что большая часть изображений со скрещенными руками на груди не интерпретированы специалистами как христианские, и приписываются другим культам и толкуются как «фравашы», «идольчики» и т.д. Однако терракотовые фигурки из Согда, Пенджикента, Варахши и окрестностей, Уструшаны, по мнению Е.В. Поторочиной, имеют прямое отношение к христианству. На взгляд автора диссертации, не

совсем правильно интерпретировать иконографию терракотовых фигурок как христианскую только на основании положения рук и головы. Для исследования иконографии и интерпретации образов необходимо понимание археологического и культурного контекста находки, ее генезиса, типологии и хронологии [Двуреченская, 2016, с. 1–9]. Аналогичная ситуация наблюдается с терракотовыми рельефами (плитками), рельефными и прорисованными изображениями на стенках оссуариев или сосудов. Вопросы толкования тех или иных образов древних изображений довольно сложные и требуют помимо историко-археологических умений, необходимых знаний в искусствоведении, культурологии и иконографии. Хотя автор указывает, что задача статьи — это приглашение к дискуссии, без каких-либо утверждающих и заключительных выводов. Необходимо отметить оригинальную точку зрения автора статьи на тему изображений со скрещенными на груди руками, символизирующими, по мнению Е.В. Поторочиной, «...сопричастность Иисусу Христу» [Цит. по: Поторочина, 2017, с. 61]. Терракотовым фигуркам со скрещенными руками на груди посвящена одна из глав книги Ю.Ф. Бурякова и А.А. Грицины «Мавераннахр на Великом шелковом пути». По мнению ученых, такая поза выражает «...состояние покоя, умиротворенности и молитвы» [Цит. по: Буряков, Грицина, 2006, с. 125].

Четвертый том сборника археологических материалов, посвященный религиям Центральной Азии и Азербайджана: иудаизму и христианству, вышел в 2018 г. [Религии Центральной Азии и Азербайджана, 2018]. Главы, в которых сообщается о христианских источниках, написаны специалистами-археологами из Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. В данный список по объективным причинам не вошла Туркмения, поэтому о христианских памятниках этой страны ничего не сказано. В целом следует отметить, что ученые постарались с максимальной полнотой собрать весь имеющийся археологический материал, свидетельствующий о распространении, существовании и времени забвения христианских общин на территориях раннесредневековой Средней Азии и Южного Казахстана, начиная с III в. до конца XIV вв. Можно предположить, что в специалисты, интересующиеся религиями и религиозными течениями в пределах среднеазиатского региона, будут часто обращаться к этому сборнику, так как в публикации представлена практически вся имеющаяся информация по христианским находкам с их описанием и иллюстрациями.

В 2019 г. опубликованы архивные материалы, посвященные христианскому кладбищу на городище Бурана (при-Токмакское) в Семиречье [Кольченко, 2019, с. 209–222]. Часть архивных документов по Кара-Джигачскому (Припишпекскому) кладбищу были изданы этим же специалистом в 2013 г. [Кольченко, 2013, с. 81–83]. Основная задача таких публикаций — введение в научный оборот архивных документов для последующего их изучения другими исследователями и переосмысление накопленных выводов по узким историческим и археологическим вопросам.

Работа с архивными материалами в Институте археологии РАН позволила автору диссертации вновь вернуться к пересмотру полевых археологических материалов по таким памятникам, как Хароба-Кошук и Ак-бешим (об. IV) и дополнить новыми данными важнейшие публикации Г.А. Пугаченковой и Л.Р. Кызласова по этим памятникам. По проделанной исследовательской работе автором были подготовлены две научные статьи [Михеева, 2019а, с. 246–266; 2019б, с. 153–169]. Материалы их этих публикаций полностью использованы в настоящем диссертационном исследовании.

В 2019 г. в Сборнике научных трудов, приуроченном к 100-летию В.М. Массона, было опубликовано три работы на тему археологического исследования христианства в Средней Азии. В одной из статей, принадлежащей автору диссертации, рассматривается погребальный обряд христиан Центральной Азии домонгольского времени [Михеева, 2019, с. 171–174]. В работе обозначены все известные на сегодняшний момент христианские кладбища, некрополи и отдельные погребения, найденные на территории Средней Азии. Введены в научный оборот материалы из личного архива Л.Р. Кызласова о раскопках церкви с кладбищем на городище Ак-Бешим. Прослежена краткая характеристика погребального обряда христиан: оссуарного и по обряду трупоположения. В заключение предложен вывод о традиционности и консервативности погребального обряда в целом, свидетельствующий о том, что пришлые христиане продолжили свою традицию в новой среде обитания, не привнося в него каких-либо новшеств или изменений [Михеева, 2019, с. 172].

Вторая статья из вышеуказанного Сборника посвящена комплексу церквей на городище Ак-Бешим (об. VIII) с многообещающим заголовком «Новый буддийский храм на городище Ак-Бешим» [Ведутова, 2019, с. 186–188]. Автор работы — известный археолог Л.М. Ведутова (Кыргызстан) неоднократно принимала непосредственное участие в раскопках городища и, в частности, этого объекта. Основная идея, высказанная Л.М. Ведутовой, состоит в том, что интерпретация комплекса церквей как средневекового христианского храма ошибочна, так как данный объект имеет все признаки буддийской храмовой архитектуры. При этом автор отмечает, что базовым доказательством идентификации объекта как христианского храма служат находки керамических плакеток с изображением крестов [Ведутова, 2019, с. 187]. На фоне проведенных исследований прошлых лет на об. VIII, большого количества публикаций и раскопок настоящего времени выводы Л.М. Ведутовой выглядят довольно странными. Интерпретация комплекса церквей (об. VIII) как христианского религиозного сооружения основана прежде всего на планировке этого сооружения — вытянутый длинный неф с крестообразным (алтарным) помещением в восточной половине здания, а не на находках плакеток с рельефным крестом. Памятники с аналогичной планировкой известны в Средней Азии: об. IV на городище Ак-Бешим, Ургутский монастырь и церковь Хароба-Кошук, в Ираке — церковь в Айн-Ша'йа, церковь ал-

Кусур на острове Файлака и центральная часть монастыря на острове Харг в Персидском заливе. Если предположить, что это комплекс из нескольких церквей, то аналогию можно найти в Иордании — церковный комплекс в Герасе. Кроме того, о христианской принадлежности памятника говорят многочисленные археологические находки: кресты, керамические печати, штампы с крестами и вышеупомянутые матрицы для изготовления керамических плакеток с крестом [Семёнов, 2002, с. 107; Klein, 2004, р. 29; Михеева, 2022, 373–376; Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 201–213]. Планировка буддийских монастырей, обнаруженных в пределах городища Ак-Бешим и вообще в пределах Средней Азии хорошо известна и исследована Л.Р. Кызласовым [Кызласов Л.Р., 1959, с. 155–237], Л.П. Зяблиным [Зяблин, 1961, с. 3–72] и Б.Э. Аманбаевой и К. Ямаучи [Amanbaeva, Yamauchi, 2021].

Л.М. Ведутова отмечает, что «...орнаментальные украшения крестов на плакетках имеют плотно заштрихованное поле, что характерно для орнаментов XIV в.» [Цит. по: Ведутова, 2019, с. 187]. Не совсем понятно, что имеет в виду автор статьи под словами «плотно заштрихованное поле». Общий обзор и иконография терракотовых плакеток, обнаруженных в том числе при раскопках комплекса церквей (об. VIII), показывает, что происхождение этих предметов следует относить к христианской традиции Персидской церкви (Церкви Востока), откуда собственно христианство распространилось на территории Средней Азии. Аналогичные плакетки были найдены на христианских памятниках в Средней Азии, в Иране и Ираке. Датировка плакеток — с V по XI вв., где последняя дата представлена периодом функционирования комплекса церквей на городище Ак-Бешим [Михеева, 2022, с. 373–375]. Можно предположить, что плакетки были в обращении и позже, однако находок XII, XIII и XIV вв. к настоящему времени не выявлено. В выражении «плотно заштрихованное поле», вероятно, речь идет о мотиве «распахнутых крыльев» или «раскрытых крыльев», отмеченных на одной из плакеток из Ак-Бешима (об. VIII), на матрице из этого же объекта и на матрице из Рабинджана (средневековое городище Согда). Иконография парных крыльев как атрибута украшения целого ряда образов была развита именно в искусстве Сасанидов. Основная символика крыльев — победа, даруемая свыше, как знак небесного покровительства. В христианском искусстве данный мотив означал особое обозначение креста как символа торжества христианства [Lerner J., 1991, р. 528–530]. Мотив распахнутых крыльев, прослеженный на среднеазиатских плакетках, его истоки и иконография были рассмотрены автором диссертации в докладе, зачитанном на конференции, посвященной памяти М.П. Грязнова, проходившей с 7 по 11 ноября 2022 г. в Санкт-Петербурге [Михеева, 2023, *в печати*].

Далее Л.М. Ведутова пишет, что иноэтничные беженцы — несторианские христиане, поселились в заброшенном буддийском храме на Ак-Бешиме (об. VIII), а разрушенные буддийские скульптуры и прочая религиозная утварь, были выброшены на противоположную

сторону улицы [Ведутова, 2019, с. 187]. На взгляд автора диссертации, подобные заключения можно приводить, опираясь на основательную базу исторических и археологических источников. В целом, сложилось впечатление, что автор статьи, минуя известные к настоящему времени накопленные материалы и свидетельства по памятнику (об. VIII), предлагает свои фантазийные идеи и предложения.

Третья работа, опубликованная в этом Сборнике, посвящена архитектурному типу объекта IV на городище Ак-Бешим, в которой В.А. Кольченко предлагает определить, чем является данный объект — часовней с двором или зальной церковью [Кольченко, 2019, с. 188–189]. Основываясь на изучении архивных документов из архива Л.Р. Кызласова — отчета по раскопкам церкви В.И. Козенковой [Козенкова, 1954. Отчет ... Л. 1–32 (карандашом Л. 99–123)], автор пришел к выводу, что данный памятник — это зальная церковь, ее восточное помещение использовалось в качестве алтарного, а двор церкви служил залом (нефом) всего здания. Крыша зала опиралась на деревянные столбовые конструкции или колонны, о которых, по мнению В.А. Кольченко, свидетельствует находка обгоревшей балки (22x15 см). Сверху крыша перекрывалась серой черепицей китайского типа, найденная в каких-то количествах В.А. Кольченко при натурном обследовании участка поля, на котором когда-то находился памятник [Кольченко, 2019, с. 189]. По мнению автора диссертации, определение функции этого сооружения только на основе перекрытия крыши не совсем корректно. Л.Р. Кызласов предполагал, что двор церкви был открытым, а вдоль стен — северной и южной, сооружались айваны-навесы [Кызласов, 1959, с. 231–233].

Как известно, в часовне нет алтаря и в ней не предусматривается литургия. В алтарном помещении объекта IV, около восточной стены, на уровне пола была прослежена алтарная вымостка или основа от алтаря. Аналогичная вымостка известна в алтарных помещениях комплекса церквей (об. VIII, Ак-Бешим), в здании несторианской церкви на острове Сокотра [Виноградов, 2022, с. 429–432, рис. 1], а сам алтарь — у восточной стены — прослежен в одном их помещений Ургутского монастыря [Михеева, 2019, с. 252, рис. 2]. Очевидно, в алтарном помещении церкви (об. IV) литургическая служба проводилась. А значит объект IV — это церковь, а не часовня. Не совсем понятно, почему В.А. Кольченко, используя в своей статье архивные материалы Л.Р. Кызласова, В.И. Козенковой, С.Г. Хмельницкого не привел ни одной ссылки на авторов и не указал список литературы.

В этом же году в Бишкеке выходит сборник статей Международной конференции «Христианство в Кыргызстане: история и современность», проходившей 13–14 мая 2019 г. В сборнике представлено три раздела, каждый из которых посвящен определенному историческому периоду:

Раздел I. Древность и Средние века;

Раздел II. Российская империя и СССР;

Раздел III. Современность.

В первом разделе представлены статьи, посвященные несторианству в Кыргызстане в средние века [Борбоне, 2019, с. 7–22], эпиграфическим и археологическим источникам христианства [Джумагулов, 2019, с. 23–39; Табалдиев, 2019, с. 40–49], средневековым письменным источникам миссии францисканцев среди кочевников Центральной Азии [Отец Лоренцо Турчи OFM, 2019, 50–72] и общая работа по христианству в Кыргызстане со времен Шелкового пути [Ярков, 2019, с. 73–76]. В статье итальянского ученого П.Дж. Борбоне вводятся в научный оборот новые данные литературных и повествовательных источников по истории несторианского христианства в Семиречье. Приводятся археологические и эпиграфические данные с новым прочтением эпитафий на камнях-кайраках и примеров литургических рукописей на сирийском языке [Борбоне, 2019, 7–22]. Следует отметить, что публикации П.Дж. Борбоне всегда отличаются фундаментальностью, интересными идеями и предложениями. Краткая историография по несторианским эпиграфическим памятникам Кыргызстана была представлена в статье известного ученого, лингвиста и эпиграфиста Ч. Джумагулова [Джумагулов, 2019, с. 23–39]. Общий обзор по памятникам письменности и археологии, свидетельствующих о распространении христианских общин на территории Семиречья был представлен в небольшой заметке К.Ш. Табалдиева [Табалдиев, 2019, с. 40–49]. Научно-популярный характер сборника будет полезен как широкому кругу читателей, так и узким специалистам.

В 2020 г. необходимо отметить интересную работу Ч.Э. Стюарта, посвященную недавним раскопкам на городище Илибалык (Казахстан), на котором были открыты христианские захоронения XIII–XIV вв. [Стюарт, 2020, с. 71–88]. При изучении христианских могил (80 погребений), в одном из погребений было обнаружено захоронение женщины с большим количеством украшений на теле: браслеты, кольца, серьги. На браслетах и кольцах отмечен мотив из четырехлепестковой миндалевидной розетки. В статье автор прослеживает развитие этого мотива на всем Ближнем Востоке, влияние и возможное использование этого рисунка христианами средневекового Илибалыка в качестве символа креста.

Небольшая заметка Е.В. Поторочиной была опубликована в сборнике материалов международной конференции в Челябинске — IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти» [Поторочина, 2020, с. 83–85]. В заметке автор приводит свидетельства письменных источников о христианстве в Чаче, опираясь, главным образом на данные В.В. Бартольда. Речь идет о двух христианских селениях Чача — Винкерд и Уштуркат (Шутуркет). Локализации Винкерда посвящена работа Л.М. Сверчкова, который, обобщив исследования Бартольда, Караваева и Григорьева, а также археологические данные, пришел к выводу, что город располагался на левом

берегу Сырдарьи, напротив устья реки Чирчик, отождествив его с городищем Каттакызылтапа [Сверчков, 2007, с. 185–193; Поторочина, 2020, с. 84]. Вопросы локализации Уштуркета (Шутуркета) как местопребывания христиан учеными еще не рассматривался. Имеются только отрывочные свидетельства письменных источников и сохранившиеся эпиграфические сирийские надписи, обнаруженные на склонах ущелья Кутирбулок, к югу от Ургута [Поторочина, 2020, с. 84–85]. Исследованию надписей, найденных в ущельях Гульбог и Кутирбулок, посвящена отдельная статья А.В. Савченко «Urgut revisited» [Savchenko, 1996, p. 333–354]. Однако Е.В. Поторочина в своей заметке ее не использует и на нее не ссылается.

В 2022 г. в сборнике научных материалов Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М.П. Грязнова, автором диссертации была опубликована небольшая статья о среднеазиатских терракотовых плакетках с изображением рельефного креста: общий обзор и иконография [Михеева, 2019, с. 373–376]. В статье представлен общий обзор всех плакеток, опубликованных и известных к настоящему времени. Автор допускает, что какие-то плакетки или их фрагменты, возможно, хранятся в музеях или частных коллекциях и не могли быть включены в публикацию. Материалы данной работы полностью вошли в данное диссертационное исследование и представлены в главе II, 2.4.

В этом же году в 10-м томе *Scripta Antiqua*, посвященном памяти Э.В. Ртвеладзе, была опубликована научная статья Б.А. Железнякова [Железняков, 2022, с. 127–160]. В работе рассматриваются предметы христианского культа VIII–IX вв., найденные при раскопках мечети Тараза X–XIII вв. в Южном Казахстане. В примечании указано, что статья опирается на материалы Т.Н. Сениговой — археолога, известного специалиста в области изучения памятников Южного Казахстана: Тараза и Туркестана.

В приведенной статье автор обращается к письменным и археологическим источникам, свидетельствующим о христианстве в Таразе в VIII–IX вв. Б.А. Железняков считает, что первая мечеть в Таразе, на которой проводились работы в 2006–2007 гг., и ранее исследовалась Т.Н. Сениговой, судя по планам двух раскопов — это одно и то же сооружение. Однако из-за того, что приоритет отдавался культурным слоям сооружения X–XIII вв., а не более ранним, возможно, «христианским», в отчетах о церкви не упоминалось [Железняков, 2022, 135–141, рис. 2, 3]. На основании письменных источников, в которых сообщается, что соборная церковь Тараза при захвате города Саманидом Исмаилом ибн Ахмедом в 893/4 гг., была перестроена в мечеть, автор предполагает, что первоначально это была христианская церковь, впоследствии перестроенная в мечеть. В подтверждение к выше предложенным выводам в статье впервые публикуются археологические артефакты, найденные при раскопках мечети, в ее нижнем культурном слое. Фотографии этих предметов были даны автору диссертации ранее

А.И. Торговым (ГЭ) и представлены в данной работе. Речь идет о детали от светильника — равноконечном кресте, «стоящем», вероятно, на листьях лотоса; бронзовой ажурной решетке, также предположительно относящейся к светильнику и бронзовой пряжке с крестом с внутренней стороны, ранее описанных в публикации А.И. Торгоева [Торгоев, 2013, с. 130, рис. 2, 1; Железняков, 2022, 144–147, рис. 5, 6, 7]. В заключение автор пишет, что представленных свидетельств достаточно для того, чтобы считать исследованный объект церковью, перестроенной в мечеть в конце IX — на рубеже X в. [Железняков, 2022, с. 147]. Ранее о раскопках на данной мечети писал А.И. Торгоев, считавший, что это сооружение не может быть церковью [Торгоев, 2013, с. 127–132; Железняков, 2022, с. 138]. Как было отмечено А.И. Торговым, планировка предполагаемой церкви в Таразе не соответствует архитектурно-планировочным стандартам христианского культового здания, известным по другим памятникам [Торгоев, 2013, с. 131]. Размеры таразской церкви — 20x18 м, планировка и ориентировка — юго-запад–северо-восток, также говорят не пользу предположения Б.А. Железнякова. Важным моментом представляются находки христианских предметов от светильников. Дополнительная информация о данных находках и контекст их обнаружения: стратифицирован ли слой, в котором они найдены; какой именно слой, ранний — до определенных этапов строительства новой мечети или нет; в едином ли слое обнаружены находки или они найдены на разных уровнях и прочее, — уточнение предложенных вопросов, возможно, позволило бы более широко посмотреть на интерпретацию этого сооружения как церкви. В настоящее время предположение Б.А. Железнякова выглядит не совсем убедительным.

В 2022 г. в Казахстане автором представленной выше публикации Б.А. Железняковым была защищена диссертация на соискание степени доктора философии (PhD), посвященная религиям средневекового Казахстана по археологическим источникам [2022a]. Автор диссертации рассматривает археологические источники по традиционным культам в Южном и Юго-Восточном Казахстане (Жетысу): буддизму, манихейству, христианству и исламу. Основная проблематика работы — распространение и причины упадка средневекового христианства и манихейства в Жетысу, Таласской и Чуйской долин Южного Казахстана. Б.А. Железняков предлагает периодизацию этапов христианства по данным археологии и вводит новые данные по истории христианства в Центральной и Восточной Азии. В третьей главе рассматривает вопросы периодизация процессов ранней исламизации Южного Казахстана и проникновение мусульманства в Таласскую, Чуйскую и Илийскую долины в караханидский период. Представляется довольно сложной задачей подготовка диссертационного исследования по таким объемным, как с исторической, так и с археологической точки зрения, религиям, как буддизм, христианство, манихейство и ислам. Попытка же выполнить такую работу превращается в общий, поверхностный обзор религий, известных на территории средневекового

Казахстана. Из диссертации Б.А. Железнякова следует, что автор не совсем понимает разницу между историографией вопроса и источниковедением. Выполненное исследование видится слабо соответствующим уровню научно-квалификационной диссертационной работы. Несмотря на это следует отметить, что Б.А. Железняков занимается темой религий длительное время и имеет довольно интересные научные статьи [Железняков, 2007, с. 169–189; 2010, с. 264–273; 2019, с. 122–141; 2022, с. 127–160]; и в соавторстве [Акымбек Е., Zheleznyakov В., 2023, р. 84–98].

В ноябре 2022 г. в издательстве Brill (Boston) А.В. Савченко опубликовал материалы, посвященные работам в Ургутском монастыре и изысканиям второго христианского памятника в районе Чача «Roads and Kingdoms Two Encounters with the Nazarenes beyond the River» [Savchenko, 2022]. В настоящее время эта работа недоступна российским исследователям.

Конец 2022 г. и нач. 2023 г. оказался плодотворным для публикации статей по восточно-сирийскому христианству в Средней Азии с введением в научный оборот новых находок, анализом и интерпретацией археологических источников. В одном из сборников МИЦАИ вышла статья М.К. Басханова «Восточно-сирийское христианство в стране „Семи рек“: аспекты материальной культуры и художественной традиции» [Басханов, 2023, с. 52–73]. Автор статьи публикует часть материалов восточного-сирийского круга из шотландской частной коллекции предметов Семиречья: отдельные находки были изданы ранее в каталоге выставки: «Arts from the Land of Timur» 2012 г. [Arts from the Land of Timur, 2012, р. 104–110]. Также автор проводит анализ современного состояния исследований восточного христианства в Центральной Азии. Затрагивает проблемные вопросы периодизации христианства Семиречья и влияния на него Западной и Восточной Азии в культурно-эстетическом отношении. Автор статьи отмечает, что шотландская коллекция начала формироваться в конце 1950-х гг., и ее пополнение продолжается по настоящее время. В ближайшее время планируется публикация «... клада с предметами восточно-сирийского круга с городища Ак-Бешим, из рассматриваемой шотландской частной коллекции: высокодекоративные евхаристические чаши эмалевого стекла, фрагменты христианской рукописной книги в арабской графике, фрагмент митры священника.» [Басханов, 2023, с. 58, ссылка 18]. Хотелось бы узнать, каким образом эти предметы попадают в частные шотландские коллекции. Можно предположить, что через нечистых на руку «любителей древностей», разрушающих памятник мирового значения с помощью металлоискателей.

Еще одна работа, посвященная археологическим источникам раннего христианства в Северной Парфии и Маргиане, опубликована в сборнике, приуроченном к 80-летию известного российского ученого-археолога Виктора Николаевича Пилипко — статья Р.Г. Мурадова: «Археологические материалы по раннему христианству в Северной Парфии и Маргиане» [Мурадов, 2023, с. 124–145]. С материалами данной работы диссертант был знаком еще до ее

публикации. Автор статьи собрал и изучил все выявленные к настоящему времени памятники и отдельные находки, тем или иным образом связанные с христианством в Парфии и в государстве Сасанидов. Необходимо отметить, что помимо подробного анализа как письменных, так и археологических источников христианства на территории Туркмении, в статье представлены качественные иллюстрации, часть их которых или не издавалась вообще (например, кайраки), но была известна по научным публикациям, или издавалась ранее, но в плохом качестве.

Европейская историография, посвященная изучению восточного христианства очень обширна, тем не менее большая часть археологической литературы на эту тему была опубликована в России или русскоязычными авторами, поэтому представлена в данной диссертации довольно подробно. Из европейских работ можно упомянуть Историю восточного христианства А. Атиа [Atiya, 1980], которая в основном опирается на письменные источники, но в то же время затрагивает проблемы современного состояния Сиро-Персидских церквей. S.H. Moffet написал историю христианства в Центральной Азии, начиная с апостольских времен и заканчивая XV веком, также опираясь в основном на исторические свидетельства и данные нарративных источников [Moffet, 1992].

Исследованию именно археологических источников, свидетельствующих о христианстве на территории Средней Азии, включая Восточный Туркестан, посвящена статья М.А. Lala Comneno «Nestorianism in Central Asia during the First Millennium: Archaeological Evidence» [Lala Comneno, 1997, p. 20–53]. В работе автор рассматривает археологические памятники и отдельные находки, связанные с христианством в пределах Хорезма, Согдианы (Трансоксианы), Семиречья и Восточного Туркестана. При этом автор статьи в Хорезм «помещает» Мерв и всю территорию Северного Хорасана с его памятниками (Хароба-Кошук, Овальное здание и проч.), в Согдиану — Узбекистан и Таджикистан, а в Семиречье — Казахстан и Кыргызстан. При некоторых географических неточностях можно заключить, что М.А. Lala Comneno довольно подробно останавливается на каждом памятнике, хорошо владеет историографией по каждому памятнику и приводит интересные аналогии, позволяющие посмотреть на тот или иной христианский объект с новой стороны.

В 2016 г. вышла хорошо иллюстрированная публикация Ch. Baumer, в которой рассматривается история Ассирийского христианства на территории Месопотамии, Индии, Средней Азии, Восточного Туркестана, Китая, в том числе на основе археологического материала [Baumer, 2016]. Большим преимуществом этих работ, можно назвать использование и подробный анализ письменных источников по восточному христианству. Публикации M. Dickens посвящены исследованию сирийского христианства на территории Средней Азии и Восточного Туркестана в период монгольского правления, изучению эпитафий на средневековых

кайраках Семиречья и религиозных вопросов Церкви Востока и Ассирийского христианства в целом по письменным источникам [Dickens, 2004, 2009, 2016, 2021].

Историографию археологического изучения христианства на территории Средней Азии условно можно разделить на три периода:

1. Период археолого-эпиграфического изучения христианских памятников в области Семиречья конца XIX в. нач. XX в. Для данного периода характерно исследование памятников, открытых в основном в пределах Чуйской долины Семиречья и на восточной границе Кыргызстана и Китая. В основном это христианские кладбища с сиро-тюркскими эпитафиями и крестами на надгробных камнях, поэтому этот период нельзя назвать только археологическим, а скорее археолого-эпиграфическим изучением памятников христианства.

2. В XX в. происходит постепенное накопление коллекций и единичных находок предметов, связанных с христианским культом. В послевоенное время начинаются широкомасштабные археологические работы во всех странах Средней Азии и в результате открываются и исследуются новые памятники, в том числе и христианские. Публикаций на христианскую тематику выходит немного и, как правило, в общем контексте каких-то других научных проблем и вопросов.

3. Конец XX — нач. XXI вв. — период археологического изучения христианства на постсоветском пространстве и по настоящее время характерен в большей степени публикациями обобщающего характера или наоборот, публикациями, посвященными отдельному предмету или памятнику. В постсоветских среднеазиатских республиках сформировались ученые, целенаправленно занимающиеся изучением восточного христианства по археологическим источникам: в Узбекистане это археологи и историки — А.А. Раимкулов, Е.В. Поторочина, А.А. Грицина; в Кыргызстане — В.А. Кольченко, В.Д. Горячева, Б.Э. Аманбаева; в Казахстане — Г.А. Терновая, Б.А. Железняков; в Туркмении выделить какого-то ученого нет возможности, но в настоящее время обзорную статью по христианским археологическим источникам этого региона подготовил Р.Г. Мурадов [Мурадов, 2023, с. 124–145].

В России изучением восточно-сирийского христианства (Церкви Востока) на территории Средней Азии занимается диссертант (Москва). Наряду с другими темами сотрудники Государственного Эрмитажа — А.И. Колесников, В.Н. Залеская и Института истории материальной культуры — В.И. Распопова.

Глава II. Археологические свидетельства христианства на территории Средней Азии и Южного Казахстана

2.1. Сооружения (церкви, храмы, монастырские комплексы и иные религиозные здания)

К настоящему времени на территории Средней Азии открыты и исследованы четыре археологических памятника, которые можно уверенно интерпретировать как христианские культовые сооружения (рис. 1):

- в Туркмении — это церковь Хароба-Кошук V–VI вв. [Пугаченкова, 1954, с. 15–19; Пугаченкова, 1958, с. 126–131; Михеева (Китаева), 2019, с. 153–169],
- в Узбекистане — Ургутский монастырь IX–XIII вв. [эл. ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>]⁷ [Savchenko, Dickens, 2009, с. 121–135; Savchenko 2010, с. 74–82],
- в Кыргызстане — церковь с христианскими погребениями VIII в. [Кызласов, 1955. Отчет ..., л. 49–51; Кызласов, 1959, с. 231–233; Горячева, Перегудова, 1994, с. 84–85; Хмельницкий, 2000, с. 243–245; Кольченко, 2018, с. 57–64; Михеева, 2019b, с. 246–266) и
- церковный или монастырский комплекс X–XI вв. [Семенов, 2002, с. 11–114; Klein, 2004, с. 25–47; Кольченко, 2018, с. 64–70] на городище Ак-Бешим.

Самой ранней, как хронологически, так и по времени открытия считается церковь Хароба-Кошук, обнаруженная впервые в 1951 г. XVIII отрядом ЮТАКЭ под руководством М.Е. Массона.

Датировка церквей, монастырей и предполагаемых церковных зданий, известных на территории Средней Азии:

- церковь Хароба-Кошук — V–VI вв.;
- «Овальный» дом христианской общины — здание имело два строительных периода: первый — конец IV — начало V вв. н. э., второй — V–VI вв. н. э.;
- сооружение в Термезе — X–XII вв.;
- Ургутский монастырь — IX–нач. XIII в.;
- Коштепа — кон. VII — нач. VIII вв.;
- Коштепа в Нахшабе — втор. пол VI в. — пер. четв. VII в.;
- Айваджский монастырь — V–VIII вв.;
- церковь Ак-Бешим (об. IV) — VIII в.;
- Ак-Бешим. Комплекс церквей — X–XI вв.;
- Таш-Рабат — X–XI вв.

⁷ Дата обращения 25.04.2022.

Церковь базиликального типа Хароба-Кошук (Хароба-Кёшк)
(Туркмения, историческая область Северного Хорасана)

Памятник расположен на территории Южной Туркмении, в предгорной полосе Копетдага, в Мервском оазисе (в период раннего средневековья – территория Северного Хорасана, входившего в состав государства Сасанидов).

История обнаружения и изучения памятника.

Хароба-Кошук располагается в 15 км к северу от старого Мерва, недалеко от средневековой крепости Дуге-Чакын. На данный памятник впервые обратили внимание сотрудники XVIII-го отряда ЮТАКЭ в 1951 г. при изучении памятников Мервского оазиса. Первоначально в 1954 г. его обследовала Г.А. Пугаченкова [Пугаченкова, 1954, с. 15–19; 1958, с. 126–131; 1967, с. 86–87], в 1966–1967 гг. разведочные раскопки проводила Г.Я. Дресвянская [Дресвянская, 1968b, с. 114–121; 1968с, с. 13–15]. В 1981 г. Маргианский отряд Среднеазиатской экспедиции, под руководством Г.А. Кошеленко, при составлении карты археологических памятников Мервского оазиса, на территории памятника проводил разведывательные обследования без раскопок [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 5]. В 2009 г. к памятнику вновь был проявлен интерес уже со стороны итальянских ученых. Они провели рекультивацию раскопов Г.Я. Дресвянской, очистили памятник от мусора и провели дренажную систему для сохранения его от дальнейших разрушений.⁸ В 2010 г. Габриэле Росси Осмида предпринял попытку реконструкции дверей и окон по фотографиям 1958 и 1966 гг. В 2011 г. продолжалась работа по укреплению памятника от разрушения. В восточной части была обнаружена и раскопана входная дверь с аркой. На северной стороне рядом с памятником была выявлена вымостка из сырцовых кирпичей, по мнению Осмиды, имевшая отношение к Хароба-Кошук [Rossi Osmida, 2011, p. 145–178]. В настоящее время памятник полностью законсервирован. Что касается сохранности памятника, то при обследовании его Г.А. Пугаченковой и Г.Я. Дресвянской, еще были видны

⁸ Работы проводили итальянские ученые, совместно со специалистами из Туркмении. Руководил работами известный археолог Габриэле Росси Осмида. Исследователь был уверен, что раскопки Г.Я. Дресвянской привели к тому, что в 1980 г. западная и восточная стены сооружения рухнули, так как не была проведена правильная рекультивация раскопов. Вода подтопила стены, что и привело памятник к таким плачевным последствиям. Г.Р. Осмида ориентируется на автореферат Г.Я. Дресвянской.

В своей статье Г.Р. Осмида не упоминает разведочные работы Г.А. Кошеленко, вероятно, материалы Архивов ИА РАН ему были недоступны. На фотографиях из отчета видно, что западная стена в 1982 г. еще была, а северная была практически полностью разрушена.

Отчасти, Г.Р. Осмида был прав, разведочные шурфы, выполненные Г.Я. Дресвянской не внесли большей ясности в изучение памятника, а сами раскопки усилили процесс разрушения памятника. На фотографии 2003 г. памятник разрушен практически полностью. На взгляд диссертанта, планомерные научные раскопки, проведенные вовремя на этом памятнике, были бы лучшим решением.

стеновые конструкции и даже купол в его восточной части; лучше всего сохранились юго-западная стена и юго-восточный отсек. При обследовании Г.А. Кошеленко в 1980-х гг. состояние памятника значительно ухудшилось, но по южной стене еще можно было проследить дверные проемы (арки). В начале 2000-х гг. оставались только некоторые части стен, тем не менее Г.Р. Осмида решил сохранить оставшиеся стены и не проводить планомерных раскопок, чтобы сохранить памятник для будущих поколений (рис. 2–8).

Описание памятника

Описание Хароба-Кошук дается по Г.А. Пугаченковой, так как при ее обследовании памятник находился еще в удовлетворительном состоянии. Изучение проводилось только натурно, без раскопок. Также будут приведены данные Г.Я. Дресвянской, Г.А. Кошеленко и Г.Р. Осмиды — тех специалистов, которые непосредственно изучали данный объект.

Согласно данным Г.А. Пугаченковой, Хароба-Кошук в плане представляет собой прямоугольное сооружение, вытянутое с севера-запада на юго-восток⁹, с плавным повышением его восточной части. Стены и сводчатые перекрытия здания сложены из сырцовых кирпичей, размером 40х40х11 см и 41х41х11 см. Подобный размер сырцового кирпича был распространен в парфянскую эпоху и применялся в основном в архитектуре крупных сооружений [Пугаченкова, 1954, с. 16]. Размеры всего памятника по внешнему периметру 51х13 м. Согласно плану Г.А. Пугаченковой, сооружение включало единственный длинный зал, как бы расчлененный на семь (восемь?) секций, анфиладно примыкающих друг к другу. В юго-восточном отсеке были замечены две глубокие ниши на поперечной оси, две маленькие комнаты (или лестницы?).

Внутренние стены здания оформлены сводчатыми нишами с арками, которые выводились, по мнению Г.А. Пугаченковой, в процессе кладки самих стен, толщина которых 90 см, затем последние были как будто одеты снаружи футляром стен толщиной 70 см [Пугаченкова, 1954, с. 16–17]. Следов ремонта не обнаружено, внутренняя оболочка стены без штукатурки и соединена с внешней стеной глиняным раствором. Г.А. Пугаченкова предположила, что вход в здание находился в северо-западной (западной) торцевой части сооружения, но дальнейшие исследования Г.Я. Дресвянской показали, что там была глухая стена. В юго-восточной части постройки, над прямоугольным помещением с глубокими нишами, на фотографии видны остатки купола. Исследовательницей было высказано предположение, что широкие отсеки здания также могли перекрываться основанными на подпружных арках куполами [Дресвянская, 1968b, с. 115–118].

⁹ Для удобства описания памятника, условно будем считать, что сооружение расположено строго по сторонам света. Таким образом, торцовые стены располагаются на запад и восток.

Следует отметить, что в восточном отсеке здания Г.А. Пугаченковой на плане была указана полукруглая апсида, которая, по ее мнению, была разрушена в XI–XII вв. [Пугаченкова, 1954, с. 18]. Доказать наличие апсиды сложно, так как планомерных раскопок на этом участке не проводилось, поэтому вопрос с апсидой до настоящего времени остается открытым. Закладка шурфа Г.Я. Дресвянской в центре восточной стены не подтвердила наличия каких-либо конструкций, которые можно было интерпретировать как полукруглая арка [Дресвянская, 1968b, с. 14]. В аналогичных памятниках, обнаруженных на территории Ирака и Ирана, восточная часть сооружения представлена не полукруглой апсидой, а в виде квадратной комнаты с нишами по осям [Михеева (Китаева), 2019, с. 153–167].

Г.А. Пугаченковой было выяснено, что большие арки и своды (пролетом до 3–4 м) были сложены из того же сырцового кирпича, что и стены, приемом клинчатой кладки и имели очертание возвышенной коробовой кривой.¹⁰ Малые арки (до 1,5 м) выведены кладкой кирпичом плашмя. В обоих случаях требовалось употребление кружал (рис. 9).

Наружные стены сооружения гладкие, оштукатуренные глиной, без какого-либо сохранившегося архитектурного декора [Пугаченкова, 1954, с. 16].

Несколько отличается план и описание памятника у Г.Я. Дресвянской. Разведочные раскопки проводились в 1966–1967 гг. [Дресвянская, 1968a, с. 28; 1968b, с. 114–121; 1968c, с. 13–15]. На памятнике было заложено три шурфа и произведены четыре зачистки. Шурфы 1 и 2 были заложены в восточной части помещения, шурф 3 — внутри сооружения, почти в центре (в третьем отсеке с запада) южной стены [Дресвянская, 1968b, с. 116–117].

Размер памятника по Г.Я. Дресвянской — 49,5x11,4 м. Внутреннее и единственное помещение памятника разделено на 11 отсеков (не 7 и не 8 как у Г.А. Пугаченковой). Северная стена с внешней стороны имела сильные оплывы, но на южной стороне стены сохранилось по 10 сквозных проемов. Арочные проемы высотой 2,75 м и шириной 1,2 м чередовались с арочными проемами высотой 3,45 м и шириной 2,40 м и имели четкое членение. Над западным малым проемом, на высоте 2,90 м, сохранилось небольшое окно, шириной 40 см, которое в определенный период было заложено кирпичом. На этом основании Г.Я. Дресвянская предположила, что, возможно, второй ярус сооружения был световым. Здание, в наиболее сохранившейся части, возвышалось до 7,70 м [Дресвянская, 1968b, с. 119].

Описание шурфов по Г.Я. Дресвянской (рис. 10):

- *Шурф 1* показал, что восточная половина здания была изолирована от основного помещения и представляла собой квадрат 5,60x5,60 м с глубокими нишами на противоположных

¹⁰ Считается, что перекрыть сводами из сырцового кирпича пространство свыше 4 м практически невозможно. См.: Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 6; Хмельницкий, 2000, с. 242.

стенах. Штукатурка стен была закопчена, а на восточной стене обнаружена небольшая ниша (длина 30 см, глубина 15 см, высота 30 см) с толстым слоем нагара.

- *Шурф 2* (4х2 м) был заложен в южной стене восточной половины сооружения, который выявил наличие выкладки из сырцового кирпича (размеры 30х30х5–6 см), положенного плашмя в один ряд. Сверху выкладка была покрыта штукатуркой и тонкой алебастровой окраской. Затем была обнаружена небольшая арка из сырцового кирпича, ниже — слой разрушений и натека. Г.Я. Дресвянская считает, что арка была сделана позже, так как кирпичи ее примыкали вплотную к стене здания, а между ними была зафиксирована штукатурка со следами копоты (рис. 11).

- *Шурф 3* закладывался для того, чтобы выяснить вопрос о перекрытии внутреннего пространства сооружения в 9,60 м. Оказалось, что внутри здания располагались опоры (устои) шириной 1,5 м, длиной 3,2 м, которые одной стороной примыкали к основной стене (в данном случае южной), и занимали ровно одну треть от всей ширины помещения. От противоположной стороны отходил такой же устой. Основной проход был шириной 3,2 м, и, по мнению Г.Я. Дресвянской, перекрыть такое пространство сводом было вполне реально [Дресвянская, 1968b, с. 116–117]. Это предположение полемизировало с точкой зрения известного археолога В.Л. Ворониной, которая была убеждена, что отсутствие уцелевших частей свода внутри сооружения может говорить о том, что неф Хароба-Кошук был открытым двором. Аналогией подобной конструкции является церковь в Ак-Бешиме, раскопанная Л.Р. Кызласовым в 1953–1954 гг. [Воронина, 1960, с. 54]. Однако Г.Я. Дресвянская не была согласна с данным утверждением [Дресвянская, 1968b, с. 119–120].

Зачистки в северной стороне проводились с целью определения наличия арочных проемов, которые были обнаружены на южной стороне памятника. Также автором раскопок была предпринята попытка определить наличие центрального входа в западной части памятника — обнаружена сплошная кирпичная кладка из сырцового кирпича 35х35х6 см, а вход, вероятно, не зафиксирован [Дресвянская, 1968b, с. 119].

Г.Я. Дресвянская считала, что вход в здание осуществлялся через двери в северной и в южной стенах. Также ею было замечено, что на памятнике часто встречался кирпич с клеймом в виде отпечатка руки [Дресвянская, 1968b, с. 118–120]. Кирпич с аналогичным отпечатком был найден при работах на памятнике Г.Р. Осмиды [Rossi Osmida, 2011, p. 172, Fig. 22].

Следует упомянуть, что как Г.А. Пугаченковой, так и Г.Я. Дресвянской было отмечено, что здание Хароба-Кошук функционировало в IX–XII вв. В это же время происходит ремонт и некоторая перестройка здания [Пугаченкова, 1954, с. 18; Дресвянская, 1968с, с. 14].

Описание памятника Г.А. Кошеленко, обследовавшего Хароба-Кошук в 1981 г., отличается от предыдущих. Согласно отчету Г.А. Кошеленко, памятник представляет собой прямоугольное здание, вытянутое по оси северо-запад–юго-восток — 55х10 м. В юго-восточной

части расположена возвышенная «алтарная часть», с крестообразной планировкой помещения — 6,70x5,70 м. Ширина пролетов 10 арок, образующих сохранившуюся юго-западную стену, до 3 м. Высота стены — около 6 м. Г.А. Кошеленко также предположил, что сырцовые пилястры (по Дресвянской — устои), расположенные в промежутках между арками, могли служить опорой для сводов перекрытия. Пилястры выступают от грани стен на 1,5 м. Ширина их — 90 см. Все здание построено из сырцового кирпича, размером 38x38x9 см, характерного для раннего средневековья [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 6].

В 2009 г. памятником вновь заинтересовались исследователи, на этот раз западные специалисты. Согласно работам Г.Р. Осмиды, проводившимся с 2009 по 2011 гг., план Хароба-Кошук отличается от предыдущих, известных по публикациям советских ученых. Визуально напоминает крест с четырьмя руками [Rossi Osmida, 2011, p. 151]. Считать данный план наиболее правдоподобным, вероятно, не стоит, так как советские специалисты снимали топографический план еще с сохранившихся стен, а при Г.Р. Осмиде, памятник был почти полностью разрушен.

Планомерные раскопки памятника итальянскими специалистами не предполагались, поэтому более подробно в археологическом отношении была изучена восточная часть памятника, и частично остатки южной стены. Согласно данным Г.Р. Осмиды, в длину памятник составлял 55 м, в ширину от 13 до 18 м. Главный вход в помещение первоначально располагался в восточной стороне и открывался на часть античной дороги к Хорезму и Каспийскому морю. В восточной стене была обнаружена входная дверь из обожженного кирпича. Остроконечная арка опиралась на два массивных столба. Ширина арочной части 120 см. Внутренние кромки двух боковых колонн были несколько закруглены на уровне высоты роста человека. Г.Р. Осмида предположил, что возможно люди, когда ступали на порог, гладили столбы в каких-то ритуальных целях [Rossi Osmida, 2011, p. 151–159]. Возможно, речь идет об иудейской мезузе. Если исходить из того, что первыми христианами в значительной степени были обратившиеся в христианство иудеи, это предположение может иметь некоторый смысл.

По предположению Г.Р. Осмиды, первоначально арка была сделана в сасанидское время, но в период сельджуков, дверь была частично перестроена в окно и построена ниша с остроконечной аркой. Южная стена сооружения построена в сасанидский период и периодически подвергалась реставрации в период сельджуков [рис. 12, 13; Rossi Osmida, 2011, p. 153–154]. В юго-восточной (восточной) части Г.Р. Осмида предполагает наличие подземной крипты (склепа), так как на уровне ног были обнаружены два окна. Ниже, как считает ученый, находилась лестница, которая вела в склеп. Это предположение вполне вероятно, так как именно в этой части Г.Я. Дресвянской была выявлена кирпичная кладка и арка (шурф 2, см. описание выше). В западной части южной стены три двери в сельджукский период были превращены в окна. Всего же на южной стене памятника археологом было зафиксировано (восстановлено по

фотографиям 1951, 1966 гг.) шесть окон и семь дверей. В торцевой, западной стороне памятника располагались два этажа [Rossi Osmida, 2011, p. 157–159]¹¹. Наличие второго этажа было предложено впервые Г.Я. Дресвянской [Дресвянская, 1968b, с. 116].

Для определения, является ли северная стена зеркальным отображением южной¹², у основания памятника была вскрыта траншея, которая показала огромную платформу из сырцовых кирпичей (41x41x8–11 см)¹³, расположенную параллельно основному зданию и на 1,7 м от него. Расстояние между кирпичами около 8 см. Под платформой был зафиксирован слой пахсы около 80 см. В связи с этим Г.Р. Осмида предположил, что здание А построено в сасанидский период и располагалось на огромной платформе. Здание В — более широкое, также построено в сасанидское время, но позже. На основании здания В, сделанном из пахсы, построены стеновые конструкции [рис. 14, 15; Rossi Osmida, 2011, p. 149–156].

Датировка памятника

Основываясь на анализе архитектурных деталей памятника (размер сырцового кирпича, коробовая форма сводов, стрельчатая форма малых арок); находках сасанидских монет Кавада I (488–531) и Хосрова I (531–579) и фрагментов безглазурной керамики, Г.А. Пугаченкова, а вслед за ней Г.Я. Дресвянская отнесли время сооружения памятника к V–VI вв. [Пугаченкова, 1954, с. 16; Дресвянская, 1968с, с. 14].

Г.А. Кошеленко считает, что Хароба-Кошук можно датировать не раньше начала VI в. Керамика сасанидского и мусульманского (X–XII вв.) времени и медная монета Хосрова I с монограммой «Мерв», обнаруженные во время работ, позволили ученому отнести данное сооружение ко времени после возвращения Мервского оазиса во владение сасанидов. Окончательный же период существования здания им определен как начало или середина VII в. [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 7].

Работы Г.Р. Осмиды позволили предложить самую раннюю датировку памятника — II–III вв. н. э. Парфянские слои были обнаружены при работах у основания северной стены сооружения. Среди парфянских монет, найденных на памятнике, восемь были

¹¹ По мнению Г.Р. Осмиды, в связи с тем, что в данной части Дресвянской не была произведена должная рекультивация раскопок 1966–1967 гг. со временем вся стена обрушилась. Автор диссертации полагает, что вряд ли в разрушении именно этой части сооружения есть вина Г.Я. Дресвянской, так как шурфы там не закладывались — были проведены лишь две зачистки с внешней стороны сооружения.

¹² Подобную работу впервые выполнила Г.Я. Дресвянская, доказав тем самым, что северная и южная стороны памятника одинаковые [Дресвянская, 1968b, с. 117].

¹³ Размер кирпича впервые был указан Г.А. Пугаченковой, которая считала, что стены и сводчатые перекрытия всего здания были сделаны из подобного кирпича [Пугаченкова, 1954, с. 15].

идентифицированы как принадлежащие правлению аршакидских царей — Вологеза III (ок. 148–192) и Вологеза IV (ок. 191–207) [Rossi Osmida, 2011, с. 156].

Как упоминалось ранее, в течение 2010 г. на юго-западной стороне сооружения В, был обнаружен сырцовый кирпич с клеймом в виде отпечатка руки¹⁴ (рис. 16). Подобные кирпичи были найдены при раскопках известного археологического памятника — «Овального» здания¹⁵. В связи с этим, Г.Р. Осмида считает, что первоначально сооружение Хароба-Кошук было построено в конце IV — нач. V вв. и имело какие-то связи с «Овальным» зданием [Rossi Osmida, 2011, с. 160–163].

Из находок, обнаруженных при работах Г.Р. Осмиды, интересен наперстный бронзовый крест, обнаруженный зажатым в упоре главной арочной двери и датируемый им до XI в. и фрагменты керамического сосуда со штампованными крестами (Таблица 8, №1). Данный крест идентичен форме для отливки крестов, которая была обнаружена при раскопках в Мерве ЮТАКЭ [Никитин, 2001, с. 39; Rossi Osmida, 2011, с. р. 168, fig. 19].

Интерпретация памятника.

Архитектурно Хароба-Кошук, по мнению Г.А. Пугаченковой, можно отнести к местной строительной традиции. Сырцовые кирпичи, купольное перекрытие в юго-восточной части постройки, эллиптические своды и стрельчатые арки в нишах и проемах — все это было отнесено исследователем к мервским мастерам [Пугаченкова, 1958, с. 129]. Основываясь на архитектурных параллелях с малыми малоазиатскими церквями в Византии и Иране, Г.А. Пугаченкова предложила считать Хароба-Кошук христианской церковью.

Г.Я. Дресвянская согласилась с такой интерпретацией памятника, дополнив ее археологической находкой, обнаруженной при разведочных раскопках в 1966–1967-х гг. — донцем чаши с изображением равноконечного креста [Дресвянская, 1968b, с. 118]¹⁶.

Г.А. Кошеленко также считал, что данный памятник является упрощенным вариантом типичной несторианской церкви [Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 159].

С 1990-х гг. к изучению памятника подключаются архитекторы. В 1990 г. А.М. Высоцкий опубликовал свой вариант плана Хароба-Кошук, предложив свою реконструкцию памятника и

¹⁴ Г.Я. Дресвянская пишет, что кирпичи с подобным клеймом встречались на памятнике довольно часто [Дресвянская, 1968b, с. 115].

¹⁵ Размер кирпича 30x36x10 см. О памятнике см.: Дресвянская, 1974.

¹⁶ При разведочных раскопках, помимо керамики Сасанидского времени, и IX–XII вв. ею было обнаружено плоское донце чаши, диаметром 5 см. Черепок розового цвета, с хорошей отмучкой и равномерным обжигом. С внутренней стороны донце покрыто поливой белого цвета, а в центре, на дне, был изображен равносторонний крест марганцево-коричневого цвета. Автор датирует донце X в., аргументируя тем, что чаши с подобными характеристиками часто встречаются на памятниках X века. К сожалению, изображения самого донца автор не дает [Дресвянская, 1968b, с. 118].

более узкую дату его постройки — с 484 до 651 гг. [Высоцкий, 1990, с. 90–100]. Сопоставив сооружение с раннесредневековыми христианскими (и светскими) памятниками Ирана, стран Закавказья и Сирии, а также с постройкой «объект IV» на городище Ак-Бешим (VIII в.), А.М. Высоцкий заключил, что базиликальное помещение с боковыми входами, а также происхождение наоса со сводчатыми нишами можно связать непосредственно с раннесредневековыми христианскими памятниками Ирана. Также автор считает, что Хароба-Кошук была именно несторианской церковью, а никак не мелькитского (православного) толка [Высоцкий, 1990, с. 94–95]. Согласно плану А.М. Высоцкого, сооружение представляло собой узкий коридор с небольшими комнатками по бокам (рис. 18).

Архитектор С.Г. Хмельницкий категорически не согласился с планом А.М. Высоцкого, считая, что подобный план вряд ли может быть христианской церковью, так как это противоречит основным всеобщим функциям церкви, в которой внутреннее пространство, всегда господствующее [Хмельницкий, 2000, с. 241].¹⁷ В целом он согласен с Г.А. Пугаченковой, что Хароба-Кошук, представляет собой церковь «зального типа», распространенного в средние века на Ближнем Востоке и в Закавказье (рис. 19). Как считает С.Г. Хмельницкий, недоразумения, связанные с изучением и публикациями Хароба-Кошук, были вызваны перестройками здания в XI–XII вв., когда, возможно, были удлинены пристенные выступы, превратившиеся затем в поперечные стены, между которыми, позднее, были пробиты новые двери [Хмельницкий, 2000, с. 243]. А.И. Наймарк предположил, что подобные пристенные выступы или устои были продиктованы технической необходимостью, поскольку свод, выполненный из необожжённого кирпича вряд ли мог бы выдержать конструкцию в 3,5 м [Наумарк, 2001, р. 300].

В 1999 г. к спору ученых об интерпретации данного сооружения подключилась еще одна исследовательница — Г. Пушниц (G. Puschnigg), которая пришла к выводу, что считать данное сооружение христианской церковью нельзя, так как ни план здания, ни методы его строительства не дают для этого никаких оснований [Puschnigg, 1999, р. 103–104, 180–181].

Г.Р. Осмида согласился с советскими учеными в том, что Хароба-Кошук можно интерпретировать как христианскую церковь на основании того, что памятник имеет необычную для Мерва планировку — вытянутое прямоугольное здание. Но с одним уточнением – данное сооружение можно рассматривать как христианскую еkkлeсию или Дом собраний. По его

¹⁷ За предложенный топоплан А.М. Высоцкий был сильно раскритикован С.Г. Хмельницким. Последний считал, что, судя по плану А.М. Высоцкого, это не церковь, а конюшня. При этом С.Г. Хмельницкий при издании своей книги с главой о культовых постройках в Средней Азии не указывает диссертацию Г.Я. Дресвянской, опубликовавшей именно такой план памятника. Именно Г.Я. Дресвянской в «Памятниках Туркменистана» был издан план сооружения с неправильной ориентацией на северо-восток, поэтому вины А.М. Высоцкого здесь нет. [Хмельницкий, 2000, с. 241].

мнению, подобные здания надо искать не в Византии, как это делали советские ученые, а в Сирии и Ираке, а также в Ургутском монастыре (Узбекистан, Ургутский р-н), раскопанном и исследованным А.В. Савченко с 1999 по 2008 гг. Свои выводы в пользу христианской церкви Г.Р. Осмида выстраивает, основываясь на выводах Г.А. Пугаченковой и Г.Я. Дресвянской. «Овальное» здание (IV–VI вв.), интерпретируемое специалистами как монастырь мелькитов, дало возможность Г.Р. Осмиде не сомневаться в христианской принадлежности Хароба-Кошук [Rossi Osmida, 2011, с. 172].

Вывод

Следует сказать, что до 2010 г. все предположения советских специалистов о принадлежности Хароба-Кошук к христианской церкви находились на уровне гипотез. Планомерных раскопок всего памятника не проводилось. Г.А. Пугаченковой и Г.А. Кошеленко выполнены обмеры памятника и топографический план. Г.Я. Дресвянской проведены разведочные шурфы в восточной и западной частях памятника, о которых опубликована малоинформативная заметка в журнале и дан сжатый материал в ее диссертации.

При археологическом обследовании памятника Г.Р. Осмидой им был представлен совершенной иной план памятника, не имеющий ничего общего со всеми предыдущими. И если интерпретировать Хароба-Кошук его по плану, то предположить, что это сооружение церковь, будет довольно сложно. К сожалению, спасательно-реставрационные работы Г.Р. Осмиды не дали археологического материала, который позволил бы точно идентифицировать памятник как христианскую церковь, не опираясь, главным образом, на его архитектурные особенности. Для раннего периода существования сооружения нет никаких археологических находок, связанных с христианским культом. Тем не менее, вопрос о культовой принадлежности памятника именно к христианской религии у ученых вопроса не вызывает.

Обнаружив самые ранние слои на памятнике и предположив, что данное сооружение — это иудео-христианская еkkлeсия, Г.Р. Осмида, вероятно, имеет в виду, что церковь посещали как христиане, так и иудеи, так как известно, что до конца II в. христианское население ничем не отличалось от местного [Беляев, Мерперт, 2007, с. 198]. А первые христиане «набирались» из местного еврейского населения [Бонгард-Левин и др., 2005, с. 190–192]. Но проследить по археологическим источникам это невозможно. В связи с отсутствием полноценных раскопок на памятнике, можно лишь предположить, что сооружение построено на остатках здания парфянского времени, и это только гипотеза. Известно, что до начала III в. проследить настоящие памятники археологии христианской Церкви невозможно [Беляев, Мерперт, 2007, с. 198].

Г.А. Кошеленко отмечает, согласно «Хронике Сеерта», бывшая царица, ставшая женой марзабана Мерва и обращенная в христианство Бар Шабой, решила построить в Мерве церковь. Сложность оказалась в том, что никто не знал, каким должно быть это здание, его планировка и

устройство. Поэтому за образец был взят сасанидский дворец в Ктесифоне. Это описание положения христианского населения Мерва во второй половине III в. [Бонгард-Левин и др., 2005, с. 199]. Хароба-Кошук можно отнести к базиликальному типу церквей, который стал господствующим в христианской архитектуре в Месопотамии, и в соседних областях уже во время Персидского владычества [Бонгард-Левин и др., 2005, с. 199]. Из чего следует, что датировка памятника, предложенная советскими специалистами наиболее вероятна и оправдана.

Интересно проследить преемственность в строительстве подобных зданий на территории Средней Азии. Ведь мервские мастера не могли просто так построить подобное здание, для этого нужны были определенные знания, опыт, и сама идея, для постройки сооружения такого типа.

Однако, при изучении истории исследования данного памятника выявился ряд определенных проблем. План Г.А. Пугаченковой снимался натурно, и главное внимание при его составлении было уделено внешнему фасаду здания и его архитектурным деталям¹⁸. Он несколько отличается от плана, сделанного Г.Я. Дресвянской в 1966–1967 гг. Предполагаемый Г.А. Пугаченковой вход в здание в торцевой западной части памятника не подтвердился. Также не подтвердилось предположение о полукруглой апсиде в северо-восточной части памятника. В результате работ Г.Р. Осмиды в юго-восточной части памятника выяснилось, что там тоже находился вход, и как считает ученый, это был главный вход в здание. В данном случае, точный ответ на вопрос о расположении входа можно получить только после раскопок внутреннего двора памятника, но если судить по размеру кирпичей¹⁹, из которых была сложена арка, то вероятно, что построена она была в сельджукское время, а не в сасанидское, и, видимо, в тот момент, когда сооружение уже не использовалось как церковь.

К сожалению, план памятника, выполненный Г.Я. Дресвянской, практически полностью реконструированный. Вместо того, чтобы показать сохранившиеся части памятника, а предполагаемые, к примеру, контуром, автор в своей диссертации дает план так, как будто здание полностью сохранилось. План памятника, выполненный Г.А. Кошеленко, был сделан, когда практически вся северная стена уже разрушилась, угол северо-восточной части здания практически исчез. Проследить опоры (или устои) в 1980 г. было уже довольно сложно. На плане не указаны арочные проходы, зафиксированные как Г.А. Пугаченковой, так и Г.Я. Дресвянской. Тем не менее, наиболее приближенным к реальности, наверное, нужно считать план, выполненный Г.А. Пугаченковой, так как он снимался в то время, когда памятник находился еще

¹⁸ Из заметки Г.А. Пугаченковой понятно, что когда-то предполагалось выполнить раскопки на памятнике для того, чтобы восстановить все детали планировки, но они так и не были проведены.

¹⁹ Размеры кирпичей: 27x28x6 см, 29x29x5,5 см, 40x40x5,5 см, 34x34x12 см, 39x39x11 см. [Rossi Osmida, 2011, с. 157].

в удовлетворительном состоянии²⁰. Уточняющим к плану Г.А. Пугаченковой можно считать план Г.А. Кошеленко, на котором прорисованы все сохранившиеся стены, а обмеры соответствуют описанию. Если его немного реконструировать, то получается следующая планировка сооружения: вытянутый с северо-запада на юго-восток прямоугольник, с глухой западной торцевой стеной и крестообразным помещением в восточной части памятника. Восточная торцевая стена прямая, без каких бы то ни было следов полукруглой апсиды. По бокам располагались глубокие ниши, в углах помещения — маленькие комнатки. Входы в здание находились в южной и северной стенах, которые были абсолютно одинаковые²¹. Восточное помещение перекрывалось куполом, каким было основное помещение, до настоящего времени не ясно (рис. 20).

Размеры памятника следующие: по Г.А. Пугаченковой — 51х13; по Г.Я. Дресвянской — 49,50х11,40; по Г.А. Кошеленко — 55х10 м; по Г.Р. Осмида — 55 м в длину, от 13 до 18 м в ширину. В среднем можно предположить, что размеры памятника в длину — около 55 м, в ширину — около 12²².

Стены здания сложены из сырцового кирпича, характерного для раннего средневековья. По описанию Г.А. Пугаченковой, внешний фасад стен был как бы футляром для внутренних стен²³, но обследование памятника Г.Р. Осмидой выявило на южной стороне стены вторую стену, построенную, судя по размеру кирпича, в период сельджукского правления [XI–XIII вв.; Rossi Osmida, 2011, p. 158, fig. 14]. Вероятно, что «футляр» был пристроен в втором периоде существования данного сооружения, — в IX–XII вв. или частично был проведен ремонт и перестройка некоторых частей стен.

²⁰ Хотя, А.И. Наймарк считает план Г.А. Пугаченковой устаревшим [Наймак, 2001, p. 298–300].

²¹ О том, что южная стена зеркальна северной первоначально доказала Г.Я. Дресвянская [Дресвянская, 1968b, с. 117], вслед за ней Осмида [Rossi Osmida, 2011, p. 154].

²² Г.Р. Осмида проводил замеры на почти разрушенном памятнике, вероятно, не стоит брать его расчеты как самые верные. С другой стороны, Г.Я. Дресвянская пишет, что устои были длиной 3,2 м и располагались на южной и северной стенах, проход между ними был шириной 3,2 м, соответственно внутреннее пространство сооружения было 9,6 м, плюс некоторая ширина стен, итого ширина всего здания около 12 м.

²³ Г.А. Пугаченкова пишет, что кирпич был общего стандарта, внутренняя стена не имела штукатурки и была соединена с внешней хорошим глиняным раствором [Пугаченкова, 1954, с. 15]. В.Л. Воронина не согласна с данным утверждением, и считает, что внешняя стеновая конструкция была сделана позже, и закрыла собой шесть боковых входов [Воронина, 1960, с. 54]. Предположение В.Л. Ворониной оправдалось.

Каким было перекрытие церкви, до настоящего времени неизвестно. И так как раскопок на памятнике не проводилось, следов конструкций свода не было обнаружено, данный вопрос так и останется на уровне предположений²⁴.

Внутри сооружение состояло из помещения, разделенного на 10 или 11 секций (у Г.А. Пугаченковой — 7–8, у Г.Я. Дресвянской — 11, у Г.А. Кошеленко — 10), разделенных устоями (опорами или по Г.А. Кошеленко — пилястрами), образуя длинный коридор вдоль всего здания. В ЮВ части памятника располагалась небольшая комната (Г.А. Пугаченкова не выделяет ее отдельно, и обозначает как одну из секций; ее размеры по Г.Я. Дресвянской: 5,60x5,60 м, по Г.А. Кошеленко: 6,70x5,70 м). Специалисты предполагают, что данное помещение можно назвать алтарным благодаря двум глубоким нишам, расположенным по осям помещения, за счет чего квадратное помещение превратилось в крестообразное. Еще одним доводом в пользу предположения об алтарном помещении является неглубокая ниша в восточной части помещения, которая была покрыта слоем нагара, и само расположение данной комнаты в восточной части памятника. По углам в восточной части помещения Г.А. Пугаченковой были отмечены две маленькие комнаты. При работах Г.Р. Осмиды в северо-восточном углу комнаты была обнаружена яма для большой ёмкости²⁵. Возможно, яма была вырыта позже. Внешний фасад сооружения (южная и северная стены) был оформлен сводчатыми арками, разных размеров, чередующихся в определенном порядке (подробнее см. выше). Г.Р. Осмида реконструировал по фотографиям входные двери и окна на южной стене [Rossi Osmida, 2011, p. 157–159].

В целом следует сказать, что весь памятник построен в среднеазиатских архитектурных традициях местными строителями [Пугаченкова, 1958, с. 129].

Известно, что церковные здания строятся по определенным архитектурным стандартам и планам. Возможно, поиск аналогичных сооружений позволит нам решить вопрос с планировкой алтарного помещения Хароба-Кошук и понять, откуда мервские мастера могли взять образец для постройки подобного сооружения.

В отношении планировки Г.А. Пугаченкова считает близкой аналогией Хароба-Кошук малоазиатские церкви в Эфесе: церковь Троицы и Св. Георгия в Сардах и церковь сасанидского периода в Ктесифоне (сер. VI в., Ирак) в архитектуре которых А. Шуази видел скрещение

²⁴ Ряд ученых считает, что памятник перекрывался куполами на подпружных арках, другие полагают, что сооружение перекрывалось сводом. В.Л. Воронина была убеждена, что двор Хароба-Кошук был открытым, как двор церкви на городище Ак-Бешим (об. IV).

²⁵ Г.Р. Осмида считает, что в сасанидское время в восточной части памятника находился главный вход в здание, а в западной части предположительно располагался второй этаж. Во время раскопок восточного входа с аркой не было обнаружено предметов IV–VI вв., а размер кирпича соответствовал XI–XII вв.. Возможно, данное предположение неверно.

римского Запада и Персии [Шуази, 1906, с. 34–41]. В целом, такой ряд аналогий понятен. Кроме церкви в Ктесифоне²⁶, подобные базилики имеют длинный вытянутый неф, разделенный лишь архитектурно сводчато-купольными перекрытиями с выносной полукруглой апсидой по оси. Планировка Хароба-Кошук несколько напоминает малоазиатские церкви, правда, остается нерешенным вопрос с перекрытием сооружения и наличием (или ее отсутствием?) полукруглой апсиды в его восточной части.

Г.Р. Осмида предлагает искать церковные здания с аналогичной планировкой в Сирии и Иране. В V–VI вв. в Сирии сформировался самостоятельный вариант базиликального здания церкви, корни которого восходят к римским древнехристианским базиликам IV в. [Брунов, 1935, с. 466–470]. Сирийские базиликальные церкви продолжали существовать в V–VI вв., в то же время в Константинополе они уже были исключением. Подобные базилики не имели атрия (или двора), располагались изолированно, а колоннады, отделявшие нефы друг от друга, заменялись низкими столбами с большими пролетами арок между ними. Общая схема трех нефов, с полукруглой апсидой, замыкающей главный неф и базиликальный разрез, всегда сохранялась. Перекрытия сооружений были деревянными. В отличие от римских базилик IV в. все формы сирийских базилик были массивными и тяжеловесными. Классический пример – трехнефная базилика Кальб-Лузех (сер. V в.), размеры: 25x15 м. Основное здание разделено на три нефа, опирающиеся тяжелыми аркадами на квадратные пилоны. Стены центрального нефа выше средних, над арками прорезаны ряд окон. Завершается церковь полукруглой апсидой, снаружи украшенной двумя рядами колонок, разделявших четыре окна [Брунов, 1935, с. 466–470]. Аналогичных церквей в Сирии сохранилось довольно много. Примеры похожих сооружений можно встретить и на территории Месопотамии (Ирака), например, базилика VI в. Каср-Серидж [Okada, 1991, с. 77; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 148] и базилика Музейфне VII в. [Okada, 1991, р. 77; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 148], которые в отношении планировки находят много общего с архитектурой сирийских базилик.

Обратимся в первую очередь к памятникам, расположенным в исторических областях, входивших в состав Сасанидской империи или занимавших ее пограничные районы — в Месопотамии и Персии, на современных территориях Ирака, прибрежных областях Персидского залива и Ирана. В настоящее время в этих местах известно около тринадцати археологических памятников, которые уверенно интерпретируются как церкви, базилики и монастырские комплексы. Причем позволяют трактовать тот или иной объект как церковь не только архитектурные планировочные стандарты. При раскопках подобных сооружений встречаются фрагменты гипсового декора с крестами: Аль-Хира, холм XI [Talbot-Rice, 1931, р. 51–73], Аль-

²⁶ О ней подробнее см. далее.

Кусур [Bernard, Salles, 1991, p. 7–21; Calvet, 1998, p. 680–682; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 150–151], Акказ [Calvet, 1998, p. 674–675; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 151–152], остраконы с сирийскими надписями в церкви Селевкии-Ктесифона [Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 145], керамические лампы с изображением креста, в стенах или колонах некоторых зданий иногда находят захоронения человеческих костей, возможно, являющиеся мощами неких религиозных представителей местных церквей.

Данные сооружения условно можно разделить на три группы:

- 1) однефные церкви (рис. 21, 22, 23);
- 2) церкви, неф которых визуальнo разделен колонами на три нефа;
- 3) трехнефные сооружения, общий зал которых разделен на три части стеновыми конструкциями.

Относительно аналогий Хароба-Кошук, первая группа церквей самая интересная. В нее входят прямоугольные сооружения с единственным залом – нефом (рис. 22). Прежде всего, это церковь конца VI в. Селевкия-Ктесифон [Reuter, 1929, p. 449–451; Okada, 1991, p. 76; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 144–145], имеющая единственный неф, с пристенными прямоугольными колонами и тремя помещениями в восточной части. В планировочном отношении эта церковь является самой близкой аналогией Хароба-Кошук. Памятник был обнаружен на территории Селевкии-Ктесифона (Ирак) Немецким обществом востоковедов в 20-е годы XX в. [Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 144–145]. Церковь находилась в западной части городища на верхнем холме Каср бинт аль-Кади. Прямоугольное в плане здание (42x19 м), ориентированное с запада на восток, построено из обожженного кирпича. Единственный неф имел размеры 27,18x15,06 м, перекрывался кирпичным сводом, который опирался на мощные прямоугольные столбы, приставленные к боковым стенам. Торцевая западная стена была глухая, входы в помещение располагались в северной и южной стенах, по три с каждой стороны. Восточная половина сооружения состояла из трех небольших помещений. Центральное или алтарное помещение было шире боковых, в плане оно было прямоугольной формы с прямой торцевой восточной стеной, с глубокими нишами по сторонам и проходами в соседние комнаты-пастофории. Каждое из этих трех помещений в восточной части сооружения имело проходы в неф. При этом проходы из боковых комнат были довольно узкими. Проход из центрального помещения был напротив широким, и в нем, по описанию Окады, была построена лестница. Алтарное помещение, вероятно, перекрывалось сводом, а на полу его были обнаружены следы купола или навеса — *ciborium*. Исследования показали, что церковь имела два периода существования. На первом этапе неф был немного уже, вдоль стен стояли тонкие колоны на квадратной базе. Датировка этого периода неизвестна. На втором этапе существования неф расширяется, а пристенные

колоны перестраиваются в прямоугольные столбы. Этот период приходится на середину или конец VI в. [Okada, 1991, p. 76].

Вторым памятником, который следует включить в данную группу, является большая церковь Аль-Хира²⁷ (холм V), обнаруженная в 1931 г. британской археологической экспедицией под руководством Д. Тэлбот-Райса [Talbot-Rice, 1934, p. 51–73; Okada, 1991, p. 76; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 146]. При обследовании данной части города было обнаружено две церкви: первая или малая — более ранняя (VI в.) — располагалась на холме XI. Вторая находилась на холме V, и на основании найденной в церкви фрески датируется VII в. [Okada, 1991, p. 76]. Это сооружение внушительных размеров — 58x33,5 м. В связи с тем, что центральная часть нефа памятника осталась не раскопанной, а на вскрытой площади не прослеживаются следы колонн, которые делили бы зал на условные отдельные пространства, можно предположить, что церковь была однефной. Ориентация здания почти такая же, как у Хароба-Кошук — с северо-запада на юго-восток. Стены и перегородки в восточной части памятника полностью построены из сырцового кирпича. Жженый кирпич использовался для вымостки пола и для строительства пристенных колон. В плане здание представляет собой прямоугольник, с одним большим нефом, с поднятой платформой в его центре. Характер перекрытия основного нефа неясен. Один внешний вход находился в южной стене, и два — в северной. В восточной части располагались три помещения, из которых центральное было несколько шире боковых и имело размеры: 41,5x27,5 м. Квадратная в плане алтарная комната была полностью открыта для основного нефа. Южное боковое помещение имело вход как в неф, так и в алтарную комнату. Северное боковое помещение выходило только в зал. В центре восточной стены алтарного помещения была прослежена маленькая ниша, украшенная настенными рисунками. Небольшая ниша находилась также в торцевой западной стене.

К данной группе следует отнести также церковь (церковь В), обнаруженную немецкой экспедицией в оазисе Рахалийя (Ирак), в районе Кусайр [Okada, 1991, p. 77; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 148]. Это однефная церковь, полностью сложенная из камня, прямоугольная в плане, размеры: 35x8 м. Алтарное помещение ее ориентированно не строго на восток, а с некоторым отклонением к северо-востоку. Была перекрыта куполом. Западная часть церкви полностью разрушена. В алтарном помещении под нишей было обнаружено погребение. В связи с тем, что опубликованный план церкви найти не удалось, можно предположить, что алтарное помещение имело форму квадрата или прямоугольника. Датировка церкви не указана.

²⁷ Аль-Хира — столица арабского государства Лахмидской династии, которая была буферной зоной между Византией и Сасанидским Ираном. На протяжении всего своего существования государство Лахмидов занимало вассальную позицию по отношению к сасанидам.

Церковь Селевкия-Ктесифон (кон. VI в.) и большая церковь Аль-Хира (VII в., холм V), на взгляд автора диссертации, имеют много общего с планировкой здания Хароба-Кошук: прямоугольная форма всего сооружения, один общий неф с мощными пристенными колоннами, прямоугольное или квадратное алтарное помещение внутри основных стен с нишами по сторонам или в торцевой восточной стене. Внешние входы с зал, также как у Хароба-Кошук, расположены с южной и северной сторон.

Вторая группа представлена сооружениями, в которых общее пространство церкви — неф — визуально разделен круглыми колоннами на три части²⁸. Это вышеупомянутая церковь Аль-Хира VI в. (холм XI) и церковь конца VI в., расположенная в 110 км на юго-запад от Багдада, в оазисе Рахалийя — Каср аль Май [Okada, 1991, p. 77; Гаиров, Кошеленко, 2006, с. 146]. Обе церкви имеют схожую прямоугольную планировку. У церкви Каср аль Май с южной стороны располагаются дополнительные помещения. Подобное, кстати, можно проследить на южной стороне церкви Аль-Хира (холм XI), в ее восточной половине. Ориентация сооружений отличается, но следует отметить, что ранние церкви Месопотамии и Персии не всегда строились строго по сторонам света. И даже Хароба-Кошук, самая ранняя церковь Средней Азии, тоже ориентирована с северо-запада на юго-восток, а не точно в направлении запад–восток. Как в церкви Аль-Хира (холм XI), так и в Каср аль Май один общий неф разделен на три прохода круглыми колоннами, в восточной части располагались по три помещения, центральное — алтарное, квадратной формы, которое перекрывалось куполом. С двух сторон алтарная комната фланкировалась небольшими помещениями прямоугольной формы. Вход в церковь Каср аль Май располагался в западной стене, в Аль-Хира (холм XI) — в северной и южной стенах, симметрично друг другу. Характер перекрытий основного нефа точно не определен.

Самое значительное число церквей представлено в третьей группе. Это церкви, датируемые до VII в. и имеющие практически одинаковую архитектурную планировку: вытянутый прямоугольник, внутреннее пространство которого разделено двумя рядами столбов на три отдельных нефа с проходами, из которых центральный шире боковых. В западной части находилось продольное помещение или нартекс, в восточной — три помещения, в центре — алтарное, по сторонам — вспомогательные комнаты, вероятно, для *prothesis* и *diaconikon*. Алтарное помещение, как правило, прямоугольной или квадратной формы, с нишами в боковых или в восточных стенах. Остатки росписей стен прослеживались в большей степени именно в алтарных помещениях, которые также чаще перекрывались куполом.

²⁸ Ё. Окада называет такие церкви однефными с тремя проходами, Г.А. Кошеленко — трехнефными.

К трехнефным церквям Ирака, Западного побережья Персидского залива и Ирана относятся следующие²⁹:

1. Кусайр³⁰, церковь А, V–VI вв. Ирак [Okada, 1991, p. 77; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 146–148];
2. Айн-Шайя, ок. VI в., Ирак [Okada, 1991, p. 72–75; Calvet, 1998, p. 680–682; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 148–149];
3. Аль-Кусур, VII в., Кувейт [Bernard, Salles, 1991, p. 7–21; Bernard, Callot, 1991, p. 145–181; Calvet, 1998, p. 671–673; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 150–151];
4. Акказ, сер. VI в., Кувейт [Calvet, 1998, p. 674–675; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 151–152];
5. Аль-Хавр (Сир Бани Яс), VI–VII вв., ОАЭ, Абу-Даби [King, 1997, p. 221–235; Carter, 2008, p. 71–108; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 153];
6. Харг, нач. VII в. или III–VII вв., Иран [Matheson, 1974–1975, p. 49–64; Calvet, 1998, p. 678–681; Steve (Marie-Joseph) et al., 2003, p. 85–154; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 154–155].

В планировке церквей третьей группы, несмотря на то что они не являются прямой аналогией Хароба-Кошук, центральный неф имеет прямоугольную форму, а алтарное помещение в плане квадратное или прямоугольное, с нишами по сторонам или в восточной стене.

Отдельно хотелось бы рассмотреть две церкви, о которых упоминалось ранее. Это церковь, точнее базилика Каср Серидж, находившаяся в Северном Ираке, обнаруженная и исследованная британской экспедицией под руководством Д. Оутса [Okada, 1991, p. 77; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 148], и базилика Музейфне, также расположенная в Северном Ираке и обнаружена в результате охранных обследований данной территории [Okada, 1991, p. 77; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 148].

На взгляд автора диссертации, планировка и строительные приемы, используемые в постройке этих двух базилик, очень схожи с таковыми у сирийских базилик V–VI вв. К сходным особенностям относятся следующие: трехнефная планировка сооружения, разделенная аркадами или арками, опирающимися на мощные квадратные колонны, с полукруглой апсидой в центре восточной части; стены сложены из отёсанных каменных блоков; кровля, как правило,

²⁹ Подробную библиографию по церквям см.: Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 144–158.

³⁰ Выглядит спорным местоположение в данной группе церкви Кусайр (церковь А), так как планировка сооружения сильно напоминает план Хароба-Кошук — сильно вытянутый прямоугольник с юго-запада на северо-восток, с отдельным, алтарным помещением в северо-восточной части памятника. Но немецкие специалисты, изучавшие данный памятник, предполагают, что это не однефная церковь, а трехнефная — остатки сырцовых кирпичей были зафиксированы по всему периметру предполагаемого плана церкви [Okada, 1991, p. 76]. Однако, Г.А. Кошеленко все же пишет о ней, как об однефной церкви [Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 146–148].

деревянная, и что самое главное, сохраняется базиликальный разрез сооружения. Данные церкви несколько отличаются от остальных церковных сооружений, обнаруженных и исследованных в этой области.

Исходя из сравнительного анализа указанных памятников, можно считать, что алтарное помещение Хароба-Кошук все же имело квадратную планировку, а не полукруглую апсиду, как предлагали некоторые специалисты. Вероятно, мервские мастера, используя местные приемы и технику строительства, опирались на примеры культовых христианских сооружений именно Сасанидского Ирана, а не Сирии, Малой Азии или Закавказья. Очевидно, что в восточных церквях предпочитали вместо полукруглой апсиды прямоугольное или квадратное помещение. Е. Окада считает, что корни надо искать в местных традиционных культурах восприятия божественного начала, для которых объемное пространство, увенчанное куполом или сводом, намного привычнее небольших полукруглых святилищ [Okada, 1991, p. 80].

В Средней Азии в архитектурно-планировочном отношении есть три примера, аналогичных памятнику Хароба-Кошук. Прежде всего, это церковь с христианскими погребениями на городище Ак-Бешик [объект IV, Кызласов, 1959, с. 231–233], церковный комплекс, открытый и изученный Г.Л. Семеновым в 1996–1998 гг. [Семенов, 2002, с. 11–114] и христианский храм в Ургуте, исследованный А.В. Савченко с 1999 по 2008 г. [Savchenko, Dickens, 2009, p. 121–135].

Если посмотреть на планировку церковных зданий, построенных на территории Средней Азии, то мы увидим, что все они имеют длинный вытянутый неф и крестообразное помещение в восточной части здания (рис. 24). Можно предположить, что Хароба-Кошук стал своего рода планировочным стандартом для других культовых сооружений, обнаруженных и обследованных на территории Средней Азии [Богомолов, Буряков, и др., 1994, с. 14].

Ко второму периоду существования здания, IX–XII вв., относятся найденные бронзовый крест (до XI в.) и донце чаши с крестом (XI–XII вв.). Встает вопрос: если здание Хароба-Кошук действительно было христианской церковью, могло ли оно функционировать как церковь в более поздний период?

Знаменитый среднеазиатский ученый Абурейхан Бируни, живший в конце X — первой половине XI в. писал о своем времени следующее: «...а большинство жителей Сирии, Ирака и Хорасана — несториане» [Бируни, 1957, с. 317]. Хорасан, как известно, в средневековье занимал часть Южного Туркменистана (Мервский оазис). Какие-то общины христиан-несториан проживали на территории Мерва. Однако вопрос с назначением и функционированием здания Хароба-Кошук в IX–XII вв. пока не выяснен, а все предположения до момента раскопок будут оставаться на уровне гипотез. Г.Я. Дресвянская высказала идею о возможном использовании здания в качестве дома ремесленников — керамистов и кирпичников, однако археологических

подтверждений подобного вывода нет [Дресвянская, 1968а, с. 28]. Основываясь на археологических находках: наперстном бронзовом кресте, донце сосуда с крестом и керамическом сосуде со штампованным рисунком, можно предположить, что в IX–XII вв. Хароба-Кошук функционировала как церковь. Возможно, здание уже не использовалось по своему прямому назначению, но люди, передавая из поколения в поколение информацию о том, что когда-то это была церковь, могли относить туда вещи, так или иначе связанные с христианством.

Сооружение «Овальный» дом

На сооружение, вошедшее в науку как «Овальное» здание или общественный дом типа «Ханако», впервые обратил внимание М.Е. Массон в 1950 г. при проведении археолого-топографической съемки городища Гяур-кала (рис. 25). С 1953 г. на памятнике начинаются стационарные раскопки³¹ и с некоторыми перерывами продолжаются до 1964 г. [Дресвянская, 1974, с. 155–181]. Первые публикации о памятнике в научном мире появляются в 1968 г. [Дресвянская, 1968b, 76–114; 1968с, с. 1–22; 1969, с. 83–88]. В 1974 г. в Трудах ЮТАКЭ Г.Я. Дресвянской был подведен итог изучения данного сооружения, и в дальнейшем специалисты обращались к этому памятнику лишь в контексте общих исторических исследований [Бадер и др., 1996, с. 89; Гаиров, Кошеленко, 2006, с. 160; Хмельницкий, 2000, с. 249–250; Naumark, 2001, p. 304–308].

Описание памятника

Описание памятника дается по Г.Я. Дресвянской, так как в последние годы раскопки на объекте проходили под ее руководством.

Сооружение расположено в северо-восточной части городища Гяур-кала, в некотором удалении от кварталов сплошной застройки. Здание построено из сырцового кирпича, размером 40x40x10–12 см, на оплывших руинах парфянского времени, высотой более 3 м. Ориентировано с севера на юг. Само здание, будучи забутованным, в свою очередь послужило основой для возведения средневекового строения. По форме здание напоминает овал, что связано, вероятно, с естественным контуром холма, на котором оно было построено. Овал по форме ассиметричный – длина 58 м, ширина 42 м. Толщина внешней стены на юге — 6 м, на севере — 4,5 м, на востоке

³¹ История исследования памятника: раскопки памятника начались в 1953 г. (до 1958 г., с перерывами в 1955 и 1956 гг.) под руководством Л.М. Рутковской, в 1959 г. затем начальником раскопа была Ю.А. Каширова, в 1960 г. – на объекте работал В.И. Белоусов В осенних полевых сезонах 1961–1964 гг. работы на раскопе проводились Г.Я. Дресвянской при студенте кафедры археологии ТашГУ В.Н. Пилипко [Дресвянская, 1974, с. 155].

и западе — 2,5 м. Толщина внутренних стен-перегородок около 1,20 м, иногда увеличивается до 1,70 м. В кладке часто встречались кирпичи с клеймами в виде отпечатка руки и прямой линии, делящей кирпич на две части.

Все здание вместе с коридорами состояло из 43 помещений³². 33 изолированные комнаты, располагались по общему контуру овала и имели сводчатые перекрытия. Пять помещений — треугольные, остальные в плане — трапециевидные, меньшей стороной обращенные к центру (рис. 26). В центре располагался большой двор, почти четырёхугольной формы, размером 30x20 м. В один из строительных периодов «Овального» дома двор был сокращен до размеров 16x20 м. Ширина всех комнат около 2,5 м. В помещениях было зафиксировано несколько уровней полов. Со стороны двора все помещения были закрыты сплошной стеной из голубоватого сырцового кирпича [38x38x9–10 см; рис. 26–29; Дресвянская, 1968b, с. 77–83].

В стенах почти каждого помещения были обнаружены ниши (рис. 30–31), в основном замурованные, очаги, диаметр которых варьировал от 50 см до 1,15 м, и изредка суфы — встретились всего в 4 помещениях. К зданию с южной стороны подводил пандус под углом в 14°, сделанный из плотно утрамбованной глины, который был уничтожен в средней и северной части поздней пристройкой. В плане «Овального» дома выделяется шесть групп помещений: южная, юго-восточная, восточная, северная, западная и центральная [Дресвянская, 1968b, с. 79–83].

Особенностью «Овального» дома является то, что в некоторых его помещениях стены были окрашены черной штукатуркой. В некоторых помещениях нижний слой штукатурки был окрашен в черный цвет, поверх — белая, розовая или голубая штукатурка. На стенах комнаты № 19 (южное помещение) были зафиксированы три слоя штукатурки, окрашенные последовательно — в черный, белый, розовый цвета. Помещение № 22 также сохранило остатки черной штукатурки. В северной стене — ниша, в северо-западном углу — очаг диаметром 50 см. На южной стене глубоким рельефом по сырой штукатурке изображен крест и стилизованное дерево (рис. 30). В одном из помещений было зафиксировано изображение треугольника, также сделанное пальцем по сырой штукатурке [Дресвянская, 1968b, с. 78].

В западной группе помещений (№ 39–44, № 1–3) верхний слой штукатурки помещения № 43 также был окрашен в черный цвет. На нижнем полу в юго-восточном углу располагалась суфа длиной 1,60 м, шириной 60 см, высотой 20 см рядом с камином. В помещении № 44 все три слоя штукатурки окрашены в черный цвет. Общим для всех западных помещений является то, что все они имеют заложенные входы со стороны двора, а выход во двор был только из двух помещений [Дресвянская, 1968b, с. 82–83].

³² Из которых не вскрыто 2 помещения, в 10 сделаны контрольные бровки.

Центральные помещения (№№ 5, 6, 45, 7, 11, 21, 4) были построены позже и представляли собой одинаковые прямоугольные, изолированные друг от друга комнаты с выходом на юг. Их стены были оштукатурены тонкой прослойкой голубоватой глины, для суффы использовался кирпич, разобранный из какой-то старой кладки. Когда в 1962 г. в помещении № 6 был заложен шурф (шурф № 6), выяснилось, что в середине V яруса был обнаружен тандыр³³. В помещении № 45 в добавочной кладке была найдена монета VI в. плохой сохранности [Дресвянская, 1974, с. 161].

Общие особенности для всего здания: заложенные и вновь прорубленные входы в ряде помещений, повышение уровня пола, появление новых штукатурок, употребление голубоватого кирпича и такой же глины для возведения по трем сторонам двора стен и ремонта помещений [Дресвянская, 1974, с. 161].

Как указывает Г.Я. Дресвянская, дворовая организация плана являлась традиционной для всего Востока. Перекрытия здания тоже обычные. Помещения сводчатые. Пята свода сложена в середине III яруса. Стены помещения плавно переходят в свод, который выводился из сырцового кирпича тех же размеров, что и стены. При этом использовался метод выведения сводов поперечными отрезками [Дресвянская, 1974, с. 166]. Свет поступал в помещения через дверные проемы. В связи с тем, что в стене прохода помещения № 39 были обнаружены термитные корки, автор раскопок предположила, что двери были деревянные и вставлялись в деревянные рамы дверных проемов [Дресвянская, 1974, с. 166]. Почти в каждом помещении имелись ниши. Ниши были двух типов. Первый тип выводился в процессе кладки стен и, как правило, эти ниши были заложены. Второй тип представляли ниши, вырубленные в стене и сделанные, по мнению Г.Я. Дресвянской, в последний строительный период [рис. 31; Дресвянская, 1974, с. 167].

Г.Я. Дресвянская полагает, что овальность здания была неслучайной³⁴.

Датировка памятника

При раскопках в заполнении помещений была обнаружена бытовая керамика V–VI вв. и частично VII в. н. э., типичная для Мерва, Согда и Хорезма. В помещении № 6 был найден шаровидный сосуд с девятью строчками письма пехлеви (рис. 32). Г.Я. Дресвянская считала, что

³³ В V ярусе были найдены остатки от основания стен «Овального» здания, датированные монетой Хормизда II (303–309 гг. н.э.), в кладке платформы найдены медные монеты Варахрана IV (388–399 гг. н.э.). Все определения монет были сделаны М.Е. Массоном [Дресвянская, 1969, с. 83–84].

³⁴ Г.Я. Дресвянская высказала предположение, что наряду с прямоугольными и квадратными зданиями, существовали церкви овальной формы, ссылаясь на открытие в 1960–1961 гг. каменной церкви овального плана VI–VII вв., расположенной на левом берегу реки Джилги-су у сел. Верхний Чегем (Эльтюбо) Кабардино-Балкарской АССР [Дресвянская, 1974, с. 167]. Подтвердить данное предположение не удалось, так как подобной церкви в указанном районе не существовало.

такой сосуд как пережиточная форма бытовал в III в. н. э. и, возможно, не был предназначен для бытовых целей. В.А. Лившиц, исследовавший надпись на сосуде, считал, что она нехозяйственного содержания³⁵.

Помимо керамики в помещении № 24 были найдены глиняные усечённые конусы-фишки с насечками на верхнем основании в виде буквы X и шестиконечного креста (в помещении № 44); костяной амулет с изображением льва (в помещении № 5); цилиндрическая печать из халцедона с выгравированным крестом (рис. 33); костяная пуговица $d=3,5$ см (в помещении № 24). В разных местах было обнаружено более 10 керамических кружков $d=3-5$ см с отверстием в центре — вероятно, пряслица (рис. 34). Автор раскопок предположила, что это пуговицы [Дресвянская, 1974, с. 164]. Однако пуговица была встречена в помещении № 24, а по фото видно, что кружки — это пряслица³⁶. К сожалению, часть упомянутых находок не сфотографирована.

За годы работ на памятнике часто встречались медные монеты плохой сохранности. В платформе здания (шурф №1) были найдены монеты Бахрама IV (388–399) и монеты неизвестного правителя (шурф №7), что дало основание датировать начало строительства «Овального» дома концом IV — началом V в. [Дресвянская, 1974, с. 87].

Керамический материал указывает на активное функционирование «овального» дома в V–VI вв. На основании керамического и нумизматического материала, автор раскопок датировала строительные периоды памятника следующим образом:

I период — начало строительства «Овального» дома на остатках строений парфянского времени. Строятся мощные стены «овала» с помещениями и центральным двором. Западные и южные помещения сообщаются непосредственно с двором. Северные помещения отделены от двора коридором, на востоке — сдвоенные и строенные помещения. Помещения № 19, 20, 22, 25, 44 — покрашены в черный цвет. Этот период датируется концом IV — началом V в. [Дресвянская, 1974, с. 166].

II период — происходит перепланировка восточных и западных помещений. Некоторые помещения окрасили в голубой и белый цвета. Помещения № 43, 44 и 3 окрасили в черный цвет. Часть ниш была заложена. Пандус претерпел ремонтные работы — выбоины на его поверхности заравниваются кусками глины. Уровни пола поднялись на счет строительного мусора. Датировка этого периода — V век.

³⁵ К сожалению, надпись на данном сосуде больше никем не изучалась, поэтому более точных сведений о нем найти не удалось. Сосуд имеет следующие характеристики: высота — 16 см, глина тонкой отмучки, черепок светлый, толщиной 0,5 см, обжиг равномерный, снаружи покрыт светлым ангобом. Тулово шаровидное, $d = 17,5$ см. Дно плоское, $d = 6$ см. Венчик отогнут наружу: $d = 10$ см [Дресвянская, 1974, с. 164].

³⁶З.И. Усманова, упоминает эти находки как керамические пуговицы, немного исказив оригинал текста Г.Я. Дресвянской. См.: Усманова, 1994, с. 28.

III период – окончательный. Южная половина двора застраивается тремя дополнительными помещениями. Крупные помещения разделены на две части. Центральный вход в южной части сужен поставленной в нем стеной. Штукатурки в помещениях стали светло-серого цвета, только помещения № 43, 44 и 3 также остались черными. В строительстве применяется кирпич 40x40x10 см, тождественный кирпичу всего «Овального» здания. Уровни полов в некоторых помещениях поднялись. Период датируется началом VI века [Дресвянская, 1974, с. 166].

Интерпретация памятника

Расположение памятника достаточно изолированно и далеко от застройки жилых кварталов, внутренняя планировка здания, небогатое однообразие археологических находок, отсутствие женской и детской утвари, а также изображения христианских символов позволили Г.Я. Дресвянской отнести «Овальный» дом к христианской общине, а сам памятник к типу «ханак»³⁷.

В целом следует сказать, что большинство ученых, занимающихся изучением раннего христианства на Востоке, в частности в Средней Азии, признают функционирование данного сооружения как христианского. Г.А. Пугаченкова относит «Овальное» здание к монастырю, в котором проживали хорасанские христиане-адепты, ведущие аскетический образ жизни [Пугаченкова, 1967, с. 87]. В.Н. Пилипко полагал, что в небольших комнатках-кельях могли проживать приверженцы раннего христианства [Пилипко, 1968, с. 25]. М.Е. Массон был убежден, что «Овальный» дом принадлежал общине из числа еретических христианских сект, члены общины которой бежали от официально признанной православной церкви Византийской империи [Массон, 1978, с. 174]. З.И. Усманова, исходя из иконографических особенностей обнаруженных предметов, также отнесла данное сооружение к христианам мелькитского толка [Усманова, 1994, с. 28].

Изучив архитектуру памятника, С.Г. Хмельницкий отнес данный памятник к монашескому общежитию, объяснив это тем, что в 50 м к юго-западу от памятника сохранились остатки церкви [Хмельницкий, 2000, с. 250]. Найти какую-либо информацию по предполагаемой церкви не удалось, кроме ссылки на дипломную работу З. Хакимова, хранящейся в библиотеке

³⁷ По мнению Г.Я. Дресвянской, ханак (ханака) христианские являлись прототипом поздних мусульманских. В Средней Азии в домонгольский период ханак представляли собой компактные постройки квадратной или прямоугольной формы с центральным купольным залом и худжрами в углах здания. Предназначались подобные учреждения для многочисленных дервишских орденов, которых в средние века было довольно много. Возникновение ханака связано с распространением суфизма – мистического течения в исламе. Члены общины суфиев жили в подобных зданиях, где и совершали совместные обряды [Зиливинская, 2011, с. 132–133]. Однако С.Г. Хмельницкий считал, что в Средней Азии ни в домонгольское время, ни позже ханак дворового плана не было [Хмельницкий, 1996, с. 277–278].

ТашГУ и в архиве ЮТАКЭ. Из описаний Г.Я. Дресвянской следует, что предполагаемый христианский храм располагался в 50 м к юго-западу от «Овального» дома в пределах стен Гяуркалы. Раскопки на этом объекте (раскоп 3а) начались в 1953 г., затем продолжились в 1962–1964 гг. Выяснилось, что здание имело два строительных периода: первый — конец IV — начало V вв. н. э., второй — V–VI вв. н. э. От второго периода сохранились два крупных помещения размером 4х3,5 м и 8,6х7 м. По размерам и характеристикам кирпич «Овального» дома идентичен кирпичу данного сооружения. Клейма в виде оттиска правой руки и сырцовые кирпичи голубоватого цвета также были прослежены при раскопках предполагаемого храма (раскоп 3а). На стенах были обнаружены фрагменты росписей, которые, по мнению Г.Я. Дресвянской, говорят о парадности сооружения. А мощная квадратная башня в южной части объекта говорит о культовом назначении памятника. Расположение объекта в непосредственной близости к «Овальному» дому, это позволило Г.Я. Дресвянской и З. Хакимову отнести данный памятник к христианским церквям [Дресвянская, 1968b, с. 112].

С.Г. Хмельницкий и Г.Р. Осмида полагают, что использование сырцовых кирпичей того же размера (38х38х9–10 см), голубоватого цвета и с такими же клеймами в виде отпечатка правой руки, что и на Хароба-Кошук, может говорить о том, что «Овальный» дом имел какие-то связи с Хароба-Кошук. И это является еще одним косвенным признаком христианской принадлежности памятника [Хмельницкий, 2000, с. 250; Rossi Osmida, 2011, p. 172].

Надо иметь в виду, что большинство специалистов, изучающих христианство в Средней Азии, относят церковь Хароба-Кошук к христианской общине несторианского толка, а не мелькитского. Использование одинакового строительного материала скорее говорит об одновременности построек.

Существует и иная точка зрения. В связи с тем, что планировка сооружения не отвечает основным принципам монастырского устройства, Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов предположили, что это здание играло роль государственного склада и с христианским культом никак не связано [Бадер, и др., 1996, с. 93; Ср. Азия и Дальний Восток, 1999, с. 21–22]. По мнению ученых, «Овальный» дом не может быть монастырем, так как в данном случае нет необходимых для его функционирования учреждений: церкви, трапезной, скриптория, как например, в упомянутом ранее монастыре на острове Харг в Персидском заливе. Еще одним доводом в пользу своих предположений, исследователи находят в известном нарративном источнике выдающихся личностей несторианского монашества – в «Книге целомудрия» [Chabot, 1896, § 36, 37, 87; Кошеленко и др., 1994, с. 73–75]. Написана она была в 849/850 г. сирийским епископом Ишоднахом из Басры [И.О. де Урбина, 2013, с. 27, 218]. В ней говорится, что три жителя Мерва построили христианские монастыри: Святой Мар Иосиф (Mar Joseph Marwazaya) Марвазайя построил монастырь в Палестине на горе Эфраим; Святой Мар Георгий (Mar Georges Marwazaya)

Марвазайя, тоже персидского происхождения, основал монастырь Егалгал в окрестностях Мерва, недалеко от села Зарак; третий — Блаженный Мар Давид Бар-Наутара (Mar David Bar-Noutara) также основал монастырь в окрестностях Мерва [Бадер и др., 1996, с. 93]. Г.А. Кошеленко считает, что если монастыри были построены в пустыне, то в данном случае речь идет о сооружениях, пока неизвестных науке. Правда, в данных отрывках нет точного указания на то, что монастыри были построены именно в пустыне, но понятно, что не в Мерве, а в его окрестностях. Есть и другая точка зрения: Г.Р. Осмида предполагает, что в какой-то степени монастырь Егалгал можно связать с известным археологическим памятником Хароба-Кошук [Rossi Osmida, 2011, p. 175].

Вывод

Аналогичных объектов на территории Средней Азии и за ее пределами нет, поэтому «Овальный» дом — памятник с уникальной архитектурной планировкой.

Доводы специалистов в пользу того, что здание являлось христианским монастырем, следующие:

1. Сооружение располагалось изолированно (в северо-восточной части Гяур-калы) от других построек рабата.
2. Стены некоторых помещений были выкрашены в черный цвет.
3. В помещении № 22 по сырой штукатурке был изображен четырехконечный крест, по форме напоминавший латинский крест.
4. Скучность археологического материала, в основном представленного керамикой и монетами.

«Овальный» дом действительно располагался несколько отдаленно от других построек, тем не менее, считать его христианским монастырем, основываясь лишь на архитектурных особенностях памятника и единичных археологических предметах довольно сложно. Нет никаких доказательств принадлежности к христианскому культу и соседнего здания, которое Г.Я. Дресвянская и З. Хакимов относят к христианской церкви. Последний вывод не имеет каких-либо археологических подтверждений.

Г.Я. Дресвянская считает, что внутренняя планировка «Овального» дома немного напоминает раннесредневековые христианские монастыри восточных провинций Византии, особенно Афона и Фессалии. Согласно А. Шуази, именно с X в. монастыри Византии принимают характерную монастырскую планировку: комнаты для монахов и богомольцев располагаются вокруг общего двора, в центре двора находится церковь и трапезная, а между ними — святой колодец [Шуази, 1906, с. 67–68].

Известный монастырь на острове Харг имеет четкую планировку монастырского комплекса. Комплекс открыт в Харг 1958–1959 гг., благодаря раскопкам Р.М. Гиршмана.

Монастырь состоял из трехнефной церкви в центре двора, библиотеки, «капеллы мучеников» с могилой-реликвариумом, помещения для собраний, келий для монахов и отдельных хозяйственных построек монастыря: винодельни, жилых помещений для мирских жителей [Steve (Marie-Joseph et al., 2003, p. 1–182; Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 154–155)]. Монастырский комплекс был расположен в юго-западной части острова, на плато с крутыми скалами. Он был весь огорожен стеной и занимал пространство около 123 м с востока на запад и 88 м с севера на юг. Неясен вопрос с датировкой памятника. Одни исследователи относят его строительство к началу VII в., другие — к III–VII вв. [Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 155]. Монастырь был оставлен насельниками в конце IX в.; следов разрушений или насильственных завоеваний на памятнике не прослежено.

При археологических работах было открыто 70 келий вдоль западной и северной стен монастыря. Планировка у них была следующая: вход открывался в небольшую комнату, из которой можно было попасть в две маленькие комнаты, разделенные очень тонкой стеной (толщина стены 60–70 см). Часть келий имела одинаковые пропорции 3,50х5 м, остальные немного отличались. Кельи были рассчитаны на большое количество монахов (около 100). О внутреннем устройстве данных помещений, декоре стен специалисты ничего не сообщают. В юго-западной части комплекса располагались изолированные дома, в одном из которых, как предполагается авторами, проживал настоятель монастыря [Calvet, 1998, p. 680].

Монастырское устройство имеет определенные планировочные стандарты для обустройства именно монашеской жизни со всеми ее необходимыми ритуалами и потребностями. Проследить данный аспект археологически на «Овальном» здании довольно сложно. Изображение креста в помещении № 22 скорее напоминает какую-то часть общего изображения, которое не сохранилось, возможно, от стилизованного дерева, обнаруженного в этом же помещении. Неровность и незаконченность его ветвей создают впечатление незавершенности, поэтому говорить в данном случае об изображении именно креста как христианского символа, на взгляд автора диссертации, оснований нет.

Не совсем уверенным выглядит предположение Г.Я. Дресвянской о том, что на памятнике не было найдено женских предметов. Ранее были упомянуты пряслица от веретен, которых на памятнике было обнаружено более 10 штук. Пряслице — предмет, который часто использовали в своем обиходе женщины, встречаются подобные находки повсеместно, что косвенно указывает на то, что прядение было постоянным занятием женщин [Беленицкий и др., 1973, с. 98]. В качестве гипотезы можно предположить, что проживавшие в монастыре адепты — мужчины, сами могли прядь пряжу.

При работах на памятнике в 1957 г. было обнаружено несколько предметов, которые попали в верхние слои из более нижних, вероятно, из слоев парфянского времени. Это терракотовая фигурка обезьяны, головка от терракотовой статуэтки собаки и зооморфная ручка

от кружального сосуда. Предметы, которые увязать с каким-либо культом довольно сложно. М.Е. Массон упоминает также об амулете с крестом и также очень крупной стеклянной бусине, по его мнению, от молитвенного шнура с четками [Массон, 1978, с. 174]³⁸.

Наличие маленьких, окрашенных в черный цвет, комнат тоже наводит на мысль об обитателях дома, в силу определенного мировоззрения не нуждавшихся в роскошных апартаментах. Обнаружение на памятнике халцедоновой печати с крестом и рисунков на штукатурке в виде дерева, возможно, предполагают проживание неких обществ, связанных с культом. Представляется также равноправной гипотеза Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибова об использовании данного сооружения в качестве государственного склада, по крайней мере, главный вход в здание, оформленный в виде пандуса, наводит на такую мысль.

Возможно, «Овальный» дом был в некоторой степени гостиницей или постоялым двором, не имеющим архитектурных аналогий во всей Средней Азии, причем нет достаточных оснований, чтобы судить о его религиозной принадлежности. Аналогичное предположение было высказано А.И. Наймарком, считавшим «Овальное» здание скорее всего караван-сараям, известным в сасанидской архитектуре [Naumark, 2001, p. 306].

Узбекистан

Сооружение на территории Старого Термеза (X–XII вв.; Северный Тохаристан)

История обнаружения и изучения памятника

Памятник обнаружен известным археологом Л.И. Альбаумом в конце 1970-х гг. при археологическом обследовании территории Старого Термеза [Альбаум, 1994, с. 34–41]. На одном из холмов была обнаружена часть стены, на которой специалисты увидели следы росписей. В 1979–1980 гг. эта часть стены была вскрыта. На фрагменте стены был изображен следующий рисунок: «квадрат, оконтуренный рамкой, с крестом в середине, в центре которого — круг и следы арабской надписи. От круга расходятся, слегка расширяясь, концы креста, в которые вписаны орнаментальные круги» [Альбаум, 1994, с. 34]. С учетом важности находки в 1980 г. на памятнике были проведены археологические работы, позволившие получить полное представление о функциональном назначении сооружения.

В 2000-х гг. С.Г. Хмельницкий проявил интерес к термезскому зданию и обратился к его архитектурному анализу в связи с написанием главы о культовых постройках в Средней Азии в своей книге по архитектуре Средней Азии в V–VIII вв. [Хмельницкий, 2000, с. 245–249; Naumark,

³⁸ Указанные предметы не были включены в публикации Трудов ЮТАКЭ и найти их местоположение не представляется возможным.

2001, р. 304–308]. Г.А. Кошеленко упоминает о памятнике в своем исследовании о христианских памятниках Востока, где отмечает, что попытка Л.И. Альбаума найти параллели между сооружением на территории Старого Термеза и армянской храмовой архитектурой, а через нее и с сирийской вряд ли кажутся убедительными [Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 161–162].

Описание и датировка памятника

В плане памятник представляет собой прямоугольное сооружение 40х20 м, включавшее в себя шестнадцать помещений, ориентированных с юго-запада на северо-восток (рис. 35). Стены сложены из пахсовых блоков высотой 50 см, чередующихся в определенных местах с кладкой из сырцовых кирпичей, размером 33х33х10 см. Перекрытия сооружения были сводчатыми и купольными. Полы глинобитные с изредка выложенными площадками из жженого кирпича. Судя по плану, здание имело два входа с юго-восточной стороны, и один – в северо-западной. Л.И. Альбаум указывает на три входа в юго-восточной части. Толщина внешних стен 1,5 м, внутренних до 1 м. Стены внутри помещений были оштукатурены глино-саманной штукатуркой и побелены, а в ряде комнат покрыты росписями, какими, автор не указывает. В отдельных помещениях использовалась ганчевая штукатурка [Альбаум, 1994, с. 34].

Следует заметить, что Л.И. Альбаум рассматривает весь памятник как христианскую церковь, поэтому анализ и интерпретация всех помещений имеет определенную христианскую направленность.

Центральной комнатой всего сооружения Л.И. Альбаум считает крестообразное в плане помещение № 1, с проходами в другие комнаты и главным входом в само здание с юго-восточной стороны. За входом сразу следует длинный коридор-вестибюль (16х3,5 м; по Л.И. Альбауму — поперечный неф), идущий до противоположной внешней стены здания. Это своего рода центральный коридор всей юго-западной части памятника. На его стенах были обнаружены панели с хорошо сохранившимся рисунком в виде орнамента. Над ними шла кайма, а выше нее белая поверхность стен украшена растительным орнаментом, выполненным черной краской [Альбаум, 1994, с. 34–36].

В 5 м от входа его пересекает такое же коридорообразное помещение (у Л.И. Альбаума — центральный неф), имеющее проходы в другие комнаты. Длина и ширина коридора — 20,5х3,5 м. В центре пересечения этих двух комнат образуется квадратное помещение, размером 4,5х4,5 м с купольным покрытием — фрагменты крыши сохранились в завале. Каждый из восьми выступающих углов был укреплен и украшен полукруглыми колонками, которые в свою очередь были окрашены в красный и синий цвета [Альбаум, 1994, с. 36–37].

В юго-западной стороне сооружения налево от купольного квадратного помещения располагался проход в маленькое помещение № 2 (размеры 3,5х2 м) с колодцем, диаметром 0,8 м. Стены колодца выложены из отдельных фрагментов бочкообразной формы, покрытых сверху

глино-саманной штукатуркой. Аналогичный колодец был зафиксирован вне стен данного сооружения, в 10 м к юго-западу. На этом основании Л.И. Альбаум предположил, что посредством труб эти два колодца использовались по принципу сообщающихся сосудов, и вода поступала в помещение № 2. Как считает автор, колодец в помещении № 2 предназначался для омовений [Альбаум, 1994, с. 36].

В южном углу здания располагалось помещение № 3. Автор интерпретирует его как «...трапезную термезской церкви» [Альбаум, 1994, с. 36]. Не совсем ясно на каком основании были сделаны подобные выводы. Помещение № 3 имеет два входа: один — из помещения № 1, причем перед входом в комнату была обнаружена выкладка из двух рядов жженого кирпича. Второй выход находился в восточной стороне помещения.

В западном углу сооружения находилось помещение № 4, вход в которое располагался из коридора-вестибюля (помещение № 1). Как считает Л.И. Альбаум, первоначально помещение было квадратным, но в результате многочисленных перестроек планировка комнаты изменилась до крестообразной. Стены комнаты неоднократно штукатурились толстым слоем гипса по глино-саманной штукатурке. Вдоль стен находились суфы, покрытые идентичной гипсовой штукатуркой. По мнению автора, это крещальня или придел. Помещение не было раскопано до конца [Альбаум, 1994, с. 36–37].

Помещение № 5 в данном сооружение — самое интересное, так как именно на стенах этой комнаты, точнее, на северо-западной стене, сохранились рисунки христианского содержания. В плане это прямоугольная комната со входом со стороны центрального коридора-вестибюля. Северо-западная стена сохранилась лучше других. В верхней ее части были зафиксированы пять орнаментированных квадратов, при этом каждый квадрат имел свой рисунок. Автор, вероятно, описывает только один рисунок [Альбаум, 1994, с. 37]. Рисунок выглядел следующим образом: в квадрате изображались «...пять кругов, пересекающихся с центральным кругом. В середине образовавшейся фигуры изображен крест с расширяющимися концами, в каждый из которых вписано по одному орнаментальному кругу. В центре креста надпись арабского письма»³⁹. Л.И. Альбаум предполагает, что форма креста сильно напоминает византийские несторианские кресты — с концами, расширяющимися от центра. А вся композиция рисунков (описана только одна) изображает щитки складней иконостаса. В связи с этим, как считает исследователь, помещение № 5 не что иное, как безалтарная часовня.

В восточной стороне помещения № 1 (по Л.И. Альбауму — поперечный неф) располагался проход в небольшое круглое помещение, которое как бы делило на две части все

³⁹ Описание рисунка, в виду важности его значения для данного памятника и в целом для темы диссертационного исследования дается в цитировании автором раскопок [Альбаум, 1994, с. 37].

здание и являлось проходом в северо-западную часть комнат (пом. № 11, 10, 12, 13, 14, 15, 16). Это помещение № 6, имевшее купольное перекрытие. Размеры помещения не известны. Поверхность стен данного помещения была разбита в шахматном порядке на два ряда квадратных нишек, сверху шла гладкая стена, выше — выступающие пяты свода. Между ними был сделан бордюр из сырцового кирпича. Поверхность стен покрыта слоем глино-саманной штукатурки и побелена. Предполагалось, что помещение № 6 служило в качестве ризницы для хранения церковной утвари [Альбаум, 1994, с. 37].

В западной части помещения № 6 находился проход в маленькую круглую комнату № 6а, диаметром 1,15 м. Яйцевидный купол перекрытия данного помещения в замковой части имел квадратный световой люк. Комнатка была проходной из помещения № 6 в № 11.

Из квадратной в плане комнаты № 11 можно попасть в крестообразное помещение № 10, с северо-восточной стороны которого находится вход в здание. Все выступающие углы комнаты № 10 украшены колонками — нервюрами. От указанного входа в здание до прохода в следующую комнату (№ 12) была зафиксирована дорожка, выложенная жженным кирпичом. В северном углу комнаты находился очаг. Надо отметить, что подобная выкладка из жженных кирпичей была прослежена также в другом коридорообразном помещении (или коридоре-вестибюле) № 1. Возможно, что это было сделано целенаправленно: в местах, наиболее посещаемых, использовался жженный кирпич [Альбаум, 1994, с. 37].

Помещение № 12 вместе с помещением № 10 составляют проходной коридор через все здание. Один вход в здание (со стороны помещения № 10) находится в северо-восточной стороне, второй (со стороны помещения № 12) — в северо-западной. Комната № 12 имеет размеры 10,5х4 м. С западной стороны в углу в ней находилась маленькая ниша, вторая чуть большего размера ниша располагалась в северо-восточном углу помещения. Помимо ниш, комната была оформлена пристенными колонками, у некоторых даже сохранились квадратные капители. Через данное помещение можно было попасть в отдельный блок комнат — № 14, 13, 15, 16, расположенных в восточной и северо-восточной части сооружения. Помещение № 16, видимо, не было раскопано, хотя вход в данную комнату со стороны помещения № 15 был прослежен и зарисован на плане [Альбаум, 1994, с. 38].

Помещения №№ 14, 13 и 15 — смежные друг с другом и связаны проходами. Вход в них шел из помещения № 12, через которое данный блок комнат имел как бы отдельный наружный вход. Помещения №№ 14 и 15 прямоугольные в плане, почти одинакового размера, точных данных автор раскопок не указывает. В помещении № 15 были зафиксированы две арочные ниши: профиль арки был вписан в прямоугольник, арка стрельчатая по форме. В центре комнаты была вырыта прямоугольная яма, края ямы обложены до уровня пола прямоугольным сырцовым

кирпичом, посередине ямы было устроено возвышение. Назначение данной ямы неясно [Альбаум, 1994, с. 39].

Помещение № 13 чуть меньше размером, чем № 14 и 15. Это проходная комната. Точных данных о ее размерах у нас нет. На плане видно, что, вероятно, пол северо-восточной части комнаты выложен жженным кирпичом. Это также наводит на мысль о том, что в проходных или часто посещаемых комнатах полы могли дополнительно выкладываться жженным кирпичом.

Отдельно стоит упомянуть о помещениях №№ 7, 8 и 9⁴⁰. Комнаты №№ 7 и 8 связаны между собой дверным проходом. Помещение № 7 прямоугольное в плане, точные размеры неизвестны. В юго-восточной стене помещения № 7 найдена неглубокая ниша. Стены комнаты были побелены и покрыты росписью.

В юго-западной части помещения № 8 при раскопках выявилась интересная архитектурная планировка. Остальная часть комнаты не исследовалась совсем, поэтому возможный вход в помещение № 8 со стороны соседней комнаты (вероятно, из коридороподобной № 12) не был прослежен. Следует также сказать, что довольно большая площадь помещения № 8 не была раскопана, поэтому проследить предполагаемое наличие других комнат (помещение № 9) также невозможно [Альбаум, 1994, с. 40].

Особенностью помещения № 8 является то, что в юго-западной стене комнаты была зафиксирована большая полукруглая апсида диаметром 5 м (рис. 36). В центре апсиды, с северо-западной стороны, находился проход в комнату № 7. Судя по плану, было вскрыто четыре малых апсиды. Малые апсиды отделялись друг от друга полуовальными участками, и каждый такой полуовал украшался нервюрами. На выступающих углах прослежены вертикальные колонки небольшого размера, причем диаметр центральной колонки больше, чем боковых. Колонки тянутся снизу от пятидесятисантиметрового плинта или базы основания колонок. В раскопанной юго-западной части апсиды сохранилось 34 колонки, снаружи они были покрыты глино-саманной штукатуркой и окрашены краской. Определить характер окраски автору раскопок не удалось, так как помещение сильно обгорело при пожаре, и стены сильно пострадали [Альбаум, 1994, с. 40].

Датировка памятника

Строительство памятника Л.И. Альбаум относит к X в. Данная дата указана в публикации на схематическом плане Старого Термеза [Альбаум, 1994, с. 35, рис. 5]. Окончательный период существования сооружения приходится на конец XIII в., когда при сильном пожаре обгорели и обрушились стены помещения № 8, а на полу была найдена железная монгольская стрела

⁴⁰ Помещение № 9 указано на плане, но не описано автором в публикации. Судя по плану, оно не было раскопано.

[Альбаум, 1994, с. 40]. С.Г. Хмельницкий, основываясь на архитектурно-строительных приемах, используемых при возведении сооружения, осторожно предложил датировать его доисламским временем — VII–VIII вв. [Хмельницкий, 2000, с. 248]. По мнению ученого, строительство христианской церкви в центре Термеза в период господства Саманидского правления, едва ли было возможно [Хмельницкий, 2000, с. 248].

Интерпретация памятника

Л.И. Альбаум интерпретирует указанное сооружение на территории Старого Термеза как большой христианский храмовый комплекс, главной частью которого являлись крестовокупольная церковь (помещение № 1) и купольная церковь (вероятно, помещение № 4 или № 10).

Основанием для такого заключения послужили обнаруженные еще в 1979 г. на стене помещения № 5 росписи с несторианским крестом, которые, по мнению автора, возможно, были щитками складней иконостаса [Альбаум, 1994, с. 37].

Интересно, что Л.И. Альбаум, в поисках аналогичных христианских сооружений рассматривает памятник не в целом, как единый комплекс, а частями, точнее помещениями.

Проводя параллели с монастырскими комплексами Северной Армении — Макараванк (X в.) и Хоранашат, Л.И. Альбаум находит общие черты в устройстве алтарной апсиды упомянутых церквей и апсиды из помещения № 8. Церковь в северо-восточном углу комплекса Макараванк с круглой апсидой и крестообразным планом внутри напоминает исследователю планировку комнат № 4 и № 10 термезского здания [Альбаум, 1994, с. 39]. Также исследователь сравнивает отдельные помещения памятника с церковью, обнаруженной при раскопках Ак-Бешим. Он указывает, что крестообразная планировка в Ак-Бешиме относилась к самой церкви, а в термезской — к помещениям № 4 и № 10. В комнате № 6 находилась ризница, а в нишах стояли иконы. В помещении № 6 располагалось кадило. Согласно Л.И. Альбауму, №№ 8 и 7 — это большой зал с апсидой, предназначавшейся для хора, переход в комнату № 7 был перекрыт тканью, как в храме Святой Софии в Константинополе. Кроме этого, Л.И. Альбаум приводит параллели с более ранними церковными зданиями Армении — церковью Рипсима (618 г.), которая в планировочном отношении напоминает ему помещения № 7 и № 8 [Альбаум, 1994, с. 40–41].

Не все исследователи согласны выводами Л.И. Альбаума. Проведя архитектурный анализ термезского здания, С.Г. Хмельницкий пришел к заключению, что эта постройка никак не может быть ни церковью, ни монастырем, а, скорее всего — это остатки двух богатых, впоследствии соединенных жилищ, хозяева которых исповедовали христианство несторианского толка [Хмельницкий, 2000, с. 248–249]. А.И. Наймарк считает, что на данном материале довольно сложно определить принадлежность памятника к той или иной конфессии [Naymark, 2001,

р. 303]. Г.А. Кошеленко допускает возможность принадлежности данного сооружения к какой-либо христианской общине Термеза. Он считает, что наличие изображений на христианскую тематику допускает подобную мысль [Гаибов, Кошеленко, 2006, с. 162].

Аналогичные памятники

Термезское здание — уникальное и единственное здание, не имеющее аналогий не только на территории Средней Азии, но и за ее пределами. Если, вслед за С.Г. Хмельницким и Г.А. Кошеленко допустить мысль о том, что это сооружение принадлежало некой христианской общине города и было перестроено для нужд общины, то параллели, возможно очень отдалённые, следует провести с известным христианским домом общины в Дура-Европос (соврем. Сирия), перестроенным специально из обычного дома в церковь [Кошеленко, Гаибов, 2006, с. 143–144].

Предположение С.Г. Хмельницкого о принадлежности данного сооружения богатым семьям, исповедовавшим христианство, автору диссертации кажется вполне убедительным.

Ургутский монастырь (Согд)

(интерпретируется как христианский монастырь Варкуда)

История обнаружения и изучения памятника

Памятник был обнаружен на территории одного из районных центров Самаркандской области — Ургутского района, в предгорьях Зеравшанского хребта Северного Памира. Расположен на террасе Ургут-сая, на холме Сулайман-тепа (Сулаймон-тепа; другое название «Урус-мачит», т.е. «Русская мечеть», так узбеки называли христианские церкви)⁴¹. Интерпретируется автором раскопок как христианский монастырь Варкуда [Археологическая карта Узбекистана, 2010, с. 243].

Локализацией памятника по письменным источникам впервые занялся В.В. Бартольд в 1894 г. [Бартольд, 1966, с. 110], в 1900 г. к данному вопросу подключился археолог В.Л. Вяткин, затем М.Е. Массон [Савченко, 2005, с. 333–338]. В 1995 г. А.В. Савченко, изучив все доступные к тому времени экземпляры рукописи ибн-Хаукаля, предложил считать, что Вазкерд (Wzkrd) не что иное, как графическое искажение слова — Варкуда (Wrkwd) — названия «Ургут» в арабском произношении [Савченко, 2005, с. 333–338].

В 1995 г. была организована Восточно-Согдийская археологическая экспедиция, которая начала проводить разведки в Ургутском районе с целью найти христианский храм, известный по

⁴¹ Часть материала взята с сайта <http://www.exploration-eurasia.com> Точные географические координаты местоположения памятника: 39°22'46" N, 67°14'28" E, возвышение 1134 м.

письменным источникам. В 1997 г. в кишлаке Суфёон (означ. «Отшельник») недалеко от места работ археологов случайно трактором был задет кусок холма, при обнажении слоя были обнаружены кирпичные кладки и вымощенный керамикой пол [Savchenko, 1996, p. 333–354]. Первые раскопки Сулайман-тепа были начаты в 1999 г., затем до 2003 г. в работах наступил вынужденный перерыв. Археологическое изучение памятника вновь началось в 2004 г. и продолжалось до 2008 г. В настоящее время памятник законсервирован. Предполагается ли его последующее археологическое изучение — неизвестно.

Описание и датировка памятника⁴²

Тщательное изучение памятника показало, что это архитектурный комплекс, состоящий из двух церквей: монашеской и приходской; и трапезной, в пределах одного большого сооружения. Автор раскопок считает, что у рабочих был генеральный план всего здания, и построено оно было сразу. Стены сооружений сохранились до двух метров в высоту. Снаружи они были покрыты сырцовым кирпичом, изнутри жженным кирпичом (так называемая обратная строительная облицовка). Сохранился кирпич нескольких размеров: 30x15x5 см, 23x23x5 см, 30x30x5 см и 27x8x5 см; керамические плитки 30x20x2,5 см, которые использовались для настила пола. Крыша у всего здания была плоской, на деревянных балках. Площадь всего здания 22,20x33,30 м (рис. 37).

В плане памятник состоял из двух вытянутых в длину помещений, изолированных друг от друга, ориентированных с небольшим отклонением с востока на запад. Третье помещение, расположенное в северной части памятника, и, по мнению А.В. Савченко, выполнявшее роль трапезной, было раскопано не до конца. Главный вход в центральное помещение (или в северный неф) находился с западной стороны, снаружи, и был выполнен в виде арки⁴³. В южный неф можно было попасть только через узкий коридор из северного нефа, находившимся сразу за арочным проходом по правую сторону. Северный и южный нефы (или помещения) были отделены друг от друга глиняной платформой в центре, которая, по мнению автора раскопок, служила основой для церковной башни [Savchenko, Dickens, 2009, p. 128].

⁴² Описание памятника дается по публикациям автора раскопок, по отчетной статье о раскопках памятника, находящейся на портале сайта Общества изучения Евразии, и по лекции А.В. Савченко, прочитанной им в лектории Музея Востока. В своих работах автор раскопок не указывает цифровые данные о метраже помещений и комнат, соответственно, в данной диссертационной работе они также не приводятся.

В мае 2017 г. в лектории Государственного Музея Востока А.В. Савченко был прочитан доклад «Ургутский монастырь и его окрестности. Археологические памятники Церкви Востока в Средней Азии». В ноябре 2022 г. материалы по памятнику были опубликованы [Savchenko, 2022]; <https://brill.com/display/title/63587>

⁴³ По мнению А.В. Савченко, в сырцовой архитектуре не бывает арочных сводов выше 4 м.

Перед главным входом в северный неф располагалось небольшое прямоугольное помещение (нартекс или притвор), пол которого был вымощен рядами длинных положенных поперечно жженных кирпичей (рис. 38). Вдоль правой стены помещения располагалась кирпичная стена с овальной нишей в центре. Судя по плану, это маленькое помещение, в котором, по мнению автора, находился баптистерий. В восточных церквях баптистерий обычно находился в особом притворе, в западных — у входа (Электронный ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>).

За притвором следует проход в северный неф, пол которого был выложен керамической плиткой, стены помещения сделаны из пахсы и облицованы обожжённым кирпичом. По предположению А.В. Савченко, в церкви находились босиком, а обувь снимали перед входом. Во время богослужения священник в основном стоял спиной к пастве. По правой стене прослеживаются несколько ниш, вероятно, для ламп, которых в процессе раскопок было обнаружено достаточное количество (Электронный ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>).

У входа к алтарю расположены две каменные плиты в виде ступеней, за которыми следует узкий проход («*Sqaqona*»), в который мог входить только человек рангом не ниже диакона [Savchenko, Dickens, 2009, p. 129].

Далее следует крестообразное помещение с алтарем (рис. 40, 41). В центре восточной стены помещения располагался кубический алтарь, сделанный из обожжённого кирпича. Перед кубическим алтарем место священника отмечено керамическими плитками, «...вставленными в настил краем вперед» [Savchenko, Dickens, 2009, p. 129]. Пол был выложен керамической плиткой, сверху покрытой алебастром.

Перед «*Sqaqona*» справа располагался вход в другое помещение, границы которого сохранились не очень хорошо. А.В. Савченко предполагает, что эта комната была для «*Beth diaqon*» и служила для подготовки хлеба и вина в отдельном литургическом обряде — проскомидии (*Prothesis*)⁴⁴.

Южный неф длиннее и шире, и, по мнению автора раскопок, был рассчитан на большее количество людей (рис. 39). Пол помещения также был выложен керамической плиткой. Перед проходом в алтарное помещение выложены ступени из обожжённого кирпича. Алтарное помещение, судя по плану, почти квадратное, у восточной стены располагался алтарь в виде куба. Данное алтарное помещение с северной стороны соединялось с проложенной галереей, которая обходила церковь с востока [Savchenko, Dickens, 2009, p. 129–130].

Стены алтарных помещений раскрашивались красками, так как при раскопках были прослежены следы изумрудно-зеленого, пунцового цветов, охры и белого красителя. Вероятно,

⁴⁴ Данный обряд совершался перед началом Евхаристии.

штукатурка также окрашивалась в синий цвет, так как были найдены следы кобальта [Savchenko, Dickens, 2009, p. 130].

С северной стороны от церкви было обнаружено длинное прямоугольное помещение, такого же размера, как нефы, только без алтарной комнаты и глиняным полом. Автор раскопок предполагает, что это столовая (трапезная). Столовая примыкала к кухне — помещение, в котором было найдено несколько печей (тандыров) и выгребная яма-бадраб [Savchenko, Dickens, 2009, p. 130]. Трапезная в Церкви Востока строилась как малая церковь, поэтому в таких церквях были алтари и сосуд для святой воды, который был обнаружен в углу помещения. Вся пища, приготовленная на кухне, должна быть благословенна (освящена), поэтому на кухне обязательно находился сосуд для святой воды [Savchenko, Dickens, 2009, p. 130].

По мнению А.В. Савченко, кельи находились в восточной части сооружения (в настоящее время проследить это археологически сложно). Перед кельями, вероятно, находился Дом собрания с отдельным входом. У входа в церковь находилась квадратная башня⁴⁵.

Основной период функционирования церкви предполагается между IX и XIII вв. Радиоуглеродное датирование фрагментов сожженного дерева указало на конец IX в. [Savchenko, Dickens, 2009, p. 128]. Ближе к 1220 г. церковь перестает функционировать. Следов разрушений зафиксировано не было, но как считает автор раскопок, монахи ушли из-за неблагоприятной обстановки со стороны Монгольского ханства — завоевание монголами Самарканда.

Находки

Из находок, представленных автором в публикациях, следует упомянуть металлический крест, обнаруженный в 2004 г. вместе с хорошо сохранившимся масляным светильником XIII в. Крест был найден на ступенях восточной части южного нефа. Хотя не все его ветви сохранились хорошо, можно предположить, что по форме крест прямой, напоминает так называемый латинский, у которого поперечная линия делится вертикальной пополам, при этом поперечная линия расположена выше середины вертикальной линии. А.В. Савченко указывает, что размеры креста в сохранившейся части более 5 см и предполагает, что крест использовался как процессионный. Кроме этого, на памятнике были найдены фрагменты керамических масляных светильников, стеклянной и глиняной посуды, которые указывают на дату функционирования Сулейман-тепа между IX и XIII вв. (Эл. ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>). Интересны декоративные глиняные плитки с изображением креста и печати с оттиском равноконечного креста.

Интерпретация памятника

⁴⁵ Сообщение А.В. Савченко на лекции в Музее Востока в 2017 г.

Последовательное и тщательное изучение памятника показало, что это двухнефная, но с изолированными нефами, церковь, построенная по всем архитектурным правилам Церкви Востока. Северный неф служил в качестве монастырской церкви, южный неф, по мнению автора раскопок, служил приходской церковью, так как более широкая планировка данного помещения позволяет предположить, что в здании могло находиться значительное количество людей. С восточной стороны памятника располагалась галерея, по которой можно было попасть в другие помещения, в том числе и в помещение трапезной. Трапезная находилась в северной части памятника и предположительно представляла собой открытое пространство. В северо-западном углу была раскопана кухня монастыря, в которой сохранились печи (тандыры) и выгребная яма (бадраб).

Как указывает А.В. Савченко, церковные сооружения редко бывают вне традиции, соответственно, они все построены по определенным лекалам⁴⁶. Это можно проследить по другим памятникам, обнаруженным на территории Средней Азии и интерпретируемым как церкви или церковные (монастырские) комплексы. В Туркмении — это описанная ранее церковь Хароба-Кошук, датируемая V–VI вв. н. э. В Киргизии — это объект № IV (раскопки Л.Р. Кызласова в 1954 г. и объект № VIII (раскопки Семенова в 1996–1997 гг.); оба памятника расположены в пределах городища Ак-Бешим. Много аналогий с подобным планом церкви можно найти на территории Сасанидского Ирана.

Выводы

Ургутский монастырь — несомненно христианский монастырский комплекс с церковью. Планировка всего комплекса и археологический материал позволяют с полной уверенностью интерпретировать данный памятник именно таким образом.

Помимо Ургутского комплекса на территории Узбекистана было обнаружено несколько памятников, которые некоторыми специалистами интерпретируются как христианские культовые сооружения. Возможно, для подобного вывода нет достаточных оснований, но рассмотреть планировку этих сооружений, археологические находки и доводы специалистов представляется необходимым.

Памятник Коштепа («Два холма»)

История обнаружения и изучения памятника

⁴⁶ Сообщение А.В. Савченко на лекции в Музее Востока в 2017 г.

Памятник располагался в Ургутском районе Самаркандской области, на левом берегу старого русла канала Даргом, недалеко от селений Акмачит и Утамас (или Урамас?).⁴⁷ Стационарные раскопки на памятнике были проведены в 1973 г. Афрасиабским отрядом Института археологии АН УзССР. В позднеантичную и раннесредневековую эпохи территория вокруг Коштепа была густо заселена, об этом свидетельствуют небольшие остатки замков и поселений в его юго-восточной части и остатки могильника на левом берегу Даргома.

Описание и датировка памятника

Памятник состоял из двух самостоятельных холмов, расположенных в 50 м друг от друга. Оба вытянуты с северо-северо-востока на юго-запад [Исаков и др., 1977, с. 88–97].

Коштепа 1 (рис. 42) в плане имел форму полуовала с частично срезанной восточной стороной. Стационарные раскопки велись на основной центральной части холма. Длина Коштепа 1 более 50 м, ширина в самой широкой части памятника — 18–20 м. Высота стен сохранилась до 6 м. Второй холм — Коштепа 2, имел несколько бóльшие размеры: длинна 80 м, ширина 25–26 м. Коштепа 2 сохранился почти полностью⁴⁸. В данной диссертационной работе для автора представляют интерес результаты раскопок Коштепа 1.

Исследовательские работы на памятнике выявили три этапа жизни Коштепа 1. На поверхности холма было зафиксировано большое количество разрушавшихся могил, на южном склоне сохранилось несколько погребений. Умершие были захоронены по обряду труположения, на спине, в прямоугольной яме, вытянутой с севера на юг. Голова погребного находилась в северной стороне, лицевые кости обращены на запад. Берцовые кости были врыты под миниатюрную арку, сделанную из сырцовых кирпичей. Голова располагалась на невысокой ступенчатой площадке, вероятно, сделанной специально для изгиба позвоночного хребта. Авторы раскопок считают, что подобный обряд захоронения является имитацией древнего обряда, связанного с оссуарными захоронениями [Исаков и др., 1977, с. 89]. По расовым особенностям погребенные в Коштепа 1 представляли собой средневековое европеоидное население Согда и Бактрии [Исаков и др., 1977, с. 90].

Дальнейшие раскопки на холме выявили второй этап существования памятника, представленный в южной и северной частях строительными остатками стен, сложенных из

⁴⁷ Архивный отчет по раскопкам данного памятника российским исследователям недоступен. Соответственно, описание памятника дается только по единственной публикации, указанной ниже.

В Своде археологических памятников Ургутского района информации о данном памятнике нет. Единственный памятник, указанный ок. села Акмачит с полевым кодом Urg471, «Безыманный», к 2007 г. был полностью разрушен. Возможно, что речь идет о памятнике Коштепа, но это не точно [Археологическая карта Узбекистана. Ургутский район, 2010, с. 103].

⁴⁸ Местные жители рассказывали, что, когда-то здесь был найден клад золотых монет.

кирпичей размером 54x28x9–10 см. Выяснилось, что на втором этапе южная часть памятника была открытым навесом, а в северной части остатки здания сохранились очень плохо. В завале северо-западной части были обнаружены элементы арочной кладки кирпича.

В нижних слоях были прослежены остатки крупного сооружения, построенного из блоков пахсы. Вероятно, это первый этап существования памятника. Между пахсовыми блоками были выложены два ряда кирпичной кладки⁴⁹.

Судя по плану, здание состояло из двух параллельных комнат с выходом из каждой комнаты в поперечный коридор, идущий с востока на запад. С южной стороны здания располагалась круглая комната — зал диаметром 8 м. Толщина стен комнат и зала 1,2 м. В восточном конце здания находились два дверных проема: один проем наружу из сооружения (там был навес, который археологически выяснить не удалось), второй проем — вход в помещение № 1. Длина помещения № 1 и № 2 около 8 м, ширина 3,8 м. В коридоре были обнаружены две бронзовые монеты согдийского типа с квадратным отверстием в середине. Одна сохранилась очень плохо, вторая — хорошей сохранности, относится к типу «неизвестного ихшида». На монете с двух сторон располагаются династийные знаки правителей Согда. Монеты датируются VII — началом VIII в. [Исаков и др., 1977, с. 90].

После вскрытия пола помещения № 1 была обнаружена П-образная суфа, примыкавшая к западной, южной, восточной стенам. В восточной части суфы находился миниатюрный очаг, пристроенный к восточной стене. В северо-западном углу комнаты было зафиксировано специальное углубление для хума с овальным дном. Диаметр ямы 60 см. Суфа и стены состояли из нескольких слоев штукатурки, между слоями были видны прослойки сажи, значит очаг использовался на протяжении длительного времени. Авторы раскопок пришли к выводу, что данный очаг был алтарем огнепоклонников (зороастрийцев), так как на полу не было обнаружено никакой бытовой утвари [Исаков и др., 1977, с. 91].

В другом помещении (№ 2 или в зале?) был обнаружен фрагмент венчика хума с тремя оттисками печати, изображающей две мужские фигуры. Один мужчина стоит во весь рост в длинном парадном одеянии и в высоком пышном головном уборе. В одной руке он держит книгу, в другой руке, высоко поднятой, крест. Второй мужчина — коленопреклоненный, также в парадной одежде и, по всей вероятности, в короне. Авторы считают, что в данном случае изображен обряд крещения. К сожалению, фотографию или прорисовку изображения авторы публикации не представили. В данном случае мы полагаемся только на компетентность ученых. Датируется памятник концом VII — нач. VIII вв. [Исаков и др., 1977, с. 88–97].

Интерпретация памятника

⁴⁹ Размер кирпича 54x28x9–10 см.

Планировка помещений и круглый зал, относящийся к первому этапу существования памятника, позволили специалистам найти общие черты между Коштепа 1 и ранними византийскими храмами и отождествить сооружение с культовым христианским зданием. Кроме этого, находки венчика хума с прорисованным «обрядом крещения» и зороастрийского алтаря в одном сооружении навели авторов раскопок на мысль «...о сосуществовании различных религий в эту эпоху и о возможности исполнения культовых обрядов двух религий в одном здании» [Исаков и др., 1977, с. 94]. Высказывалась идея, что не стоит искать в сельских местностях отдельных зданий, специально предназначенных для определенных конфессий [Исаков и др., 1977, с. 94]. Следует отметить, что некоторые специалисты резко раскритиковали подобное предположение [Савченко, эл. ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>].

Аналогии памятнику

Прямых аналогий Коштепа 1 на территории Средней Азии нет. Но авторы указывают на помещения с суфой, очагом для священного огня и хумом, которые были обнаружены на Афрасиабе, в Кафиркале и Балалыктепа [Исаков и др., 1977, с. 93]. Правда, данные памятники никоим образом не связываются учеными с христианским культом, а исключительно с зороастрийским. Памятники замкового типа на территории Узбекистана, на которых в единичных случаях были обнаружены какие-то предметы, имеющие непосредственное отношение к христианской религии, есть, к примеру, на городище Каршаул-тепа или городище Канка. Правда, это совершенно не говорит о том, что в данных районах проживали исключительно христиане.

Кажется маловероятным сосуществование двух религий в одном сооружении. Втор диссертации полагает, что сооружение Коштепа 1 на первом этапе своего строительства имело какое-то отношение к зороастрийской религии, проследить с точной достоверностью это сложно. Однако фрагмент венчика с «обрядом крещения» попал в помещение, видимо, случайно, и вряд ли как-то связан с обрядовой стороной христианства именно на данном памятнике. Сложность еще состоит в том, что никто из сторонних специалистов не исследовал данную находку, поэтому интерпретация изображения на венчике в данном случае скорее субъективна. Известно, что данный предмет был утерян практически сразу после обнаружения.

Памятник Коштепа в Нахшабе

История обнаружения и изучения памятника

Памятник находился на территории древнего Согда (современная территория Кашкадарьинской обл. Узбекистана) в 1,5 км от средневекового города Нахшаб (Насаф), в поселке Шайхали, близ современного г. Карши.

В начале 1990-х А.А. Раимкуловым и другими специалистами Института археологии УзССР был раскопан полуподземный архитектурный комплекс, названный по расположенному рядом крупному поселению Коштепа. Памятник был вытянут с севера на юг и имел размеры 250x100 м, высоту 12–13 м (рис. 43, 44). В южном конце холма возвышалась цитадель. Памятник был окружен оборонительным рвом шириной 15–20 м. В настоящее время территория памятника практически полностью сnivelирована и застроена [Раимкулов, 2004b, с. 123–129; Китаева, 2008, с. 230].

Описание и датировка памятника

Описание памятника дается на основе публикации автора раскопок. Комплекс состоял из двухчастного сооружения, в состав которого входило 13 разнообразных помещений, нижняя часть которых была заглублена в землю, наземная часть полностью сnivelирована в результате строительных работ. В западной части комплекса располагались помещения №№ 6–11 и № 13; восточной №№ 1–5 и № 12. В северной части комплекса располагался двор, вероятно, с айваном. Вход в здание находился со стороны айвана, в помещении № 13. Начиная со входа в помещение, уровень пола здания постепенно углублялся ниже, и к помещению № 11 пол фиксировался уже на глубине 1,63 м [Раимкулов, 2004b, с. 123–129].

Интересны восточные помещения № 1–3. Наружного входа в эти помещения не выявлено, спускались сюда через вход с площадки над помещением № 4 (о наличии этой площадки свидетельствует кирпичное сводчатое перекрытие помещения № 4 [Раимкулов, 2004b, с. 124]). Размеры помещения № 3: 3,85x2,70 м. В северо-западном углу располагалась двухъярусная суфа, где, по мнению авторов раскопок, находилась лестница-стремянка, используемая для спуска с указанной площадки. В юго-западной части помещения на полу стояли пять полых цилиндрических изделий, с прямыми стенками из красноватой глины толщиной 2,5–3 см, диаметром от 32 до 55 см. Рядом с цилиндрами находился крупный котел, на наружной поверхности которого были нанесены налепы в виде плодоносных деревьев и сколопендры. Помимо него, были обнаружены и другие кухонные котлы со следами огня. Заполнение помещения состоит из очень рыхлого песчанистого грунта. Кроме других археологических находок, в нем было обнаружено пряслице с изображением чаши и двух птичек (рис. 48). Пряслице керамическое трапецевидной формы светло-коричневого цвета, диаметр около 3 см. На его стороне сбоку методом штампа изображены две птички, пьющие воду из чаши. Одна птица с наклоненной головой к чаше, вторая — с поднятой головой. Автор раскопок считает, что в данной композиции изображен христианский символ души христианина у вод жизни или у колодца (родника) жизни [Раимкулов, 2004b, с. 125].

К востоку от помещения № 3 находилась комната № 2, которая по форме напоминала вытянутую трапецию, длиной 8,25 м. Ширина комнаты от 1,20 до 2,90 м. Вдоль восточной и

южных стен располагалась высокая суфа, на ее поверхности были зафиксированы четыре круглых углубления конической формы диаметром 20–25 см, глубиной 7–8 см. В юго-восточном углу помещения № 2 на поверхности суфы имелись три прямоугольных углубления с сырцовыми бортиками в виде ящика. На полу в центре помещения были обнаружены раздавленные еще в древности два необожжённых цилиндра длиной 66–69 см. В северном конце помещения располагалась ниша с арочным оформлением. Помещение № 1, расположенное к югу от комнаты № 3, самое большое из восточной группы, имело размеры его 5,25x4,35 м. Входы в него находились в северо-восточном и северо-западном углах. Вдоль всех стен имелись суфы, высотой 10 см. Между ними располагался четырехугольный подиум-алтарь 80x70 см, высотой 10 см. На поверхности алтаря были зафиксированы следы огня. Заполнение помещения состояло из очень рыхлого песчанистого грунта [Раимкулов, 2004b, с. 125].

Памятник датируется второй половиной VI в. — первой четвертью VII в. Интересно, что в это время все проходы в помещения с алтарями замуровываются сырцовыми кирпичами. В помещении № 1 разбирается стенка-перегородка в северо-восточной части комнаты. Помещения, которые по мнению авторов раскопок являются культовыми, засыпаются рыхлым песчанистым грунтом. В помещениях западного комплекса керамических материалов практически не было зафиксировано, но во дворе, в небольшой яме была обнаружена башнеобразная курильница, в стволе которой имелись три крестообразных отверстия⁵⁰. Следов разрушения во всем сооружении не прослежено, — помещения были заброшены.

Интерпретация памятника

Проводя параллели с другими памятниками, обнаруженными как на территории Средней Азии, так за ее пределами, автор раскопок считает, что в строительстве здания Коштепа в Нахшабе были применены «...основные традиционные приемы и элементы общехристианской культовой архитектуры...» [Цит. по: Раимкулов, 2004b, с. 129]. Основные строительные приемы, вероятно, заключались в том, что во внутреннем устройстве Коштепа был обнаружен полувкопанный хум, зафиксированы ступеньки около входов, разные уровни полов, аналогии которых прослеживаются также в Айваджском монастыре и на Коштепа 1 [Раимкулов, 2004b, с. 126]. Рыхлый надувной песок, которым засыпались оставленные жилища и стенка-перегородка перед алтарем также отнесены А.А. Раимкуловым к христианской культовой обрядности, аналогии которых он находит в Мервском или Байрам-алинском некрополе и в христианском доме Дура-Европос [Раимкулов, 2004b, с. 125].

⁵⁰ Описание курильницы дается со слов автора раскопок. К сожалению, изображение курильницы для российских специалистов недоступно.

Керамические цилиндры, обнаруженные в помещении № 2, по мнению автора раскопок, предназначались для погребения христиан [Раимкулов, 2001, с. 147–149]. Проводя сравнение с Мервским некрополем (в Туркмении), на котором были обнаружены подобные цилиндры с захоронениями костяков, исследователи Мервского некрополя — О.В. Обельченко [Обельченко, 1969, с. 86–99] и Р.С. Сусенкова [Сусенкова, 1969, с. 100–108] допускали возможность захоронения в данных цилиндрах христиан, однако весомых аргументов в пользу своего предположения учеными представлено не было [Михеева (Китаева), 2017, с. 296–314].

По мнению А.А. Раимкулова, данный комплекс является христианским монастырем, не имеющим аналогов во всей Средней Азии [Раимкулов, 2001, с. 148].

Вывод

Доводы автора раскопок в пользу христианской культовой принадлежности памятника Коштета в Нахшабе интересны, но спорны. Данный комплекс можно с полной уверенностью назвать домом ремесленника, изготавливавшего керамические сосуды-цилиндры, возможно, даже для захоронений. Об этом говорят археологические находки, обнаруженные при раскопках сооружения: цилиндрические изделия с прямыми стенками из красноватой глины, целый крупный котел без следов огня, служивший, вероятно, для замеса глины. Помимо этого, были обнаружены керамические курильницы, терракотовые статуэтки, светильники и пряслица [Раимкулов, 2001, с. 147], — все то, что можно сделать из глины. Штампованное изображение на керамическом пряслице двух голубок, пьющих из чаши, конечно, можно интерпретировать как христианские символы: душа у вод жизни или погребальный обрядовый символ. Пряслиц с подобным изображением на территории Средней Азии больше не известно, по своей сути оно уникально.

Айваджский монастырь V–VIII вв. (Таджикистан)

История обнаружения и изучения памятника

Айваджский монастырь расположен в 17 км к юго-западу от современного кишлака Айвадж Шаартузского района Республики Таджикистан [Атаханов, Хмельницкий, 1973, с. 187–204]. Осенью 1967 г. по гребню второй террасы правого берега р. Амударьи (древняя терраса высотой 30 м) строителями были обнаружены помещения, вырубленные в глинистом сланце и вытянутые цепочкой с запада на восток. Для обследования помещений выехала археологическая группа Института истории АН Таджикской ССР.

Айваджский монастырь относится к типу пещерных монастырей и представляет собой цепочку искусственных пещер, тянущихся вдоль берега Амударьи на протяжении полукилометра. Пещеры выдолблены в сланцевом массиве зеленого и тёмно-розового цветов.

Входы в пещеры располагались на юге со стороны реки. Каждая пещера имела разное количество комнат, но принцип и плановое устройство пещер было примерно одинаковым.

Описание и датировка памятника

Все помещения комплекса были заполнены надувным песком. Обнаруженные в процессе раскопок помещения были условно разделены на две группы — комплекс I (восточный — *М.А.*) и комплекс II (западный — *М.А.*). Комплекс I включал в себя четыре крупные группы восточных помещений; комплекс II состоял из 20 групп помещений, расположенных вдоль берега, западнее комплекса I. Во втором комплексе раскопки были доведены до конца [Атаханов, Хмельницкий, 1973, с. 187—204].

Вход в пещеру начинался дромосом, за ним шел поперечный сводчатый вестибюль, более широкий и отделенный от дромоса тонкой стеной с большим входным проемом (рис. 45, 46). У торцовых стен вестибюля по обе стороны от входа располагались суфы высотой 50–70 см, по мнению авторов раскопок (в связи с обнаружением керамической посуды), суфы имели хозяйственное назначение. Над суфами сразу начинался эллиптический свод. В одной из стен дромоса (обычно левой) иногда был прорублен вход в отдельное помещение. В большинстве случаев за вестибюлем располагалась основная комната — поперечная, иногда за ней следовала еще одна — продольная [Хмельницкий, 2000, с. 250–251].

Площадь поперечных комнат неизвестна. Форма помещений не всегда была правильной, но строители стремились сделать их прямоугольными. При строительстве учитывалось чередование цветных слоев сланца: потолки делались в слое красноватого сланца, а подпотолочная полка-карниз — из зеленого. Входные проемы, сужающиеся кверху, завершались арками с коробово-лучковым очертанием. В стенах дромосов и комнат были прорезаны ниши эллиптической формы, в расположении которых авторы увидели определенную закономерность — ниши располагались слева от входа в боковое помещение и напротив него на противоположенной стене. Полы ниш в некоторых местах сохранили круглые углубления от сосудов, вероятно, светильников [Хмельницкий, 2000, с. 250].

Авторы раскопок предполагают, что суфы, расположенные в больших поперечных комнатах предназначались для глиняных статуй, восседавших на этих суфах. Такая идея связана с тем, что на суфах сохранились детали оборудования в виде различных отверстий. Такие же отверстия были зафиксированы в продольных стенах на расстоянии 70–100 см от углов и 2 м от пола, сделанных только там, где к торцевой стене примыкала суфа. По мнению исследователей, так крепились карнизы для того, чтобы закрывать занавеской статуи. Суфы со священными изображениями (статуями?) закрывались деревянными запорами, так как в продольных стенах остались их следы [Хмельницкий, 2000, с. 251].

В одной из пещер (вероятно, № 13) за большой поперечной комнатой напротив входа, была устроена полукруглая ниша-абсида, суженная боковыми выступами, которая имела явные сходства с церковной абсидой. Авторы раскопок не уточняют, какие именно были сходства, вероятно, полукруглая форма апсиды. В другом комплексе (№ 18), который также состоял из дромоса, бокового двора и большой поперечной комнаты с суфами, располагалась небольшая комната, почти прямоугольной формы (250x215 см) с плоской арочной нишей в задней стене. В этой маленькой комнате, потолок был сделан в виде купола, округлой формы (размеры на осях 134x121 см, высота — 50 см). Поверхность купола была украшена выпуклым изображением креста с расширяющимися концами, похожим на так называемый несторианский крест. Толщина креста неодинакова: внизу она составляет от 15,5 до 12 см, у вершины — 7–8,5 см (рис. 47). Исследователи убеждены, что данный крест не потолочная конструкция в виде пересекающихся арок, а именно христианский символ [Хмельницкий, 2000, с. 253].

Датировка памятника дается исследователями на основании архитектурных форм: своды характерных эллиптических очертаний, отсутствие арок или сводов стрельчатой («исламской») формы, форма входных проемов в виде коробово-лучковой кривой, все это употреблялось в V–VIII вв. Аналогий подобным пещерным комплексам в Средней Азии пока не обнаружено [Хмельницкий, 2000, с. 251].

Интерпретация памятника

На основании креста, украшавшего потолок в маленьком помещении № 18, авторы раскопок считают, что данный памятник имеет прямое отношение к христианству [Хмельницкий, 2000, с. 253]. Украшение помещений сидящими статуями также не вызывает сомнений у авторов, считающих, что в доисламской Средней Азии, рядом могли уживаться две религии, как христианство, так и буддизм, оказывающие влияние друг на друга [Хмельницкий, 2000, с. 254]. С.Г. Хмельницкий упоминает, что сходство убранства и внутреннего устройства сооружений буддистов и христиан было очень распространено, правда без уточняющей ссылки на источник

Вывод

В историко-культурном отношении южные границы Узбекистана и Таджикистана очень близки северу Афганистана [Кошеленко, Мунчаев, Гаибов, 2014, с. 82], соответственно, возможные аналогии памятника следует искать на территориях за Амударьей, в самом Афганистане. Одну, хотя и не совсем близкую, привел Б.А. Литвинский. Он считал, что Айваджский памятник представлял собой историко-культурную загадку, однако некоторое его сходство можно увидеть с пещерами, которые японские археологи изучали недалеко от Хайбака (на территории Афганистана), в 75 км от Айваджа [Литвинский, 1973, с. 22–23]. В указанных пещерах была обнаружена керамика IX–XII вв. Несмотря на первоначальное впечатление, что это буддийские постройки, внутри пещер не было ни ступа, ни буддийских изображений, ни

скульптур — ничего, что могло бы говорить о принадлежности памятника буддизму. На этом основании японские специалисты пришли к выводу, что пещеры могли быть первоначально буддийскими, а впоследствии, ближе к раннемусульманскому времени, были использованы в качестве жилья сельским населением [Литвинский, 1973. Ссылка на: Higuchi, Mizuno, 1967, p. 59–67].

Следует сказать, что Б.А. Литвинский несколько скептически отнесся к идее авторов раскопок о христианской принадлежности указанного памятника, ввиду отсутствия у последних конкретных сопоставлений и доказательств в пользу своей версии [Литвинский, 1973, с. 23]. А.И. Наймарк также считал, что оснований считать данный памятник христианским монастырем недостаточно [Наумарк, 2001, p. 307]. А.А. Раимкулов не сомневается в христианской принадлежности пещер Айваджского монастыря. Ученый проводит параллели с христианским домом общины в Дура-Европос: крест, украшавший потолок в одной из комнат, засыпка помещений надувным натечным песком, по его мнению, подтверждают христианскую интерпретацию памятника [Раимкулов, 2004а, с. 222–232].

В своей статье А.А. Раимкулов приводит довольно интересный пример [Раимкулов, 2004а, с. 225, рис 6] — данные из книги известного ученого геолога В.А. Обручева, исследовавшего зыбучесть песков при строительстве Закаспийской железной дороги в 1886 г., которая должна была соединить Среднюю Азию с европейской частью России. При обследовании пещер, расположенных возле Пендинского оазиса⁵¹, на склоне правого берега реки Мургаб высоко над уровнем реки, оказалось, что они не естественные, а искусственные, вырытые человеком в мягкой песчано-глинистой породе, из которой состоял весь склон (рис. 48). Первая пещера состояла из длинного коридора, длиной ок. 40 м и шириной от 2 до 3 м, и такой же высоты. По обоим сторонам коридора находились входы в отдельные комнаты, у некоторых комнат была лестница, которая уходила вверх, в аналогичную комнату второго этажа. По описанию В.А. Обручева, все комнаты сохранились очень хорошо, потолки помещений были сводчатыми, стены и двери с незатейливыми украшениями нишами, которые были сильно закопчены светильниками. Далее автор статьи пишет: «Одна из комнат, очевидно, служила местом молитвы: задняя часть была отделена от передней невысоким барьером под аркой, а в боковых стенах были четыре ниши с арками. У входа в эту комнату в породе были высечены грубые изображения рук и подобие креста.» [Цит. по: Обручев, 1986, с. 26–27]. Вторая пещера, находившаяся ниже по склону, состояла только из одной большой комнаты, которая была разделена барьером на две части. В глубине, за барьером был выложен выступ с двумя ступенями. Третья пещера состояла

⁵¹ Пендинский оазис — самый южный из населенных оазисов по реке Мургабу в Мервском уезде Закаспийской области, занимает долины Кушка, Кашана и Мургаба до слияния с Кушкой (Туркмения).

из трех комнат, засыпанных наполовину. Остальные пещеры В.А. Обручеву не удалось просмотреть, так как входы в них располагались в отвесном обрыве. Как предполагает исследователь, эти пещеры не были вырыты местными туркменами, которые даже не оставались в них на зимовки, хотя в пещерах было гораздо теплее, чем в кибитках. Знаки креста и планировка некоторых комнат позволили В.А. Обручеву считать их христианскими, возникшими еще на заре первых христианских общин в данном регионе [Обручев, 1986, с. 27].

К сожалению, найти информацию о проведенных исследованиях этих пещер оказалось сложным, но судя по плану, можно сказать, что комнаты имели примерно одинаковую планировку. Центральный коридор заканчивался полукруглым выступом, и одна из комнат имела такие же очертания — возможно, что комнату просто не успели дооформить до принятых стандартов. Почти в каждом помещении находился очаг, который чаще всего был вынесен за пределы комнат. По мнению автора диссертации, общего между пещерами Пендинского оазиса и Айваджскими довольно много, но имеют ли данные памятники какое-либо отношение к христианству неясно, и на данном этапе этот вопрос остается открытым.

Прямых аналогий Айваджского памятника на территории Средней Азии нет. Известные пещеры Афганистана и Восточного Туркестана самым непосредственным образом связаны с буддизмом, и имеют характерные черты планировки помещений и украшений стен именно этой религии [Литвинский, Пичикян, 1986, с. 81–125]. В Айваджских пещерах наличие суф с креплениями, по мнению специалистов, предназначенных для размещения на них фигур святых, также наводит на мысль об их принадлежности к буддизму. Возможно, некоторым аргументом в пользу данного предположения можно считать украшение потолка в «Пещере с красным куполом» в Мингой у Кызыла, рисунок которого приведен Б.А. Литвинским в его издании о пещерах Восточного Туркестана [Литвинский, Пичикян, 1986, с. 85–86, 93, рис. 9, 3]. Правда, в отношении Айваджского монастыря, данный пример довольно спорный, но это самая близкая аналогия крестообразному куполу из помещения № 18 [Grünwedel, 1912, p. 82, fig. 183]. Период функционирования пещерного комплекса Мингой у Кызыла, по мнению ученых, приходится на IV в. и до VIII в., не позже [Литвинский, Пичикян, 1986, с. 107]. Аналогичную датировку предлагают и исследователи Айваджского монастыря.

Кыргызстан, Юго-Западное Семиречье
Городище Ак-Бешим, церковь (об. IV; VIII в.)
с христианскими погребениями

Городище Ак-Бешим расположено в долине р. Чу, в 8 км к юго-западу от г. Токмак (соврем. Токмок). Это остатки древнего Суяба, основанного выходцами из Согда в VI в. в период

интенсивного распространения согдийской культуры в Семиречье [Семенов, 2002, с. 4]⁵². На 1954 г., при изучении городища Л.Р. Кызласовым, это был четырёхугольник с мощной стеной и выносными оборонительными башнями (рис. 49). В центре его находился шахристан, площадью около 35 га. В юго-западном углу шахристана возвышалась цитадель, с четырьмя крупными башнями по углам. С восточной стороны к шахристану примыкала окруженная стенами территория рабада, площадью около 60 га, с остатками отдельных сооружений [Кызласов, 1959, 155]. С востока и юго-востока границей округа служил широкий ров, в 2 км от которого возвышались остатки сторожевой крепости (127x126 м). Западная и южная границы округа защищались мощными стенами, выложенными из пахсы и сырцового кирпича. Радиус стены от шахристана по всей площади памятника составлял свыше 1,5 км. Все пространство городской округи было заполнено оплывшими холмами, расположенными друг от друга на неравном расстоянии [Семенов, 2002, с. 4–10]. В настоящее время общая картина памятника несколько изменилась, в частности, некоторые объекты после раскопок были уничтожены временем.

История обнаружения и изучения памятника

Историю археологического изучения всего городища Ак-Бешим подробно описал Г.Л. Семенов в книге «Суяб Ак-Бешим» и докторской диссертации [2002, с. 4–10; 2002a]. В связи с тем, что автора диссертации интересуют прежде всего раскопки и обследование объекта IV, исследованием которого занимался Л.Р. Кызласов, остановимся подробнее именно на этом памятнике.

Следует сказать, что к памятнику Ак-Бешим часто обращаются ученые, как историки, так и археологи. В 2010 г. была переиздана публикация Л.Р. Кызласова, в которой он снова вернулся к изучению церкви [Кызласов, 2006, с. 219–354; Kyzlasov, 2010, p. 355–363]. В 2018 г. Кольченко в статье по средневековому христианству Кыргызстана акцентировал внимание на этом памятнике, взяв за основу публикацию и письменный отчет Л.Р. Кызласова, сохранившийся в Архиве Института истории и культурного наследия Кыргызстана [Кольченко, 2018, с. 57–64].

В 2010 г. благодаря И.Л. Кызласову⁵³ в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН, стали доступны полевые археологические материалы Л.Р. Кызласова по раскопкам на городище Ак-Бешим 1954–1955 гг. Это личный архив Л.Р. Кызласова, заботливо сохранённый известным ученым для последующих поколений, в котором содержатся полевые дневники, рабочие материалы и фотоленки раскопок 1953–1954 гг. В составе архива, помимо других

⁵²В.В. Бартольд отождествлял Ак-Бешим с городом Баласагуном — столицей караханидского государства XI–XII вв. [Бартольд, 1897, с. 39–40; 1966, 54–57]. Идею В.В. Бартольда поддерживал А.Н. Бернштам [Бернштам, 1941; 1950]. Л.Р. Кызласов воздержался от отождествления городища с каким-либо городом [Кызласов, 1959, с. 235–236].

⁵³Приношу свою искреннюю благодарность проф., д.и.н. И.Л. Кызласову за возможность использовать в диссертационной работе материалы из личного архива Л.Р. Кызласова.

документов, сохранился рукописный отчет по раскопкам христианской церкви с кладбищем, написанный в то время студенткой кафедры археологии МГУ В.И. Козенковой. Первоначально в отчете Валентины Ивановны были описаны раскопки всего сооружения (об. IV), затем погребений, обнаруженных в ходе изучения памятника, и в конце даны предварительные краткие выводы. Работа с архивными документами Л.Р. Кызласова, позволила автору диссертации вновь вернуться к изучению церкви, подготовить научную статью по ее раскопкам [об. IV; Михеева, 2019а, с. 171–174; 2019б, с. 246–266] и опубликовать отдельную научную статью по погребальному обряду христиан Средней Азии и Южного Казахстана, в которой были использованы важнейшие архивные материалы по раскопкам погребений, обнаруженных в процессе археологического изучения церкви (об. IV), с иллюстрациями и их частичным описанием [Михеева, 2021, с. 317–366].

После натурно-топографического изучения памятника специалистами в 1954 г. были начаты раскопки трех объектов: объект III, объект IV и объект V. Исследование холма (об. IV), который когда-то находился внутри северо-западного угла рабада, ближе к его северной стене, началось в 1954 г. Чуйским археологическим отрядом, входившем в состав Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

Памятник был раскопан почти полностью, за исключением двора сооружения — от северной стены до южной была заложена траншея, а для выявления границ стен, вдоль южной и северной стены было заложено 8 шурфов (2x2 м) [рис. 50, 51; Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1 (92)].

Памятник интерпретируется как христианская церковь несторианского толка с христианским кладбищем.

Описание и датировка памятника

На 1954 г. памятник представлял собою холм, расположенный в северо-западной части рабада, в 165 м к востоку от стен шахристана⁵⁴. До раскопа это был довольно удлиненный холм с возвышенной восточной частью и впадиной в центре. Западная часть холма была несколько ниже. Длина холма до раскопок — 46 м, ширина — 22 м. Холм был вытянут с запада на восток, с небольшим отклонением к югу. Несмотря на расплывчатую форму, контуры стен читались отчетливо [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1 (92)].

При исследовании памятника была применена следующая методика раскопок: с запада на восток, вдоль всего холма, через каждые два метра была пробита кольешками центральная ось. По сторонам разбиты несколько раскопов линией кольев, с юга на север, площадью 6x12 м. Для

⁵⁴ Описание памятника дается по материалам археологического отчета Л.Р. Кызласова, хранившегося в Архиве ИА РАН, по его публикации [Кызласов, 1959, с. 231–233] и по полевому отчету В.И. Козенковой [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1–32 (карандашом Л. 92–123)].

выявления контуров стен было заложено 8 шурфов (2х2 м) вдоль северной и южной стен. Поперек центральной части раскопа, от стены до стены, была сделана траншея (2 м). Затем раскопана западная часть холма, вскрывшая внешнюю западную стену. Со слов специалистов — памятник был однослойным [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1–2 (92–93)].

После раскопок выяснилось, что это монументальное сооружение, в плане почти прямоугольное (если не учитывать северо-восточный угол памятника), вытянутое с запада на восток. Построено из сырцовых блоков и кирпичей. Общая длина всего здания — 36 м, ширина — до 15 м. Состоит из двух неравнозначных по площади помещений: большого двора в западной части и двух помещений в восточной части (центральное или алтарное и боковое). Вокруг здания, за стенами и внутри здания были зафиксированы погребения как периода существования здания, так и более поздние [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 2 (93)].

В 1959 г. Л.Р. Кызласов опубликовал план памятника, у которого северо-восточный угол не был обозначен. Специалисты, изучавшие план церкви по публикациям, опираясь на аналогичные памятники Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии, предложили свой вариант планировки сооружения, вероятно, считая, что в какой-то исторический период времени северо-восточная часть памятника была полностью разрушена, поэтому проследить остатки строительных конструкций было невозможно [Горячева, Перегудова, 1994, с. 86; Хмельницкий, 2000, с. 246; Klein, 2000, р. 378–381]. В отчете по раскопкам В.И. Козенковой указано, что за месяц работы была полностью изучена и раскопана вся восточная часть памятника [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1–2 (92–93)]. Следовательно, никаких следов конструкций в данной части здания обнаружено не было. Высказывалось мнение, что погребение № 4, обнаруженное в северной внешней стене алтарного помещения опровергает саму возможность существования стены с северной стороны, точнее, наличие северо-восточного части сооружения [Кольченко, 2018, с. 78].

Изучение архивных материалов показало, что первоначально было построено алтарное помещение и двор, окруженный стенами, а затем в какой-то период времени к алтарному помещению с юга было пристроено боковое помещение [Михеева, 2019b, с. 249–251, рис. 1].

Самой близкой аналогией памятника и по времени функционирования, и по планировке здания можно считать монастырь в Ургуте (Узбекистан), раскопанный А.В. Савченко в 2000-х гг. и описанный ранее [Savchenko, 1996, р. 333–354; Savchenko, Dickens, 2009, р. 121–135; Грицина, 2018, с. 123–127].

Литургические требования архитектуры церковного здания — прямоугольный неф и крестообразное помещение с алтарем — были соблюдены как в церквях Ургута, так и в церкви Ак-Бешима (об. IV). Причем данная традиция на городище Ак-Бешим прослеживается вплоть до XI вв. Именно этим временем датируется комплекс церквей (об. VIII), раскопанный в юго-

восточном углу шахристана [Семенов, 1999, с. 51–53; 2002, с. 44–115; Михеева, 2019b, с. 246–266].

Центральное (алтарное) помещение

Располагалось в восточной части памятника. Было намного меньше двора, размеры его 5,3х4,8 м. В плане имело крестообразную форму, с глубокими нишами по осям в северной, южной и восточной стенах. Л.Р. Кызласов называет данное помещение центральным [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ..., с. 49]. Стены помещения были построены из сырцовых кирпичей (40х22х8 см) и глинобитных блоков (шириной 90–100 см). Они сохранились высотой от 1,8 до 3 м, были покрыты двумя слоями грубой обмазки с примесью соломы. На поверхности обмазки были видны следы орнамента, выполненного пятерней руки — в виде арок и пальмовых фигур. Пол помещения представлен хорошо утрамбованной поверхностью, обмазанной слоем глины.

У восточной стены по центру на уровне пола в один слой, была прослежена прямоугольная вымостка из кирпичей (50–51х23х10 см). Размеры вымостки — 2 м х 79–80 см. Сверху она была покрыта обмазкой из глины. Аналогичные конструкции в церквях Ургутского монастыря и в церквях Ак-Бешима (об. VIII, пом. №№ 2, 27) показывают, что это место для священнослужителя и алтаря [Семенов 2002, 90–91; Михеева, 2019b, с. 252, рис. 2]. Следует отметить, что именно в церквях несторианского толка алтарь находился не в центре, вокруг которого обходил священник, а около восточной стены, при этом священнослужитель стоял спиной к пастве, совершая литургию [Семенов, 2002, с. 114 (ссылка 12)]. Интересно, что размеры алтарных комнат комплекса церквей на Ак-Бешиме почти такие же, как в церкви, раскопанной Л.Р. Кызласовым (об. IV). Сравним алтарные комнаты этих памятников: помещение № 2 с нишами по осям в комплексе церквей Ак-Бешима имеет размеры 5х5 м; размеры алтарного возвышения (вымостки) у восточной стены помещения № 2 — около 1,5х0,80 м. Помещение № 27 в комплексе церквей Ак-Бешима имеет размеры около 3,6х3,8 м; размеры алтарной вымостки в этом помещении — 1,8х0,85 м, высота 12 см (рис. 55, 56). Христианская церковь (Ак-Бешим, об. IV) — размеры алтарного (центрального) помещения — 5,3х4,8 м; размеры алтарной вымостки в этом помещении — 2х0,80 м [рис. 51; Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 2–6 (93–97); Семенов, 2002, с. 44–47, 88–91]. Размеры алтарного помещения церкви Хароба-Кошук (Туркмения) — 6,7х5,7 м. Правда, в связи отсутствием планомерных раскопок на памятнике наличие или отсутствие алтарной вымостки определить невозможно [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 6].

В северо-западном углу центрального помещения христианской церкви Ак-Бешима (об. IV) на глубине 1 м были зафиксированы следы алебаstra, и красной и синей краски. Возможно, стены покрывались краской. Для выявления материка в северной части помещения был заложен шурф (1,8х3 м), в котором были обнаружены две ямы, по мнению авторов раскопок,

хозяйственного назначения. Предполагается, что помещение имело купол из сырцового кирпича, так как при расчистке было обнаружено большое количество обломков блоков от верхней части стен и крыши [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 3 (94)]. Вход в помещение, сделанный в виде узкого прохода из алтарного помещения во двор, находился в западной части.

Интересно, что основная масса находок располагалась в верхних частях помещения, в завале, на полу же находок почти не было [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 3 (94)]. Возможно, помещение длительное время оставалось заброшенным. В процессе работы были найдены монеты и остатки керамической посуды самых разнообразных вариантов. Довольно часто встречались керамические миниатюрные чашечки. В нише южной стены в юго-западном углу было найдено 19 миниатюрных лепных чашечек, вложенных одна в другую. Из индивидуальных находок алтарного помещения следует выделить бронзовые бубенцы, фрагмент железного браслета и две бронзовые китайские монеты с квадратным отверстием в центре. Из характерных керамических фрагментов следует отметить горловые кувшины, кружки, крышки сосудов, штыри для обжига сосудов и фрагменты хумов с сильно отогнутым венчиком наружу. Керамика встречалась серо- и красноглиняная [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 3–4 (94–95)].

В юго-восточном углу алтарного помещения и в проходе, на полу были отмечены надгробные выкладки из сырцового кирпича (42x22x8 см). Это погребения младенцев № 12 и № 14.

Двор церкви⁵⁵

С западной стороны сооружения располагался открытый прямоугольный двор, размером 28x15 м, стены которого были построены из пахсовых блоков. Л.Р. Кызласов предположил, что вдоль стен находились айваны-навесы для создания тени от солнца на открытом пространстве [Кызласов, 1959, с. 231–233]. Двор церкви раскапывался небольшими траншеями. Видимо, поэтому необходимая информация о перекрытии данной части сооружения отсутствует. Высказывалось мнение, что предположение Л.Р. Кызласова о навесах вдоль стен во дворе не имеет под собой какой-либо аргументации и носит исключительно умозрительный характер [Кольченко, 2018, с. 59].

На плане Л.Р. Кызласова, по обоим сторонам от входа во двор со стороны центрального помещения были прорисованы остатки стеновых конструкций. Выяснилось, что это были ряды блоков, расположенные с запада на восток, которые, возможно, являлись пилонами входа центрального помещения. Вдоль западной стены центрального помещения была прослежена

⁵⁵ Под словом двор, понимается большое прямоугольное помещение, связанное входным проемом с алтарным/центральным помещением. Ср.: «С западной стороны находился большой открытый прямоугольный двор размером 27x12 м, со стенами из пахсовых блоков...» [Цит. по: Кызласов, 1959, с. 231].

кирпичная кладка неясного назначения. В южной части двора была обнаружена обгоревшая балка, прямоугольная в сечении [22x15 см; Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 10–11 (101–102)]. Можно предположить, что данная балка была частью перекрытия двора или навеса, как изначально предположил Л.Р. Кызласов. Находки серой черепицы китайского образца в месте расположения церкви и сохранившиеся остатки обгорелой балки (22x15 см), позволили В.А. Кольченко предположить, что крыша двора церкви опиралась на деревянные опоры — 5 пар колонн на всей площади двора. А сгоревшая балка, возможно, фрагментом, принадлежавшим одной из колонн. Поверхность крыши покрывалось вышеупомянутой серой черепицей [Кольченко, 2019, с. 189]. Расположение объекта в рабаде киданьского квартала (на шахристане 2), при обследовании которого было обнаружено большое количество аналогичной серой черепицы, допускает возможность перекрытия церкви (об. IV) предложенным вариантом [Аманбаева, Yamauchi, 2021, с. 92–98]. Отметим, что серая черепица, конечно, в меньших количествах была встречена при раскопках комплекса церквей в 2021 г. (об. VIII), расположенного на шахристане 1 [Аманбаева, Ямаучи, 2021].

Как было упомянуто ранее, внутренняя часть двора до конца не раскапывалась. Исследовалась территория двора, примыкающая к центральному (алтарному) и боковому помещениям. Площадь раскопа: 15 x 3–3,5 м, до материка не доведен. Были обнаружены и намечены стены, состоящие из блоков шириной 45–50 см. Для выявления внутренней границы стены закладывались шурфы (шурф № 7 и 8). В середине двора раскапывалась траншея в направлении с севера на юг [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 10 (101)].

Шурф № 7.

Закладывался в северной части двора с целью выявления внутренней части стены. До материка не доведен. Максимальная глубина — 1,20 м. Шурф показал, что внутренняя северная стена состояла из блоков такой же величины, что и блоки в боковом помещении, шириной 45–50 см. Заполнение шурфа: грубая кухонная керамика, фрагменты котлов, венчики кувшинов и хумов и фрагменты серой черепицы [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 12 (103)].

Шурф № 8.

Закладывался в южной части двора с целью выявления внутренней части южной стены. Шурф до материка не докопан. Выяснилось, что внутренняя южная стена построена из блоков, вероятно, таких же, как и северная стена. Заполнение шурфа идентично заполнению шурфа № 7 [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 12–12 (103–104)].

Траншея

Траншея закладывалась с целью выявления внутренней границы стен и стратиграфии двора. Ширина ее 2–2,5 м, располагалась с от северной стены до южной. Глубина 1,8–1,9 м, до материка не докопана. В северной и южной частях траншеи были обнаружены погребения. К

сожалению, информация о стратиграфическом слое шурфа в отчете не отражена [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 13 (104)].

Раскопки внешних стен сооружения

Для выявления границ внешних стен на южной и северной стороне закладывались шурфы (3 шурфа). В западной и южной части памятника с внешних сторон бульдозером были прорыты траншеи и вскрыты внешние части стен. Толщина стен всего здания равна 1,5–1,6 м. Восточная и северная стены были сильно повреждены погребениями. Сохранность западной стены оказалась совсем плохой, с трудно читаемым рельефом блоков [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 16–17 (107–108)]. Стена была сильно размыта, что, возможно, и не позволило обнаружить ее входной проем или же вход располагался в нераскопанных частях северной или южной стены.

За стенами бокового помещения на южной стороне была прорыта траншея шириной около 1 м, глубиной 1,8 м. До материка не доведена. В результате был зафиксирован южный угол восточной части здания. Внешняя стена бокового помещения сохранилась очень хорошо. Во дворе для выявления его внешней стены было заложено 3 шурфа: №№ 4, 5, 6.

Шурф №4

Закладывался параллельно шурфу № 1 (заложено на северной внешней стороне здания). Размеры шурфа 2х2 м. Глубина 1, 1,2 м. Выяснилось, что блоки внешней (южной?) стены сохранились плохо.

Шурф № 5

Закладывался с целью выявления блоков южной стены. Размеры: 2х2 м, глубина до 1 м. Шурф показал, что блоки внешней стороны южной стены также сохранились очень плохо.

Шурф № 6.

Закладывался с целью выявить южный внешний угол западной части двора. Размеры: 2х2 м, глубина 1,1,2 м. В результате был обнаружен угол южной и западной стен.

Ни один шурф не был докопан до материка [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 17–18 (108–109)].

Завал во дворе состоял из крупных обломков блоков, многочисленных разбитых сырцовых кирпичей, земли, следов углей, золы и обгоревшего дерева. Интересно, что только во дворе в слое от 60 до 150 см были найдены фрагменты грубых котлов, достарханов, обломки кувшинов и горшкообразных сосудов [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 10–17 (101–109)]. В алтарном и боковом помещениях подобные находки не фиксировались.

Отдельно стоит сказать о находках монет на памятнике. Согласно таблице Л.Р. Кыласова при раскопках церкви было встречено 8 экземпляров монет. Первичное изучение и анализ монет был сделан в 1958 г. О.И. Смирновой, Б.И. Панкратовым и Е.А. Давидович (Кызласов, 2006, с. 222–223, 347, 350). Монеты были переданы на хранение в Отдел нумизматики ГЭ, где в

настоящее время находится 7 экземпляров монет. Монеты очень плохой сохранности. Выпускались в период Тюркешского каганата и до X в. Одна определена как монета правителя Ванандмаха (VIII–X вв.), на другой отмечена тамга (втор. пол. VIII в.). Остальные монеты анонимные. Монеты были вновь пересмотрены в 2019 г. зав. Отделом нумизматики Государственного Эрмитажа Константином Валерьевичем Кравцовым⁵⁶.

Боковое помещение

С южной стороны алтарного помещения была зафиксирована обособленная прямоугольная комната с отдельным входным проемом (ширина 1–1,1 м) в юго-западном углу южной стены. Размер комнаты: 4,5х2,25 м. В центре восточной стены комнаты находилась глубокая квадратная ниша (ширина 1 м), другая ниша, но прямоугольная в плане, находилась в северо-восточном углу — более поздняя. Сохранность стен в данном помещении хуже, чем в алтарном. Стены помещения были сложены из глинобитных блоков шириной 45 см, высотой 0,9–1 м. Обмазки на южной и восточной стене не зафиксировано. Северная стена имела другую конструкцию. Она была сложена из кирпичей, размером 49х22х8 см и блоков. Кладка такая же, как и в алтарном помещении. По мнению В.И. Козенковой, данная стена в какой-то период времени имела сквозное отверстие, соединяющее центральное и боковое помещения. Отверстие было заложено обгоревшими и оплавившимися кирпичами, сложенными в 4 ряда на торец. Ширина кирпичей от 15 до 18 см, толщина 5–6 см. Сверху стена была покрыта такой же обмазкой, как и в алтарном помещении, в два слоя. Толщина ранней обмазки 1,2 см, поздней — 0,8 см. Западная стена данного помещения сохранилась хуже всего, отмечен только один ряд блоков. Пол помещения представлял собой плотную утрамбованную поверхность, обмазанную глиной. Глубина пола фиксировалась на уровне 166 см от 7/2 (7-го кола центральной оси, и 2-го от перпендикулярной оси к югу). В юго-западном углу помещения был вырублен проход, шириной 100–110 см [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 7 (98)].

Интересно, что в восточной части бокового помещения у самой стены была обнаружена надгробная выкладка из кирпичей с подбоем, уходящим в юго-восточный угол помещения (могила № 15). После зачистки бокового помещения в юго-восточном углу был заложен шурф 1х1 м, который выявил вход в катакомбу захоронения № 15 [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 8, 10 (99, 101)].

В боковом помещении фрагментов керамики было встречено гораздо больше, чем в алтарном, причем на полу ее также практически не было. Было встречено много фрагментов миниатюрных чашечек, венчиков от котлов и кувшинов. В юго-восточном углу бокового

⁵⁶ Кравцову Константину Валерьевичу выражаю свое признание и благодарность за проделанную работу.

помещения был обнаружен почти целый кубкообразный сосуд с ручкой, на котором был оттиснут штамп с изображением мужчины тюркского облика с усами и бородой (рис. 57). Помимо керамики были обнаружены монеты с квадратным отверстием и другие индивидуальные находки [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 9 (100)].

Вокруг сооружения в основном под стенами и внутри двора были обнаружены захоронения. Речь о них пойдет в следующей главе.

На основании глазчатых стеклянных бус, обнаруженных в одном из захоронений, Л.Р. Кызласов датировал памятник VIII в.

Интерпретация памятника

Объект IV рассматривается Л.Р. Кызласовым как христианская церковь VIII в. с христианским кладбищем. По его мнению, в архитектуре Ак-Бешима выявлено сочетание сирийской крестово-купольной церкви (это алтарное/центральное помещение) со среднеазиатским открытым двором, с айванами вдоль стен. Также он предположил, что истоки планировки поздних мусульманских мечетей надо искать в церковной христианской архитектуре, появившейся в Средней Азии благодаря сирийским христианам начиная с IV–V вв. [Кызласов, 1959, с. 233]. С.Г. Хмельницкий считает, что церковью или часовней было восточное квадратное помещение с алтарем (алтарное/центральное), а двор, связанный с нешироким проходом с алтарной частью, необходимо рассматривать как преддверие, т.е. атрий или нартекс. С.Г. Хмельницкий пишет, что христианская церковь, а впоследствии мечеть, отличаются от «языческого» храма тем, что последний был домом божества, куда допускались только избранные люди — жрецы, церковь же — это место массовых молитвенных собраний, в которых священная алтарная часть и пространство, в которых находились верующие, неразделимы. Само же крестообразное алтарное помещение — квадрат с осевыми сводчатыми нишами и купольным верхом, ученый относит к древним коренным приемам среднеазиатской архитектуры, а не к сирийской культуре, как отмечал Л.Р. Кызласов [Хмельницкий, 2000, с. 243–245].

А.М. Высоцкий, сопоставив объект IV городища Ак-Бешим с другими церковными сооружениями Ирана, стран Закавказья и Сирии, правда, не уточняя, с какими памятниками, считает, что второе помещение (алтарное/центральное) имеет тип не свободного («обнаженного») креста, а вписанного креста. При этом, как он указывает, у церкви такого типа, как правило, есть алтарная часть, и нет атрия (двора). В связи с этим, вопреки мнению Л.Р. Кызласова, он предлагает интерпретировать памятник как наос, алтарную часть и баптистерий или мартирий церкви (маленькая комната с южной стороны). Исходя из аналогичных сооружений, А.М. Высоцкий также предлагает датировать памятник периодом с сер. VII в., со времени проникновения христианства в Тюркешский каганат, и до конца VIII в.,

когда карлуки разрушили древний Суяб и привели город к запустению [Высоцкий, 1983, с. 25–26].

По мнению В.А. Кольченко, данное сооружение необходимо рассматривать как христианскую зальную церковь с выделенным алтарным помещением, перекрывавшимся куполом. Зал (или двор) имел отдельную крышу с черепичным двускатным покрытием, покоившимся на деревянных колоннах [Кольченко, 2019, с. 189].

Основанием для интерпретации данного памятника как христианской церкви в значительной степени необходимо считать его архитектурную планировку: прямоугольное вытянутое с запада на восток сооружение, с отдельным (алтарным/центральным) помещением в восточной части. В настоящее время на территории Средней Азии мы имеем три аналогичных памятника, которые можно с большой уверенностью интерпретировать как христианские церкви. Это церковное сооружение Хароба-Кошук, находящееся на территории Мервского оазиса (Туркмения) и два монастырских комплекса: Ургутский монастырь и комплекс церквей на городище Ак-Бешим (об. VIII), о котором речь пойдет далее.

Городище Ак-Бешим

Монастырский комплекс или комплекс церквей (об. VIII)

История обнаружения и изучения памятника

Объект VIII — это комплекс христианских церквей, расположенный в юго-восточном углу шахристана I городища Ак-Бешим. Впервые на эту часть памятника обратил внимание П.Н. Кожемяко, исследовавший городища с «длинными стенами» и отмечавший, что сохранность и общая массивность холма говорит о развалинах дворцового типа [Кожемяко, 1959. С. 73].

В 1996 г. на объекте были начаты первые археологические работы под руководством Г.Л. Семенова, продолженные до 1998 г.⁵⁷ В результате проведенных работ специалистами было вскрыто монументальное сооружение, построенное из пахсовых блоков и кирпича-сырца (рис. 52–56). Высота стен в некоторых частях памятника сохранилась до четырех метров. Вскрытый комплекс состоял из четырех частей: церковь А — крестообразное алтарное помещение, с вытянутым с востока на запад длинным помещением-нефом и общим, обводным по всему периметру, коридором — располагалась вдоль южной стены городища. Предполагается, что это

⁵⁷ Работы проводились ведущими научными сотрудниками Государственного Эрмитажа и Института истории НАН Кыргызстана по договору о совместных работах на городище Ак-Бешим. Раскопки велись на цитадели, в центре шахристана (I) и в юго-восточном углу шахристана I [об. VIII; Семенов, 2002, с. 9, 44–114; 2002a].

самая ранняя церковь, к которой были пристроены все последующие здания [Горячева, 2010, с. 120]. Рядом, с северной стороны, находилось сооружение В, состоявшее из крестообразного алтарного помещения, с проходом в западной стороне в большой открытый прямоугольный двор. Архитектурно эта часть комплекса, сильно напоминает более раннюю церковь (VIII в.), открытую и изученную в 1954 г. Л.Р. Кызласовым [Кызласов, 1959, с. 231]. Далее на северной стороне было пристроено здание С — также состоявшее из небольшого крестообразного алтарного помещения с проходом в западной части во двор (или в помещение?), но меньшего размера. Замыкало контур церкви здание D — узкое, вытянутое с востока на запад, помещение с алтарной комнатой в его восточной части [Семенов, 2002, с. 44–114; Горячева, 2010, с. 119–123; Кольченко, 2018, с. 64–70; Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 201–213].

В 2000–2001 гг. Ак-Бешимским отрядом ИИ НАН КР при поддержке фонда Ата-Мурас, была обследована территория в западной и северо-западных частях комплекса [Горячева, 2010, с. 119–120; Кольченко, 2018, с. 64–65]. Итогом проведенных работ стало оконтуривание внутренней западной стены зданий С, D и открытие хозяйственно-бытовых помещений в северо-западной части комплекса. В 2004–2006 гг. были проведены частичные работы по консервации памятника [Кольченко, 2018, с. 64].

Исследование памятника продолжается и по настоящее время. В полевом сезоне 2021 г. совместной Кыргызско-Японской экспедицией Института истории, археологии и этнологии НАН КР и Университета Тейкё г. Токио были начаты работы в юго-восточной части монастырского комплекса церквей (рис. 58). Автор диссертации принимала участие в полевом сезоне 2021 г. Подготовила предварительный и научный отчеты по выполненным работам. В апреле 2022 г. начался новый полевой сезон на объекте VIII. Основной задачей этого полевого сезона было уточнение и фиксация внешних фасадных стен комплекса (церкви «А», «В», «С»). В результате был заложен раскоп вдоль внешней восточной стены комплекса и с восточной стены городища. Обнаружены хозяйственные ямы и очаги, фрагменты керамики, кости животных и фрагменты пластин из металла. Планиграфия раскопа показала, что поверхность изучаемого участка плавно понижалась от предполагаемой внешней восточной стены в сторону крепостной стены городища. Аналогичная картина отмечена вдоль внешней южной стены комплекса. Очевидно, весь комплекс располагался на небольшом естественном возвышении. В настоящее время отчет по проведенным работам находится в процессе подготовки.

Описание и датировка памятника

Комплекс всего сооружения состоял, по мнению Г.Л. Семенова, из трех или четырех частей [Семенов, 2002, с. 44–115]. Все здание было построено из сырцового кирпича и пахсы. Без учета толщины нераскопанных внешних фасадных стен, его размеры составляли 56 x 42 м. Каждая часть комплекса — А, В, С, D состояла из вытянутого с востока на запад помещения

длинной 25 м. С восточной части к каждому помещению примыкало квадратное в плане (5 х 5 м) небольшое помещение с нишами и алтарем. У комплекса В к подобной комнате примыкал большой двор («большой» двор). Такая же картина представлена у комплекса С — к квадратному помещению примыкал двор, но меньших размеров («малый» двор), однако, следует отметить, что северная и южная стены двора также не раскапывались. Вдоль восточного фасада всего сооружения между квадратными (или алтарными) помещениями располагались дополнительные комнаты. Длинные коридоры окружали здание с трех сторон. Перекрытие помещений в основном было сводом «балхи» или купольным. Стены, в среднем, сохранились на высоту 3,5 м. Предполагаемое освещение: в купольных помещениях — в виде отверстий в куполах; в сводчатых помещениях, как считает Г.Л. Семенов — через окна шахтного типа, расположенных в торцевых восточных стенах [Семенов, 2002, с. 44–115].

Комплекс/церковь А

Южная часть сооружения — комплекс А, состоящий из девяти разноплановых помещений (№№ 1–9). Центральным можно считать помещение № 2, раскопанное до уровня пола второго строительного периода⁵⁸, квадратное в плане (5х5 м), с глубокими нишами в восточной, северной и южной стенах. Ширина ниш — 2,5 м, глубина 1 м. Восточная ниша располагалась посередине восточной стены, северная и южная — смещены от центра помещения к западу. Кроме того, вдоль западных краев этих ниш были устроены узкие проемы, ведущие в соседние помещения. Проем на южную сторону составлял 85 см и имел две ступени, северный проем оказался без ступеней. Пол помещения № 2 был обмазан ганчевой обмазкой, под которой была зафиксирована вымостка из сырцовых кирпичей. Интересно, что по оси помещения перед восточной нишей алебастровый пол повышался и был сделан в виде прямоугольного возвышения, приставленного к стене ниши. Аналогичная картина прослеживалась в помещении № 27. Автор предположил, что в данном случае речь может идти об алтарных помещениях и алтарных возвышениях перед восточной стеной. Подобная картина наблюдалась в церкви Ак-Бешим (об. IV) и в алтарном помещении Ургутского монастыря [Михеева, 2019b, 252, рис. 2].

Напротив восточной ниши в западной стене находился проход (2х2 м) в помещение № 3. Вытянутое помещение, ширина которого равна 5,2 м. Стены помещения, судя по штукатурке, были покрыты росписью. Вдоль северной и южной стен располагались суфы и ямки от столбовых конструкций. С западной стороны находился проход (2х2 м) в перпендикулярно расположенное помещение № 9. С востока, севера и юга помещения № 2 и № 3 были окружены сводчатыми помещениями (№ 1, № 4–8), соединенными между собой проходами. Между сводчатыми

⁵⁸ Уровень второго строительного периода — это слой ганчевой обмазки пола, который был прослежен в других помещениях.

помещениями и комнатами №№ 2 и 3 находились дополнительные проходы. Во втором строительном периоде существования комплекса А в его северо-восточной части была сооружена винодавильня (помещение № 4), а в соседних комнатах устроены хумы для хранения вина (помещения №№ 7, 8) [Семенов, 2002, с. 56–70].

Комплекс/церковь В

К северу от комплекса А находился комплекс В, состоящий из обширного двора, вытянутого с востока на запад. С востока к двору примыкал ряд помещений (№№ 19–24). Центральное помещение (№ 21) этого ряда в плане аналогично помещению № 2 комплекса А. Располагалось оно на продольной оси двора, с проходом в него в западной части. С севера двор был окружен анфиладой коридоров (помещения №№ 29 и 30), у которых располагались проходы на восток, на юг во двор и на север, где находился двор меньших размеров (10x31 м). Комплекс В интересен также наличием большого двора, который находился к северу от помещения № 8. По форме это прямоугольник с размерами 18x30 м. Восточной границей двора является стена помещений № 19–22; западной, по мнению автора, — комната № 9, точнее, продолжение этой комнаты. Центральной осью всего двора в направлении с востока на запад можно назвать проход в помещение № 21, которое, как предполагается, тоже может быть алтарным, как и помещение № 2. Согласно Г.Л. Семенову, большой двор мог быть как открытым двором, так и помещением с несколькими нефами. На 1996–1997 гг. раскопками была затронута только узкая полоса двора вдоль восточной стены, поэтому данный вопрос, а также вопрос о перекрытии, видимо, так и останется невыясненным. Однако автор раскопок все же склонен видеть большой двор как открытое пространство [Семенов, 2002, с. 84]. Принимая непосредственное участие в раскопках памятника в 2021 г., автором диссертации было обращено внимание на то, что двор комплекса В значительный по размеру и вряд ли мог быть перекрыт крышей.

В данном комплексе интересно также помещение № 23. При его перестройке была отгорожена восточная часть, и помещение стало двухэтажным. На первом этаже в восточной стене была вырублена часть пахсового блока, а в получившейся нише устроено захоронение [Семенов, 2002, с. 78]. На втором этаже располагалась небольшая комната с единственным входом через лаз из помещения № 24. В соседней с № 24 комнате на полу были обнаружены фрагменты рукописной книги. В настоящее время книга утеряна. Возможно, что данное помещение служило местом хранения книг, возможно, книга была оставлена неким насельником [Семенов, 2002, с. 80–84].

Комплекс/церковь С

Представлен помещением № 25 и малым двором. Помещение № 25 квадратное в плане (5x5 м), практически такое же, как и помещения №№ 21 и 2. В его восточной стене находилась ниша шириной 2,25 м, глубиной 90 см, которая в какой-то момент была заложена и

оштукатурена. На штукатурке были прослежены следы красной и синей красок, а также тонкие листки золотой фольги. В северной и южной стенах имелись аналогичные ниши. Основной проход шириной 1,7 м, расположенный в западной стене, вел в «малый» двор, находившийся к северу от «большого» двора. Длина двора 15 м, ширина — 10 м. По мнению Г.Л. Семенова, «малый» двор тоже мог быть нефом к алтарному помещению № 25, но утверждать это сложно. Для точного ответа необходимо дальнейшее археологическое исследование памятника. Тем не менее, автор считает, что двор был перекрыт, так как в юго-восточном углу двора были зафиксированы следы штукатурки с остатками росписи [Семенов, 2002, с. 84–88].

Комплекс/церковь D

По мнению Г.Л. Семенова, комплекс D был пристроен к комплексу C, так как при его строительстве был прорублен проход в фасадной стене, связывающий помещения №№ 26 и 27. В данном комплексе интересно помещение № 27. Находилось оно в северо-восточном углу комплекса, имело проход на южной стороне в помещение № 26, а с западной стороны в помещение № 28. В плане помещение квадратное — 3,5–3,6х3,65–3,8 м. Южная стена его наклонная, по мнению автора раскопок, производила впечатление фасадной. Рядом с проходом в южной стене была зафиксирована ниша высотой 0,76 м, глубиной 0,55 м и шириной 0,5 м, с округлым верхом. Ниша была вырублена в пахсе и сверху оштукатурена. В западной стене находился проход в помещение № 28. Ширина прохода 1,8 м. Во время раскопок был зафиксирован единственный пол в помещении на отметке 5,76 м от нулевого репера. В центре помещения, на полу располагался прямоугольный в плане алтарь, присоединенный к середине ниши в восточной стене и выполненный в виде небольшого возвышения (рис. 60). Размеры алтарного возвышения: длина 1,8 м, ширина 0,85 м, высота 12 см. В глубине ниши на полу находился завал из битых жженных кирпичей (16–18х4–4,5 см) из серой глины и сырцовых кирпичей 36(?)х20х6,5 см. Сверху прослеживался слой упавших сырцовых кирпичей перекрытия. Перекрытие помещений №№ 21 и 25 было сделано в виде свода «балхи». Данный комплекс был раскопан частично [Семенов, 2002, с. 44].

За время своего существования здание перестраивалось. В первом периоде был построен комплекс A, затем пристраивались к нему комплексы B, C и D. В это же время помещения расписывались красками. Во втором периоде, видимо, проводился некоторый ремонт — повышение уровня пола, второй пол, побелка стен и полов. В это же время в северо-восточной части комплекса A была сооружена винодавильня (помещение № 4), со специальными комнатами для хранения вина (помещения №№ 7, 8). В комнате № 23 в ее восточной части был сооружен второй этаж с килевидной аркой и побелкой [Семенов, 2002, с. 56–70]. Последний период обживания сооружения связан с верхними полами. Закладывается проход на запад в

помещение № 25, также проход на запад в № 19, а в ряде помещений фиксируются слои зольников.

Находки

Стоит упомянуть, что практически все помещения, как алтарные (№№ 2, 21, 25 и 27), так и помещение № 3, проходы и малый двор были украшены росписью — на штукатурке сохранились остатки красной и синей красок. Специалистам удалось реконструировать роспись розетки из помещения № 2, которая по замыслу практически идентична розетке, обнаруженной в храме из Дуньхуана [Семенов, 2002, с. 52]. На стене в проходе между помещением № 2 и № 3 также сохранились фрагменты живописи — складки одежды или драпировки со следами надписей, сделанных, как предполагает В.А. Лившиц, на древнеуйгурском языке.

Из находок, помимо керамического материала: кувшинов, хумов, плашек-светильников, глазурованной столовой посуды и чирогов, в большом количестве встречались монеты с квадратным отверстием внутри, различные бронзовые вещи или предметы вооружения. Для нас интересны артефакты, так или иначе связанные с религиозным культом. В помещении № 5 на полу 1 был обнаружен нефритовый крестик, круглая сердоликовая бусина и колечко из слоновой кости. Особый интерес представляет фрагмент бронзовой тонкостенной чаши с псевдоэпиграфической надписью, выполненной на фоне из нарисованных небольших кружков — пунсонов. Окантовка чаши сделана из таких же кружков, но размером больше. К сожалению, из-за фрагментарности самой надписи прочесть ее невозможно. При разборе завала помещения № 27, помимо бусин и железных предметов, был обнаружен керамический штамп из необожженной глины с изображением несторианского креста. На оборотной стороне штампа — две надписи на сирийском языке [Семенов, 2002, с. 93, 54, 55].

При исследовании винодельни, к которым автор относит помещения №№ 4, 7, 8 комплекса А, в комнатах № 7 и 8 были обнаружены хумы [Семенов, 2002, с. 65]. Высота хумов 65–85 см. Внешне хумы были довольно однотипны, венчики сильно отогнутые, край несколько заострен либо скруглен. В придонной части тулова располагалось отверстие для слива. На одном из венчиков была обнаружена надпись на согдийском языке. На широкой поверхности венчиков были зафиксированы оттиски штампов: круглой розетки и сетки нескольких типов. Особенно интересен штамп в виде розетки или лепестков. Г.Л. Семенов отмечает, что характер и система размещения штампов на венчиках хумов, найденных в комплексе А, идентичны штампам на венчиках из городища Красная речка [Семенов, 2002, с. 64]. Подобные штампы-прорисовки на керамических кувшинах были встречены при раскопках христианского комплекса около Ургута. Это еще раз подтверждает предположение Г.Л. Семенова о том, что производством и хранением вина занимались не только отдельные жители-христиане, а непосредственно сама церковь [Семенов, 2002, с. 108].

Датировка памятника

На основании археологических материалов автор раскопок датирует памятник X–XI вв. Изображение цветочной розетки, росписи с потолка помещения № 2 имеют ближайшие аналогии в росписях потолков пещер Дуньхуана X–XI вв. (пещеры 440–442, 150, 157, 302); штампы на венчиках хумов из помещения № 8 идентичны штампам на караханидской керамике Семиречья. Верхние полы, где было найдено большое количество предметов вооружения, датируются автором X–XI вв. [Семенов, 2002, с. 95]. Хронологический период функционирования памятника, как предположил Г.Л. Семёнов: X–XI вв. (около 100 лет). В одной из публикаций, посвященных монастырскому комплексу, была предложена дата памятника — XI–XII вв. со ссылкой на книгу Г.Л. Семёнова Суяб. Ак-Бешим [Аманбаева, Кольченко, Сулайманова, 2015, с. 21]. Однако, Г.Л. Семёнов в своей книге предлагает другую дату — X–XI вв., упоминая при этом, что две монеты, найденные на верхнем полу, вероятно, караханидские [Семёнов, 2002, с. 95].

Интерпретация памятника

По-своему назначению комплекс, по мнению, Г.Л. Семёнова, представляет собой христианскую церковь средневекового времени. Примеры аналогичных памятников: церковь VIII в. (объект IV), раскопанная Л.Р. Кызласовым, похожа на блок А. Подобные церкви отмечаются в Ираке — церковь в Айн-Ша'йа, церковь ал-Кусур на острове Файлака и центральная часть монастыря на острове Харг в Персидском заливе. Если предположить, что это комплекс из нескольких церквей, то аналогию можно найти в Иордании — церковный комплекс в Герасе. О христианской принадлежности памятника говорят многочисленные археологические находки, имеющие самое непосредственное отношение к христианскому культу: кресты, штампы с крестами, матрицы для изготовления керамических плакеток [Семёнов, 2002, с. 107].

По мнению В. Кляйна, данный комплекс представляет собой трехкратную церковь с часовней, построенную сирийскими христианами [Klein, 2004, р. 29]. В целом, у ученых, занимающихся изучением христианства на территории Средней Азии, сомнений в христианской принадлежности данного уникального сооружения нет.

Совсем другого мнения придерживается известный археолог из Кыргызстана, Л.М. Ведутова. Приведем цитату из заключения этого специалиста: «Несомненно, что раскопанный в 1996–1997 гг. объект VIII и идентифицированный Г.Л. Семёновым как христианский монастырь, был задуман и построен как буддийский храмовый комплекс в одном ряду с такими престижными и знаковыми для VII–VIII вв. монументальными сооружениями в раннесредневековых городах Семиречья и Кыргызстана, как замок-фактория (цитадель) и монументальный караван-сарай.» [Цит. по: Ведутова, 2019, с. 188]. На взгляд автора диссертации, данное заключение ошибочно и противоречит всем изложенным ранее выводам и

результатам работ многих ученых, исследовавших данный памятник: Г.Л. Семёнова, С.Г. Хмельницкого, В. Кляйна, В.А. Кольченко, А. Торгоева и исследователей настоящего времени: Б.Э. Аманбаевой, К. Ямаучи, А. Жумабаева и автора диссертации.

Процесс работ и результаты раскопок полевого сезона 2021 г.⁵⁹

С 2021 г. начался новый этап в изучении памятника. Основные работы были сосредоточены в юго-восточной части церкви/сооружения А. В данный полевой сезон была изучена строительная конструкция внешней южной и восточной стен церкви А. Выяснено, что в южной части комплекса располагались жилые помещения с очагами и хозяйственными ямами, вероятно, пристроенные к основной внешней южной стене здания церкви А. С восточной стороны памятника, была открыта и реконструирована сохранившаяся внешняя восточная стена церкви А, имевшая ширину 160–170 см, высоту — около 270 см, выполненная комбинированной кладкой на глиняном растворе. При раскопках Г.Л. Семёнова в 1996–1998 гг. высота сохранившихся стен, в том числе внешней восточной, была выше и достигала 3,5 м, т.е. за прошедшие годы произошло некоторое разрушение памятника. В восточной части раскопа был обнаружен равноконечный нефритовый крест, по форме схожий с мальтийским крестом. Кресты такого типа, найденные в пределах среднеазиатского региона, в публикациях часто именуются несторианскими [Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 201–213; Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, не опубликован].

Основной задачей археологических работ этого полевого сезона было уточнение и фиксация внешних фасадных стен церкви А: южной и восточной. Кроме того, предполагалось исследовать территорию, расположенную между внешней южной стеной церкви А и южной стеной городища. Также планировалось исследование площадки между внешней восточной стеной церкви А и восточной (крепостной) стеной городища.

Для решения поставленных задач был заложен раскоп вдоль внешней южной стены церкви А с размерами 12x30 м: от восточной стены городища к западу — 30 м, и от южной стены городища до предполагаемой южной стены церкви А — 12 м. Общая площадь раскопа — 360 кв. м. В центре раскопа с юга на север располагалась центральная бровка шириной 1 м. В юго-восточной части памятника работы проводились археологами А.А. Михеевой и А.Т. Жумабаевым. Для удобства описания этот участок раскопа обозначен как Восточная часть. В юго-западной части раскопа работы велись археологами Д.А. Воякиным, А.О. Молдокматовым, и данная часть раскопа обозначалась как Западная. Топографо-

⁵⁹ К.и.н. Бакыт Элтиндиевну Аманбаеву и проф. Казуя Ямаучи искренне благодарю за предоставленную возможность использовать материалы, полученные в ходе раскопок памятника 2021 г.

геодезические работы на памятнике были выполнены М.В. Гурулевым [МИЦАИ; Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 4 (*пагинация А.А. Михеевой*)].

Остановимся подробнее на комплексе А. Комплекс/церковь А состоит из девяти помещений. Северо-западный угол комплекса А до конца не был изучен. Также отметим, что общая архитектурная планировка церкви А отличается от зданий В, С и D, а площадь всего комплекса А меньше, чем у остальных зданий. Северная стена церкви А имела уклон наружу, что позволило предположить, что она являлась фасадной, к которой впоследствии было пристроено здание В [Семенов, 2002, с. 94; Горячева, 2010, с. 120]. К сожалению, описание северной/фасадной стены церкви А было недостаточно подробным для понимания архитектурной и строительной конструкции северной стены.

Как отмечалось ранее, раскоп, заложенный вдоль внешней южной стены церкви А, бровкой разделен на западную и восточную части (рис. 59). В западной части после снятия дернового слоя и зачистки уровня на 40 см, основные работы были сосредоточены около внешней южной стены церкви А (работы проводил Д.А. Воякин). Вдоль центральной бровки по направлению с севера на юг был заложен стратиграфический шурф размером 3х1,5 м (шурф № 9; рис. 60). Северная граница данного шурфа примыкала к внешней южной стене церкви А. После тщательной зачистки на глубине 1,3 м от дневной поверхности в северо-западной части шурфа был обнаружен большой фрагмент стенки сосуда с венчиком. Затем после тщательной расчистки были выявлены следующие конструкционные особенности (рис. 61, 62):

1. Вдоль восточного борта шурфа располагался очаг округлой формы (глубина 118 см от современной дневной поверхности). Стенки очага были красно-коричневого цвета, прокаленные, шириной 3,5–4 см. Диаметр по внутреннему обводу 37,5 см (в нижней части). По всей видимости, он имел сужение от нижней к верхней части. Западная стенка очага отсутствовала. Вблизи очага прослеживались фрагменты сырцового кирпича ярко-коричневого цвета размером ок. 20,5х9 см. Возможно, это сохранившаяся часть небольшого тандыра.

2. Данный очаг был сделан в суфе, вытянутой по линии север–юг.

3. Перпендикулярно суфе с очагом была прослежена еще одна суфа, расположенная по линии запад-восток [Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 16–17 (*пагинация А.А. Михеевой*)].

Открытие очага и двух суф позволили предположить, что в шурфе № 9 нами было открыто небольшое помещение (помещение № 10), пристроенное к внешней южной стене церкви А. В процессе выборки грунта в помещения № 10 нами было обнаружено значительное количество находок, в большей части сконцентрированных вблизи пахсовой стены или внешней южной стены церкви А. Глубина залегания находок — 118–120 см от уровня современной дневной поверхности. В помещении были обнаружены следующие предметы:

1. Железный нож с конусовидным лезвием, клиновидным в сечении. Ширина спинки 4 мм, высота лезвия в районе рукоятки — 13 мм, длина лезвия — 72 мм. Рукоять длиной 32 мм, с сечением подовальной формы, толщина 3 мм.

2. Кость животного.

3. Тарный сосуд, донце которого фиксировалось в северо-западном углу шурфа № 9, диаметр донца 19 см, тесто красного цвета, закопченности на внешней поверхности не обнаружено (рис. 63, 3).

4. Фрагменты закопченного кухонного сосуда округлой шаровидной формы с отогнутым наружу венчиком, весьма изящным.

5. Чираг без ручки, высота стены 3 см, вытянутой ладьевидной формы, задняя часть округлая, раскол конусовидный. Толщина стенок — 5 мм. Общие размеры — 13x8,5 см (рис. 63, 2).

6. Сильно закопченная кружка с петлевидной вертикальной ручкой, округлой в сечении. Дно плоское, венчик несколько отогнутый наружу. На венчике слив, также отогнутый наружу. Размеры: высота — 8,7 см, диаметр венчика — 6,5 см, диаметр туловища — 7,5 см, диаметр донца — 5 см [рис. 63, 1; Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 17 (*пагинация А.А. Михеевой*)].

Рядом с найденными предметами после тщательной зачистки шурфа № 9 во внешней южной стене церкви А был обнаружен очаг (в виде камина), вырубленный в пахсовом блоке этой стены. Очаг представлял собой сферической формы нишу в стене с плечиками по периметру. Размеры очага: высота 60–65 см, ширина 60–63 см, глубина по нижней придонной части 30–33 см. Высота плечиков 35 см, ширина плечиков 8–9 см. Ширина очага в районе сферы — 75 см. Верхняя часть очага была вырублена в стене в виде полусферы. На полу очага поставлено три сырцовых кирпича, размером 8–9x12–15 см, на торец, образующие П-образный подъем, открытый во внешнюю сторону очага. Размеры по внутренней части очага 19x25 см. Поверхность кирпичей была прокалена во внутреннем пространстве кирпичного пода [Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 18–19 (*пагинация А.А. Михеевой*)].

В северо-западной части раскопа был заложен еще один стратиграфический шурф — № 11 (работы проводил А.О. Молдокматов). Размеры его по оси запад–восток — 2,5 м, по оси север–юг — 4 м. Выяснилось, что под мощным слоем отвала грунта 1996–1998 гг. (отвал, оставленный раскопками Г.Л. Семёнова), залегавшим под слоем дневной поверхности, читался слой погребенной почвы, представленный рыхлой супесистой массой серого цвета. Под ним располагались пахсовые блоки, ярко-коричневого цвета, прослеженные практически на всей площади шурфа. Кроме этого, в центральной части встречались фрагменты сырцовых кирпичей. Вероятно, что пахсовые блоки и кладка из сырцовых кирпичей — это остатки некой полноценной

конструкции или пахсового основания какого-то здания. На остальной площади раскопа, в его западной части, были прослежены следы кирпичной кладки из сырцового кирпича и небольшая яма (№ 1), представленная заполнением песчанного грунта, без находок [Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 22–24 (*пагинация А.А. Михеевой*)].

В восточной части раскопа после снятия грунта и зачистки нескольких уровней слоев в северо-западном углу на глубине 85 см от современной дневной поверхности, было зафиксировано зольное пятно круглой формы. Границы пятна читались едва уловимым очертанием оранжевого цвета земли в виде круга (30x14 см). При снятии слоя на 7–10 см, мы убедились, что оранжевое круглое очертание — это большой, многослойный очаг, окруженный сырцовыми кирпичами, который располагался рядом с северной стеной. С западной, северной и восточной сторон очага был прослежен слой довольно плотного грунта оранжевого цвета — слой прокалённых сырцовых кирпичей (?). Размеры очага: 45x45 см. Толщина слоя золы — 3–5 см. У западной бровки, рядом с очагом, располагались сырцовые кирпичи, уходящие в западную стену бровки. Недалеко от очага вдоль северной стены раскопа на уровне 82 см от современной дневной поверхности обнаружен равноконечный нефритовый крест (инд./н. № 2; рис. 64, 2). Подробнее о кресте см. в главе 2.4. Нефритовый крест и контуры очага располагались в одном слое и на одной глубине, поэтому было принято решение взять кусочки золы из этого очага на анализ для радиоуглеродного датирования [Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 25–30 (*пагинация А.А. Михеевой*)]. Результаты анализа пока не получены.

Помимо креста, в восточной части раскопа была найдена синяя пастовая бусина (инд./н. № 1; (рис. 64, 1) и керамическое пряслице (рис. 64, 4; инд./н. № 4). В 2 м от южного борта раскопа в направлении к северу была найдена керамическая прямоугольная форма — плакетка, дощечка или штамп (рис. 64, 3; инд./н. № 3). Изготовлена она была аккуратно, углы, внутренняя и внешняя поверхности сглажены. Тесто отмучено хорошо, в составе его встречен шамот, известняк и песок. Предполагаем, что данная керамическая плакетка — это заготовка для нанесения на нее каких-либо надписей. Схожие формы были встречены при раскопках Г.Л. Семёнова, где на одной из сторон плакетки имелись надписи на согдийском языке [Семенов, 2002, с. 93, рис. 55].

В северо-восточной части восточного участка раскопа после снятия слоев грунта на уровне 87 см от современной дневной поверхности были прослежены прямоугольные сырцовые кирпичи, уложенные в два ряда. Размеры кирпичей: (?)x20x10 см, (?)x21x10 см. Выяснилось, что это угол соединения внешних стен: южной и восточной церкви А. Интересно, что следы разрушения восточной стены прослеживались в профиле практически сразу под слоем дневной поверхности 1996 года — слой отвала при раскопках Г.Л. Семёнова. Это значит, что на момент изучения этого участка памятника Г.Л. Семеновым внешняя восточная стена имела довольно хорошую сохранность. Слой сырцового завала или разрушения восточной стены наблюдался на

протяжении 3,7 м в восточном направлении от самой стены [Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 25–26 (*пагинация А.А. Михеевой*)].

Для того, чтобы проследить строительную конструкцию внешней восточной стены церкви А, было решено сделать небольшую прирезку вдоль восточной стены. Прирезка общей площадью 6 кв. м. (3х2 м) показала, что под слоем дёрна и отвала за 1996 г. (отвал Семёнова), вдоль восточной стены на глубине 42 см от современной дневной поверхности была зафиксирована кирпичная кладка, сложенная из прямоугольных сырцовых кирпичей коричневого цвета — это западная сторона прирезки. Аналогичные кирпичи были зафиксированы в северо-западном углу восточной части раскопа, около центральной бровки и у северного борта раскопа, в его северо-западной части. В прирезке кирпичная кладка сохранилась хорошо. Кирпичи ровные, хорошо читались по контурам. Швы между рядами кирпичей до 1 см, между кирпичами, в горизонтальном ряду — до 4 см (рис. 65)⁶⁰.

Нам удалось зафиксировать пять рядов кирпичей в западном профиле (восточная стена церкви А), уложенных тычком. Сверху над этими рядами — условно-сохранившихся два ряда. Ниже пятого ряда на плане хорошо виден шестой ряд кирпичей, ниже которого, как мы предполагаем, следуют еще ряды кирпичей, на глубину вскрытого участка, около 1,3 м от дневной поверхности. Реконструкция рядов позволила предположить, что под шестым рядом сохранились еще пять рядов кирпичей. Кирпичи располагались в два параллельных ряда — первый у западной стены, и рядом второй. Расстояние между этими рядами около 4 см, между кирпичами прослежен глиняный раствор серого цвета. В северном профиле читаются контуры кирпичей, которые, возможно, составляли третий параллельный ряд, но пока это только предположение. Если указанное предположение подтвердится, это значит, что внешняя восточная стена церкви А была шириной 160–170 см (в три ряда) [Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 36–40 (*пагинация А.А. Михеевой*)].

Напротив прирезки с западной стороны в 1996 г. было открыто помещение № 4. Восточная стена этого помещения должна быть и внешней восточной стеной церкви А, таким образом, стена прирезки из сырцовых прямоугольных кирпичей — это восточная стена помещения № 4. Г.Л. Семенов пишет, что восточная стена была сложена из пахсовых блоков, лежащих на трех рядах сырцового кирпича. Кирпичи располагались тычком, под ними слой песка толщиной 17–19 см, ниже него еще два ряда тычковых кирпичей. Размеры их: 42–48х22х8 см. Восточная стена была приставлена к северной [Семенов, 2002, с. 56–57]. Из чего следует, что размеры кирпичей прирезки и помещения № 4 должны быть абсолютно идентичны. Однако, сама техника строительства несколько отличается. В помещение № 4 стена состояла из пахсовых

⁶⁰ Размеры кирпичей: длина 48–50 см, ширина 22, 23 см, толщина 8 см (48–50х22–23х8 см).

блоков и кирпичей, а в прирезке мы смогли зафиксировать пока только кладку из сырцовых кирпичей. Г.Л. Семенов не указывает высоту сохранившейся восточной стены, как, впрочем, и других стен данного помещения. Кладка в прирезке, с учетом реконструкции, составляла чуть больше 1 м, это значит, что пахсовые блоки, о которых упоминает Г.Л. Семенов, располагаются ниже или глубже, под кладкой из сырцовых кирпичей, обнаруженных нами.

Мы попробовали реконструировать внешнюю восточную стену. Согласно описанию восточной стены помещения № 4, можно предположить, что два ряда кирпичей с учетом швов имели высоту 20 см. Сверху они были перекрыты слоем песка в 17–19 см (округлим до 20 см), затем следовали еще три ряда кирпичей общей высотой 32 см, и сверху пахсовый блок, средняя высота которого на памятнике — 80 см. Итак, получается, что высота восточной стены помещения № 4 — около 155 см с учетом швов. К данной высоте мы прибавим кладку, открытую в прирезке, — около 1 м. В результате, можно предположить, что высота внешней восточной стены церкви А составляла не менее 255 см, с учетом швов — около 260 см. Ширина стены (в три ряда): 160–170 см (рис. 67). Уточним, что высота внешней восточной стены была больше. Г.Л. Семенов отмечает, что сохранность стен на памятнике достигала 3,5 м [Семенов, 2002, с. 95]. Уверенно можно сказать, что, как и стены всего памятника внешняя восточная (по технике строительства) состояла из комбинированной кладки прямоугольного сырцового кирпича и пахсовых блоков, фиксируемых между собой глиняным раствором.

Параллельно помещению № 4 с севера на юг следуют помещения № 7 и № 1. Логично было предположить, что восточная стена этих помещений единая, но, к сожалению, Г.Л. Семенов не дает никакой информации относительно восточной стены данных помещений. На данном этапе работы на этом участке были остановлены, прирезка рекультивирована и оставлена для изучения в полевом сезоне 2022 г.

В результате проведенных работ в мае 2021 г. на монастырском комплексе церквей (об. VIII) нами была оконтурена внешняя южная стена и угол соединения южной и восточной стен церкви А (рис. 66). Прослежена строительная техника и конструкция внешней восточной стены церкви А, а также предложена реконструкция этой стены. Вдоль южной стены было открыто помещение № 10, включающее две суфы, на одной из которых располагался очаг/тандыр, в пахсовом блоке южной стены был выдолблен очаг/камин. Небольшой очаг был зафиксирован в восточной части раскопа, на уровень выше, но также расположенный рядом с южной стеной.

Датировка памятника

В помещении № 10, помимо других предметов, был найден керамический ладьевидный чираг без ручки или светильник. При раскопках Г.Л. Семёнова в помещениях монастырского комплекса также были найдены чираги, но несколько иной формы и глазурированные [Семенов, 2002, с. 98, рис. 58]. Самую ближайшую аналогию нам удалось найти в публикации предметов,

обнаруженных в пределах Семиречья, но находящихся в частных коллекциях в Лондоне [Arta from the Land of Timur, 2012, с. 109, 210]. По форме чираг из частной коллекции сильно похож на чираг, найденный нами в помещении № 10. Он также ладьевидный, лепной, вероятно, красноглиняный. Единственным отличием можно отметить небольшую ручку, сделанную в задней части семиреченского чирага и на боку, тонким предметом, вероятно, до обжига, был сделан рисунок, напоминавший крест. Авторы публикации отнесли данный чираг к христианскому культу и датировали его VIII–IX вв. Размеры его: высота 5 см, ширина 9,5 см, длина 17 см. Чираг из помещения № 10 чуть меньше: высота — 3 см, ширина — 8,5 см, длина — 13 см, толщина стенок — 5 мм [Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 73, рис. 36, 2 (№ 5)]. Аналогичные чираги, имевшие вид плошечки с вогнутым краем (без ручки) и коротким носиком для фитиля, активно использовались в сер. VIII в. в Согде и Чаче, в так называемый мусульманский период. Уже с X в. мастера начали изготавливать изящные глазированные чираги [Тереножкин, 1950, с. 167], которые также встречались на монастырском комплексе.

Рядом с чирагом нами была обнаружена кружка с петлевидной вертикальной ручкой, сверху сильно закопченная. Дно кружки плоское, венчик слегка отогнут наружу, с одной стороны немного деформирован, возможно, от огня высокой температуры. На венчике слив, также отогнутый наружу. Размеры кружки: высота — 8,7 см, диаметр венчика — 6,5 см, диаметр туловища — 7,5 см, диаметр донца — 5 см. По тулову, по бокам отмечено три валика-налепа. Налепы сохранились с одного бока и во фронтальной части, с противоположного бока читался только след от валика [Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 73, рис. 36, 1 (№ 6)]. Аналогичная по форме кружка была представлена в публикации П.Н. Кожемяко [Кожемяко, 1959, с. 51, табл. XII, 8]. Автор публикации отмечает, что кружка была найдена на городище Ак-Бешим. Высота ее до 10 см, сделана на гончарном круге. Датировка находки по П.Н. Кожемяко — VIII–X вв.

Получается, что ладьевидный чираг и кружка с петлевидной ручкой предлагают нам более раннюю дату — VIII, IX, X вв. Высказывалось мнение, что церковь А была построена раньше остальных, пристроенных к ней зданий [Горячева, 2010, с. 120]. Раскопки полевого сезона 2021 г. показывают верность данного предположения. Вероятно, что после того, как было построено сооружение/церковь А, за пределами ее внешней южной стены одновременно были пристроены небольшие помещения, в которых проживали монахи или послушники монастыря. Отметим, что нефритовый крест, обнаруженный рядом с помещением № 10, был качественной заготовкой креста. В процессе выпиливания его ветвей, одна из них отломилась, и крест был выброшен. Возможно, в этой части церкви располагались небольшие мастерские или ремесленные помещения, обеспечивающие потребности насельников данного монастырского комплекса.

Таш-Рабат (Тань-Шань)
(караван-сарай или монастырь)

В отношении следующего памятника у специалистов до сегодняшнего времени не сложилось единого мнения о его возможной принадлежности к христианству. Речь идет об известном архитектурном памятнике Таш-Рабат, расположенном в Кыргызстане. В связи с тем, что датировка памятника несколько выходит за рамки изучаемого хронологического периода данной работы, автор диссертации не будет подробно останавливаться на этом сооружении.

История исследования

Таш-Рабат находится в 80 км от селения Атбаш и в 18 км к югу от Великого Киргизского тракта, в ущелье горного хребта Атбаш, близ перевала к оз. Чатыр-куль. Таш-Рабат стоит как бы особняком среди других раннесредневековых поселений Тань-Шаня.

Изучение памятника имеет обширную библиографию, начиная с конца прошлого столетия. Еще 1880-х гг. доктор Н. Зеланд, проезжавший через перевалы Тань-Шаня, оставил краткие замечания по поводу функционирования здания и пришел к выводу, что подобное сооружение с обилием узких проходов, темными кельями и замкнутой планировкой никак не могло быть караван-сараям, а являлось либо несторианским, либо буддийским монастырем [Зеланд, 1888, с. 22–27].

В 1894 г. А. Войцеховичем в «Степной газете» были опубликованы первые сведения о памятнике [Войцехович, 1894], затем две фотографии Таш-Рабата были изданы В.В. Бартольдом в приложении к своему «Отчету» об экспедиции 1893–1894 гг. [Бартольд, 1897, с. 39–40]. Из сочинения Ч.Ч. Валиханова известно, что Таш-Рабат представляет собой каменное здание, построенное как убежище для путешественников — караван-сарай. Основание этого рабата приписывается некоему Абдулле, который очень любил постройки подобного рода [Валиханов, 1904, с. 381–382].

Первое археологическое обследование памятника было выполнено Н.Н. Пантусовым в 1902 г. (рис. 68–71). Исследователь пришел к выводу, что здание является несторианским монастырем, который вместе с тем играл роль караван-сарая — давал приют путешественникам и проезжающим. Н.Н. Пантусов упоминает о некоем Урмийском протоиерее Мишаке Абрамове, который в августе 1901 г. посетил Таш-Рабат и нашел там надгробный камень с сирийской надписью. Видимо данный камень стал основным аргументом в пользу предложенной Н.Н. Пантусовым интерпретации. Это единственное упоминание о надгробных камнях в Таш-Рабате. Было ли это на самом деле, и где этот камень, никто не знает [Пантусов, 1902, с. 15–23].

В 1940 г. памятник изучала бригада архитекторов Киргизии. Возглавлявший бригаду архитектор В.К. Змиевский предположил, что это здание могло быть или мечетью, служившей в

то же время останочным пунктом для проезжих купцов или крепостью, где совершались религиозные обряды, а, возможно, это был некрополь [Змиевский, 1940].

А.Н. Бернштам, считал, что Н.Н. Пантусов ошибочно принимал это сооружение за храм, а описание памятника последним наглядно характеризует его именно как караван-сарай XV в., построенный на пути из Ферганы в Китай. А.Н. Бернштам высказал свои предположения о ритмическом построении композиции плана Таш-Рабата [Бернштам, 1950а, с. 109–116].

В 1952 г. вышла в свет публикация известного архитектора и археолога Г.А. Пугаченковой, в которой она подробно рассмотрела назначение данного сооружения. Проведя серьезный архитектурный анализ памятника вместе с письменными источниками, автор пришла к выводу, что памятник необходимо датировать в пределах второго–третьего десятилетия XV в. Функционировал Таш-Рабат, по мнению Г.А. Пугаченковой, именно как рабат, место стоянки торговых караванов и военных отрядов, а большой купольный зал служил мечетью [Пугаченкова, 1952, с. 217].

В неопубликованной работе Б.Н. Засыпкина Таш-Рабату посвящена отдельная глава. Автор считает, что памятник построен в первой половине XV в. и предлагает свой вариант назначения сооружения. По начертанию кривых арок, их пропорциям и системе сталактитов Б.Н. Засыпкин считает возможным предположить участие в его возведении мастеров из Самарканда. Оспаривая интерпретацию Таш-Рабата как караван-сарая, Б.Н. Засыпкин считал, что возникновение здания было связано с завоеванием Ферганы в 1414 г. Улугбеком и предназначалось для временных остановок вооруженного конного отряда (численностью 40–45 человек). При этом купольный зал рассматривался как помещение для трапез, отправления религиозных обрядов или как мечеть, с михрабом в западной нише [Перегудова, 1989, с. 7].

В 1960 г. в связи с намечавшимися работами по реставрации ряда известных средневековых памятников Киргизии Таш-Рабат изучался архитекторами Б.В. Чурлявым, В.Е. Нусовым и В.А. Голубевым. Впоследствии была опубликована подробная статья В.Е. Нусова в Трудах ФПИ и издана книга с описанием Таш-Рабата [Нусов, 1963, с. 54–64]. В.Е. Нусов считает, что здание являлось укрепленным пунктом для посольских связей Тимуридского государства с Китаем, а примененные при его возведении архитектурно-строительные приемы, формы стрельчатых арок и стиль декора близки к архитектурной школе Самарканда XV в. (рис. 72).

Все это время замеры памятника были лишь визуальными, и только начиная с 1978 г. по решению Министерства культуры Киргизской ССР началось систематическое археологическое его изучение. Работники научно-реставрационной производственной мастерской: Б.В. Помаскин, Е.Ф. Фролов и С.Я. Перегудова при участии археолога ИА АН Киргизской ССР М.К. Кубатбекова приступили к изучению памятника. В 1979 и 1980 гг. началось планомерное

изучение Таш-Рабата и близлежащего могильника. Могильник располагался вокруг здания в виде небольших холмиков, иногда огороженных кирпичами [Галицкий, Плоских, 1982].

Наиболее полное исследование памятника были выполнены С. Я. Перегудовой, в связи с этим автор диссертации считает необходимым остановиться на них и на полученных выводах более подробно.

В задачу С.Я. Перегудовой при исследовании памятника входило стратиграфическое изучение памятника, установление глубины заложения, состояние всего фундамента постройки. Для этого внутри сооружения были заложены шурфы, вдоль фасадов сделаны стратиграфические разрезы, а на северном и южном склонах недалеко от стен здания выкопаны разведывательные траншеи [Перегудова, 1989, с. 39]. В результате проведенных работ специалистами был выявлен только один строительный период памятника. Все здание сооружено на материковом слое, площадка которого специально подготавливалась под постройку. С этой целью была срезана часть холма. Окружающая территория вокруг памятника облагораживалась сразу после его строительства. Здание было построено из местного камня, который обрабатывали на специальной площадке для тески, расположенной у юго-восточного угла сооружения. Для отвода дождевых и талых вод в западной стороне была построена подпорная стенка и прорыты арыки с двух сторон от памятника (рис. 73).

Культурный слой не очень мощный, что, по мнению С.Я. Перегудовой, свидетельствует о недолгом использовании сооружения по назначению. Обнаруженный керамический материал довольно однотипный и малочисленный, что также говорит о непродолжительном использовании здания и долгом запустении [Перегудова, 1989, с. 48].

По мнению специалистов, памятник построен в традициях средневекового зодчества Средней Азии. По архитектурным аналогиям с другими памятниками в Средней Азии Таш-Рабат датируется X — началом XI в. [Перегудова, 1989, с. 21]. Само здание функционировало непродолжительное время (с X до XIII в.) и оставалось веками в запустении.

В 1980-х гг. памятник был отреставрирован сотрудниками министерства культуры республики Кыргызстан и стал использоваться для туристических показов всем желающим [рис. 74; Худяков, 2009, с. 55–57].

В декабре 2022 г. в Бишкеке проводилась конференция, посвященная изучению христианства на территории Средней Азии: «От Мерва и Суяба — 1500 лет Христианства в Средней Азии». Один из докладов, представленный ученым из Кыргызстана А.М. Камышевым, был посвящен исследованию и датировке Таш-Рабата по материалам раскопок 2011 г. Автор доклада сообщил результаты археологических работ, проведенных в одном из помещений памятника — исследовались два колодца, которые, в период обживания здания, предположительно, использовались в качестве холодильника. Один из колодцев был прокопан

на глубину 6–6,8 м до уровня материка (на дне встречен щебень и сланец горных пород). На глубине 5,5–6 м была встречена гончарная керамика X–XI вв., показавшая, что время функционирования памятника можно датировать этим периодом. Материалы указанного доклада будут введены в научный оборот в 2023 г. публикацией в статье сборника конференции, поэтому в данной работе приведено устное сообщение А.М. Камышева.

Описание памятника

Здание построено из сланцевого камня (или плитняка, размеры плит от 30 до 150 см) на горизонтальной площадке, спланированной в склоне холма. Связующим раствором служил ганч. Из-за периодических оползней здание выглядит как бы вросшим наполовину в землю. В плане здание квадратной формы, ориентированное по сторонам света. Единственный вход в него расположен с восточной стороны. Внутренняя планировка здания почти симметрична. План его включает 25 помещений, квадратный зал и три коридора. Помещения сообщались между собой через один центральный коридор. В глубине здания находился квадратный зал с тремя глубокими нишами на осях [Пугаченкова, 1952, с. 210–218].

По мнению С.Я. Перегудовой, конструкции Таш-Рабата характерны для архитектуры среднеазиатского региона, начиная от южных границ Мавераннахра до северного Туркестана, к примеру, мечеть Деггарон в Бухарской области, караван-сарай Дая-Хатын в Туркестане, караван-сарай на Тань-Шане [Перегудова, 1989, с. 36].

Натурное исследование и небольшие раскопки, проведенные на памятнике в 1978 г. показали, что археологический материал, представленный в основном бытовой посудой местного керамического производства, находится в пределах от VIII до XII вв. Планировка здания не менялась со времени его строительства, так как не было зафиксировано ни следов переделок, ни ремонта. В верхней части помещений сохранились следы декоративного оформления интерьера. Таким образом, выявлен всего один строительный период памятника, определенный домонгольским временем [Аманбаева, и др., 2015, с. 68–70].

Интерпретация памятника

Комплексное обследование памятника, выполненное С.Я. Перегудовой и другими специалистами в 1978–1980 гг., позволило авторам трактовать его как стационарное жилище монастырского типа, для которого функции рабата были все-таки вторичными. Исходя из общеисторической картины, считается, что непродолжительное время на Таш-Рабате могли проживать христиане [Перегудова, 1989, с. 49].

Ряд ученых, занимавшихся изучением христианства в Центральной Азии, считает, что Таш-Рабат в какой-то период времени мог служить христианским монастырем. В пользу данного мнения они приводят обнаружение поблизости надгробного несторианского камня, о котором, правда, больше ничего не известно [Гаيبов, Кошеленко, 2006, с. 165–166]. Есть и

противоположное мнение: А.И. Наймарк полагает, что оснований для того, чтобы считать данный памятник несторианским монастырем, в целом нет [Наумарк, 2001, р. 307].

Вывод

При описании могильника, расположенного рядом с Таш-Работом, С.Я. Перегудова упоминает, что ряд подбоев имел выстилку из средневекового жженого кирпича размером 27x14x4 см. Кирпич, по мнению исследователя, был привезен специально для устройства погребений, так как в пределах Таш-Рабата никаких кирпичных построек нет [Перегудова, 1989, с. 44]. В свою очередь следует заметить, что если местное население, почитавшее Таш-Рабат как святое место, привозило кирпич для устройства могил своих соплеменников, то, вероятно, таким же образом на памятник мог попасть кайрак с несторианскими надписями, о котором упоминал Н.Н. Пантусов. К сожалению, никаких сведений, кроме приведенных Н.Н. Пантусовым, о данном кайраке не имеется, судьба и роль его в жизни памятника неизвестна. В. Кляйн полагает, что около стен памятника могло быть единичное христианское захоронение, за которым впоследствии ухаживали соплеменники [Klein, 2000, р. 124–125].

Архитектурная планировка Таш-Рабата позволяет нам отнести данное сооружение к караван-сараям [Klein, 2000, р. 384]. Сооружения такого типа были изучены в Иссык-Кульской котловине и во Внутреннем Тянь-Шане [Художественная культура ..., 2013, с. 61–67]. Как известно, средневековые караван-сарай возникли и функционировали в X–XII вв. Они имели определенную планировку — центральный двор, расположенный на оси симметрии, с помещениями вокруг него. Подобные сооружения прослеживаются во всем центрально-азиатском регионе и даже за его пределами. Локальным отличием может служить материал, из которого построено здание. Следует сказать, что большинство специалистов считают, что по назначению Таш-Рабата был караван-сараяем, а не монастырем [Худ. культура ..., 2013, с. 66; Аманбаева, и др., 2015, с. 70; Кольченко, 2018]. Датировка памятника, предложенная А.М. Камышевым по результатам археологических работ в 2011 г. — X–XI вв. не противоречит данной интерпретации [устное сообщение А.М. Камышева].

Подробный анализ археологических памятников, расположенных на территории Средней Азии и интерпретируемых специалистами как христианские церкви или монастыри, показал, что уверенно можно отнести к христианским культовым сооружениям следующие: Хароба-Кошук — самая ранняя церковь базиликального типа (V–VI вв., Туркмения), Ургутский монастырь с монашеской и приходской церквями IX — нач. XIII вв. (Узбекистан), церковь VIII в. на городище Ак-Бешим и одноименный церковный комплекс X–XI вв. (Юго-Западное Семиречье). Отметим, что литургические архитектурные требования для церковных зданий — прямоугольный неф и

алтарное крестообразное помещение соблюдены как в церквях Ургута, так и в церквях на городище Ак-Бешим (об. IV и об. VIII).

Архитектурная планировка данных сооружений имеет прямые аналогии с памятниками на востоке Сирии — монастырский комплекс на острове Харг (VII в.) в Иране в Персидском заливе, церковь на острове аль-Кусур (VII в.) в Кувейте, церковь Аль-Хавр или Сир Бани Яс (VI–VII вв.) в ОАЭ, иракские руины церкви Аль-Хира (холм V и XI) и церкви Айн-Шаийя. Перечисленные церкви и монастырские комплексы имеют сложную структуру и планировку: церкви, молитвенные комнаты, библиотеки, спальни, кухни, винодельни, мастерские, кладбища, расположенные в пределах церковных комплексов. Несмотря на определенные особенности и отличия каждого открытого памятника, типовая планировка церковного сооружения или монастыря все же сохраняется и прослеживается довольно уверенно.

Культовые здания с аналогичной планировкой мы можем встретить на территории Восточного Туркестана, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (район Гаочан, город Турфан), где в начале XX в. был обнаружен несторианский комплекс, построенный во время династии Тан (VII–X вв.), но функционировавший в период уйгурского правления в Турфане (IX–XIV вв.) — монастырь Булайик [Liu Wensuo, 2021; рис. 75].

В 2008–2010 гг. и в 2012 г. археологами Российской археологической миссии в Республике Йемен на острове Сокотра была открыто сооружение, интерпретируемое как несторианская церковь [Наумкин, 1989, с. 158–161; 2012; Виноградов, 2022, 429–432; рис. 76]. Размеры здания 24х12 м, длинной осью ориентировано по линии З–В. Стены его сложены из необработанных камней на глиняном растворе; ширина стен 0,6–0,7 м, сохранились в высоту на 1,5 м [Виноградов, 2022, с. 430, рис. 1]. Планировка здания представляет собой обычную трехнефную церковь с алтарной частью с восточной стороны, без апсиды. Три нефа отделены стенами, а не колоннами. С внутренней стороны северной и южной стен церкви располагались каменные ящики (4 ящика). После вскрытия одного ящика, выяснилось, что по конструкции он сильно напоминает грунтовую могилу, борта которой обложены каменными плитами. Костных останков не обнаружено, но заполнение ящика было сильно насыщено известью. Это дало основание предположить, что кости полностью истлели под действием извести. Изучение керамического материала, а также результаты радиоуглеродного анализа древесного угля позволили археологам датировать период функционирования этой церкви в рамках IX–XIV вв. Предполагается, что церковь принадлежала сокотрийским христианам несторианского толка [Виноградов, 2022, с. 431].

Ряд памятников, обнаруженных на территории Средней Азии, в силу недостаточной доказательной базы следует относить к христианским сооружениям с долей сомнения. Речь идет об «Овальном» здании в Туркмении, интерпретируемым как монастырь мелькитов, монастырь в

Термезе, памятники Коштепа и Коштепа в Нахшабе (Узбекистан). Также спорным выглядит предположение ученых о христианской принадлежности Таш-Рабата в Кыргызстане, который имеет все характерные архитектурные особенности караван-сарая. Возможно, Айваджский монастырь определенным образом был связан с религиозной общиной, правда, остаётся открытым вопрос, была ли эта община христианской или исповедовала буддизм.

Высказывалось мнение, что в ранний период становления и распространения христианства на территории Средней Азии могли существовать церкви и монастыри, не отвечающие правилам церковного строительства, например, «Овальное» здание или монастырь в Термезе. Можно допустить такую точку зрения, однако следует отметить, что к VI в. уже были построены известные церкви Месопотамии: Селевкия-Ктесифон, Аль-Хира, Айн-Шаийя и ряд других. Известны базилики в Музейфне и Каср-Серидж. В Хорасане была церковь Хароба-Кошук, существовавшая практически одновременно с «Овальным» зданием. Возможно, в «Овальном» сооружении проживали какие-то общины верующих, но на взгляд автора диссертации, нет достаточных оснований, чтобы относить их к какой-то определенной конфессии: мелькитство, несторианство или монофизитство.

2.2. Памятники погребального обряда христиан (оссуарный, ингумация)

Погребальный обряд — важнейший археологический источник, так как это явление массовое и свойственно любой культуре. Он консервативен, имеет свои четкие традиции и локализацию. Исследуя погребальный обряд, мы можем получить ответы на самые разные вопросы, начиная от религиозных представлений и заканчивая общественно-социальными отношениями. «...изучение погребального обряда позволяет охватить все стороны жизни древнего человека» [Никитина, 1985, с. 3].

Изучение погребального обряда христиан на территории Средней Азии в данной диссертационной работе выстроено по хронологическому порядку. Это позволит выделить основные признаки обряда, проследить преемственность обрядовых действий при захоронении умершего и, при возможности, выявить их локально-территориальные варианты. Правда, ограниченное количество памятников и их территориальная разбросанность несколько осложняют эту задачу.

Для указанных территорий мы можем выделить два варианта погребальных практик

- по оссуарному обряду: захоронение очищенных костей в глиняных, каменных или алебастровых урнах;
- по обряду трупоположения (обряд ингумации).

Хронологический период памятников варьируется от конца II — нач. III вв. (начало функционирования Байрам-алинского некрополя) и до конца XIV в.

Оссуарный погребальный обряд

Оссуарные захоронения встречаются на всей территории Средней Азии, и свидетельствуют, вероятно, о зороастрийском обряде погребения [Мейтарчиан, 2001, с. 65–95]. Оссуарный обряд предполагает захоронение очищенных костей в глиняных, каменных или алебастровых урнах, керамических хумах или кувшинах — в специальных хранилищах для костей умерших людей [Болелов, 2014, с. 573].

В наусах древнего Пенджикента и при раскопках Афрасиаба встречались керамические оссуарии с крестообразными фигурами на их лицевой стороне [Павчинская, 1990; Археология Центральной Азии ..., 2019; Pavchinskaja, 1994, p. 209–225; Иваницкий, 1994, с. 64–70]. Подобные кресты на самаркандских оссуариях встречаются довольно часто [рис. 77; Ставиский и др., 1953, с. 71–81] и хотя наличие крестов не определяет религиозную принадлежность приверженцев зороастрийского погребального обряда [Иваницкий, 1994, с. 69; Абдуллоев, 2019, с. 175–178], надо признать, что совместное существование на территории Средней Азии различных религий способствовало их взаимному влиянию и воздействию друг на друга [Беленицкий, 1954, с. 62; Иваницкий, 1994, с. 69].

Известны оссуарии или хумы, на стенках которых прорисовывался крест или какое-то изображение. В Таразе (Южный Казахстан), на хуме IX–X вв., найденном в 1939 г. на территории Центрального парка культуры и отдыха, был прорисован несторианский крест. В хуме находились очищенные кости [Ремпель, 1957, с. 110; Байпаков, Терновская, 2018, с. 12–13]. На некрополе в Костобе (Юго-Западное Семиречье), наряду с погребениями в наусах, были обнаружены захоронения очищенных костей в сосудах-хумах с отверстиями у дна. Высота хумов от 0,5 до 1 м, сверху они перекрывались плоскими каменными плитами. На стенке одного из хумов был прочерчен знак в виде буквы «X». В этих сосудах находились кости скелета и череп, иногда встречались личные украшения — серьги и кольца [Байпаков, 2012, с. 302; Байпаков, Терновская, 2018, с. 12]. Можно предположить, что захоронения в хумах принадлежали христианам.

В 1973 г. на могильнике Дашти-Урдакон, к юго-востоку от древнего Пенджикента, была обнаружена катакомбная могила, в которой помимо захоронений по обряду труположения, находился хум с костями внутри. В 1975–1976 гг. эту катакомбу доследовала Г.В. Длужневская [Беленицкий и др., 1982, с. 197–221] и выяснила, что хум был поставлен позже, после основных захоронений. В нем находились кости женщины, мужчины и ребенка. На костях сохранились следы зубов собаки. Хум изначально был изготовлен для хозяйственных нужд гончаром-согдийцем в VIII в., а уже позже использовался как погребальный сосуд [Распопова, 2014, с. 154–160]. Особенность его в том, что до обжига, на нем был прорисован рисунок, как считают исследователи, напоминавший обряд поклонения кресту, стоявшему на Голгофе (подробнее о рисунке смотрите в главе 2.6). На основании этого рисунка и ряда других свидетельств, высказывалось предположение о христианском вероисповедании погребенных [Распопова, 2014, с. 156, 2]. Возможно, что хум был изготовлен согдийцем-христианином, а впоследствии был использован представителями зороастрийской религии.

На хорезмском некрополе древнего Миздахкана, в погребальной постройке IV было обнаружено около 100 оссуариев (конец VII — пер. пол. VIII в.), на восьми из которых были изображены композиции, состоящие из креста, звезд и фигуры, соединяющей в себе элементы креста и звезды одновременно [рис. 78–81; Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 146]. На оссуарии № 62 из этой же постройки, с рельефным рисунком зороастрийского характера, остались видны следы преднамеренного уничтожения зороастрийского изображения в виде многочисленных сколов и зарубок, своеобразный акт магического «убийства» зороастрийского символа. По мнению В.Н. Ягодина, это христиане-прозелиты, используя «старые» зороастрийские предметы, тем самым вкладывали новое христианское значение в эту вещь. На этом же основании погребальную постройку IV исследователь относит не к зороастрийцам, учитывая оссуарии с крестами, а к христианскому населению Миздахкана [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 146–152].

Не все согласились с предложенной В.Н. Ягодиным интерпретацией. По мнению Ю.А. Рапопорта, возможно, что лишь в этих оссуариях «...по глубоко традиционному местному обряду были похоронены люди, воспринявшие христианство» [Рапопорт, Трофимова, 1973, с. 90].

Практически в тот же период времени, к которому относятся оссуарии с изображением крестов и звезд, на Миздахканском некрополе совершались захоронения, представляющие собой погребения очищенных костей в грунтовой яме [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 150]. По мнению специалистов эти погребения относятся к местным христианам-несторианам [Ремпель, 1957, с. 110; Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 150; Байпаков, Терновая, 2018, с. 13–15]. Такое предположение было выдвинуто по аналогии с захоронениям на некрополе древнего Тараза, обнаруженным при раскопках Мучного базара в 1950 г. в городе Аулие-Ата¹, которые представляли собой погребение костей без оссуариев в небольших камерах — «склепиках» (М.Е. Массон называл их «щелевидными могилами несториан») или просто в галечной яме (IX–X вв.) [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 150; Байпаков, Терновая, 2018, с. 13–15]. Допускалась мысль, что захоронения омытых и очищенных костей в оссуариях и хумах могли существовать не только среди согдийского населения и почитателей зороастризма [Борисов, 1940, с. 25–49], но и среди «...местных приверженцев христианской секты несториан» [Ремпель, 1957, с. 110]. Захоронения кучи костей в разных вариантах эпизодически встречаются на всей территории Средней Азии. К примеру, на объекте III городища Ак-Бешим [Кызласов, 1959, с. 230–231], на Байрам-алинском некрополе [Ершов, 1959, с. 168, 171] или на некрополе в Костобе (г. Джамукат) [Байпаков, Терновая, 2018, с. 12]. Принадлежали ли данные захоронения христианам — вопрос спорный, и, по мнению автора диссертации, прямых археологических предпосылок для такого утверждения на настоящий момент нет.

Наличие крестообразных фигур и прорисованных крестов на погребальных урнах (оссуариях, хумах, кувшинах) при оссуарном обряде погребения, на взгляд автора диссертационной работы, не стоит безоговорочно связывать с христианской традицией. Однако учитывая тесное взаимодействие и взаимовлияние местных религиозных культов, зороастризма (маздеизма) и христианства на территории раннесредневековой Средней Азии, необходимо признать, что практика захоронения иноверца, в данном случае христианина, на зороастрийском некрополе могла допускаться. Высказывалось мнение, что использование одного и того же кладбища для различных религиозных групп очень неожиданно [Кошеленко, Десятчиков, 1965, с. 181], тем не менее археологический материал демонстрирует нам обратную картину. Так, убедительным примером можно считать захоронение очищенных костей в хуме с прорисованной сценой поклонения кресту на могильнике Дашти-Урдакон. Факт того, что в хорезмском некрополе древнего Миздахкана на одном из оссуариев (№ 62) были прослежены следы

намеренного уничтожения зороастрийского изображения в большей степени показывает, что оссуарий использовался повторно, но уже представителями иной конфессии, в данном случае — христианами [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 149–150]. Отметим, что на зороастрийском некрополе в г. Байрам-Али (Байрам-алинский некрополь или некрополь Древнего Мерва) при работах С.А. Ершова, были обнаружены оссуарии, на которых квадратным еврейским письмом были прочерчены и процарапаны еврейские имена [Ершов, 1959, с. 179]. Две надписи прорисованы на дверцах от оссуариев, третья — на крышке от сосуда-оссуария, четвертая — на доньшке сосуда. С.А. Ершов датирует надписи VI–VII вв. (рис. 82). Хорошо читаются два имени: «Йосеф бар Йаков» и «Ашер». Они означают соответственно: «Иосиф сын Иакова» и «Ашер», в переводе с иврита «Счастливый» [Михеева, 2017, с. 305–308, 2]. Вероятно, определенная схожесть погребального обряда зороастрийцев и иудеев позволила последним захоронить своих умерших на Мервском некрополе.

Интерпретация оссуарных захоронений как христианских в целом является темой довольно спорной и требующей дальнейшего всестороннего монографического исследования. Важно отметить, что археологические материалы показывают наличие на зороастрийских некрополях иудейских захоронений и, возможно, христианских.

Погребения по обряду трупоположения (ингумация)

Изучаемые памятники и их датировка:

- Байрам-алинский некрополь (нач. III–VII вв.);
- могильник Дашти-Урдакон (VIII в.);
- городище Ак-Бешим. Объект III (VII–VIII вв.);
- городище Ак-Бешим. Объект IV. Кладбище при церкви (VIII в.);
- городище Красная речка (сер. VIII в.);
- древний Тараз (Джамбул; VIII–IX вв.);
- площадь Регистан (не ранее IX в.);
- древний Тараз. Некрополь Тик-Турмас (VIII в.);
- некрополь городища Каршаул-тепа (VI–IX вв.);
- городище Ак-Бешим. Объект VIII. Захоронение костей (X–XI вв.);
- некрополь Дурмон-тепе (XI в. — нач. XII в.);
- некрополь Беловодская крепость (до X в.);
- кладбище при-Пишпекское (Кара-Джигачское; XIII–XIV вв.);
- кладбище при-Токмакское (Буранинское; XIII–XIV вв.);
- кладбище на городище Учарал-Илибалык (XIII–XIV вв.).

Байрам-алинский некрополь
(некрополь городской округи Мерва, нач. III–VII вв.)

(Таблица 1)

Самым ранним по времени функционирования можно считать известный археологический памятник, расположенный в Туркмении, на исторических землях Северного Хорасана — Байрам-Алинский некрополь⁶¹.

Некрополь располагался западнее стены мервской городской округи. Занимаемая площадь — около 3 га. На момент изучения памятника некрополь состоял из семи бугров, сгруппированных в двух частях. Условно разделим их на южную группу, представленную четырьмя буграми — раскопы 1, 2, 3, 4; и северную группу, представленной тремя буграми — раскопы 5, 6, 7 (рис. 83). В 300 м к северо-западу от некрополя находился еще один холм овальной формы. Это холм Варрык-тепе. При изучении его выяснилось, что погребений на нем не зафиксировано, но отмечены остатки трех массивных стен, время функционирования которых совпадает с периодом существования самого некрополя. Здание не было ни погребальным сооружением, ни дахмой⁶². Вероятная его близость к кладбищу позволила предположить археологам определенную взаимосвязь двух памятников: мервского некрополя и холма Варрык-тепе [Пилипко, 1980, с. 38–46]. По мнению В.Н. Пилипко, в какой-то период времени тут проживали люди, которые обсыживали некрополь и, возможно, изготавливали керамические кобуры или оссуарии для погребений. Об этом говорят находки керамических шлаков, изолированность сооружения от других построек и глухая глинобитная стена по периметру памятника [Пилипко, 1980, с. 46].

Кроме того, при обследовании окрестностей некрополя на конец 1970-х гг., в разрезе арыка (мелкой речки), протекающего с восточной стороны бугров на расстоянии 200–250 м, на глубине около 2 м археологами были встречены отдельные захоронения. С большой вероятностью можно сказать, что некрополь в период своего функционирования занимал большую площадь, чем на момент его открытия и исследования [Дресвянская, 1968, с. 18].

В настоящее время все бугры сnivelированы, и на месте некрополя находятся поля колхозов Байрам-алинского района (соврем. название района скорее всего другое).

Некрополь необычен тем, что на зороастрийском кладбище были встречены погребения совершенные в могильных ямах. Такие захоронения не свойственны зороастризму — основной

⁶¹ История изучения памятника представлена в главе по историографии (Глава 1).

⁶² Дахма — термин «daxma» восходит к индоевропейской основе «погребать», «хоронить». Первоначальное значение слова — «могила», затем место для выставления трупа с целью очищения костей от плоти. Дахмы зороастрийцев — это круглые башнеобразные сооружения, так называемые «башни молчания» [Мейтарчян, 2001, с. 208].

религии Северного Хорасана того времени. Основываясь на запрете зороастрийцам погребать труп умершего в земле, чтобы ее не осквернять, исследователи отнесли вышеуказанные погребения к христианскому населению Мерва.

Некрополь (рис. 84, 86–90). При обследовании памятника выяснилось, что он состоял из семи небольших, сильно оплывших холмов, расположенных рядом друг с другом. В южной части некрополя располагалась группа наземных погребальных сооружений-наусов⁶³, построенных примерно в одно и то же время — в конце II — начале III в. н. э. Наусы были выполнены из сырцового кирпича и имели разную архитектурную планировку. На раскопах 1, 2, 3, помимо захоронений в оссуариях, сосудах-костехранилищах (хумы, горшки, кувшины), захоронений кучками и массовых, и одиночных скоплений костей, были обнаружены погребения в могилах. Здание-наус, раскопанное в западной части некрополя [раскоп 4; Кошеленко, Десятчиков, 1966, с. 179–181], использовалось для погребений по обряду труположения (III–V вв. н. э.). Когда здание уже было разрушено, на холме, образовавшемся от его остатков, помещали глиняные оссуарии (V–VII вв.) с маленькими кувшинчиками при них. Наусы в северной группе некрополя (по Г.А. Кошеленко, раскопы 5 и 6⁶⁴) — разновременные. Раскопки южного холма (раскоп 6) выявили слои только парфянского времени. Помещение (2,5x2,5 м) с суфой было полностью завалено остатками детских костей. На раскопе 5 были выявлены слои только сасанидского времени — V–VII вв. н. э. Помещения науса использовались для захоронения по зороастрийскому обряду в сосудах-костехранилищах. Некоторые наусы имели несколько строительных периодов. Ближе к VI — середине VII в. некрополь был заброшен, стены сооружений стали оплывать и разрушаться, несмотря на это, на кладбище продолжались захоронения в сосудах-костехранилищах и в керамических гробах цилиндрической формы. Отметим, что на всех холмах некрополя встречались массовые захоронения в виде беспорядочно лежащих одиночных или наваленных кучами, иногда порубленных тел. Некоторые погребенные были просто брошены в ямы и не закапывались землей. Сопроводительный инвентарь в большей степени зафиксирован при оссуарных погребениях. Захоронения по обряду труположения практически все безынвентарные. Костей животных на некрополе не обнаружено [Михеева (Китаева), 2017, с. 296–313; Михеева, 2021, с. 328–336].

Краниологический материал позволил антропологу Т.А. Трофимовой отнести погребенных на некрополе к представителям европеоидного автохтонного населения Мервского

⁶³ Наус — древний или средневековый склеп из глины, камня или кирпича для хранения оссуариев у зороастрийцев Средней и Передней Азии [Мейтарчян, 2001, с. 208].

⁶⁴ К сожалению, определить на плане некрополя, какой холм № 5, а какой № 6 из заметки Г.А. Кошеленко в Археологических открытиях, довольно сложно. Можно предположить, что южный холм в северной группе — бугор 6, а западный холм — бугор 5.

оазиса [Трофимова, 1959, с. 205–217]. Присутствие иных расовых типов среди женских черепов может быть объяснено тем, что коренное население Мервского оазиса иногда брало в жены женщин из восточных районов, где монголизация населения началась раньше. Исследователь особо подчеркивает, что, в целом, население Мервского оазиса в V–VII вв. н. э. по краниологическим материалам Байрам-алинского некрополя еще не испытало процесса монголизации, вызванного вторжением каких-либо монголоидных кочевых племен и смешения с ними [Трофимова, 1959, с. 217].

Помимо захоронений в оссуариях, хумах, кувшинах и просто кучками наваленных костей, на некрополе были прослежены захоронения по обряду трупоположения: погребения в грунтовых могильных ямах, в могильных ямах, обложенных жженным или сырцовым кирпичом, а также в керамических гробах цилиндрической формы⁶⁵. Известно, что по зороастрийской традиции труп умершего нельзя погребать в землю, чтобы ее не осквернить. Соответственно, как считают исследователи, указанные погребения в могильных ямах можно отнести к христианскому населению Мерва. Кроме этого, на одном из холмов (раскоп 1) О.В. Обельченко была обнаружена грунтовая могила, сверху перекрытая обожженным кирпичом с намогильником в виде прямого креста [Обельченко, 1969, с. 88]. К сожалению, ни графического рисунка, ни фотографии этого захоронения найти не удалось.

В 1965 г. при раскопках погребения № 99, над головой покойного был зафиксирован кирпич с изображением прямого креста [рис. 85; Дресвянская, 1989, с. 136]. Именно два этих факта, плюс общая историческая ситуация в Мервском оазисе IV–V вв., послужили основным доводом к тому, чтобы считать эти захоронения христианскими.

На южном холме (раскоп 3) были обнаружены четыре надписи, прочерченные острым предметом на сосудах-оссуариях квадратным еврейским письмом [Ершов, 1959, с. 179; Михеева (Китаева), 2017, с. 299, 305–306]. Погребение с намогильником в виде креста, кирпич в изголовье с прочерченным на нем крестом и еврейские надписи дали основание Г. Я. Дресвянской считать, что этот некрополь принадлежал общинам, идеологически близким друг к другу — христианам, иудеям, манихеям, но не зороастрийцам [Дресвянская, 1989, с. 160].

Подробное изучение архивных отчетов, публикаций и диссертации Г.Я. Дресвянской по данному некрополю выявили следующую картину функционирования данного некрополя.

Весь некрополь представлял собой группу зданий-наусов, в которых совершались захоронения как в сосудах-костехранилищах, так и по обряду трупоположения. Кроме того,

⁶⁵ Г.Я. Дресвянская называет такие погребения — захоронения в керамических кубурах [Дресвянская, 1989, с. 123].

хронологический период функционирования некрополя фиксируется археологами с конца II — нач. III в., а предполагаемые христианские захоронения относятся к V в.

Остановимся подробнее на архитектуре этих зданий.

Центральный холм (раскоп 2. Полевой шифр МНр.2). Раскопки Г.А. Кошеленко [1965].

Холм, расположенный практически в центре некрополя, был округлой формы, диаметром 28x28 м, высотой около 3 м. В 1963 г. раскопки данного объекта проводились отдельной группой, входившей в состав XVIII отряда ЮТАКЭ под руководством Г.А. Кошеленко. В результате проведенных работ археологами было открыто квадратное в плане здание, предназначенное для погребения умерших как по оссуарному обряду, так и по обряду трупоположения. С внешней стороны размеры здания: 9,4x9,2 м, с внутренней: 5,2x5,2 м. Вход в здание находился в северной стене, строго по центральной оси (ось ориентирована в направлении север–юг, с небольшим отклонением к западу), шириной 1 м. Согласно предположению Г.А. Кошеленко, вход был сводчатым, оформлен в виде портала. Имелись небольшие выступы на расстоянии 0,9 и 1 м от глади стены с запада, и с востока — на 1 м. Внутри здание состояло из трех больших ниш: западная — 1,7x1 м; восточная — 1,8x1 м; южная — 2,1x0,9 м. Верхняя часть ниш также оформлялась в виде свода. Все здание построено из сырцового кирпича, размером 40x40x10–38x38x10 см. Стены сохранились на высоту 0,6–1,25 м. Остатки рухнувших сводчатых конструкций на полу сооружения позволили сделать предположение, что центральное помещение перекрывалось сводом. В определенный период к зданию были пристроены три помещения (№№ 2, 3, 5), а также перед входом в основное помещение — большое помещение айванного типа, открытое на север, размером 3x4,6 м (№ 4). Проход из айвана в помещения № 2 и 3 был шириной 1,2 м и 0,65 м соответственно. Размеры помещений: № 2 — 4,5x2,6 м; № 3 — 4,5x2,65 м; самое позднее помещение № 5 — 5x2,7 м. Вход в последнее помещение располагался с южной стороны, ширина прохода 1,1 м [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 2–3].

Дата строительства памятника определяются по находкам двух монет. Одна монета маргианской эмиссии I в. н. э., вторая — II в. н. э. Таким образом, по предположению Г.А. Кошеленко, наус был построен в начале III в. [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 12].

Археологическое изучение памятника показало, что первоначально наус строился для погребений, выполненных по оссуарному обряду в сосудах-костехранилищах, оссуариях, хумах или кувшинах. Затем оссуарии были аккуратно убраны в сторону, но не выброшены из науса. Во втором периоде функционирования здания специально прорубались утрамбованные полы, нижние части ниш и делались добавочные ниши для погребений в стенах [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 7–9]. Обряд меняется кардинально, оссуарные захоронения заменяются трупоположением. При этом здание еще находится в хорошем состоянии. Со временем здание начинает разрушаться, стены оплывать — наступает третий период функционирования науса.

Погребения этого периода встречаются в помещении № 3, в его северо-восточном и юго-восточном углах помещения № 1. Умершие укладывались вплотную к стене выше уровня пола помещения на 20–40 см. Пространство между полом помещения и дном могил было заполнено остатками свода и стен. Все погребения располагались с запада на восток, голова умершего находилась на востоке. Погребенный полагался вытянуто на спине, с руками вдоль туловища. Как и погребения второго периода, они все были безынвентарные. Археологи датируют этот период с IV по V вв. н. э. [Дресвянская, 1968b, с. 28].

Когда здание уже практически полностью было разрушено, в нем продолжали хоронить усопших по обряду трупоположения. Погребения этого периода иногда сверху перекрывали остатки стен, иногда разрушали другие могилы [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 8]. Вероятно, эти захоронения были впускными. В какой-то момент здесь была вырыта большая могила, в которой было погребено 17 умерших, лежавших в шесть ярусов один над другим по 2–4 погребенных в каждом ярусе. Ориентировались тела в направлении восток–запад, головой на запад, в двух случаях — на восток. Костяки располагались на спине — руки вытянуты вдоль тела [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 7–8].

Четвертый период функционирования науса Г.А. Кошеленко датирует V–VII вв. н. э. Это последний этап, он характеризуется тем, что на некрополе фиксируются оссуарные погребения, по зороастрийскому обряду захоронения [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 8]. В результате раскопок было обнаружено шесть сосудов, из которых четыре сильно разрушены. Изнутри сосуды обмазывались алебастром. Аналогичные сосуды были встречены при раскопках С.А. Ершова [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 8].

Хронологический период существования и функционирования этого здания как науса датируется со II–нач. III в. н. э. до VII в. н. э.

Западный холм или холм 4 (рис. 83; раскопки Г.А. Кошеленко и Ю.М. Десятчикова в 1965 г.) [Кошеленко, Десятчиков, 1966, с. 179–181].

В результате проведенных работ археологами было выяснено, что на мощной глинобитной платформе (толщина 50 см), было построено здание из сырцового кирпича. Размеры кирпича 40x40x10–12 см. В плане здание квадратной формы — 19x19 м. Толщина стен около 1,2 м. Центральная ось делила здание на две части, каждая из частей состояла из пяти вытянутых открытых помещений. На момент исследования сохранность стен составляла один–два кирпича. Самые ранние слои относились к парфянскому времени.

Сооружение использовалось для погребений. В сохранившейся части здания были найдены многочисленные захоронения. Умершие были уложены в комнатах поперек, рядом друг с другом, на спине, лицом кверху. Руки располагались вдоль тела. Все погребения

безынвентарные. Специалисты датируют период возведения здания в пределах от III до V в. н. э. Когда здание пришло в упадок, стены разрушились и оплыли, на бугре помещали погребения в оссуариях с небольшими керамическими сосудами при них. Эти погребения датируются с V по VII вв. н. э. [Кошеленко, Десятчиков, 1966, с. 179].

Северная группа холмов (холмы 5 и 6).

В северной группе холмов (№ 5 и 6) в основном были прослежены захоронения по оссуарному обряду. При вскрытии холма 5 были прослежены слои только сасанидского времени (III–VII вв. н. э.), а в холме 6 — следы парфянского времени.

На всех трех холмах (западном и холмах северной группы) были зафиксированы остатки архитектурных сооружений, состоящих из прямоугольных камер с захоронениями, как для труположений (холм 4), так и для оссуарных погребений [холмы 5, 6; Кошеленко, Десятчиков, 1966, с. 180–181].

Восточный холм (рис. 83; раскоп 1; раскопки О.В. Обельченко, Р.С. Сусенковой, Г.Я. Дресвянской) [Обельченко, 1969, с. 86–99; Сусенкова, 1969, с. 100–108; Дресвянская, 1989, с. 122–163].

В осенние полевые сезоны 1955–1956 гг. сотрудниками ЮТАКЭ — археологом О.В. Обельченко и дипломантом кафедры ТашГУ Р.С. Сусенковой были проведены работы на бугре, расположенном в 10–12 м к северо-востоку от раскопа С.А. Ершова. Раскоп получил шифр МНР-1 (Мерв. Некрополь. Раскоп 1).

Археологами установлено, что еще в парфянскую эпоху на месте холма существовало кладбище. В раннесасанидскую эпоху построено сооружение (наус) без перекрытия из кирпича-сырца.

В 1965–1967 гг. ЮТАКЭ продолжила изучать данный холм. Раскопки проводились Г.Я. Дресвянской, под руководством нач. экспедиции М.Е. Массона. В результате работ было определено, что в плане это квадратное сооружение, ориентированное с северо-запада на юго-восток. Сооружение состояло из системы прямоугольных камер, собранных вокруг центральной камеры. Все здание было сложено из сырцового кирпича размером 40–42х40–42х12 см. Камеры имели несколько полов. Также были прослежены следы ремонта и перестроек. Здание построено на высокой платформе, толщиной ок. 80 см. Толщина стен между камерами — 2–2,2 м. Внешние стены здания — 1,70–2 м. Перекрытия сводчатые [Дресвянская, 1989, с. 127, 138].

Ниже кладки платформы, в культурном слое, обнаружено захоронение по обряду труположения (погребение № 104). Предполагалось, что платформа была сделана для нивелировки поверхности под строительство науса и для предохранения сооружения от осадки [Дресвянская, 1989, с. 138]. Г.Л. Дресвянская относит период строительства сооружения ко 2-му

строительному периоду. В 1-ом строительном периоде, по ее мнению, существовала постройка небольших размеров [Дресвянская, 1989, с. 138].

После заполнения камер входы в них закладывались. В кладке стены была обнаружена медная монета II в. н. э., косвенно указывающая на дату строительства этого науса — не ранее II в. н. э. Основной проход в здание располагался с севера и, возможно, имелся пандус. По мнению Г.Я. Дресвянской, строительство камер происходило в течение длительного периода: одни камеры пристраивались, другие рушились или перестраивались [Дресвянская, 1989, с. 139–140].

Южный холм (рис. 83; раскоп 3; раскопки С.А. Ершова, Г.Я. Дресвянской) [Ершов, 1959, с. 160–204; Дресвянская, 1989, с. 122–163].

С 1954 по 1956 гг. сотрудниками Института истории и археологии АН ТССР, под руководством С.А. Ершова был обследован самый южный холм площадью 1300 кв. м, высотой не более 1 м.

Специалистами было вскрыто погребальное здание-наус, в котором захоронения располагались тремя горизонтами, связанными с тремя полами этого здания. Развалины здания хорошо сохранились во втором горизонте. В юго-восточной части холма стены сооружения сохранились на высоту до 45 см, в северной части — на два ряда кирпичной кладки [Ершов, 1959, с. 165].

В плане наус имел квадратную форму со сторонами 34x35 м. Ориентирован по сторонам света с небольшим отклонением на северо-восток. Внешние стены здания имели толщину в 4 м 10 см. Стены сложены из сырцового кирпича, размером 36x36x9 см, 38x38x10 см на глиняном растворе. Ширина швов между кирпичами 2–5 см. Все здание было разделено на ряд погребальных камер, в центре которых располагался открытый дворик (центральное помещение?). Камеры имели перекрытия.

Нижний горизонт. Пол этого горизонта залегал на 2 м от поверхности холма. Мощность горизонта 1 м. Остатки здания этого горизонта оказались погребены мощной глиняной забутовкой, которая была нивелировочной платформой, сооруженной при возведении науса среднего горизонта. План здания нижнего горизонта также имел квадратную форму, тех же размеров и той же ориентации. Стены здания возводились из пахсы вперемежку с сырцовым кирпичом и сохранились на высоту до 1 м. Внутри здание было разделено на 24 камеры, которые располагались перпендикулярно внешним стенам. В центральной части здания находился открытый двор (16,5x17 м). Входы в камеры располагались со стороны двора (в большинстве), у некоторых — из соседних камер [Ершов, 1959, с. 165–167].

В 1967 г. для сопоставления данных, полученных С.А. Ершовым, по линии ЮТАКЭ были начаты раскопки этого холма и затем продолжены в 1970 и 1975 гг. (полевой шифр МН р-3.) [Дресвянская, 1989, с. 140].

Было установлено, что данный наус представлял собой сооружение, размером 42x39 м, ориентированное длинными стенами на юго-запад — северо-восток. Сложено оно было из сырцового кирпича 40–42x40–42x10–12 см. Все здание было построено на платформе, высотой около 45 см. Внешние стены имели следующие размеры: на севере — 3,50 м, на востоке — 3,10 м. Центральный вход в здание располагался в восточной части. Ширина его была около 2 м, и в какой-то момент он был заложен кирпичами. В центре здания находился прямоугольный двор 16,8x14,4 м. Во дворе располагался постамент, длиной 3 м, шириной 17 см, высотой 1,10 м, сложенный из того же кирпича, из которого построено все здание. Основание постамента находилось на нижнем полу. С южной стороны располагалась ступень на всю длину постамента, шириной 30 см, высотой 50 см. На восточной стороне неглубокая ниша с угольками и золой, с северной также находилась ниша, но глубокая, до 90 см, почти на всю длину постамента. Эта ниша была заполнена песком. Предполагается, что постамент служил для совершения каких-то культовых погребальных обрядов [Дресвянская, 1989, с. 140].

Подробный анализ архитектуры наусов Байрам-алинского некрополя показал, что эти сооружения строились на высоких платформах, разной толщины. Внутреннее пространство зданий делилось на комнаты определенных размеров, в которых совершались захоронения. Помещения перекрывались сводчатым потолком, имели следы ремонта и перестройки комнат. Высказывалось предположение, что восточное здание-наус первоначально строилось не для погребений, а в качестве общественного здания или церкви христиан [Дресвянская, 1989, с. 159].

По мнению диссертанта, оснований для подобного заключения у нас нет. Принцип строительства наусов Байрам-алинского некрополя, планировка помещений, отдаленность от жилых построек скорее говорит о том, что подобные сооружения возводились намеренно для захоронений и использовались по своему прямому назначению — для погребения умерших как по оссуарному обряду, так и по обряду трупоположения.

Статистический анализ и сводная таблица всех захоронений, обнаруженных при археологических раскопках Байрам-алинского некрополя, показали, что основным способом погребения на всем некрополе можно считать захоронения по оссуарному обряду (рис. 86–90; таблица 1). Они составляют 77% от всего количества захоронений; 13% составляют захоронения по обряду трупоположения, причем в этот процент входят как единичные погребения, так и захоронения, которые совершались, вероятно, в период каких-то эпидемий и войн, когда одновременно хоронили большое количество умерших. По 2% приходится на погребения некрополя, обложенные жженными или сырцовыми кирпичами, в керамических гробах

цилиндрической формы, в обычных грунтовых могильных ямах и гробницах, сложенные из обожженных кирпичей (могила в виде ящика). Встречено незначительное количество массовых погребений (1%) и могилы, сверху перекрытые жженным или сырцовым кирпичом (1%). В единичном варианте встречены погребения в нише-подбое (встречено 3 могилы, 0%) и впускные погребения (встречено 6 могил, 0%).

Из всех захоронений на Байрам-алинском некрополе по обряду труположения можно выделить определенные типы могильных сооружений, имеющих общие характерные признаки [Михеева (Китаева), 2017, с. 299–301; Михеева, 2021, с. 328–336].

Типы захоронений:

Тип 1 — представлен грунтовой могильной ямой прямоугольной формы, заглубленной на 40–50 см в грунт платформы. Сверху яма засыпалась землей до уровня пола. Скелет располагался на спине, руки вдоль тела. Ориентация головы — северо-восток или север. Инвентаря в могиле не обнаружено. Датируется не ранее IV в. н. э. [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 5].

Тип 2 (рис. 91) — могильная яма прямоугольной формы, перекрытая сверху сырцовым кирпичом. Сверху граница могилы обозначалась воткнутыми в землю обломками толстостенных сосудов. Обнаружена только на раскопе 3 (южный холм) и не связана ни с одним уровнем полов, что дало основание говорить об этих погребениях, как о впускных. Костяк располагался на спине в вытянутом положении. Ориентация головы на юг или на север. Сверху скелеты прикрыты сырцовыми кирпичами, уложенными плашмя или на ребро, наклонно друг к другу. Могилы безынвентарные. Всего было прослежено шесть таких погребений и только в возвышенной юго-восточной части холма [Ершов, 1959, с. 166].

Тип 2а — грунтовая могильная яма, перекрытая обожженным кирпичом [Обельченко, 1969, с. 88–89]. Найдена в верхнем слое раскопа 1 (восточный холм). Сверху могила перекрывалась кирпичами, поставленными на ребро. Ориентирована могила с юго-запада на северо-восток. В юго-западном конце перекрытия лежали плашмя четыре кирпича, образуя прямой крест, который являлся продолжением двускатного перекрытия. Длина перекрытия могилы — 1,9 м, ширина — 45 см. Длина крестообразной выкладки — 55 см, ширина — 0,9 м. В могиле располагался скелет, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Левая рука была согнута под прямым углом и положена кистью на пояс, правая согнута в локте и располагалась на грудной клетке. Череп повернут слегка к плечу. Инвентаря в погребении не обнаружено. Если следовать описанию могилы, крестообразная выкладка располагалась в ногах покойного.

Тип 3 — могильная яма, обложенная жженными кирпичами внутри. Могила устраивалась следующим образом: прорубался пол, могильная яма выкапывалась на 30–50 см. На дно могильной ямы укладывался жженный кирпич, рядом или прямо на эти кирпичи ставились

вертикально такие же кирпичи, сверху могила перекрывалась аналогичными кирпичами плашмя или наклонно друг к другу. В итоге получался своеобразный могильный ящик [Ершов, 1959, с. 170, 175; Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 4; Обельченко, 1969, с. 94, 95; Сусенкова, 1969, с. 101, 102; Дресвянская, 1989, с. 136]⁶⁶, который изнутри, сверху, иногда снаружи сбоку обмазывался алебастровым раствором. Могила, точнее кирпичный могильный ящик, присыпался сверху слоем земли до уровня прорубленного пола [рис. 92; Кошеленко, 1965, с. 4]. На раскопе 1 (восточный холм) погребения №№ 98, 99, 100, 101 сделаны в могильных ямах, обложенных жженным кирпичом [Дресвянская, 1968b, с. 42].

Скелет в могиле находился в вытянутом положении, как правило, головой на северо-восток, на восток или на юг. Руки располагались вдоль туловища, или одна на груди, вторая вдоль туловища или две на груди. Иногда на кирпичах были клейма: в виде полосы, делящей кирпич на две части, в виде буквы «О», или прямой линии. В одной из могил один кирпич, стоявший в изголовье, имел скругленные верхние углы. В могиле № 99, на кирпиче, лежавшем в изголовье, было зафиксировано изображение прямого креста (рис. 85). Размер кирпича: 33х33х5 см. Крест был сделан по сырому кирпичу до обжига и находился в верхнем левом углу. Размер креста: длина 18 см, ширина 12 см, толщина полос 1 см, глубина до 5 мм [Дресвянская, 1989, с. 136; Михеева, 2021, с. 331, ил. 3].

Тип 3а — также встречались аналогичные захоронения, но обложенные внутри сырцовым кирпичом, с перекрытием и надгробием также из сырцового кирпича [Дресвянская, 1968b, с. 42]. Как правило, эти погребения были впускные: №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 45, 46, 47, 48 — они совершались в индивидуальных могильных ямах, прорубленных прямо в стенах. Погребение № 4 связано с камерой № 1, на верхнем ее полу; № 22–23 — сдвоенное [Дресвянская, 1968b, с. 42–44].

Все эти погребения сверху были заложены сырцовыми кирпичами, иногда образующими надгробие (намогильники). Над погребением № 45 был сделан намогильник из поставленных под углом сырцовых кирпичей, размером 40х40х10 см. Над погребением № 23 располагался прямоугольный намогильник, который сужался в области изголовья [Дресвянская, 1968b, с. 42–44].

Тип 4 — погребение в нише-подбое. Зафиксировано только на раскопе 2 (центральный холм) по одному в помещениях № 1, 3, 4 [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 5, 6]. На высоте 30 см от уровня пола вырубалась ниша глубиной до 40 см, высотой 30–50 см, длиной 1,7 м. Умершего укладывали в нишу, после чего подбой закладывали вертикально поставленными кирпичами и обмазывали глиняной штукатуркой. Погребения были безынвентарные. В помещении № 4

⁶⁶ С.А. Ершов называет такие могилы гробницами, О.В. Обельченко — могилой в виде ящика.

погребение вырублено не только в западной стене, но также углублено в пол под стеной. Датировка погребений Г.А. Кошеленко не указана (рис. 93).

Тип 5 — керамические гробы цилиндрической формы [V — сер.VII в.; Ершов, 1959, с. 167–177]. Три керамических цилиндра, соединенных вместе, служили гробом для умершего. Один цилиндр составлял в длину от 60 до 90 см, диаметр от 32 до 40 см, толщина стенок 2 см. С торца «гробы» перекрывались глубокими мисками или просто кирпичами. Внутри находился скелет, ориентированный головой на северо-восток. Костяк находился в сжатом положении, руки сложены крест-накрест в области тазовых костей. Ноги плотно соединены в коленях. Инвентаря в таких захоронениях не найдено. Ориентация и уровень залегания идентичны погребениям с труположением в грунт [Обельченко, 1969, с. 89–90; Сусенкова, 1969, с. 104; Дресвянская, 1989, с. 127–128, 143–144].

Погребения в грунтовых могилах и в могилах, обложенных жженными кирпичами (или в виде ящичков) не связаны ни с одним уровнем полов и, как правило, впускные. Датируются от II–III вв. [Дресвянская, 1989, с. 157] до VI в. [Обельченко, 1969, с. 94–95]. Керамические гробы цилиндрической формы датируются V–сер.VII в.

У погребенных на некрополе расположение костяков характерных для христианских захоронений (запад–восток) не прослежено.

Следует отметить, что в процессе археологических работ в 1955 г. на раскопе 1 (восточный холм) О.В. Обельченко были описаны захоронения, расположенные в западной части холма. Это скелеты взрослых, иногда детей, под головой и в ногах которых были обнаружены жженые кирпичи. Иногда у ног находился один целый кирпич, а рядом обломок кирпича. Один детский скелет лежал на целом жженном кирпиче (размер его 44x26x7 см, обмазан алебастром) и на фрагменте кирпича. В этой части раскопа было зафиксировано восемь таких скелетов. О.В. Обельченко считает, что ближе к VII в., данное сооружение одновременно использовалось и как наус и как дахма, так как было обнаружено много скелетов, просто положенных на землю без погребения. Именно в этом периоде и прослеживается группа погребений, точнее скелетов, под головы и под ноги (иногда поверх) которых укладывали кирпичи [Обельченко, 1969, с. 91–96].

Сложно сказать, представлена ли в данном случае погребальная практика христиан, когда в изголовье укладывалась подушка (кирпич-«подушка»), а в ноги кирпич [ниша для ног; Введение в историю церкви, 2012, ч. 1., с. 584] или эти особенности захоронения связаны с зороастрийской традицией, когда на труп укладывался кирпич для предотвращения растаскивания тела животными, как предписано в «Видевдат»: «6.46. Здесь пусть закрепят маздаяснийцы этого покойника за ноги и за его волосы чем-нибудь из металла, камня или рога, а если нет, то пожирающие трупы собаки растащат эту плоть к водам и растениям» [Хисматулин,

Крюкова, 1997, с. 210–211; Мейтарчян, 2001, с. 69]. Как и в случае захоронений по обряду трупоположения в могильных ямах и керамических гробах цилиндрической формы, мы можем только предполагать, что они принадлежали христианам [Михеева (Китаева), 2017, с. 303–304].

Следует обратить внимание на керамические гробы цилиндрической формы (тип 5). По аналогии с захоронениями в цилиндрах на некрополе Бизацены (соврем. Сфакс) в Тунисе [Cabrol, 1907, р. 730–733], О.В. Обельченко, Р.С. Сусенкова и Г.Я. Дресвянская отнесли данный тип захоронений к христианскому погребальному обряду. Однако цилиндры, использовавшиеся в Сфакских погребениях — это не цилиндры как таковые, а керамические кувшины из обожженной глины. Ф. Каброл (F. Cabrol) не сообщает, делались ли подобные кувшины специально для умерших или это случайный способ захоронения. Известно точно, что это не массовые захоронения. Аналогичные мервским цилиндры были обнаружены в начале 1990-х гг. в поселении Коштепа (Узбекистан, близ города Карши) в полуподземном архитектурном комплексе второй половины VI — начала VII в. н. э [Раимкулов, 2001, с. 147–149]. В помещении № 3 на полу в разных местах стояли вертикально пять полых цилиндрических изделий с прямыми стенками, толщиной 2,5–3 см, диаметрами от 32 до 55 см. Вероятно, они были изготовлены там же, так как рядом был обнаружен раздавленный цилиндр из необожженной глины красноватого цвета. В этом же помещении, рядом с цилиндрами, стоял крупный котел без каких-либо следов огня, по мнению автора раскопок, для замешивания глины. А.А. Раимкулов относит этот комплекс к христианской общине, проживавшей недалеко от Коштепа, и считает, что данные цилиндры предназначались для погребений умерших христиан. Исследователь аргументирует свою точку зрения тем, что на Мервском некрополе были обнаружены захоронения в керамических цилиндрах, которые, в свою очередь, интерпретируются как христианские. Погребений в данных цилиндрах в Коштепа не обнаружено, соответственно, их принадлежность и назначение определить сложно. Интерпретация мервских захоронений в гробах цилиндрической формы также затруднительна. Возможно, что это просто один из вариантов, так как на памятнике было встречено погребение, выполненное наполовину из обожженного кирпича, наполовину из сосуда цилиндрической формы [Ершов, 1959, с. 168]. Можно сказать, из того, что было под рукой, и сделали могилу усопшему.

Прямых археологических доказательств, позволяющих считать эти захоронения христианскими, у нас нет. Однако, согласно письменным источникам, в Мерве христианство распространяется с III в., а по археологическим — ближе к V в. в городе проживает значительная община, и в V в. Мервский епископ становится митрополитом [Бадер и др., 1996, с. 85–94; Koshelenko, Bader, Gaibov, 1995, р. 55–70]. Исходя из этой общеисторической картины Мервского оазиса, можно быть уверенным, что христиане проживали на этой территории, и, возможно, им принадлежала какая-то часть погребений на некрополе.

Байрам-алинский некрополь — это зороастрийское кладбище, функционирующее несколько веков подряд. Разнообразие могильных конструкций показало, что помимо захоронений по оссуарному обряду, здесь появлялись погребения в могильных ямах в разных вариантах. Несмотря на то, что устройство могильной ямы — это прежде всего строительный прием, а не одна из сторон погребального обряда, мы можем предположить, что определенные захоронения относились к христианскому населению Мерва. На данном кладбище были найдены оссуарии с еврейскими надписями. Вероятно, не существовало прямого запрета, на захоронения иноверцев на зороастрийском кладбище. Конструкция могил, найденных на Байрам-алинском некрополе, встречается также на христианском кладбище при церкви на городище Ак-Бешим, на могильнике Дашти-Урдакон и других памятниках в Средней Азии, в принадлежности к христианскому культу которых сомнения нет. Кроме того, большая часть могил, обложенных жженным или сырцовым кирпичом, или в виде ящика — это впускные захоронения, которые совершались уже тогда, когда наусы некрополя начали разрушаться. Далее мы увидим, что для территории Средней Азии погребение христиан на зороастрийском кладбище встречается довольно часто и не является чем-то особенным, главное, чтобы при погребении были соблюдены определенные правила, которые удалось выявить на других археологических памятниках.

Отметим, что намогильных камней, аналогичных семиреченским кайракам, на территории Мерва и всей Туркмении до настоящего времени не обнаружено. В сер. 1980-х гг. вышла публикация М.Е. Массона, посвященная происхождению двух несторианских намогильных галек, хранящихся в настоящее время в Ашхабаде в фонде Института истории и археологии Академии наук Туркменистана. М.Е. Массон пришел к выводу, что эти камни происходили из Ургута, около Самарканда [Массон, 1978, с. 50–52]. В 2022 г. известному специалисту по семитским языкам, проф. П.Д. Борбоне, автором диссертации были показаны фотографии этих кайраков. Проведя тщательное изучение изображений данных камней, ученый пришел к выводу, что оба камня были найдены при работах Н.Н. Пантусова в Семиречье. Один кайрак найден на при-Пишпекском (Кара-Джигачском) кладбище, второй происходит из Алмалыка. Никакого отношения к Ургуту эти кайраки не имеют [Borbone, Mikheeva, 2023, *в печати*]. Фотографии камней недавно были опубликованы Р.Г. Мурадовым в работе «Археологические следы раннего христианства в Северной Парфии и Маргиане» [Мурадов, 2023, с. 142, рис. 21, 22].

Могильник Дашти-Урдакон

(некрополь древнего Пенджикента, VIII в.; Таджикистан)

Следующим памятником, на котором были встречены христианские захоронения, можно считать могильник Дашти-Урдакон, расположенный в 1,1 км к юго-востоку от городища

древнего Пенджикента (рис. 94). Могильник изучался в 1973, 1975–1976 гг., и в 1981 гг. в составе Пенджикентской экспедиции А.М. Беленицкого. Раскопками могильника в указанные годы руководила Г.В. Длужневская [Расопова, 2014, с. 154–160].

В 1976 г. было вскрыто несколько типов погребений: грунтовые погребения с подбоем, одно погребение с перезахоронением (погребение № 13) и обычные грунтовые захоронения. Выяснилось, что на некрополе преобладали захоронения в грунтовых могилах с подбоем. Вход в подбой закладывался сырцовыми кирпичами, типичными для Пенджикента того времени. Размеры кирпичей — 50x25x10 см.

В могилах располагались скелеты, ориентированные с запада на восток. Сопровождающий инвентарь большинства погребений был или очень беден, или его не было совсем. В могиле № 19 находилось погребение девочки, лежащей на спине, головой на запад. Судя по фотографии из фотоархива ИИМК РАН, руки ребенка были сложены в районе живота (рис. 95). В области ушей найдены бронзовые кольчатые серьги, а в районе шеи металлический крест — четырехконечный с расширяющимися концами и гнездом для вставки посередине [Беленицкий, и др., 1976, с. 26–27; Беленицкий и др., 1982, с. 197–221; Расопова, 2014, с. 158]. К сожалению, авторы раскопок не привели в отчете никаких характеристик относительно этого захоронения. Точно известно, что оно было грунтовое, и, возможно, с подбоем сбоку. Аналогичных погребений в 1976 г. было найдено 11, в 1981 г. — 6, но только в одном погребении встретился христианский крест. Соответственно, мы можем предположить, что остальные захоронения тоже были христианские, только без сопроводительного инвентаря в могилах, что является одним из характерных черт христианского захоронения.

Авторы раскопок отмечают, что захоронения в грунтовых ямах с подбоем не подвергались разграблению в арабское время, возможно, поэтому погребение № 19 сохранилось непо потревоженным. Следует учитывать, что могильник исследовался не полностью, а лишь небольшая его часть [Расопова, 2014, с. 155–158]. В других некрополях Пенджикента были прослежены захоронения по обряду труположения в наусах, а также в оссуариях и хумах. Кроме того, было обнаружено катакомбное захоронение с труположением и погребение костей в хуме. На могильнике Дашти-Урдакон наусов не было отмечено, только одиночные грунтовые захоронения.

При раскопках могильника в 1981 г. также в грунтовой могиле (погребение № 26), был найден фельс Дауда сына Гураза, чеканенный в Самарканде в 760–761 гг. Монета была положена в качестве «обола мертвых» в рот покойника. Эта монета, как и находки раскопок прежних лет, датирует могилы с подбоем VIII в. [Беленицкий и др., 1981, с. 23; Беленицкий и др., 1988, с. 149–185].

Антрополог Т.К. Ходжайов, исследовавший скелеты из погребений, пришел к заключению, что погребенные на Дашти-Урдакон и в наусах, т. е. в южном некрополе [кон. VII — нач. VIII в.; Распопова, 2014, с. 157], не различаются по антропологическому типу. По его мнению, согдийские христиане имели тесные родственные связи с согдийцами, исповедовавшие местную религию [Беленицкий и др., 1976, с. 27; Распопова, 2014, с. 158]. Другой исследователь некрополя, В.И. Распопова считала, что в Пенджикенте основная часть людей придерживалась местных языческих и зороастрийских обычаев, но были также буддисты, шиваисты и христиане. Но эти религии, как и христианство, носило особый характер, с определенным влиянием на них согдийской культуры [Распопова, 2014, с. 159–160].

Городище Ак-Бешим, Кыргызстан

Объект III. Погребальный комплекс (VII–VIII вв.)⁶⁷

(рис. 96; Таблица 2)

В 1954 г. Чуйским отрядом ККАЭЭ под рук. Л.Р. Кызласова была обследована группа холмов (объект III), которая располагалась в 400 м к западу от стен шахристана I и в 400 м к северо-западу от стен буддийского храма [объект I; Кызласов Л.Р., 1955. Отчет, л. 47–48]. В настоящее время вся площадь погребального комплекса сnivelирована и засеяна сельскохозяйственными культурами. Датировка памятника, предложенная Л.Р. Кызласовым, — VII–VIII вв. [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет, л. 47].

Ниже приведены результаты работ из полевого отчета 1955 г. Л.Р. Кызласова.

В результате проведенных раскопок археологами было установлено, что исследованный холм диаметром около 20 м представлял собой небольшую плоскую площадку почти прямоугольной формы, сложенную из сырцовых кирпичей (48/44/42x24x8 см) с ямой посередине. Размеры ямы 1x0,9 м. В северо-западной части площадки были зафиксированы захоронения костей в хумах (№№ 2, 4) и погребение кучи костей в специально сделанной яме (№ 12). По краям площадки также были встречены погребения в хумах (№№ 8, 5, 6, 7, 11, 10, 1). Некоторые хумы были накрыты крышками или плоскими гальками. Захоронение № 9 (детское) было выполнено в круглодонном котле с украшением в виде двух ложных ручек из налепных рассеченных валиков [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ..., л. 48]. Далее в отчете Л.Р. Кызласов указывает, что два погребения очищенных костей — №№ 3 и 12 были зарыты в ямки без всяких урн. При захоронении № 3 был обнаружен кувшин с процарапанным после обжига

⁶⁷ Автор диссертации искренне благодарит д.и.н. Игоря Леонидовича Кызласова за возможность работать с архивными документами из личного архива Л.Р. Кызласова и за разрешение использовать их в представленной диссертационной работе.

равносторонним христианским крестом с расширяющимися концами [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ..., л. 48; 2008, с. 40–48, рис. 3, *II*].

Согласно отчету Л.Р. Кызласова, погребение № 3 находилось в своеобразном коридоре неясного назначения, расположенном в восточной части площадки и вытянутом по направлению с севера на юг. Ширина коридора около 30 см, длина около 330 см. С юго-восточной стороны от площадки за небольшим коридором находилась погребальная камера, сложенная из пахсовых блоков, в которой было найдено восемь погребений очищенных костей. В северо-восточной стене камеры был обнаружен вход в овальный склеп, вырытый в земле, в котором также были погребения [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ..., л. 48]. Вероятно, это был наус, только вырытый в земле, а не построенный на поверхности.

С юго-западной стороны от площадки находились погребения по обряду труположения — скелеты располагались на спине в вытянутом положении [№№ 13, 14, 15, 16 17, 18; Кызласов Л.Р., 1959, с. 230–231, рис. 55].

Работа с полевым дневником из личного архива Л.Р. Кызласова по раскопкам объекта III позволила дополнить уже имеющиеся данные по погребению № 3 [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1–33; Михеева, 2021, с. 320–323]. Как следует из описания в дневнике, в восточной части памятника был открыт коридор, примыкающий к центральному помещению с востока⁶⁸. После удаления завала в коридоре на глубине 79 см от кола № 5⁶⁹ в 50 см от него у самой стены был обнаружен скелет человека, лежавший на левом боку, головой на юг. Лицо его было обращено на запад. Кости конечностей лежали почти беспорядочно. На том же уровне были обнаружены фрагменты кувшина из желтой глины, сделанного на круге. Носик кувшина не сохранился. На шаровидном тулове кувшина был прочерчен крест [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 7–8]⁷⁰. Л.Р. Кызласов предположил, что крест был сделан после обжига, скорее всего при захоронении [Кызласов Л.Р., 1959, с. 231], а погребенные на этом холме могли принадлежать к манихейской традиции [Кызласов Л.Р., 2006а, с. 314–322; Кызласов Л.Р., 2006b, с. 138–150; 2008, с. 40–48, рис. 3, *II*].

Археологами было отмечено, что на памятнике фиксируется несколько вариантов захоронений: в хумах, одно детское в круглодонном горшке (№ 9), погребение кучи костей в небольшой яме (№ 12), захоронения в погребальной камере и склепе, также кучей костей и погребения по обряду труположения [Кызласов Л.Р., 1959, с. 230–231]. Изучение полевого

⁶⁸ Подробный план памятника (объект III) смотрите: Кызласов Л.Р., 1959, с. 230, рис. 55.

⁶⁹ Небольшой холм был разделен с 3 на В линией из 32 кольев через каждые 2 м [Кызласов Л.Р. Личный архив. Дневник 19. Объект III, л. 1–4, 7–8].

⁷⁰ Кызласов Л.Р. Личный архив. Дневник 19. Объект III, л. 7–8. План объекта III и прорисованный кувшин с крестом опубликованы Л.Р. Кызласовым. См.: Кызласов, 1959, с. 230, рис. 55; Кызласов, 2006, с. 315, рис. 104; 316, рис. 105.

дневника 19 позволило дополнить информацию по другим погребениям. Кроме указанных захоронений, также было обнаружено погребение № 12, выполненное в вырубленной стене. Данное захоронение вторичное, так как в куче костей отсутствовал череп. Глубина от кола № 8 — 43 см. Часть хумов были накрыты крышками с узорами, а на одном из хумов (в погребении № 2) находился кирпич. Хум погребения № 4 стоял вверх дном. Захоронение № 11, сделанное в лепном хуме, было впускное, так как под него была вырыта большая яма. Шесть захоронений по обряду трупоположения просто располагались на поверхности, но погребение № 18 было выполнено в могильной яме, обложенной кирпичом. Костяк располагался вытянуто на спине, руки сложены в районе живота. Ориентация умершего — с запада на восток, головой на запад [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 8–30].

Работа с полевыми материалами и личным архивом Л.Р. Кызласова позволила внести следующие уточнения. На сравнительно небольшом памятнике было зафиксировано около семи вариантов захоронений:

1. Погребение очищенных костей в неглубокой яме — № 12.
2. Погребения в хумах — №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.
3. Погребение в круглодонном горшке, детское — № 9.
4. Погребение по обряду трупоположения, но костяк располагался на боку, с поднятыми коленями — № 3.
5. Погребения по обряду трупоположения — №№ 13, 14, 15, 16, 17;
6. Погребение в могильной яме, обложенной кирпичами — № 18.
7. Погребения в склепе — сохранилось 7 черепов.
8. Погребения в погребальной камере (наус) — сохранилось 8 черепов и остатки костей [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 8–30].

На взгляд автора диссертации, погребение № 3 на городище Ак-Бешим (объект III) необходимо отнести к захоронению по обряду трупоположения. Сохранившиеся кости верхней части скелета — черепа и позвоночника — практически не изменили свое анатомическое положение. Расположение костей таза, бедренных и берцовых костей позволяют предположить, что ноги были согнуты в коленях и близко прижаты к животу. В настоящее время это единственное захоронение во всей Средней Азии, совершенное по обряду трупоположения, когда костяк находился в такой позе и при котором был найден кувшин с процарапанным крестом [Михеева, 2021, с. 320–323, ил. 1]. Можно предположить, что данный крест относится к христианской традиции.

В своей монографии о Миздахканском некрополе В.Н. Ягодин пишет, что погребение в ямке очищенных костей, обнаруженное на одном из холмов на городище Ак-Бешим (№ 3), считается бесспорно христианским [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 150]. Здесь следует отметить, что

это не погребение очищенных костей в ямке, а захоронение по обряду трупоположения, при котором был найден кувшин с процарапанным на нем крестом. Соответственно, захоронение № 3 с объекта III на городище Ак-Бешим, следует отнести к погребальной практике по обряду трупоположения, а не по оссуарному, как предполагалось ранее.

В северо-западной части погребального комплекса специалистами было открыто погребение № 12, совершенное по оссуарному обряду. Захоронение костей было сделано в небольшой яме (70x45 см), вырубленной в стене. Анатомический порядок костей был нарушен, а череп отсутствовал. [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 24; Кызласов Л.Р., 1959, с. 230–231;]. Предполагается, что захоронение было вторичным [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 24; Михеева, 2021, с. 320–323]. В данном случае нам представлен зороастрийский (маздеисткий) обряд захоронения, когда умершего укладывали на площадку; под воздействием солнца и дождей кости очищались и высушивались, затем их собирали и укладывали в специально подготовленную яму.

На данном этапе изучения этого объекта мы также можем предположить, что погребальный комплекс (объект III) — это зороастрийское или маздеисткое кладбище, на котором, помимо захоронений по оссуарному обряду (в данном случае в хумах, в круглодонном котле, просто кучей костей), также встречаются погребения по обряду трупоположения. Подобную практику мы можем проследить на Байрам-алинском некрополе, когда тело умершего просто оставляли на поверхности. Погребение № 3, на взгляд автора диссертации, можно считать христианским, учитывая наличие кувшина с процарапанным крестом, специально поставленного при захоронении умершего. Следует отметить, что во всем комплексе в такой позе находился только один скелет (погр. № 3), остальные погребённые располагались лёжа, вытянуто на спине, или в хумах и кучкой костей. Погребение № 18 было выполнено в могильной яме, обложенной кирпичами. Ориентация погребенного и устройство могилы позволяют предположить, что это захоронение также христианское.

Городище Ак-Бешим (Кыргызстан)

Объект IV. Христианское кладбище при церкви; VIII в.

(Таблица 3)

Важнейшим памятником, на котором можно проследить погребальную практику христиан, на взгляд автора диссертации, является христианская церковь с кладбищем (об. IV) на городище Ак-Бешим, открытая и раскопанная в 1954 г. Чуйским отрядом ККАЭЭ АН СССР под руководством Л.Р. Кызласова [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ...; 1959, с. 155–237]. Первая публикация о памятнике вышла в 1959 г. [Кызласов Л.Р., 1959, с. 155–237]. В 2006 г. в своей

книге «Городская цивилизация Срединной и Северной Азии» автор вновь возвращается к христианской церкви и вводит в научный оборот часть иллюстраций по памятнику [Кызласов Л.Р., 2006, с. 219–354; Kyzlasov L.R., 2010, p. 355–363].

Под руководством Л.Р. Кызласова начальником раскопа на объекте IV была студентка 5-го курса истфака МГУ — В.И. Козенкова. Валентина Ивановна вела полевой археологический дневник, в котором записывала весь процесс работ на памятнике, в том числе и раскопки погребений [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1–32 (99–123)].

Археологические работы на памятнике показали, что это монументальное сооружение, состоящее из двух неравнозначных по площади помещений: большого двора (28x15 м), в западной части обнесенного пахсовыми стенами, и двух помещений в восточной части — центрального (или алтарного) и бокового (рис. 97). Методика раскопок была следующей: с запада на восток, вдоль всего холма, через каждые два метра была пробита кольями центральная ось. От нее по сторонам были заложены раскопы: раскоп 1, 1а, и раскоп 2, 2а (с юга на север)⁷¹. Для выявления стен двора были заложены 8 шурфов (2x2 м) вдоль северной и южной стен. Поперек центральной части раскопа (двора) от стены до стены была прорыта траншея (2 м). Затем была раскопана западная часть холма, открывшая внешнюю западную стену [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1–2 (92–93); Михеева, 2021, с. 336]. Все погребения, обнаруженные при раскопках памятника «привязывались» к колам центральной оси и трем перпендикулярным осям, расположенным с севера на юг — это колы 7, 11, 21 (с востока на запад) или колы 7, 17, 21 (с запада на восток). Глубины могильных ям погребений рассчитывались от места их расположения относительно колов на осях.

В.И. Козенковой отмечено, что захоронения на памятнике проводились длительное время, вплоть до начала XX в. Графически на плане памятника было зафиксировано 23 погребения. Захоронение № 24 на памятнике не указано, но отмечено в полевом дневнике. Погребения, совершенные в начале XX в. не фиксировались на плане, а только описывались в полевом дневнике и отчете. Описание всех погребений дается на основе полевого археологического отчета В.И. Козенковой [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 18–32 (109–123)].

Погребения ориентировались либо на запад — в большинстве случаев, либо на север. Все погребения датированы Л.Р. Кызласовым VIII в. [Кызласов Л.Р. 1959, с. 231; 2006, с. 322, 329].

Группа погребений, ориентированных с севера на юг

⁷¹ Раскоп 1 и 1а — это колы 1, 2, 3, 4, 5, 6, площадь раскопа 10x12 м; раскоп 2 и 2а — колы 7, 8, 9, 10, 11, площадь раскопа 8x12 м. С 11-го кола до 27-го — раскопки двора.

Такие захоронения располагались на одной глубине (140–145 см от 11/3 кола к северу) и находились компактно у северо-восточного угла двора церкви и у северной стены⁷². На памятнике было вскрыто пять таких могил — четыре костяка взрослых и один ребенка (погребения №№ 19, 20, 21, 22, 23). Конструкция могильной ямы у этих погребений была следующая: неглубокая грунтовая яма овальной формы, выкапывалась в завале стен. Границы ям читались плохо. В могилу на спину в вытянутом положении укладывался умерший, руки располагались вдоль туловища. Сверху яма перекрывалась сырцовым кирпичом. В погребении № 23 скелет взрослого человека лежал на правом боку, ноги его были чуть скрещены и согнуты, а весь костяк находился в скорченном положении. Это захоронение находилось на глубине 100–140 см от поверхности. Индивидуальных находок при этих погребениях не зафиксировано (рис. 98).

Ориентация захоронений, устройство могильной ямы и то, что все эти захоронения впускные, позволили Л.Р. Кызласову соотнести эти погребения с мусульманским населением [Кызласов Л.Р., 1959, с. 233].

Группа погребений, ориентированных с запада на восток

Захоронения располагались в большинстве своем в восточной части церкви; с внешней стороны восточной стены (№№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8) и внутри помещений (в алтарном — №№ 12, 14, в боковом помещении — № 15). Три могилы были обнаружены с внешней стороны северной стены алтарного помещения (№№ 9, 4; погребение № 24 на плане не обозначено). Погребений внутри двора было вскрыто немного из-за того, что двор полностью не исследовался — два погребения располагались в восточной части двора (№№ 10, № 13) и одно захоронение — под южной стеной здания (№ 11). В западной части памятника были обнаружены три погребения под стеной здания (№№ 16, 17, 18) и два захоронения, границы могильных ям которых уловить не удалось, но согласно описанию в полевом дневнике, они также были катакомбными [Кызласов Л.Р. 1955b. Дневник 16. Об. IV, л. 109; Михеева, 2021, с. 338–339].

В личном архиве Л.Р. Кызласова находятся прорисовки-чертежи почти всех погребений, обнаруженных при раскопках памятника. Пока не найдены планы и разрезы могил №№ 12, 14, 15 и 24, а также план самой церкви на миллиметровке⁷³.

По устройству могил все погребения были разделены Л.Р. Кызласовым на три типа:

⁷² Двор или большое прямоугольное помещение, связанное в восточной части входом с алтарным помещением. См.: Михеева, 2019b, с. 246, ссылка 4.

⁷³ В настоящее время мы имеем план церкви и профили разрезов только на фотографиях в архиве и в публикациях. Оригиналы чертежей не обнаружены. Известно только, что архитектором на памятнике в то время работал С.Г. Хмельницкий. Возможно, что план церкви к публикации 1959 г. был подготовлен этим же ученым.

первый тип — могильная яма, обложенная изнутри сырцовым кирпичом, сверху наблюдалось перекрытие из аналогичного кирпича в виде двускатной крыши;

второй тип — яма с подбоем с южной стороны;

третий тип — яма небольших размеров с подбоем под стену церкви (подбой с восточной стороны). Покойного укладывали в могилу ногами вперед, к востоку [Кызласов, 1959; с. 231–233; Михеева, 2019b, с. 258].

В.И. Козенковой были предложены еще два типа: отдельно выделено погребение с подбоем в северной стене (№ 6) и погребения №№ 15 и 24, описанные в отчете как гробницы, сложенные из сырцового кирпича с земляной забутовкой [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 22, 26, 29 (113, 117, 120)].

Типология погребений, согласно полевому отчету В.А. Козенковой (таблица 3):

Первый тип (№№ 1, 7, 12, 14); (рис. 99). Небольшие грунтовые могильные ямы овальной формы, иногда обложенные сырцовым кирпичом (№ 1), сверху перекрывались также сырцовым кирпичом, поставленным на ребро (№ 1; размер кирпича 42x22x8 см). В основном, это погребения младенцев, поэтому длина ямы немногим более 1 м. В погребении № 7 длина могилы — 50 см, ширина — 25 см, судя по размерам, совсем миниатюрная. Погребения №№ 12 и 14 располагались в пределах алтарного/центрального помещения церкви и имели схожую конструкцию могил и их перекрытий: могильная яма длиной 55–60 см сверху перекрывалась двумя (№ 14) или тремя (№ 12) рядами сырцовых кирпичей, положенных друга на друга (размер кирпича 42x22x8 см). Глубина захоронений варьировала от 120 до 145 см от 6 и 5 колов центральной оси. В изголовье погребения № 1 располагался намогильный кирпич, с одной стороны обтесанный в форме полукруга.

Второй тип (№№ 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 13); (рис. 100–103). Наиболее многочисленны из всех погребений. Захоронения состоят из впускной могильной ямы и подбоя с южной стороны. Как правило, подбой выкапывался чуть ниже дна впускной ямы и закладывался (иногда с наклоном) сырцовым кирпичом размером 42x22x8 см. В погребениях №№ 2, 3, 5, 10 могила сверху перекрывалась кирпичной выкладкой. Особенностей остальных захоронений авторы раскопок не указывают. Глубина захоронений варьировалась от 140 до 160 см; погребение № 5 было прослежено на глубине 232 см от 5 кола центральной оси, № 9 — на глубине от 170 см до 240 см от 7/2 кола к северу.

Третий тип представлен одним погребением № 6 (рис. 104). По конструкции аналогичен второму типу, но подбой располагался не с южной, а с северной стороны. Впускная яма была подпрямоугольной формы, подбой размещался у самого её дна. Сверху погребение перекрывалось кирпичной выкладкой. Глубина захоронения от 230 до 256 см от 5 кола

центральной оси. В могиле находился костяк взрослого человека в вытянутом положении на спине, руки располагались вдоль туловища.

Четвертый тип (погребения №№ 15, 24)⁷⁴, состоял из прямоугольной гробницы, сложенной из сырцового кирпича (50x25x10 см), с земляной забутовкой и могильной ямы с подбоем с восточной стороны. По описанию В.И. Козенковой, эти два погребения имели одинаковую конструкцию.

Погребение № 15 было обнаружено в боковом (южном) помещении церкви. Оно состояло из катакомбы, сделанной под восточной стеной церкви. Вход в катакомбу находился на глубине 180 см от 7/4 кола к югу (от 7-го кола центральной оси и 4-го перпендикулярной оси). В длину вся восточная стена церкви была занята выкладкой этой катакомбы, которая первоначально была принята за суфу. Высота выкладки от пола 65 см. Выкладка состояла из кирпичного панциря с земляной забутовкой. Размеры кирпича выкладки 50x27x10 см. В катакомбе был обнаружен костяк взрослого человека. Кости были разбросаны, но общая картина показала, что умерший лежал головой на запад. В рыхлой земле подбоя была обнаружена миниатюрная лепная чашечка [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 26 (117); Михеева, 2019b, с. 260].

Погребение № 24 вообще не фиксировалось на плане, но известно, что оно располагалось на северной стороне от алтарного помещения. Как и захоронение № 15, это была прямоугольная гробница, сложенная из сырцового кирпича в виде панциря, с земляной забутовкой внутри. Длина гробницы 200–210 см, ширина 120–130 см, высота 55–60 см. Глубина верхней поверхности гробницы 158 см от 7/2 кола к северу, глубина нижней части гробницы около 205 см.

После разборки кирпичной кладки в южной стороне под ней была выявлена небольшая могильная яма с подбоем в восточной стороне. Подбой располагался по направлению с востока на запад (катакомба ?!). Входное отверстие подбоя округлое. Глубина могильной ямы фиксировалась на уровне от 190 до 230 см. В подбое находился скелет взрослого человека, головой на запад. Кости плохой сохранности. Каких-либо вещей в могиле не обнаружено [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 29 (120)].

Глубина могильной ямы погребения № 15 неизвестна, но уровень катакомбы прослежен на глубине 180 см от 7/4 кола центральной оси к югу. По своей конструкции, представляющей могильную яму с катакомбным захоронением в восточном направлении, погребения №№ 15 и 24 следовало бы отнести к пятому типу (катакомбные захоронения), однако наличие намогильного сооружения — гробницы с земляной забутовкой внутри — позволяет выделить эти два погребения в отдельный тип [Михеева, 2019b, с. 260; 2021, с. 343–344].

⁷⁴ Михеева, 2019b, с. 260. Ссылка. 85. Описание погребений.

Пятый тип (№№ 16, 17, 18); (ил. 105, 106). Данные погребения довольно компактно располагались в западной части сооружения рядом друг с другом и имели схожую конструкцию могильной ямы и катакомбы. Почти квадратная могильная яма вела к катакомбе овальной формы, вырубленной в восточной стенке ямы. Катакомба выкапывалась под стену здания, не нарушая ее. Вход в катакомбу закладывался сырцовым кирпичом (38x17x8 см). В погребении № 16 скелет располагался в вытянутом положении на спине, руки сложены крест-накрест на груди; череп не сохранился. В погребении № 18 скелет лежал левом боку, руки также были сложены крест-накрест. Глубина дна могильных ям — от 200 до 210 см. Все три захоронения принадлежали взрослым людям. Из дневника следует, что при расчистке было обнаружено не три, а пять таких могил. Среди них было два детских погребения, плохо сохранившихся, поэтому прочесть границы могильных ям не удалось и графически эти захоронения нигде не отражены [Кызласов Л.Р. 1955b. Дневник 16. Об. IV, л. 109].

Глубина могильных ям погребений, совершенных под стены здания: № 11, 15–18, варьировалась от 190 до 230 см. Как в № 11, так и в захоронении № 18 вход в подбой (катакомбу у № 18) закладывался сырцовыми кирпичами. Правда, у погребения № 11 высота подбоя позволила уложить три ряда кирпичей, а в № 18 — в 7 рядов. В № 17 катакомба закрывалась обломками сырцового кирпича, толщиной до 10 см. Катакомба и подбой этих могил выкапывались аккуратно под стены, не нарушая строительную конструкцию самих стен, что дало возможность предположить, что эти захоронения самые ранние и были сделаны тогда, когда церковь еще функционировала как религиозное здание [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 32 (122)].

Погребения №№ 5, 6, 24 располагались с внешней стороны церкви, но учитывая аналогичную глубину залегания могил, предполагается, что они были выполнены в один промежуток времени, как и упомянутые ранее [Михеева, 2019b, с. 260–261]. В процессе раскопок алтарного/центрального помещения церкви было встречено большое количество миниатюрных лепных чашечек, вероятно, керамических плоских-светильников [Михеева, 2019b, с. 256]. Аналогичная чашечка была найдена в рыхлой земле погребения № 15, что еще раз подтверждает, что это захоронение было совершено в момент функционирования церкви.

При закладке погребений №№ 1, 2, 3, 4, 7, 9 с внешней стороны сооружения были повреждены восточная и северная стены. Уровень залегания могил одинаковый — от 140 до 170 см. Примерно на этом же уровне располагались захоронения №№ 8, 10, 12, 13, 14, находившиеся в основном внутри здания. Глубина залегания могил и тот факт, что были повреждены стены, позволили отнести данные захоронения к более позднему времени, вероятно, к тому, когда храм уже не использовался по прямому назначению и был заброшен [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 31 (122); Михеева, 2019b, с. 261].

Интересно, что в этот период в основном хоронят или младенцев, или детей-подростков. Из 19 погребений, ориентированных запад-восток, 12 принадлежали детям, и только в детских захоронениях встретились индивидуальные находки: серьги из белого нефрита и зубы взрослых людей. В детском погребении № 8 был найден бронзовый нательный крест, желтые и зеленоватые пастовые бусы с темно-коричневыми глазками и зубы взрослого человека [рис. 107; Михеева, 2019b, с. 261]. Как упоминалось выше, лишь в одной могиле взрослого человека (№ 15) была найдена маленькая лепная чашечка. Отметим, что чашечка найдена в грунте катакомбы, она могла попасть туда случайно, в процессе рытья или закапывания могилы для усопшего.

Когда сооружение превратилось в оплывший холм, на нем стали появляться захоронения, ориентированные с севера на юг и имевшие одинаковую конструкцию могильных сооружений (№№ 19, 20, 21, 22, 23). Все они располагались на одинаковой глубине от дневной поверхности (140–145 см) и были впущены в руины здания [Кызласов, 1959, с. 233; Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 31–32 (122–123); Михеева, 2019b, с. 261].

Самые поздние погребения располагались на южной стороне холма и представляли собой братскую могилу. На глубине 40 см от поверхности встречено четыре скелета, два из них ориентированных головой на север, а два — на юг. На глубине 120 см находилось еще шесть скелетов, ориентированных головой на север. Предполагалось, что данные захоронения относятся к XX в., поэтому они не имели нумерации и не были прорисованы на плане [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 18–19 (109–110); Михеева, 2021, с. 346].

Остановимся подробнее на погребениях №№ 1, 5 и 9. Эти захоронения располагались в восточной части памятника.

Погребение № 1 было обнаружено на глубине 143 см от 6-го кола центральной оси и имело следующую конструкцию: могильная яма, дно и стенки которой были обложены сырцовым кирпичом, сверху перекрывалась сырцовыми же кирпичами, поставленными на ребро под углом друг к другу⁷⁵. Верхние края кирпичей подтесывались, в голове покойного располагался кирпич, верх которого был стесан до округлой формы (рис. 97).⁷⁶ После снятия этих кирпичей был обнаружен скелет младенца, лежавший на спине, руки располагались вдоль туловища. Череп ребенка сохранился очень плохо. Из находок можно отметить две тонкие круглые стеклянные пронизки светло-зеленого цвета. В ногах погребенного найдено бронзовое проволочное колечко со следами кожи, и остатки тлена, вероятно, от одежды [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 19–20 (110–111)].

⁷⁵ Размер кирпичей 42х22х8 см.

⁷⁶ Размеры кирпича: 21х23х8 см. Длина могилы 120 см, ширина 65 см, ширина ямы без кирпичной обкладки 45 см. Высота сырцовой крышки 22 см.

Погребение № 5 находилось на уровне 232 см от 5-го кола центральной оси и имело совсем иную конструкцию — могильная яма с подбоем с южной стороны⁷⁷. Сверху погребение перекрывалось кирпичной выкладкой, вероятно, прямоугольной формы. В подбое был зафиксирован костяк младенца в вытянутом положении на спине головой на запад. Интересная деталь — голова младенца лежала на стойке дастархана (рис. 101). При младенце была обнаружена серьга из белого нефрита, насаженная на бронзовое проволочное кольцо (рис. 107, 5).

Отметим, что погребение № 1 — единственное захоронение на памятнике, в изголовье которого располагался обтесанный по краям сырцовый кирпич (намогильный камень). Для территории Средней Азии это самый ранний случай установки намогильного камня на могиле. Расположение в изголовье умершего какого-либо предмета (в № 5 — стойка дастархана), ассоциируемого с подушкой, в дальнейшем будет встречено во многих христианских могилах, найденных в пределах Средней Азии, но в данном случае, это также самый ранний пример использования под головой кирпича-«подушки».

Погребение № 9 интересно расположением в могиле (в подбое) костяка умершего — его обе руки были сложены в локтях и подняты к плечам. Такая поза погребенного была зафиксирована только на этом памятнике. Т.Н. Сенигова, описывая религиозную ситуацию Древнего Тараза VI–VIII вв. приводит пример буддийских захоронений (по А.Н. Бернштаму), совершенных в каменных, перекрытых плитами, ящиках из некрополя № 2. В этих ящиках скелет располагался в вытянутом положении на спине, был ориентирован головой на запад, правая рука покойного находилась около горла или у плеча. На данном некрополе было встречено около 40 аналогичных могил и все они были безынвентарными [Сенигова, 1961, с. 61]. Возможно, речь идет о христианских захоронениях.

Основные выводы по христианским погребениям с Ак-Бешима

Открытие и изучение ак-бешимских погребений позволяет выделить определенные характеристики христианского захоронения:

1. Захоронение совершалась по обряду трупоположения.
2. Устройство могил имело самые разные варианты: грунтовая яма, грунтовая яма, обложенная сырцовым кирпичом, грунтовая яма с подбоем (слева или справа), катакомбные погребения.
3. Перекрытие могил имели варианты: кирпичная выкладка из сырцовых кирпичей плашмя или кирпичами, поставленными на ребро.

⁷⁷ Длина могилы 125–130 см, ширина 60 см.

4. Намогильные конструкции удалось проследить не на всех захоронениях. Два погребения были оформлены в виде прямоугольной гробницы с земляной забутовкой внутри (№№ 15, 24). В могиле № 1 сырцовые кирпичи укладывались под углом друг к другу, их верхние края подтесывались и представляли собой намогильное сооружение. Согласно описанию В.И. Козенковой, в погребениях №№ 2, 3, 5, 6, 10, 11, 12, 14 читались следы намогильной кирпичной выкладки. В погребениях №№ 12 и 14, расположенных в пределах алтарного помещения, могильная яма была заложена двумя–тремя рядами кирпичей, положенных друг на друга. Размеры кирпича 42х22х8 см [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 25 (116)].

5. В изголовье могилы устанавливался обработанный камень. Как указано ранее, в погребении № 1 был обнаружен такой камень. Эту традицию можно проследить на христианских кладбищах более позднего времени (XIII–XIV вв.): на Пишпекском (Кара-Джигачском) и Токмакском (Бурагинском) кладбищах, на некрополе городища Учарал (средневековый Илибальк). Высказывалось мнение, что намогильные камни с эпитафиями — новая культурная традиция, принесенная в Чуйскую долину волной христиан XII в. [Кольченко, 2018, с. 83]. Это предположение ошибочно, мы видим, что данную традицию можно проследить намного раньше, начиная с VIII в., а намогильные эпитафии на этих камнях могли быть привнесены в область Семиречья позже, после XII в. Можно утверждать, что в христианских захоронениях на территории Средней Азии традиция установки намогильного камня в VIII–IX вв. уже известна.

6. Ориентация костяка запад-восток — головой на запад, ногами к востоку.

7. Усопший укладывался на спину в вытянутом положении.

8. Положение рук в основном вдоль тела, но имелись и другие варианты: обе руки на груди или на животе, одна на груди, вторая — вдоль тела, и т.д.

9. Под голову укладывался какой-то предмет, ассоциируемый с «подушкой». На Ак-Бешиме — это стойка дастархана в детском погребении № 5. В дальнейшем в погребениях будет встречаться кирпич или возвышение из глины, которое можно проследить на захоронениях с Илибалька [Михеева, 2021, с. 361–362]. Считается, что поднятая голова, обращенная лицом к востоку, олицетворяет идею пришествия Иисуса Христа, приходящего с Востока. Как сказано в Евангелие от Матфея 24:27: «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже с запада, так будет пришествие Сына Человеческого». Умершие христиане станут свидетелями этого пришествия [Стюарт, 2020, с. 70].

Если обратиться к древнерусским некрополям, то практика использования кирпича под головой и даже в ногах широко применялась, чаще в захоронениях при церквях, начиная с XI в. до первой половины XII в. и в единичных случаях до XV в. Считается, что каменные «подушки» у изголовья свидетельствуют об аскетическом образе жизни погребенного [Макаров, 1981, с. 113]. По мнению специалистов, истоки этого обряда надо искать в раннем христианстве и

иудаизме II–III вв. А камень под головой не просто указывал на то, что умерший при жизни спал на жёстком ложе, но становился символом следования библейским заветам с Богом и Царства небесного, куда отправлялась душа усопшего после смерти [Беляев, 2005, с. 174].

Отметим, что если в древнерусской традиции камень-«подушка» под головой скорее олицетворял и показывал монашеский и аскетический образ жизни умершего, то в среднеазиатском христианстве, возвышение под головой считалось неким характерным показателем именно христианского вероисповедания умершего без отсылки к его земному существованию и аскезе.

10. Захоронения как правило безынвентарные. Исключение составляют детские погребения, в которых встречаются бусы и пронизки, серёжки, ракушки каури, браслеты, иногда зубы взрослых людей и довольно редко — нательные кресты.

Городище Красная речка (средневековый Невакет/Навекат), Кыргызстан
Общегородской некрополь городища Красная речка (сер. VIII в.)

Первые исследования небольших кладбищ на развалинах построек Краснореченского городища были выполнены А.Н. Бернштамом и П.Н. Кожемяко. Датировка кладбищ была отнесена специалистами к домусульманскому времени, а сам обряд определен А.Н. Бернштамом как зороастрийский и мусульманский. В восточной части городища были найдены намогильные камни-кайраки с сирийскими надписями [Горячева, 1989, с. 85], но непосредственно на могилах кайраки не встречались.

В 1978–1989 гг. на Краснореченском некрополе работали специалисты из Киргизии и Казахстана, в том числе известный археолог В.Д. Горячева. В 1978 г. в результате археологических работ киргизско-казахского отряда выяснилось, что вдоль западного фаса городища располагался некрополь, предварительно датированный VI—серединой X в. Культурный слой достигал 5 м. За стенами шахристана и некрополя также располагалось несколько погребальных наусов и кладбищ VI–XII вв. [Горячева, 1989, с. 85–96].

Археологическое исследование памятника показало, что весь период функционирования некрополя четко делился на три горизонта: верхний связан с пришлым населением из западных районов Средней Азии. Этот горизонт отличали захоронения по зороастрийско-маздеисткому обряду: в камерах, служивших также для временного хранения трупов; в наусах, в склепах, в которые также ставились оссуарии, хумы, корчаги с костями умерших. Иногда кости складывались в кучки [Горячева, 2010, с. 187]. Погребальный зороастрийский обряд находит свои параллели по всей территории Средней Азии: Байрам-алинский некрополь, некрополь Пенджикента, некрополь Ток-кала и т.д. (рис. 108).

Второй строительный горизонт, по мнению В.Д. Горячевой, связан с наличием культовой архитектуры, где в помещении 1 было открыто святилище, устроенное при родовом кладбище. Третий период относится ко времени, когда помещения наусов и святилищ уже начинают рушиться, и местами их перекрывают погребения, сделанные в этих развалинах. Как отмечает В.Д. Горячева, это происходит в пределах второй пол. VII — нач. VIII в. и связано, скорее всего, с притоком в Невакет (городище Красная речка) тюркского населения [Горячева, 2010, с. 188]. Помимо катакомбных могил, на некрополе в этот период встречаются могилы с приступками и с подбоем с той или иной стороны. Кроме того, встречались погребения, совершенные по классическому обряду — с конем, в воинском снаряжении и кусками туш барана. Как предполагает автор раскопок, подобные захоронения характерны для тюрков, пришедших с Алтая, и для тюрков, проживавших на Тань-Шане уже с VI в. и до X в., а также в степной зоне Чуйской долины [Горячева, 2010, с. 188].

Интересно, что на некрополе встречаются и христианские захоронения этого же периода. Одно из погребений было совершено в грунтовой могильной яме, перекрытой сверху большими прямоугольными сырцовыми кирпичами. В определенный период свод могилы рухнул и кирпичи придавили кости. В могиле находился скелет, лежавший в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки располагались вдоль тела, а ноги были слегка согнуты в коленях (кости ног завалились в сторону). По определению антрополога С.С. Тур, кости принадлежали молодой женщине, лет 25, с европеоидными чертами лица [Горячева, 1988, с. 67]. Под головой умершей находилась подушка, в области грудной клетки обнаружен бронзовый нательный крестик с продетой в ушко крученой хлопчатобумажной веревочкой (таблица 8, № 19). Череп умершей располагался на шейных позвонках. Сопроводительного инвентаря, кроме крестика, в могиле не обнаружено [Горячева, 1988, с. 67; 2010, с. 188]. Подобных захоронений, но без крестов, в слое было зафиксировано несколько. Считается, что на городище Красная речка проживала значительная христианская община, часть из которых погребалась на общегородском некрополе [Горячева, 1988, с. 67–75; 2010, с. 188–189; Кольченко, 2018, с. 76].

Обнаружены погребения, относящиеся к этому же периоду и совершенные в хумах, в ямах в скорченном состоянии и в сидячем положении [Горячева, 2010, с. 189]. В.Д. Горячева выделяет не меньше пяти типов захоронений для второго и третьего горизонтов с выделением вариантов могильного сооружения, позы погребенных и сопроводительного материала. Второй и третий горизонты в какой-то момент были перекрыты утрамбованным слоем глины, четко фиксируемым по всему раскопу в виде платформы, на которой были найдены две тюркешские монеты. Они датируют время появления платформы — не ранее 711 г. [Горячева, 2010, с. 189].

В 2008 и 2011 гг. работы на памятнике были продолжены. При работах в одном катакомбном погребении обнаружен скелет человека, лежавший на спине, головой на запад.

Археологи отметили, что у погребенного в области грудной клетки наблюдались следы намеренного излома костей. В связи с этим, предполагалось, что на усопшем был нательный крест, при изъятии которого были сильно повреждены кости грудной клетки [Торгоев, 2014, с. 323–326].

Христианские захоронения городского некрополя Невакета (Красная речка) совершались в общей массе с другими погребениями, зороастрийскими (маздеистскими) и тюркскими. Единственным отличительным признаком можно считать крест на усопшей, но, к сожалению, нательные кресты в погребениях встречаются очень редко. В полиэтничном и поликонфессиональном городе, в пределах его стен мирно уживались согдийцы, буддисты, зороастрийцы, тюрки-шаманисты, христиане, возможно, манихеи. Археологические раскопки некрополя показали, что на сравнительно небольшой площади можно было встретить широкое разнообразие погребального обряда. Территориального же деления кладбищ по конфессиональному признаку на период со второй пол. VII — нач. VIII в. на памятнике не отмечено.

Некрополь Древнего Тараза (Казахстан)

(VIII–IX вв.)

На границе с Кыргызстаном, в древнейшем городе Таразе, в 1927 г. на городском зороастрийском некрополе Мучного базара, М.Е. Массоном были изучены погребения в могильных ямах, обложенных жжённым кирпичом [Ремпель, 1957, с. 102; Дресвянская, 1968b, с. 10–11]⁷⁸. На момент исследования было выявлено три типа могил: два по обряду трупоположения и один — в могильных сооружениях с надмогильниками из жженого кирпича. Первый тип представлен могильной ямой, пол которой выстлался тонким жженым кирпичом. Боковые стены могилы обкладывались кирпичом более утолщенным, который ставился с небольшим наклоном внутрь — для большей устойчивости. Сверху могила перекрывалась одним рядом квадратных кирпичей, положенных плашмя. На этих кирпичях были прорисованы композиции из волнистых и прямых линий, сделанных до обжига по сырой глине. На кирпиче, располагавшемся в изголовье, также по сырой глине был выполнен рисунок, по мнению М.Е. Массона, напоминавший монограмму Христа (рис. 109). Описание рисунка следующее: «...из угла в угол проведены две пересекающиеся в центре трехлинейные полосы в виде буквы Х, через центр проведена прямая линия с полукольцами в виде петель на концах и волнистые линии вроде якорьков по бокам» [Дресвянская, 1968b, с. 10]. Автор диссертации предполагает,

⁷⁸ Размер кирпича: 37х37х4-7 см, иногда толщина была 15–17 см.

что такие рисунки на могильных кирпичях скорее были исключением и встречались в единичных случаях.

Второй тип могилы представлял собой грунтовую яму, боковые стены которой, обкладывались кирпичами, положенными плашмя в шесть рядов⁷⁹. Вверх могилы перекрывался прямоугольными кирпичами, поставленными на ребро также с небольшим наклоном внутрь. Несколько аналогичных погребений было обнаружено рядом при разбивке дороги. Стены этих могил были выложены тремя рядами продолговатых кирпичей⁸⁰, положенных плашмя. На них кирпичи стояли под углом друг к другу, образуя свод могилы. Все захоронения ориентировались с северо-запада на юго-восток. Схожие погребения были отмечены Н.Н. Пантусовым на при-Пишпекском кладбище [Пантусов, 1887, с. 1–7; Дресвянская, 1968b, с. 11]. Датировка данных погребений ни М.Е. Массоном, ни Г.Я. Дресвянской не была определена.

Кроме указанных погребений, в которых совершались захоронения по обряду труположения, при обследовании территории некрополя были обнаружены захоронения необычной конструкции⁸¹. На взгляд автора диссертации, такие захоронения следует определять, как погребения кучи костей в могильных сооружениях из жженого кирпича. Анализ погребений был выполнен Л.И. Ремпелем в 1957 г., который указал, что при исследовании территории Мучного базара, расположенного западнее шахристана Тараза, на возвышенности в ходе земляных работ были обнаружены оссуарии (астодоны) в количестве пяти штук. Рядом с оссуариями находились глиняные кувшинчики, содержавшие остатки пищи как жертвоприношения «душам предков» или «фравашам». Датировка данных астоданов — VII–IX вв. н. э. [Ремпель, 1957, с. 108, 110]. Помимо оссуариев, на этом же месте найдены хумы с человеческими костями. Оссуарии и хумы лежали в одном слое с захоронениями в склепиках и ящиках, сложенных в полкирпича-сырца. По мнению Л.И. Ремпеля, эти сооружения представляли собой наусы, в которых могли помещаться оссуарии (астоданы). Помимо астоданов и хумов, существовали наусы или небольшие камеры просто для положения костей, без оссуариев и хумов. Размер камер: 40x80 см. Как предположил Л.И. Ремпель, небольшой размер камер свидетельствует о том, что они служили не для труположения, а для сохранения костей, аналогично оссуариям и хумам [Ремпель, 1957, с. 109]. Конструкции сооружений следующие:

⁷⁹ Размер кирпичей: 41x41x5–7 см, 37x37x5x7 см, 34x34x5–7 см

⁸⁰ Размер кирпичей: 40x17x7 см, 39x16x6,5 см, 38x15x6 см

⁸¹ В своей статье по погребальному обряду христиан Ср. Азии и частично Южного Казахстана автор диссертации указывает, что данные захоронения относятся к третьему типу погребений [Михеева, 2021, 352–353]. Тщательное изучение материалов показало, что данные захоронения следует обозначить отдельной категорией — погребения кучи костей в своеобразных могильных сооружениях из жженого кирпича.

1. Небольшая ямка, диаметром 0,6–0,8 м, вырытая в галечном грунте. Кости складывались кучкой и засыпались галькой. В некоторых случаях кости перекрывались каменными плитами [Ремпель, 1957, с. 109, рис. 42, 1].

2. Маленькая камера или ящик, сложенная в полкирпича-сырца (20x40x10 см) в 3–4 ряда. Перекрытие таких конструкций сооружалось из целых сырцовых кирпичей, образывавших иногда форму трапеции — два кирпича были положены ребром друг к другу, еще один кирпич укладывался сверху [Ремпель, 1957, с. 109, рис. 42, 2, 3].

3. Камера, сложенная из жжённого кирпича (размер 27x15x4 см), прикрытая сверху большой каменной плитой. Размеры ящика: снаружи — 100x55x35 см, внутри — 68x30 см [Ремпель, 1957, с. 109, рис. 42, 2]. Данные погребения Л.И. Ремпель относит к более позднему времени, когда жжённый кирпич получил широкое применение в строительстве зданий.

Захоронения в хумах и небольших камерах для погребения костей (склепиках) Л.И. Ремпель датирует IX–X вв. н. э. [Ремпель, 1957, с. 109–110]. Можно сказать, что данные погребения были отнесены автором к зороастрийскому обряду с допущением, что такой обряд мог существовать и среди христиан-несториан. М.Е. Массон называл такие захоронения «щелевидными могилами несториан», считая, что несторианское кладбище «наползало» на более древний зороастрийский некрополь [Ремпель, 1957, с. 110]. Интересно, что в своей диссертации в 1968 г., Г.Я. Дресвянская описывает указанные погребения, даже прилагает иллюстрацию, но отмечает, что эти данные были сообщены ей М.Е. Массоном и публикуются впервые [Дресвянская, 1968b, с. 11, ссылка 22]. При этом в библиографическом списке диссертации Г.Я. Дресвянской присутствует упомянутая статья Л.И. Ремпеля в КСИА за 1957 г., однако в самом тексте ни упоминания, ни ссылки на неё не имеется.

На взгляд автора диссертации, обнаружение захоронений в ящиках (по Л.И. Ремпелю — склепиках) для захоронения костей в одном слое с оссуариями (астоданами) и хумами скорее говорит о том, что это зороастрийский погребальный обряд — погребение очищенных костей, а не обряд трупоположения, свойственный христианской погребальной практике, отмеченный и прослеженный практически на всей территории Средней Азии. На данном этапе изучения этого вопроса считать данные захоронения «щелевидными могилами несториан» оснований нет. Что же касается двух типов могил, сделанных из жжённого кирпича, можно допустить, что они принадлежали христианам, только на основании того, что эти погребения совершались по обряду трупоположения. В отсутствие сопроводительного инвентаря в могилах приходится принимать во внимание планировочную конструкцию христианских могил для того, чтобы из их общего числа выделить погребения, свойственные христианскому погребальному обряду.

Раскопки на площади Регистан в Самарканде (Узбекистан)
(не ранее IX в.)

Вариант захоронения, практически идентичный могиле второго типа из Тараза, был обнаружен при обследовании площадки под застройку на площади Регистан в Самарканде (рис. 110). На уровне от 4,5 до 5,5 м от поверхности были найдены четыре узких длинных ящика-лотка из жженого кирпича, уложенного плашмя⁸². Сверху они перекрывались крупным жженым кирпичом⁸³. Лотки были ориентированы с запада на восток. Внутри двух лотков были помещены расчищенные скелеты, втиснутые в узкие цисты. Погребенные лежали на спине, головой на запад. Рядом с одним скелетом был обнаружен железный наконечник стрелы с истлевшей деревянной втулкой, в другом погребении были найдены металлические бляшки типа несторианских крестов. Остальные ящики содержали черный тлен. К северу от ящиков был расчищен пол помещения, украшенный майоликовыми плитками в форме несторианского креста. Археологи датируют эти сооружения не ранее IX в. [Бурякова, Буряков, 1973, с. 209–210].

Некрополь Тик-Турмас (Древний Тараз; Казахстан)
(VIII в.)

Именно в Таразе с VIII в. в христианских захоронениях археологами прослеживаются деревянные гробы. На зороастрийском некрополе Тик-Турмас (некрополь № 2) были обнаружены деревянные гробы или ящики, скрепленные железными коваными гвоздями или просто грунтовые ямы, сверху перекрытые деревянными, уложенными поперек могилы, досками. В этих гробах и грунтовых ямах находился скелет человека. Такие погребения, как правило, были одиночные, но одно из них было парным — матери с ребенком (№ 15). Все погребенные ориентированы головой на запад. Усопшие укладывались на спину, руки располагались на груди. Сопроводительный инвентарь отсутствовал или был маловыразителен. При антропологическом изучении скелетов выяснилось, что в могилах представлен смешанный европеоидный и монголоидный типы [Сенигова, 1968, с. 66–67; Байпаков, Терновая, 2018, с. 11–12].

Городище Каршаул-тепа⁸⁴ (VI–IX вв.; Узбекистан)

Памятник Каршаул-тепа расположен в Ташкентской обл., в 14 км от г. Чиназа, недалеко от поселка Ислохат. Исследование арабских письменных источников позволило специалистам

⁸² Длина лотков 192–195 см, ширина 60–63 см, высота 40–45 см.

⁸³ Размер кирпича 42x20x9 см.

⁸⁴ Информация о памятнике взята с электронного портала: <http://www.exploration-eurasia.com>

отождествить памятник Каршаул-тепа со средневековым Вешгирдом⁸⁵. Согласно источникам, Вешгирд располагался на маршруте средневековых караванных путей и, возможно, имел какое-то отношение к христианским общинам того времени. При натурном обследовании памятника, ташкентский археолог К.А. Шейко обнаружил бронзовый нательный крест [Поторочина, Шейко, 2015, с. 487–491; Таблица 8, № 3]. Изучение памятника началось в 2010 г. и продолжается по настоящее время.

Внешне памятник представляет собой холм, с южной стороны границы холма уходят к старому руслу р. Чирчик (древний Парак). Восточная часть плавно спускается вниз к древнему уровню воды, где также видны следы искусственного водохранилища. Выше к северо-западу простирается плоская поверхность памятника. Главные ворота в город находились, по мнению авторов раскопок, в северной части памятника и примыкали к городским укреплениям. В северо-восточной части были запасные ворота. Архитектурные и строительные особенности позволили предположить, что данный памятник был сравнительно большим средневековым замком.

При обследовании Каршаул-тепа с 2010 по 2020 гг. были вскрыты жилые помещения, главные ворота в город и с 2012 г. отдельно изучался некрополь, расположенный в 500 м к востоку. Датировка памятника — VI–X вв.

Интересно, что планировка всего сооружения не дает информации о какой-либо его связи с христианством, но археологические находки: крест, керамические сосуды, камень с крестом (амулет) и монеты с изображением креста свидетельствуют о том, что христианское население, вероятно, проживало в данном городе в какой-то период времени или останавливалось на постой, учитывая, что город располагался на одной из трасс Великого шелкового пути.

В 2011 г. при работах Восточно-Согдийской экспедиции была обнаружена основа кубка или вазы, редкого для согдийской глиняной посуды. Фрагмент кубка похож на основание чаши, которая используется в церкви для литургических обрядов (для Евхаристии). Если догадка археологов верна, то это может говорить об организованной литургии. Второй находкой можно считать сосуд (в виде банки) с двумя крестами, процарапанными на ее теле и ручке. Он был восстановлен еще в древности, и специалисты считают, что этот сосуд мог использоваться для святой воды, так как следов вина внутри не обнаружено. Возможно, сосуд просто использовался для воды [Электронный ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>].

В 2012 г. началось изучение некрополя, расположенного в 500 м к востоку от городища. К настоящему времени вскрыто более 20 погребений. В захоронении № 4 в области тазовых костей усопшего был обнаружен небольшой камень, не более 5 см, на поверхности которого был

⁸⁵ См. вступительную статью А.В. Савченко и К. Шейко на сайте <http://www.exploration-eurasia.com>

изображен крест. Крест вырезан не слишком глубоко, достаточно неумело, как будто резчик торопился (рис. 111). Форма креста напоминает по типу латинский, с удлиненной нижней ветвью.

Погребение № 4 обнаружено на глубине 220 см от уровня дневной поверхности в 4 м к северо-востоку от погребения № 1 и в 2 м к югу от погребения № 2 (рис. 112). В могильной яме в вытянутом положении на спине располагался костяк взрослого человека, ориентированный головой на юго-восток. Скелет сохранился хорошо, но лицевая часть черепа была раздавлена. В погребении на левой половине таза были найдены железный массивный нож и подпрямоугольный плоский камень на котором очень слабо выбит рисунок в виде креста (см. описание выше). Кроме того, были найдены несколько обломков сильно коррозированного железа, возможно, от обломков пряжки [Электронный ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>].

Все захоронения на некрополе совершены по обряду труположения. Ориентация костяков различная: север–юг, восток–запад, встречались погребения, ориентированные по линии запад–восток, головой на запад. Могильные сооружения — с подбоем, катакомбные или просто в грунтовой яме. Погребальный инвентарь представлен монетами, бусами, иногда в захоронениях попадались железные ножи, мечи, пряжки и наконечники стрел. По мнению исследователей, принимая во внимание наличие инвентаря в погребениях, эти захоронения скорее всего не были мусульманскими. Изучение некрополя продолжается, поэтому каких-либо утверждений и окончательных выводов пока не получено [Электронный ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>].

При работах на памятнике в 2016 г. в комнате № 15, помимо других монет с тамгой и изображением правителя, была найдена монета с изображением равноконечного креста. Крест располагается вместо тамги (реверс?) в центре монеты, по форме напоминает так называемый мальтийский крест, но без вырезов на концах. Крест изображен в круге, сделанном из точек. Хорошо сохранилась верхняя половина круга. Кроме монет в помещении № 15, в комнате № 14 были обнаружены фрагменты хумов и целая керамическая кружка, покрытая ангобом перед обжигом. Под ручкой, видимо, тоже до обжига мастером была процарапана тамга в виде небольшого простого креста в ромбе [Таблица 12, № 77; электронный ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>].

Интерпретация памятника как христианского несколько затруднительна. Судя по отдельным находкам, вероятно, что какое-то количество людей, исповедовавшее христианство, проживало в пределах данного города. Расположение памятника на одном из караванных путей предполагает вероятность того, что в городе останавливались христиане-миссионеры, купцы или просто путешественники.

Отметим, что в детских погребениях, обнаруженных на некрополе Илибалька (Южный Казахстан), в руках умерших встречались камни совсем небольшого размера — камни-голыши, иногда по три–четыре штуки в одном погребении [Электронный ресурс: <http://www.exploration-eurasia.com>]. Найденный в погребении № 4 на Каршаул-тепа камень с крестом, бесспорно, служил амулетом, возможно, символизирующем о принадлежности погребенного к христианству. Однако, ориентация захоронения не свойственна христианскому погребальному обряду, при котором голова умершего должна находиться в западной части могилы, лицом к востоку. К IX в. на территории Средней Азии эта одна из важнейших характерных черт обряда археологически прослеживается очень хорошо, например, в погребениях при церкви на городище Ак-Бешим (об. IV).

Городище Ак-Бешим (Кыргызстан)

Объект VIII. Монастырский комплекс церковей X–XI вв.

На городище Ак-Бешим при раскопках монастырского комплекса в здании В, в восточной стене помещения № 23, в вырубленном пахсовом блоке была устроена ниша, в которой было обнаружено захоронение. Кости лежали компактно, но не в анатомическом порядке: длинные кости конечностей, одна тазовая кость, лопатка, череп. Несколько костей было обнаружено в западной части помещения, видимо, их растащили животные [Семенов, 2002, с. 78]. Г.Л. Семенов считает, что кости были принесены на это место и погребены намеренно.

Других захоронений на памятнике не обнаружено. Относить данное захоронение к христианскому погребальному обряду нет необходимости. На взгляд автора диссертации, речь идет о почитании святых мощей — реликвий. Обычай помещать мощи святого в стены церковного здания в ниши или специальные углубления в форме креста, чаще в алтарных помещениях, связан с чинопоследованием освящения храма. Согласно правилам Святых Апостолов, требования полагать мощи святых или их частицы в основание стен и под престолы церковей существовали уже с III в. Считается, что эта традиция была особо распространена в крупных паломнических центрах, в Вифлееме, на Синае и в Константинополе [Тетерятникова, 2003, с. 77–85].

Вероятно, мощи святого, найденные в помещении № 23 монастырского комплекса церковей, служили местом паломничества и почитания для христиан ближайшей округи.

Некрополь христиан, проживавших и служивших в комплексе церковей, в настоящее время не обнаружен. Сам комплекс по внешнему периметру только начал исследоваться, а раскопки прошлых лет внутри зданий доходили до определенного уровня полов, не до материка. Объект IV — церковь с кладбищем располагалась за стенами шахристана I, а монастырский комплекс

(об. VIII) находился внутри основной части города. В черте города хоронить умерших было запрещено, поэтому если погребения и возможны, то только в пределах стен комплекса, в восточной стороне или в алтарных помещениях. Маловероятно, что это будут захоронения простых мирян.

Могильник Дурмон-тепе (Дурмен-тепа; XI в. — нач. XII в.; Узбекистан)⁸⁶

(Таблица 4)

Захоронения в деревянных гробах, датируемые второй пол. XI — первой пол. XII в. были обнаружены при изучении могильника на городище Дурмон-тепе в 19 км к западу от Самарканда.

Городище Дурмон-тепе располагается возле кишлака Торарык в Пастдаргомском районе Самаркандской области (координаты по Google: 39°42'26.04"С 66°42'54.55"В).

В советское время территория вокруг городища была занята колхозными полями и молочными фермами. Первые обследования городища проводились отрядом ИА АН Уз.ССР в 1975–1979 гг., тогда же И.Д. Иваницким оно было идентифицировано как средневековый город Исбискет [Ростовцев, Иваницкий, 1976 с. 540]. В 1981 г. маршрутные обследования были проведены Г.А. Пугаченковой [Грицина, 2018, с. 137]. В 1985 г. в Государственном музее искусств народов Востока (в настоящее время — ГМВ) был создан сектор Средней Азии, который возглавила Г.В. Шишкина. В 1986 г. была организована Среднеазиатская археологическая экспедиция. Задачей сектора было изучение проблематики согдийской культуры в широком хронологическом диапазоне — с сер. V в. до н. э. до монгольского нашествия [Войтов, 2015, с. 389, с. 421].

Археологическое изучение Дурмон-тепе Среднеазиатской археологической экспедицией Государственного музея искусств народов Востока (далее САЭГМНВ) под руководством начальника экспедиции Г.В. Шишкиной и ее заместителей А.И. Наймарка и Т.К. Мкртычева [Шишкина, Иневаткина 2012, с. 33–34] проводилось с 1986 по 1991 гг. В результате исследования города и его сельской округи Г.В. Шишкиной и А.И. Наймарком была разработана историческая топография Дурмен-тепе [Шишкина, Наймарк, 1987, с. 287–288].

⁸⁶ Автор диссертации выражает огромную благодарность к. ист. н., ст. н. с. Государственного музея Востока Ольге Николаевне Иневаткиной за консультацию в подготовке материала по памятнику Дурмон-тепе.

Зав. Отделом истории материальной культуры и древнего искусства Центральной Азии ГМВ, канд. ист. наук, Сергея Борисовича Болелова автор искренне благодарит за возможность работать с архивными документами НОА ГМИНВ и за разрешение использовать их в представленной диссертационной работе.

Дурмон-тепе — это руины древнего города, который по размерам (28 га) являлся вторым в Самаркандском Согде после его столицы — Самарканда. С конца V в. до н. э. вплоть до конца VIII в. Дурмен оставался административным центром важного экономического района, который развивался на основе ирригационного земледелия и торговли, благодаря пересекающим его территорию дорогам государственного значения в Бухарский Согд и в Южный Согд [Иневаткина, Сучилин, 2016, с.76, 93].

В рельефе городища хорошо выражены подпрямоугольный участок раннесредневекового города, сохранившего древнюю цитадель в юго-восточном углу, и два участка (северный и западный) древнего города, впоследствии отсеченные от него (рис. 113, 115). В раннее средневековье в ближайшей округе городища возникают многочисленные усадьбы и замковые сооружения. В юго-западном углу древней территории возникает величественный замок (холм Турт-тепе) с обводным крепостным коридором (*замок-крепость* по типологии Г.В. Шишкиной; см. Шишкина, Иневаткина, 2012, с. 46, 49). В IX — начале XI в. городская жизнь затухает, но продолжается обживание части территории в качестве сельского поселения [Шишкина, Иневаткина, 2006, с. 40; Вишневская, 2003, с. 48–51].

Во второй половине XI в. при Караханидах сам город прекращает свое существование. В это время в округе появляется другое, пришлое население, оставившее после себя необычный для того времени и региона проживания могильник с иным, не мусульманским, обрядом погребения [Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 165–168]. Два некрополя были обнаружены за пределами средневекового города: один к востоку за саем⁸⁷ в процессе исследования обособленного холма раннесредневековой усадьбы — Раскоп-12 (начальники А.И. Наймарк, А.А. Яковлев), а второй — на юго-западном углу городища на холме Турт-тепе при раскопках средневекового квартала и замка — Раскоп 1, 1 «Б» (начальник Т.К. Мкртычев) [Шишкина, 1994, с. 56]. Специалистом в области архитектуры выступал Т.К. Мкртычев, а погребения на двух раскопах изучались под руководством Г.В. Шишкиной. С исследования этих объектов в 1986 г. начинаются первые стационарные работы на городище и в округе. При изучении холмов, помимо сохранившихся остатков архитектуры, археологами были обнаружены погребения, выполненные на развалинах этих усадеб. Раскоп 12 получил название Восточный некрополь, а Раскоп 1 — Западный некрополь.

Основные результаты исследования некрополей были опубликованы в коротких текстах тезисов и каталога выставки [Наймарк, Яковлев, 1990, с. 71–74; Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 165–168] и в двух статьях: одна посвящена сельской усадьбе третьей четверти VII в., Раскоп 12

⁸⁷ Сай — горная речка, в данном случае древнее пересохшее русло горного протока.

[Наймарк, Яковлев, 2005, с. 66–86] и статья Г.В. Шишкиной, специально посвященная погребальному обряду захоронений в этих некрополях [Шишкина 1994, с. 56–63].

В 2021 г. в публикации, посвященной погребальному обряду христиан Средней Азии, диссертантом были проанализированы архивные материалы по Восточному (Раскоп 12) и Западному (Раскоп 1) некрополям Дурмон-тепе и представлены фотографии и чертежи из архива ГМВ: прорисовка погребального инвентаря из погребения № 1 (Раскоп 12; рисунок Н.С. Сурвилло), фотография погребения № 3 (Раскоп 1), погребения № 4 (фото и чертеж; Раскоп 1), погребения № 5 (фото; Раскоп 1), чертежи погребений №№ 2 и 6 (Раскоп 1) [Михеева, 2021, с. 355–360, ил. 18–23].

Исследователи полагают, что грунтовый могильник, датируемый второй половиной XI — первой половиной XII в., принадлежал пришлому населению тюркского происхождения, пришедшему с северо-востока востока от Согда. В некрополях были прослежены погребения в грунтовых могилах и в могильных ямах с подбоем, иногда в деревянных гробах. Инвентарь, обнаруженный в могилах, показывает, что погребенные, скорее всего, были воинами-кочевниками или скотоводами [Шишкина, 1994, с. 62–63].

Восточный некрополь имеет длительную историю погребений. Первые захоронения были сделаны по зороастрийскому обряду в сосудах-костехранилищах или оссуариях. Этот период датируется VII в. Этим же временем датируется погребение из трех параллельно лежащих костяков на Раскопе 12 [Наймарк, Яковлев, 1990, с. 71–74]. Подробнее о погребении см. ниже (также см. таблицу 4).

В статье А.И. Наймарка и А.А. Яковлева «Сельская усадьба третьей четверти VII в. в окрестностях городища Дурмен» [Наймарк, Яковлев, 2005, с. 66–67] приводятся ситуативные сведения о Восточном некрополе (Раскоп 12).

Авторы статьи указывают, что само тепе было уничтожено в 1970-е гг., но сохранился нижний этаж усадьбы благодаря тому, что она была заглублена основанием в землю, в отличие от замков и усадеб, построенных на искусственных платформах. В 1986 г. при обследовании тепе было найдено первое погребение (*вероятно, погребение № 1*). С целью найти новые захоронения были заложены два шурфа и одна траншея. В результате, на Раскопе 12 было обнаружено 8 погребений, впущенных в остатки раннесредневекового сооружения [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1986, б/н. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30; Наймарк, Яковлев, 2005, с. 66]. На плане усадьбы было отмечено восемь захоронений, но детализация погребений в статье не представлена (рис. 114). Основные характеристики погребений приводятся в публикации Г.В. Шишкиной «Несторианское погребение в Согде Самаркандском» [Шишкина, 1994, с. 56–63]. Однако, в публикации Г.В. Шишкиной отсутствуют общие планы некрополей, а также подробные планы всех погребений с экспликациями и рисунками сопровождающего инвентаря,

включая также и научный аппарат. Очевидно, этот недостаток публикации объясняется научно-популярным характером издания (Римско-католический приход Ташкента), о чем сожалела Г.В. Шишкина впоследствии.

Более широкую информацию о погребениях некрополей ожидалось найти в материалах полевых отчетов САЭГМИНВ. По сведениям О.Н. Иневаткиной, первые два экземпляра отчетов экспедиции за 1986–1991 гг. хранятся в Министерстве культуры Республики Узбекистан в Ташкенте и в архиве Института археологии Академии наук Республики Узбекистан в Самарканде. Однако в связи с капитальным ремонтом здания института, документы складированы и в настоящее время недоступны.

Третий экземпляр отчетов хранится в настоящее время в Научно-отраслевом архиве ГМВ. К сожалению, в связи с ремонтами и переездами архива материал полевых отчетов в полном объеме остается также недоступен. В распоряжении автора диссертации оказались разрозненные тексты четвертого рабочего экземпляра отчетов. Отчеты были без титульного листа и без пагинации с отдельными фотографиями без номеров и дублями разрозненных фотографий. Так, например, не удалось найти полный комплект альбома иллюстраций с чертежами и фотографиями к отчету за 1986 г. по раскопу 12 (Восточный некрополь). Фотография погребения № 1 в архиве отсутствует, но доступна фотография погребального инвентаря из этого погребения. Из полевых материалов раскопа 12 сохранились фотографии погребений №№ 4 и 6 [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1987, б/н. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, б/н], но в тексте отчета за 1986 г. нет никаких данных о погребениях, а есть лишь общая информация об окрестностях Дурмон-тепе, раскопках северо-западной части холма Турт-тепе (Раскоп 1 — Западный некрополь) и о Раскопах 7 и 8. Также отсутствовали фамилии авторов отчетов, поэтому в некоторых местах следует ссылка на отчет, а не на его автора, также авторы проставлены на основе данных из других отчетов.

Восточный некрополь (Раскоп 12)

В рамках изучаемого вопроса наиболее интересными выглядят результаты раскопок Восточного некрополя. Некрополь служил долгое время; наиболее поздними были три погребения [Шишкина, 1994, с. 56]. Два погребения были разрушены и разграблены еще в древности. По мнению Г.В. Шишкиной, возможно, инвентарь данных погребений был богатым, поэтому они были разграблены вскоре после захоронения [Шишкина, 1994, с. 56]. Работа с архивными документами САЭГМИНВ позволила дополнить частично опубликованные Г.В. Шишкиной материалы по-Восточному и Западному некрополям.

Погребение № 1 (рис. 117)⁸⁸. Впускное, согласно плану, совершено на развалинах основной внутренней стены западной части усадьбы [Наймарк. Яковлев, 2005, с. 79, рис. 2]. Описание погребения приведено из статьи Г.В. Шишкиной [Шишкина, 1994, с. 56–57]. Сохранность погребения хорошая, только часть костяка была смещена. Захоронение было произведено в деревянном гробу, доски которого были скреплены большими железными гвоздями. Голова погребенного обращена на запад, под головой лежал удлиненный полуобожженный кирпич — кирпич-«подушка» (25x8x4 см), судя по качеству, специально изготовленный для погребального обряда. Умершего сопровождал погребальный инвентарь, представленный предметами вооружения. В ногах располагался пояс с несколькими серебряными накладками, в прорези которых входили Т-образные крючки с ремешками и пряжками для подвески колчана и других предметов. Под днищем недалеко от колчана был найден серебряный пинцет, который, по мнению Г.В. Шишкиной, подвешивался к поясу. В колчан было вложено несколько стрел. В области живота был обнаружен нашивной крест из тонкого золотого листа (рис. 118, 119, 120; размеры креста 7,3x7,2 см). Крест равноконечный, с отверстиями по углам для нашивания на одежду (Таблица 8, № 7). Золотой крест позволил Г.В. Шишкиной отнести умершего в погребении № 1 (Раскоп 12) к священническому сану и, принимая во внимание погребальный инвентарь, — к разряду воинов. Крест, как и погребение № 1, Г.В. Шишкиной датируются второй половиной XI в. [Шишкина, 1994, с. 56–57, рис. 11].

Согласно экспликации на архивной фотографии из НОА ГМИНВ, в погребении № 1 были зафиксированы следующие находки:

- «1. Пластины обкладки колчана костяные;
2. Звенья поясного набора;
3. Пряжка-наконечник поясного набора серебряная;
4. Пряжка поясного набора серебряная;
5. Части поясного набора бронзовые;
6. Золотой нашивной крест;
7. Наконечники стрел железные;
8. Пряжка железная;
9. Кирпич полуобожженный.

Пунктиром обозначен след колчана» [фото из НОА ГМИНВ, б/н; рис. 117].

⁸⁸ В моей статье по погребальному обряду христиан Средней Азии к погребению № 1 (Раскоп 12) указана ссылка: Архив ГМВ. Ед. хр. САЭ 30. Дурмен-тепа. Отчет за 1986 г. [Михеева, 2022, с. 356, ил. 18]. Дополнительная работа с отчетами позволила уточнить данные и скорректировать ссылку: НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, 1987, б/н.

Погребение № 2. Согласно описанию Г.В. Шишкиной, погребение было разграблено еще в древности. Анатомический порядок нарушен. Череп и кости рук были заброшены в нишу, сделанную в торцовой восточной стене погребальной камеры. Погребенный располагался в деревянном гробу, сделанном из досок. Ориентация могилы — запад–восток, головой на запад. Под головой умершего находился кирпич-«подушка» [Шишкина, 1994, с. 57–58]. По фотографии и по рисунку видно, что анатомический порядок относительно сохранен в нижней части скелета. Полуобожженный кирпич располагался у берцовых костей, с северной стороны могилы [рис. 121, 122; на фото чертежа указано: Дурмон-тепе, 87, Р. 12. Грунтовый могильник П. 2; фото чертежа из НОА ГМИНВ, б/н]. Можно предположить, что могила была овальной формы. В восточной части погребения в торце располагалась ниша, в которой лежал череп и другие кости. Определить наличие индивидуальных находок по фото не представляется возможным.

Погребение № 3. Как следует из описания Г.В. Шишкиной, погребенный лежал в деревянном гробу, на спине, в вытянутом положении, руки вдоль тела. Захоронение также разграблено в древности, но анатомический порядок не нарушен. Ориентация головы на запад, под головой располагался кирпич-«подушка» [Шишкина, 1994, с. 57–58]. Из находок: обломок золотой монеты (динар), две серебряные пряжки и обломки костяных орнаментированных пластин [Шишкина, 1994, с. 57–58]. Погребение № 3 на плане усадьбы не соответствует описанию, представленному в статье Г.В. Шишкиной. На плане памятника погребение № 3, залегающее выше погребения № 5, обозначено пунктиром без костяка, но ориентация № 3 показана совсем иная — с севера на юг (рис. 123). Возможно, существовал отдельный план № 3, однако полевой чертеж погребения не найден.

Г.В. Шишкина отмечает, что все три захоронения Восточного некрополя (№№ 1, 2, 3) имели одинаковую ориентацию погребальных камер — с запада на восток, в их изголовье укладывался кирпич (кирпич-«подушка»), а погребенные находились в деревянных гробах, сделанных из досок. Общность этих признаков позволила ей предположить, что погребенные были единовременцами, захороненными на протяжении небольшого промежутка времени, судя по сопровождающему их погребальному инвентарю, они занимали высокое положение в обществе [Шишкина, 1994, с. 58]. Однако на плане по линии запад–восток расположены погребения №№ 1, 2, 8. В погребении № 4 из-за того, что оно было сильно нарушено, определить ориентацию захоронения затруднительно. В погребении № 3 на плане показана ориентация с севера на юг, а по описанию Г.В. Шишкиной — с запада на восток, в погребениях №№ 5, 6 — с севера на юг.

В 1991 г. в каталоге выставки «Культура и искусство Древнего Узбекистана» А.И. Наймарк и Т.К. Мкртычев о могильнике Дурмен пишут: «Захоронения здесь совершались, по большей части, в подбойных могилах на окружавших селение холмах. Некоторые из погребенных покоились в деревянных гробах, один — на подстилке из деревянной коры, в двух

случаях под головы им подложены «подушки» из полубоженной глины» [Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 165]. Судя по фотографиям из Архива ГМВ, кирпич-«подушка» отмечен в погребениях №№ 1 и 2. В публикации 1994 г. Г.В. Шишкина упоминает третье погребение (погребение № 3) с ориентацией запад–восток и кирпичом-«подушкой» в изголовье умершего [Шишкина, 1994, с. 58]. Погребение описано выше.

В полевых отчетах ГМВ за 1987 г. автором диссертации были встречены фотографии погребений №№ 4 и 6, также обнаруженных и исследованных в 1986 г. на Раскопе 12. Ниже приводится мое описание погребений №№ 4 и 6 по фотографиям.

Погребение № 4 (рис. 124, 125). Судя по чертежу и фотографии, погребение нарушено. Возможно, погребенный лежал с запада на восток, но из-за того, что оно было разграблено, ориентация костяка поменялась. Кости грудной клетки и тазовые смещены и перемешаны. Кости ног нарушены. Информации о могиле и ее устройстве нет [фото чертежа и погребения из НОА ГМИНВ, б\н].

Погребение № 5. Погребение указано на плане усадьбы около внутренней западной стены помещения 4. В камере изображены параллельно лежащие три костяка: костяк взрослого, костяк меньшего размера — детский (?) и рядом третий костяк, вероятно, взрослого человека. Вдоль левой руки левого костяка пунктиром и штриховкой изображена западная стенка камеры погребения № 5. Они ориентированы с севера на юг. Справа от камеры указан номер погребения — № 5, слева — погребение № 3. Вероятно, погребение № 3 было совершено в более поздний период и перекрыло погребение № 5.

Остановимся подробнее на трех вышеупомянутых погребениях. В 1990 г. в тезисах доклада «Согдийское погребение VII в. с труположением на городище Дурмон-тепе» А.И. Наймарк и А.А. Яковлев [Наймарк, Яковлев, 1990, с. 71–74] пишут, что при раскопках пригородной усадьбы, заброшенной в третьей четверти VII в., было обнаружено погребение с тремя костяками, лежащими параллельно другу к другу в вытянутом положении на спине, ориентированными на юго-восток [Наймарк, Яковлев, 1990, с. 71]. Холм был почти полностью сnivelирован, сохранилась только нижняя часть погребальной камеры. Расчистка камеры позволила авторам предположить, что форма дна ямы и расположение костяков (как будто их сдвигали в полуразложившемся состоянии) указывают на то, что захоронение не единовременное, а подзахоронение было сделано в катакомбе или неглубоком подбое. У двух погребенных во рту были монеты, одна не сохранилась, а вторая была в отличном состоянии — экземпляр чекана Шишпира. Далее авторы отмечают, что для VII в. захоронение по обряду труположения необычно, поскольку в это время преобладал оссуарный обряд захоронения [Наймарк, Яковлев, 1990, с. 72]. Четыре фрагмента оссуариев на раскопе 12 были обнаружены в дерновом слое, вероятно, они попали туда в результате переотложенного слоя из-за

средневековых погребений [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1986. НОА ГМВ. Ед. хр. САЭ 30, с. 28; Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 64–66].

В 2005 г. у этих же авторов, вышла полноценная научная статья, посвященная данной усадьбе. А.И. Наймарк и А.А. Яковлев отмечают, что в помещении 4 в тот момент, когда усадьба уже была заброшена, но своды над помещением еще частично сохранились, было впущено погребение, совершенное в яме с подбоем. Во рту одного из трех погребенных была найдена медная согдийская монета с квадратным отверстием с именем Шишпира. Монета хорошей сохранности и в обращении находилась недолго [Наймарк, Яковлев, 2005, с. 72]. Соответственно, речь идет об одном и том же погребении, состоящем из трех костяков.

Погребение № 6. В НОА ГМИНВ сохранилась фотография и чертеж погребения, по которым мною составлено его описание. Вероятно, погребение с подбоем. В могильной яме располагался костяк взрослого человека хорошей сохранности в положении на боку. Ориентирован с севера на юг, головой (лицом) на запад. Руки вдоль туловища, кости ног немного согнуты в коленях. В области ног прослежены прямоугольные кирпичи в четыре ряда. Один кирпич лежал под ногами в районе нижних конечностей. Назначение кирпичей по фото определить сложно. Возможно, это кирпичи от перекрытия подбоя или какого-то помещения, в котором было сделано захоронение [рис. 126, 127; фото чертежа и фото погребения из НОА ГМИНВ, б/н].

Погребение № 7. Обнаружено в южном углу помещения 4. Судя по плану погребение № 7 располагалось в южной половине помещения 4, рядом с погребением № 2. Оно было врыто частично в южную стену помещения 4 и частично в его заполнение. В отчете отмечено, что «В южном углу помещения 4 обнаружены фрагменты черепа и грудной клетки человека, которые получили название погребение 7» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1989, с. 32. НОА ГМИНВ. Дурмен-тепе 12. Ед. хр. САЭ 35; авторы отчета А.И. Наймарк и А.А. Яковлев].

Описание погребения № 8 приведено из архивного отчета А.И. Наймарка и А.А. Яковлева за 1988 г.

Погребение № 8 «(С. 32)⁸⁹ Впущено в оплывы усадьбы к западу от внешней стены замка. Погребение ограблено. Яма погребения вытянута по линии северо-запад — юго-восток. Входная яма погребения прямоугольной формы 1,2х0,5 м. Между входной ямой и камерой — порог 0,5 м. Погребальная камера имеет полукруглую в плане форму длиной 1,78 м, шириной 1,1 м. Над камерой сохранились остатки свода. В восточной стене ямы расположена ниша 25х40 см, в западной стене ниша 25х10 см.

⁸⁹ Номер страницы в тексте отчета. В тексте диссертации взят в скобки.

В западной стене расположено входное отверстие в еще одну камеру 1x0,6 м. В заполнении погребения мелкие кости человека и мелкие фрагменты железных скоб (?) и гвоздей (?)» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1989, с. 32. НОА ГМИНВ. Дурмен-тепе 12. Ед. хр. САЭ 35; авторы отчета А.И. Наймарк и А.А. Яковлев].

Костяк на плане раскопа не прорисован, обозначена только форма подбоя и могилы с нишей, а также дополнительная могила с западной стороны от погребения. Отмеченные археологами сохранившиеся железные скобы, позволяют предположить о захоронении умершего в деревянном гробу.

Западный некрополь (холм Турт-тепе, Раскоп 1, 1 «Б»)

Западный некрополь расположен на холме Турт-тепе, который возвышается на юго-западном углу западных укреплений древней территории города (рис. 116). По форме холм близок к прямоугольнику, вытянутому по линии север–юг. Размеры его по основанию 100x80 м, по верхней площадке — 80x50 см. Раскопки показали, что поверх древних построек, открытых на этом холме, в раннее средневековье был возведен мощный замок-крепость с обводным коридором и башнями по углам, остатки которых придают особенность современному рельефу холма: вершины по углам и понижение двора в центре [Шишкина, Иневаткина, 2012, с. 49, рис. 9, 1; Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, отчет за 1986, с. 10–11. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30].

Раскопами были затронуты 2 участка холма: северо-западная часть (Раскоп 1; рис. 128, 1) и северо-восточный выступающий угол — Раскоп 1 «Б» (рис. 128, 2). Начальник раскопов Т.К. Мкртычев. Результаты раскопок показали, что пригородный холм в средневековье был также занят жилой постройкой (усадьбой). Археологами было открыто и исследовано 20 помещений. Когда здания перестали функционировать по прямому назначению и превратились в руины, на холме стали хоронить умерших, проживавших, очевидно, в ближайшей округе. Было открыто девять погребений, которые оказались впускными. Судя по плану раскопа, какой-то определенной структуры в местоположении захоронений не отмечается. Захоронения сделаны в могилах с узкой прямоугольной или овальной ямой и заглубленным относительно ее дна продольным подбоем. Между дном и впускной ямой была очень узкая щель, которая позволяла только втиснуть тело или гроб. Подбой перекрывался наклонно уложенными кирпичами, которые затем оштукатуривались [Шишкина, 1994, с. 59].

Результаты археологического исследования холма Турт-тепе не опубликованы. Полевые материалы и отчеты хранятся в архиве ГМВ. Из материалов по Западному некрополю (Раскоп 1) были частично доступны текст и фотографии погребений из отчетов Г.В. Шишкиной, копавшей погребения №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, и Т.К. Мкртычева за 1988–1989 гг. (погребения №№ 8, 9).

Согласно плану Раскопа 1, погребения №№ 1, 2, 3 пришлись на стену помещений, только подбой погребения № 3 оказался в заполнении помещения. Погребения №№ 4, 5, 7 расположены рядом друг с другом, они прорезают заполнение помещения 18. Погребение № 6 оказалось в отдалении, к северо-востоку от остальных, над помещением 19. Напомним, что археологи приступили к раскопкам на Турт-тепа тогда, когда поверхность холма была сильно нарушена и, возможно, часть других погребений была уже утрачена.

Описание погребений дается на основании архивных документов, поэтому текст описаний взят в кавычки с прямой ссылкой на источник. По необходимости, дополнения даются автором диссе на основе описания фотографии.

При раскопках здания были обнаружены погребения более позднего времени. Три погребения были обнаружены и вскрыты в 1986 г. (погребения №№ 1, 2, 3). Автор текста отчета по погребениям Г.В. Шишкина.

Погребение № 1 «...оказалось врезанным в южную стену помещения 2. Впускная яма прослеживается с трудом. Погребенный втиснут в слишком короткий подбой так, что голова его оказалась сильно свернута к правому плечу. Инвентарь отсутствует. Череп с грацильными чертами» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, отчет 1986, с. 23. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30]. Судя по плану, могила овальной формы. Ориентирована с севера на юг.

Погребение № 2 (рис. 129–131). Согласно архивным документам, характеристика данного погребения представляется следующей:

«(С. 23) Погребение 2 прорезает стену между помещениями 2 и 4. Размеры впускной ямы 2,3x1,12 м. Ориентация по длинной оси — северо-восток — юго-запад. Погребение имеет характерную двучастную конструкцию — впускную яму, завершающуюся ступенькой, и сводчатый подбой. (С. 24) Ступенька фиксируется на уровне 118 см от R. Максимальная ширина ступеньки 44 см. На ступеньке обнаружены несколько сырцовых кирпичей со стесанной под углом 45° боковой гранью размерами 24,5x22x5,5 см. Кирпичи аналогичного формата встречались во время расчистки впускной ямы. На одном из кирпичей зафиксирован слой штукатурки. Толщина — 0,9 см. Судя по всему такими кирпичами был заложен и тщательно заштукатурен вход в подбой. Размеры подбоя 2,5x1,15 м, высота пр. 0,85. Пол камеры фиксируется на уровне 1,7 м от R. Погребение было осуществлено в деревянном гробу. Найдены железные крепежные части, со следами древесного тлена, по которым восстанавливается общие размеры и устройство гроба. Гроб представлял подпрямоугольный ящик длиной 1,95 м, шириной 70 см, высотой не менее 50 см. Деревянные части крепились железными гвоздями и пластинами шести разновидностей. Были использованы гвозди подквадратного сечения с округлой шляпкой. Длина их колеблется от 4,5 см до 10 см, сечение около 1 см в стороне возле шляпки. С гвоздями небольшой длины применялись пластинчатые трапециевидные и

подпрямоугольные шайбы 2,6х3 см. Для скрепления отдельных деталей в одной плоскости пользовались пластинами 9х3 см с двумя гвоздями на концах. Угловые скобы сделаны из пластин тех же размеров, согнутых под прямым углом.

Судя по центральной пластине, зафиксированной на полу камеры, днище гроба состояло из двух (?) широких досок. А расположение одной из угловых скоб позволяет судить о высоте гроба.

Погребение имело три тайника, устроенных в полу, а также северной и южной стенках погребальной камеры. Тайник в северной (С. 25) стене представлял небольшую нишу, сделанную на высоте 26 см от уровня пола камеры. Ширина ниши 24 см, глубина 25 см, высота 30 см. В ней найдена нижняя часть кувшина грушевидной формы на донце небольшого диаметра. Тулово орнаментировано полосой из парных полукружий, нанесенных красной краской. (Табл. XV, Г, Дб).⁹⁰ В южной стенке тайник был сделан в виде небольшой расширяющейся вглубь ниши на высоте 28 см от пола камеры. В ней находилась глазурованная коническая чаша на кольцевом поддоне. Ангоб кремовый, глазурь прозрачная, слегка желтоватая. Глазурь отслаивается чешуйками. (Табл. XV, Да, Ж). В полу камеры была вырыта неглубокая полукруглая ямка, без каких-либо признаков содержимого.

Погребение было ограблено. Грабителями был нарушен общий анатомический порядок костей погребенного. Останки большей частью были выброшены из гроба. (Табл. XIII, А, Б). Голова была отделена и помещена в юго-западном углу гроба. (Табл. XIV, Б). В отличие от погребения I череп в погребении 2 имеет ярко выраженные монголоидные черты. В анатомической последовательности сохранились большая и малая берцовые кости с голеностопным сочленением, а также сочленения кистевых костей. (Табл. XIII, Г 2). По всей видимости, с момента захоронения до ограбления прошел незначительный период времени, так как, очевидно, что сухожилия на названных сочленениях не успели разложиться. Кроме того, наиболее вероятно, что в качестве грабительского лаза, грабители использовали впускную яму, которая в это время хорошо читалась (была незадернована).

Судя по сохранившимся небольшим фрагментам тканей, погребенный был одет в белую нательную рубаху и красное парчовое одеяние (Табл. XIII, Д 3). В погребении были обнаружены железные прямоугольные пластинки размером 4,6х,6 см, и круглая железная бляха (С. 26) диаметром 4,5 см в сочетании в такой же прямоугольной железной пластинкой 4,6х1,6 см. Они представляют части ламеллярного панциря, в который, вероятно, был одет погребенный. Помимо этого, на погребенном был сложный поясной набор. От него сохранилось три разнообразных

⁹⁰ Здесь и далее в тексте отчета имеются ссылки на таблицы из прилагающегося к отчету альбома иллюстраций, который оказался мне недоступным.

железных крюка-петли, четыре железных рамочных язычковых пряжки, рамочная пряжка с неподвижным язычком, рамка от пряжки (?), бляшка в виде подковки (Табл. XV, 4, 6, 5), подтреугольная бляшка, и четыре железных бляшки-нашивки. Эти бляшки представляют рамки гербовидной формы с бронзовыми (?) вставками в виде розеток (Табл. XV, А, I, 2, 3).

В погребении был обнаружен также фрагмент небольшой серебряной чаши со следами белой ткани на внешней поверхности. (Табл. XV, Е). Вероятно, чаша хранилась в полотняном мешочке (?).

Из заполнения впускной ямы происходят три железных наконечника стрелы, относящихся к погребению. Два из них плоские черешковые секторного типа с длинным пером (длина 7 см) и утолщением при переходе к черешку (сохранившаяся длина черешка 3 см). (Табл. XV, Б). Третий наконечник сильно фрагментирован. По сечению пера он может быть отнесен к группе четырехгранных наконечников.

Основываясь на керамических формах, сохранившихся в тайниках, и типах стрел, погребение может быть датировано XI в.» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, отчет за 1986, с. 23–26. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30].

В архивных фотографиях сохранились изображения планов погребения № 2 на двух уровнях вскрытия с отметками 76,5–148 и 114–184 [НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30, 1986, б/н]. На уровнях –76,5, –148 на фото условными обозначениями отмечены следующие находки: остатки древесного тлена, остатки ткани и парчи, а цифрами в экспликации указываются:

- «1. Зубы человека;
2. Гвозди железные;
3. Крепления железные;
4. Крюки железные;
5. Бляшка железная;
6. Пластины железные;
7. Бляшки гербовидные;
8. Бляшка треугольная.» [рис. 129; НОА ГМИНВ, отчет за 1986 г., б/н].

На уровне 114–148, на фото отмечены: древесный тлен, фрагменты кожи. Также:

- «1. Зубы человека;
2. Гвозди железные;
3. Крепления железные;
4. Сосуд красноглиняный» [рис. 130; НОА ГМИНВ, отчет за 1986 г., б/н].

Погребение № 3 (рис. 132), судя по фотографии из архива, было открыто в 1986 г. Согласно плану раскопа погребение № 3 расположено на севере раскопа. Текст описания Г.В. Шишкиной:

«(С. 26) Могильная яма проходит вдоль северной стены помещения 8. Контур ямы прослеживается с уровня 42 см от R. Яма подпрямоугольная, размеры 1,75x1,00 м. Ступенька могильной ямы фиксируется на глубине 78 см от R. Ширина ступеньки пр. 55 см. Характер подбоя установить не удалось.

Анатомический порядок погребения не нарушен. (Табл. XIV, Г). (С. 27). Скелет ориентирован головой на запад. Длина костяка — 1,56 м. Погребенный был захоронен в пояском наборе, который фиксируется в тазовой части костяка и между двумя большими берцовыми костями. На ремнях было не менее 13 небольших железных заклепок, 3 различных крючка, и одна скоба и не менее двух железных язычковых пряжек (Табл. XIV). На правом бедре расположен берестяной колчан. Он представляет единый кусок бересты, сложенный в виде цилиндра, сужающегося к днищу. Размеры: длина приемника 64 см, ширина горловины 16 см; ширина днища 13 см. С тыльной стороны колчан был сшит. Сверху на колчан в районе коленных суставов были положены три стрелы наконечниками вверх. Наконечники железные черешковые: конический (треугольный?) длина пера 5 см, длина черешка 7 см; плоские секторного типа — 1, длина пера 7 см, длина черешка 5,5 см; 2. Длина пера 4,5 см, длина черешка 6 см. Еще одна стрела лежала поперек в верхней части колчана. Наконечник стрелы железный черешковый узкий листовидной формы. Длина пера пр. 4,5 см, длина черешка 3,5 см. На левую большую берцовую кость и между ног были положены еще три стрелы наконечниками вверх. Наконечники железные плоские черешковые секторного типа — длина пера 7 см, длина черешка 5,5 см.

В перемещенном слое выше костяка на глубине 80 см от R был найден еще один железный наконечник стрелы. Перо листовидное с расширением при переходе к черешку. Длина пера 5,5 см. Длина черешка 5 см.

Под колчаном у правого бедра находился железный ножик с каменным прямоугольным перекрытием. Длина лезвия пр. 11 см. Перекрытие выполнено из белого пористого камня. Размеры 3x2 см, толщина пр. 1 см.

Под колчаном на правой коленной чашечке был зафиксирован фрагмент кожи, а в районе пояса с правой стороны следы деревянного тлена.

(С. 28). Берестяной колчан, укрепленный на правом боку — характерная деталь экипировки тюрка-лучника. Представленные наконечники стрел относятся к типам, распространенным среди тюрков, и дают основание для датировки погребения X — нач. XI в.» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, отчет за 1986, с. 26–28. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30]. Позднее Г.В. Шишкина анализировала весь комплекс материалов и датировала его второй половиной XI в.

В 1988 г. было обнаружено и вскрыто четыре погребения — №№ 4, 5, 6, 7 [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1989, с. 8–11. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35.].

Описание погребений дается на основании архивных отчетов Г.В. Шишкиной.

Погребение № 4 (рис. 133) «(С. 8) ... было впущено в северо-западную часть 18-го помещения. Впускная яма не прослеживается. Уровень пола могильной ямы фиксируется на глубине 2,58 м от R. Могильная яма имеет овальную форму. Погребенный лежит головой на север. Анатомический порядок не нарушен. Длина костяка 1,52 см. Положение лежа на спине. Руки согнуты в локтях; в кисти рук, зафиксированные на правой нижней части грудной клетки, был вложен, очевидно, какой-то объемный предмет (мешочек?), который не сохранился (табл. 19; 20). (С. 9.) С западной стороны в 15 см от черепа находился фрагмент оссуария, попавший в погребение в результате перемещения слоев при рытье могильной ямы (табл. 16, 28). Отсутствие сопроводительного инвентаря затрудняет датировку погребения.» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1989, с. 8–9. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35; Шишкина, 1994, с. 59].

Г.В. Шишкина предположила, что умерший мог держать в руках деревянную икону [Шишкина, 1994, с. 59].

Погребение № 5 (рис. 134–139). Описание Г.В. Шишкиной: «(С. 9) ... было также впущено в северную часть 18-го помещения. Впускная яма не прослеживается. Стенка могильной ямы фиксируется с юго-восточной стороны на глубине 2,28 м. Пол могильной ямы находится на уровне 2,58 м от R. Могильная яма, вероятно, имела овальную форму. Погребенный лежит головой на северо-восток. Анатомический порядок не нарушен. Длина костяка 1,5 м. Положение — лежа на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. На отдельных участках под костяком зафиксирована подстилка из древесной коры. В 7 см к востоку от черепа найдена бронзовая треугольная нашивная бляшка. Она выполнена в виде равностороннего треугольника, составленного из 15 круглых ячеек с вставками в виде белых стеклянных бусин (табл. 27, 1). Сторона треугольника — 3,2 см. Отверстие небольшого диаметра у одной из вершин бляшки, предназначенное для крепления, указывает на положение, в котором его носили. Вероятно, данная бляшка служила украшением на головном уборе погребенного.

На правой стороне груди костяка зафиксирована длинная кость (длина — 38 см) ноги (?) жертвенного животного. У левого локтя обнаружено бронзовое литое зеркало с ручкой. Судя по фрагментам ткани крупного плетения, обнаруженным на зеркале, оно было убрано в мешочек. Сверху на зеркале лежали три позвонка животного (табл. 24). Длина зеркала с ручкой — 13,8 см. Диаметр — 9,8 см. по краю узкий бортик, в поле изображение сидящей фигуры с неясным атрибутом в руках, облокотившейся на низкий столик. (С. 10). Перед ней стоящий мальчик с музыкальным инструментом (?) в руках. Между персонажами — цветок (курильница?), а над ними — ветка цветущего дерева. На ручке, окаймленной бортиком, неясное изображение (табл. 27).

В ногах у погребенного зафиксировано большое количество фрагментов железных предметов и два трапецевидных стремени с подпрямоугольной площадкой (табл. 23). Среди обнаруженных предметов выделяются пластины обкладок, подвижные кольца на штыре с S-образными пластинами, подвижные язычковые защелки на заклепках, язычковые пластины с кольцом и застежкой. В ряде случаев на фрагментах железных предметов сохранились следы деревянного тлена. Весь комплекс предметов составляет железные обкладки и детали седла с деревянной основой. Размещение седла в ногах покойного — характерный тюркский обычай. Судя по имеющимся материалам погребение датируется XI–XII вв.» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1989, с. 10. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35; Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 167, №. 693].

Погребение № 6 (рис. 140). Описание Г.В. Шишкиной: «(С. 10) ... конское, впущено в северо-восточном углу помещения 19. Впускная яма не прослеживается. Уровень пола могильной ямы фиксируется на глубине 2,24 м. Контуры могильной ямы установить не удалось. Скелет животного покоится на правом боку, мордой на север. Анатомический порядок не нарушен, однако конечности и круп отсутствуют. Длина сохранившегося костяка — 1,3 м. В погребении обнаружено 18 железных предметов — различных деталей конской упряжи (табл. 25, 1). Предположительно датировка погребения XI–XII вв.» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1989, с. 10. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35].

Погребение совершено на вершине холма западного некрополя. По мнению Г.В. Шишкиной, оно могло относиться ко всем погребениям на холме [Шишкина, 1994, с. 61].

Погребение № 7 (рис. 141). Описание Г.В. Шишкиной: «(С. 10) ... впущено в южной части помещения 18. Впускная яма не прослеживается. Уровень могильной ямы фиксируется на глубине 2,3 м от R. Могильная яма имеет овальную форму. Погребенный лежит головой на северо-восток. Анатомический порядок не нарушен. Длина костяка 90 см. Положение — лежа на спине (С. 11). Руки вдоль туловища. Правая нога согнута в колене. Обращает внимание значительные размеры черепа непропорционально большие по сравнению с общим костяком. В районе грудной клетки обнаружена стеклянная бусина со сквозным отверстием, в котором была укреплена петелька из медной проволоки. Отсутствие иного сопроводительного материала затрудняет датировку погребения» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1989, с. 10–11. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35].

Сведения о погребениях №№8 и 9 были мной обнаружены в тексте отчета о раскопках экспедиции северо-западного холма Турт-тепе за 1989 г., Раскоп 1, в папке Дурмен, 1988, 1989, 1991 на которой шариковой ручкой отмечено — НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32, Дурмен, 1988, 1989, 1991. В папке находились скрепленные по несколько страниц тексты отчетов по отдельным раскопам. В отчете указывалось, что на Р-I было обнаружено и вскрыто два погребения: № 8 на

северо-западном холме (Раскоп 1) и № 9 на северо-восточном холме (Раскоп 1 «Б»). Оба погребения совершены в период, когда помещения уже были заброшены, стены оплыли и превратились в холмы. Раскопки проводил Т.К. Мкртычев, поэтому ссылка указана на автора раскопа [Мкртычев, отчет за 1989, б/н. НОА ГМИНВ. Раскоп 1. Ед. хр. САЭ 32].

Первые раскопки северо-восточного холма Турт-тепе (Раскоп 1, 1 «Б») начались в 1989 г. и были продолжены весной с 3 по 18 мая в 1991 г. В 1989 г. были выявлены основные этапы обживания холма: монументальная постройка в центре холма с коридором, ремонтные кладки и перекрывающие это здание поздние постройки. В этот же сезон было обнаружено и вскрыто два погребения — погребения №№ 8 и 9.

Описание погребений дается на основании архивного отчета Т.К. Мкртычева.

Погребение № 8. Впускное. «... было впущено в юго-западную часть «верхнего дома», прорезав южную стену двора. Впускная яма не прослеживается. Уровень пола могильной ямы фиксируется на глубине 2,1–2,3 м от Р. Могильная яма имеет овальную форму. Погребенный лежал головой на север. Анатомический порядок не нарушен. Длина сохранившегося костяка 1,3 м. Положение лежа на спине. Руки вытянуты вдоль туловища. Погребальный инвентарь отсутствует. Датировка погребения не определена» [Мкртычев, отчет за 1989, с. 9 (*пагинация А.А. Михеевой*) НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32].

Описание погребения дается на основе архивных материалов.

Погребение № 9 «... было расчищено в западной части сооружения пятого этапа северо-восточного холма. Впускная яма не прослеживается. Могильная яма имеет овальную форму. Уровень пола могильной ямы фиксируется на глубине 2,32–2,27 м от Р. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Анатомический порядок нарушен — не сохранились ребра грудной клетки, тазовые кости, кости правой голени, стопы обеих ног. Руки вытянуты вдоль туловища. Судя по железным скобам (шесть штук и четыре фрагмента), зафиксированным по краю могильной ямы, погребение производилось в деревянном гробу. Длина целой скобы — 9 см. Сохранившийся сопроводительный материал перемещен. Так в районе края могильной ямы на уровне левого колена были обнаружены 4 железные панцирные пластины от ламеллярного доспеха. Рядом располагалась бронзовая круглая бляшка, диаметр 4,5 см на небольшой железной петельке. В юго-восточной части могильной ямы был найден железный ножик (длина лезвия 10 см), сохранивший на черенке следы деревянного тлена от рукоятки. В районе тазовых костей обнаружено железное кресало. Судя по найденным в погребении черешковым трапециевидным наконечникам стрел погребение относится к т.н. дурмонскому тюркскому могильнику, который датируется XI–XII вв.» [Мкртычев, отчет за 1989, с. 9–10 (*пагинация А.А. Михеевой*). НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32]. На фото чертежа погребения № 9 из НОА ГМИНВ (рис. 143)

представлено перечисление индивидуальных находок, найденных при его вскрытии. На плане находок отмечено больше:

- «1. скоба железная
2. черешок стрелы
3. фрагмент железной пластины
4. фрагмент железный
5. стрела железная
6. фрагмент железный
7. скоба железная
8. кресало железное
9. скоба железная
10. пластина железная
11. скоба железная
12. фрагмент железный
13. черешок стрелы
14. фрагмент стрелы железной
15. предмет железный
16. пластина железная
17. бляшка бронзовая
18. фрагмент железный
19. скоба железная
20. нож железный
21. наконечник стрелы железной
22. скоба железная
23. фрагмент скобы железной
24. фрагмент железный с деревянным тленом
25. 4 панцирные пластины
26. пластина свинцовая
27. фрагмент железный» [фото чертежа из НОА ГМИНВ, б/н].

В результате изучения и анализа публикаций и архивных документов по грунтовому могильнику Дурмон-тепе (Дурмен-тепа), выяснилось, что археологическое изучение памятника проводилось с 1986 по 1991 гг. Исследовались как Восточный (Раскоп 12), так и Западный (Раскоп 1, 1 «Б») некрополи. Основные результаты работ по раскопкам с упоминанием погребений были опубликованы в работах А.И. Наймарка, А.А. Яковлева, Т.К. Мкртычева и

Г.В. Шишкиной. Предметы, обнаруженные в погребениях, представлены в Каталоге выставки [Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 165–168] и частично в публикации Г.В. Шишкиной [Шишкина, 1994, с. 56, рис. 11; с. 57, рис. 12; с. 62, рис. 15]. Краткое описание раскопов (Раскоп 12 и Раскоп 1) в диссертации составлено на основе информации из статей по исторической топографии Пастдаргома Г.В. Шишкиной и О.И. Иневаткиной и дополнено мной сведениями из архивных документов.

Информация о кресте и ряде других находок также представлена в рукописи «Средняя Азия на перекрестках культурных традиций. Каталог выставки», подготовленной Государственным музеем искусства народов Востока к публикации в 1994–1995 гг., но по независящим от археологов причинам, не опубликованной. Редакционная коллегия рукописи: А.М. Лесков (отв. ред.), Г.В. Шишкина, Т.К. Мкртычев и Т.Г. Алпаткина (секретарь). В рукописи представлены восемь глав на общие темы по истории и искусству Средней Азии и истории формирования среднеазиатской археологической коллекции. Кроме того, рассмотрены вопросы религии, культуры и идеологии раннесредневековой Средней Азии и в контексте арабо-мусульманской культуры. Коллектив авторов: Т.К. Мкртычев, Г.В. Шишкина, З.С. Галиева, С.Я. Берзина, С.Б. Болелов, Б.И. Вайнберг, А.И. Наймарк, Н.Ю. Вишневская. Одна из глав (вторая) была посвящена оссуариям из городища Дурмон-тепе [Рукопись «Средняя Азия на перекрестках ...», 1994–1995, с. 82]. Авторы второй главы: Т.К. Мкртычев, А.И. Наймарк, Г.В. Шишкина. В главе «Синтез влияний в культуре и идеологии раннесредневековой Средней Азии» (авторы аннотаций: З.С. Галиева, Г.В. Шишкина, Т.К. Мкртычев, С.Я. Берзина) представлена информация по предметам, найденным на памятниках: Кайрагач, Дурмен-тепе, Афрасиаб, Хорезм, Тараз, Балалык-тепе, Талибарзу; рассмотрена настенная живопись и барельефы из Варахши. На странице 155 начинается подробное описание находок, найденных при раскопках Восточного и Западного некрополей городища Дурмон-тепе. Описание приводится по рукописи книги, поэтому текст взят в кавычки:

«292. Нашивное украшение — эгрет.

2-я пол. XI в. Дурмен, пригород, погр. 1

Бронза, стекло; литье, сверление. В. 3,2; Ш. 3,5

Нашивное украшение на головной убор в виде равностороннего треугольника. В круглых гнездах крепились стеклянные бусы.

Согд Самаркандский 88; 1310 М-IV

293. Зеркало.

2-я пол. XI в. Дурмен, пригород, погр. 5

Бронза; литье. Дл. С ручкой 13,8; Д. 9,8

Круглое, с выступающей ручкой. По краю узкий бортик, в поле рельефное изображение сидящей фигуры, перед ней стоящая фигура. Между персонажами курильница (?), над ними ветка цветущего дерева.

Согд Самаркандский 88; 1311 М-IV

294. Крест.

2-я пол. XI в. Дурмен, пригород, погр. 1

Золото; прокат, резка. В. 7,3; Ш. 7,2

Равноконечный несторианский крест с отверстиями для нашивки на одежду.

Согд Самаркандский 88; 1072 М-IV» [Рукопись «Средняя Азия на перекрестках ...», 1994–1995, с. 155].

Далее страница 156: «295. Накладные пластины на колчан. Реконструкция (Шишкина Г.В., Мкртычев Т.К., Горелик М.В.).

2-я пол. XI в. — 1-я пол. XII в. Дурмен, пригород, погр. 1

Кость; резьба, шлифовка, гравировка, пунсонирование, окрашивание.

По всей видимости, колчан имел деревянную основу, обтянутую кожей. Предположительная форма — вытянутая трапеция с полукруглым клапаном. С лицевой стороны колчан был украшен накладными костяными пластинами:

1. Прямоугольной формы; в двух картушах, разделенных свободным полем, арабская надпись почерком «цветущий куфи»: «Благословение и удача». 8,5x3,6

2. Прямоугольной формы; в двух картушах, разделенных свободным полем, арабская надпись почерком «сульс»: «[земное] счастье и удача»; «удача и [праведное] счастье». [Чтение надписей В.Н. Настича]. 13,2x3,6

3. Прямоугольной формы; в картуше изображение крылатого сфинкса вправо и кошачьего хищника вправо на фоне растительного орнамента. 7,5x3,7

4. Фрагмент прямоугольной пластины; в картуше изображение головы и торса крылатого сфинкса влево на фоне растительного орнамента. 3,5x2,3

5. Прямоугольной формы; в двух картушах, разделенных свободным полем, изображения двух львов, идущих навстречу друг другу и обернувшихся к сидящим зайцам, на фоне растительного орнамента. 19,5 x 4,1

6. Два фрагмента прямоугольной пластины со скругленными концами; по краям картуши с растительным побегом, по остальному полю свободно расположенные кружки пунсона. 23,7x2; 13,5x2

7. Три фрагмента прямоугольных пластин с орнаментом в виде растительного побега — стилизованный лотос. 31,5x2,1; 6,9x2; 6,8x2

8. Лучковидной формы с прямоугольным вырезом по центру прямой стороны; три отверстия для крепления. По полю свободно расположенные кружки пунсона со следами красной краски. Д. 31,5; Ш. 0,6–2,3

9. Дугообразной формы; по полю полоса орнамента в виде знака параграфа. 12,9x9

10. Два фрагмента прямоугольной пластины; по полю свободно расположенные кружки пунсона. 7,8x0,8; 7,2x1

11. Четыре фрагмента прямоугольной пластины с орнаментом в виде знака параграфа. 7,1x0,8; 4,5x0,8; 4,4x0,7; 4,2x0,8

12. Четыре фрагмента прямоугольных пластин. 13,5x1,6; 13,2x1,5; 11,2x1,5; 5,3x1,4

Согд Самаркандский 87; Дурмен 87/26

296. Поясной набор. Реконструкция (Горелик М.В., Шишкина Г.В., Мкртычев Т.К.)

2-я пол. XI — 1-я пол. XII вв. Дурмен, пригород, погр. 1.

Серебро; литье, ковка, клепка, пайка. Дл. 102

На кожаном ремне крепились различные детали поясного набора. Застежка ремня представляла собой массивную пластину с крюком.

С противоположной стороны отверстие для застежки было зафиксировано специальной кольцевидной пластиной, куда цеплялся крюк.

Длинное окончание ремня продевалось в скобу с подквадратным расширением посередине и завершалось остроконечной пластиной-наконечником. Сзади правая и левая части ремня продевались с двух сторон в кольцо и закреплялись серповидными бляшками-заклепками. Справа располагался ряд из пяти бляшек. Длинные стороны бляшек слегка вогнуты, торцевые оформлены зубцами, в центре прямоугольная прорезь для крепления пластин портупей. Верх портупейных ремней завершали прямоугольные пластины со специальным выступом, продевавшимся в отверстие ременных бляшек. К окончанию верхних ремней крепились рамочными пряжками вытянутые прямоугольные пластины с трилистником на конце. Пластины украшали ремни, на которые подвешивали колчан. Слева на ремне крепилась прямоугольная скоба, сквозь которую, возможно, продевался платок. Там же на отдельном ремне висел зажим из двух спаянных вытянутых прямоугольных пластин (пинцет?).

Согд Самаркандский; » [Рукопись «Средняя Азия на перекрестках ..., 1994–1995, с. 156–157].

В рукописи указано, что нашивное украшение — эгрет, обнаружено в погребении № 1. Это, вероятно, опечатка, так как данное украшение найдено в погребении № 5 Западного некрополя (Раскоп 1). Костяные накладки на колчан из погребения № 1 (Раскоп 12), зеркало из погребения № 5 (Раскоп 1), украшение эгрет (погребение № 5, Раскоп 1) и детали поясного набора из погребения № 1 (Раскоп 12) вместе с описанием, размерами и определениями

предметов опубликованы в Каталоге выставки «Культура и искусство Древнего Узбекистана» [Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 165–168].

Наиболее полной в настоящее время можно считать статью Г.В. Шишкиной, которая в 1994 г. ввела в научный оборот сведения по дурмонтепинским некрополям: описание погребений, анализ и интерпретация сопроводительного инвентаря [Шишкина, 1994, с. 56–63].

Восточный некрополь (Раскоп 12). Г.В. Шишкиной приведена информация по погребениям №№ 1, 2, 3. Из архивных источников автором диссертации добавлена информация по находкам из погребения № 1 [фото из НОА ГМИНВ б/н]. Рисунок и фото погребения № 2 показали, что при его обнаружении полуобожженный кирпич-«подушка» находился в области берцовых костей, а анатомический порядок костей сохранен в нижней части скелета [на фото чертежа указано: Дурмон-тепе, 87, Р. 12. Грунтовый могильник П. 2; фото чертежа из НОА ГМИНВ, б/н]. Г.В. Шишкиной было отмечено, что все три погребения (№№ 1, 2, 3) Восточного некрополя (Раскоп 12) имели одинаковую ориентацию могил, умершие располагались в деревянных гробах, а под головой находился кирпич-«подушка». Работа с архивными документами позволила внести уточнения. Согласно плану Раскопа 12, погребение № 3 ориентировано с севера на юг, а не с запада на восток, как упоминалось ранее. Возможно, речь шла о погребении № 8, так как оно подходит под описание, предложенное Г.В. Шишкиной. Погребение № 8 было найдено к западу от внешней стены замка (подробнее см. ранее). Сохранившиеся железные скобы позволяют предположить, что захоронение умершего было в деревянном гробу. Правда, на плане с обозначением чертежа погребения № 8 кирпич-«подушка» не указан. Кроме того, автором диссертации была дополнена информация по погребениям №№ 4, 5, 6, 7. В альбоме иллюстраций диссертации приведены чертежи и фотографии, хранившиеся в научно-отраслевом архиве ГМИНВ. Сведения о погребении № 5 были введены в научный оборот А.И. Наймарком и А.А. Яковлевым в 1990 г. в тезисах докладов научной конференции [Наймарк, Яковлев, 1990, с. 71–74].

Западный некрополь (Раскоп 1, 1 «Б»). В публикации 1994 г. Г.В. Шишкиной также введены данные по погребениям Западного некрополя (Раскоп 1, 1 «Б»; холм Турт-тепе). Г.В. Шишкина упоминает о семи погребениях на Западном некрополе (Раскоп 1) [Шишкина, 1994, с. 58]. Работа с архивными источниками позволила дополнить данные еще двумя захоронениями — погребения №№ 8 и 9. Последнее было найдено и раскопано в северо-западной части холма Турт-тепе (раскоп 1 «Б») погребение № 8 — в южной части холма. Погребения №№ 2, 3, 4, 5, 6 довольно подробно рассмотрены Г.В. Шишкиной. Приведена краткая характеристика захоронений, представлен погребальный инвентарь и предложена интерпретация находок и погребений [Шишкина, 1994, с. 58–61]. Кроме того, в статье приведены иллюстрации и фотографии погребений №№ 2 и 5, показана аксонометрия могильной ямы погребения № 2

[Шишкина, 1994, с. 59, рис. 14] и реконструкция пояса с подвешенным к нему колчаном из бересты из погребения № 1 [Шишкина, 1994, с. 62, рис. 15].

Архивные материалы позволили ввести в научный оборот новые источники информации по погребениям некрополей. В альбом иллюстраций диссертации были добавлены планы раскопов Западного некрополя — Раскоп 1 и Раскопа 1 «Б» (последний — благодаря электронному архиву О.Н. Иневаткиной). Приведены чертежи погребений №№ 2, 4, 5, 6, 7 и фотографии костяков после выборки погребений №№ 3, 4, 5 и 7. Кроме того, частично дополнена информация по описаниям погребений, приведенная в архивной документации НОА ГМИНВ.

Основные выводы и наблюдения

Работа с архивными отчетами по раскопкам раннесредневековых усадеб на городище Дурмон-тепе — Восточный некрополь (Раскоп 12) и Западный некрополь (Раскоп 1, 1 «Б», холм Турт-тепе), позволили дополнить важными деталями научную публикацию Г.В. Шишкиной, посвященную этим захоронениям [Шишкина, 1994, с. 56–63]. Захоронения по обряду труположения на Восточном некрополе (Раскоп 12) начали совершаться практически в момент разрушения усадьбы, об этом свидетельствует погребение № 5 в помещении 4 с параллельно лежащими костяками с севера на юг и монетой Шишпира во рту одного из погребенных [Наймарк, Яковлев, 1990, с. 71]. Все последующие погребения по обряду труположения датируются средневековым периодом — втор. пол. XI–XII вв. и относятся археологами к тюркским захоронениям [Шишкина, 1994, с. 62–63].

На Восточном некрополе (Раскоп 12) было обнаружено и исследовано археологами САЭГМНВ восемь погребений. В их числе вышеупомянутое погребение № 5 с тремя костяками, ориентированными с севера на юг. Погребение датируется VII в. [Наймарк, Яковлев, 1990, с. 71]. Общим для всех погребений можно считать то, что они все впускные. Погребения №№ 1, 2 и 8 ориентированы по линии запад-восток или северо-запад — юго-восток (№ 8). Умерший укладывался в деревянный гроб, в области головы — кирпич-«подушка» (в №№ 1 и 2 и в погребении № 3 согласно описанию Г.В. Шишкиной). Конструкция погребений №№ 2 и 8 двухчастная, с нишами в торцовых частях. Погребальный инвентарь прослежен в погребении №№ 1, 3 (в погребении № 3 согласно описанию Г.В. Шишкиной). По наблюдениям археологов, захоронения с инвентарем разграблены в древности [Шишкина, 1994, с. 56]. О погребениях №№ 4, 6, 7 можно сказать, что они безынвентарные; погребение № 6, вероятно, с подбоем, ориентировано с севера на юг.

На Западном некрополе (Раскоп 1, 1 «Б»; холм Турт-тепа) обнаружено восемь захоронений людей и одно конское погребение (№ 6). Общим для данного некрополя также можно считать конструкцию могил с подбоем и то, что они впускные. Определить закономерность в ориентации захоронений довольно сложно, так как умершие в погребениях

№№ 1, 4, 8 располагались по линии север–юг, головой на север. В погребении № 3 костяк находился головой на запад; в погребениях №№ 2, 5, 7 — головой на северо-восток, а в погребении № 9 — с северо-запада на юго-восток, головой на северо-запад.

Погребения, ориентированные с севера на юг практически все безынвентарные. Однако положение костяка в погребении № 4 позволяет предположить, что умерший держал в руке какой предмет, не сохранившийся до момента раскопок (рис. 133). Погребение № 2 имело двухчастную конструкцию, с нишами по торцевым стенкам. Умерший располагался в деревянном гробу в сопровождении погребального инвентаря. В захоронении № 5 усопший находился на подстилке из древесной коры, с богатым сопроводительным инвентарем, характерного для тюркских захоронений воинов: в ногах седло, в верхней части костяка — зеркало и часть туши жертвенного животного. В погребении № 7 находился костяк ребенка, в области шеи которого была найдена стеклянная бусина с петелькой из тонкой металлической проволоки. Еще одно захоронение в деревянном гробу отмечено в погребении № 9 (Раскоп 1 «Б»), правда, ориентация костяка иная — с северо-запада на юго-восток, головой на северо-запад. Могила ограблена в древности, но часть предметов сохранилась. Единственное погребение, ориентированное по линии запад–восток, головой на запад, отмечено в северной части холма (погребение № 3). Погребение не разграблено; умершего сопровождал богатый инвентарь воина-лучника: берестяной колчан и наконечники стрел.

Характеристики погребений в двух некрополях сведены в таблицу, которая позволяет наглядно представить особенности могильника Дурмен-тепа:

Таблица 13. Дурмон-тепе. Сводная таблица погребений: Восточный (Раскоп 12) и Западный (Раскоп 1) некрополи

№№ погребения	Ориентация	Устройство могилы	Наличие гроба	Наличие кирпичи-«подушки»	Сопроводительный инвентарь	Датировка
Восточный некрополь						
Раскоп 12 П. № 1	З–В гол. на З		+	+	+ нашивной крест	втор. пол. XI в.
Раскоп 12 П. № 2	З–В гол. на З	с нишами по торцам	+	+	–	–
Раскоп 12 П. № 3 [По Г.В. Шишкиной]	З–В		+	+	+	?
Раскоп 12 П. № 4	З–В (?)		–	–	–	–
Раскоп 12 П. № 5	С–Ю				+	VII в.
Раскоп 12 П. № 6	С–Ю гол. на С	с подбоем	–	–	–	–
Раскоп 12 П. № 7	?	?	–	–	–	–
Раскоп 12 П. № 8	СЗ–ЮВ гол. на СЗ	двухчастная, с нишами по торцам	+	–	–	–
Западный некрополь (холм Турт-тепе)						
Раскоп 1 П. № 1	С–Ю	с подбоем	–	–	–	–

Раскоп 1 П. № 2	СВ–ЮЗ гол. на СВ	двухчастная, с подбоем, с нишами по торцам	+	–	+	XI в.
Раскоп 1 П. № 3	З–В гол. на З	двухчастная, с подбоем	–	–	+	втор. пол. XI в.
Раскоп 1 П. № 4	С–Ю гол. на С	?	–	–	–	–
Раскоп 1 П. № 5	СВ–ЮЗ гол. на СВ		подстилка из древесной коры	–	+	XI–XII вв.
Раскоп 1 П. № 6	конское					XI–XII вв.
Раскоп 1 П. № 7	СВ–ЮЗ гол. на СВ	?	–	–	+	–
Раскоп 1 П. № 8	С–Ю гол. на С	?	–	–	–	–
Раскоп 1 «Б» П. № 9	СЗ–ЮВ гол. на СЗ		+	–	+	XI–XII вв.

Обобщив данные таблицы можно заключить:

1. Захоронения с подбоем отмечены как на Восточном (Раскоп 12), так и на Западном (Раскоп 1) некрополях. Это погребения № 6 (Р. 12) и №№ 1, 4, 8 из Раскопа 1. Ориентация погребений с севера на юг. Отсутствие сопроводительного инвентаря осложняет датировку захоронений.

2. Двухчастная конструкция могил с нишами по торцам также встречена на Восточном (Раскоп 12) и на Западном (Раскоп 1) некрополях. На Раскопе 12 это погребения №№ 2 и 8, на Раскопе 1 — №№ 2 и 3. Устойчивой закономерности в ориентации погребений нет: с запада на восток (Р. 12, № 2; Р. 1, № 3), с северо-запада на юго-восток (Р. 12, № 8) и с северо-востока на юго-запад (Р. 1, № 2). Общим для этих погребений можно назвать наличие погребального инвентаря и деревянного гроба. Датировка захоронений — XI — втор. пол. XI вв.

3. Погребения с деревянными гробами отмечены на двух некрополях (Р. 12 и Р. 1). На Раскопе 12 это погребения №№ 1, 2, 3, 8. В №№ 1, 2 под головой умерших находились кирпичи-«подушки». В погребении № 2 из-за того, что он было в древности потревожено грабителями, кирпич был зафиксирован в области берцовых костей. Г.В. Шишкина упоминает, что в погребении № 3 также находился кирпич-«подушка».

На Раскопе 1 деревянные гробы фиксировались в погребениях № 2 и № 9 (Р. 1 «Б»). Ориентация погребений с деревянными гробами, как на Раскопе 12, так и на Раскопе 1 «Б» различна и не позволяет проследить какую-то закономерность. В погребениях Раскопа 12 №№ 1, 2 и Раскопа 1, 1 «Б» №№ 2 и 9 встречен богатый погребальный инвентарь. В погребении № 1 (Р. 12) в области тазовых костей находился золотой нашивной крест. Датировка погребений — XI–XII вв.

4. Погребения с кирпичами-«подушками» встречены только на Восточном некрополе в (Раскоп 12) в погребениях №№ 1, 2 и 3 (согласно описанию Г.В. Шишкиной).

5. Ориентация погребений на Восточном некрополе (Раскоп 12) и на Западном (Раскоп 1, 1 «Б») коррелируется:

- запад–восток, головой на запад — Р. 12 погребения №№ 1, 2, 3; Р. 1, погребение № 3;
- запад–восток — Р. 12 погребение № 4. Расположение перемешанных костей не позволяет быть уверенным в определении ориентации;
- север–юг, головой на север — Р. 12 погребение № 6; Р. 1 погребения №№ 1, 4, 8;
- северо-запад–юго-восток, головой на северо-запад — Р. 12 погребение № 8; Р. 1 «Б» погребение № 9;
- северо-восток–юго-запад, головой на северо-восток — встречены только на Раскопе 1 — погребения №№ 2, 5, 7.

6. Захоронение части туши коня встречено только на Западном некрополе (Раскоп 1) — погребение № 6.

7. В анализе материала учитывалось погребение № 3 Восточного некрополя (Раскоп 12) несмотря на то, что на плане памятника показана только граница погребения и расположение с севера на юг не совпадает с описанием, представленным Г.В. Шишкиной.

8. Работа с архивными материалами позволила определить наличие еще одного погребения, найденного в 1988 г. на тепе № 2 (цитадель?), расположенного в 50–60 м к югу от городских стен городища Дурмон-тепе. В помещении 2, в ранний период его функционирования, было совершено погребение по обряду труположения. Ниже приводится текст из отчета, поэтому взят в кавычки:

«Погребение впоследствии было потревожено (табл. 81). На верхней челюсти черепа и на внутренней поверхности нижней челюсти — следы обильных окислов меди, появившихся от находившихся (до ограбления) во рту или рядом с черепом медных предметов. Погребальный обряд можно реконструировать следующим образом: погребенный лежал головой на север, к входу в помещение. Руки лежали вдоль тела, ноги слегка согнуты в коленях» [Шишкина, Наймарк, Мкртычев, Яковлев, 1989, с. 6. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35. Отдельная вкладка из 11 страниц]. Данное погребение в представленной выше таблице не учитывается.

Из чего следует, что помимо Раскопов 12 и 1, 1 «Б», захоронения совершались и на других холмах. Судя по ориентации костяка, можно предположить, что погребение было мусульманским.

Несмотря на различную ориентацию погребений на двух некрополях (Раскоп 12 и Раскоп 1, 1 «Б»), схожесть погребального обряда, на взгляд автора диссертации, прослеживается в погребениях Раскопа 12 №№ 1, 2, 8 и Раскопа 1, 1 «Б» №№ 2, 3, 5, 9 — конструкция могил, с подбоем, с нишами по торцам, наличие деревянного гроба или подстилки из древесной коры (Р. 1, № 5), погребальный инвентарь и кирпичи-«подушки» в области головы (Р. 12, №№ 1, 2, 3 по Г.В. Шишкиной). Г.В. Шишкиной было отмечено, что эти погребения были ограблены в древности и, судя по доставшимся археологам остаткам дорогих предметов, они были весьма лакомым куском для грабителей [Шишкина, 1994, с. 61]. По мнению ученого, захоронения Восточного (Раскоп 12) и Западного (Раскоп 1, 1 «Б») некрополей близки по времени, об этом может свидетельствовать сопроводительный инвентарь умерших и захоронение туши коня, сделанное в качестве определенного обряда для всех погребений [Шишкина, 1994, с. 61–62].

Погребения, ориентированные по линии север–юг, также встреченные на Раскопе 12, на Раскопе 1, 1 «Б», а также на тепе № 2 (цитадель?) относятся археологами к мусульманским захоронениям.

Можно сказать, что долговременное кладбище Восточного и Западного некрополей совмещало как мусульманские захоронения, так и христианские, совершаемые непродолжительное время. Вероятно, ориентация погребений и тот факт, что христианские захоронения совершены рядом с мусульманскими говорит о том, что христиане-тюрки, пришедшие в Согд с северо-востока [Шишкина, 1994, с. 62], не придерживались строгих канонических правил погребения.

Сомневаться в христианской принадлежности ряда дурмонтепинских погребений, на взгляд автора диссертации не стоит, так как археологическое изучение погребального обряда христиан Средней Азии показало, что ориентация погребения с запада на восток и кирпич-«подушка» под головой, свидетельствуют скорее о христианской принадлежности умершего.

В составе материалов III Международной научной конференции «Проблемы изучения восточных коллекций. Азия и Африка в музейном пространстве: вызовы и стратегии», проходившей в апреле 2022 г. в ГМВ, были опубликованы тезисы О.Н. Иневаткиной и Н.Ю. Вишневской, посвященные памятнику Дурмон-тепе [Эл. ресурс: https://www.orientmuseum.ru/visit/materiali_dlya_skachivaniya/index.php].

В тезисах О.Н. Иневаткиной «Коллекция предметов САЭГМИНВ из Самаркандского Согда: исторический контекст» затрагивалась тема некрополей (Восточного и Западного) и, в частности, погребения № 1 (Раскоп 12) с золотым нашивным крестом. Автор тезисов отмечает, что ранее данное погребение интерпретировалось как христианское несторианского толка, однако новый анализ инвентаря скорее указывает на связь погребенных с манихейством Южной Сибири.

Тезисы Н.Ю. Вишневской «Археологический артефакт как отражение историко-культурных процессов» были посвящены анализу накладных костяных пластин из этого же погребения № 1 (Раскоп 12), украшавших колчан, и принадлежности данного предмета к тюркскому кругу культур сибирско-алтайского региона.

Некрополь Беловодская Крепость, Кыргызстан

(IX–X — X вв.; таблица 5)

Городище Беловодская Крепость расположено в 2–2,5 км к северу от центра с. Беловодского, Московского района Чуйской области. История изучения памятника была представлена В.П. Мокрынином в небольшой статье, посвящённой исследованию этого городища [Мокрынин, 2012, с. 97–99]. Кратко отметим, что памятник был введен в научный оборот А.Н. Бернштамом, проводившим археологический надзор при строительстве Большого Чуйского канала в 1941 г. Исследователь разделил центральные развалины городища на две

части: северную и южную, по подъемного материалу датировал памятник X–XIII вв. Археолого-топографическое изучение городища было выполнено в 1952–1955 гг. П.Н. Кожемяко. Сделан схематический план памятника, описаны центральные развалины и выявлены окружавшие их стены протяженностью 17,5 км. П.Н. Кожемяко считал, что это остатки крупного населенного пункта и предложил датировать VIII–IX вв. [Кожемяко, 1959, с. 97–99]. В советское время на городище было обнаружено два крупных клада монет караханидского времени, свыше шести тысяч экземпляров. При изучении демографии городов Северной Киргизии К.И. Петровым было отмечено, что на городище в X–XII вв. располагалось свыше 600 усадеб, в которых проживало больше 3000 человек [Петров, 1981, с. 159]. В 1978 г. на городище началось строительство очистных сооружений. В скором времени был сформирован Аксуйский археологический отряд, для проведения спасательных раскопок. Работы проводились под руководством В.П. Мокрынина и велись на трех объектах:

Объект 1 — центральный бугор западной стены торткуля, в юго-западной части городища.

Объект 2 — стратиграфический разрез южной части цитадели.

Объект 3 — разведочные работы на некрополе [Мокрынин, 2012, с. 98–99].

В процессе раскопок памятника, в частности его центрального бугра, каких-либо строительных конструкций или предметов, связанных с христианством, обнаружено не было. Однако при проведении археологических разведок в 1929 г. в долине левобережья р. Чу А.И. Тереножкиным было отмечено сообщение одного крестьянина, утверждавшем, что в Беловодской щели были случаи находок камней с высеченными на них крестами [Тереножкин, 1935; 2012, с. 35]. Небольшие раскопки и изучение некрополя не выявили наличие надгробных камней в погребениях, аналогичных камням, встреченным на Пишпекском (Кара-Джигачском) и Токмакском (Буранинском) кладбищах.

Результаты раскопок некрополя городища Беловодская Крепость следующие.

По конструкции погребальных сооружений В.П. Мокрынин разделил 28 вскрытых погребений на три типа:

I тип — в грунтовых ямах. Могильная яма овальной формы, довольно узкая, ориентированная длинной осью по линии север–юг. В области головы более широкая, в районе ног узкая.

II тип — могильная яма с подбоем с северной стороны. Впускная яма овальной формы, узкая, ориентирована длиной осью по линии восток–запад. Подбой тоже узкий, дно подбоя ниже дна входной ямы. Подбой закладывался сырцовым кирпичом, иногда в два–три ряда.

III тип — погребение с конем. Совершено в широкой грунтовой яме, ориентированной по линии восток–запад [Мокрынин, 2012, с. 121].

В.П. Мокрынин считал, что погребальный обряд и инвентарь, представленный, помимо украшений, ритуальными сосудами и предметами вооружения говорил о явном языческом обряде захоронения [Мокрынин, 2012, с. 122].

В погребениях Беловодского некрополя в больших количествах встречены украшения: серьги бронзовые и серебряные, перстни, бусы из природного камня (сердолик, гагат, горный хрусталь, халцедон) и стеклянные. В погребении № 2 было встречено круглое зеркало диаметром 15 см. В.П. Мокрынин, отмечает, что аналогичное зеркало было найдено при раскопках I Буддийского храма на городище Ак-Бешим. Л.Р. Кызласов датирует зеркало, как и храм, VII — первой пол. VIII в. [Кызласов Л.Р., 1959, с. 213]. Помимо украшений, в могилах были найдены стрелы, ножи, пряжки, браслеты и заклепки-стяжки из железа. Керамика была представлена кувшинами и кружками, хорошо известная на городищах Чуйской долины и датируемая VIII–X вв. [Мокрынин, 2012, с. 123–125].

В погребении № 10 была найдена монета Кай Юань Тун Бао, выпускаемая династией Тан в VII–IX вв. и черный дирхем гитрифи в погребении № 20 — обращение монеты отмечалось в X–XII вв. [Мокрынин, 2012, с. 125].

Погребения Беловодского некрополя В.П. Мокрынин датирует рубежом IX–X — X вв. [Мокрынин, 2012, с. 126].

О возможной христианской принадлежности части погребений Беловодского некрополя высказывалось предположение на основании их западной ориентации (запад–восток, головой на запад) [Кольченко, 2018, с. 83]. В.П. Мокрынин погребенных на Беловодском некрополе с христианством никак не связывал и отмечал, что погребальный обряд некрополя несовместим ни с одной из мировых религий, распространенных в этой время в Северной Киргизии [Мокрынин, 2012, с. 126]. В первую очередь, речь идет о зороастризме и исламе.

Из 28 погребений, вскрытых на некрополе, только два ориентированы по оси запад–восток, головой на запад. Это погребения №№ 3 и 4. В обоих случаях представлена могильная яма с подбоем с северной стороны. В погребении № 4 подбой был заложен тремя рядами сырцовых кирпичей. Костяки располагались в вытянутом положении на спине, в расположении рук было несколько вариантов. Из индивидуальных находок — серьги из бронзовой проволоки. Остальные погребения ориентировались с севера на юг или с востока на запад, головой на восток. При раскопках погребения № 12 было отмечено, что череп умершего оказался в вертикальном положении, теменем вверх. Как предположил В.П. Мокрынин, очевидно, в момент захоронения, голова умершего была положена на высокое изголовье из органических материалов [Мокрынин, 2012, с. 118]. Можно предположить, что погребенный лежал на подушке (тканевой, набитой сеном?), однако ориентация погребения с востока на запад, головой на восток, указывает на то, что погребение не христианское. Христианские погребения при церкви на городище Ак-Бешим

(VIII в.) свидетельствуют о том, что ко времени функционирования Беловодского некрополя погребальный обряд христиан уже был сформирован и известен местным христианам. На другом объекте городища Ак-Бешим — объект III (VII–VIII вв.) — среди зороастрийских захоронений было встречено погребение по обряду трупоположения, ориентированное по оси север–юг. Рядом с погребенным располагался кувшин с процарапанным крестом на тулове, сделанным после обжига [Кызласов Л.Р., 1959, с. 231; Михеева, 2021, с. 322, ил. 1]. На взгляд автора диссертации, в данном случае нет сомнений в том, что погребение христианское, несмотря на иную ориентацию. Однако, каких-либо отличительных христианских признаков на Беловодском некрополе встречено не было. Можно предположить, что среди 28 погребенных, погребения №№ 3,4 и № 12 принадлежали к христианскому погребальному обряду, но по остальным критериям: устройство и конструкция погребальной камеры, расположение костяка и сопроводительный инвентарь умерших, показывает, что эти три погребения ничем не отличались от остальных. Наличие предполагаемой «подушки» в голове умершего в погребении № 12 не является весомым доводом считать это захоронение христианским.

Средневековые христианские кладбища: Припишпекское (Кара-Джигачское),
Притокмакское (Буранинское), Учарал-Илибалык
(XIII–XIV вв.)

Если обратиться к более поздним памятникам: Пишпекское и Токмакское кладбища (XIII–XIV вв.; Кыргызстан), а также к погребениям, обнаруженным на городище Илибалык (XIII–XIV вв.; Казахстан), мы увидим, что погребальная традиция христианского захоронения в основе своей практически не меняется.

Все три памятника расположены в общей историко-географической области Средней Азии, в Семиречье. Это территория Казахстана (Алматинская и частично Жамбылская области), верховья р. Или Синьцзян-Уйгурского автономного округа Китая и часть Чуйской долины (Кыргызстан). В современных границах Кыргызстана Чуйская долина, протяженностью 300 км и максимальной шириной до 70 км, вытянута в широтном направлении, с юга ограничена Кыргызским хребтом, с севера — Чу-Илийскими горами. На востоке и северо-востоке переходит в пустынные пески Моюнкумов. Основная водная артерия долины — река Чу, имевшая множество притоков, иногда очень полноводных [Аманбаева, и др., 2015, с. 15].

Пишпекское (Припишпекское; соврем. Кара-Джигачское) кладбище располагалось в предгорьях к северу от Кыргызского хребта, на запад от кочевой дороги, ведущей из селения Аламедина в горное ущелье Кентер или Науруз; между арыками Джелаир (с северо-запада) и Аксак-Бюри (с юго-востока). Размеры кладбища более 3 га. Границы его определяли по

видневшимся надгробными камнями [Пантусов, 1887, 1; Кольченко, 2013, с. 81]. В настоящее время территория кладбища засажена и застроена.

Токмакское (Притокмакское; соврем. Буранинское) кладбище расположено в южной части городища Бурана, которое находится в восточной части Чуйской долины, в Чуйском районе, Чуйской области, в 10–12 км к югу от районного города Токмак, между селами Бурана и Дон-Арык и в 50 км к востоку от города Бишкек. Памятник относится к группе городищ с длинными стенами. Городище возникло в IX в. и просуществовало до XIII–XIV вв. [Аманбаева, и др., 2015, с. 27].

Припишпекское (Кара-Джигаческое) кладбище (Кыргызстан)

Первые раскопки Пишпекского кладбища были поручены ИАК⁹¹ востоковеду, археологу и одновременно старшему чиновнику особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Н.Н. Пантусову.

В научно-отраслевом архиве Института истории материальной культуры РАН хранятся полевые археологические дневники, написанные Н.Н. Пантусовым по проведенным работам на Пишпекском и Токмакском кладбищах:

В папке НА ИИМК РАН. РО. ИАК. Фонд 1, 1884 г. № 40а, № 40б собраны и сброшюрованы следующие документы:

1. «Дневник раскопок, произведенных Н. Пантусовым в Августе месяце 1886 года на при-Пишпекском несторианском кладбище», с 4 по 17 августа [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 40б. Л. 2–30, с рисунками];

2. «План работ по раскопке в 1886 году древнего несторианского кладбища близ города Токмака на урочище Бурана» [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 40б. Л. 98–101, с рисунками];

3. «Дневник раскопок несторианского кладбища близ города Токмака на урочище Бурана в Токмакском уезде, Семиреченской области», с 25 по 28 августа [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 40б. Л. 102–120, с рисунками]. Ссылка на эти документы в диссертации указана так: Пантусов, 1884. ИАК. Ф. 1, 1884 г., № 40а или № 40б, номер листа.

Полевые дневники по раскопкам этих двух кладбищ частично опубликованы, вероятно, без разрешительного на то документа научного архива ИИМКа [Кольченко, 2013, с. 81–83; 2017,

⁹¹ Археологическая комиссия при министерстве Императорского двора была основана в 1859 г. в Петербурге императором Александром II. В 1889 г. Комиссия получила исключительное право на производство археологических и реставрационных работ по всей территории Российской империи. ИАК была единственным государственным органом, выдававшим разрешительные листы на проведение раскопок [ПСЗРИ, 1891, с. 5841].

с. 167–179; 2018, с. 79–83; 2019, с. 209–221]. В процессе подготовки данной диссертации автором была проведена научно-исследовательская работа с архивными документами Н.Н. Пантусова, поэтому автор считает необходимым использовать в своей работе материал Научного архива ИИМК РАН РО.

В начале августа 1886 г. Н.Н. Пантусовым и его помощником, ученым садовником Пишпекского казенного сада, А.М. Фетисовым был проведен тщательный осмотр окрестностей кладбища, которое оказалось полностью заросшим густой травой. Еще до раскопок по инициативе Н.Н. Пантусова была сделана топографическая съемка двух кладбищ — Пишпекского и Токмакского [Пантусов, 1887, с. 6].

Раскопочные работы начались 4 августа 1886 г. и продолжились до 15 августа. Затем Н.Н. Пантусов был вынужден уехать, поручив А.М. Фетисову закончить раскопки на Пишпекском кладбище и начать работы на Токмакском (соврем. г. Токмак; Буранинское кладбище). С 4 по 17 августа на при-Пишпекском кладбище было открыто 85 могил, на при-Токмакском — 34 могилы [Пантусов, 1887, с. 7].

На Пишпекском кладбище работы начались в его западной стороне, где сохранились строительные остатки, как предполагал Н.Н. Пантусов, часовни № 1, усыпальницы или церкви. По его мнению, в подобных усыпальницах должны быть погребены люди более высокого ранга, а значит сопроводительный инвентарь, точнее «...археологическая добыча разных вещей из могил этой местности должна быть более обильна, чем из могил отдаленных, расположенных на окраинах кладбища» [Пантусов, 1887, с. 5]. Первые могилы были вскрыты на территории этой усыпальницы и в ближайших к ней рядах. В процессе работы надгробные камни, могила, сопроводительный инвентарь, черепа и костяки, все нумеровалось одним номером. Все, что бралось из могилы, записывалось в общую опись вещей и представлялось в Комиссию, затем вещи и сохранившиеся черепа постепенно высылались по почте в ИАК [Пантусов, 1887, с. 5].

Отметим, что Н.Н. Пантусов вел археологический дневник очень аккуратно, записывал всю необходимую информацию по процессу раскопок. Наиболее интересные могилы были зарисованы. К каждой могиле давалось описание положения костяка, сопроводительного инвентаря и указывались размеры как могилы, так и отдельных кирпичей. Можно сказать, что ученый ответственно подошел к раскопкам несторианского памятника [Пантусов, 1884. ИАК. Ф. 1, 1884 г., № 40а, № 40б].

По результатам раскопок на Пишпекском кладбище преобладающим типом могильных сооружений можно назвать следующий: в земле выкапывалась грунтовая могильная яма, ориентированная по направлению запад–восток. У Н.Н. Пантусова данная яма указана как входная. Далее Н.Н. Пантусов пишет, что на дне входной ямы выкапывалось вместилище для трупа или гробница [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 40б. Л. 4]. Размеры ямы в среднем: длина около

150 см, ширина в изголовье около 50 см, в ногах — около 27 см, глубина для туловища около 27 см. В западной части могилы для головы делалась отдельная ниша, высотой около 32 см, вглубь, в материк около 23 см. Погребенный укладывался в вытянутом положении на спине, руки, как правило, располагались в области грудной клетки, кисти ближе к щекам, иногда вдоль тела — имелись разные варианты. Сверху погребенный засыпался землей, затем сама могила (гробница) перекрывалась сырцовыми кирпичами в виде склепа. Кирпичи ставились на ребро друг к другу или перпендикулярно под углом к нише, покрывая в основном само туловище. В ногах кирпичи укладывались не под углом, а горизонтально плашмя и на ребро с одного края гробницы на другой. Н.Н. Пантусов указывает, что возможно кирпичи заштукатуривались жидкой глиной [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 4–5]. Поверх склепа иногда встречались прямоугольные надгробия из жженных кирпичей — надгробные плиты [могилы № 3, № 74; Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 5].

Глубина могил была различная, для взрослых глубина превышала 1,5 м, для детей (у Н.Н. Пантусова указано «для малолетков») — около 1 м и часто без склепов, т.е. кирпич укладывался плашмя, тем самым перекрывая могилу. Иногда вместо кирпича гробница перекрывалась деревянными досками [могила № 15; 1884. Ф. 1. № 406. Л. 5, 10, 16]. В области головы устанавливался намогильный камень (кайрак).

Вокруг некоторых могил были прослежены оградки прямоугольной формы из небольших валунов [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 22–23]. Намогильный камень, иногда сразу два камня, устанавливались в западной стороне оградки. Камни ставились как на могилах взрослых, так и на детских [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 24].

Отметим, что обычай класть под голову камень-«подушку» в могилах Пишпекского кладбища не прослежен, но в могиле № 58 под головой умершей женщины лежали три гальки [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 25]. Вероятно, речь идет о трех плоских галечных камнях. Н.Н. Пантусов указывал, что в большинстве могил для головы делалась специальная ниша, заглубленная в материк (могила № 1). В части могил голова была отмечена специальной небольшой оградкой. Традиция обкладывания головы покойного камнями в виде своеобразной ограды была известна еще у христиан древнеримского общества, в его беднейших слоях [Введение в историю церкви, 2012, с. 583].

На кладбище были раскопаны как одиночные захоронения, огражденные заботливыми родственниками небольшими валунами, так и семейные усыпальницы или мавзолеи, в пределах которых располагалось по несколько могил, но совершенных в разное время.

Встречались на кладбище семейные погребения (могила № 6), состоявшее из грунтовой могильной ямы и двух подбоев, слева и справа. Подбой — у Н.Н. Пантусова они назывались ниши, закладывались сырцовым (реже жженным) кирпичом. В ногах центрального умершего,

располагался костяк ребенка. По мнению Н.Н. Пантусова, в данном погребении была похоронена мать с детьми, из которых старший — в северной нише, средний — в южной, а младший — в ногах матери [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 7].

Попадались погребения с одним подбоем, с южной стороны. Подбой (ниша) закладывался одним слоем жженного кирпича [могила № 23; Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 13].

Над могилами №№ 28 и 29 располагался один намогильный камень (кайрак), но в могильной яме было устроено два погребения, одно во впускной яме, второе в подбое (в нише) с северной стороны. Подбой закладывался одним рядом жженных кирпичей, а могила во впускной яме перекрывалась кирпичами под углом [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 14].

Аналогичная картина была отмечена над могилами №№ 39 и 42. Это был небольшой холм (холм А), где над двумя могилами находился один надгробный камень (кайрак). В процессе раскопок холма были обнаружены глинобитные стены, в виде ограды. В юго-западном углу ограды читались следы могилы № 39 — склеп из сырцовых кирпичей. По глубине эта могила располагалась выше, чем могила № 42. В погребении № 42 был обнаружен глиняный горшок, который, по мнению Н.Н. Пантусова, был поставлен на деревянную крышку гроба, от которого сохранилась лишь труха. Деревянный гроб был обложен крупной галькой или валунами в форме прямоугольника. Металлических креплений от гроба встречено не было. Размеры гроба: длина 2,14 м, ширина в изголовье 58 см, в ногах — 49 см. Высоту гроба определить было невозможно. В гробу в вытянутом положении на спине располагался костяк, ориентированный по линии запад–восток, головой на запад. Обе руки вытянуты вдоль туловища. Под головой покойного отмечена какая-то масса в виде золы, на которой она и покоилась. Также сохранились остатки одежды [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 17–18]. Вероятно, что горшок изначально был положен на могилу, но со временем опустился вниз.

Интересно описание раскопок могилы, обнаруженной на холме «В». При обследовании холма была обнаружена своеобразная пещера, в которой находилась гробница, обложенная жженным кирпичом [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 18]. Не совсем ясно, что имелось в виду, под определением — «могильная яма, обложенная жженным кирпичом». Вероятно, могильная яма, изнутри обложенная жженным кирпичом. Далее следует: «Гробница засыпана была мелкой и крупной галькой; а самая могила выдолблена была в материке из наноса гальки и песку» [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 19]. На глубине 2,32 м встречены жженные кирпичи и остатки от крышки гроба. Кирпичи были уложены на дерево от крышки гроба, плашмя, длинной стороной вдоль гроба, впоследствии они завалились в гроб. По мнению Н.Н. Пантусова, гроб был закрыт деревянной крышкой, а поверх, поперек гроба, укладывались куски дерева или досок. Сверху досок располагались кирпичи. Ширина этого перекрытия 1 аршин 5 вершков — около 93 см. Дерево — карагач, не было обтесано, наподобие русской поленицы [Пантусов, 1884. Ф. 1.

№ 40б. Л. 19]. Судя по рисунку, крышка гроба была покрыта необработанными жердями, располагавшимися поперек гроба, а поверх их лежали жженные кирпичи. Н.Н. Пантусов пишет, что под этой крышкой имелась еще одна, вплотную прилежавшая к сторонам самого гроба [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 40б. Л. 19]. Гроб деревянный, сделанный из обтесанных досок, в изголовье немного шире, чем в ногах. Длина гроба около 2 м, глубина около 50 см. В изголовье, во внутренней части доски гроба, был изображен крест. В гробу располагался костяк, руки его были сложены в области груди. Общая глубина могилы от уровня поверхности до дна могилы — 3,75 м [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 40б. Л. 19].

На холме «С» было открыто три могилы, совершенно различных по конструкции, устроенных в пределах одного общего мавзолея или усыпальницы. Выяснилось, что в центральной части холма располагалась квадратная оградка из сырцового кирпича. В дверях этой оградки с восточной стороны обнаружен кайрак с прорисованным крестом в центре, но без надписей. В юго-восточном углу оградки была обнаружена могила № 43-а, в которой располагался деревянный гроб, засыпанный землей, с боковых сторон, в изголовье и ногах гроб был обложен камнями, галькой и кирпичами. Размеры гроба: длина 2,14 м, ширина в изголовье 58 см, в ногах — 49 см. Глубина могилы от дневной поверхности около 1,56 м. В гробу в вытянутом положении на спине располагался костяк, кости которого были сильно разрушены. Правая рука лежала вдоль туловища, левая — в области тазовых костей [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 40б. Л. 19–20].

В северо-западной части оградки находилась вторая могила № 43-в прямоугольной формы. В пределах пятна могилы был обнаружен надгробный камень (кайрак) с высеченным крестом, но без подписей и с остатками дерева. В могиле был найден деревянный ящик — гроб кубической формы. Размеры его 85 см по сторонам. В ящике в сидячем положении находился умерший. Н.Н. Пантусов указывает, что кости погребенного располагались в куче, поэтому умерший был погребен сидя. Ноги костяка находились в положении, как будто погребенный сидел по-турецки. Череп был направлен к югу [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 40б. Л. 21].

В центральной части оградки была обнаружена могила № 43-с. Это также захоронение в гробу. Как и в могиле № 42, здесь гроб был также обложен круглой галькой с кирпичом. Интересно, что умерший располагался в гробу в сидячем положении, судя по рисунку, как бы прислоненный к торцевой (западной) стороне гроба. Ноги костяка были вытянуты, а кости черепа и туловища лежали в общей куче. Череп был обращен на восток, руки сложены в области таза [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 40б. Л. 21].

Помимо положения костяка, интересен сопроводительный инвентарь данного погребения. С правой и с левой стороны от усопшего были обнаружены длинные костяные палочки. По мнению Н.Н. Пантусова, эти палочки похожи на китайские палочки для еды, которыми в этих

краях пользовались дунгане и таранчи или илийские уйгуры [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 21]. Помимо палочек, в гробу были найдены остатки одежды и золотой парчи, ремень, а также железные гвозди и скобы от гроба. С правой стороны от костяка лежала вверх дном серебряная чашечка с ручкой, наподобие церковного ковша для «теплоты». У бедренной кости располагался кошелек, который был подвешен на ремне к ременному поясу. В гробу в ногах у костяка лежало седло, рядом стремя, лука деревянная и кольцо от лука. Размеры гроба следующие: длина 1,95 м, ширина в ногах 49 см, высота — 40 см, ширина в изголовье 80 см, высота — около 71 см. Гроб был сбит гвоздями и скобами, а крышка, как предположил Н.Н. Пантусов, прикреплялась на петли [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 21–22].

Возможно, погребенные в этой усыпальнице были связаны какими-то родственными отношениями. Отметим, что в могилах № 43-с и № 43-в представлен кочевнический обряд захоронения и аналогичный сопроводительный инвентарь. Керамический кувшин, оставленный на могиле № 43-а, говорит о сохранении языческих обрядов погребения, а надгробные камни с христианскими крестами отбрасывают все сомнения относительно вероисповедания умерших. Получается определенное взаимовлияние местных языческих обрядов с культурной традицией христианства. По мнению Н.Н. Пантусова, несторианские миссионеры, проповедуя христианство в этих краях, не вытесняли у местного населения его древних обычаев [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 22]. Очевидно, местное население, принимавшее христианство, продолжало соблюдать и чтить свои местные кочевнические традиции.

Раскопки 85 могил на при-Пишпекском кладбище в 1886 г. показали, что преобладающим типом могильного сооружения была грунтовая яма (по Н.Н. Пантусову — входная яма), которая выкапывалась на глубину до 1,5 м, по линии запад–восток. Глубже, в материковом слое выкапывалась могила (по Н.Н. Пантусову — гробница), в соответствии с примерным ростом умершего — в изголовье шире, в ногах уже. Получалась своеобразная могила с заплечиками. Для головы в материке сооружалась специальная ниша, которая была чуть глубже, чем основная глубина могилы. В могиле в вытянутом положении на спине, головой на запад, располагался умерший. Положение рук в основном на груди или в области тазовых костей. В могилах встречался сопроводительный материал, который в большинстве случаев был представлен украшениями (браслеты, серьги, перстни, ракушки каури), но встречался и кочевнический набор: седло, стремя, кошелек-кисет для огнива. В каких-то могилах сохранились остатки одежды и кожи. Сверху погребенный присыпался землей. Поверх могилы (гробницы) устраивался склеп из сырцовых кирпичей, которые ставились на ребро друг к другу или плашмя, перекрывая могилу. Иногда кирпичи склепа шпатлевались жидкой глиной. В некоторых могилах устанавливалось надгробие в виде прямоугольника из жженных кирпичей. На надгробии, в его западной части, устанавливался камень (кайрак) с высеченным крестом и/или сиротюркскими надписями.

Иногда в могиле (гробнице) располагался деревянный гроб, который перекрывался деревянными досками или специальной крышкой для гроба.

Второй тип могильных сооружений, отмеченный на Пишпекском кладбище — могильная яма с подбоем с северной или южной стороны, иногда сразу с двух сторон. Как правило, подбой находился ниже входной ямы и перекрывался кирпичом.

Интересно, что в могиле № 1, по мнению Н.Н. Пантусова, в левой руке умершего предположительно располагался букет цветов или венок из цветов, сохранившийся в виде большого количества семян в этой части погребения [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 3]. В современной традиции, в процессе похорон умершего христианина, цветы являются неотъемлемой частью, правда, при закрытии гроба, все цветы из него вынимаются.

Предметов именно христианского культа — крестиков или какой-то церковной утвари в могилах Пишпекского кладбища обнаружено не было.

На поверхности часть могил имела каменные ограды из валунов, часть — прямоугольное надгробие из кирпича, но в большинстве своем это был обычный земляной холм.

Притокмакское (Буранинское) кладбище (Кыргызстан)

В этот же полевой сезон, по просьбе Н.Н. Пантусова, его помощником А.М. Фетисовым были начаты раскопки Притокмакского кладбища, расположенного около башни Бурана (Буранинского). Раскопки этого кладбища были начаты 25 августа 1886 г. Из-за того, что могилы располагались тесно другу к другу, на расстоянии до 1 м, раскопки кладбища проводились широкими площадями [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 99–100].

В процессе раскопок на кладбище были встречены могильные сооружения следующих типов:

Первый тип — грунтовая могильная яма, без склепа. На дне ямы располагался умерший, по линии запад–восток, головой на запад.

Второй тип — могильная яма, на дне которой в материке, выдалбливалась гробница (или гробовище по Н.Н. Пантусову). Гробница перекрывалась сырцовыми кирпичами, сверху засыпалась землей.

Третий тип — могильная яма с подбоем с северной стороны, подбой могилы закладывался сырцовым кирпичом, изготовленным с добавлением самана (соломы). В могиле располагался костяк в вытянутом положении на спине, руки находились в области грудной клетки.

Четвертый тип — могильная яма с подбоем с двух сторон (могилы № 11–12). Подбой располагался параллельно дну входной ямы и закладывался жженным кирпичом в один ряд вертикально.

Пятый тип — грунтовая яма, глубиной до 2 м, на дне ямы с четырех сторон из сырцового кирпича были выложены стены могилы (гробницы, гробовища), в три кирпича (могила № 13). В изголовье шире, в ногах уже. По краям устанавливались под углом сырцовые кирпичи, образующие склеп, который сверху покрывался жидкой глиной. В могиле по линии запад–восток располагался костяк ребенка. Под этим склепом обнаружено еще одно погребение — взрослого человека, но уже без склепа, а в материковой грунтовой яме. Общая глубина могилы составляла 3 аршина 7 вершков — около 2,44 м [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 111].

Как на Токмакском, так и на Пишпекском кладбищах, встречались могилы с подзахоронением, когда через какое-то время поверх погребенного укладывался еще один усопший, вероятно, родственник [могила № 9–10; Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 107].

Шестой тип — катакомбное захоронение. В могиле № 19 в плотном суглинистом грунте была вырублена могильная яма по линии запад–восток. Вход в эту могилу был произведен в западной части могилы № 13 и заложен сырцовыми кирпичами. В катакомбе располагались два костяка, сверху слегка присыпанные землей. Анатомический порядок костей правого костяка сохранился хорошо, левого был нарушен. В костях была обнаружена золотая проволочная серьга и медный перстень. Глубина этого захоронения 3 аршина 4 вершка — 2,31 м.

Н.Н. Пантусовым было отмечено, что могилы на Буранинском кладбище располагались близко друг к другу. В случае погребений №№ 13 и 19, возможно, что в процессе рытья могилы № 13, был задет восточный борт могилы № 19. Могилу перекрыли сырцовым кирпичом, затем похоронили умершего из погребения № 13. Высказывалось мнение, что выдолбить такую катакомбную могилу в твердом суглинистом грунте было бы довольно сложно, поэтому «катакомба» № 19 и могила № 13 — это две разные конструкции, а кирпичная перегородка появилась между ними в период сооружения более позднего из них, когда образовалась полость в другое захоронение [Кольченко, 2019, с. 209–221].

В могилах Буранинского кладбища погребального инвентаря встречено немного, в основном это серьги, бусы и перстни. В могиле с подбоем с северной стороны (№ 32), в которой располагался костяк подростка, судя по размеру — 1,15 м, в области шейных позвонков был найден медный нательный крест и три бусины [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 119]. К сожалению, Н.Н. Пантусов не уточняет размеры и характеристики данного креста. Возможно, что крестик был подвешен на веревочку вместе с бусинами.

За полевой сезон 1886 г. на Токмакском кладбище было исследовано 34 могилы. В могилах погребенный, как правило, располагался вытянуто на спине. Положение рук имело различные варианты: в области грудной клетки, в районе тазовых костей или одна вдоль тела, вторая на груди. Голова находилась в западной стороне могилы. Деревянных гробов не

встречено. Н.Н. Пантусовым было отмечено, что костяки Бурагинского кладбища сохранились намного хуже, чем на Пишпекском [Пантусов, 1884. Ф. 1. № 406. Л. 120].

Городище Ушарал (Учарал)-Илибалык (Казахстан)

Археологические отчеты по раскопкам памятника с иллюстрациями и предварительными выводами выкладываются на сайте:

http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html

Материалы находятся в свободном доступе, и с соответствующей ссылкой результаты раскопок можно использовать в научных исследованиях.

Городище Ушарал-Илибалык расположено недалеко от современного города Жаркента, на юго-востоке Казахстана — в 40 км от границы Казахстана и Китая. Памятник находится в 26 км от реки Или — отсюда и одноименное название. Существование города приходится на X–XIV вв., но нумизматические данные показали, что в XIII и начале XIV в. этот город достиг своего наивысшего процветания. Географически памятник расположен между двумя горными цепями: в 233 км к юго-западу от Джунгарских ворот и в 165 км к северу от перевала Каркара в Тянь-Шанских горах (Иле-Алатау) [Стюарт, 2020, с. 71–72].

Илибалык находится в 18 км от средневекового города Алмалык, столицы Чагатайского ханства, расположенного на северо-западе современного Китая. Городище состояло из шахристана с огромной баней, рабада ремесленников и кладбища.

Открытие и исследование этого кладбища началось в 2014 г. со случайной находки большого надгробного камня (1 м в длину), на котором был начертан большой крест мальтийского типа и надпись на древнетюркском языке, но сирийскими буквами [рис. 144; Байпаков, Терновья, 2018, с. 43, 20]. Надпись была прочитана М. Дикенсом. В надписи говорилось, что священник по имени Петрос умер в год обезьяны. Кроме того, в надписи был указан отец Петроса — Тегин и его дед — Баршаба Куч (Baršabbā Quč) [Стюарт, 2020, с. 72]. Затем в северо-западном рабаде было найдено еще восемь надгробий: в их числе два надгробия с надписями, одна — на тюркском, вторая — на сирийском языке.

Стационарные раскопки памятника начались с 2016 г. На территории средневекового кладбища было вскрыто более 80 могил и найдено 34 надгробия (надгробных камня). По мнению специалистов, общая площадь христианского кладбища может достигать в 4200 кв. м., а это значит, должно быть обнаружено более 500 погребений [Стюарт, 2020, с. 72].

Общие характеристики погребений, изученных на кладбище Илибалыка, принципиально не отличаются от тех, которые были открыты на Пишпекском и Токмакском кладбищах в конце XIX в.:

1. Ориентация костяка с запада на восток (голова на запад, ноги на восток).
2. Голова приподнята с помощью подушки. На Илибальке чаще встречается кирпич-«подушка» в виде земляного возвышения под головой.
3. Руки скрещены на туловище или на груди.
4. Погребальный инвентарь небогатый: керамические черепки, камни и некоторые украшения. 18% могил детей и подростков содержали простые погребальные принадлежности и только 9% взрослых погребений содержали погребальный инвентарь. В детских погребениях чаще встречались ожерелья и браслеты из маленьких стеклянных бусин. Одна могила взрослой женщины (участок IV, блок 7b, место 89) явилась исключением. Умершая была украшена драгоценностями, среди которых: два серебряных браслета, два браслета с камнями и кораллами, две серьги и четыре кольца на пальцах [Стюарт, 2020, с. 72–73]. Датировка погребения между 1280–1320 гг. н.э.

Раскопки на памятнике в 2020 г. показали, что кладбище находилось рядом с жилыми и ремесленными постройками, а также рядом с сооружением церковного назначения (часовня?), которое частично было вскрыто в полевом сезоне 2020 г. К моменту создания кладбища рабад уже был заброшен и был своего рода местом для сброса отходов (Электронный ресурс: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html).

В 2022 г. раскопки памятника продолжились. К сожалению, результаты работ диссертанту не представлены.

Специалистами, изучавшими некрополь Илибалька, выделено несколько типов могильных сооружений. Сверху могила покрывалась небольшим земляным холмом. В западной части могилы (в изголовье) устанавливался намогильный камень (кайрак) с выбитым на нем крестом и иногда сиротюркскими надписями. Учеными отмечено, что намогильные камни (кайраки) встречались как на могилах взрослых, так и на детских. Камни небольшого размера и легко удерживаются в одной руке. Возможно, что намогильный камень в тот период на христианском кладбище был обязательным атрибутом погребального обряда. К настоящему времени часть камней смещена с могил. (Электронный ресурс: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html).

Могилы представлены следующими типами:

Тип 1. Грунтовая могильная яма, выкопанная в соответствии с размером тела умершего. В изголовье укладывался кирпич-«подушка», или из грунта делалось небольшое возвышение. В могиле умерший располагался вытянуто на спине, руки или на груди, или в области тазовых костей (разные варианты). Сверху засыпался землей. Над могилой сооружалась небольшая насыпь.

Тип 2А. Грунтовая могильная яма, выкопанная в соответствии с размером тела умершего. Глубже выкапывалась яма чуть меньшего размера, в итоге образовывался выступ (могильная яма с заплечиками). В изголовье ставился кирпич-«подушка» из земли или кирпич. Тело укладывалось в яму и засыпалось грунтом до уровня выступа. Над выступом над телом горизонтально располагались глинобитные кирпичи, по размеру, подходящие к ширине могилы. Поверх кирпичей засыпалась земля (отмечено в 3 случаях).

Тип 2В. Аналогичен могилам типа 2А, но над выступом над телом размещались глинобитные кирпичи, вертикально друг к другу, на ребро. Сверху кирпичи засыпались землей.

Тип 2С и 2D. Аналогичны могилам типа 2А и 2В, но над выступом над телом размещались глинобитные кирпичи, стоящие торцом друг к другу. Сверху кирпичи засыпались землей.

Тип 3. Могильная яма устраивалась по размеру умершего. В изголовье укладывалась «подушка» из земли или кирпич. Затем укладывался умерший и немного засыпался землей. Поверх умершего клали деревянную доску по форме могилы. Сверху могила засыпалась землей в виде небольшого холма (могила L-121/131).

Тип. 4. Погребение с подбоем. Выкапывалась большая прямоугольная яма. Затем с северной стороны выкапывается подбой (ниша). В подбое в изголовье укладывалась «подушка» из грунта или кирпич. Умершего укладывали в могилу, затем перекрывали подбой кирпичами, расположенными вертикально. Впускная яма засыпалась землей. Сверху могила покрывалась грунтом до небольшого холма (Электронный ресурс: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html).

Из особенностей, встреченных при исследовании илибалыкских погребений, можно отметить, что в могилах не встречено деревянных гробов. В могилах иногда попадались керамические изделия в виде небольших горшков. Также остается вопрос с одеждой погребенных. Маленький кусок ткани, найденный на серебряном браслете правой руки женщины (могила L-089), дал основание предположить, что погребенные были одеты в какую-то одежду, а не завернуты в саван. Также интересно, что в могилах несовершеннолетних детей часто встречались небольшие речные камни (голыши), иногда по 3–4 штуки. Чаще они помещались у локтя или внутри руки умершего. (Электронный ресурс: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html).

Отметим, что авторы не указывают, были ли встречены нательные кресты в погребениях. Возможно, что не были. Ч.Э. Стюарт, анализируя ювелирные украшения, встреченные в одном из богатых илибалыкских погребений женщины, пришел к выводу, что четыре лепестка миндалевидной розетки, прорисованные на серебряных браслетах, обнаруженные на руках погребенной, являются символическим выражением христианства, его своеобразным показателем для христианской общины Чагатайского ханства [Стюарт, 2020, с. 86]. В качестве

предположения можно допустить, что христианский нательный крест намеренно заменялся символическими украшениями в виде четырехлепестковых розеток.

Выводы

На основе представленного материала археологических источников, свидетельствующих о погребальной традиции христиан Средней Азии, можно сделать определенные выводы.

Оссуарный обряд. Для оссуарного обряда наличие крестообразных фигур и прорисованных крестов на погребальных урнах (оссуариях, хумах, кувшинах), вероятно, не стоит полностью связывать с христианской религиозной традицией. Однако, учитывая тесное взаимодействие и взаимовлияние местных религиозных культов, зороастризма (маздеизма) и христианства на территории раннесредневековой Средней Азии, необходимо признать, что практика захоронения иноверца, в данном случае христианина, на зороастрийском некрополе существовала и практиковалась. Выказывалось мнение, что использование одного и того же кладбища для различных религиозных групп очень неожиданно [Кошеленко, Десятчиков, 1965, с. 181], тем не менее археологический материал демонстрирует нам обратную картину. На взгляд автора диссертации, убедительным примером можно считать захоронение очищенных костей в хуме с прорисованной сценой поклонения кресту на могильнике Дашти-Урдакон. Тот факт, что на одном из оссуариев (№ 62) хорезмского некрополя древнего Миздахкана были прослежены следы намеренного уничтожения зороастрийского изображения, вероятно, показывает, что оссуарий использовался повторно, но уже представителями иной конфессии, в данном случае — христианами [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 149–150]. Малочисленность примеров предполагаемых христианских оссуарных захоронений на зороастрийских кладбищах не позволяет решить этот вопрос окончательно. Также необходимо отметить сложность и спорность интерпретации оссуарных захоронений как христианских только на основании изображенного креста.

По обряду трупоположения. Относительно христианской погребальной традиции по обряду трупоположения прежде всего необходимо отметить, что чаще всего эти захоронения обнаруживают на зороастрийских и мусульманских кладбищах. Христианские кладбища периода с VII–VIII вв. до нач. XIII в. [Михеева (Китаева), 2017, с. 303] известны на территории Юго-Западного Семиречья — кладбище при церкви на городище Ак-Бешим и в Согде, — предполагаемые христианские захоронения рядом с Ургутом. В первом случае — на городище Ак-Бешим — в более поздний период наряду с христианскими захоронениями совершаются мусульманские (Ак-Бешим, об. IV).

На протяжении всей истории распространения христианства в пределах среднеазиатского региона, очевидно, что христианство старалось влиться в окружающую среду постепенно, посредством миссионерства, культурных контактов и торговых взаимоотношений. Местное

население вполне терпимо относилось к пришлым христианам. И, видимо, это сложилось исторически. Известно, что в Риме, в I–II вв. н. э. христиан хоронили на общих кладбищах вместе с язычниками и никаких запретов на совместные погребения не существовало. В своих погребальных практиках христиане следовали римским законам, которые давали право захоронения всем без исключения, даже рабам и осужденным [Введение в историю ..., 2012, с. 583]. Как отмечают специалисты, христиане не создали каких-то новых погребальных конструкций или новых обрядов. В могиле усопший лежал на спине головой на запад, руки, как правило, укладывались на груди, но иногда располагались вдоль тела. Захоронения совершались в простых грунтовых могилах. Существовала практика погребения в деревянных гробах; в отдельных гробницах, сложенных из камня, кирпича или черепицы; в саркофагах из камня или мрамора. Под голову умершего устраивались каменные «подушки», а под ноги — ниши для ног. В бедных погребениях обходились обкладкой из камней вокруг головы [Введение в историю ..., 2012, с. 583–584]. Обычай класть вещи в могилу сохранялся довольно долго, но со временем постепенно от него отказались. Предметы с христианскими символами в могилах встречаются редко, особенно нательные кресты. К примеру, тщательное изучение крымских некрополей эпохи поздней античности и раннего средневековья показало, что привозные или местные кресты появляются в погребениях варваров Юго-Западного Крыма во второй пол. VI в., и встречаются они только в женских могилах. В некрополях, действующих на протяжении четырехсот лет (с VI по IX вв.), в которых было обнаружено несколько тысяч погребений, найдено всего лишь 80 металлических четвероконечных крестов, которые не только носили на груди, но и нашивали на одежду [Хайрединова, 2007, с. 151–182]. Как верно подмечено учеными, «...раннехристианский человек в могиле выглядит „менее христианином“, поэтому число христианских предметов в некрополе не следует отождествлять с количеством погребенных христиан. Пожалуй, более надежным признаком христианского захоронения служит не наличие или состав погребального инвентаря, а положение останков на спине, головой на запад» [Введение в историю ..., 2012, с. 585]⁹².

Начиная с VII–VIII в. начинает складываться новая динамика связи между церковью и погребениями. В недействующих церквях постепенно создаются часовни, потом начинают появляться первые могилы, и впоследствии эти церкви превращаются в кладбища [Введение в историю ..., 2012, с. 586]. Церковь на городище Ак-Бешим яркий пример этому. Необходимо учитывать, что детали любого погребального обряда традиционны и консервативны [Никитина,

⁹² Ссылка на: Хрушкова Л.Г., 2004. Христианские памятники Крыма: Состояние изучения // Византийский временник. Т. 63 (88), с. 170.

1985, с. 3]. Именно ак-бешимские погребения являются тем эталонным памятником, на котором можно проследить характерные черты христианского захоронения на территории Средней Азии.

Типовая характеристика христианского погребального обряда, прослеженная по археологическим материалам индивидуальных захоронений и кладбищ на территории Средней Азии, следующая:

Если мы допускаем, что на Байрам-алинском зороастрийском некрополе, помимо оссуарных погребений, практиковались и допускались погребения христиан в грунтовых могильных ямах в различных вариантах, как правило, впускных, значит можно говорить о том, что христианский погребальный обряд на территории Средней Азии, в частности, Северного Хорасана, мы можем проследить не ранее IV–V вв. н. э.

Ориентация могил на Байрам-алинском некрополе имела варианты: северо-восток–юго-запад, северо-запад–юго-восток, север–юг; четкого положения запад–восток у захоронений не прослежено. Погребения, как правило, безынвентарные. Индивидуальные находки фиксировались при оссуарных захоронениях. В целом каких-то явных и характерных признаков именно христианского погребения на Байрам-алинском некрополе отметить нельзя, но наличие на зороастрийском некрополе погребений по обряду трупоположения может косвенно указывать на их христианскую принадлежность. Письменные источники этому не противоречат [Бадер и др., 1996, с. 85–94; Koshelenko, 1995, p. 55–70]. Общеисторическая картина Мервского оазиса свидетельствует о наличии христианской общины уже в V в.

С VIII в. до XII в. на территории Согда, основываясь на археологическом изучении памятников, расположенных в этой области, можно проследить и охарактеризовать христианский погребальный обряд: умершего христианина хоронили по обряду трупоположения, в грунтовых могильных ямах или могилах, сделанных из обожженного кирпича. В могиле в вытянутом положении на спине укладывался усопший, головой на запад, ногами к востоку. Ориентация могилы могла быть различной — с запада на восток или с северо-запада на юго-восток. Руки, как правило, располагались в области груди или тазовых костей. Под головой умершего укладывался кирпич-«подушка» (Дурмон-тепе). Иногда, значительно реже, в погребении встречался нательный крест (Дашти-Урдакон) или крест нашивной (Дурмон-тепе), но чаще находились недорогие украшения, характерные для детских погребений, или же захоронения были без сопроводительного материала. Могила могла перекрываться сырцовыми или обожженными кирпичами, плашмя или под углом (площадь Регистан). Поверх, как предполагает автор диссертации, могила засыпалась грунтом.

В пределах Согда, начиная с XI в. — нач. XII вв., мы можем проследить погребения христиан в деревянных гробах, сделанных из досок, в двухчастных могилах или могилах с подбоем, встреченных при раскопках могильника Дурмон-тепе. Отметим, что как Восточный

некрополь (Раскоп 12), так и Западный (Раскоп 1) функционировали длительное время. Первоначально на холмах хоронили по зороастрийскому погребальному обряду, в оссуариях. Затем на некрополе прослеживаются могилы с подбоем, с ориентацией погребений север–юг, соотносимые археологами с мусульманским населением Дурмона. В какой-то период времени, вероятно, недолго на некрополе стали производиться захоронения по христианскому погребальному обряду: с иной ориентацией погребений — запад–восток, северо-запад–юго-восток, в деревянных гробах, в области головы укладывался кирпич-«подушка», а в погребении № 1 (Раскоп 12) был найден нашивной золотой крест. На взгляд автора диссертации, в данных погребениях прослеживается другая традиция, отличная от мусульманской. Также следует отметить, что на территории Согда с VIII в. христианские погребения фиксируются как на зороастрийских кладбищах, так и на мусульманских.

В области Юго-Западного Семиречья по археологическим источникам выявляется абсолютно идентичный погребальный обряд, который можно уверенно связать с христианским населением этих территорий.

Начиная с VIII в. на территории Семиречья, в Суябе, за пределами шахристана (Ак-Бешим, об. III), с его западной стороны на зороастрийском кладбище можно проследить захоронение по обряду трупоположения, рядом с которым был обнаружен керамический кувшин с прочерченным, по мнению Л.Р. Кызласова, прямо перед обжигом, равноконечным крестом. Л.Р. Кызласов датирует памятник VII–VIII вв. На взгляд автора диссертации, кувшин с крестом — это своего рода намогильный камень с крестом, символически показывающий, что погребен именно христианин, а не один из зороастрийцев.

На другом конце города Суяба, с его восточной стороны практически в это же время существовала христианская церковь (объект IV; VIII в.), в период ее функционирования под стенами церкви, не нарушая их, и с восточной стороны — перед алтарным помещением, совершались погребения местных насельников. Когда церковь перестала функционировать по прямому назначению, захоронения в ней продолжались. После того как церковь уже начала разрушаться, на руинах церкви стали погребать местных мусульман. Христианские погребения при церкви позволяют нам выявить все стороны погребального обряда христиан этого времени:

1. Захоронение совершалась по обряду трупоположения.
2. Устройство могил имело самые разные варианты: просто грунтовая яма, грунтовая яма, обложенная сырцовым кирпичом, грунтовая яма с подбоем (слева или справа), катакомбные погребения.
3. Перекрытие могил также имело варианты: кирпичная выкладка из сырцовых кирпичей плашмя или кирпичами, поставленными на ребро.
4. Поверх могилы устраивалась намогильная конструкция.

5. В изголовье могилы устанавливался обработанный камень.
6. Ориентация костяка запад–восток — головой на запад, ногами к востоку.
7. Усопший укладывался на спину в вытянутом положении.
8. Положение рук в основном вдоль тела, но имелись и другие варианты: на груди, на животе, одна на груди, вторая вдоль тела, и т.д.
9. Под голову укладывался какой-то предмет, ассоциируемый с «подушкой» или просто кирпич.
10. Захоронения как правило безынвентарные. Исключение — детские погребения, в которых встречаются бусы и пронизки, серёжки и довольно редко — нательные кресты. Выказывалось мнение, что, возможно, отсутствие нательных крестов в средневековых погребениях можно связать с прямым запретом на погребение христианских святынь и реликвий вместе с усопшим [Мусин, 1997, с. 21].

Погребения с вышеуказанными характеристиками были встречены на некрополях других крупных городов того времени — на городище Красная речка, где на городском некрополе было встречено погребение с крестом. В пределах Древнего Тараза уже с VIII в. отмечаются захоронения христиан в деревянных гробах, сбитых из досок (некрополь Тик-Турмас, VIII в.). Отметим, что на территории Средней Азии, если это не отдельное кладбище при церкви (Ак-Бешим, об. IV; Ургут), христианские погребения практически всегда будут встречаться на городских некрополях: зороастрийских, языческих или мусульманских. В период средневековья, начиная с XIII в., в пределах Юго-Западного Семиречья уже появляются обособленные христианские кладбища, на которых хоронят только представителей христианского вероисповедания.

Археологическое изучение некрополей или индивидуальных погребений на территории Согда и Юго-Западного Семиречья с VIII в. показывают нам существование общей традиции христианского погребального обряда. Однако, если в Согде мы можем проследить захоронения христиан до нач. XII в. практически непрерывно, то в пределах Семиречья складывается несколько иная картина. Свидетельства христианского погребального обряда фиксируются с VIII в. до X в., если мы предположим, что какая-то часть погребений могла принадлежать христианам на некрополе Беловодской крепости. Затем до XIII в. о христианах Семиречья известно, что в X–XI вв. они проживали в пределах шахристана города Суяба, имели там монастырский комплекс (объект VIII) или даже резиденцию (устное предположение японского археолога К. Ямаучи). Патриарх Илья III (1176–1190) учредил несторианскую митрополию в Кашгаре и Невакете [Красная речка; Бартольд, 1964, с. 293–294]. Однако пока не обнаружено ни одного захоронения, относящегося к этому периоду (с X в. до конца XII в.), кроме захоронения (реликвии) в помещении № 23 монастырского комплекса церквей. Христианские кладбища

около Бишкека (Пишпекское/Кара-Джигачское) и около башни Бурана (Токмакское/Буранинское) появляются уже в начале XIII в. и функционируют до конца XIV в. Аналогичные даты отмечены на некрополе средневекового городища Илибалык (Северо-Восточное Семиречье).

При этом погребальный обряд христиан Согда и Семиречья VIII в. — нач. XII вв. ничем не отличается, имеет одни и те же характерные черты. Эти обычаи прослеживаются на кладбищах средневекового периода (XIII–XIV вв.) в Пишпеке, Токмаке и Илибалыке, с той лишь разницей, что к христианскому погребальному обряду добавляются местные, тюркские и кочевнические особенности. Как было отмечено В.В. Бартольд, «...кочевники, принимая новую религию, всегда сохраняют большую часть своих прежних шаманских обрядов и верований» [Бартольд, 1964, с. 285]. А на могилах фиксируются намогильные камни (кайраки) с эпитафиями.

При изучении несторианской церкви IX–XIV вв. на острове Сокотра [Наумкин, 1988; 1989, с. 158–161; 2012] вдоль внутренних северной и южной стен археологами были обнаружены каменные ящики. При вскрытии одного из ящиков выяснилось, что по конструкции он напоминает грунтовую могилу, обложенную каменными плитами. Костных останков не обнаружено, но было отмечено, что заполнение «могилы» состояло из грунта, сильно насыщенного известью. По мнению Ю.А. Виноградова, кости не сохранились из-за воздействия на них этой извести [Виноградов, 2012, с. 102–104, рис. 2, рис. 3; 2022, с. 429]. Вероятно, добавление извести в могилу умершего было намеренным. Может быть речь идет об определенном обряде, отмеченном только у сокотрийских христиан? Вероятно, данный вопрос требует дальнейшего исследования.

В 2022 г. около Ургута, в районе нахождения Ургутского монастыря, узбекскими археологами были произведены раскопки предположительно христианского некрополя. Информация по результатам работ в диссертацию не введена, в связи с отсутствием доступа к материалам.

2.3. Церковно-храмовые принадлежности

Предметы церковного обихода

К предметам церковного обихода относятся предметы, задействованные в ритуальных церковных обрядовых действиях. Это могут быть богослужебные сосуды, используемые на Литургии для совершения таинства Евхаристии (потиры, дискосы) или сосуды для употребления вина в церковные праздники. Чаще встречаются кадила и масляные светильники, в особых случаях — остатки одеяний церковных служителей. Для среднеазиатских христианских памятников случаи сохранения церковного облачения не известны. Исключение составляют фрагменты одежды в погребении № 2 (Западный некрополь. Раскоп 1) из могильника Дурмонтепе, в котором на умершем сохранились кусочки парчовой одежды. Г.В. Шишкиной высказывалось мнение, что погребенный с нашивным золотым крестом из могильника Дурмонтепе принадлежал к священническому сану [Шишкина, 1994, с. 61].

К литургическим предметам массового производства можно отнести бронзовые кадила, активно используемые в церковно-обрядовых действиях [Введение в историю церкви, 2012, с. 632]. Правда, для территории Средней Азии обнаружение подобных предметов нельзя назвать массовым, скорее, единичным и уникальным. К настоящему времени известны две находки, обнаруженные в Самаркандской области, — это бронзовое кадило из Ургута и бронзовая крышка, предположительно от кадильницы X–XI вв. [Грицина, 2018, с. 144, рис. 26]. Это небольшого размера крышка, по верху которой сделаны шесть отверстий в виде равноконечного креста. По центру — ручка в виде удлиненного овала. По краю крышки, на одинаковом расстоянии друг от друга, располагаются три выступающих отростка. Диаметр крышки 5,5 см, высота 6,6 см. Даже если этот предмет не крышка от кадильницы, наличие крестообразных украшений на ее поверхности позволяет отнести данный предмет к христианскому культу (рис. 145, 5).

Бронзовое кадило из Ургута

Уникальное для Средней Азии бронзовое кадило было обнаружено в с. Ургут (Узбекистан) и затем в 1916 г. Государственным Эрмитажем выкуплено у самаркандского торговца Мирзы Михди Юсупова с четырьмя другими вещами за 350 р. В научный оборот данный предмет был введен Г.Я. Дресвянской в диссертации по христианству в Мерве [Дресвянская, 1968b, с. 151–157, рис. 102, 103]. Со временем интерес к находке только возрастал [Залеская, 1972, с. 58–60; 1989, с. 191, № 258; Savchenko, Dickens, 2009, p. 121–135, 295–302; Savchenko, 2010, с. 74–82; Ashurov, 2013, p. 142–144, fig. 41].

В Эрмитаже кадило хранится под номером № СА 12758 [рис. 145, 1–4; Дресвянская, 1968b, с. 151]. Описание прилагается из диссертации Г.Я. Дресвянской: «...бронзовый сосуд со

сферическим туловом на высоком поддоне диаметром 5,6 см. Диаметр тулова — 12 см. Венчик с тремя ушками для подвешивания. Техника изготовления — литье в форме и чеканка. Отливка очень низкого качества, внутри много раковин, которые в 12-ти случаях образуют дыры, $d = 1,4$ мм, самая крупная $d = 6$ мм на дне. Толщина стенок = 4 мм. Из ушек на венчике одно отломано, второе приделано много позже изготовления лампы; оно проще, грубее, со следами клёпки. Ушки, по-видимому, имели форму трилистника, слегка загнутого внутрь. Венчик несколько сдавлен. Диаметр 10 см. На дне изображен крест с расширенными и утяжеленными перлами концами. По тулову широкой полосой в 4,4 см в глубоком рельефе развернута многофигурная композиция.» [Дресвянская, 1968b, с. 151–152]. Отметим, что Г.Я. Дресвянской представлено скорее археологическое описание предмета, чем искусствоведческое, которое мы увидим в описании В.Н. Залесской.

Г.Я. Дресвянская в своей работе предоставила прорисовку сцен с уругтского кадила и дала краткое описание к каждой композиции.

На предмете было изображено шесть сюжетов из Нового завета: «Благовещение», «Встреча Марии и Елизаветы», «Рождество», «Крещение», «Распятие», «Воскресение Господне или Жены-мироносицы у гроба». Все сцены объединены единым замыслом — показать важнейшие евангельские сцены [Дресвянская, 1968b, с. 155–156], которые в VI–VII вв. чаще всего воспроизводились на культовых предметах массового характера [Залесская, 1972, с. 59]. Лампады или кадила с аналогичными сценами были распространены в Сирии, Палестине и Византии. Из этих областей вместе с христианскими проповедниками эти предметы поступали в Среднюю Азию. Метод чеканки, форма и литье позволили Г.Я. Дресвянской отнести уругтское кадило к местному производству [Дресвянская, 1968b, с. 156].

В 1972 г. к этому предмету был вновь проявлен интерес уже со стороны Государственного Эрмитажа. В.Н. Залесская, известный специалист по истории и археологии Византии отмечает, что все фигуры на предмете отличались укороченными пропорциями, контуры были вырезаны на поверхности металла довольно глубоко. Черты лиц практически не читались. Фриз с евангельскими сценами сверху был ограничен двумя декоративными полосами: одна включала бордюр из трилистников, под ней шла полоса из тесно примыкающих друг к другу небольших кружков. Внизу при переходе от ножки к тулову также располагалась полоса, состоящая из вписанных друг в друга треугольников. Верхняя часть треугольников покрыта пунктиром (у Г.Я. Дресвянской прорисовано подобие мелкой зерни), а в нижней части каждого треугольника помещен кружок. Ножка кадила украшена гравированным орнаментом из стилизованных растительных побегов, а на дне сделан рельефный равноконечный крест с бусинами на концах. По краю венчика располагались три ушка для подвешивания и три выступа между ними [Залесская, 1972, с. 58].

Проведя стилистический и иконографический анализ ургутского кадила в сравнении с аналогичными, найденными в Сирии, В.Н. Залесская пришла к выводу о сирийском происхождении кадила из Ургута и предложила в качестве наиболее вероятной датировки этого предмета VIII–IX вв., время понтификата Тимофея I (780–823 гг.) [Залесская, 1972, с. 59–60; 1989, с. 191, № 258]. С усилением в VIII–IX вв. миссионерской деятельности несторианского духовенства это кадило, по мнению В.Н. Залесской, вместе с другими литургическими предметами, могло попасть в один из монастырей в районе Самарканда, где, согласно письменным источникам, в XI в. продолжала существовать несторианская метрополия [Залесская, 1998, с. 191].

При датировке ургутского кадила В.Н. Залесская обратила внимание, что место находки — Ургут — издревле считалось местом и центром христианских поселений. Хорошо известно сообщение Ибн-Хаукаля о селении Шавдар (местность в окрестностях Ургута), в котором находился монастырь иракских христиан [Бартольд, 1964, с. 279]. Иная точка зрения представлена у Г.Я. Дресвянской, считавшей, что кадило было изготовлено местными ургутскими мастерами и использовалось представителями местных христианских общин [Дресвянская, 1995, с. 342–358].

Широкое исследование этой группы предметов европейским ученым Р.В. Гамильтоном позволило сузить дату до VIII в. [Hamilton, 1974, p. 53–65]. Об этом упоминает А.И. Наймарк, в своей диссертации, посвященной влиянию Византийского искусства на согдийское христианство [Naymark, 2001, p. 80].

Археологические раскопки Восточно-Согдийской экспедиции полностью подтвердили данные письменных источников о существовании в этой области двухнефной церкви, монашеской и приходской. Можно заключить, что находка такого предмета, как церковное кадило, в пределах селения Ургут вполне вероятна и служит еще одним подтверждением того, что в этом районе с VIII в. до нач. XIII в. проживала значительная христианская община.

К христианским культовым предметам также можно отнести фрагменты или детали от светильников (ламп) с изображением крестов. Находки были встречены при раскопках городской мечети Тараза, которая, предположительно, первоначально функционировала как церковь в VIII в., но в конце IX — начале X в. была перестроена в мечеть [Железняков, 2022, с. 147]. Речь идет об орнаментированной части от бронзового светильника с крестом, «вырастающим» из цветов лотоса (рис. 178, 2). Размеры фрагмента: 5,3х3,8 см, креста: 2,5х2,5 см. На листьях и под ними порисованы рельефные линии. Предполагается, что иконография предмета восходит к несторианскому христианству Китая, откуда в результате гонений в 845 г. христиане-несториане появляются в Таразе [Железняков, 2022, с. 142–144, рис. 5]. Вторым предметом, связанным с христианством Тараза, можно считать фрагмент ажурной бронзовой

решетки с равноконечным крестом в круге. Ветви креста выполнены в форме обрамленных крестов, нижняя ветвь которых более удлинена. Предполагается, что это также деталь от светильника. Размеры предмета: 12,7 x 8,2 см (рис. 178, 1) [Железняков, 2022, с. 142–143, рис. 6].

Помимо предметов, имеющих непосредственное отношение к религиозно-культовым обрядовым действиям, совершаемым в храмах и церквях, при раскопках встречаются фрагменты различной керамической посуды с крестами, прочерченными до или после обжига, или нарисованными черной краской. При этом формы крестов довольно разнообразны. Очевидно, что используемая при церквях керамическая посуда не обязательно должна быть промаркирована крестом или крестообразным знаком. Как правило такая посуда соответствует той эпохе, в которой функционировало определенное религиозное сооружение, как например, в церкви с кладбищем (об. IV) или монастырском комплексе церковей (об. VIII) на городище Ак-Бешим.

Фрагменты керамики или целые предметы с прочерченными крестами встречаются как при раскопках церковных сооружений (храм в Ургуте, комплекс церковей Ак-Бешима, об. VIII), так и на некрополях при погребениях (Ак-Бешим, об. III, погр. № 3) или как случайные находки на всей территории Средней Азии и Южного Казахстана (городище Канка, Красная речка и т.д.).

Керамическая посуда с христианскими знаками

Керамическая и металлическая посуда с прочерченными, проштампованными или прорисованными на ней крестами, обнаруженная на территории Средней Азии, условно делится на следующие варианты, при этом эти варианты взаимосвязаны:

1. Керамическая посуда, найденная при раскопках церковных сооружений: Хароба-Кошук, Ургутский монастырь, церковь с кладбищем (Ак-Бешим, об. IV), монастырский комплекс (Ак-бешим, об. VIII).

2. Кресты на керамических сосудах, сделанные методом штампа или каким-то предметом до обжига.

3. Кресты на керамических сосудах, сделанные (прочерченные) после обжига.

4. Кресты или символы христианства (голубь, рыба), прорисованные на блюдах или тарелках.

5. Металлические блюда со сценами из Ветхого или Нового завета и церковная посуда.

При частичных раскопках базиликальной церкви Хароба-Кошук, расположенной в Мервском оазисе (Туркмения) в 2011 г., в ее восточной части были обнаружены фрагменты керамики, часть из которых была опубликована автором раскопок [Osmida, 2011, p. 171, Fig. 21]. Это керамический сосуд со штампованным изображением рисунка, визуально разделенного на три части (рис. 146, 1). В верхней части тулова, под горловиной, изображено дерево (Древо

Жизни, по мнению Г.Р. Осмиды); ниже под ним — рыбы, поддерживающие ртом круг, внутри которого, со слов Г.Р. Осмиды, располагаются животные. В области рыбьих хвостов прослеживаются небольшие круги. Ближе к донцу проходит третий пояс изображений — маленькие равноконечные кресты [Osmda, 2011, p. 165, 171, Fig. 21]. К сожалению, качество самого изображения сосуда в статье оставляет желать лучшего, также не совсем понятен принцип подачи материала автором раскопок, поэтому описание сосуда дается, в большей степени, по публикации. Датировка данного сосуда — XI–XII вв.

На другом фрагменте большого керамического сосуда был зафиксирован штампованный рисунок в виде шагающих львов Львы, идущие по направлению влево, с правой поднятой лапой. Со слов автора раскопок, всю картину венчало сияющее солнце. Датировка данной керамики — XI–XII вв. Найденные там же другие фрагменты керамики, украшенные куфическим письмом, Г.Р. Осмида относит к богослужебному несторианскому письму [Osmda, 2011, p. 168–169].

Штампованный рисунок в виде крестов был широко распространен по всей территории Средней Азии, начиная с VII в. и заканчивая концом XIV в. При изучении городища Куйрыктобе в Отрарском оазисе была найдена керамическая кружка с изображениями на ней равносторонних крестов, выполненных штампом (рис. 149, 2). К сожалению, в публикации не указан масштаб и размеры кружки. Верхняя часть кружки не сохранилась. Сохранилась часть венчика в месте пересечения с ручкой. Ручка широкая, каплевидной формы. В верхней части ручки сделан рельефный равносторонний крест на небольшом округлом налете. Ниже, по внешней стороне ручки, располагались кресты, сделанные штампом. В верхней части тулова кресты шли в ряд, сверху вниз. По тулову кружки сделан неглубокий поясок, в котором находились кресты, идущие один за другим. Каждый крест помещался в овальную форму. Вероятно, такое впечатление и восприятие рисунка складывалось из-за глубоких врезных треугольников, сделанных в верхней и нижней частях крестов. Под поясом из крестов следовал рисунок в виде простых крестов, идущих рядом друг с другом. Специалисты датируют находку VII–IX вв. [Байпаков, Терновая, 2018, с. 26, 129, фото 4]. Обоснование предложенной датировки авторами публикации не представлено.

Фрагмент керамического сосуда с аналогичными крестами (XI–XIII вв.) был найден также на территории Казахстана при обследовании городища Антоновка [г. Каялык; Байпаков, Терновая, 2018, с. 26, 129, фото 3, Железняков, 2005, с. 51; рис. 114, 3]. Интересно, что верхний пояс штампованных изображений в виде буквы S, идущих на этом фрагменте сосуда сразу под горловиной, также был отмечен на керамике, найденной в Самаркандской области (рис. 149, 4). Датировка и место самаркандской находки автору диссертации неизвестны. Необходимо отметить, что изображение креста такой формы на территории Средней Азии больше не встречалось. Этот крест с удлиненной нижней ветвью, имеет широкие, но короткие

горизонтальные ветви и трапециевидную верхнюю ветвь. Аналогичное изображение буквы «S» или цифры «3» (цифры «3» в зеркальном отображении) вместе с крестообразным знаком встречается на стенках оссуариев, обнаруженных при раскопках Древнего Пенджикента [Маршак, Распопова, 2004, с. 159, рис. 99].

На городище Антоновка (Казахстан) также найден фрагмент венчика горшка или хума, который датируется XI–XIII вв., с другой формой креста. Крест на указанном фрагменте равноконечный, с расширяющимися концами от центра к внешнему краю [рис. 149, 3; Железняков, 2005, с. 51]. Аналогичный равноконечный крест с рельефными ветвями в круге был прослежен на фрагменте керамического сосуда, найденного на городище Эски Хавас в Самаркандской области (рис. 146, 5) и датируемого XII в. Кресты, украшавшие эту часть сосуда, располагались в один ряд, сверху вниз, на одинаковом расстоянии друг друга [Грицина, 2018, с. 155, рис. 34].

В Андижанском краеведческом музее (г. Фергана) хранится крышка от сосуда, обнаруженная в центре Андижана в 1959 г. во время плановых строительных работ. Крышка находилась в слоях X–XII вв. Изготовлена она была из красноватой глины с примесью гипса. Форма крышки выпуклая, с отогнутым краем. Диаметр венчика 17 см, высота 5 см [рис. 146, 8; Абдулгазиева, 1994, с. 82–83]. Внешняя поверхность крышки была покрыта штампованными равносторонними крестами. Кресты одного размера располагались по широкой части крышки; сверху и снизу они были оконтурены: снизу — волнообразным изображением, сверху определить характер рисунка не удалось. По мнению А.В. Савченко, эта находка является не крышкой от сосуда, а чашей для ритуальных омовений [Savchenko, Dickens, 2009, p. 302]. На взгляд автора диссертации, оснований для такого вывода у нас нет.

Специалистами отмечено, что указанная крышка была сделана в калыбе (форме, штампе). Преимущества его в том, что узоры и знаки на крышке расположены симметрично, на одинаковом расстоянии друг от друга и аккуратно. Кроме того, калыб давал возможность серийного выпуска керамических изделий, а это означает, что был спрос на сосуды с христианской символикой [Абдулгазиева, 1994, с. 82].

Украшение керамических сосудов штампованными крестами в самых разных стилистических вариантах — в виде равноконечного креста с расширяющимися концами, прямого креста, восьмилепестковой розетки, иногда знака свастики были прослежены на фрагментах керамики XII–XIV вв., обнаруженных при раскопках средневекового городища Илибалык (Казахстан).

Вероятно, украшение сосудов крестами, выполненными штампом, было широко распространено в христианской среде. Археологически это можно проследить на территории Мерва в XI–XII вв., в Фергане (XI–XII вв.) и на юге Казахстана, начиная с VII в. С XIII в.

фрагменты с изображением штампованных крестов встречаются на городище Илибалык (Северо-Восточное Семиречье). Речь не идет о массовом производстве, скорее, вышеописанные предметы изготавливались в небольших количествах. Хотя наличие штампованных крестов и крышки от сосуда из Андижана предполагает серийное производство керамической продукции.

Помимо тулова сосудов, рельефными крестами также украшались ручки. Такая находка была обнаружена в Древнем Таразе (рис. 149, 1) — сохранившаяся ручка от керамического сосуда, на внешней стороне которой методом штампа был нанесен рельефный равносторонний крест, располагавшийся на квадратной площадке. Ветви креста расширялись от центра к внешним краям. В средокрестии сделан круг с углублением. Фрагмент датируется IX–X вв. [Байпаков, Терновая, 2018, с. 13, 15, рис. 3]. Интересно, на одной из крепостей пригорода в Нижнем Барсхане (ок. Тараза; Казахстан) был обнаружен керамический штамп из обожженной глины для нанесения таких рисунков [рис. 164, 2; Сенигова, 1968, с. 51–97; Байпаков, Терновая, 2018, с. 13]. На этом штампе был изображен равноконечный крест с расширяющимися концами и кругом в средокрестии. Штамп был предназначен для серийного изготовления оттисков на глиняных предметах [Сенигова, 1968, с. 53, рис. 1, 6].

При раскопках Ургутского монастыря, расположенного недалеко от Самарканда, специалистами, помимо фрагментов керамики, были обнаружены фрагменты посуды из стекла: донце и верхняя часть изящного кувшина с ручкой, и верхняя часть сосуда с тонким горлышком [www.exploration-eurasia.com; рис. 147, 1]. Из керамических фрагментов следует выделить донце керамического кубка, используемого, предположительно для обряда Евхаристии (рис. 147, 2). Интересно, что похожий керамический кубок был найден на городище Каршаул-тепа (VI–IX вв.), где были обнаружены нательный крестик и фрагменты керамики с прочерченными крестами (рис. 147, 6–9). Хотя указанный памятник не позиционируется учеными как христианский, но, учитывая его месторасположение на одной из веток Великого шелкового пути, предметы христианского культа на нем вполне возможны.

В упомянутом ранее Ургутском монастыре были найдены керамические крышки от сосудов со штампом в виде восьмилепестковых розеток, составляющих равноконечный крест (рис. 147, 3, 4). Штампы аналогичных розеток были прослежены на венчиках хумов, обнаруженных в Семиречье, на городище Красная речка и об. VIII городища Ак-Бешим. На монастырском комплексе церковью (об. VIII) данные хумы использовались для хранения вина. Винодельня для его производства была открыта при раскопках в 1996–1998 г. в помещении № 4, церкви «А» [Семенов, 2002, 56–58, рис. 14]. Можно предположить, что христиане Средней Азии восьмилепестковой розеткой отмечали сосуды для хранения вина.

Помимо штампов в виде розетки, при раскопках Ургутского монастыря в нише основной восточной стены был обнаружен фрагмент керамической тарелки с крестом, сделанным до

обжига (рисунок был нанесен предположительно пальцем) (рис. 147, 4), а также фрагмент декоративной плитки, украшавшей неф монастыря. На плитке до обжига был сделан вдавленный крест с удлиненной нижней ветвью (рис. 124, 5).

При раскопках церкви с кладбищем (об. IV) на городище Ак-Бешим, помимо фрагментов керамики от котлов и сосудов, сохранились предметы, которые, Л.Р. Кызласовым были определены как остатки поминок [Кызласов, 2006, с. 329]. Это носик от узкогорлого кувшинчика с ручкой, целый кувшин и две кружки с отбитым верхом (рис. 150, 1–4). Вероятно, именно то, что у кружек верхняя часть была отбита, позволило ученому предположить, что эта посуда использовалась как поминальная. Все сосуды были сделаны на круге. На ручке одной из кружек был сделан интересный налест: лицо бородатого мужчины, с длинными усами, в мягкой шапочке с ушами. Черты лица выделены четко, глаза раскосые и выразительные, нос и щеки слегка объемные. По мнению ученого, перед нами очевидное изображение тюрка [Кызласов, 2006, с. 329, рис. 113]. Отметим, что кружки, найденные при раскопках церкви, в VIII в. и позже широко применялись во всей округе Юго-Западного Семиречья.

Археологические работы на монастырском комплексе церковью (об. VIII, Ак-Бешим) выявили фрагменты как обычной гончарной керамики, так и глазурованной, появление которой относится к караханидскому времени [Семенов, 2002, с. 95]. Кроме венчиков хумов, на которых были обнаружены штампы из восьмилепестковой розетки, и керамических плакеток (предполагаемых иконок) с крестом, керамическая посуда при функционировании монастыря не выделялась какими-то христианскими символами или крестами.

Помимо штампованных крестов на керамических сосудах, в Семиречье на городище Красная речка был найден фрагмент венчика с туловом, на котором до обжига не очень острым предметом был прочерчен равносторонний крест (рис. 148, 3). Ветви креста расширились от средокрестия к внешним оконечностям. В центре каждой ветви проставлена точка [Кольченко, 2018, с. 77, рис. 28]. Фрагмент датируется XII в. Достоверно известно, что в Невакете/Навекате (историческое название городища Красная речка) проживали христиане. Это подтверждается находками нательных крестов и единичными надгробными камнями (кайраками) [Кольченко, 2018, с. 76]. На общегородском некрополе этого городища было обнаружено захоронение молодой женщины с нательным крестом в области шеи. Умершая была захоронена по всем правилам христианского погребального обряда [Кольченко, 2018, с. 76; Михеева, 2021, с. 349–350].

Идентичный по форме крест был отмечен на фрагменте черепка, найденном также в области Семиречья, при исследовании городища Ак-Тобе Таласское, расположенного на правом берегу р. Талас, около г. Талас [Кожемяко, 1963, с. 151, табл. II]. П.Н. Кожемяко представил этот фрагмент с крестом в таблице, по гончарной керамике датирован VIII–IX вв. К сожалению, по

рисунку сложно определить, был ли крест сделан до обжига или после (рис. 148, 4). В отдельных случаях это имеет важное значение.

При исследовании раннесредневекового городища Мунон-депе (Мунон-депе), расположенного на исторических землях Северного Хорасана (в Туркмении), археологами был обнаружен хум, на внешней стороне его тулова после обжига был прочерчен крест по типу латинского, с удлиненной нижней ветвью. Ветви креста слегка расширялись от центра к оконечностям, внутри креста был прочерчен еще один крест, состоявший из двух прямых линий. Датировка хума — с IV в., верхняя дата не определена (рис. 146, 2). Интересно, что практически идентичный крест был встречен при раскопках погребального комплекса (об. III) на городище Ак-Бешим. Акбешимский крест прочерчен в несколько иной технике, но смысловая составляющая — крест в кресте, на взгляд автора диссертации, единая.

При археологических работах в 1954 г. на городище Ак-Бешим, проводившихся на зороастрийском некрополе (Погребальный комплекс, объект III), Чуйским отрядом ККАЭЭ под руководством Л.Р. Кызласова в коридоре неясного назначения было расчищено погребение № 3. В области тазовых костей погребенного были найдены фрагменты однорожкового кувшина с ручкой, носик которого не сохранился (рис. 148, 1). На тулове кувшина после обжига был прочерчен крест с расширяющимися ветвями [Кызласов, 1955. Отчет ..., № 1018а, рис. 137]. Умерший был погребен по обряду труположения. Л.Р. Кызласов, предположил, что крест был прочерчен непосредственно перед захоронением [Кызласов, 2008, с. 40–48, рис. 3, II]. Форма креста, с равносторонними ветвями, расширяющимися к внешним краям, по мнению ученого, говорит о том, что это захоронение и весь комплекс связаны с манихейской погребальной традицией [Кызласов Л.Р., 2006, с. 314–322; Кызласов Л.Р., 2006, с. 138–150; 2008, с. 40–48, рис. 3, III]. Автор диссертации не совсем согласен с интерпретацией формы этого креста как равностороннего. На взгляд диссертанта, нижняя вертикальная ветвь креста длиннее верхней, а боковые горизонтальные ветви короче вертикальных. По форме это латинский крест с удлиненной нижней ветвью, внутри которого прочерчен крест в виде двух прямых линий. Погребальный комплекс (об. III) датируется Л.Р. Кызласовым VII–VIII в. Фрагмент верхней части сосуда (чаши или кружки) с волнистым бортом, обнаруженный при раскопках в Пенджикенте в завале помещения № 18, на котором также после обжига был прочерчен абсолютно идентичный крест, с удлиненной нижней ветвью и расширяющимися лопастями от центра к внешним краям, датируется VIII в. [рис. 148, 2; Распопова, 2014, с. 155, рис. 1, 2, 2а].

В.И. Распопова в своей работе о христианах Пенджикента пишет, что кресты на этих двух находках (из Ак-Бешима и Пенджикента) роднит то, что люди, которые нанесли эти кресты после обжига, хотели отметить особое предназначение сосудов [Распопова, 2014, с. 155]. Автор диссертации полагает, что в случае с христианским погребением на зороастрийском кладбище

(Ак-Бешим, об. III), при котором был найден кувшин с крестом, необходимо говорить не об особом назначении сосуда, а о роли сосуда, как маркера или показателя именно христианского захоронения, отличного от других — зороастрийских. Практика захоронения христиан на общегородских некрополях (зороастрийских, мусульманских) широко применялась на протяжении всего существования христианства на территории Средней Азии (подробнее об этом см. в главе по погребальному обряду).

Помимо фрагментов керамики с крестами, в Самаркандском Согде и в Семиречье были найдены целые сосуды, украшенные крестами различной стилистической и художественной формы. Эти кувшины принадлежат одному временному промежутку — с VII по IX вв. Недалеко от Ургутского монастыря, на городище Кук-тепа (рядом с городищем Гуз), случайной находкой был обнаружен керамический кувшин с отбитым венчиком (рис. 146, б). Тулово кувшина шарообразной формы, в его верхней части небольшими кружочками (лепешками) был сделан крест. Горизонтальная ветвь креста состояла из четырех кружочков, вертикальная — из шести. Вокруг креста и в его нижней части, вероятно, после обжига прочерчены сирийские буквы — имитация сирийской надписи [Savchenko, Dickens, 2009, p. 302, fig. 15]. К сожалению, при публикации этого кувшина не был указан его масштаб. Вероятно, кувшин служил в качестве сосуда для каких-то освященных жидкостей (воды или вина).

В Семиречье (на северо-западе — в Таласской долине) также были найдены два керамических кувшина с христианской символикой. На одном кувшине с ручкой, верхняя часть (венчик) которого не сохранилась, черной краской были нарисованы кресты разной формы, большие и маленькие (рис. 148, 5). Маленький крест равносторонний, ветви его заканчивались крупными каплями. По горлышку и по тулову кувшина следовали украшения, сделанные также черной краской и довольно искусно [Arta from the Land of Timur, 2012, p. 109, 211]. К сожалению, данный кувшин, как и все вышеописанные находки, доступны только в публикации, рассмотреть более подробно рисунок на данном кувшине не представляется возможным.

Довольно интересен керамический лепной кувшин (кувшинчик), найденный на городище Садыр-Курган (средневеков. Шельджи) в Таласской долине (рис. 149, 5). Авторы публикации указали дату VII–IX вв. Он небольшой, высотой 12,5 см, в диаметре 9 см. При публикации масштаб не был указан. Горло кувшина состоит как бы из двух частей, между которыми была помещена фигурка человека с распростёртыми руками — несомненно, это образ Иисуса Христа, изображение Распятия. Лицо вылеплено в виде небольшого овала, на котором довольно схематично, палочкой, проставлены глаза и рот. Слегка намечен нос. Из-за того, что рот сделан в виде глубокой точки, создается впечатление, что он широко открыт (как на картине Э. Мунка «Крик»). Руки внутренней стороной повернуты к смотрящему, ладони сделаны в виде рельефных углублений. Туловище и ноги как бы сливаются воедино и в целом показаны схематично, но

создается впечатление, что фигура на что-то опирается. Сам сосуд состоит из широкого кругообразного тулова, расположенного на массивном выделенном донце. Горло кувшина также широкое и в верхней части сохранилось частично [Arta from the Land of Timur, 2012, p. 107, 208]. Прямых аналогий данному кувшину на территории Средней Азии и Южного Казахстана нет. Можно предположить, что данный кувшинчик относится к одному из течений христианства, прослеженному на территории Средней Азии, в которых почиталась сцена Распятия, — к мелькитской (православной) церкви.

Как известно, несторианская церковь на крестах, плакетках и других предметах всячески избегала сцен, связанных с Распятием. Впервые на это обратил внимание С.С. Слуцкий, изучавший Семиреченские надгробные камни-кайраки с Припишпекского (Кара-Джигачского) и Притокмакского (Буранинского) кладбищ [Слуцкий, 1889, с. 66]. Ни на одном из несторианских крестов, найденных в Синьцзяне, Внутренней Монголии, Шаньси и Пекине, также не оказалось изображения распятого Христа [Ломанов, 2012. С. 71]. Архимандрит Палладий при описании христиан-несториан периода династии Юань отмечает, что в документах монастыря Да син го сы (1281 г.) указывается, что «Крест есть подобие человеческого тела, они (христиане) вешают его в своих жилищах, рисуют в храмах, носят на головах, вешают на груди и знаменуют им четыре страны света, верх и низ» [Архимандрит Палладий, 1877, с. 39; Ломанов, 2002, с. 71]. Сравнение креста с человеческим телом образно из-за его сходства с фигурой человека с распростёртыми руками, в котором сложно увидеть распятого Иисуса Христа, «...потому что несториане, по свидетельству историков, не допускали на кресте подобных изображений» [Архимандрит Палладий, 1877, с. 42].

Отметим, что на блюде-дискосе IX–X вв., найденном около с. Григоровского Пермской губернии, на одном из медальонов изображено «Распятие» — Христос и разбойники стоят на двойной подножной доске без креста с широко раскинутыми руками [Даркевич, 1976, с. 28; Залеская, 1998, с. 194]. В случае кувшинчика из городища Шельджи, возможно, керамист скопировал образ Христа у торевтов, взяв за основу изображение сцены с Григоровского блюда. При этом считается, что евангельские сюжеты, изображенные на Григоровском блюде, связаны именно с несторианской традицией, так как в сцене «Вознесения» отсутствует образ Богородицы — несториане признавали деву Марию лишь Христородицей, но не Богородицей [Даркевич. Маршак, 1974, с. 213–222; Залеская, 1998, с. 194, 261]. Создавая образ распятого Христа на кувшине, возможно, мастер просто не стал вникать в библейские тонкости, поэтому уверенно относить данное изображение к мелькитам мы не можем. Отметим, что на городище Шельджи в разное время были найдены христианские нательные кресты, поэтому вышеописанный кувшин — это не единственная христианская находка на данном памятнике.

Подражание мастеров керамистов резчикам по металлу или торецтам в согдийской керамике VII–VIII в. отмечали в своих работах ещё Г.В. Григорьева и Б.И. Маршак [Григорьев, 1946, с. 94–103; Маршак, 1961, с. 177–201; Маршак, 1971, 14]. В фондах музея истории Узбекистана хранится уникальный предмет, связанный с христианством на территории Средней Азии, в частности, в Согде. Это керамическая фляга IX–X вв., найденная на территории Согда [рис. 146, 7; Мусакаева, 1994, с. 48, рис. 9]. Масштаб, размеры, вместимость, сохранность, точное место находки и основание для его датировки, автору диссертации неизвестны. Фляга сделана в виде небольшого бочонка, на каждой из сторон которого в ромбовидной рамке помещен равносторонний крест. Фляга стоит на четырех ножках, довольно устойчивых. В пространстве между крестом и ромбом помещено, возможно, украшение в виде зернистых рельефных точек. Стилистика изображения креста и его орнаментация необычные — ветви широкие, равносторонние, оконечности ветвей прямые, но углы заострены. Для более простого описания формы данного креста можно представить квадрат, углы которого аккуратно срезаны в виде полукруга. В центре креста украшение, сделанное до обжига тонким предметом, состоящее из многолепестковой розетки (16? лепестков) с кружком в середине. Розетка располагается внутри двух окружностей, внутренняя — более мелкая, внешняя — крупнее. Розетка и окружности расположены внутри креста, формы которого повторяют основной крест, сделанный в виде налеса из тонких полос. Ветви внутреннего креста украшены треугольниками, вершины которых соприкасаются с внешней окружностью. По предположению диссертанта, данная фляга была сделана согдийскими гончарами. Украшение креста на фляге — розетка из шестнадцати лепестков в окружностях — аналогично изображениям на серебряном блюде и посуде Согда и Уструшаны VIII–IX вв. [Маршак 2017, с. 703, 705, рис. 255, 255а, рис. 257]. Розетка относится к древним и широко распространенным орнаментам, как в Сирии, Палестине (на оссуариях), так в Византии и Согде. Пространство между крестом и ромбом, в котором расположен крест, заполненное «зернистым» рисунком, также стилистически напоминающим мелкую чеканку на металлических блюдах. Возможно, гончар при украшении креста, хотел передать современную ему художественную тенденцию.

Этим же временем (X в.) датируется фигурный водолей, обнаруженный на городище Калаи-Кахкаха III в исторической области Уструшаны, во дворце уструшанских царей-афшинов [рис. 151, 1; Таджикистан; Негматов, 1968, с. 33]. Калаи-Кахкаха III расположено в западной части Шахристана и в средневековье представляло собой рабад или предместье. При каких условиях был найден данный предмет неизвестно, но указано, что находка случайная. Водолей изготовлен из обожженной глины, сверху покрытый глазурью. Высота 24,5 см, длина 24 см, ширина 15 см. На груди водолея розетка, заполненная треугольниками с точками в центре. Рельефом обозначены крылья, на которых прорисованы розетки, заполненные многолучевой

звездой и узором из точек. На концах крыльев рельефно изображена косая штриховка. Спина водолея украшена резным орнаментом. На боку, с двух сторон, вырезан равносторонний крест, расположенный в красном нарисованном круге, заключенный в круглую рамку черного цвета. Голова круглая. К шее и к основанию хвоста прикреплена ручка. Вода заливалась в нижнюю часть горловины, а выливалась через овальный рот и глаза [Смирнова, 1953, с. 200–201; Древности Таджикистана, 1985, с. 313, 806]. Считается, что это фантастическое животное на трех ножках с туловищем птицы и головой какого-то животного. Никто из ученых не интерпретировал данный предмет как христианский. О том, что жители Уструшаны были знакомы с христианством, известно по эпиграфическим источникам. При раскопках дворца на стене центрального коридора здания была открыта фреска длиной в 1,5 м, высотой 85 см с сюжетной сценой о Ромуле и Реме, основателях Рима, — так называемая «Капитолийская волчица» [Негматов, 1968, с. 33]. Знакомство с легендами Рима, вероятно, произошло в результате тесных контактов, основанных на торговле. Древняя Согдиана, Уструшана и Фергана были известными перевалочными пунктами, связывавшими Среднюю Азию и Византию.

Практически идентичный крест, но не вырезанный, а прорисованный, был прослежен на блюде с городища Канка [конец X–XI вв.; Грицина, 2018, с. 146, рис. 29; рис. 151, 4]. Городище Канка или Харашкет — один из крупнейших городов древнего Чача. Расположен в 70 км к юго-западу от Ташкента. Канка состоит из квадратной цитадели с шахристаном около 7 га. Второй шахристан более крупный, окруженный стеной. Третий шахристан более 150 га. Стены всех шахристанов монументальны. Хорошо сохранились оборонительные валы, остатки ворот и магистралей, базарные площади и караван-сарай. Большинство находок, обнаруженных в Чаче, непосредственно связаны с городищем Канка [Грицина, 2018, с. 140–141]. На этом же городище были обнаружены фрагменты других чаш и сосудов, украшенных крестами [рис. 151, 5, 6; Грицина, 2018, с. 146, рис. 29]. Формы крестов, встреченных на посуде, чрезвычайно разные: крест равносторонний с расширенными концами, крест прямой, с каплями в центре и на концах ветвей, крест «типично несторианский» — равносторонний, с расширяющимися от центра к внешним оконечностям концами и украшениями на концах и в центре креста.

Помимо крестов, на городище Канка был найден фрагмент керамической чаши с прорисованными голубями (рис. 151, 7). Аналогичное по сюжету блюдо, но с одним прорисованным голубем, было найдено на одном из археологических памятников в Таджикистане (рис. 151, 2). Помимо голубей, на блюдах встречаются изображения рыб. Одно из таких блюд происходит из Самарканда (X в.), на нем изображены две рыбы, повернутые головами в разные стороны [Вишневская, 2009, с. 333; рис. 151, 3]. В раннехристианской традиции голубь трактовался как символ чистоты и невинности, жертвенности и кротости. Рыба и ее образ имели важнейшее значение в искусства раннего христианства. Изображение рыбы

использовалось как знак Христа, символ таинства Крещения и Причащения [Вишневская, 2009, с. 336]. Возможно, что все описанные изображения на блюдах голубей и рыб тесно связаны с христианской иконографией, несущую определенную символическую и смысловую нагрузку. Однако, как верно отмечено Н.Ю. Вишневской, когда речь идет о мотивах в росписи керамики, довольно трудно что-либо утверждать и доказывать наверняка. Мастер керамист в первую очередь ремесленник, а не богослов [Вишневская, 2009, с. 336, со ссылкой на Ильясов Дж., Ильясова, 2007, с. 108, 109].

Когда на блюде изображен крест, интерпретация изображения становится более очевидной. Одно из таких блюд было найдено в средневековом Ходженте, в свое время одном из крупных центров Мавераннахра. При раскопках одного из помещений, в яме, опущенной с пола, наряду с другими предметами, была обнаружена целая глазурированная чаша диаметром по венчику 24 см, по дну 8 см, высотой 4 см (рис. 151, 8). Чаша была покрыта белым ангобом. На дне ее «...коричневой краской очень своеобразно нанесена стилизованным арабским письмом надпись. Горизонтально вытянутые буквы с изгибом в середине, которые огибают другие, также вытянутые, но вертикально. Правая и левая буквы равные, а вертикальные длиннее.» [Цит. по: Беляева, 1994, с. 80]. Данная надпись была прочитана востоковедом Н.П. Кухаренко — «Иса и Марьям». Сама чаша была сделана в Ходженте местным мастером, но надпись и ее оформление, по мнению Т.В. Беляевой, говорит о ее христианской принадлежности [Беляева, 1994, с. 80]. Сам крест же показывал символическое Распятие, где место средокрестия неполного креста (без верхней ветви) выполнено так, что передает поникшую голову, а вязь букв — окончание ног [Беляева, 1994, с. 81]. Учитывая месторасположения Ходжента — на одном из торговых путей между Китаем и Западом, находки самых различных христианских предметов вполне очевидны. Можно предположить, что завуалированный крест, символ христианства, был намеренно прорисован в стилизованной форме, учитывая, что основной религией в государстве был ислам. Находка найдена в слоях IX–XI вв.

Отметим, что изображение креста как символа христианства, часто встречается на различных предметах и памятниках материальной культуры народов Средней Азии вплоть до начала XX в. [Кухаренко, Мальцев, 1988, с. 26]. В Бухаре над изголовьем постели матери и новорожденного ребенка краской красного цвета наносился крест — как считалось, для отпугивания злых духов и от сглаза. Предполагалось, что крест, наносившийся на дно керамических чаш еще в раннее средневековье, приносил тот же смысл — ограждение пищи от порчи и злых чар [Кухаренко, Мальцев, 1988, с. 26].

Металлическая посуда с христианскими знаками

Помимо керамических сосудов с крестами, на территории Средней Азии в разное время была обнаружена металлическая посуда, на которой различными способами были выполнены изображения кресты или сцен на библейские сюжеты (блюда). Таких предметов немного, но они очень важны для понимания общей ситуационной картины распространения христианства.

Согласно описанию материала И.А. Анбоевым, в Ташкентской области, в 1922 г, на правом берегу р. Салар, в обрыве берега были найдены костяк человека, бусы, монеты, небольшая статуэтка Христа, сидящего на ослике, чаша, небольшие кувшинчики розоватого цвета, бронзовый бокальчик и небольшая серебряная вазочка. Кроме этого, в могиле было найдено 6 золотых монет и 20 серебряных. Бусы и статуэтка Христа были сделаны из дутого серебра [Анбоев, 1959, с. 39–40]. В 1932 г. И.А. Анбоевым было опубликовано описание указанного бокала, выкованного из светло-желтой бронзы (рис. 146, 3). Размеры его: высота 7,8 см, диаметр по верху 6,5 см, по дну 4,8 см, толщина около 1 мм. На бокале сверху и снизу сделаны неглубокие насечки в виде прямых линий, затем такие же насечки, слегка наклоненные влево. По центру бокала между этими насечками изображено шесть арок по всему диаметру бокала. Арки одинаковы по размеру, в каждой арке посередине прорисована женщина с разведенными в стороны руками и немного поднятыми вверх, с ладонями, обращёнными к зрителям. На голове женщины — колпак или шапочка, украшенная бусами, на шее — два ряда бус, один ряд короткий, до шеи, второй ряд длинный, доходит до пояса. В ушах крупные кольцевидные серьги. На платье женщины прорисованы два крупных ряда пуговиц, по четыре штуки в ряду [Богомолов, 1994, с. 72–74; Мусакаева, 1994, с. 42–55, рис. 10].

И.А. Анбоев датировал этот бокальчик VI–VII вв., отметив, что указанные найденные предметы характерны для несторианского погребения [Анбоев, 1959, с. 40]. Г.И. Богомолов, основываясь на технике чеканки, отмеченной на бокальчике, отнес данную находку к VIII — нач. IX в. [Богомолов, 1994, с. 72–74].

На взгляд автора диссертации, самым интересным предметом в этом кладе можно считать фигурку Иисуса Христа на ослике, которую, вероятно, кроме И.А. Анбоева и держателей клада, никто больше не видел. Возможно также, что интерпретация данной фигурки как Христа — это субъективное восприятие и мнение И.А. Анбоева. При публикации своей заметки о данном кладе и бокальчике, И.А. Анбоев в заглавии статьи поставил знак вопроса, что подразумевает, что он не был уверен до конца, что это именно несторианский клад или вообще христианский. Тем не менее, из статьи в статью, в историографию изучения христианства на территории Средней Азии, вошло твердое убеждение, что фигурка на ослике — это Иисус Христос, а вышеописанный бокальчик — предмет христианского культа. По мнению диссертанта, считать данный предмет христианским, тем более несторианским, никаких оснований нет. Изображение танцующей

женщины на бокале близко изображениям жриц или богинь круга Анахиты в сасанидском искусстве [Богомолов, 1994, с. 72–73]. А.И. Наймарк, датирует данную находку позднеисламским периодом (XVII–XVIII вв.) и также отмечает, что к христианству она никакого отношения не имеет [Наймак, 2001, р. 80].

В настоящее время автору диссертационной работы известна только одна находка с изображением лика Христа. Это сердоликовая гемма, хранящаяся в Самаркандском музее, поступившая из коллекции Б.Н. Кастальского (№ КП 1870/32). Размеры геммы 12x7 мм, по форме — прямоугольник со скругленными углами. На гемме изображен мужской бюст в технике объемно-выемчатой резьбы. Волосы показаны в виде вертикальных насечек. Вдоль линии лба проходит линия — венец. Глаза и рот переданы в виде глубоких вдавлений и черточек. Фигура показана в рубаше с треугольным вырезом. Внизу помещено изображение креста. Вся композиция обрамлена рамкой. Слева надпись из трех букв: X O I, причем буква O представлена в виде рыбы, в вертикальном положении [Абдуллаев, 2005, с. 329–330]. К сожалению, нам доступно только описание данной геммы без иллюстрации.

Характерные для несторианского погребения предметы, как предположил И.А. Анбоев, не соответствуют реальной картине. Дело в том, что на территории Согда, не найдено ни одного христианского погребения периода VI–VII вв., поэтому говорить о «характерном наборе» нет оснований. Христианские погребения, как правило, безынвентарные. Интерпретация погребения как несторианского затруднительна в связи с тем, что археологически проследить к какому именно течению относился погребенный довольно сложно, скорее, невозможно. Набор предметов из этого погребения может быть прослежен как в языческих погребениях, так и в любых других. Следует заключить, что данный бокальчик с христианством никак не связан.

В Семиречье в 1923 г. у села Покровского, Пишпекского уезда, в кургане, который так и остался не исследованным, был обнаружен набор серебряной посуды, в который вошли кувшин изящной формы, блюдо и кружка [Городецкий, 1926, с. 77–81; рис. 152, 3]. На дне кувшина было отмечено пять штампов с крестами, состоящих из двух перпендикулярно перекрещивающихся линий. Изображение креста, стоящего на Голгофе, показанной тремя линиями, было обрамлено точками, в количестве 48 штук. Все пять крестов были отгиснуты крестообразно, и сделаны одним и тем же клеймом [Городецкий, 1926, с. 80, рис. 6]. Правда, В.Д. Городецкий называет эти кресты тамгами. Сложно предположить, находилась ли данная посуда в погребении или в каком-то другом археологическом контексте. По мнению Б.И. Маршака, это посуда согдийского производства, но штампы с крестами на дне кувшина, показывают, что мастер за основу брал Византийские сосуды и пытался выдать свое произведение за византийскую работу. Кружка из этого набора та же восходит к классическим образцам Византийской торевтики [Маршак, 2017, с. 112]. Б.И. Маршак датирует данный набор VII–VIII вв. [Маршак, 2017, с. 375]. В других

публикациях встречается дата VIII–IX вв. [Горячева, 2010, с. 222, рис. 130, *a*; Кольченко, 2018, с. 130, фото 6]. Учитывая общую историческую картину региона, вторая дата более оправдана. Также необходимо отметить знакомство местных мастеров с христианством и их символикой [Кольченко, 2018, с. 5].

Подтверждением того, что семиреченские мастера были хорошо знакомы не только с христианской символикой, но и с христианскими библейскими сюжетами, говорят находки известных серебряных блюд, обнаруженных за пределами Средней Азии, но изготовленных искусными резчиками по металлу в IX–X вв. в Семиречье.

В Пермской губернии Соликамского уезда около села Григоровского в 1897 г. было найдено серебряное с позолотой блюдо-дискос с евангельскими сценами и сирийскими надписями (рис. 152, 2). Обстоятельный анализ литургического и иконографического аспектов блюда был подробно дан Н.В. Покровским, Я.И. Смирновым и Д.А. Хвольсоном в первой публикации о блюде в 1899 г. [Хвольсон и др., 1899, с. 1–44]. Затем к находке обратились В.П. Даркевич и Б.И. Маршак [Даркевич, Маршак, 1974, с. 213–222]. Поднимался вопрос о ее датировке и локализации [Стасов, 1905]. Ученые пришли к выводу: несмотря на то, что иконография изображений ранняя, но с учетом грубости выполнения блюда представляет собой копию с композиции VI–VII вв. [Маршак, 2017, с. 333]. Блюдо было изготовлено в Семиречье, в IX–X вв. [Даркевич, Маршак, 1974, с. 261–217]. На блюде представлены три сцены: «Вознесение», «Жены-мироносицы у гроба» и «Распятие». Каждая сцена помещена в круглый медальон, рамки которых переплетались между собой. Между медальонами расположены две фигуры воинов, стерегущих гроб, сюжет «Отречение Петра» и в нижней части — «Даниил во рву львином». К изображениям добавлены поясняющие сирийские надписи: «Вознесение Христа», «Симон Петр, отрекающийся от Христа прежде, чем петух трижды пропел», «Воины, охраняющие могилу», «Распятие Христа», «Разбойник, которому он простил грехи его», «Разбойник налево от него», «Мария Магдалина, Мария», «Ангел», «Воскресение», «Лев», «Даниил» [Залеская, 1998, с. 194; Маршак, 2017, с. 332].

Как упоминалось выше, иконография Вознесения без Богоматери, была принята и сохранилась именно в несторианской среде [Маршак, 2017, с. 332]. В связи с этим блюдо, многие детали которого имели иранское происхождение, было отнесено специалистами к произведениям несториан — подданных Сасанидского Ирана [Хвольсон, и др., 1899, с. 1–44].

Второе блюдо, изготовленное на территории Семиречья, было найдено в 1909 г. близ д. Малая Аникова (Аниковское) Пермской губернии (рис. 152, 1). Это копия более раннего оригинала VIII в. На предмете методом гравировки и чеканки пуансонами были изображены сцены из книги Иисуса Наввина: Иерихон и Раав-блудница в своем окне в городской стене,

Вынос Ковчега Завета и трубящие жрецы, взятие города, Чудо Иисуса Наввина, остановившего одновременно и Солнце, и Луну [Залесская, 1998, с. 195].

Григоровское и Аниковское блюда были отлиты и расчеканены в одном регионе и в одно время, и оба скопированы с более ранних образцов. В компоновке сцен Аниковского блюда отмечено влияние буддийской иконографии [«Осада Кушинагара»; Залесская, 1998, с. 195; Маршак, 2017, с. 333–335]. Буддизм в VIII в. было широко распространён в Семиречье, что подтверждается археологическими источниками [Кызласов, 1959].

Оба блюда отнесены А.И. Наймарком к образцам согдийского христианского искусства [Naumark, 2001, p. 81]. Как отмечает ученый, первоначальное воздействие, повлиявшее на формирование местного христианского искусства, было связано с предметами западного происхождения, привезенными согдийскими христианами. Постепенно христианские образы приобретали черты местных согдийских традиций. «Спустя долгое время после арабского завоевания и победы ислама в самом Согде, христиане согдийских колоний, отрезанные от западных художественных источников, переформулировали свое искусство в иконографических и стилистических принципах, сложившихся в сложной поликультурной среде Восточного Туркестана» [Naumark, 2001, p. 83].

Керамические плитки-светильники и чираги (чирог)

В Семиречье при раскопках церкви VIII в. на городище Ак-Бешим (об. IV) в алтарном (или центральном) и боковом помещениях было найдено большое количество миниатюрных маленьких чашечек (плешек). В алтарной части в нише южной стены, в ее юго-западном углу, было найдено 19 лепных чашечек, вложенных одна в другую [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 95, 99; Михеева, 219, с. 254–255]. Аналогичные чашечки были обнаружены в нижних слоях (1-й ярус) буддийского храма [Кызласов, 2006, с. 296, рис. 93, 94] и в помещении 23 комплекса церковью [об. VIII; Семенов, 2002, с. 79, рис. 109]. Автор диссертации предполагает, что при раскопках обычной средневековой усадьбы или дома, такие светильники-плешки могут встречаться в единичных количествах (рис. 154, 1–8).

Если при раскопках церкви (Ак-Бешим, об. IV) были найдены плитки-светильники, то в храме Ургута, при раскопках в 2004 г. был найден масляный светильник покрытый изумрудно-голубой глазурью XIII в.; в алтарном помещении обнаружен фрагмент каменного светильника (рис. 154, 15, 16). Керамические глазурованные и без поливы светильники (чираги/чирог) были найдены при раскопках комплекса церковью на городище Ак-Бешим (об. VIII; рис. 155, 1, 2). Акбешимские чираги отличаются по форме от ургутских.

При исследовании внешней южной стены церкви «А» комплекса церковью в 2021 г. в помещении № 10, помимо других предметов, был найден керамический ладьевидный чираг без

ручки (рис. 155, 3). Самую ближайшую аналогию диссертанту удалось найти в публикации предметов, обнаруженных в пределах Семиречья, но находящихся в частных коллекциях в Мюнхене [рис. 155, 4; *Arta from the Land of Timur*, 2012, с. 109, 210]. По форме чираг из частной коллекции весьма похож на найденный в помещении № 10. Он также ладьевидный, лепной, вероятно, красноглиняный. В качестве единственного отличия можно отметить небольшую ручку, сделанную в задней части семиреченского чирага и на боку, тонким предметом, вероятно, до обжига был сделан рисунок, напоминавший крест. Авторы публикации отнесли данный чираг к христианскому культу и датировали его VIII–IX вв. Размеры его: высота 5 см, ширина 9,5 см, длина 17 см. Чираг из помещения № 10 чуть меньше: высота 3 см, ширина 8,5 см, длина 13 см, толщина стенок 5 мм [Аманбаева, Ямаучи, Отчет о проведении арх. работ ..., 2021, с. 73, рис. 36, 2 (№ 5); не опубликован, *пагинация А.А. Михеевой*]. Аналогичные чираги, имевшие вид плосечки с вогнутым краем (без ручки) и коротким носиком для фитиля, активно использовались в сер. VIII в. в Согде и Чаче в так называемый мусульманский период. Уже с X в. мастера начали изготавливать изящные глазированные чираги [Тереножкин, 1950, с. 167], которые также встречаются на монастырском комплексе церквей (Ак-Бешим).

Каменный сосуд из Тортколь-тобе (XI–XII вв.)

На городище Тортколь-тобе около с. Ванновка (Южный Казахстан) был обнаружен каменный сосуд, высеченный из цельного куска светло-серого камня (рис. 153, 1). Сосуд состоит из двух частей: верхняя — цилиндрической формы, нижняя — основа, состоящая из прямоугольной площадки на четырёх ножках с утолщенным бортом. Общая высота всего предмета около 35 см. Высота подставки 12 см, диаметр по верхнему наружному краю — около 26 см. По внешней стороне сосуд украшен рельефными изображениями [Байпаков, Терновая, 2018, с. 26–37]. На одном из изображений представлен равносторонний прямой крест, на правой горизонтальной ветви которого сидит голубь. Все остальные изображения представлены тамгообразными знаками, вероятно, имеющими определенную смысловую нагрузку.

Интерпретация и подробное описание сосуда впервые было представлено Л.И. Ремпелем [Ремпель, 1983]. Голубь и крест на сосуде, по мнению Л.И. Ремпеля, являлись символами христианства несторианского толка. Т.Н. Сенигова также считала, что данный сосуд непосредственно связан с христианством [Сенигова, 1968, с. 64–65, рис. 4]. В объемной публикации по христианству в Средней Азии и Азербайджане К.М. Байпаков и Г.А. Терновая, представив очень подробный иконографический анализ изображения, состоящего из восьми частей, и приведя аналогии с памятниками Древней Руси и Средней Азии, пришли к выводу, что данный сосуд — это дарохранильница, стоявшая в православном храме в алтарном помещении

[Байпаков, Терновая, 2018, с. 29–37]. Авторами публикации были приведены в качестве примеров рисунки дарохранительниц [Байпаков, Терновая, 2018, с. 31, рис. 14].

Отметим, что позже в месте находки данного сосуда при рытье могил были выявлены конусовидные каменные жернова с украшениями на верхнем камне, каменные корыта с ножками, капители, основания каменных колонн и т.д. Аналогичные сосуды, в количестве двух штук, хранятся в Шымкентском музее. Один сосуд украшен стилизованной мусульманской надписью, другой орнаментирован по внешней поверхности рельефными рисунками растительного характера [Байпаков, Терновая, 2018, с. 27]. На взгляд автора диссертации, место находки и их состав говорят о том, что торткольтобинский сосуд — это ступка, используемая в каких-то мукомольных хозяйствах. По внешнему ободку ступки видно, что он сильно затерт, а значит, использовался длительное время и часто. Довольно устойчивые ножки этого сосуда подтверждают высказанное предположение. Природный материал — камень, из которого была сделана эта ступка, очень прочный и рассчитан на грубую и длительную работу.

Считать такой массивный хозяйственный предмет дарохранительницей довольно странно. Из приведенных самими авторами рисунков дарохранительниц видно, что в большинстве своем они изящные и легкие [Байпаков, Терновая, 2018, с. 31, рис. 14].

Знаки в виде креста и голубя на сосуде, возможно говорят о том, что он каким-то образом был связан с христианством — христиане тоже занимались хозяйством и пекли хлеб. Или же крест на сосуде использовался в качестве оберега.

Бронзовые цилиндры (муфты) из Талгара

Еще одной находкой, имевшей интересные интерпретации, можно считать бронзовые цилиндры, обнаруженные в разные годы в Талгаре (Северо-Восточное Семиречье Илийской долины). К настоящему времени на городище было найдено четыре цилиндра [Байпаков, Терновая, 2018, с. 38; рис. 153, 4]. Они были полые, с бортиками-закраинами вверху и внизу и с выпуклым бортиком, опоясывающим цилиндр посередине. Высота их — 17,5 см, внутренний диаметр — 10,3–10,5 см, высота и толщина верхних и нижних бортиков — 11 мм, средних — 8 мм, толщина стенок — 3 мм. «На тулове каждого цилиндра ближе к бортику-закраине сделано по одному закругленному отверстию неправильной формы диаметром 10 мм» [Цит. по: Байпаков, Терновая, 2018, с. 38]. Эти отверстия имели функциональное значение, так как были сделаны после того, как на цилиндре был выгравирован рисунок.

Два из четырех цилиндров из Талгара были украшены арабскими буквами на фоне растительных орнаментов, между которыми располагались четыре парные окружности с крестами. Форма крестов следующая: в центре изображения — прямой равноконечный крест, обрамленный по контуру двойной линией: внутренней и внешней. Все пространство между

крестом и окружностью заполнено точками. Сверху и снизу изображения оконтурены узором из изогнутых линий, образующих витой мотив [Байпаков, Терновая, 2018, с. 38].

Аналогичные цилиндры, но других размеров были найдены в Чуйской долине [Бернштам, 1950, с. 141, табл. ХСІ–ХСІІ; Иванов, 2008, 381–385]. Основной проблемой при изучении данных предметов стал вопрос относительно их функционального назначения. А.Н. Бернштам определял их как бронзовые подсвечники с массивными стволами [Бернштам, 1950, с. 141]. А.А. Иванов, изучавший цилиндры, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и по публикациям, пришёл к выводу, что они являются муфтами для крепления палаточных столбов или больших тентов, дающих тень. К светильникам и тем более несторианским, по мнению А.А. Иванова, они никакого отношения не имеют [Иванов, 2008, с. 384].

На городище Талгар были найдены бронзовые светильники XI–XII вв., сохранившиеся очень хорошо. Они состояли из подставки на трех ножках, к подставке крепились длинные столбы, собирающиеся из деталей. Сверху к столбам крепились тарелки с плоским дном, на которые устанавливался светильник [Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, рис. 103]. По аналогии с данными светильниками, К.М. Байпаков относит талгарские цилиндры к светильникам или подсвечникам.

Еще один вариант использования этих цилиндров — в качестве дополнительного крепления в нижней части столбов при каких-то конструкциях [Иванов, 2008, с. 383].

Орнаментация талгарских цилиндров позволяет отнести их к памятникам христианского круга. Использование и назначение цилиндров до конца не выяснено, но очевидно, что они использовались в каких-то конструкциях в качестве поддержки или упора или служили муфтами для крепления палаточных столбов [Художественная культура ..., 2012, с. 34, 69, ил. III]. Аргументация в пользу использования этих цилиндров в качестве подсвечников не убедительна.

Камень с крестом из города Ош (Кыргызстан)

Еще один предмет, обнаруженный в окрестностях города Ош и хранящийся в настоящее время в Национальном историко-археологическом музейном комплексе «Сулайман-Тоо», интерпретируется как культовый предмет, назначение которого неопределенно [рис. 153, 2; Аманбаева Б.Э. Проект: Каталогизация памятников ...№ 1; Кольченко, 2018, с. 130, фото 7]. Каменный предмет из серого гранита с обильными вкраплениями черного цвета (кварц). С двух сторон его рельефно изображен равносторонний крест с расширяющимися лопастями. Предмет круглой формы, сверху и снизу выбиты кресты — на одной стороне изображение проработано более четко. Вероятно, эта сторона лицевая. По окружности камня рельефно сделан выпуклый ободок размером 4 см. Размеры камня: 14x10,5x12 см. К сожалению, неизвестен вес камня. Возможно, что это не культовый предмет, а специально изготовленная весовая гиря,

используемая при храме или церкви. Также высказывалось мнение, что это предмет интерьера [Кольченко, 2018, с. 90].

Обобщив вышеописанные археологические находки, свидетельствующие о существовании христианства на территории Средней Азии и Южного Казахстана, можно заключить следующее:

Штампованный рисунок креста на керамических сосудах в самых разных стилистических вариантах и особенностях был прослежен на территории Мерва, Согда и Юго-Западного Семиречья, а также в Илийской долине — во всех областях, в которых, как достоверно известно, проживали христианские общины. Археологические материалы показывают, что штампованный крест был распространён с VII–VIII вв. (кружка с городища Куйрыктобе) и до конца XIV вв. (городище Илибалык). Необходимо отметить отсутствие четкой стратиграфической привязки описанных находок, а значит датировка могла устанавливаться археологами по каким-то другим критериям, неизвестным автору диссертации. В целом можно обобщить, что штампованный крест на керамической посуде чаще встречается с IX–X вв. и сохраняется до XIV в.

Анализ фрагментов керамики со штампованными крестами, обнаруженной на территории Средней Азии, в некоторой степени подразумевает ее широкое производство с определенным спросом. Из этого не следует, что данная посуда вся принадлежала христианам или была изготовлена для христиан. Знак креста мог служить в качестве оберега и защиты от злых сил и сглаза. Также можно предположить, что крест как символ и знак защиты был заимствован у христиан или под влиянием местных христианских общин, но в дальнейшем уже использовался как самостоятельный символ, без отсылки к христианству.

Прорисованные кресты на керамике, сделанные после обжига, не часто, и на взгляд автора диссертации, такие случаи можно назвать ситуационными — крест прочерчивался тогда, когда необходимо было показать христианскую принадлежность сосудов. Датировка этих крестов — VIII–IX, XII вв.

Керамический сосуд (кувшинчик) с Распятием, найденный на городище Садыр-Курган (VII–IX вв.; среднев. Шельджи) в Семиречье, как и фляга из Согда (IX–X вв.), позволяют предположить, что гончары копировали определенные ветхозаветные образы и сюжеты из металлических предметов искусства.

В X–XI вв. на территории Согда встречаются чаши с изображением равносоставленных крестов и блюда с украшением в виде парных рыб и голубей. Параллельно на блюдах изображаются арабские надписи и рисунки в растительных орнаментах, что свидетельствует о синкретичном характере мусульманской средневековой культуры в Средней Азии,

взаимодействии и взаимовлиянии христианства с местными религиями, проявлявшемся даже в предметах бытового назначения [Кухаренко, Мальцев, 1988, с. 27].

Металлические блюда с евангельскими и библейскими сценами показывают, что христиане Семиречья были знакомы с этими сюжетами.

Ряд вышеописанных находок, интерпретируемых некоторыми специалистами как предметы христианского культа, следует исключить из этого списка. Речь идет о бронзовом бокальчике, найденном на берегу р. Салар в Ташкенте [Анбоев, 1959, с. 39]. Нет оснований считать крышку сосуда из Андижана чашей для ритуальных омовений, как предлагает А.В. Савченко [Savchenko, Dickens, 2009, p. 298, fig. 9], а каменный сосуд-ступку для измельчения сыпучих продуктов — дарохранильницей [Байпаков, Терновая, 2018, с. 26, рис. 12]. Аналогичным образом можно рассматривать бронзовые цилиндры, служившие в качестве муфт для крепления палаточных столбов [Художественная культура ..., 2012, с. 34, 69, ил. III], а не в качестве подсвечников.

2.4. Предметы личного благочестия: церковные книги, терракотовые плакетки, ампулы Святого Мины, печати-штампы, нашивные бляшки, геммы и буллы, нательные, наперсные и процессионные кресты, подвески, амулеты

Предметы votivного характера, приносимые в дар церкви или образу, связанные с поклонением, почитанием или символизирующие чудо, называются предметами личного благочестия. Как правило, это предметы из погребений: нательные кресты, сосуды с христианскими изображениями, пряжки, кольца, браслеты с христианской символикой, нагрудные подвески, медальоны, амулеты [Введ. в историю церкви, 2012, с. 632]. Сюда же следует отнести терракотовые плакетки с изображением креста (иконки?), ампулы Св. Мины, пряслица с христианской иконографией, небольшие керамические печати (или штампы) с вырезанными крестами на одной из сторон. Вероятно, к данной категории находок следует отнести геммы и буллы, найденные в основном на территории Северного Хорасана, в пределах Древнего Мерва. Находки книг в церквях (об. VIII, Ак-Бешим) или остатки от книг в виде металлических окладов и застёжек также относятся к предметам личного благочестия.

К настоящему времени на территории Средней Азии фрагменты сохранившейся книги обнаружены в Семиречье при раскопках монастырского комплекса церквей (об. VIII) на городище Ак-Бешим (рис. 156, 1, 2). Это раскопки 1996–1998 гг., под руководством Г.Л. Семенова. В помещении 24 церкви «С», был найден кусок кожи квадратной формы, размером 28x28 см. По периметру квадрата сохранились квадратные шляпки железных заклепок. Рядом было найдено несколько железных двусоставных шарниров длиной 3,5–4,5 см. В отверстии одного такого шарнира сохранился обломанный гвоздик с полукруглой шляпкой. Очевидно, что это железные детали от рукописной книги [Семенов, 2002, с. 80]. Листы этой книги представляли собой отпечатки текста на глине или полностью истлевшие листы бумаги. Всего было найдено 10 фрагментов. На одном из них было видно, что текст написан черными чернилами, на листе располагался двумя столбцами, между которыми была помещена «звездочка» красного цвета. Некоторые буквы, по мнению Г.Л. Семенова, заглавные, тоже были написаны красным цветом. В. А. Лившиц, посмотрев сохранившиеся части книги, предположил, что текст был написан по-согдийски [Семенов, 2002, с. 80–81, рис. 41, 42, 43].

Фрагмент кожи — это обложка книги, которая была скреплена с помощью железных шарниров. Интересно, что рядом с книгой, были найдены два глазурованных светильника-чирога [Семенов, 2002, с. 84].

Отметим, что помещение 24 располагалось в восточной части монастырского комплекса, с северной стороны находилось алтарное помещение, а с южной — комната из двух этажей (помещение 25), на втором этаже комнаты обнаружено захоронение, как предполагается, мощей

святого (подробнее см. в главе по погребальному обряду). Возможно, найденная книга — это Библия. К сожалению, в настоящее время книга утеряна как для науки, так и физически.

Помимо предметов, применяемых в литургических обрядах, при храмах и церквях известны находки таких предметов, как матрицы или калыбы для изготовления керамических плакеток с рельефным изображением крестов. Данные плакетки, служившие в церквях как предмет почитания и украшения алтарных (или других) помещений, вероятно, также играли роль оберега или защиты. В связи с тем, что как матрицы, так и сами плакетки были встречены в основном в пределах помещений церквей, кажется логичным упомянуть о них в главе, посвященной предметам личного благочестия. Автор диссертации допускает, что часть плакеток была найдена случайно, и контекст и связь их обнаружения с тем или иным археологическим памятником не всегда понятен. Тем не менее, находка на монастырском комплексе церквей городища Ак-Бешим [об. VIII; Семёнов, 2002, с. 93, рис. 54, 55] одновременно и матрицы, и самой плакетки позволяют предположить, что как изготовление, так и использование данных предметов являлась прерогативой церквей и храмов.

*Керамические матрицы или штампы
для отливки нательных крестов и плакеток*

(рис. 157; Таблица 6)

Северный Хорасан (Туркмения)

В 1993 г. при обследовании цитадели Старого Мерва, Эрк-калы, в слое VII в. была обнаружена керамическая форма для отливки нательных равноконечных крестов и подвески [Simpson St. John, 1996; Никитин, 2015, с. 39; 2015, с. 164–170; рис. 17; 159, 1].

После отливки крестик получался равноконечный, вертикальная ветвь чуть длиннее горизонтальной. Лопasti креста расширялись от центра к внешним краям. На оконечностях, на углах располагались круглые бусины/перлы. Аналогичные бусины также отмечены в средокрестии и в центральной части каждой ветви. Для подвешивания у крестика в верхней части вертикальной ветви располагалось ушко.

Рядом с формой для креста находилась еще одна форма — для подвески — часть ветви, с четырьмя боковыми отростками, каждый из которых заканчивалась рельефной звездой. В центре находился небольшой лист, перекрывающий нижнюю часть ветвей. Сверху подвеска украшалась маленькими бусинами/кружочками. В верхней части было сделано ушко для нанизывания нити. Символическое значение данной подвески в христианстве можно связать только с мотивом Древа жизни.

Окрестности современного Катта-Кургана (Самаркандская область)

В некоторых публикациях было отмечено, что в средневековом городе сердоликоваяянджан (Арбинджан), находившемся в районе Мавераннахра между городами Самарканд и Бухара, проживала христианская община, оставившая после себя штамп (калыб) для отливки крестов [Savchenko, Dickens, 2009, p. 299, pl. 10; Savchenko, 2010, p.77, abb. 5; Ashurov, 2013]. По предположению диссертанта, это матрица для изготовления керамических плакеток, а не штамп для отливки крестов. Основанием для такого утверждения следующие. Сама матрица оформлена в виде плакетки, примеры которых известны на памятниках с городищ Семиречья: Красная речка и Ак-Бешим. Матрица оформлена так, что заливать поверх нее металл было бы неудобно, он весь растекся бы по краям. Если же считать найденный предмет штампом для отливки крестов, также встает вопрос, к чему украшать его арками и раскрытыми парными крыльями. На об. VIII, городища Ак-Бешим, была найдена практически идентичная форма — для изготовления плакеток, а также сами терракотовые плакетки. На взгляд автора диссертации, находка из Рабинджана — это матрица для изготовления керамических плакеток, а не форма для отливки крестов.

Характеристики матрицы следующие: высота 15 см; центральную композицию занимает крест по типу латинского, с удлиненной нижней ветвью. Ветви креста расширяются от центра к внешнему краю. На оконечностях ветвей, по углам располагались каплевидные бусины/слезки. Между ветвями в центральной части — украшение в виде ромбов, вероятно, символизирующее сияние от креста. В средокрестии находится круг, внутри которого помещен равносторонний крест по типу греческого. Крест располагается под округлой аркой, сделанной в виде рыбьей чешуи. Над аркой помещена еще одна — валикообразной формы. В нижней части креста по бокам от нижней ветви — украшение в виде распахнутых парных крыльев. В верхней части формы над валикообразной аркой идет рамка прямоугольной формы, над ней, еще одна рамка, в виде вертикальных рельефных линий, расположенных параллельно друг к другу. Края формы сохранились не очень хорошо, особенно в правой стороне и в нижней (рис. 158, 7; 159, 2; таблица 6).

Семиречье

Монастырский комплекс церквей на городище Ак-Бешим (об. VIII)

При раскопках комплекса в помещении была найдена матрица/форма для изготовления керамических плакеток. Интересно, что по стилистике и композиции эта форма схожа с описанной ранее, обнаруженной в средневековом городе Рабинджан.

Сохранилась только нижняя часть матрицы (рис. 158, 8; 159, 3; таблица 6). Форма была прямоугольной, шириной — 7,5 см, высотой — 12–14 см. На сохранившейся части формы видна нижняя ветвь креста и небольшой фрагмент левой боковой ветви. Судя по аналогиям, это крест

с удлиненной нижней ветвью по типу латинского. От центра к внешним краям ветви креста расширяются. На оконечностях, по углам располагались каплевидные бусины/слёзки. В нижней части между лопастями креста находились круги, внутри которых были сделаны равносторонние кресты, их концы слегка расширены от центра к внешним краям. В центре этих крестов находился прямой крест по типу греческого, состоящий из двух прямых линий. По бокам от нижней ветви креста, располагалось украшение в виде парных крыльев. Вся композиция с крестом располагалась внутри прямоугольной рамки. В ее нижней части сделана прямая линия с рельефными засечками. Всю картину замыкала не очень широкая прямая рамка. С обратной стороны матрицы находилась надпись на сирийском языке [Семенов, 2002, с. 93, рис 54, 2, рис. 55].

Иконография. Матрица, найденная на городище Рабинджан, и матрица из монастырского комплекса церквей (Ак-Бешим) практически идентичны по стилистике и композиции. На двух экземплярах представлен крест с удлиненной нижней ветвью с бусинами/слёзками по углам. Крест украшен фигурными изображениями в виде распахнутых парных крыльев. Возможно, здесь просматривается связь с Никой, и крыло в данном случае является знаком победы. Расположение его в нижней части креста — символ победы Христа над смертью. В верхней части крест располагается под аркой, украшенной кружками, сильно напоминающими рыбу чешую. Как известно, изображение рыбы с первых веков христианства символизировало Христа и его последователей [Введ. в историю церкви, 2012, с. 593–594]. Вероятно, именно поэтому такой декор сделан в верхней части креста и связан с жизнью и воскрешением Христа. В целом следует сказать, что, как и на других керамических плакетках, найденных на территории Средней Азии, так и на матрицах, мы видим символическое изображение идеи Распятия и Воскресения — триумф жизни над смертью и торжественного пришествия Христа [Введ. в историю церкви, 2012, с. 603; Михеева, 2022, с. 373–376]. Такая традиция характерна именно для несторианского течения христианства.

Техника производства. Плакетки изготавливались с помощью специальных матриц по следующей технологии. Матрицу покрывали тонкодисперсным составом (песок, зола, иногда жир), затем форма набивалась специально подготовленной глиной определенной влажности, которая с усилием вминалась в форму так, чтобы весь рельеф хорошо пропечатался. После того, как нужная толщина плакетки была получена, форму оставляли для подсыхания. Затем вынимали готовую плакетку, оставляли на естественной медленной сушке, после сушки готовую форму обжигали при высоких температурах [Михеева, 2022, с. 364].

Терракотовые плакетки

Северный Хорасан (Туркмения)

В 1930 г. краеведом И.Г. Егоровым на городище Гяур-кала (развалины доарабского Мерва около г. Байрам-Али) была обнаружена небольшая керамическая плитка с рельефным изображением, которая затем попала в коллекцию сектора археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР [рис. 158, 2; таблица 6; Пилипко, 1968, с. 25].

Плитка сохранилась не полностью, левая сторона и низ обломаны, но можно почти полностью реконструировать изображение. На плоской глиняной плакетке при помощи штампа было оттиснуто изображение креста с расширяющимися к концу ветвями. В центре креста и в свободном поле между концами располагались изображения маленьких крестиков. В центре крест прямой, а между ветвями — равнобедренные с расширяющимися концами. Вся композиция расположена под округлой аркой, низ которой украшен косыми насечками, а верх — ровными небольшими кружочками. В.Н. Пилипко, основываясь на качестве глины и технике исполнения изображения на плитке, относит находку к периоду раннего средневековья [Пилипко, 1968, с. 25]. Отметим, что при реконструкции изображения на плитке выяснилось, что боковые горизонтальные лопасти креста меньше по размеру, чем сохранившаяся вертикальная лопасть, соответственно, согласно аналогиям плакеток из монастырского комплекса (Ак-Бешим, об. VIII), стало понятно, что вертикальная ветвь гяуркалинского креста длиннее, чем боковые ветви.

По длине ветвей кресты делятся на две большие группы: на греческую — с равноконечными ветвями и латинскую — с удлиненной вертикальной ветвью. Это не говорит о принадлежности того или иного креста к Восточной или Западной Церкви, а только определяет его пропорции [Беляев, М.А.М. Крест. 2019, с. 540–558]. Соответственно, крест на плитке с Гяур-калы следует отнести к латинской группе крестов. Размеры плитки указаны по реконструкции изображения: ширина — 7 см, длина — 7,4 см (условная). Размеры креста тоже условны: по вертикали 5,5 см, по горизонтали 4,7 см (Таблица 6, № 1).

Г.Я. Дресвянская относит данную плакетку к сер. VI в. [Дресвянская, 1968b, с. 150–151]. У Г.А. Кошеленко плакетка отмечена как форма для отливки крестов и датируется IV–VI вв. [Кошеленко, Гаибов, 2001, с. 100]. Это утверждение ошибочно, так как это плакетка с изображением креста, а не форма для отливки крестов.

Практически аналогичная терракотовая плитка была обнаружена при работах отряда ЮТАКЭ на территории Старого Мерва на городище Гяур-кала в 1962 г. к западу от раскопа № 7 (рис. 158, 1; Таблица 6). Плитка, судя по публикации, сохранилась очень хорошо [Массон, 1978, 51, рис. 1, а]. Размеры ее 8,2x7,2 см. Плитка прямоугольной формы, в центральной части ее изображен овал в форме двух колец, между которыми располагались кружки (перлы). Внутри овала помещен рельефный крест. Нижняя часть креста удлинена, верхняя и боковые — одного

размера. Ветви креста расширяются от центра к внешнему краю. На оконечностях ветвей (на концах) — по кружку (бусине). В средокрестии креста — украшение в форме скругленного квадрата. Под ним на нижней ветви две полосы, вероятно, в качестве декора. Если же предположить, что в квадрате помещался крест (который могли не прорисовать), то две полосы под крестом в данном случае могли символизировать Голгофу. Внизу по обеим сторонам креста сделаны два орнамента. Вся композиция носит символический характер, не передающий исторический вид орудия казни (распятие). На этом основании, М.Е. Массон считает данную плакетку принадлежащей к христианско-несторианской традиции [Массон, 1978, с. 51]. Ученый отмечает, что находка была подъемной, возможно, поэтому датировка плакетки не указана. Иконография и сюжетная композиция двух описанных плакеток, найденных в пределах одной территории, позволяет датировать последнюю серединой VI в.

Семиречье. Древний Тараз

Этим же периодом была датирована рельефная плитка, найденная в районе Юго-Западного Семиречья (рис. 158, б; Таблица 6, № 3).

При раскопках Древнего Тараза на территории шахристана была найдена керамическая терракотовая плакетка, впервые опубликованная Т.Н. Сениговой, считавшей, что это своеобразная икона, на которой сохранилась сцена с тремя фигурами адорантов и равноконечным крестом в рамке с противоположной стороны. Т.Н. Сениговой была предложена датировка плакетки V–VI вв., основанная на прорисовке лиц на плакетке, схожих и характерных для индийской культовой иконографии IV–VI вв. [Сенигова, 1968, с. 62–63].

В 1996 г. Г.Л. Семеновым данная плакетка была опубликована вновь, но уже в хорошем качестве [Semenov, 1996, p. 143, 21; Лурье, 2013, с. 226–227]. По этому изображению дается описание плакетки.

Плитка состоит из двух частей. В одной из них (правой) расположено два ряда изображений, разделенных сверху полосой в виде небольшого валика, и под ней — полосой из кружков. В верхней части сохранились только полы халатов двух человеческих фигур и ступи босых ног, обращенных мысками влево. В нижнем ряду, представлены три фигуры, довольно приземистые, неодинакового роста, но стоящие в одинаковых позах. Черты лиц у них примерно одинаковые, но выражение у каждого персонажа индивидуальное. У крайнего, правого персонажа выражение несколько удивленное (глаза широко открыты), у центрального — умиротворенное и серьезное, в крайнего левого — задумчивое, с хитрецой. У всех фигур волосы в виде крупных локонов, зачесаны назад. Глаза крупные, с восточным разрезом, носы широкие, губы, брови, подбородки выделены довольно четко. Уши крупные, с длинными мочками, без серег. На каждом персонаже одето глухое с длинными рукавами и с округлой горловиной платье

из грубой ткани. Драпировка платья показана в области плеч и на юбке. В области талии платье/халат перевязан (препоясан) узким, шнуроподобным, поясом. Ноги у персонажей босые, расположены также, как у несохранившихся фигур верхнего ряда. Позы фигур одинаковы — они стоят прямо, головы и взор устремлены вперед, руки сложены в области груди, предположительно в молитве.

По правой стороне плакетки располагалась широкая прямоугольная рамка с украшением из виноградной лозы, выделенная прямыми валикообразными линиями. За ней следовала рамка в виде небольших кружков (перлов). Т.Н. Сенигова отмечает, что правее крайней фигуры была помещена сирийская надпись в одну строку [Сенигова, 1968, с. 63]. На рельефе надписи не видно, возможно, она была видна при натурном изучении плакетки.

Согласно описанию П.Б. Лурье, фигуры адорантов — босые, простоволосые, в робах, перевязанных на поясе, со сложенными на груди руками [Лурье, 2013, с. 227].

В левой части плакетки располагался крест. Сохранившаяся часть креста позволила его реконструировать. Описание дается по предложенной реконструкции (рис. 158, б; Таблица 6, № 3). В прямоугольной рамке, состоящей из трех частей (вложенных друг в друга), из которых первая — в форме валика, вторая рамка — с кружками (перлами) и третья — аналогична первой, без кружков. Внутри третьей рамки располагался равноконечный крест, лопасти которого расширялись от внутренней части к внешней. Отметим, что горизонтальные лопасти креста, немного длиннее вертикальных. На оконечностях лопастей — бусины (жемчужины), по две на каждом конце. В центре, по мнению автора диссертации, находился круг. Крест располагался, вероятно, на лепестках лотоса, на которых отмечено по одной жемчужине с каждой стороны.

Т.Н. Сенигова отнесла композицию на данной плитке к христианско-несторианской, пришедшей в Семиречье вместе с проповедниками религиозных учений — сирийцами. Сирийцы, по мнению Т.Н. Сениговой, возможно были выходцами из таласских религиозных общин, знакомых с индийской иконографией [Сенигова, 1968, с. 63].

В 2010 г. в работе В.Д. Горячевой в главе о Манихействе в Притяньшанье была опубликована данная плакетка с указанием, что на ней изображены «... три монаха под аркой со сложенными в молитвенном жесте руками в окружении астральных и растительных символов» [Цит. по: Горячева, 2010, с. 157] и заключением, что плакетка относится к манихейской традиции.

Манихейство в Восточный Туркестан было привнесены согдийцами в конце VII — начале VIII вв. В это же время согдийцы познакомили с манихейством и население Семиречья [Горячева, 2010, с. 156]. По С.Г. Кляшторному, долины рек Чу и Талас были тем центром, где процветали манихейские монастыри, а в середине X в., в то время, когда зарождалось государство Караханидов, ислам должен был состязаться не с язычеством, а с манихейством и христианством. В Таразе, Йаканкенте (район Испиджаба), Ордукенте (Суяб), Чигилбалыке

(рядом с Таразом), располагались манихейские храмы [Горячева, 2010, с. 156]. Вероятно, учитывая, что данная плакетка была найдена в Таразе, В.Д. Горячева уверено относит ее манихейской традиции.

В статье П.Б. Лурье указано, что на оборотной стороне плакетки сохранились фрагменты надписи, сделанной частично согдийским письмом, а частично — манихейским [Semenov, 1996, с. 65,66, add. 2]). Однако пересмотр надписи специалистом из Японии Ю. Ёсидой подтвердил, что надпись была написана на сирийском языке [Лурье, 2013, с. 226–227, ссылка 66]. По мнению П.Б. Лурье, иконографию плакетки стоит отнести к христианскому искусству Средней Азии [Лурье, 2013, с. 227]. Г.Л. Семенов, датирует плакетку IX–X вв., позже, чем Т.Н. Сенигова [Semenov, 1996, р. 65–66]. На взгляд автора диссертации, высказанное П.Б. Лурье предположение о христианской принадлежности данной плакетки оправдано и имеет все основания для такого заключения.

По мнению Б.А. Железнякова, данная плакетка — это икона с иконографией манихейского круга [Железняков, 2022, с. 33].

Предполагается, что данная плакетка свидетельствует о проникновении христианских проповедников в Тараз уже в V–VI вв. [Байпаков, Терновая, 2018, с. 17].

Существует еще одна точка зрения на интерпретацию данного рельефа. Для понимания природы происхождения и иконографии данной плакетки, необходимо обратить внимание на фигуры, изображенные в нижнем ряду плакетки. По мнению известного специалиста по раннесредневековому костюму в Средней Азии — С.А. Яценко, на плакетке в нижнем регистре изображены три женщины, в верхнем — мужчины. Прически женщин — собранные в области висков волосы в виде локонов и их одежда соответствуют северокитайским тоба [Устное сообщение С.А. Яценко]. Тоба — кочевой народ, проживавший в пределах Северного Китая в IV–VI вв. и создавший на китайских землях государство Северное Вей или Тоба Вей, со столицей вначале в Пинчэне (соврем. Датун провинции Шанси), а позже — на юго-западе, в старом Лояне [Яценко, 2021, с. 162]. Наличие специфических схожих черт костюма тоба Северной Вей IV–VI вв. и костюма эфталитов, появившихся в Тохаристане позже, в середине V в., по мнению С.А. Яценко, говорит о тесных двухсторонних взаимосвязях. Костюмные соответствия обоих этносов весьма показательны. У обоих полов одежда с довольно крупным правым лацканом, платья с коротким шлейфом, у женщин — похожие черные цилиндрические шапочки. В могиле женщины Хэн Фарон, обнаруженной в 2011 г. в Датуне, были найдены сложные золотые полихромные серьги, которые стилистически выглядят как посткушанские и связаны с Тохаристаном. В Датуне также была найдена эфталитская серебряная чаша с портретом правителя. По мнению С.А. Яценко, связи были двухсторонними и тесными [Яценко, 2021,

с. 168–169]. Известно, что в конце V в. Северная Вей остановила экспансию эфталитов в оазисы Синьцзяна [Яценко, 2021, с. 168–169].

Согласно источникам, эфталиты приняли христианство несторианского толка, а в 549 г. эфталиты получили своего собственного епископа. Сирийские и армянские источники сообщают о многочисленных войнах армян и эфталитов-хионитов с сасанидами, кульминацией которых явилась Аварайская битва в 451 г. При этом союз армян и эфталитов был скреплен «клятвой христиан» [Железняков, 2022, с. 57]. Наряду с армянами, эфталиты боролись против поборника зороастризма персидского шаха Йездигерда II (V в.) [Тер-Мкртчян, 1979, с. 50–52].

Связь Северного Китая и Средней Азии в это время уже была прочной. Исходя из этого аналогии кресту на таразской плакетке, вероятно, следует искать в Северном Китае. Столь ранняя датировка — до VI в. не противоречит дате, предложенной Т.Н. Сениговой.

Некоторым ученым фигуры и позы адорантов на плакетке из Тараза, напоминают фигуры из сцены «Вербное воскресенье» — настенной живописи из вышеупомянутого несторианского храма в Кочо [VIII–IX вв.; Байпаков, Терновая, 2018, с. 16–17, рис. 5]. Отметим, что у персонажей в настенной росписи в Кочо костюм отличается принципиально от изображенных на таразской плакетке [Ундерова, 1994, с. 101–102, рис. 29].

Равноконечный крест, расположенный в левой части плакетки, может одновременно интерпретироваться и как манихейский, и как христианский. Однако кресты такой формы, с расширенными к краю концами, и бусинами на оконечностях, довольно широко распространены в это время именно в христианской традиции. Иконография таких крестов была широко распространена в восточно-туркестанской художественной традиции, но находит свои параллели в иконографии нательных крестов с городища Ак-Бешим (об. VIII) и Красная речка [Ротт, 2005; Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 201–2013].

Крест, «стоящий» на цветах лотоса, часто встречается на стелах и надгробных камнях памятников Восточного Туркестана [Parry, p. 164–165, fig. 5; Борбоне, 2019, с. 16, рис. 6]. Изображения с крестом на лотосе можно встретить на надгробиях средневекового периода из Зейтуна (восточное побережье Китая, соврем. Цюаньчжоу в провинции Фуцзянь), что показывает нам синтез христианского, буддийского, даосского, иранского и эллинистического символов. Крест обычно сидит на цветке лотоса, который несут или окружают облака; иногда по сторонам от креста располагаются два крылатых ангела, а сверху всю картину венчает что-то вроде балдахина. Если крест символизировал Воскресение, то буддийский цветок лотоса представлял собой возрождение и чистоту духа. Цветок лотоса служил символом обновления среди греков, римлян и ранних христиан. В даосизме и буддизме облако символизировало дождь, который приносит плодородие, счастье и мир [Baumer, 2016, p. 220–222]. В христианстве же облако

предвещает превосходство Бога; например, Яхве ведет Израиль через пустыню в виде столба облака (Исх. 13:21), он является Моисею на Синае как облако (Исх. 24:16; 34:5), и Сын Человеческий появится на облаках в конце времен (от Марка 13:26) [Baumer, 2016, p. 222].

Высказывалось мнение, что крест такой формы — равноконечный, с расширенными концами и перлами на оконечностях — один из общих символов раннего христианства Азии, развивавшего свою символику независимо от Западной Церкви [Железняков, 2005, с. 51]. Комплексный подход к изучению христианства на территории Средней Азии и Южного Казахстана показал, что среднеазиатские христиане использовали кресты самой разной формы, не только равноконечные с расширяющимися ветвями от центра к внешним краям.

Функциональное значение таразкого рельефа — настенное украшение одной из церквей или какого-то сооружения Древнего Тараза. При обсуждении доклада на одной из конференций было предложено мнение, что это лицевая стенка оссуария [устное сообщение В.А. Кольченко]. На взгляд автора диссертации, наличие надписи на обратной стороне рельефа опровергает данное предположение. Также нет оснований считать данный предмет иконой, так как проследить литургическое назначение плакетки мы не можем.

Семиречье

Городище Красная речка

На шахристане городища Красная речка случайной находкой был обнаружен фрагмент терракотовой плакетки с изображением креста [рис. 158, 3; Таблица 6, № 4; Горячева, 2010, с. 216, рис. 122; Кольченко, 2018, с. 93, рис. 45]. Сохранилась лишь небольшая часть этой плакетки, на которой видно, что крест, с расширяющимися концами, располагается на стержне, который, в свою очередь, упирается в сферу, растительный орнамент или облака — по опубликованному рисунку точно определить сложно. По оконечностям креста с двух сторон располагались небольшие бусины.

Горизонтальные части креста, по аналогии с другими крестами, короче, чем вертикальные, и нижняя ветвь длиннее, чем верхняя. Крест помещен в прямоугольную рамку, за которой располагалась рамка, украшенная кружками, отделенными друг от друга чертой, затем следовал ряд широких насечек. Замыкает всю композицию рамка в виде небольших крестов, состоящих из двух косых линий — рамка шире, чем все остальные. В работе В.Д. Горячевой фрагмент данной плакетки помещен вместе с керамикой X–XII вв. В одной из публикаций В.Д. Горячеву упрекнули, что она не разобралась до конца и поместила этот фрагмент вместе с керамикой [Кольченко, 2018, с. 93, рис. 45]. В защиту Валентины Дмитриевны отметим, что плакетка была расположена правильно [см. Кольченко, 2018, с. 93, рис. 45], а значит автор

понимала, что это не простой керамический черепок, а фрагмент плакетки [Горячева, 2010, с. 216, рис. 122].

Отметим, что композиция креста на сфере была широко распространена у сирийцев-несториан, наряду с такими сюжетами как «Жертвоприношение Авраама» и «Даниилом во рву львином». Известно, что христиане-несториане отдавали предпочтение сюжетам, связанным с культом креста, и по-своему интерпретировали тему «Распятия» [Залесская, 1998, с. 190, № 257]. Тщательное и продуманное украшение плакетки в виде различных узоров, форма креста, и то, что он опирается на сферу, на взгляд диссертанта, говорит о замысле мастера как о идее восхваления креста, его почитания, и, скорее всего, показывает нам именно несторианскую традицию.

Городище Ак-Бешим, монастырский комплекс церковей (об. VIII)

Практически аналогичная плакетка была найдена при раскопках монастырского комплекса церковей на городище Ак-Бешим, в 1996–1998 гг. [об. VIII; рис. 158, 4; Таблица 6, № 6; Семёнов, 2002, с. 93, рис. 54, 1]. Фрагмент был найден в помещении. Возможно, такие терракотовые иконки стояли в нишах, расположенных в стенах. Сохранилась срединная часть плакетки, на которой рельефно был изображен крест, его боковые ветви и верхняя. Между ветвями помещены украшения в виде крыльев, обращенных в сторону верхней части креста. В нижней части фрагмента между ветвями с правой и частично с левой стороны сохранились круги, внутри которых были сделаны равносторонние кресты, их концы слегка расширены от центра к внешним краям. В центре этих крестов находился прямой крест по типу греческого, состоящий из двух прямых линий. Сохранившаяся часть плакетки позволила автору диссертации дополнить и реконструировать недостающее изображение. Взяв за основу аналогичные примеры крестов, встреченных на городище Красная речка или западнее на территории Мерва (Гяур-кала), автор диссертации предположил, что нижняя ветвь ак-бешимского креста была удлиненной. Возможно, крест располагался на стержне. Ветви креста расширялись от центра к внешним краям. На концах ветвей, по углам, находились бусины/слёзки, на боковых ветвях — по две, на нижней, вероятно, тоже. На рельефе видно, что на верхней ветви было три слёзки, две по бокам и одна в центре — более удлиненная. В средокрестии креста помещался круг, в котором рельефно изображен равносторонний крест, состоящий из прямых линий. Крест располагался под округлой аркой, украшенной кружками, остатки арки и кружков отмечены в правой верхней части иконки. Вся композиция из арки и креста находилась в рамке, украшенной кружками, чуть большими по размеру, чем в арке. Затем шла завершающая широкая рамка, без украшений.

Датировка плакетки X–XI вв., это общий хронологический период функционирования памятника [Семёнов, 2002, с. 95].

На этом же памятнике в одном из помещений северо-западной части была найдена еще одна керамическая плакетка с изображением креста. Иконка археологически сохранилась очень хорошо, отмечены небольшие сколы в левой нижней части. При публикации масштаб также не был указан. Датируется X–XI вв. [рис. 158, 5; Таблица 6, № 5; Аманбаева и др., 2015, с. 20, ил. 9, 4].

Плакетка прямоугольной формы. В центре ее крест с удлинённой нижней ветвью. Горизонтальные ветви креста короче вертикальных, нижняя ветвь длиннее верхней. Ветви креста расширены от центра к оконечностям. На углах сделаны каплеобразные кружки/слёзки, по две на каждой лопасти. В средокрестии круг, внутри круга прямой равносторонний крест. Крест располагается на стержне, стоявшем на подножье — Голгофе. Крест, установленный на Голгофе, почитался как знак победы, трофей, идея торжественного пришествия Господа — Крест непобедимый [Введение в историю церкви, 2012, с. 603].

Со всех сторон ветви креста украшены растительным орнаментом в виде крылообразных листьев. В центре верхней ветви креста сделано украшение в виде короны, поверх которой располагалась полукруглая арка, украшенная кружочками (перлами).

Вся композиция креста помещена в прямоугольную рамку. В самой верхней части иконки украшение в виде перевернутых треугольников, вероятно, вписанных друг в друга, — на рельефе читался только ряд треугольников. По бокам и в нижней части располагалась широкая рамка.

Общие выводы и наблюдения по плакеткам

К настоящему времени на территории Средней Азии было обнаружено два фрагмента матриц для изготовления керамических плакеток с изображением рельефного креста. Одна матрица найдена, вероятно, случайной находкой недалеко от Самарканда (в 65 км) в месте средневекового города Рабинджан. Вторая матрица найдена при раскопках монастырского комплекса церковью на городище Ак-Бешим (об. VIII) в помещении и датируется периодом функционирования данного комплекса — X–XI вв. Интересно, что на предполагаемых, точнее, будущих плакетках, найденных в совершенно разных местах, композиция и иконография практически идентичны. На матрице из комплекса церковью (об. VIII) на оборотной стороне формы сохранилась надпись на сирийском языке, сделанная, вероятно, чернилами (подробнее о надписи см. в главе по эпиграфике).

Помимо матриц на территории Средней Азии к настоящему времени известно шесть плакеток: две были найдены на городище Гяур-кала (Древний Мерв), остальные четыре в пределах одной области — Семиречья: одна на городище Красная речка, две на территории комплекса церковью (Ак-Бешим, об. VIII) и одна плакетка найдена при раскопках Древнего Тараза. Плакетка с Гяур-калы, опубликованная В.Н. Пилипко, датируется специалистами VI в.

[Дресвянская, 1968b, с. 150–151]. Плакетка, о которой упоминает М.Е. Массон, вероятно, тоже датируется в этих пределах. Плакетки городищ Красная речка и Ак-Бешим датируются X–XII вв. Сложнее обстоит вопрос датировкой тараской плакетки. Т.Н. Сенигова относит ее изготовление к V–VI вв. Г.Л. Семёнов к IX–X вв.

Обратим внимание на топографию обнаружения данных находок: Древний Мерв, городище Гяур-кала — территория, где среднеазиатское христианство впервые появилось и обосновалось, затем Самарканд и его окрестности, где христианство получило широкое распространение [Naumark, 2001; Ashurov, 2013], и далее на восток, в пределы Чуйской долины, где христианские археологические памятники прослежены до конца XIV в. Во всех этих районах были обнаружены плакетки с рельефным изображением креста.

Композиционно и иконографический плакетки, найденные на Гяур-кале, около Самарканда (матрица) и на городищах Красная речка и Ак-Бешим (плюс матрица) удивительно схожи. На всех иконках в центре композиции крест — с удлиненной нижней ветвью, с расширенными концами, на углах которых располагались каплевидные бусины. В средокрестии помещался круг, внутри которого находился равносторонний крест. Пространство между ветвями украшалось различным образом, небольшими крестами, узорами в виде растительного характера или в виде крыльев. Как правило, крест располагался под аркой, украшенной перлами. Верхняя ветвь креста могла быть представлена в виде короны. Крест мог располагаться на стержне, который в свою очередь находился или на постаменте (Ак-Бешим, об. VIII), или на сфере, по мнению диссертанта (Красная речка). Вся композиция иконки заключалась в прямоугольную рамку, иногда рамки следовали одна за другой, и каждая украшалась отдельным узором (Красная речка) [Михеева, 2022, с. 373–376].

Символический и иконографический смысл изображений при всем многообразии деталей выражал главную идею — триумф Креста. Все украшения, помещенные вокруг креста, несли именно этот замысел и идею. Основу этой символики, вероятно, следует искать в памятниках византийского и сиро-палестинского круга [Залеская, 1998, с. 15–19]. Четыре стороны креста, исходящие из единого центра, которые иногда выделялись окружностью или квадратом, понимались как четыре луча Света Жизни, в основе которых был один источник — Христос. Крест в средокрестии — это знак Христа, указывающий на две сущности Спасителя: божественную (вертикальная линия) и человеческую (горизонтальная линия). Концы ветвей креста могли заканчиваться кругами, бусинами/жемчужинами, перлами, усиливая символику центральной части, которые понимались как символ бесконечности, символ искупительной жертвы Христа или крови Христовой, пролитой во искупление грехов человека [Байпаков, Терновая, 2018, с. 12]. Для передачи идеи Вечной Жизни ветви крестов украшались растительным орнаментом в форме трилистника или в форме короны из трех жемчужин — как

символом Троицы [Уваров, 1908, с. 192–193]. В несторианской традиции крест особенно почитался и связывался с символом победы (триумфа) Христа над смертью [Залесская, 1998, с. 18–19; Ротт, 2005, с. 49]. Распятие на крестах у христиан-несториан было непопулярным, поэтому этот мотив всячески интерпретировался. Как отмечает В.Н. Залесская, крест с Распятием был утвержден в Византии в VI в., в то время, «...когда несторианская церковь уже отделилась от вселенской, и в дальнейшем культивировала древнюю — без страстной назидательно-повествовательной тематики — иконографию [Залесская, 1998, с. 19].

Крест, украшенный растительным орнаментом (Ак-Бешим, об. VIII) — крест процветший (*crux florida*) символизировал Древо жизни или рай, победу над грехом, возрождение к новой духовной жизни [Уваров, 1908, с. 192]. Форма такого креста была известна с конца V в. [Введ. в историю церкви, 2012, с. 604].

Крест на стержне, стоявшем на подножье — Голгофе, почитался как знак победы, трофей, в основу которой заложена идея торжественного пришествия Господа — Крест непобедимый [Введ. в историю церкви, 2012, с. 603]. Крест на стержне, стоявшем на сфере был широко распространен у сирийцев-несториан, наряду с такими сюжетами как «Жертвоприношение Авраама» и «Даниилом во рву львином» [Залесская, 1998, с. 19].

Крест, украшенный фигурными изображениями, напоминающими крыло птицы, — так называемый мотив распахнутых крыльев. Вероятно, здесь просматривается связь с Никой, и крыло в данном случае, как знак Победы, а вместо венка — крест [Мифы народов мира, 1994, с. 217]. Расположение его в верхней части креста — знак победы жизни над смертью (рис. 158, 4; Ак-бешим), в нижней части креста — символ победы Христа над смертью (рис. 158, 7; Рабинджан; рис. 158, 8; Ак-Бешим). В верхней части крест располагается под аркой, украшенной кружками, сильно напоминающими рыбу чешую (Рабинджан) или просто кружками (Гяуркала, Ак-Бешим). Как известно, изображение рыбы с первых веков христианства символизировало Христа и его последователей [Введ. в историю церкви, 2012, с. 593–594]. Вероятно, именно поэтому это украшение сделано в верхней части креста и связано с жизнью и воскрешением Христа.

Обратим внимание на мотив распахнутых крыльев, представленный на матрицах из Рабинджана и Ак-Бешима и также на одной из плакеток из Ак-Бешима. Данный мотив хорошо известен в сасанидской культуре, он так и называется «сасанидские парные крылья» или «раскрытые крылья». Иконография парных крыльев как атрибута-украшения целого ряда образов была развита именно в искусстве Сасанидов. Крылья имелись на коронах сасанидских шаханшахов: Варахрана II (276–293 гг.), Пероза (459–484 гг.) и других, в частности, крылья с двух сторон оформляли символы небесных светил — солнца и луны. Изображения крыльев часто встречаются на сасанидских геммах, блюдах и штуковых декоративных плитках IV–VII вв. особо

богатый арсенал композиций с крыльями мы имеем на печатях, где крылья снизу охватывают княжеские бюсты, протомы животных, цветки лилии или дерева, знаки царской власти. Согласно исследованиям В.Г. Луконина, мотив крыльев появляется в сасанидском искусстве уже в конце III — начале IV в н.э. при шаханшахе Нарсе и является символом бога войны и победы Вретрагны. В Авесте упоминаются несколько воплощений этого божества, одно из которых — птица Варагн — орел или ястреб, который сопутствует героям и царям во время битвы [Микаелян, 2013, с. 114].

Мотив крыльев можно проследить на армянских хачкарах. Известно, что с IV–VII вв. Армения, особенно ее восточная часть, находилась в сфере политического влияния Сасанидского государства, основного соперника Рима и Византии. При тесных политико-экономических отношениях Армении с Сасанидами, неизбежными были влияния и в области культуры. Если мы посмотрим на известные камни хачкары из Армении, тоже увидим, что мотив распахнутых крыльев был очень распространен [Микаелян, 2013, с. 112].

Встречаются изображения стилизованных крыльев — нечто среднее между крылом и побегами с листьями аканфа или полупальметты. По мнению Л.Ш. Микаелян, последнее свидетельствует не о частных случаях заимствования, а о сложившейся изобразительной традиции. Основная символика крыльев в сасанидском искусстве — победа, даруемая свыше, знак небесного покровительства. В христианском искусстве сасанидов данный мотив был призван подчеркнуть победную символику креста [Микаелян, 2013, с. 115].

Очевидно, христиане, пришедшие в Среднюю Азию из Ирана, взяли за основу привычный для них образ и символ, означающий победу, только вместо протомы животного помещался крест как победа жизни над смертью и как символ торжества христианства. Распахнутые крылья помещались внизу креста, но на одной из плакеток из Ак-Бешима крылья помещены в верхней части плакетки (рис. 158, 4). Как указывалось ранее, здесь просматривается влияние западной иконографии — образа античной крылатой Ники как знака победы

Аналогичные плакетки были обнаружены при раскопках несторианского монастыря V–VII [или VII–IX вв.; Bonneric J., 2015, <https://mafkf.hypotheses.org/1286>] на полуострове Харг, в Персидском заливе. Иконография, общая композиция и стилистика плакеток этого монастыря довольно близка среднеазиатским [рис. 160, 4; Steve M.J, et al., 2003, pl. 10, 11]. В других несторианских церквях VII–IX вв. из бассейна Персидского залива — аль-Кусур [Bernard, Salles, 1991, p. 10, fig. 2], аль-Хира и Сир Бани Яс [King, 1997, p. 226, fig. 6], помимо общих строительных и планировочных стандартов, прослеженных также в церквях Средней Азии [Михеева, 2019, с. 153–169], на стенах отмечено размещение большого количества лепных крестов, сформованных или вырезанных на штукатурке или в виде небольших плакеток (рис. 160, 1, 2, 3; 161, 162). Очевидно, керамические плакетки, найденные на территории Средней Азии, также

украшали стены местных церквей, привнося не только символическую богословскую идею креста, но и декоративную [Михеева, 2022, с. 374–375, рис. 1, 9–12]. Считать данные плакетки иконами, как это понимается в православии, на взгляд автора диссертации, оснований нет. Возможно, данные плакетки служили и использовались в качестве оберега с защитной и оградительной функцией креста.

Ампулы Святого Мины

Храм великомученика Мины находился в Египте в 60 км от Александрии. Он возник в начале IV в. на месте погребения останков Мины. В V–VII вв. храм превратился в большой комплекс и просуществовал до середины IX в. Храм посещали тысячи паломников со всех христианских областей [Берзина, 2008, с. 358–359]. Паломники считали своим долгом приобрести небольшую керамическую флягу (ампулу) для того, чтобы привезти на свою землю освященную воду, елей или масло из лампад из церкви Св. Мины [Берзина, 2008, с. 353; Владимир, 2011, с. 109]. В IV–VII вв. такие ампулы производились в больших количествах и были доступны для большинства паломников [Ставиский, 1960, с. 102]. Паломники из Средней Азии, как и остальные христиане Египта, Палестины и Сирии, привозили эти памятные вещи в свои дома.

К настоящему времени на территории Средней Азии известна одна ампула с изображением святого Мины в полный рост и два сосуда с ликом святого [Берзина, 2008, рис. 1, 2, 3–4; рис. 163, 1–3]. Ампула была обнаружена в начале века на городище Афрасиаб [хранится в фондах ГЭ; Ставиский, 1960, с. 101–102, рис. 25]. Это небольшой глиняный сосудик с уплощенным туловом. С боковых сторон к тулову прикреплены ручки. Горлышко цилиндрической формы. Каждая из сторон тулова украшена штампованным рисунком из медальонов. В центре медальона помещено изображение святого Мины, стоящего с распростёртыми руками. Через его левое плечо переброшен плащ. Наверху слева и справа у головы фигуры изображены два креста, у ног довольно схематично переданы фигуры верблюдов [Ставиский, 1960, с. 101–102, рис. 25].

Две другие ампулы-евлогии с ликом святого также происходят из известных археологических памятников — древнего Пенджикента и Дальверзин-тепа [Берзина, 2011, с. 353–354]. Это маленькие стеклянные бутылочки с шаровидным туловом и узким горлышком. С двух сторон флаконы украшались овальными медальонами, сделанными из наклепной тонкой ленты. Внутри медальонов помещалось изображение головы мужчины с накинутым на голову краем плаща или с нимбом. Мужчина представлен в образе старца. Сосудики были выполнены в технике свободного выдувания с накладными элементами [Берзина, 2008, с. 354].

Ампула святого Мины и сосуды-евлогии с ликом святого, безусловно, являются свидетельством паломничества среднеазиатских христиан к святым местам Сирии, Палестины и Египта в VI–VIII вв.

Керамические печати, штампы.

Помимо вещей паломнического характера в виде ампул и сосудиков-евлогий при раскопках памятников встречаются предметы хозяйственно-бытового назначения, не всегда интерпретируемые как христианские. Это печати и штампы с христианскими символами.

В Древнем Мерве при раскопках «Овального» здания (раскопки Г.Я. Дресвянской), в одном из помещений была найдена печать из халцедона [Дресвянская, 1974, с. 168, рис. 13]. Внешне печать похожа на крупную, цилиндрической формы, бусину. В центральной части и по всему периметру бусины рельефно прорисован равносторонний крест — прямой, обрамленный крестом большего размера (рис. 164, 1). На основании данной находки и ряда других доводов Г.Я. Дресвянская отнесла «Овальное» здание к христианскому монастырю мелькитского толка [Дресвянская, 1974, с. 168–169].

Керамические печати округлой формы были обнаружены в процессе работ на монастырском комплексе церковей (об. VIII) на городище Ак-Бешим [Семенов, 2002, с. 93, рис. 54, 3, 4, 5]. Размеры их от 4,5 см до 8 см (самая большая) (рис. 164, 3, 4, 5). На 1996–1998 гг. было найдено три печати, на каждой из которых изображен крест. Кресты прорисованы до обжига. На каждой печати крест определенной формы. На самой маленькой (3,5x4,3 см) — крест, состоящий из двух прямых линий, вертикальная ветвь чуть длиннее. На средней (5x5 см) изображен равносторонний крест с расширяющимися концами от центра к внешним краям. В центре круг, на оконечности каждой ветви — по кружку (перлу). На печати размером 8x8 см равносторонний крест представлен в виде ветвей, расширяющихся от центра к внешним границам кружка. Оконечность каждой ветви прорисована рельефно в виде ласточкиного хвоста. Внутри ветвей рисунок наподобие галочки. В центре выпуклый круг. Тесто, из которого были сделаны эти печати, пористое, с примесью песка, крупных фрагментов битой керамики и дресвы. Интересно, что при раскопках в 2021 г. внешней южной стены церкви «А» автором диссертации и коллегами была найдена прямоугольная керамическая форма, по составу теста, его примесям и формовке идентичная этим печатям (рис. 64, 3). Если первоначально исследователи предположили, что эта форма являлась заготовкой для надписей (подобные примеры из этого памятника известны), то после внимательного изучения состава теста было высказана гипотеза, что эта форма неким образом связана с таким кругом предметов, как печати и штампы. На взгляд автора диссертации, средний штамп (рис. 164, 4) мог использоваться именно как печать, форма самой печати это позволяет, остальные — как своеобразные амулеты.

Керамическое пряслице с необычным изображением было обнаружено при раскопках полуподземного комплекса Коштета в Нахшабе, расположенного около г. Карши в Южном Согде. На памятнике работал узбекский археолог А.А. Раимкулов, который по ряду находок интерпретировал этот объект как христианский храм-монастырь [Раимкулов, 2004b, с. 123–129, рис. 1, 2; Грицина, 2018, с. 136–137]. В одном из помещений было найдено пряслице трапециевидной формы светло-коричневого цвета (рис. 164, б). С боковой стороны пряслица, вероятно, штампом до обжига был нанесен маленький медальон (ок. 1 см) со следующим сюжетом: две птички на краю чаши, одна пьет воду, вторая сидит рядом. По мнению А.А. Раимкулова, символика и значение этой сцены связаны с раннехристианскими библейскими сюжетом колодца как родника жизни [Раимкулов, 2004b, с. 125].

Изображение голубей (птиц), прилетающих к сосуду или пьющих из сосуда в раннехристианском искусстве символизирует обряд Причастия [Уваров, 1908, с. 175–176]. Это известный сюжет, хорошо прослеживаемый на изображениях в катакомбах и на надгробных плитах Рима в первые века христианства.

Нашивные бляшки из Геок-депе (Туркмения)

В 1926 г. недалеко от поселка Геок-депе при земляных работах рядом с древним городищем был обнаружен глиняный кувшин, целый, неглазурованный, заполненный мелкими тонкими золотыми пластинками с различными изображениями и золотыми продолговатыми бусинками [Массон, 1956, с. 45–48]. К ученым клад попал неполностью. М.Е. Массон разделил все предметы клада на четыре типа.

Первый тип (рис. 165, 1) — маленькие листовидные бляшки в форме сердечка, высота — 11 мм, ширина — 9 мм. Средний вес — 0,09 г. На всей площади бляшки изображена птица, голова птицы на длинной шее повернута вправо, крылья распахнуты. Птица, вероятно, сидит. По краю пластинки сделан ободок в виде мелких точек (кружков).

Второй тип (рис. 165, 1) — маленькие круглые бляшки, длина — 9 мм, вес — 0,05–0,06 г. На всей площади бляшки нарисована шагающая птица, ноги прорисованы очень хорошо, голова на длинной шее повернута вправо несколько назад. М.Е. Массон предположил, что птица изображена как бы на взлете. По краю пластины ободок из мелких кружков.

Третий тип (рис. 165, 2) — круглые бляшки среднего размера, длиной 12–13 мм. На одной стороне изображен баран, повернутый вправо, с приподнятой левой лапой, в которой он держит наклоненное древко с развевающейся влево перевязью, увенчанное трезубцем. Баран стоит на постаменте из трех горизонтальных линий, пересеченных одной наклонной прямой. По краю пластины ободок из мелких треугольных зубчиков, расположенных близко друг к другу. М.Е. Массон упоминает о четырех подобных экземплярах [Массон, 1956, с. 46].

Четвертый тип (рис. 165, 3) — крупные медальоны круглой формы, двусторонние, грубой работы, длиной около 16 мм.

Согласно описанию М. Е. Массона, на одной стороне медальона на постаменте из трех горизонтальных линий стоит хвостатый баран с приподнятой левой передней ногой. Этой ногой он «касается вертикально стоящего древка с развешивающимся влево полотнищем, к двум вырезанным треугольным углам которого прикреплены как бы „кисти“» [Массон, 1956, с. 46]. Перед бараном изображено растение. По краю медальона изображены мелкие кружки в виде ободка.

На другой стороне медальона изображена стоящая человеческая фигура в тунике до колен и короткими по локоть рукавами (рис. 165, 3). Правая рука согнута в локте и уперта в бок, левая также чуть согнута в локте и поднята вверх. Следует отметить, что фигура изображена довольно схематично, ступни и кисти рук не изображены. Черты лица также не прорисованы из-за того, что на месте головы было пробито отверстие. Позади фигуры изображено древко в наклоненном положении. Наверху древка в виде трех лепестков. Сбоку, вероятно, прорисован сложный рисунок в виде линии с круглым концом. Само древко укреплено на спине конструкцией в виде двух полукруглых полос. Справа от фигуры изображены три линии и неопределенные черточки, слева — рисунок в виде птицы с поднятым крылом. По краю медальона сделан ободок из редко расположенных мелких кружочков [Массон, 1956, с. 46].

М.Е. Массон предположил, что все вышеуказанные изображения связаны с христианской символикой. Хвостатый баран — это агнец. Линии постамента, на которых изображен баран — символическое изображение Голгофы. Древки с различными навершиями и перевязями — хоругви. А изображения птиц на сердечкообразных и круглых бляшках — прообраз священной египетской голенастой птицы Бену (*Ardea cinerea*) — феникс, как символ воскресения и бессмертия в раннехристианском искусстве [Массон, 1956, с. 47].

Датировка бляшек и медальонов из Геок-депе отнесена к VI в. Предназначались они, вероятно, для нашивки на ткань, но не для повседневного пользования.

В целом соглашаясь с предложенной М.Е. Массоном интерпретацией данных бляшек как предметов христианского культа, хотелось бы отметить, что на бляшке четвертого типа (рис. 165, 3) изображен не хвостатый баран, а молодая лошадь. Круп, морда с прямыми ушами, небольшая грива и хвост — все детали изображения говорят о том, что это не баран, а именно лошадь. Изображение барана отмечено на третьем типе, и тут нет никаких сомнений [Массон, 1956, с. 46, рис. 2]. На медальоне лошадь стоит перед кустом какого-то растения. Рядом, чуть позади шеи лошади, установлено древко с хоругвью и кисточками на её концах. Символическое значение в раннем христианстве барана как агнца понятно. Не совсем ясно, какую роль в христианских образах играла лошадь (конь). Вероятно, такую же, как и символы быка, вола, коровы и теленка,

относящиеся к образу пастыря. По мнению А.С. Уварова, прямого понимания и толкования символического значения изображений этих животных в раннехристианском искусстве нет [Уваров, 1908, с. 189]. В 1935 г. в районе оз. Челкар (Казахстан) была обнаружена уникальная монета. На ее лицевой стороне была изображена лошадь, идущая вправо, и плохо сохранившаяся надпись. На оборотной стороне были изображены крестообразные знаки. А.А. Мусакаева датирует эту монету VI–VIII вв., полагая, что образ коня задолго до христианства являлся священным для таких областей как Приаралье, Казахстан и Хорезм, там, где обитало кочевое население [Мусакаева, 1994, с. 53].

Форма креста, прослеженная на обратной стороне медальона, находит свои аналогии в Пенджикенте на могильнике Дашти-Урдакон, где был обнаружен хум, на котором до обжига было прорисовано изображение, интерпретируемое археологами как сцена поклонения кресту [рис. 181, 1, 3; Распопова, 2014, с. 157]. Крестообразные концы креста на хуме из Пенджикента близки к изображению креста на медальоне из Геок-депе.

Геммы и буллы

Одним из важнейших вещественных памятников и памятников искусства восточного христианства на территории Средней Азии следует считать находки печатей иранских христиан — сасанидские резные камни или геммы и печати купцов — буллы. Историография исследования этой группы находок обширна, как европейская, так и отечественная. Изучением сасанидских булл в России занимались А.Я. Борисов [1939], В.Г. Луконин [Борисов, Луконин, 1963], А. Губаев [1970, 1971], Л. Лелеков [1970], А.Б. Никитин [1998], Г.А. Кошеленко [1991], В.А. Гаибов [1991, 2005], С.Я. Берзина [2010]. Из-за того, что геммы и буллы часто встречаются в стратиграфических слоях вместе с монетами, этот источник служит довольно точным маркером хронологической шкалы того или иного памятника. Кроме того, на части булл встречаются печати с изображением сцен ветхозаветного содержания, с евангельскими сюжетами и христианскими символами (кресты или крестообразные знаки), свидетельствующие о распространении христианства в пределах сасанидских провинций. Датировка сасанидских печатей с христианской символикой — VI–VII вв. [Никитин, 1998, с. 180–188].

Нательные кресты и подвески из камня

(рис. 166; Таблица 7)

К настоящему времени, на территории Средней Азии обнаружено значительное количество таких предметов личного благочестия как нательные кресты, изготовленные из камня и металла. В единичных вариантах найдены кресты процессионные, использовавшиеся в

литургической практике. Кроме того, известны находки крестовключенных подвесок, медальонов-подвесок в виде рыб и крестов, выпиленных из монет.

Изучение всего массива обнаруженных в Средней Азии крестов позволило разделить их на две категории: 1 — кресты и подвески из камня; 2 — кресты и подвески из металла.

Кресты и подвески из камня

К настоящему времени, на территории Средней Азии обнаружено пять крестов и шесть подвесок из камня. Все находки найдены в пределах двух территорий — Согда и Семиречья (рис. 167).

Уникальный крест из серого камня был обнаружен при раскопках средневекового Пайкенда (Западный Согд) сотрудниками Бухарской экспедиции в одном из помещений большого дома (дом VIIa), интерпретируемого археологами как гостиница [Сапаров, Омельченко, 2017, с. 281–293]. По форме крест равносторонний, сделан, вероятно, из галечного камня [Сапаров, Омельченко, 2017, с. 287, рис. 7, 1; рис. 167, 1]. Учитывая неподатливость этого материала, сложно представить, каким образом он был изготовлен. Ветви креста неровные, горизонтальная ветвь короче вертикальной. Правая сторона горизонтальной ветви шире, чем левая, верхняя вертикальная ветвь шире нижней и боковых. Оконечности креста сглажены, почти овальной формы. В центре верхней вертикальной ветви креста сделано аккуратное и ровное отверстие для пронизывающей нити. На концах креста видны неровные следы, образованные естественно-природной средой и структурой камня. Можно предположить, что изначально за основу был взят крестообразный по форме камень, из которого впоследствии был изготовлен представленный вариант. Прямые аналогии данному кресту на территории Средней Азии автору диссертации неизвестны. Нет сомнений, что крест из Пайкенда, датируемый специалистами VIII–IX вв., — это нательный крестик.

Подвеска из Самаркандской области, сделанная из гладкого черного мелкозернистого сланца, имела форму окружности со срезанными нижними сторонами (рис. 167, 2). Такой сланец залегают в местности рядом с Ургутом, которое называется «Золотинка» (Устное сообщение А.В. Савченко). На поверхности ее был изображен рисунок из кружков с точкой внутри в виде креста с удлиненной нижней ветвью. Кружки с точкой символизировали ягоды винограда — как знак обряда Евхаристии или Причастия [Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 6]. По сторонам от креста, сверху и по бокам также сделано украшение из аналогичных кружков. Подвеска хранится в краеведческом Музее Ургута.

Еще одно украшение на библейскую тематику было найдено в Южном Узбекистане, на памятнике Балалык-тепа. Это кулон, сделанный из стекла в серебряной оправе. На кулоне изображена женщина, держащая в руках ребенка младенческого возраста. Символическое

значение этого сюжета — Богоматерь с младенцем [Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 4; рис. 167, 4].

Такие подвески для территории Средней Азии единичны. Чаще встречались подвески с изображением крестов разной формы и стиля. Бусы с подвеской из темного камня с изображением равностороннего креста были найдены случайной находкой на городище Канка [Ташкентская область; Богомолов, 1994, с. 73, табл. 6, 4; рис. 167, 3]. Подвеска с крестом из двух перекрещенных линий (буква «X») — крестом с именем Христа (или Андреевским) — была найдена в Семиречье на городище Красная речка. Подвеска изготовлена из белого камня [Кольченко, 2018, с. 92, рис. 39, 2; рис. 167, 10].

Нефритовая подвеска с изображением креста была найдена и в казахстанской части Чуйской долины, на городище Актобе (Степнинское). В процессе археологического изучения городища на берегу р. Аксу в яме, вскрытой эрозией почвы, среди фрагментов керамики VIII–X вв. Ф.П. Григорьевым была найдена подвеска из светлого бело-серого нефрита [Железняков, 2005, с. 54]. Подвеска прямоугольной формы со слегка округлыми углами. Ушко для подвешивания было отломано. Размеры находки: 3,5x3,1x0,5 см. На лицевой стороне — она более отшлифована — рельефно вырезан равноконечный крест греческой формы. Широкие лопасти креста представляют собой четырехугольники квадратной формы, разделенные на мелкие квадраты прочерченными крест на крест рельефными линиями. В средокрестии креста или в центре подвески просверлено сквозное отверстие диаметром 0,5–0,6 см, украшенное вставкой цилиндрической формы из минерала зеленого цвета, как считают исследователи, — жадеита [Григорьев, Железняков, <http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm>; Железняков, 2005, с. 54]. Предполагается, что данная подвеска является еще одним доказательством того, что в городе проживала значительная община христиан несторианского толка, наличие которой было отмечено при археологическом изучении винодельни, найденной на этом городище [Байпаков, Терновая, 2018, с. 22–25]. Как известно, в период массовой исламизации населения в Семиречье, производством и хранением вина занималась именно несторианская церковь [Семёнов, 2002, с. 107–108].

В пределах Чуйской долины на городище Ак-Бешим в монастырском комплексе церквей (об. VIII) и на городище Красная речка были обнаружены нефритовые кресты [Семенов, 2002, с. 93, рис. 54, 6; Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 204, рис. 2, 3; Памятники культуры ..., 1983, с. 67–68, 261a; Горячева, 1988, с. 67; Ротт, 2005, с. 46–47, рис. 1, 17; Кольченко, 2018, с. 87, 92, рис. 39, 5; рис. 167, 5, 6, 7, 8]. По форме они все одинаковые — квадратная пластина из нефрита, на которой вырезаны равносторонние ветви креста. В центре располагался круг (крест из Красной речки) или сквозное отверстие (кресты с об. VIII, Ак-Бешим). На кресте, найденном

на городище Красная речка, конечности ветвей были выпилены в виде хвоста рыбы [Кольченко, 2018, с. 87, 1, 4, 5].

Довольно интересен нефритовый крест, найденный на монастырском комплексе церковей (об. VIII) в полевом сезоне 2021 г. при обследовании внешней южной стены здания А (рис. 167, 5). Предполагаемая дата — X–XI в. Крест желтовато-зеленого цвета, равноконечный, с ветвями, расширяющимися к оконечностям. Одна ветвь была утрачена в древности. Вертикальная часть (от края ушка) — 3,2 см, горизонтальная — 3 см, толщина — 0,5 см. Крест нагрудный, подвесной. Учитывая его размеры, вероятно, предполагалось, что он будет носиться поверх одежды. В центре средокрестия просверлено маленькое сквозное отверстие. Ветви креста относительно одинаковы по величине и расширяются к концам. Края ветвей поделены на три части (трехчастные), и образуют коронообразную форму с прямоугольным выступом в центре. На верхней части креста имеется предполагаемое ушко, в виде небольшой квадратной площадки.

Ветви креста выпилены не очень аккуратно, отличаются друг от друга, и имеют разные размеры — угол верхней левой ветви длиннее остальных. Поверхность креста с обратной стороны неотполированная, а ушко не сделано. Концы ветвей до конца не были оформлены. Вероятно, ювелир лишь наметил основные контуры и формы этого креста. В связи с этим можно предположить, что данный крест — заготовка. Скорее всего, мастер начал вырезать крест из цельной квадратной нефритовой пластины, когда изделию была придана основная крестообразная форма, в процессе работы одна ветвь отломилась, и крест просто-напросто был выброшен. Это значит, что в период обживания комплекса церковей, на его территории, точнее, за стенами церкви, изготавливались собственные кресты, необходимые и используемые для нужд местных христиан. Нефрит, в качестве сырья, завозился в Семиречье из китайских провинций, в основном из Хотана [Ртвеладзе, 1999, с.119; Байпаков, Терновая, 2018, с. 25; Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 209–210].

Уникальный медальон из черного камня был обнаружен в районе городища Ново-Покровское-V, недалеко от городищ Ак-Бешим и Красная речка [Klein, Rott, 2006, p. 412–414, abb.10; Кольченко, 2018, с. 87, 92, рис. 39, 3; рис. 167, 11]. Медальон прямоугольной формы, с ушком в форме сердца для подвешивания (частично отломано). Размеры его следующие: общая высота с ушком — 3,8 см, размеры прямоугольника — 3x2,4x0,3 см. На поверхности медальона на его лицевой стороне, по мнению В.А. Кольченко, изображен монах с бородкой в головном уборе и рясе из ткани. На обратной стороне медальона изображен крест [Кольченко, 2018, с. 92–93]. По периметру медальона прорисованы мелкие крестики, в количестве 13 штук.

Изображение на медальоне действительно напоминает образ монаха. Лицо его показано схематично, небольшими черточками, но заметно, что оно, худощавое, с длинной, но редкой бородой. Выражение лица серьезное, даже суровое. На голове остроконечная шапочка. В

православной традиции такие шапочки называются куколь — одно из монашеских облачений. Учитывая, что изображенная фигура препоясана, можно предположить, что монах не в рясе — она широкая, а в подряснике — простое черное платье, носимое с поясом. Датировка данного медальона довольно широкая — с VIII по XIV вв. Возможно, этот медальон был принесен на территорию Семиречья одним из паломников.

Из вышеописанных нефритовых крестов, обнаруженных на городище Красная речка и монастырском комплексе церквей, надежно датируются только кресты с городища Ак-Бешим — это X–XI вв., так как эти кресты были найдены в стратиграфических слоях помещений.

Также отметим, что нефритовые кресты и подвески в настоящее время встречены только на территории Семиречья, на памятниках, расположенных в пределах Чуйской долины. Хронологический период данных находок — с VIII в. до конца XI в. Формы и стилистические особенности нефритовых крестов прослеживаются на несторианских памятниках Восточного Туркестана и Китая, хотя и более позднего периода [Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 210–211].

Кресты металлические

(Таблицы 8, 9, 10)

Помимо крестов и подвесок, сделанных из камня, стекла или нефрита на территории Средней Азии обнаружено достаточное количество металлических крестов. В большинстве своем это случайные находки, найденные в пределах какого-то городища, и хранящиеся в частных коллекциях.

В томе II настоящей диссертации собраны все доступные в публикациях металлические кресты (см. Т. II, таблицы 8, 9). Предполагается, что данные таблицы будут постепенно заполняться новыми находками.

Кресты металлические представлены следующими вариантами:

- 1) кресты нашивные (рис. 168, 1–3);
- 2) кресты нательные (рис. 169, 170);
- 3) кресты нагрудные (рис. 169, 1; Таблица 8, № 1);
- 4) кресты процессионные (рис. 171);
- 5) кресты, выпиленные из монет (рис. 173, 4–9; рис. 174, 1–5);
- 6) кресты-энколпионы (рис. 169; Таблица 8, №№ 74, 75);
- 7) крестовключенные подвески (рис. 175);
- 8) медальоны в виде рыб (рис. 173, 1–3).

Отдельно необходимо выделить детали поясной гарнитуры с крестом (рис. 168, 4–6).

1. Кресты нашивные представлены тремя экземплярами (рис. 168, 1–3). Обнаружены в Чаче на городище Канка [Богомолов, 1994, с. 73; Таблица. 8, № 2; рис. 168, 2] и на могильнике Дурмон-тепе, расположенном недалеко от Самарканда [Шишкина, 1994, с. 56, рис. 11; рис. 168, 1; Таблица 8, № 7]. На концах ветвей этих крестов сделаны небольшие сквозные отверстия, что дает возможность предположить, что эти кресты нашивались на одежду. В христианском погребении Дурмон-тепе (Раскоп 12, погребение 1; XI — нач. XII в.) крест был сделан из тонкого листа золота и находился в области тазовых костей. Еще один крест был найден в Чуйской долине, информация о нем опубликована Ф. Роттом [Ротт, 2005, с. 45–46, рис. I, 5]. На обратной стороне креста располагались гвоздевидные шпеньки, отлитые вместе с крестом. Длина шпеньков 1,2 см [Ротт, 2005, с. 45]. Вероятно, крест нашивался на одежду (?) или на какой-то другой предмет.

2. Кресты нательные — 63 экземпляра.

Археологами была предложена первичная классификация нательных крестов из Семиречья:

1 — кресты круглые в сечении;

2 — кресты плоские в сечении [Кольченко, 2018, с. 93].

Обе группы крестов литые, изготавливались на месте, о чем говорят литники и их бракованные экземпляры [Ротт, 2005, с. 48, рис. 1, 1];

3 — кресты, выпиленные из тюркешских и караханидских монет [Кольченко, 2018, с. 93].

На взгляд автора диссертации, правильным будет разделить нательные кресты на следующие три группы: 1) объемные; 2) плоские и 3) выпиленные из монет.

Предложенная в диссертации типология металлических нательных крестов достаточно условная и основана в основном на внешних стилистических характеристиках: плоские или объемные, длина вертикальных и горизонтальных ветвей, оформление ветвей, наличие или отсутствие украшений на ветвях, наличие опоры на конце вертикальной ветви.

Кресты объемные представлены пятью типами (I, II, III, IV, V; рис. 170). Такие кресты имеют удлиненную нижнюю ветвь или равносторонние. Форма ветвей валикообразная или бочкообразная, на некоторых экземплярах в центре помещен косой крест (Андреевский).

Объемные кресты (рис. 170):

Тип I — найдены в пределах Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины. Случайные находки, кроме креста № 54, обнаруженного в погребении № 8 (Ак-Бешим, об. IV) [Кызласов, 1959, с. 233]. Кресты литые из бронзы. Боковые и нижние ветви крестов представлены шаровидными фигурами. Нижняя вертикальная ветвь заканчивается опорой, концы ветвей

оформлены фигурами в виде цилиндра или усеченного конуса. В средокрестии уплощенная площадка, на некоторых экземплярах с изображением косоугольного креста (Таблица 8, №№ 54, 68, 66). Среди крестов данного типа в стратиграфическом слое был найден крест № 54, датируется VIII в. [Кызласов, 1959, с. 233].

Тип II — найдены в Юго-Западном Семиречье и в Чуйской долине. Литые бронзовые. Ветви крестов этого типа сложнопрофилированы. Крест № 10 был найден при раскопках некрополя Костобе, датируется VIII в. [Байпаков, Терновая, 2018, с. 12, рис. 1].

Тип III — найдены в Иссык-Кульской котловине (№ 59) на городище Кара-Джигач (при-Пишпекское; № 58) и в Ташкентской области на городище Каршаул-тепа (№ 3). Литые из бронзы. Ветви крестов почти одинаковые, вертикальная чуть длиннее. Концы ветвей оформлены в виде бочкообразных кружков с рельефными линиями, в центре крест.

Крест с Каршаул-тепа (№ 3) найден при раскопках средневекового городища, на одном из холмов которого был заложен разведочный шурф (10x10 м). В шурфе под слоем дерна на глубине 15 см был найден бронзовый нательный крест [рис. 170, № 3; Поторочина, Шейко, 2015, с. 488, рис. 1, 1]. Крест равносторонний, вертикальная ветвь его чуть удлиненна, объемный. Датируется специалистами VI–IX вв. — периодом обживания памятника. Кресты такой формы также встречены на территории Семиречья [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9]. Нижняя дата — VI в., на взгляд диссертанта, слишком ранняя для данного креста. Предметов христианского культа на территории Ташкентского оазиса ранее VII–VIII вв. не отмечено. Самая ранняя дата фиксируется монетными находками — VII–VIII вв.

Тип IV — найдены в Чуйской долине, №№ 61, 64 — на городище Ак-Бешим. Бронзовые литые. Равноконечные. Середняя часть и концы ветвей сложнопрофилированы. В центре — углубление круглой формы. Датированы VIII–XII вв.

Тип V — найдены в Чуйской долине и на городище Красная речка (№ 60). Литые бронзовые. Концы крестов прямые, с чуть удлиненной вертикальной ветвью. У № 55 верхняя часть сложнопрофилированная, на концах ветвей кружки (?). Датировка — VIII–XIV вв.

Кресты плоские стилистически более разнообразны и представлены восьмью типами (I, II, III, IV, V; VI, VII, VIII; рис. 169). Кресты этой группы равносторонние или с незначительно удлиненной вертикальной ветвью. Концы ветвей расширены от центра к краям, форма концов подтреугольной формы, чаще с перлами на углах (по 2 или по 3 перла). В центре помещается круг или выпуклина, реже крест. Тип VIII представлен экземплярами крестов довольно редких для территории Средней Азии (рис. 169).

Плоские кресты

Тип I — найдены в пределах Пенджикента (№ 9), Кашкадарья (№ 5), но в большинстве представлены находками из памятников Чуйской долины. Кресты литые бронзовые.

Вертикальная ветвь чуть длиннее горизонтальной. Концы ветвей подтреугольной формы, расширенные от центра к краю; украшены перлами, по два на каждом конце. С рельефным кругом в средокрестии и без него. Стратиграфически датированные кресты: № 9 — VIII в. [Распопова, 2014, с. 156, рис. 2, 4]; № 19 — сер. VIII в. [Горячева, 1988, с. 66, рис. 20, 2]. Верхняя дата крестов этого типа — XII, XIV вв.

Тип II — представлен двумя экземплярами. Крест № 1 найден при раскопках восточной части церкви Хароба-Кошук и датируется до XI в., крест № 43 — в Чуйской долине, с широкой датировкой — VIII–XIV вв. Литые бронзовые. Ветви крестов широкие, расширяющиеся от центра к краям. Концы украшены завитками. На поверхности креста № 1 — украшение из кружков с точкой по середине. Крест № 43 в центре имеет рельефную окружность. По предположению автора диссертации, крест № 1 нагрудный.

Тип III — найдены в пределах городища Афрасиаб (№ 4) и на памятниках Чуйской долины (городище Красная речка). Литые бронзовые. Кресты равноконечные, с расширяющимися ветвями от центра к краям. На концах кружки/перлы. В центре и вдоль ветвей — рельефные украшения в виде круга и треугольников. Крест № 4 был найден в слоях VI–VIII в. при исследовании городища Афрасиаб [Тереножкин, 1950, с. 166, рис. 72, 2]. Остальные кресты этого типа широкой датировки — VIII–XII вв. и VIII–XIV вв.

Тип IV — найдены на памятниках Чуйской долины и в Иссык-Кульской котловине на городище Курменты (№ 13). Литые бронзовые. По описанию схожи с типом III, только концы ветвей украшены тремя перлами и имеют коронообразную форму. Интересен крест № 13, ветви которого имеют «...форму вытянутого трилистника и украшены растительными элементами, образуя в центре креста ромб правильной формы.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 13, с. 39 (нагинация А.А. Михеевой)]. Датировка крестов — VIII–XII вв.

Тип V — найдены на памятниках Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины. Кресты бронзовые литые. Равносторонние; ветви подтреугольной формы, концы заостренной формы. В центре креста № 24 рельефное украшение в виде четырехлепестковой розетки [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 13, с. 50 (нагинация А.А. Михеевой)]. Датировка — VIII–XII вв.

Тип VI — найдены на памятниках Чуйской долины. Литые бронзовые. Равносторонние; ветви практически прямые, края концов прямые (№№ 26, 30) или в виде треугольника (№ 27). В центре рельефный круг. Датировка — VIII–XIV вв.

Тип VII — найдены на памятниках Чуйской долины. Литые бронзовые. Кресты с удлиненной вертикальной ветвью, с расширяющимися ветвями от центра к краю. Концы подтреугольной формы. В центре креста № 20 рельефный круг, крест № 21, вероятно, бракованный. Датировка — VIII–XII вв.

Тип VIII — представлен группой крестов, не имеющих аналогий на всей территории Средней Азии. Найдены на памятниках Чуйской долины (№№ 47, 72, 28), в Иссык-Кульской котловине (№№ 74, 75), в Ферганской долине (№ 8) и в Согде (№ 6). Кроме крестов №№ 72 и 28, все литые; кресты №№ 47, 28, 8, 6, 74 — бронзовые; № 72, № 8 — серебряные.

Крест № 8 найден во время раскопок средневекового жилого дома X–XI вв., расположенного вдоль восточной обводной стены шахристана городища Кува (в Ферганской долине) [рис. 169, № 8; Раимкулов, Иванов, 2000, с. 160; Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 3]. Г.П. Иванов датирует находку не позднее X в. [Древние города ..., 2008, с. 98]. Форма у креста довольно интересная. Кресты аналогичных форм на территории Средней Азии пока не встречены. Общая длина креста 3,9 см, ширина 2,3 см. Нижняя часть его сильно удлинненная и слегка расширяется от центра к внешнему краю. Горизонтальные ветви завершаются тремя полукруглыми лепестками, в форме трилистника. Концы верхней вертикальной ветви слегка приподняты и в середине сделан такой же круглый лепесток с отверстием для нанизывания нити. На лицевой стороне креста, в центре имеется «X»-образный врезной знак [Раимкулов, Иванов, 2000, с. 160]. Данный крест — одна из немногих находок, найденных в Ферганской долине, свидетельствующих о существовании в этом регионе христианских общин или отдельных семей, помимо буддизма и зороастризма.

Отдельно хотелось бы отметить крест, обнаруженный на городище Кара-Джигач (при-Пишпекское кладбище), изготовленный из серебряной проволоки [Камышев, 2012, с. 113, ил. VI]. По форме это так называемый лепестковый крест (рис. 169, № 72). Крест равносторонний, верхняя ветвь его не сохранилась (?). Ветви сделаны в виде сквозных лепестков. В средокрестии украшение из четырех листиков овальной формы, распложенных по кругу. Символика и стилистика данного креста находят прямые аналогии с украшениями из погребений Илибалыка. Причем изображение и расположение листочков в средокрестии креста идентично рисунку на кольце, найденном в одном из погребений христианского кладбища [Стюарт, 2020, с. 76, ил. 5–7]. По мнению автора публикации, это христианская миндалевидная розетка, в которой цветок символизировал животворный крест, как символ жертвенной любви Бога к человечеству [Стюарт, 2020, с. 86].

Кресты объемные встречаются как равноконечные, так и с удлиненной нижней ветвью. Ветви таких крестов сложнопрофилированные, утолщенные, состоящие из нескольких объемных кружков, нанизанных на ось креста [Кольченко, 2018, с. 93]. В средокрестии таких крестов, в большинстве случаев, вырезан косой (или Андреевский) крест. Надежно датированный крест такой формы был обнаружен при раскопках церкви с кладбищем (об. IV) на городище Ак-Бешим. Крестик находился только в одном детском погребении № 8 [Кольченко, 2018, с. 94, рис. 46;

Михеева, 2019b, с. 259, рис. 4, 2 фото, 5, 3 рисунок]. Датировка креста соответствует хронологии всего памятника — VIII в. [Кызласов, 1959, с. 233]. Крест, схожий по форме с акбешимским, был найден при раскопках некрополя Костобе, в юго-западном Семиречье, и также датируется VIII в. [Байпаков, Терновая, 2018, с. 12, рис. 1]. Можно заключить, что нижняя хронологическая дата объемных крестов в Юго-Западном Семиречье — не ранее VIII в.

Кресты плоские также встречаются — как равнобедренные, так и с удлиненной нижней ветвью. Ветви таких крестов чаще расширяются от центра к внешним краям. Края оформляются перлами (бусинами), по два на конце. Средокрестие также украшается кружком, перлом или рельефной окружностью. Встречаются варианты, когда концы ветвей сделаны в форме трилистника (рис. 169, № 13). Такой крест случайной находкой был обнаружен на городище Курменты в Иссык-кульской котловине [Музей КРСУ, 2013, с. 87]. Концы ветвей плоских крестов могут завершаться без перлов в форме ласточкиного хвоста. Примеры таких крестов встречены в Чуйской долине на городище Бурана и в Иссык-Кульской котловине на городище Курменты. В виду того, что большая часть крестов — случайные находки, их датировка довольно широкая — с VIII по XIV вв. Два креста из этой группы датируются сер. VIII в. Один из крестов был найден в погребении молодой женщины на городище Красная речка [рис. 169, № 19; Горячева, 1988, с. 66, рис. 20, 2; Владимир, 2011, с. 119, рис. 84, Кольченко, 2018. С. 77, рис. 27]. Другой крест был найден на этом же городище при раскопках жилого дома в 1972 г. [Горячева, 1988, с. 67; Кольченко, 2018, с. 94]. Соответственно, датировка этих крестов — VIII–XI (XII) вв. [Кольченко, 2018, с. 94]. Крест с прямыми ветвями был найден в 1889 г. на урочище, рядом с Припишпекским кладбищем, в Семиречье. Датировка креста — XIII–XIV вв. (рис. 169, № 28). Крест интересен тем, что две ветви припаяны друг к другу.

Крест другой формы был найден на городище Афрасиаб (рис. 169, № 4). Этот крест равнобедренный, ветви его расширялись от центра к оконечностям, на которых с двух сторон помещены перлы. На верхней ветви креста сделана петля для подвешивания [Тереножкин, 1950, с. 166, рис. 72, 2]. Крест аналогичной формы, но в другом исполнении был найден в одном из погребений девочки (могила № 19) на могильнике Дашти-Урдакон в Таджикистане. Крест датируется VIII в. [рис. 169, № 9; Распопова, 2014, с. 158; Михеева, 2021, с. 351, ил. 15]. В центре этого креста сделан круг с ямочным углублением. Кресты аналогичных форм часто встречаются на памятниках Семиречья. На городском некрополе городища Красная речка в женском погребении на умершей был найден крест, по форме такой же, как и в погребении с Дашти-Урдакон [рис. 169, № 19; Горячева, 1988, с. 66, рис. 20, 2; Владимир, 2011, с. 119, рис. 84; Кольченко, 2018, с. 77, рис. 27].

Размеры нательных крестов, как круглых, так и плоских — 2–5 см. Если размер креста более 5 см, это уже не нательный, а наперсный/нагрудный крест, который носился на груди,

поверх одежды. При раскопках христианской церкви Хароба-Кошук в восточной части в упоре двери был найден бронзовый, покрытый позолотой, крест [рис. 169, № 1; Osmida, 2011, p. 168, fig. 19]. По форме напоминает так называемый несторианский или мальтийский тип креста. Крест подвесной: ушко расположено параллельно верхней его части. Ветви, расширяющиеся от центра к краю, украшены по краям завитками в виде пальметт, по две на каждом конце. На одном из концов один из завитков сломан. Лицевая сторона креста вместе с пальметтами украшена кругами с точкой внутри. Обратная сторона креста неизвестна. По мнению автора диссертации, данный крест именно нагрудный.

Около Ургута в одной из церквей монастыря, действующего с конца IX в. до нач. XIII вв., был найден крест совсем иной формы, состоящий из двух прямых линий, верхняя ветвь его не сохранилась [рис. 169, № 6; [www. exploration-eurasia.com](http://www.exploration-eurasia.com)]. Крест был найден в юго-восточном углу помещения на ступенях. А.В. Савченко датирует крест XIII в., так как найден он был в контексте находок этого периода (глазурованный светильник-чирога). Высота сохранившейся перекладины креста — 5,5 см, соответственно, общая высота креста около 11 см. По мнению А.В. Савченко, такие кресты могли использоваться в качестве выносных или процессионных крестов, так как для нательного он слишком велик [Савченко, 2005, с. 333–338]. На взгляд диссертанта, в данном случае представлен крест нагрудный, а не процессионный.

В центральной части Узбекистана в Кашкадарье, был найден крест, плоский в сечении. Горизонтальная ветвь его короче, вертикальная длиннее. Концы украшены перлами, по два на каждой ветви. Размеры креста (3,8x2,4 см) позволяют предположить, что это крест нательный. Недоступность предмета для изучения затрудняет его точную интерпретацию (нательный или процессионный). Высказывалось мнение, что на нижней ветви (верхняя не сохранилась) располагался штырь [рис. 169, № 5; Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 4]. Возможно, данный крест насаживался на жезл/посох (?) Примеры использования креста в таких вариантах известны по найденному в одном из пещерных храмов Дуньхуаня (пещера № 17), расположенного на северо-западе Китая (Ганьсу) [Saeki, 1951; Parry, 1996, fig. 7 (b); Baumer, 2016, с. 187], фрагменту шёлка (88x55 см), по которому был реконструирован образ духовного лица династии Тан (IX в., Китай). На фрагменте изображена мужская фигура с четырьмя крестами: первый находится на голове, между «крыльев» короны [аналогичный по форме крест был найден при раскопках комплекса церквей на Ак-Бешиме; Klein, 2004, p. 147–156], второй — на священническом воротнике мужчины, прямо над наперсным крестом, третий — нагрудный крест и четвертый — на церемониальном посохе.

4. Кресты процессионные. На городище Ак-Бешим при раскопках монастырского комплекса церквей (об. VIII) был обнаружен бронзовый крест для процессий [рис. 171, 1; Таблица 8, № 76; Klein, 2004, p. 149; Аманбаева и др., 2015, с. 20, ил. 9, 1]. Крест сохранился

хорошо. Форма креста близка отмеченному ранее кашкадарьинскому кресту, но отличается стилистически и размерами. Вертикальная ветвь креста — 14 см, горизонтальная — 10,5 см. Боковые и верхняя ветвь креста украшены жемчужинами/бусинами. Нижний конец креста внизу уплощен. В уплощенной области находятся два небольших отверстия. Вероятно, крест вставлялся в какую-то конструкцию (основание, шест), которая не сохранилась. По обеим сторонам верхней и нижней ветви располагаются краткие надписи. Крест был изучен В. Кляйном, который предложил следующие варианты перевода надписи:

а) «Это Крест Иисуса»;

б) «Это Крест Ярука» или «Это Светлый Крест» или «Это крест Фарука» [Klein, Reck, 2004, p. 148].

Помимо этого креста, на памятнике была обнаружена горизонтальная ветвь от другого процессионного креста [рис. 171, 2; Таблица 8, № 77; Кольченко, 2018, с. 130, фото 5, 5]. Концы ветви трехчастны, каплевидной формы. В основании ветви отверстие трапециевидной формы. Датировка крестов с монастырского комплекса церковей — X–XI вв. Близкой аналогией акбешимским процессионным крестам можно считать крест, обнаруженный в Герате (соврем. Афганистан), хранящийся в частной коллекции Мюнхена [Gignoux Ph., 2001, p. 291–304; Gignoux Ph., 2003, p. 398, 400, 340-a, 340-b]. Размеры гератского креста — 18,3x14,1 см, изготовлен из бронзы. При обнаружении крест был сломан в верхней части, но отреставрирован. Нижняя вертикальная ветвь креста завершалась втулкой с тремя просверленными отверстиями, позволяющими крепить крест на деревянное древко. Вне сомнений, данный крест служил для процессий на церемониях христианской общины в Герате. Форма ветвей в виде трилистника и украшение в нижней части креста не находят аналогий на территории Средней Азии, но, вероятно, восходят к сиро-палестинскому кругу. На кресте с двух сторон помещены надписи на пехлевийском языке. Ф. Гину датирует крест VII в. [Gignoux Ph., 2003, p. 398].

Еще одну аналогию можно привести с территории северо-востока Саудовской Аравии. В местечке Джебель-берри (*Jabal Berri*), где в период Сасанидского правления процветала несторианская община Бет Катрайе (*Bet Qatraye*), известная по письменным источникам [Potts, 1994, p. 61–65], в 1977 г. при обследовании северной части памятника, было найдено три креста, два металлических из бронзы, третий из перламутра. Один из бронзовых крестов состоял из двух спаянных листов: ширина горизонтальной ветви — 8,4 см (без оконечностей), высота нижней вертикальной ветви — 7,3 см, верхняя ветвь не сохранилась. Толщина — 2 мм. На концах ветвей перлы/кружки диаметром 1,4–1,5 см [рис. 172, 1–3; Potts, 1994, p. 62, Fig. 2, 3, 4]. Форма и размеры креста позволяют отнести его к процессионным крестам, использовавшийся в литургической практике.

5. Кресты, выпиленные из монет. Отдельно стоит выделить кресты, выточенные из тюркешских или караханидских монет, форма которых, в первую очередь, зависела от мастерства и задумки мастера. Их встречается не так много — автору диссертации известно о шести таких крестах [рис. 173, 4–9; Кольченко, 2018, с. 131, фото 8]. В настоящее время такие кресты обнаружены только на территории Семиречья.

6. Кресты-энколпионы. Кресты-энколпионы, найденные в Исык-Кульской котловине, уникальны не только для территории Исык-Куля, но и для всей территории Средней Азии [рис. 169, № 74; Таблица 8, №№ 74, 75; Музей КРСУ, 2013, с. 87]. Крест № 74 – бронзовый, состоявший из двух створок, из которых сохранилась только лицевая часть. «В центральной части креста находится рельефное изображение Богородицы с ладонями, раскрытыми перед грудью — данный образ известен в иконографии как Богоматерь Ассунта, по сторонам от него в медальонах изображены четыре лика святых (Козьмы, Демьяна, Петра и Василия) и присутствуют надписи религиозного содержания. Название „энколпион“ переводится с греческого как „находящийся на груди“. Такие кресты существовали в средние века у русских и греков и представляли собой металлические ковчежцы (небольшой ящик или ларец для хранения религиозных реликвий). Как правило, эти кресты состояли из двух металлических створок, соединенных шарниром. Внутри энколпиона помещались частицы освященной просфоры или мощи святы. Размеры креста: высота 8,5 см, ширина 5,75 см. Диаметр изображений 2,9, 2,95 см.» [Описание креста: Аманбаева, Проект: Каталогизация памятников ... № 5, с. 40 (*пагинация А.А. Михеевой*)]. Аналогичный крест, точнее створка креста, в настоящее время хранится в Музее цивилизации кочевников (Кыргызстан) с указанием даты – VIII–XII вв. Лицевая сторона этого креста сохранилась хуже, чем у вышеописанного. Такие кресты широко известны в сиро-палестинском регионе. В.Н. Залеская относит их мелькитам и предлагает датировку X в. [Залеская, 1998, с. 40, 44].

7. Крестовключенные подвески. Помимо крестов привычной нам формы, в Семиречье были обнаружены крестовключенные подвески в виде амулетов, в которых крест располагался внутри круга (рис. 175, 1–11). Аналогичные подвески встречаются и в Самаркандском Согде [рис. 177, 6; Грицина, 2018, с. 143, рис. 22]. Подвески из Семиречья и Согда удивительно схожи по стилистике и оформлению креста.

Известны кресты, обрамленные ажурной рамкой (рис. 175, 13, 14) или изготовленные в виде крестообразного украшения (рис. 175, 12, 15–17).

В Ташкентской области была найдена бронзовая подвеска с равносторонним крестом [конец X–XI вв.; рис. 177, 5; Грицина, 2018, с. 144, рис. 25]. Подвеска округлой формы, на лицевой стороне которой, в центре сделан равносторонний прямой крест. Широкие ветви креста заполнены рисунком в виде мелкой сеточки. В средокрестии выпуклый круг. В свободном пространстве между ветвями — растительные узоры. Оформление этой подвески стилистически

близко к нефритовой подвеске, найденной на городище Ак-Тобе Степнинское (Семиречье, Южный Казахстан).

8. Медальон в виде рыб.

Были встречены амулеты в виде рыбок (рис. 173, 1–3). Символика рыб в христианском мире довольно многозначна. Рыба — это знак Иисуса Христа. Слово «рыба» на греческом языке представляет собой акроним, который расшифровывается как «Иисус Христос, Божий сын, спаситель». Рыба как символ таинства крещения и причащения [Вишневская. 2009, с. 335–336]. Можно предположить, что рыбки-амулеты были определенным символическим выражением для христианской общины, проживавшей в Чуйской долине Семиречья. Бронзовый медальон в виде рыбки был найден в Самаркандской области [рис. 177, 8; X–XI вв.; Грицина, 2018, с. 143, рис. 22]. Хотя, возможно, что последняя находка к христианству никакого отношения не имеет.

Интересны находки небольших амулетов в виде голубя (рис. 177, 4) или кувшина с крестом в виде прорастающего дерева (рис. 177, 1, 2). Эти предметы были найдены на археологических памятниках, расположенных в Самаркандской и Сурхандарьинской областях.

Амулет в виде кувшина с ручкой и крестом был найден на раннесредневековом могильнике Биттепа на левом берегу Сурхандарьи в области Чаганиан [рис. 177, 2; Ртвеладзе, 1986, с. 201, рис. 5, 56; Ртвеладзе, 1999, с. 85]. Могильник состоял из нескольких склепов, вырубленных в горах на высоте 15–20 см. В склепах располагались костяки, лежащие в вытянутом положении на спине в сопровождении разнообразного погребального инвентаря. В одном из склепов и был найден упомянутый кувшинчик, датированный VII–VIII вв. Крест в виде «Древа жизни» или «Живого дерева», произрастающий из этого кувшинчика, бесспорно, относится к христианскому кругу идей и символов. Мотив «Древа жизни» свойственен не только христианству, но и манихейству, поэтому первоначально была предложена интерпретация всего могильника и этого предмета как манихейского [Ртвеладзе, 1999, с. 83–85]. Интересно, что абсолютно идентичный амулет был найден на городище Канка [Грицина, 2018, с. 143–144, рис. 24]. Высота подвески — 3,7 см, ширина — 2,2 см. А.А. Грицина датирует подвеску X–XI вв. и предполагает, что она была изготовлена для одной из христианских сект. Сравнение изображений подвески из Биттепа и подвески из Канки не обнаруживает между ними различий. В качестве предмета с близкой символикой можно привести навершие (?) в виде прорастающего креста о, обнаруженное случайной находкой на городище Древнего Тараза (рис. 178, 2).

В могильнике Биттепа, помимо кувшинчика с крестом, был найден еще один интересный предмет — небольшая деревянная коробочка-пиксида, с крышечкой, круглой формы [рис. 177, 3; Ртвеладзе, 1986, с. 201, рис. 5, 63]. В коробочке находилась часть фаланги пальца руки. Подобного рода коробочки-пиксиды или мощевики были широко распространены в христианском мире. Первоначально они служили для хранения реликвий «истинного креста», а

позже — для мощей святых [Ртвеладзе, 1999, с. 85]. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь погребенных на могильнике Биттепа к христианству никакого отношения не имеет, поэтому вопрос в христианской принадлежности этих двух предметов пока остается нерешенным. Еще одна коробочка-мошевик, но не из дерева, а из металла была найдена в Семиречье, на городище Курменты, в Иссык-кульской котловине (рис. 178, 5). В связи с тем, что это случайная находка, датировка коробочки тоже довольно широкая — с VIII по XIV вв. [Аманбаева, Проект: Каталогизация памятников ..., нах. № 24, с. 55–56 (*пагинация А.А. Михеевой*)].

9. Детали поясной гарнитуры с крестом, бляшки с сирийской надписью, детали головного убора в виде фигурки человека с крестом, были встречены также на территории Семиречья (рис. 168, 4–6.; 151, 3, 4). В большинстве своем это случайные находки с широким хронологическим периодом — VIII–XII вв.

Следует отметить, что при некоторой стилистической и типологической схожести нательных крестов, как плоских, так и объемных, практически каждый крест уникален и представлен в единственном экземпляре.

Все нательные кресты, найденные в пределах Согда и Чача, имеют практически прямые аналогии в Юго-Западном Семиречье (Чуйская, Таласская долины; Иссык-кульская котловина), где отмечено широкое разнообразие форм крестов. Причем, общее количество нательных крестов, найденных на этой территории, более сотни. В основном они все сделаны из бронзы, но встречаются также из серебра [Кольченко, 2018, с. 93]. К настоящему времени много крестов опубликовано, но большая часть из них хранится в частных коллекциях и совсем немного в музеях [рис. 169, 170; Klein, 2004; Терновая, 2004; Ротт, 2005; Владимир, 2011; Кольченко, 2018, с. 131, фото 8–10].

Карта находок с нательными крестами и подвесками, как из камня, так и металлических показывает, что значительная часть крестов фиксируется в пределах Юго-Западного Семиречья (рис. 166). Датировка крестов широкая — с VIII по XIV вв. Формы крестов разнообразные, однако следует признать, что форма с равностороннего креста с расширяющимися ветвями от центра к краям и с перлами на оконечностях, а также форма с удлиненной вертикальной ветвью, с расширяющимися ветвями от центра к краям, также чаще с перлами на концах — для территории Средней Азии является преобладающей. Объемные кресты со сложнопрофилированными ветвями встречаются в пределах Юго-Западного Семиречья. Лишь один аналогичный по форме крест был найден в Ташкентском оазисе, на городище Каршаултепа. К.А. Шейко, исследовавший этот памятник, не связывает городище непосредственно с христианством, но признает, что христиане могли проживать в этом городе, о чем

свидетельствуют находки креста и монет с изображением креста (подробнее см. в главе 2.1). Автор диссертации допускает, что в средневековье данный крест мог попасть в Ташкентский оазис именно из Семиречья.

Также отметим, что традиция ношения нательных и нагрудных крестов, крестов из камня или нефрита, крестовключенных подвесок, медальонов-рыбок и крестов, выпиленных из монет, ярко прослеживается именно для территории Юго-Западного Семиречья (Чуйская долина). Вероятно, это связано с определенной культурной традицией, популярность которой возрастает начиная с VIII в. и продолжается до XII, в меньшей степени — с XII по XVI вв. Нательные кресты для территории Мерва, Согда, Пенджикента, Чача, Ферганской долины все же единичны, не смотря на то, что письменные и археологические источники фиксируют в этих областях существование христианских общин.

Сравнительный анализ нательных крестов, обнаруженных на территории Средней Азии, с крестами, встреченными в пределах Сасанидского Ирана, Византии, Сирии и Египта, подразумевает полноценное монографическое исследование и не входит в рамки настоящей диссертационной работы.

Археологические находки керамических плакеток, фрагментов керамики с изображением штампованных крестов, металлических крестов и подвесок показывают тесное взаимовлияние и взаимодействие христианских общин Мерва, Согда, Юго-Западного Семиречья. Несколько обособленной выглядит территория Мервского оазиса. Возможно, это объясняется меньшим количеством находок, тем не менее стилистика изображений креста на керамических плакетках, найденных в пределах Древнего Мерва, и на плакетках с Ак-Бешима (об. VIII) свидетельствует об их общей иконографии.

Этнографические исследования в Самарканде и Ташкенте показали, что местные жительницы издавна носили крупные нагрудные медальоны крестовидной формы, которые на таджикско-персидском назывались «хайкал», что означает: храм, капище, фигура или скульптура. Предполагалось, что это могла быть фигура распятого Иисуса Христа, распространяемая на территории Средней Азии христианами-несторианами, но в мусульманской традиции игравшая роль оберега [Кухаренко, Мальцев, 1988, с. 26–27]. Специалистами приводится отрывок из стихотворения апологета суфизма Джалалиддина Руми: «Кафиран ра хайкали буд йадгар ...» — «Помнится, у кафилов была некая фигура ...». Откуда видно, что термин «хайкал» в XIII в. имел прямое отношение к немусульманам, то есть «кафирам» — «неверным» [Кухаренко, Мальцев, 1988, с. 27].

2.5. Нумизматические источники

(Таблицы 11, 12)

Важным археологическим источником по истории христианства на территории Средней Азии можно считать находки монет с христианскими символами — с крестом на лицевой или оборотной стороне.

В задачу данной главы не входит подробный и всесторонний анализ монет с крестом или крестообразным знаком на аверсе или реверсе. По мнению автора диссертации, данная тема требует отдельного монографического исследования с привлечением письменных, исторических и археологических источников по каждому историко-культурному региону. Также следует отметить, что наличие креста или крестообразного знака не всегда свидетельствует о принадлежности той или иной монеты к христианству, поэтому предложенные рассуждения затрагивают указанную проблематику, однако не претендуют на окончательные выводы. Цель данной главы — предоставить общий обзор монет с крестами, найденными в разных историко-культурных областях Средней Азии, что, на взгляд диссертанта, позволит в исторической ретроспективе показать свидетельства существования христианства на указанных территориях на основе монетных находок.

Как верно отмечено А.И. Колесниковым, сосуществование различных конфессий в рамках единой государственной религии и вообще государства характеризовалось не только гонениями и взаимными противоречиями, но порой и небольшими периодами взаимопонимания и спокойствия, приводящими к диалогу и взаимному обогащению культур. Следы религиозного и культурного синкретизма читаются как в материальной культуре, так и в памятниках архитектуры и письменности [Колесников, 1998, с. 196]. Находки монет с крестом — свидетельства одного из явлений религиозного и культурного синкретизма. В настоящее время такие монеты отмечены в основном на памятниках Западного и Восточного Согда, в Бактрии, Тохаристане, Уструшане и Чаче. Меньшее количество монет с крестом обнаружено на территории Северного Хорасана и в Хорезме. Единичные случаи находок монет — подражаний византийским эмиссиям известны в Семиречье.

В процессе работы над этой главой диссертантом были собраны в единый каталог монеты, найденные на территории Средней Азии, на аверсе или на реверсе которых изображен равносторонний крест (см. Т. II. Таблицы 11, 12). В таблицу вошли как монеты, данные о которых опубликованы в научных изданиях, так и монеты с известных сайтов по нумизматике Средней Азии [<http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html>; www.zeno.ru]. Данная таблица не претендует на полный и окончательный обзор всех монет с христианскими символами, найденными в Средней Азии. Наполнение материалом будет осуществляться по мере появления новых экземпляров монет.

Истоки использования креста как христианского знака следует искать на западе, в Римской империи, где с начала IV в. христианство становится официальной религией. Первый христианский император Константин (306–337 гг. н.э.) первым включил знак креста в качестве христианского символа в римскую денежную традицию [Ashurov, 2013, p. 61–73]. Появление монет с крестом сасанидской и согдийской чеканки связывают с византийской денежной экономикой. Византия была одним из первых христианских государств, на чьих монетах использовался знак креста, и как сасаниды, так и согдийцы имели тесные взаимные контакты с Византийской империей [Ashurov, 2013, p. 68–70].

На территории Сасанидской империи, точнее, на ее восточных границах — в Мерве, выпускались монеты с крестом на оборотной стороне (Т. II. Таблица 12, №№ 1, 2). В настоящее время известно двадцать хорошо сохранившихся бронзовых монет, которые показывают, что монетный двор Мерва при царе Йездигерде I (399–420) чеканил бронзовую монету с изображением равноконечного креста в обрамлении типичных сасанидских развивающихся лент на оборотной стороне [Loginov, Nikitin, 1993, p. 271–272, 277–278, № 10–30, fig 11; Кошеленко, Гаибов, 2006, с. 360, рис. 6; Никитин, 2015, с. 39]. Как было отмечено А.Б. Никитиным, в сасанидской нумизматике это единственный случай, когда на монетах муниципального чекана появляется символика, не связанная с государственной религией — с зороастризмом. Наибольшей веротерпимостью отличался сасанидский правитель Йездигерд I [Никитин, 2015, с. 39]. Йездигерд I искал поддержку у религиозных меньшинств Сасанидского Ирана — иудеев и христиан, приближая к себе отдельных епископов восточной христианской церкви. В зороастрийской традиции сохранилось мнение об этом правителе, как о царе «нечестивом», не радевшем об укреплении своей веры — зороастрийской [Никитин, 1999, с. 36–37].

Наличие креста на сасанидских монетах, во-первых, свидетельствует о том, что христианская община в Мерве была достаточно влиятельной и сильной, чтобы получить право чеканить монету со своим символом. Второе: центральная власть Сасанидов разрешала властям Мерва отойти от принципов государственной чеканки монет и вводить свои дополнительные знаки на монетах. Соответственно, зороастрийская государственная власть признавала и принимала существование мощной христианской общины на восточных границах своих владений [Кошеленко, Гаибов, 2006, с. 360]. Из всех известных настоящему времени археологических памятников и находок по христианству на территории Северного Хорасана, датировка сасанидских монет с крестом наиболее надежная и ранняя относительно других предметов.

На остальной территории Сасанидского Ирана следы христианского влияния проявляются в символике медной чеканки местного обращения VII в., но христианские символы на иранских

монетах до VII в. специалистам не известны [Колесников, 1998. С. 197]. А.И. Колесников, все монеты с христианской символикой разделяет на две хронологические группы:

1) византийско-сасанидский домусульманский чекан — 1-я пол. VII в., период, совпадающий по времени с эмиссией драхм последних сасанидских правителей от Хосрова II до Йездигерда III включительно;

2) византийско-сасанидско-мусульманский чекан — 2-я пол. VII в. Этот период синхронен эмиссии арабо-сасанидских драхм от имени ранних мусульманских наместников восточной части Халифата (Т. II. Таблица 11).

Масштабы медной эмиссии в христианских общинах Ирана были значительными. Это объясняется тем, что провинции (Хузистан и Парса) находились на определенном удалении от резиденций наместников восточной части Халифата — в Куфе и Басре и христианские общины функционировали вполне свободно и самостоятельно [Колесников, 1998, с. 200–203].

Большой процент монет с христианскими символами отмечается на территории Согда и его провинциях, в городах Варахша, Афрасиаб, Пайкенд, Пенджикент, также в Уструшане и Чаче. Судя по топографии находок, их обращение было ограничено регионами, в которых они выпускались. Следовательно, они считались местной разменной монетой, используемой в торгово-коммерческих отношениях. Дизайн и типология этих монет показывает, что они были выпущены не позднее VII–VIII вв. [Ashurov, 2013, p. 61–63]. Иконография этих монет показывает возможную связь с христианством, которое хоть и не было государственной религией, но играло важную роль в государственных и общественных областях.

Монеты Бухарского Согда

Варахша. Группа монет с христианскими символами в основном локализуется в районе городища Варахша и его окрестностях. Эти монеты были рассмотрены и частично введены в научный оборот А.А. Мусакаевой в публикации, посвященной несторианам в Средней Азии по нумизматическим источникам [Мусакаева, 1994, с. 42–55]. По иконографическому типу была выделена серия монет с изображениями животного на лицевой стороне и равностороннего креста на оборотной стороне. По видам животных монеты разделены на три группы, внутри которых выделены типы и варианты, которые, по мнению автора статьи, определяют хронологические изменения. А.А. Мусакаева предлагает датировку этих монет — с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. Научной общественностью признается дата VII–VIII вв. [Naymark, 2011, p. 2–3].

Группа I. Выпуск 1. Тип-1, вариант 1 (Т. II. Таблица 12, № 19). Это медная монета, на аверсе которой изображен лев, повернутый влево, в мелкоточечном ободке. Голова льва поднята, правая лапа выдвинута вперед. Хвост поднят и слегка изогнут. На реверсе монеты в центральной части помещен равносторонний крест, с широкими лопастями, расширяющимися от центра к краю [Мусакаева, 1994, с. 43, 1].

Вариант 2 (Т. II. Таблица 12, 20). Медная монета, на аверсе по центру изображен лев, повернутый влево, по краю мелкоточечный ободок. Поза льва статична, задняя лапа отставлена в сторону, хвост поднят. На реверсе помещен равносторонний крест, с широкими лопастями [Мусакаева, 1994, с. 43, 2].

Выпуск 1. Тип-2 (Т. II. Таблица 12, № 21). На аверсе изображение животного, повернутого вправо, морда похожа на голову коня, хвост крупнее и толще, в ободке из крупных точек, штемпель крупнее. На реверсе равносторонний крест, ветви креста слегка расширяются от центра к краям [Мусакаева, 1993, 43, 3].

Выпуск 1. Тип-3 (Т. II. Таблица 12, № 22). На аверсе монеты стилизованное изображение льва, морда которого передана двумя штрихами, по краю точечный ободок. На реверсе укрупненный равносторонний прямой крест с широкими лопастями [Мусакаева, 1993, 43, 4].

Выпуск 1. Тип-4 (Т. II. Таблица 12, № 23, № 37, № 39, 40). На аверсе стилизованное изображение животного, похожего на собаку (?), повернутого влево, передние лапы выставлены вперед. По краю мелкоточечный ободок. На реверсе равносторонний крест из тонких штрихов с концами разного размера. По краю мелкоточечный ободок. Имеются следы обреза литника [Мусакаева, 1994, с. 43, 5].

Выпуск 2. Тип-1 (Т. II. Таблица 12, № 24). На аверсе монеты изображение животного, повернутого вправо. Поза статична, передние лапы расположены рядом. Морда животного заострена. Все изображение в мелкоточечном густом ободке. На реверсе крест, аналогичный выпуск 1, типу-4, но с более ровными лопастями [Мусакаева, 1994, с. 43, 6].

Выпуск 1. Тип-2 (Т. II. Таблица 12, № 25). На аверсе монеты изображение льва, повернутого вправо, в едва заметном точечном ободке. На реверсе равносторонний крест, в плотном мелкоточечном ободке [Мусакаева, 1994, с. 43, 7].

Выпуск 2. Тип-3 (Т. II. Таблица 12, № 26). На аверсе монеты стилизованное изображение животного (лев или волк?). На реверсе изображение стерто, все в точечном ободке [Мусакаева, 1994, с. 43, 8].

Группа II. Тип-1 (Т. II. Таблица 12, № 27, № 38). Группа представлена одной медной монетой: на аверсе изображение оленя, повернутого влево, в ободке из крупных точек. Рога ветвистые, крупные, свисают над крупом, за головой, хвост опушен. На реверсе в центре равносторонний крест, ветви которого, слегка расширены от центра к краям. Все в точечном ободке [Мусакаева, 1994, с. 43, 9].

Группа III. Тип-1. Вариант 1 (Т. II. Таблица 12, № 28). На аверсе изображение животного, вправо, над ним, по кругу легенда. На реверсе в ободке из крупных точек, виден полустертый крест [Мусакаева, 1994, с. 43, 12].

Вариант 2 (Т. II. Таблица 12, № 29). На аверсе изображение животного, повернутого вправо, почти стертое. Над ним остатки легенды без ободка. На реверсе в точечном ободке изображен равноконечный крест с широкими лопастями. Все в ободке из крупных точек [Мусакаева, 1994, с. 43, 10].

Тип-2 (Т. II. Таблица 12, № 30). На аверсе изображение животного, повернутого вправо, стилизованно. По кругу курсивная легенда на согдийском языке. На реверсе полустертый крест в ободке из крупных точек [Мусакаева, 1994, с. 43, 11].

В 2018 г. А.А. Грицина опубликовал фотографию монеты, которую, согласно иконографическому типу можно отнести к группе I, выпуску 1, типу-4 [Грицина, 2018, с. 127, рис. 17]. На аверсе изображение хищного животного с открытым ртом и поднятым хвостом. Все заключено в ободок из плотно посаженных точек среднего размера. На реверсе равносторонний крест с чуть расширяющимися лопастями от центра к краям. Крест в ободке из точек среднего размера (Т. II. Таблица 12, № 31).

Что касается иконографии этих монет, то А.А. Мусакаевой было высказано предположение, что на аверсе монет помещалось символическое изображение Иисуса Христа, в виде какого-то животного — льва, оленя или непонятного вида (слон или хвостатый баран), а на реверсе равносторонний крест. Техника изготовления этих монет отличалась от раннебухарских медных монет и имела признаки локального производства [Мусакаева, 1994, с. 45]. По мнению ученого, образы льва и оленя, по аналогии с изображениями в Византии и Армении, символизировали власть и могущество. Не совсем удачным выглядит пример с хвостатым бараном на бляшке из Геок-тепе — это не баран, а лошадь [Массон, 1956, с. 45–48; рис. 131, 3, 4]. Все животные переданы в геральдической позе и с гордо поднятой головой [Мусакаева, 1994, с. 46]. Данная классификация монет по группам, типам, выпускам и вариантам была подвержена критике известного специалиста по среднеазиатской нумизматике А.И. Наймарка, считавшего, такой подход к изучению монет не имеет практического применения и определение животных напоминает нумизматический зоопарк [Naymark, 2001, p. 184; Ashurov, 2013, p. 85]. На взгляд автора диссертации, данная классификация совершенно неудобна в пользовании и требует серьезного пересмотра.

Вардана. Монеты с чеканкой на одной стороне животного, а на оборотной — равностороннего креста прослежены также в окрестностях Варахши, в городе Варданзи или Вардана по ал-Истахри. Это средневековый город, расположенный на север от Бухары и Варахши. Правда, остатков городища не сохранилось, а название его известно благодаря арабским письменным источникам [Беленицкий и др., 1973, с. 184]. Монеты, локализуемые в местности Вардана или Варданзи были основательно проанализированы А.И. Наймарком [Naymark, 2001, с. 290]. На аверсе монет из Варданы (Варданзи) изображено животное, вероятно,

лев, идущий влево, с поднятой головой. Хвост его тоже поднят, а поза статична. Все обрамлено точками крупного или среднего размера. На реверсе в кружке из крупных точек располагался равносторонний крест с лопастями, выполненными в виде треугольников вершинами к центру (Т. П. Таблица 12, № 32, № 33, № 34, № 35, № 36). Иконографически и стилистически эти монеты близки монетам с Варахши и относятся к группе I, выпуску 1, типу-1, варианту 1 по А.А. Мусакаевой. Датировка их также аналогична монетам с Варахши — VII–VIII вв. Изучение монет Бухаро-Согдийской группы с изображением животного на аверсе и крестом на реверсе привели А.Н. Наймарка к заключению, что на лицевой стороне изображен лев [Naumark, 2001, p. 184].

Из окрестностей Варахши происходит монета с изображением на аверсе не животного, а портрета правителя в головном уборе, обрамленного точечным ободком. На реверсе помещен равносторонний крест, с широкими лопастями, расширяющимися от центров к краям (Т. П. Таблица 12, № 41). Изображение неизвестного правителя в точечном ободке с несторианским крестом на реверсе было обнаружено на одном из памятников Согда, случайной находкой (Т. П. Таблица 12, № 42).

Монеты Восточного Согда

Афрасиаб. В 1968 г. на этом городище в одном слое с монетами согдийского царя Шишпира (1–2-я четверть VII в.) была обнаружена медная монета с изображением двух крестов, расположенных по обеим сторонам головы царя [Мусакаева, 1994, с. 46; Ртвеладзе, Ташходжаев, 1973, с. 232–234; Смирнова, 1981, с. 25]. На аверсе монеты изображен портрет правителя в три четверти, лицом влево, в башлыкообразном головном уборе, закрывающем уши. Лицо правителя с монголоидными чертами. В левом ухе серьга с одним камнем. На груди ожерелье из бус, переданное точками. С левой стороны помещен крест, вертикальная ветвь которого длиннее горизонтальной. Концы креста расширены. Над крестом расположен S-образный знак. Справа от головы на уровне уха еще один крест, но уже равноконечный, со слегка расширяющимися концами. На реверсе лирообразный знак-тамга, над которой три короткие надписи [Ртвеладзе, Ташходжаев, 1973, с. 232; Т. П. Таблица 12, № 47].

Пенджикент. Тюрко-согдийская монета, опубликованная О.И. Смирновой, во многом близка монете из Афрасиаба (Т. П. Таблица 12, № 48; Смирнова, 1981, с. 353). На аверсе монеты помещен погрудный портрет правителя в двойном обручеобразном головном уборе. Лицо чуть повернуто влево. Черты лица переданы отчетливо. Шея у основания охвачена украшениями с тремя крупными бусинами по середине. Остальные детали стерты. На обратной стороне чуть правее внизу лирообразный знак с треугольным основанием, удлиненные боковые отростки опущены книзу. Внутри знака равноконечный крест. Надпись из двух слов полустерта; слева от знака сохранились следы третьего непрочитанного слова. О.И. Смирнова указывает, что это

правитель с именем Фарнбага [Смирнова, 1981, с. 353]. Э.В. Рветладзе предполагает, что пенджикентская монета, возможно, выпущена в Чаче, на что указывает помещенная на реверсе тамга виде «скорпиона», характерная для монет тюркских правителей области Чача [Ртвеладзе, Ташходжаев, 1973, с. 232].

Монета Тургара II типа была обнаружена в 2001 г. при раскопках жилого помещения 30 в месте второго этажа припольного слоя верхнего пола [объект XXVI-север; Т. II. Таблица 12, № 49; Маршак, Распопова, 2003, с. 53, 176, рис. 115]. На аверсе монеты представлено погрудное изображение правителя в двойном обручеобразном головном уборе. Лицо чуть повернуто влево. С правой стороны располагался крест с удлинненной нижней ветвью. На реверсе помещена надпись и тамга. Археологи датируют монету сер. VIII в.

Э.В. Ртвеладзе отмечает, что на афрасиабской монете кресты помещены на лицевой стороне. Расположение крестов и их форма, по мнению ученого, восходят к аналогичным монетам христианской Византии, в монетном чекане Юстиниана I (527–565). О том, что среднеазиатские мастера монетного дела были знакомы с византийскими монетами, говорят находки индикаций и подражаний этим монетам в Средней Азии [Ртвеладзе, Ташходжаев, 1973, с. 233].

Монеты с крестами на лицевой или оборотной стороне, найденные в городах Западного и Восточного Согда, по мнению О.И. Смирновой, скорее всего выпущены согдийскими князьями христианами или главами общин [Смирнова, 1957, с. 132–133]. Помещая на монетах кресты, тюркский правитель тем самым возвещал о том, что он придерживается христианского вероисповедания [Ртвеладзе, Ташходжаев, 1973, с. 234].

Пайкенд. При раскопках города и окрестностей были обнаружены так называемые согдийско-китайские монеты, с квадратным отверстием в центре и с христианским символом на оборотной стороне (Т. II. Таблица 12, №№ 1–18). Монеты этого типа чеканились во всех крупных городах Согда и были широко распространены в согдийской экономике. Датировка этих монет — конец VII — начало VIII в. [Ashurov, 2013, p. 8]. На лицевой стороне монеты справа от квадратного отверстия помещался бухарский знак-тамга, слева — китайский иероглиф «юань», сверху и снизу — согдийская легенда. На оборотной стороне: справа и слева от квадратного отверстия знаки в виде креста. На других вариантах этих монет крест помещался справа или внизу. Происхождение и генезис этих монет связывают с китайской династией Тан, первая денежная единица которой — Кай Юань Тонг Бао. После того как в 650–658 гг. династия Тан распространила свою гегемонию на Согдиану и Тохаристан, эти монеты стали прочно укрепляться на этих территориях и чеканиться на местных монетных дворах. Дизайн согдийско-китайских монет был изменен с добавлением согдийской легенды и знака тамги [Ashurov, 2013, p. 80].

А.И. Наймарком эта группа монет была расклассифицирована на четыре типа, из которых к типу II относятся два вида монет:

тип I — Кай Юань Тонг Бао на аверсе, на реверсе без знаков;

тип II — Кай Юань Тонг Бао на аверсе, на реверсе знак тамги Бухары;

еще один тип II — на аверсе согдийская легенда сверху и снизу, слева бухарский знак-тамга, справа символ юаня, на реверсе слева и справа от квадратного отверстия знаки в виде креста;

тип IV — на аверсе сверху согдийская легенда, внизу крест, по бокам бухарский знак-тамга и символ юаня, на реверсе без украшений [Наймарк, 2001, р. 3; Ashurov, 2013, р. 86–87, fig. 21].

Высказывались сомнения по поводу интерпретации крестообразного знака на этих монетах, в котором видели не символ христианства, а китайский иероглиф Ши 十 «10» [Смирнова, 1963, 103; 1981, с. 65]. Однако, кресты, изображенные на согдийских монетах равнобедренные, иногда с расширяющимися концами от центра к краям. Форма таких крестов известна по другим археологическим источникам, а иероглиф Ши 十 на китайских монетах, состоит только из двух пересекающихся прямых линий [Ashurov, 2013, р. 98]. Вероятно, в том что на согдийско-китайских монетах все же помещен крест как христианский символ, сомневаться нет оснований.

Тохаристан — область, занимавшая южные районы Таджикистана и Узбекистана. Анэпиграфические скифатные монеты неизвестного правителя с крестом, помещенным справа, на лицевой стороне, и якоробразной тамгой на оборотной стороне, были обнаружены в районе Термеза (Т. II. Таблица 12, №№ 50–52). Изображения этих монет были опубликованы Е.В. Зеймалем в 1994 г. [Zeimal, 1994, р. 245–267; 258, fig. 1–4]. Более сорока монет этого типа были встречены на близлежащих памятниках: Кара-тепе, Фаяз-тепе, Чингиз-тепе, городища Курган и в окрестностях Старого Термеза. Единичные находки были встречены на Шуроб-кургане и в долине Шерабад Дарья. Датировка этих монет по Зеймалю — конец VI–VII в. [Zeimal, 1994, р. 256]. Наличие креста на аверсе этих монет Е.В. Зеймалем никак не комментировалась.

Уструшана. В области, соседней с Самаркандским Согдом, — Уструшане (Усрушане), были найдены монеты этого же периода с именами правителей Раханч и Сатачари (Т. II. Таблица 12, №№ 53–58). На аверсе бронзовой монеты располагалось погрудное изображение головы правителя в три четверти оборота вправо. На голове его помещен крылатый венец. В ушах серьги. На шее украшение из бус. На реверсе монеты помещался У-образный знак-тамга и равноконечный крест. Справа и слева согдийская легенда: «Господин Раханч». Аналогичная монета с правителем Сатачари [тип I, но без креста; Смирнова, 1981, с. 328, #1422]. Возможно, уструшанские правители имели сасанидское, иранское происхождение, и этим объясняется их

знакомство с христианством и христианские символы на монетах местного чекана. Предполагается, что появление в Согде и Уструшане отдельных экземпляров или серии монет с крестом связано с влиянием византийского чекана и движением христиан-несториан в Иран в V–VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 48–50].

Следует отметить, что довольно подробный анализ согдийских монет с крестом был сделан в диссертационной работе Б. Ашурова, посвятившего свой труд христианству этого региона и подробно изучившего все аспекты монетного дела в городах Согдианы, Уструшаны и Сасанидской Маргианы. Ученым была предложена своя классификация согдийских монет с крестом и высказано предположение, что именно на согдийских монетах местного чекана крест был заимствован не из Византии, как предполагали ранее, а из восточных владений Ирана (Древний Мерв) в результате тесных культурно-экономических отношений между этими двумя государствами [Ashurov, 2013, p. 61–105].

Чач — территория Ташкентского оазиса, в средневековье была самой урбанизированной частью Мавераннахра, в которой, согласно письменным источникам, располагалось более пятидесяти городов [Грицина, 2018, с. 139]. В VII–VIII вв. в Чаче проживали как тюрки, так и согдийцы. Верхушку общества составила согдийская знать, смешанная с тюркской. Денежное обращение в основном представлено медной и бронзовой монетой и единичными находками золотых подражаний византийским солидам [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 8]. В это же время появляются монеты с чеканкой портрета правителя в фас или в поборота вправо, а также с парными изображениями, на которых на лицевой стороне справа или слева помещен равносторонний крест или свастика. Вся композиция находилась в круге из перлов разного размера. На реверсе в центре помещался знак тамги и иногда крест, если он не был на аверсе. Такие монеты встречались как анэпиграфические (Т. II. Таблица 12, № 59, № 60), так и с согдийской легендой на обратной стороне монеты (Т. II. Таблица 12, №№ 61–69, 72–76). Также известны монеты с изображением на лицевой стороне хищного животного (лев, барс), идущего влево с поднятой правой лапой. Хвост его опущен. На обратной стороне тамга, над которой помещался крест в виде свастики. По бокам от тамги согдийская легенда «Правитель Сачак» — тип 7, вариант 1 (Т. II. Таблица 12, №№ 69–71; Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 231, 237). Все монеты местного чекана. В.Д. Шагалов и А.В. Кузнецов в «Каталоге монет Чача III–VIII вв.» наличие креста на монетах никак не комментируют [Шагалов, Кузнецов, 2006].

Свастика, помимо своего значения как древнего соляного символа, известного с эпохи неолита в Индии, Греции, Италии и других странах, с IV в. приобретает христианский смысл как знак спасения и блага [Введение в историю ... 2012, с. 604]. Возможно, кто-то из правителей Чача импортировал христианству и помещал знак креста или свастики на своих монетах.

На городище Каршаул-тепа при раскопках К.А. Шейко была найдена бронзовая монета с изображением на ее лицевой стороне идущего хищника, идущего влево, обрамленного в круг из точек среднего размера (Т. II. Таблица 12, № 77). На обратной стороне в центре изображен равносторонний крест с лопастями, расширяющимися от центра к внешним краям. Крест помещен в ободок из точек среднего размера. Датировка монеты — VII–IX вв. [электр. ресурс: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_7.html].

В Ташкентской области, помимо монет местного производства, найдены подражания византийскому чекану. Это известный золотой медальон из Ахангарана, сделанный в подражание золотым византийским солидам [Массон, 1972, с. 29–38, рис. 1]. Специалистами отмечено, что в VII–VIII вв. усилился рост проникновения в Среднюю Азию монет византийского чекана [Грицина, 2018, с. 140].

Монеты, изготовленные в подражание византийским солидам, известны на всей территории Средней Азии: Согде, Чаче и даже в Семиречье, где монет с крестами не отмечено совсем.

Семиречье. Монета с имитацией византийского солидуса была найдена при раскопках объекта X (р. 2) в 2006–2008 гг. на городище Ак-Бешим в северной части шахристана [Ведутова, Куримото, 2014, с. 133–136, рис. 22]. На глубине 1,60 м от дневной поверхности, на каменном основании воздуходувного канала была обнаружена золотая монета-солид с изображением портрета царственной супружеской пары. Монета находилась в стратиграфических слоях VIII–IX вв. На лицевой стороне солида был представлен двойной погрудный портрет мужчины в диадеме (слева) и женщины (справа) в фас, обрамленный в мелкоточечный круг. Над головой мужчины располагался равносторонний крест. Аналогичный крест находился чуть ниже, над головой женщины, переданный четырьмя небольшими треугольниками, обращенными вершинами к центру. Изображение мужчины более крупное, чем женщины. Прически у пары одинаковые в виде спускающихся до ушей прядей волос. В области шеи горизонтальными складками показана одежда. По краю золотого диска был сделан бортик шириной 1 мм. Предполагается, что монета использовалась в качестве кулона, из которого в какой-то момент была извлечена, из-за чего повредился ее верхний край [Т. II. Таблица 12, Семиречье, № 1; Ведутова, Куримото, 2014, с. 133–134]. Монеты с подобными изображениями выпускались в Средней Азии в подражание византийским, принадлежащим Юстину II (565–578 гг.), на которых он показан вместе с царицей Софией. Первое посольство с участием согдийского купца Маниаха (568 г.) было направлено именно к этому императору со стороны тюрков, у которого тюрки могли позаимствовать этот тип монет [Массон, 1951, с. 97; Ведутова, Куримото, 2014, с. 134]. Высокий уровень чеканки таких монет позволил известному специалисту по нумизматике Средней Азии,

О.И. Смирновой предположить, что это византийцы заимствовали у тюрков новый для себя тип монет [Там же; Смирнова, 1981, с. 56].

Хорезм. С влиянием Византии связывает появление христианских символов на государственных серебряных монетах Хорезма А.А. Мусакаева [Мусакаева, 1994, с. 51–52]. Монеты правителя Суавашфарна, чеканенные в начале 60-х годов VIII в., содержали изображение маленьких крестиков на лицевой и обратной сторонах. Аналогичные символы были отмечены на монетах другого хорезмийского правителя Азкацвара (Т. II. Таблица 12, Хорезм, № 1–25). На аверсе монеты за изображением царя, расположенным в профиль, смотрящим влево, между лентами располагался небольшой равноконечный крестик, прорисованный в виде лепестков. На реверсе в центре помещен всадник. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником прочеканен равноконечный крест [Вайнберг, 1977; Тип ГVIa]. На некоторых экземплярах вместо креста на реверсе помещались по три или четыре точки. На самом позднем типе этих серебряных монет, когда появляется мусульманская легенда с мусульманским именем Азкацвара — Абдаллах, крест на монетах пропадает [Мусакаева, 1994, с. 5]. Интересно, что Б.И. Вайнберг, публикуя и анализируя эти монеты в 1977 г., никаким образом не выделяет изображение этого креста на монетах Азкацвара, описывая его как четырехлепестковую розетку [Вайнберг, 1977, с. 62]. По мнению Г.А. Кошеленко, данный знак — признак тамги, а не креста, и влияние Византии здесь вряд ли возможно. Прототипами монет с крестом могли быть монеты Мервского монетного двора, чеканившего их в период Сасанидского государства в течение длительного периода [Koşelenko, Lapšin, 1996, p. 324].

Предполагается, что до завоевания Хорезма арабами христианские кресты, помещенные на монетах Азкацвара, свидетельствовали о покровительстве хорезмийскими хорезмшахами христианству, наряду с местными верованиями [Мусакаева, 1994, с. 52]. При этом, А.А. Мусакаевой было высказано предположение, что несторианское христианство попало в Хорезм через Парфию [Мусакаева, 1994, с. 53]. Археологически это проследить пока не представляется возможным.

Рассмотренные в кратком обзоре сасанидские (мервские), согдийские, чачские и хорезмийские монеты с изображением равностороннего креста на лицевой или оборотной сторонах показывают важный аспект жизни среднеазиатского христианства, начиная с V в. на территории Северного Хорасана, затем на остальных территориях начиная с VII, сер. VIII, VIII вв. Интересно, что монеты VII в. с христианскими символами также отмечены в провинциях сасанидского Ирана [Колесников, 1998, с. 200–203].

Можно предположить, что в течение периода, когда эти монеты выпускались и находились в обращении, христианство в пределах таких государств, как Хорасан, Согд, Уструшана, Чач и Хорезм было социально интегрировано, а монеты с крестами использовались

как в административных, так и в хозяйственных делах. После VIII в. монеты с изображением равностороннего креста в этих государствах перестают фиксироваться, ограничиваясь лишь подражаниям византийских солидусов. Возможно, это связано с постепенной исламизацией региона несмотря на то, что арабы были терпимы и относительно лояльны к христианскому населению [Залеская, 1998, с. 12].

2.6. Эпиграфические источники

Эпиграфические источники, повествующие о наличии и существовании христианских общин на территории Средней Азии, одновременно связаны и с историей археологического изучения христианства этого региона — в историографии этот период называется археолого-эпиграфическим (конец XIX в. — нач. XX в.). Это время открытий в Семиречье двух христиански кладбищ: Припишпекского или в современном его названии — Кара-Джигачского и Притокмакского — Буранинского, расположенного около башни Бурана [Пантусов, 1887, с. 74–83; Поярков, 1897; Кольченко, 2013, с. 81–83; 2018, с. 48–51]. Оба кладбища были открыты в Чуйской долине Семиречья. В начале XX в. были открыты еще два кладбища: около Алмалыка [Казахстан; Пантусов, 1902, 52–54; Байпаков, Терновская, 2018, с. 42–47; Кольченко, 2018, с. 52] и на Иссык-Куле, у села Покровское, на реке Заука [Пантусов, 1909, с. 14–15]. Правда, раскопок на этих кладбищах не проводилось, были лишь упоминания в заметках о найденных надгробных камнях с сиром-тюркскими эпитафиями. Краткая история открытий и исследований этих памятников представлена в главе по историографии.

Открытие этих кладбищ стало возможно благодаря находке надгробных камней с высеченным изображением креста и сиром-тюркскими эпитафиям. То есть надписи были выполнены сирийским алфавитом, но на тюркском языке или на смешанном, в котором тюркский язык являлся доминирующим, поэтому предпочтительнее говорить о тюркско-сирийском языке [рис. 179; Борбоне, 2020, с. 16]. Прочтением и публикацией эпитафий из Семиречья в конце XIX — нач. XX вв. занимались Д.А. Хвольсон, П.К. Коковцов, С.С. Слущкий, С.Е. Малов, В.В. Радлов. Кайраки, обнаруженные позже, начиная с 1960-х гг., изучались кыргызским специалистом Ч. Джумагуловым (Четин Жумагулов) [Джумагулов, 1963; 1967; 1971; 1982; 1982а; 1987].

На камнях изображался крест, эпитаф с указанием имени и даты смерти. Дата смерти указывалась по селевкидской эре (начало в 312 г. до н. э.), используемой на Ближнем Востоке церквями сирийской традиции, и вторым годом тюркского Календаря двенадцати животных. Кайраки с при-Пишпекского и при-Токмакского кладбищ датируются после монгольского завоевания — после 1218 г., в основном за период от 1248 до 1372 гг. В это время эти территории входили в состав Чагатайского улуса [Борбоне, 2020, с. 17].

Пример одной из эпитафий: «Это произошло в 1565 году [= 1253], по-тюркски — год Быка. Это могила Марьям Хатун Куштанч». Иногда указывается причина смерти. К примеру, с 1337 по 1339 гг. было отмечено сразу 116 умерших. Предполагается, что такая высокая смертность связана с эпидемией чумы. На десяти камнях было указано, что погребенный умер от чумы. Отмечается, что эпидемия чумы стала одной из причин вымирания несторианской общины в Семиречье [Борбоне, 2020, с. 17].

К настоящему времени известно более шестисот камней, найденных на территории Юго-Западного Семиречья. В Кыргызстане камни-кайраки с эпитафиями хранятся в Национальном историческом музее г. Бишкека; в небольшом, но довольно интересном Историко-археологическом музее Кыргызско-славянского университета [Музей КРСУ, 2013, с. 88]; и в музее «Башня Бурана» [Аманбаева и др., 2015, с. 34, рис. 21, 3–5; Кольченко, 2018, с. 88, рис. 40, 41, 42]. В начале XX в. камни и эстампы отправлялись Н.Н. Пантусовым в культурно-музейные учреждения России: в Санкт-Петербург — большая коллекция камней хранится в фондах Государственного Эрмитажа; два камня было подарено епископу Туркестанскому и Ташкентскому Неофиту, три передано в Западно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества, один камень — в Казанское историко-археологическое и этнографическое общество, остальные камни — в Москву. Со временем часть камней была передана, например, Западно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества подарило Новосибирскому областному краеведческому музею два кайрака [Федотова и др., 2020, с. 61–63; Dickens, Avtushkova, 2021, p. 123–130]. Двенадцать камней хранится в Центральном государственном музее Казахстана в Алматы, тринадцать кайраков находятся в Ташкенте в Государственном историческом музее Узбекистана [Dickens, 2009, p. 13–49]. В Омском историко-краеведческом музее найдены два кайрака и два эстампажа [Borbone, Mikheeva, 2023, *в печати*]. В Музее Пенджикента хранится один намогильный камень (рис. 179, 7). В Ашхабадском музее находятся два камня [рис. 179, 8, 9; Массон, 1978, с. 50–55; Borbone, Mikheeva, 2023, *в печати*]. Изучением и прочтением эпитафий, а также подготовкой единого каталога всех найденных на территории Семиречья камней-кайраков, в настоящее время занимается итальянский исследователь профессор П. Дж. Борбоне.

Намогильные камни-кайраки с крестами были обнаружены на другом средневековом христианском кладбище, на городище Илибалык, правда, эпитафий на камнях отмечено значительно меньше [Казахстан; эл. ресурс: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html]. Датировка камней как из Чуйской долины Семиречья, так и из Илибалыка (Илийская долина) — XIII–XIV вв., но считается, что в Чуйской долине есть единичные памятники X–XII вв. [Klein, 2000, p. 163–165; Кольченко, 2018, с. 90]. Хотя, даже такая дата как X–XII вв. слишком ранняя для средневековых семиреченских кладбищ. Вероятно, этот вопрос требует более тщательного изучения.

Интересен обломок намогильного камня из жженного кирпича, случайно обнаруженного в 1938 г. на шахристане городища Красная Речка [Бернштам, 1941, б/н, таблица XVII, 17; Кольченко, с. 53, рис. 3]. Перевод надписи с некоторыми комментариями А.Я. Борисова вышел в 1963 г. и, вероятно, был подготовлен его ближайшими соратниками, так как Андрей Яковлевич погиб в 1942 г. во время Великой Отечественной войны. На фрагменте камня был прочерчен

прямой крест с удлиненной нижней ветвью (рис. 180, 1). В свободном пространстве между ветвями креста начертана надпись сирийским письмом: «Георгий кузнец» [Борисов, 1963]. Датировка камня по А.Н. Бернштаму — XII в. [Бернштам, 1941, б/н, таблица XVII, 17]. Обожженные кирпичи с изображенными на их поверхности прямыми крестами, но без надписей были найдены в 2018 г. при раскопках упомянутого ранее кладбища Илибалык (рис. 180, 2–4). Сохранились фрагменты этих кирпичей, на которых после обжига был начертан крест в виде двух прямых линий [эл. ресурс: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html]. Хронологический период илибалыкских намогильных кирпичей — XIII–XIV вв. Учитывая, что краснореченский обломок кирпича был найден на некрополе караханидского времени — это X–XII вв., вполне вероятно определенная преемственность в использовании намогильных камней из обожженного кирпича на могилах, найденных в пределах Чуйской и Илийской долин Семиречья. Также необходимо иметь в виду, что находка камня имела случайный характер, поэтому предложенная датировка в целом условная. Самый ранний намогильный камень в Кыргызстанской части Семиречья (Чуйская долина) отмечен на кладбище при церкви (об. IV) на городище Ак-Бешим. Камень без эпитафии, нижняя дата его — сер. VIII в. [Михеева, 2021, с. 340, ил. 8].

Помимо намогильных камней с крестом и эпитафией на тюркско-сирийском языке, на территории Средней Азии известны другие эпиграфические свидетельства, присутствия христианских общин в этом регионе.

На городище Пенджикент, в 1973 г. при раскопках одного из жилых домов в помещении 16 объекта XXIV, в полу были найдены четыре фрагмента черепка с сирийской надписью [рис. 181, 4; Пайкова, Маршак, 1976, с. 34–38; Распопова, 2014, с. 155, рис. 1, 1]. Сохранилась лишь небольшая часть черепка — 12x13 см. Поверхность черепка почти плоская. Надпись была сделана чернилами черного цвета, нанесена кисточкой или каламом на обломке боковины кувшина для переноски воды. Сохранилось 18 строк документа. Шестнадцать строк содержали первые три стиха первого псалма и фрагменты шести стихов второго псалма. Из второго псалма в каждой строке сохранилось по несколько слов, попавших на правую сторону черепка. Весь нижний угол отсутствовал, но археологи восстановили текст, поскольку надпись удалось отождествить с текстом Пешитты — переведенной на сирийский язык Библии (V в.), принимавшейся как яковитами, так и несторианами [Пайкова, Маршак, 1976].

Две строки, написанные другой рукой в обратном направлении по отношению к основному тексту, содержат евлогию — одну из формул прославления Бога. А.В. Пайкова предположила, что надпись имеет отношение к деятельности одной из сирийских христианских школ, которые были широко распространены в средневековье [Пайкова, 1976, с. 36; Пигулевская, 2017, с. 29–61]. По мнению А.В. Пайковой, это учебный текст, написанный согдийцем, а не

сирийцем для изучения сирийского письма и грамоты, причем текст воспроизводился на слух под диктовку, а не был переписан. Сирийский документ попал в помещение 16 в начале VIII в. [Пайкова, 1976, с. 38].

Помимо фрагмента с сирийской надписью, на городском некрополе Древнего Пенджикента — Дашти-Урдакон, был обнаружен хум, используемый как оссуарий. Данный хум был изготовлен согдийцем в VIII в. и примечателен тем, что на его тулове до обжига кто-то процарапал рисунок, по мнению археологов, изображающий сцену поклонения кресту [рис. 181, 1–3; Распопова, 2014, с. 157, рис. 2, 1, 2, 3]. Композиция следующая: внутри и снаружи хума слабой черной краской были нанесены круги и овалы. В верхней части хума изображены вертикальные линии иногда в виде скобок, одна полоса зачеркнута горизонтальными линиями, в верхней части прорисован маленький крестик. Под вертикальными линиями процарапан крест, четырехконечный, прямой. Нижняя перекладина его упирается в шар (Голгофу), изображенный на ножках. На концах креста нарисованы поперечные линии. Изображение креста на Голгофе производит впечатление «шагающего на ножках» в сторону изображения женской фигуры с круглым лицом, крупными чертами лица, волосами, переданными волнистой линией. Непонятно, стоит ли фигура на коленях или она в длинном платье, которое прикрывает ноги до щиколоток. Платье фигуры украшено узорами, поверх которого прорисованы руки, держащие какой-то предмет в руках. В.И. Распопова считает, что это фигура женщины, стоящей на коленях, повернутой в фас и как бы немного отвернувшейся от креста [Распопова, 2014, с. 156]. На взгляд автора диссертации, фигура не на коленях, по бокам от платья схематично прорисованы ноги, босые (?), так как показаны пальцы, — она стоит на ногах, которые закрывает длинное платье. Голова ее немного наклонена в сторону, а руки расположены так, как будто она что-то или кого-то (?) поддерживает. Прорисовка изображения, представленная В.И. Распоповой в публикации по христианству в Пенджикенте, нуждается в уточнении [Распопова, 2014, с. 156, рис. 2, 3].

Сложно сказать, это рисунок ребенка или взрослого, не умеющего рисовать. По мнению большинства исследователей, его автор хотел изобразить поклонение кресту, стоящему на Голгофе. Это сцена, которая хорошо согласуется с культом креста у несториан. О том, что в несторианской иконографии и традиции преобладали сюжеты, связанные с культом креста и с различными параллелями Распятия, было отмечено еще В.Н. Залесской [Распопова, 2014, с. 157–158; Залесская, 1998, с. 32]. Кресты на керамических плакетках, найденных на памятниках Средней Азии, подтверждают это заключение. По мнению диссертанта, изображение на хуме — прорисованный крест, стоящий на Голгофе, рядом с которым женская фигура, держащая что-то или кого-то на руках.

В древнем Пенджикенте в 2019 г. при раскопках домовладения, состоящего из нескольких помещений, в заполнении помещения 7 в толстом слое золы с примесью угольков был найден

фрагмент стенки кувшина с короткой надписью на сирийском языке, сделанной тушью (рис. 181, 5). Надпись была изучена А.Д. Притула, который транслитерировал надпись как *z* (или ' — *alaf*) *rwyur* (или *d*) *wk* (или *l*) *n*, с наибольшей вероятностью *zrwyr(/d)wkn*, но без сирийской интерпретации [Пулотов, 2020; надпись и информация о ней представлена П.Б. Лурье]. По мнению П.Б. Лурье, возможно, это иранское имя, записанное на сирийском языке: «В этом случае основа *zrwyr* могла бы соответствовать авест. *zairiuuairi*, ср.-перс. *Zarēr*, согд. *zrwr*, бактр. *Zarooṅro*. Вторую часть имени, учитывая, что в согдийском сирийском письме знак *копны* используется для смычного *x*, можно сравнивать с согд. *wxwn* „кровь“» [Пулотов, 2020, с. 5–15].

Надписи на сирийском языке были обнаружены в районе Ургута в пещере, расположенной в 500 м вверх от Ургутского монастыря. Они были открыты в 2006 г. С. Ровенским и другими сотрудниками Восточно-Согдийской археологической экспедиции. На стенах пещеры были зафиксированы христианские надписи на согдийском языке с использованием арамейской графики, на сирийском языке и одна надпись с использованием китайских иероглифов. Надписи были оставлены проживающими в церкви монахами [Savchenko, 1996, p. 333–354].

В Семиречье, при раскопках монастырского комплекса церковей (об. VIII) на городище Ак-Бешим, в 1996–1998 гг. в помещении 27 была обнаружена матрица для изготовления керамических плакеток [Семенов, 2002, с. 93, рис. 54, 2]. На обратной стороне этой матрицы была прослежена надпись, сделанная сирийскими буквами тушью черного цвета. До настоящего времени никто из сириологов не смог прочесть эту надпись. По просьбе автора диссертации, надпись была просмотрена П. Дж. Борбоне, который пришел к выводу, что это набор сирийских букв, перевод которых не имеет смысла, в связи с тем, они представляют, скорее всего, просто пробу письма (рис. 182, 4, 5). Вероятно, кто-то из насельников монастыря решил попробовать написать какую-то мысль на обратной стороне штампа, но обошелся лишь несколькими буквами (Устное сообщение П.Дж. Борбоне). Частично это показывает налаженный быт проживавших в этом монастыре людей (монахов). Они вытачивали нательные кресты из нефрита или отливали их из металла, изготавливали керамические штампы и плакетки, пробовали писать сирийским письмом. Как предполагает диссертант, культовая и религиозная стороны жизни насельников монастыря была связана с сирийской культурой и сирийским языком, более жизненные, «приземленные» стороны жизни, вероятно, с согдийским языком.

На венчиках хумов, предназначенных для вина, надписи составлены на согдийском языке, хотя и с христианским содержанием. Такие надписи были найдены на памятниках Чуйской долины, на городище Красная речка, в окрестностях села Ново-Покровка, на городище Тараз и на монастырском комплексе церковей (об. VIII) городища Ак-Бешим [рис. 182, 1–3; Лившиц, 2002, с. 128–133; Кольченко, 2018, с. 91–92, рис. 43, 44].

Признанными распространителями культуры виноделия считаются согдийцы. Винодавильни доисламского периода известны во многих районах Средней Азии: в Пенджикенте, в пределах Таласской и Чуйской долин Семиречья [Семенов, 2002, с. 107].

На территории Семиречья было открыто несколько памятников, свидетельствующих о производстве вина или виноградного сока, уваренного до густоты. Это округа города Кулан (VII–VIII вв.), винодельни около городища Актобе Степнинское (X–XII вв.) и мастерские по производству вина в Таласской долине — городища Тортколь и Нижний Барсхан [Байпаков, Терновая, 2018, с. 22–23].

В Чуйской долине на городище Красная речка при раскопках караханидского дома XI–XII вв. были вскрыты мастерская и жилой дом винодела. Вскрытые в этом доме комнаты №№ 1, 6 и 2 представляли собой винодельную мастерскую. Помещение № 6 служило местом для давильни винограда, откуда по гончарной трубе сок/суло винограда поступало в хум, вкопанный в землю в комнате № 1. Высота хума 82 см. Гончарная труба или кубур в диаметре составляла 10 см. Расположенная рядом комната № 2, длинная и узкая в плане, по мнению А.Н. Бернштама, служила хранилищем или служебным помещением мастерской винодавильни [Бернштам, 1950, с. 43–46].

О том, что в Семиречье в какой-то период времени вином занимались именно христиане, свидетельствуют согдийские надписи на венчиках больших хумов для вина, найденных на городищах Красная речка, у с. Покровка и на городище Ак-Бешим. По В.А. Лившицу, палеография согдийских надписей на этих венчиках хумов датируется периодом с VIII в. по XI в. [Лившиц, 2008, с. 353–368].

«Этот сосуд (сделан) для учителя Йарук-тегина. Мастер (?) — Паштван. Да будет (учитель?) усердным» — надпись, сделанная на венчике хума, найденного в 1941 г. на городище Красная речка [Лившиц, 2008, с. 353].

В этом же году был обнаружен еще один венчик с согдийской надписью, у с. Покровка:

«(1) Этот сосуд — дар народа (или «общины») Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь ясновидящий (?).

(2) Для государя Алп-бильга, получившего харизму от богов, (в) собственность (?). Да будет (он) счастливым, благоденствующим» [Лившиц, 2008, с. 354–355].

Помимо дарственных надписей, на венчиках хумов были обнаружены надписи с указанием священнических и церковных чинов — на городище Якалыг в Чуйской долине, был найден венчик хума, на котором согдийским языком было написано: «епископ Ширфан(н)». Эту надпись В.А. Лившиц датирует VIII–IX вв. [Лившиц, 2008, с. 355]. С городища Тараз происходит краткая вертикальная надпись, вырезанная на стенке хума:

«пресвитер Ель-таг» [Лившиц, 2008, с. 355].

Производство, как и потребление вина мусульманами было запрещено в Коране, причем запреты на употребления вина посылались верующим постепенно. Первоначально в Коране ставилось под сомнение польза вина [Коран, 2:219]. Затем, в 4-й суре «Ан-Ниса» говорилось, что мусульманину нельзя быть нетрезвым во время молитвы. Впоследствии в Коране уже четко было обозначено, что алкоголь (из виноградного сока) и азартные игры находятся под запретом [Коран, 5: 90]. По мнению ученых, эту функцию на себя взяли христиане, иудеи и зороастрийцы [Семенов, 2002, с. 108].

О том, что христиане занимались производством вина, удалось проследить по раскопкам виноделен в Семиречье, на городище Актобе Степнинское и на монастырском комплексе церковью городища Ак-Бешим (об. VIII).

Актобинская винодельня датируется специалистами X–XI вв. (рис. 183, 1). В результате раскопок одного из бугров на городище Актобе было вскрыто овальное в плане сооружение, состоящее из однокомнатного домика, сложенного из сырцовых кирпичей, размером 30x18x8 см. Сохранилось три ряда кладки ложком и тычком. Постройка длинной осью была ориентирована по линии север–юг, размеры ее — 5,6x6,2 м. Помещение состояло из двух частей — давяльной площадки и небольшой площадки, отгороженной стенкой, в которой был вкопан хум до уровня венчика. Площадка для хума была прямоугольной формы (2,8x1,5 м). Пол выложен жженным прямоугольным кирпичом (34,5–35x18–19x3,5–4 см). Всего в обкладке было использовано 44 кирпича, на некоторых из которых до обжига были сделаны знаки, похожие на крест. Стенки давяльной площадки тоже были облицованы кирпичом, на одном из которых тоже до обжига был процарапан крест. Швы между кирпичами замазывались алебастровым раствором. Пол давяльной площадки имел небольшой наклон в сторону хума. В хум вино попадало по желобу, сделанному из длинных половинок кирпичей, нижняя — дно, а две другие половинки — стенки желоба. Половинки соединялись алебастровым раствором. Высота хума 80 см, диаметр венчика — 55 см, вместимость 180 литров. При раскопках этого помещения были обнаружены фрагменты керамики от кувшина, двух плоскодонных котлов и обломок поливной чаши с росписью в виде желтых и зеленых пятен. находка фрагмента чаши стала датирующим элементом для этой винодельни [Байпаков, Терновая, 2018, с. 22–24].

Практически аналогичная винодельня была вскрыта при раскопках церкви «А» монастырского комплекса церковью (об. VIII), на городище Ак-Бешим.

При археологических работах в 1996–1998 гг. (об. VIII) в восточной части церкви «А» в помещении № 4 в его западной части была обнаружена большая «ванна», покрытая трехслойной алебастровой замазкой (рис. 183, 2–6). В западной стене переход от стены к полу также был обмазан алебастром, в южных и северных сторонах края «ванны» оконтурены поставленными на ребро жженными кирпичами. На восточной границе располагались два ряда кирпичей,

уложенных ложком горизонтально. Пол «ванны» был наклонен на 22 см в восточном направлении к сливу, который располагался в середине восточного борта «ванны». Слив состоял из отверстия в борту «ванны», в который был вставлен глиняный кубур с внутренним диаметром 7,5 см, внешним — 30–35 см. По этому кубуру жидкость (вино) попадала в другой резервуар, расположенный глубже. Резервуар выложен из жженного кирпича и обмазан алебастровой обмазкой толщиной до 3 см. Кубур над резервуаром поддерживался деревянной балкой, хорошо сохранившейся в стене. По форме емкость для сбора вина представляла собой резервуар прямоугольной формы со ступенчатыми стенами, сужающимися к нижней части, ко дну. Высота резервуара 1,05 м, хорошо сохранилась только его западная стена. Восточная, южная и северная стены сохранились хуже. На уровне 66 см от основания стены резервуара образовывали полочку, шириной 4–6 см. Размеры резервуара: 68x82 см. На дне его располагалось углубление прямоугольной формы 26–28x39–40 см, глубиной 20 см с отвесными вертикальными стенами. Размеры кирпичей 24x10,5x4,5 см, толщина кладки в полкирпича. Резервуар был заглублен в грунт ниже основания пола [Семенов, 2002, с. 58].

С северной стороны помещения № 4 было обнаружено помещение № 7, и по одной оси с помещением № 1 было вскрыто помещение № 8. В этих помещениях (№№ 7 и 8) сохранились керамические остатки, а также целые экземпляры хумов высотой 65–85 см. Хумы располагались в два ряда [Семенов, 20002, с. 65].

Обнаруженная «ванна» с резервуаром и помещения №№ 7, 8 с хумами представляли собой, по мнению Г.Л. Семенова, единый комплекс и типичный образец винодави́льни, аналогии которых известны по раскопкам в Пенджикенте, на Актобе Степнинском и на других памятниках [рис. 183, 3–6; Семенов, 2002, с. 58–59].

Отметим, что винодави́льня на объекте VIII была построена уже во втором периоде функционирования церкви «А» [Семенов, 2002, с. 94]. Археологически прослежено, что здание церкви «А» было возведено первым. Предполагалось, что это самая ранняя церковь, к которой были пристроены все последующие здания [Горячева, 2010, с. 120]. Вероятно, когда были построены здания В, С и D, частично или полностью богослужебные функция церкви «А» были переведены в другие церкви, а помещения сооружения «А» стали использоваться для нужд насельников этого монастыря. В частности, в восточном блоке церкви «А» была построена винодави́льня и помещения для хранения вина (№№ 7, 8), а вдоль внешней южной стены располагались, возможно, мелкие ремесленные помещения. находка в 2022 г. нефритового креста, точнее его заготовки, позволяет предположить, что нефритовые кресты изготавливались на месте, сам же камень завозился из Восточного Туркестана, чаще всего из Хотана [Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 201–213].

Актобинская и акбешимская винодельни функционировали в одно время. В первом случае, вероятно, вино изготавливали для собственных нужд. Открытие винодельни на Ак-Бешиме показало, что изготовление и хранение вина в Суябе, в X–XI вв. находилось под управлением и организацией самой церкви [Семенов, 2002, с. 108].

При раскопках винодельни на комплексе церквей (об. VIII) в помещении № 8 было найдено 14 хумов, вкопанных в пол. На венчике одного из хумов была вырезана согдийская курсивная надпись. Высота хума аналогична актобинскому хуму — 80 см. Диаметр по краю венчика — 35 см. В центрах каждого полукружия венчика друг против друга штампом были сделаны одинаковые керамические розетки из восьми лепестков. На одинаковом расстоянии от розеток располагались по два маленьких прямоугольных штампа с сетчатой поверхностью [Лившиц, 2008, с. 359].

Надпись была следующая: «Этот сосуд вместе с посудой (?) , подаренной для (его) величества Алана благоденствующего» [Лившиц, 2008, с. 359].

По мнению В.А. Лившица, судя по палеографии, эту надпись можно датировать периодом от IX до нач. XI вв. Кроме того, она схожа с несколькими надписями на венчиках хумов, найденных на городищах Красная речка и на городище у с. Покровка [Лившиц, 2008, с. 359]. Несмотря на то, что Г.Л. Семенов датирует весь комплекс церквей X–XI вв., стоит отметить, что церковь «А», вероятно, была построена раньше X в. — археологические находки, обнаруженные в полевом сезоне 2022 г. позволяют сделать такие предположения (Подробнее см. в главе по Сооружениям).

Г.Л. Семеновым также было отмечено, что характер и система размещения штампов на венчике вышеописанного хума практически идентична штампам на венчике хума, найденного на городище Красная речка с именем мастера Пастуна (Паштвана), что скорее всего говорит об одной мастерской по изготовлению хумов для вина [Семенов, 2002, с. 108].

Интересно, что аналогичный штамп в виде восьмилепестковой розетки, образующей в итоге равноконечный с чуть расширяющимися ветвями крест, был обнаружен при раскопках Ургутского монастыря, расположенного около с. Ургут, недалеко от Самарканда. Период функционирования монастыря — IX — нач. XIII вв. Штампы прослежены на крышках керамических сосудов. Назначение сосудов, от которых сохранились данные крышки, определить сложно. Важно другое: на двух христианских археологических памятниках, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, но действующих в определенный момент в одном временном промежутке, прослежены абсолютно идентичные штампы. Возможно, крест, состоящий из восьми лепестков, служил одним из маркирующих знаков принадлежности к христианству или монашеству на территории Средней Азии. Или же подобные штампы непосредственно были связаны с маркировкой сосудов/тары для вина, изготовлением

которого занимались именно христиане при церквях. Похожие штампы были отмечены на керамике из раскопок христианского средневекового кладбища на городище Илибалык (XII–XIV вв., Казахстан).

Глава III. Свидетельства письменных источников присутствия христианских общин на территории Средней Азии (краткий обзор)

Изучение письменных источников, свидетельствующих о проживании христиан в среднеазиатском регионе имеет ряд сложностей, связанных, в первую очередь, с разрозненностью заметок и сведений об истории христианских общин в большом количестве научных статей и монографий. Изучением этого вопроса занимались как советские/российские ученые, так и европейские, но обобщающих работ можно назвать не более десятка. До настоящего времени не потеряла своей актуальности работа В.В. Бартольда, посвященная вопросам распространения христианства в Средней Азии в период средневековья: «О христианстве в Туркестане в домонгольский период». В основу этой работы легло его студенческое сочинение «О христианстве Средней Азии», написанное в 1888 г., за которое В.В. Бартольд был награжден серебряной медалью Восточного факультета Петербургского университета [Бартольд, 1964, с. 12]. В этой работе ученый с присущей ему тщательностью собрал из всех известных в то время мусульманских источников сведения о христианстве, буддизме и манихействе, а также данные о торговых путях, которыми активно пользовались религиозные миссионеры, определявшие, по мнению В.В. Бартольда, пути культурного общения [Бартольд, 1964, с. 13]. Дополнением к этой работе служит статья «Еще о христианстве в Средней Азии» 1895 г. и пара небольших заметок, в которых приведены сведения о распространении христианства и их положении в Средней Азии уже при монголах: «Мусульманские известия о Чигизидах-христианах» (1892 г.) и «К вопросу о Чигизидах-христианах» (1915 г.). Все эти работы были собраны в один том и переизданы в 1964 г. [Бартольд, 1964, с. 265–302; 317–319; 415–418].

Исследование нарративных источников о христианстве в отдельных регионах Средней Азии или по отдельным вопросам посвящены работы Г.А. Кошеленко, который совместно с коллегами составил полный свод письменных свидетельств, посвященных Древнему Мерву. Из этого цикла нас в большей степени интересует христианская традиция [Древний Мерв, 1994, с. 60–100]. Работа Е.И. Кычанова посвящена изучению миссионерской деятельности несторианской церкви в Китае и Центральной Азии на основе «Памятника, [напоминающего] о проповеди светлого учения Да Цинь в Китае», установленного несторианами в столице танского Китая в 781 г. в г. Чань-ань [Кычанов, 1978, с. 76–85]. В 2002 г. вышла публикация, посвященная изучению конфессиональных течений на основе письменных и археологических источников в Чуйской долине [Кольченко, 2002, с. 163–182]. До этого в 1984 г. аналогичная работа была выполнена А.Б. Никитиным, который рассмотрел вопросы распространения христианства по письменным и археологическим свидетельствам на территории всей Центральной Азии — от

восточных границ Иранской империи, до Восточного Туркестана и Китая [Никитин, 1984, с. 121–135]. Отдельно необходимо отметить работы западных ученых, рассматривающих в своих работах историю восточного христианства в целом [Sachau E., 1919; Atiya A., 1980; Moffet S.H., 1992; Vaumer Ch., 2016] и в частных исследованиях, посвященных изучению несторианских документов и реликвий в Китае [Saeki Y., 1951].

Сведения о христианах, проживавших в раннесредневековый период в пределах Средней Азии, сохранились в сирийских, арабских, персидских и китайских источниках. Краткая история распространения и существования христианства согласно письменным источникам представлена следующим образом:

Христиане Северного Хорасана

Проникновение христианства в Среднюю Азию происходило из Персии с территории Сасанидского Ирана, восточные границы которого составляла современная Туркмения. В древности Туркмения входила в состав могучих восточных держав — Парфянского государства (III в. до н. э. — III в. н. э.), затем Сасанидского Ирана (III–VII вв. н. э.). После арабского завоевания началось активное внедрение ислама, которому со временем все же удалось практически вытеснить христианство на территории Средней Азии.

Самые ранние источники, свидетельствующие о появлении первых христиан в пределах Северного Хорасана, содержатся в «Деяниях апостолов» и в «Хронике Зеерта» [Древний Мерв, 1994, с. 62–72]. «Хроника Зеерта» представляет собой официальную историю несторианской церкви, написанной на арабском, но основанной в большинстве своем, на сирийских источниках, большинство из которых не сохранилось. Рукопись датируется XIV в., но отдельные источники — XI вв. [Sher et P. Dib, *Patrologia orientalis*, 1910, опубликованные фрагменты документов см.: Древний Мерв, 1994, с. 64–66; Wood, 2013, 120–142].

Согласно письменным источникам, в Мерве христианство начинает распространяться уже в III в. н. э. Со временем мервская церковь начинает играть важную роль в дальнейшем развитии христианства на Востоке. Именно из Мерва отправляются миссионеры далее на восток, вплоть до Китая [Ср. Азия и Дальний Восток, 1999, с. 26].

Считается, что христианство проникло в Иран и Среднюю Азию раньше, в I–II вв. н. э. Об этом свидетельствуют письменные источники — в «Деяниях апостолов» прямо говорится о паломниках из Парфии, Мидии, Элама и Месопотамии [Древний Мерв, 1994, с. 60]. Согласно отрывку из произведения Псевдо-Ипполита, созданном в IV в. н. э., «...Фома же по четвертому жребью должен был благовестие возгласить парфянам, мидийцам, персам, гирканцам, бактрийцам и маргианцам. В индийском городе Каламен он умер и был погребен» [Древний Мерв, 1994, с. 62]. После вознесения Спасителя апостолы по жребью распределяли страны, куда они должны были отправиться для проповеди Евангелия. В христианской литературе

существуют две традиции того, куда должен был отправиться апостол Фома. По одной традиции в Индию, по другой — в Парфию. На основании вышеупомянутого отрывка, ученые пришли к выводу, что Индия заменила Парфию в традиции значительно позднее [Древний Мерв, 1994, с. 63]. Также Ипполит указывает на конкретную область Парфии — Маргиану, в которой проходила деятельность апостола Фомы, а не говорит о ней безлично. Данный источник свидетельствует о проникновении христианства на территорию Парфии довольно рано — в середине или во второй половине I века н.э. [Древний Мерв, 1994, с. 63].

Правда, существует и иная точка зрения. А.Б. Никитин полагает, что рассказ Псевдо-Ипполита (IV в.) о миссионерской деятельности апостолов, в том числе Фомы, вряд ли можно считать достоверным. Единственным подтверждением того, что некие христиане жили в перечисленных областях в конце III века можно увидеть у Евсевия Кесарийского (263–340 гг.) со ссылкой на более раннего автора Бардесана из Эдессы, который указывает: «Христиане не многожёнствуют в Парфии, подобно парфянам, не бросают своих мертвых собакам в Мидии; в Персиде не женятся на собственных дочерях, как персы, и среди бактрийцев и гелов не оскверняют брачные узы» [Никитин, 2015, с. 166]. Кроме того, А.Б. Никитин считает, что необходимо различать появление христианских миссионеров или целых семей в той или иной области и возникновением местной церковной общины, со всеми условиями и атрибутами именно церковной жизни [Никитин, 2015, с. 165].

В другом источнике, в сочинении Климента «О двенадцати апостолах» говорится о том, что апостол Фома евангелизировал жителей Маргианы [Бадер и др., 1996, с. 90]. По мнению ученых, апостол Фома проповедовал именно на территории Парфии и в том числе, на территории Маргианы [Бадер и др., 1996, с. 90]. Известно, что несторианская церковь рассматривала Фому как своего апостола. Когда при встрече с римскими кардиналами в конце XIII в. у великого периодевта мар (или раббан) Саумы спросили о том, кто проповедовал там, откуда он пришел, он отвечал так: «Мар Фома, Мар Агдай и Мар Мари проповедовали в нашей стране». Как отмечает Г.А. Кошеленко, порядок перечисления был не случайным, так как он отражает хронологическую последовательность, признанную несторианской церковью [Кошеленко, Гаибов, 2001, с. 95]. В «Хронографии Ильи бар Шиная» (975–1008 гг.) также указывается, что апостол Фома был первым апостолом, привнесшим христианство на Восток [Кошеленко, Гаибов, 2001, с. 95].

В сасанидское время Мерв стал столицей и главным центром Хорасана. Мервские епископы, а затем и митрополиты принимали личное участие в большинстве соборов персидской церкви и иногда играли решающее значение для сасанидского правительства, в частности, в выборе кандидата на патриарший престол. В.В. Бартольд отмечает, что в 334 г. мы видим христианского епископа в Мерве [Бартольд, 1964, с. 271]. В синодальных канонах, то есть в

решениях синодов Церкви, при перечислении имен участвующих епископов с упоминанием их епархий отмечается, что в 424 г. в синоде участвовал епископ Мерва и епископ Герата. Это означает, что в V в. Церковь Востока или несторианская церковь, установила на территории Северного Хорасана свои епархии [Шабо, 1902; Борбоне, 2019, с. 7].

Первым христианским епископом в Мерве, согласно «Хронике Зеерта», был святой Бар Шаба (Баршаба), который крестил сестру/жену персидского царя Шапура, Ширанан [Древний Мерв, 1994, с. 64, док. № 35]. После того как Бар Шаба был приглашен в Мерв, по просьбе Ширанан он, взяв с собой священников, диаконов, литургические книги и церковную утварь, отправился в этот город. В Мерве к этому времени была построена церковь по плану царского дворца персов, так как жители Мерва не знали как строить церкви. Со временем Бар Шаба построил еще церкви, крестил много магов (зороастрийцев) и других людей и подготовил проповедников по всему Хорасану [Древний Мерв, 1994, с. 63–67]. Считается, что речь в документе идет о IV в. н. э., времени царствования сасанидского царя Шапура II. Однако по мнению Г.А. Кошеленко, речь идет о царе Шапуре I, который царствовал в 240–272 гг., поэтому деятельность Баршабы в Мерве надо отнести к III в. [Древний Мерв, 1994, с. 67]. Необходимо отметить, что до настоящего времени этот вопрос так и не решен.

Существуют письменные свидетельства о существовании монастырей в Мерве. Правда, проследить это археологически к настоящему времени не удалось. Церковь Хароба-Кошук V–VI вв., расположенная в пределах Древнего Мерва — это не монастырь, а именно церковное здание. Высказывалось мнение, что находящийся недалеко от церкви «Овальный» дом — это монастырь мелькитов [Дресвянская, 1968b; 1969; 1974]. Оснований для такого заключения недостаточно, так как проследить на археологическом материале конфессиональную принадлежность той или иной общины довольно сложно.

В «Книге благодати», написанной в X в. и представляющей собой собрание биографий выдающихся деятелей несторианского монашества и основателей монастырей, сказано: «№ 36. Святой Мар Георгис Марвазайя, который основал монастырь Егалгал (?) в окрестностях Мерва, города Хорасана. ... затем он вернулся в свою страну и жил в деревне Зарак (одно из селений Мерва). В шатре, который он сделал сам. С течением времени братья собрались вокруг него, и он построил монастырь со школой. Он отправился к нашему Господу и был погребен в церкви, которую он сам построил» [Древний Мерв, 1994, с. 73–74, документ № 40, ссылка на: Chabot J.V. *Melanges d'archeologie et d'histoire*, 1896]. Некоторые отличия несторианского монашества от западного того же времени, заключались в том, что несторианский монах обязательно должен был быть грамотным и большую часть времени посвящать интеллектуальным занятиям. В остальных аспектах уставы несторианских монастырей ничем не отличались от сирийских и египетских [Древний Мерв, 1994, с. 74]. Высокую грамотность не только монахов, но и

остальных несториан отмечала Н. Пигулевская: «Именно несториане развили максимальную деятельность в области образования, что вызвало неудовольствие монофизитов. Таким путем несториане боролись за господство в умах сирийских граждан, за влияние среди арабских племен, за приоритет в сношениях с Византией» [Пигулевская, 2017, с. 21]. В житие первого монофизитского иерарха мафриана (каталикоса) Маруты (Маруфы) из Тагрита (умер в 649 г.) написано, что несториане Востока, позаботились устроить школы в каждом своем селении и установили в них общий порядок исполнения псалмов и песнопений [Пигулевская, 2017, с. 21].

Мервская митрополия играла важную роль в распространении христианства не только по всему Мервскому оазису, но и за его пределами [Бадер и др., 1996, с. 90]. На монетном дворе Мерва выпускались монеты, со знаком креста на оборотной стороне [Loginov, Nikitin, 1993, р. 271–272]. Насколько популярной была Мервская митрополия, можно судить по влиятельности церкви. В VII в. митрополит Илия из Мерва, известный христианский писатель и экзегет, смог первым распространить свое учение среди тюркских племен, проживавших в соседних с Мервским оазисом районах. Свидетельства этого события были зафиксированы в хрониках Церкви Востока на сирийском и арабском языках. В хрониках это было представлено как чудо. В «Хронике Гвиди» — сирийском несторианском источнике, созданном от 670 до 680 гг., содержатся сведения о первом «апостоле тюрков» митрополите Илье, который «...евангелизировал множество людей из тюрков и из других народов. Об этом Илье, митрополите Мерва, рассказывают следующее: однажды, когда он прогуливался в пригороде, ему встретился один правитель, который отправился сражаться с другим царем. Илья долго убеждал его не начинать войну. Тот же ему сказал: „Если ты мне покажешь чудо, такое же, что показывают жрецы моих богов, я обращусь в веру твоего Бога“. И правитель дал приказ жрецам, которые были с ним; они призвали демонов, которых они почитали, и тотчас же небо покрылось облаками, неожиданно поднялся ветер, ударила молния и раздался гром. Тогда Илья, движимый небесной силой, сделал знак небесного креста и положил тем самым конец галлюцинациям, которые произвели бесстыдные божества; они внезапно полностью исчезли. Правитель, видя, что сделал блаженный Илья, упал на землю перед ним и поклонился. И он уверовал сам, и все его войско. Илья повел их к реке, крестил всех, поставил над ними священников и диаконов, потом вернулся к себе.» [Guidi I. *Chronica minora*, 1903, р. 1–32; Гуиди И., *Малая хроника I*, 1955, с. 34–35 (Т. 1), с. 28–29 (Т. 2); *Древний Мерв*, 1994, с. 95–96, документ 54]. Конечно, мы должны понимать, что этот рассказ изобилует определенными элементами вымысла, но основная канва содержания вполне правдоподобная.

Мервская митрополия сыграла важнейшую роль в распространении христианства в Китае благодаря потомкам последнего сасанидского царя Йездигерда [Бадер и др., 1996, с. 93]. Что же касается гонений на христиан в Сасанидском Иране, то, по мнению исследователей, совершенно

отсутствуют свидетельства о гонениях их в Хорасане. Ал-Бируни упоминает об одном таком эпизоде, но он отмечает, что это происходило в его время, то есть уже при арабах [Бадер и др., 1996, с. 94]. Христиане, буддисты и марциониты нашли убежище в Хорасане, манихеи и маздакиты должны были покинуть империю Сасанидов [Бартольд, 1964, с. 271].

Известно, что на Востоке существовало три основных течения в христианстве: православные (мелькиты), несториане и монофизиты (яковиты). Расхождения между этими течениями были порождены, главным образом, различным толкованием сочетания божественного и человеческого начал в личности Иисуса Христа. Православие было официальной религией Византийской империи, монофизиты преобладали в Армении и в Сирии, на ее большей части, а несториане в основном проживали в государстве Сасанидов [Atiya A., 1980; Древний Мерв, 1994, с. 94; Залеская, 1998, с. 12–19].

В «Хронике Зеерта» говорится о том, что помимо несториан, в Хорасане проживали яковиты: «Когда Шахриверд вернулся из страны греков, чтобы занять трон в Селевкийи, его сопровождало много торговцев из Сирии. Армяне оказали ему помощь и присоединились к грекам, которые были с ним. Когда Шахриверд был убит, и ситуация в стране стала тяжелой, они не могли вернуться в страну греков; их было девятьсот, и они принадлежали к секте яковитов. Они отправились в Хорасан, откуда они распространились в Сагестан, в Герат и Джурджан; те, кто обосновались в Сагестане, были армянами. Они там построили церковь, где они молились на армянском языке. После гибели империи персов, поскольку они умножились за поколения, они предпочли остаться там, где они были. Патриарх Иоанн занялся их делами и назначил им епископов, чтобы эта религия продолжала существовать; таким-то образом они имели епископские кафедры в Хорасане» [Древний Мерв, 1994, с. 94, документ № 53, ссылка на: Histoire nestorienne (Chronique de Seert). 1919, p. 545]. Этот документ важен тем, что рассказывает о начале распространения яковитской церкви в восточной части сасанидского государства. К концу существования Сасанидской империи в пределах этого государства уже были известны десять яковитских епископских кафедр [Древний Мерв, 1994, с. 94].

Арабские и несторианские источники рассказывают о том, что последний сасанидский царь Йездигерд III, погибший от рук арабов, был похоронен местными христианами. Из отрывка арабского историка и философа ат-Табари о похоронах последнего Сасанидского царя Йездигерда III (правил в 632–651 гг.) в Мерве мы узнаем, что известие о смерти этого царя дошло до бывшего митрополита над Мервом — Илии. Собрав своих единоверцев — христиан, он сказал, что у царя христианское происхождение, поэтому следует похоронить его со всеми почестями в знак благодарности за достойные дела его предков. Специально для царя среди митрополичьего сада в Мерве был построен наус. Илия и мервские христиане извлекли тело Йездигерда III из реки, завернули его в саван, положили в гроб, затем принесли его в наус

«...погребли в нем тело и замуровали вход в него» [«История» ат-Табари, 1987, с. 24–30, стих 2883]. Эти сведения относятся к концу VI — сер. VII вв.

Описанные выше свидетельства письменных источников показывают, что с IV в. (или с III в.), на территории Северного Хорасана появились первые христианские общины, были построены христианские церкви, монастыри и школы. Наличие епископа и митрополита говорит о том, что на территории Мерва существовал церковно-административный округ, влияние которого распространялось на весь Хорасан. Кроме того, христианская община Мерва обладала широкими полномочиями и влиянием на государственном уровне.

Мерв был одним из важнейших культурных центров не только Хорасана, но и всей Средней Азии, на протяжении всего средневековья и до монгольского нашествия. Именно в Мерве проживали известные врачи-несториане [Булгаков, Вахабова, 1978, с. 44]. Уроженец Мерва врач-христианин Али ибн Сахл Раббан был сыном Сахл Раббана, и вот что он говорит о своем отце: «Мой отец был сыном одного из секретарей в городе Мерве. Он имел большое стремление к тому, чтобы делать добрые дела... и пытался извлечь пользу из медицинских и философских книг, предпочитая медицину профессии своих предков. Он стремился посвятить себя миссии, указанной Богом, и, таким образом, завоевать признательность человечества. Поэтому он и получил прозвище „раббан“, что значит „наш господин“ или „наш учитель“» [Browne, 1921, с. 37–38]. Время рождения Сахл Раббана неизвестно, но исходя из того, что сын его Али ибн Сахл родился в 192/808 г., можно предположить, что годы деятельности этого ученого — конец VIII — нач. IX вв. Арабский биограф XII в. Ибн ал-Кифти сообщает о Сахл Раббане: «Он был философом, врачом, знатоком геометрии и других областей математики. Он переводил философские книги с одного языка на другой». Ниже он указывает, что Раббан перевел с греческого «Альмагест» Птолемея, высоко оцененный известным астрономом IX в. Абу Машар [Булгаков, Вахабова, 1978, с. 45]. В IX в. врач-христианин Ибн Масы считался одним из выдающихся медиков своей эпохи, он оставил после себя ряд трудов по правилам кровопускания, лечебного питания и употребления лекарственных средств [Булгаков, Вахабова, 1978, с. 47].

В начале XI в., в эпоху господства на этих территориях ислама, Аль-Бируни пишет: «Мелькиты и несториане превосходят всех [других христиан] по количеству, ибо румы и окружающие их народы — сплошь мелькиты, а большинство жителей Сирии, Ирака и Хорасана — несториане. Что же касается яковитов, то большинство их — копты, а также обитатели мест, прилегающих к Египту» [Бируни Абу Райхан. Памятники ..., 1957, с. 317]. Свидетельством пребывания христиан в этот период также является процессионный крест, найденный при раскопках церкви Хароба-Кошук, который датируется XI в. [Rossi Osmida, 2011, p. 145–178]. Археологических материалов, свидетельствующих о христианстве на территории

Северного Хорасана позже XI в. пока не зафиксировано, хотя письменные источники показывают обратное.

Христиане в Трансаксонии/Мавераннахре

Сведения китайских и арабских источников, собранные известным востоковедом В.В. Бартольдом, сообщают нам о присутствии христиан в Трансаксонии (или с VII–VIII вв. — в Мавераннахре) — области, расположенной между двумя главными среднеазиатскими реками: Амударьей и Сырдарьей. Важнейшими городами Мавераннахра были Самарканд, Бухара, Шаш, Нахшаб, Кармана, Фергана, Кеш, Худжант и Туркестан, расположенный на правом берегу Сырдарьи.

В эпоху Сасанидов сведений о распространении христианства на этих территориях (в Трансаксонии) очень мало [Бартольд, 1964, с. 271]. В начале VIII в. на землях Трансаксонии/Мавераннахра благодаря завоеваниям Кутейбы утвердились арабы, которые в середине IX в. окончательно заняли эти территории. Таласская битва в июле 751 г. положила конец китайскому влиянию в Западном Туркестане, и тюрки-карлуки подчинили себе Семиречье и всю восточную часть Сырдарьинской области [Бартольд, 1964, с. 272].

Письменных свидетельств о присутствии христиан в VIII–IX вв. на этих землях тоже не так много. В первой половине VIII в. мусульманский автор Ан-Недим приводит слова одного «достоверного свидетеля», по которым жители Согдианы были дуалистами и христианами. Нершахи рассказывает, что в Бухаре в том месте, где сейчас стоит мечеть, до этого была христианская церковь [Бартольд, 1964, с. 274–275]. Как свидетельствуют источники, в начале VIII в. христиане проживали в Согдиане и имели свою церковь.

Больше сведений сохранилось о распространении христианства среди тюрков из писем главы Церкви Востока, патриарха или католикоса Тимофея I (780–823). Находясь в своей резиденции в Багдаде, он проводил очень активную миссионерскую политику на Востоке, особенно в отношении центральноазиатских земель. В одном из писем Тимофей I перечисляет регионы, в которых утвердилась Церковь Востока, не только в родных землях Вавилона, Персии и Атора (север Ирака), но также в Центральной Азии и Китае: «Во всех областях Вавилона, Персии и Атора, а также во всех регионах Востока, даже среди индийцев, китайцев, тибетцев и тюрков, и на всей территории, подчиненной престолу патриарха [...], то есть в разных регионах с различными народами и языками» [Борбоне, 2020, с. 9]. Для утверждения своего влияния несторианская церковь отправляла в Среднюю Азию миссионеров. Известно, что Тимофей I направил в прикаспийские области своего проповедника Субхальешу, который пройдя через земли Хорасана, отправился оттуда вглубь Средней Азии и дошел до Китая. В Китае уже с 636 г. была несторианская община, основанная А-ло-бэнем [Бартольд, 1964, с. 275; Кычанов, 1978, с. 76–85]. Из китайских источников также известна семья Мар Саргиса (Ма Силицзисы), чьи

предки поселились в Китае в 578 г., прибыв с Запада. Предполагается, что первые христианские общины появились в Китае в 505 г. [Кычанов, 1978, с. 76].

Патриарх Тимофей I вел активную переписку с правителями, принявшими христианство, а также с тюркским каганом: «В то время [...] правитель тюрков почти всем своим народом отказался от старой ошибки атеизма и обратился в христианство благодаря действию большой добродетели Христа, которому все покорно. В письме он попросил нас прислать митрополита на территорию всего его государства, и мы сделали это с Божьей помощью» [Борбоне, 2020, с. 9].

Об обращении в христианство тюркского населения митрополитом Мерва Илией было рассказано ранее. Помимо этого источника, существуют еще два разных сообщения, описывающих процесс и факт принятия христианства тюркскими народами: «Церковная хроника» Григория Баребройю (1225–1286 гг.) на сирийском языке и «Книга башни» на арабском языке XIV в. Предполагается, что в них речь идет народе, проживавшем во Внутренней Монголии — онгут (унгут), правда, эти события относятся уже к периоду средневекового христианства [Борбоне, 2020, с. 10–11].

В.В. Бартольд отмечает, что при арабах сирийская культура и литература продолжает развиваться. Халифы назначали христиан на разные второстепенные должности. А несторианские юристы и медики пользовались некоторым политическим влиянием [Бартольд, 1964, с. 277].

В IX в. на территории Хорасана и Трансаксонии утверждает свою власть одна из мусульманских династий персидского происхождения Саманидов (874–999). Они управляли по образцу монархии Сасанидов, государственным языком был персидский, но ислам оставался господствующей религией [Бартольд, 1964, с. 278–279]. В.В. Бартольд отмечает, что во владениях Саманидов, согласно известиям Абу-л-Касима Ибн-Хаукаля, христиане проживали в окрестностях Самарканда [Бартольд, 1964, с. 279]. Согласно Ибн-Хаукалю: «... в Шавдаре есть монастырь христиан, в нём — помещение для собраний и кельи. Я встретил в них иракских христиан, которые собрались здесь из-за здорового климата и отправились сюда ради уединения и отдалённости этого места. У монастыря есть неотчуждаемое имущество (вакф), люди не покидают его, и он возвышается над большей частью Согда. Это место известно, как Wzkrd (Вазкерд). В Шавдаре есть ущелья, посреди каждого из них красивые реки текут к селениям, большой улов из запруд, изобилие, плодородие во всех сторонах жизни и наслаждение ею» [Перевод Савченко А.В. De Goeje (ed.), 1873, p. 372; подробнее: Савченко, 2005, с. 333–338].

В настоящее время точно известно, что монастырь, который описывает Ибн-Хаукаль, находится в 40 км от Самарканда, на южной окраине селения Ургут. Проблемой местоположения описываемой Ибн-Хаукалем церкви занимались многие ученые, начиная с конца XIX в., но в итоге памятник был найден с помощью местных жителей в ходе разведок в 1995–1997 гг.

Археологические работы на памятнике проводились в 1999, 2004–2006 гг. сотрудниками Восточно-Согдийской экспедиции [Грицина, 2018, с. 123].

Ибн-Хаукаль и Якут упоминают еще одно христианское селение, расположенное на границе Ташкентской области, — Винкерд [Бартольд, 1964, с. 279]. Согласно арабским источникам, этот город должен был находиться недалеко от Сырдарьи на левом или на правом берегу реки, если на правом — то к югу от Чирчика [Бартольд, 1964, с. 316]. В 1990 г. Л.М. Сверчковым предпринимались попытки локализовать это селение. В книге Ибн-Хаукаля «Пути и страны» указывается: «С четвертой стороны граница области подходит к христианскому селению Винкерт» [Бетгер, 1957, с. 13–27; Поторочина, 2020, с. 84]. Л.М. Сверчков, обобщив результаты исследований других ученых, сравнив их с данными археологических раскопок, пришел к выводу, что Винкерд/Винкерт располагался на левом берегу Сырдарьи напротив устья Чирчик. Городище, соответствовавшее упомянутому Ибн-Хаукалем Винкерду, это Каттакызыл-тепа — памятник, расположенный на берегу озера Урумбай [Сверчков, 1990, с. 101–102; 2007, с. 185–193; Поторочина, 2020, с. 83–85]. Проводились ли на памятнике археологические раскопки, неизвестно.

О том, что в X в. Мервская митрополия все еще играла важную роль в жизни христиан Средней Азии, сообщает Аль-Бируни, который несколько раз называет хорасанского митрополита католикосом, то есть титулом высшего духовного лица, главы восточной христианской церкви [Бартольд, 1964, с. 279]. Однако общее число христиан в государстве саманидов было не велико. По словам другого арабского ученого, было много евреев, но мало христиан [Бартольд, 1964, с. 279].

Что касается несторианской митрополии в Самарканде, то в XI в. она еще продолжала существовать. Абу-л-Фарадж приводит письмо самаркандского митрополита к католикосу, написанное в 1046 г. [Бартольд, 1964, с. 290]. Однако уже через столетие, в 1259 г. после очередного конфликта между мусульманами и христианами, все прихожане самаркандской церкви были убиты, а сама церковь разрушена до основания [Бартольд, 1964, с. 317–318]. После этого случая христианство в Самарканде уже не могло восстановиться и постепенно перестало существовать.

В X в. в пределах Мавераннахра появилось тюркское кочевое племя во главе с Сельджуком. У Сельджука был сын Михаил, таким именем никогда не называли мусульман. На этом основании Д.А. Хвольсон, предположил, что гузы, из среды которых вышли сельджуки, в какой-то период времени тоже исповедовали христианство. Закария Казвини, написавший свою космографию в XIII в., прямо называет гузов христианами. Это упоминание является анахронизмом, каких немало встречается в арабских компиляциях, — в XIII в. гузы уже приняли ислам [Бартольд, 1964, с. 285–286]. В.В. Бартольд предполагает, что христианство могло попасть

к гузам благодаря византийским миссионерам или через соседний Хорезм. По слова Абу-Дулефа, у гузов был храм, но без изображений. На этом высказывании делается вывод, что гузы были яковитами [Бартольд, 1964, 286]. О том, что хорезмийские христиане могли каким-то образом быть связанными с христианизацией гузов следует из свидетельств ал-Бируни, который отмечал, что в Хорезме христиане, не принадлежавшие несторианам, 4 ияра (мая) отмечали «праздник роз» — в церковь приносили свежие розы: согласно преданию, Богородица в этот день поднесла розу матери Ионна Крестителя [Памятники минувших поколений, 1957, с. 358]. В.В. Бартольд, предположил, что в данном случае речь идет о христианах яковитах [Бартольд, 1954, с. 286]. Однако перечисляя праздники мелькитов и несториан, ал-Бируни заключает: «Если бы мы знали, какие [праздники] есть у христиан-яковитов, то обязательно представили бы их мнения, так же, как мы это сделали в отношении мнений других [христиан], но нам не посчастливилось [встретить] кого-нибудь, кто исповедует учение яковитов или знает положения их [веры]» [Памятники минувших поколений, 1957, с. 358]. Скорее всего, ал-Бируни имеет в виду мелькитов (православных, румов), а не яковитов. В начале XIV в. хорезмийские христиане подчинились антиохийскому патриарху, из чего В.В. Бартольд делает вывод, что скорее всего они были или мелькитами или яковитами [Бартольд, 1964, с. 286].

Семиречье

В Семиречье, в городе Таласе (Таразе) тоже жили христиане. Когда эмир Исмаил в 893–894 гг. захватил город, главная городская церковь была обращена в сборную мечеть, а таласский эмир со многими дихканами (землевладельцами) принял ислам. Соборная мечеть города Мирки (Мерке), в котором проживали племена карлуков, раньше тоже была христианской церковью [Бартольд, 1964, с. 287].

Постепенно посредством завоеваний Саманидов и торговых отношений происходило распространение ислама. Часть гузов и карлуков приняли ислам. В городах вдоль торговых путей строились соборные мечети, там, где власть оставалась в руках христиан, мусульманские купцы были обложены податью [Бартольд, 1964, с. 288].

В конце X в. в Восточном и Западном Туркестане возникает государство тюрков под властью династии Караханидов со столицей в Баласагуне в Семиречье. В 999 г. караханиды окончательно завоевали Мавераннахр и уничтожили власть Саманидов [Бартольд, 1964, с. 289].

При правлении караханидов христиане не подвергались притеснениям, хотя считается, что с XI в. христианство в Восточном Туркестане находилось под давлением ислама и страдало от бесконечных войн. В это же время еще одно из тюркских племен, кераиты, принимает христианство: «до них дошел призыв Иисуса — мир ему! — и они вступили в его веру» [Рашид-ад-дин, 1952, с. 127]. После этого мервский митрополит отправил к ним священников (в Монголию) [Бартольд, 1964, с. 290].

В связи с этим в 1145 г. в Европу проник слух о походе «пресвитера Иоанна», несторианского царя, который боролся с мусульманами и разбил «братьев Самиярдов». Этот слух возник вследствие войны предводителя киданей Елюй Да-Ши с Санджаром (управлял сельджуками). Как предполагает В.В. Бартольд, вероятно, несториане смешали Елюй Да-ши с современным ему кераитским ханом Тоорил-ханом (Ван-ханом) [Кычанов, 1978, с. 84]. Кераиты же использовали имя Иоанн, как имя того патриарха, во время которого они приняли христианство [Бартольд, 1964, с. 293]. Сами же кидани были буддистами и покровительствовали всем религиям, даже исламу. Христианство могло свободнее распространяться, чем при караханидах, так как его приверженцы чувствовали себя в безопасности, в отсутствие угрозы от фанатичных мусульман. Патриарх Илья III (1176–1190) учредил несторианскую митрополию в Кашгаре, одной из столиц киданей. Вторая столица находилась в Баласагуне. Кашгарский митрополит был также назван «митрополитом Кашгара и Невакета», соответственно, в состав кашгарской митрополии входило Семиречье [Бартольд, 1964, с. 294].

Семиреченские христиане находились в тесной связи с Алмалыком, где в XIII в. господствовали канглы, которые, якобы, были несторианами [Бартольд, 1964, с. 296]. Эту же мысль повторяет А.Н. Бернштам, отмечая, что среди несториан было очень много тюрков, особенно из племени канглов [Бернштам, 1941, с. 106]. Перед нашествием монголов канглы проживали на территории между Таласом и озером Иссык-Куль в Семиречье. Однако никаких других сведений о религии канглов у нас нет [Джумагулов, 2020, с. 31].

В 1218 г. монголы завоевали Баласагун и все Семиречье, что существенно изменило положение христиан. При монголах христианские общины не притеснялись властью. Монголы одинаково хорошо относились ко всем религиям и освободили мусульманское, христианское и буддийское духовенство от всяких податей и повинностей. В это время продолжают придерживаться христианства кераиты и часть найманов, принявшие его еще задолго до монгольского завоевания. Однако, если со стороны властей все было спокойно, то на фоне ослабления мусульманства началась вражда между христианами несторианами и мусульманами. Средневековые путешественники Марко Поло, Гильом де Рубрук и Джовани Плано Карпини, а также мар Ябалахи III и раббан Саумы в своих дневниках оставили интересные сведения о христианах, проживавших при монгольском управлении [Марко Поло, 1956; Путешествия в восточные страны ..., 1957; Пигулевская, 1958]. Папский миссионер Монте Корвино писал: «Прибыв во владения императора Татарского, который именуется Великим ханом, я предложил ему, государю, вручая письмо папы, принять католическую веру, но не имел успеха, потому что язычество здесь очень сильно, хотя он оказывает иногда милости здешним христианам. Известные несториане, которые называют себя христианами, но которые очень много уклоняются от христианской религии, пользуются в этой стране такой властью, что могут не

дозволить христианству другого вероисповедания иметь свою, даже самую маленькую часовню или проповедовать иное учение, кроме несторианского...» [Лютов М. Туркестанские ведомости от 13-го мая 1886 г. № 18 (начало); Лютов М. Туркестанские ведомости от 20-го мая 1886 г. № 19 (окончание); Джумагулов, 2020, с. 31]. Отсюда следует, что несториане ревностно боролись не только с мусульманами, но и с любой другой, по их мнению, христианской ересью.

Христиане Семиречья просуществовали до конца XIV в. Это подтверждается археологическими и письменными источниками. Подробный анализ письменных источников несторианства в Монгольской империи и вообще в Золотой Орде, был рассмотрен в одной из кандидатских диссертацией, специально посвященной этой теме [Мальшев, 2000, с. 3–264]. Изучение этого вопроса выходит за рамки данного диссертационного исследования.

Начиная с XIII в. достоверные сведения о существовании христианских общин на территории Средней Азии сохранились относительно христиан Семиречья. Высказывалось предположение, что в конце XII в. остатки христиан проживали в низовьях Сыр-Дарьи (развалины крепости Сунак-курган или город Саганак) [Бартольд, 1964, с. 318]. Однако, никаких сведений об этом городе у нас нет.

**Глава IV. Этапы распространения христианства
на территории Средней Азии по
письменным и археологическим источникам**

(Таблица 14)

Письменные и археологические данные позволяют проследить этапы появления, распространения и затухания христианских общин на территории Средней Азии.

В сводной таблице объектов и предметов христианского культа, обнаруженных на территории Средней Азии, прослежены основные этапы распространения христианства по археологическим источникам (Таблица 14). Сооружения, погребальный обряд, предметы церковно-храмового круга и личного благочестия, а также находки монет с крестом известны на территории Северного Хорасана, Согда, Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья. В каждой историко-культурной области — Северном Хорасане, Хорезме, Согде, Северном Тохаристане, Уструшане, Фергане, Чаче и Семиречье фиксируются свои особенности и характерные черты процесса появления и распространения христианства.

Христиане в Северном Хорасане. Если согласно письменным свидетельствам, появление первых христиан на территории Парфии отмечается в III в., в 334 г. в Мерве уже был назначен епископ, а в V в. функционировала митрополия [Бартольд, 1964, с. 271; Бадер и др., 1996, с. 90], то археологические источники показывают несколько иную картину. На территории Туркмении к настоящему времени открыта церковь базиликального типа Хароба-Кошук, датируемая V–VI вв. Расположенный рядом зороастрийский Байрам-алинский некрополь, функционировавший с конца II в. — нач. III в. по VII в., на котором были встречены погребения по обряду трупоположения, интерпретируемые как христианские. Помимо оссуарных захоронений, на некрополе были встречены следующие типы могил:

Тип 1 — в грунтовой могильной яме. Датировка не ранее IV в. [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 5];

Тип 2 — грунтовая могильная яма, перекрытая сверху сырцовым кирпичом, на поверхности обложенная обломками толстостенных сосудов. Встречено только шесть аналогичных погребений; все впускные. Датировка для этих погребений С.А. Ершовым не определена [Ершов, 1959, с. 166].

Тип 2а — грунтовая могильная яма, перекрытая сверху обожженным кирпичом с крестообразной выкладкой в области ног. Встречена в верхнем слое раскопа [Обельченко, 1969, с. 88–89]. Датировка для этого погребения не определена.

Тип 3 — погребение в своеобразном могильном ящике. В одной из могил обнаружен кирпич с изображением прямого креста [Дресвянская, 1968b, с. 42].

Тип 3а — аналогичное Типу 3, но изнутри обложено сырцовым кирпичом. Сверху устанавливался намогильный камень [Дресвянская, 1968b, с. 42].

Тип 4 — погребение в нише-подбое (раскоп 2) [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 5, 6]. Датировка погребений Г.А. Кошеленко не указана.

Тип 5 — керамические гробы цилиндрической формы [Ершов, 1959, с. 167–177]. Датировка С.А. Ершова — V — сер. VII в.

Погребения в грунтовых могилах и в могилах, обложенных жженными кирпичами, (или могилы в виде ящика) не связаны ни с одним уровнем полов и, как правило, являются впускными. Датируются довольно широко: от II–III вв. [Дресвянская, 1989, с. 157] до VI в. [Обельченко, 1969, с. 94–95].

Статистический анализ захоронений Байрам-алинского некрополя, показал, что основным способом погребения на всем некрополе необходимо считать захоронения по оссуарному обряду (рис. 86–90; Таблица 1). Они составляют 77% от всего количества захоронений. Захоронения по обряду труположения составляют 13% — с учетом как единичных погребений, так и тех, которые совершались в период каких-то эпидемий и войн, когда одновременно погребались большое количество человек. По 2% на некрополе занимают погребения, обложенные жженными или сырцовыми кирпичами, в керамических гробах цилиндрической формы, обычные грунтовые могильные ямы и гробницы, сложенные из обожженных кирпичей (могила в виде ящика). Именно эти погребения интерпретируются как христианские. 1% составляют могилы, сверху перекрытые жженным или сырцовым кирпичом. В единичном варианте встречены погребения в нише-подбое (3 могилы) и впускные погребения (6 могил), также соотносимые с христианством. Принимая во внимание факт отсутствия в ближайшей округе христианских кладбищ, можно предположить, что местные христиане хоронили своих умерших на этом кладбище. Однако указать точный временной промежуток для описанных погребений не представляется возможным. Погребения Типа 1 и Типа 5 предлагают дату не ранее IV в., скорее с V в. до сер. VII в. Остальные захоронения также могли совершаться в этот хронологический период функционирования кладбища или ранее.

Достаточно надежную дату предлагают находки бронзовых монет Йездигерда I (правил в 399–420 гг.) и буллы, найденные в одном из помещений при раскопках замка Ак-депе в 1964 г. Среди общего количества найденных печатей было отмечено изображение, присутствовавшее на трех буллах, — «Даниила во рву львином» — излюбленный мотив иранских христиан, поскольку он был непосредственно связан историей Ирана [Губаев, 1971, с. 47–48; Луконин, 1971, с. 51; Никитин, 1998, с. 181–182]. Надписи на ак-депинских буллах, стиль, и иконография изображений позволили В.Г. Луконину датировать их V–VII вв. [Луконин, 1971, с. 51]. Позже, обобщив материал по сасанидским христианским печатям, А.Б. Никитин предложил датировать их второй

половиной VI в. [Никитин, 1998, с. 182]. Керамическая матрица для отливки металлических крестов найдена в слое VII в. [Никитин, 2015, с. 39]. Керамические плакетки, найденные как случайные находки без привязки к стратиграфическим слоям, датируются в пределах сер. VI в. (Таблица 6, №№ 1, 2).

С учетом археологических данных Байрам-алинского некрополя, можно заключить, что нижняя дата распространения христианства в Мервском оазисе, согласно археологическим источникам — не ранее IV в., судя по монетам — начало V века. Верхняя дата определяется находкой наперсного бронзового креста, обнаруженного при раскопках восточной двери церкви Хароба-Кошук — до XI в. [Rossi Osmida, 2011, p. 168, fig. 19]. О том, что в начале XI в. много христиан было среди жителей Сирии, Ирака и Хорасана, отмечает ал-Бируни [Бируни Абу Райхан. Избранные ... 1957, с. 317].

С начала V в. до VII в. присутствие христиан на территории Северного Хорасана археологически прослеживается довольно уверенно. Предметов материальной культуры христиан, относящихся к периоду VII–XI вв., в настоящее время не обнаружено. Согласно «Книге благодати», написанной в X в., среди деятелей несторианского монашества и основателей монастырей упоминается Святой Мар Георгис Марвазайя, который основал монастырь Егалгал (?) в окрестностях Мерва [Древний Мерв, 1994, с. 73–74, документ № 40]. В VII в. митрополит Илия из Мерва смог первым распространить свое учение среди тюркских племен, проживавших в соседних с Мервским оазисом районах [Древний Мерв, 1994, с. 95–96, документ 54].

О появлении и распространении христианства в Мерве свидетельствуют археологические и письменные источники, в основном относящиеся к раннему периоду — от начала V в. до VII в. Необходимо отметить еще одну немаловажную проблему. По мнению А.Б. Никитина, памятники, исследованные ЮТАКЭ, — Хароба-Кошук, «Овальный» дом, Байрам-алинский некрополь и ряд других памятников датировались условно, ошибка в среднем составляла около 150 лет, при этом возраст некоторых комплексов увеличивался искусственно [Никитин, 2015, с. 166]. Также следует отметить, что эпиграфические источники на территории Северного Хорасана не обнаружены.

Христиане в Хорезме. Хорезм, отделенный от других стран труднопроходимыми песками Кызылкумов и Каракумов, издревле выработал своеобразную цивилизацию, мало схожую с другими государствами. Географическое расположение Хорезма способствовало тому, что он гораздо дольше оставался независимым и был менее подвержен влияниям соседних государств [Грицина, 2018, с. 115]. Археологического материала, связанного с христианством на территории Хорезма известно немного. При раскопках зороастрийского некрополя Миздахкан, среди прочих оссуариев, были найдены восемь алебастровых с прорисовкой черной краской изображений

крестов и звезд. Датировка оссуариев — кон. VII — пер. пол. VIII вв. [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 146, рис. 53; рис. 78–81]. На одном из оссуариев с рельефным изображением на зороастрийскую тему были отмечены следы преднамеренного уничтожения этого рельефа. По мнению В.Н. Ягодина, это могло быть сделано христианами-прозелитами с целью уничтожения «вредоносных» магических свойств зороастрийской религии [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 150]. В.Н. Ягодин полагает, что погребальная постройка на некрополе Миздахкана, в которой было вскрыто более ста оссуариев, могла принадлежать христианской общине [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 150].

Захоронение христиан на зороастрийском некрополе — практика довольно известная и распространенная, однако погребение именно по зороастрийскому обряду в сосудах-костехранилищах (оссуариях) все же следует признать исключением. В Чуйской долине найдено относящееся к этому же хронологическому периоду погребение христианина по обряду трупоположения [Ак-Бешим, об. III; Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ..., с. 47–48]. При погребенном находился керамический кувшин с процарапанным крестом [Михеева, 2021, с. 322, ил. 1; рис. 148, I].

В качестве второго важного археологического источника сведений о христианизации Хорезма необходимо отметить данные нумизматических находок. Это монеты правителей Суавашфарна и Азкацвара I, на лицевой и оборотной сторонах которых изображался маленький крест в виде четырехлепестковой розетки [Вайнберг, 1977; Тип GVІа; Мусакаева, 1994, с. 51–52]. Чеканка этих монет приходится на начало 60-х гг. VIII в. Правда, не все исследователи согласны с интерпретацией изображения креста как христианского символа. Г.А. Кошеленко критически отнесся к предложенной интерпретации, впервые высказанной А.А. Мусакаевой, полагая, что это знак тамги в виде четырехлепестковой розетки [Koşelenko, Lapšin, 1996, p. 324].

Как предполагает автор диссертации, нижняя дата хронологического периода, к которому относятся христианские находки на территории Хорезма, — первая половина VIII в. По мнению С.П. Толстого, к VIII в. относится упоминание в списке епископий Доросской митрополии (*Noticia episcopatum*) Хорезмской епископской кафедры, обозначенной как Ховалисская или Хвалисская [Толстов, 1946, с. 90–93].

Верхняя дата указанного периода определяется находкой на городище Куюккала (средневековый Кердер) каменной подвески с изображениями крестов с двух сторон. Археологи датируют подвеску X–XI вв. [Грицина, 2018, с. 117–118, рис. 4]. Указанная находка не стратифицирована, обстоятельства ее обнаружения также неизвестны, и, конечно, она не может быть тем датирующим материалом, по которому можно делать серьезные выводы относительно присутствия христиан в Хорезме в X–XI вв. (рис.177, 9; Таблица 7, № 12). Таким образом,

необходимо признать, что археологические свидетельства христианства в Хорезме малочисленны и довольно спорны в своей интерпретации.

Согд. Согласно письменным источникам, в первой половине VIII в. на территории Согдианы проживали христиане и имели свою церковь [Бартольд, 1964, с. 274–275].

Самым ранним археологическим источником по христианству в Согде следует считать ампулы святого Мины. Однако датировка ампул довольно широкая и не имеет стратиграфической привязки. Ампулы святого Мины, обнаруженные в Самарканде в первой половине XX в., и ампулы с ликом святого, найденные в Пенджикент, датируются археологами VI–VIII вв. [Берзина, 2008, с. 352–356; рис. 163, 1]. К этому же хронологическому промежутку относится найденное в Нахшабе керамическое пряслице с изображением ветхозаветной сцены [Раимкулов, 2004; рис. 164, 6]. Остальной археологический материал, тем или иным образом связанный с христианством, датируется VII–VIII в.

Находки монет с городища Варахша с изображением на лицевой стороне животного, а на оборотной — равностороннего христианского креста, показывают, что VII–VIII в. в пределах Согдианы христиане уже были [Мусакаева, 1994, с. 42]. Высказывалось мнение, что крест на согдийских монетах местного чекана был заимствован не из Византии, как предполагали ранее, а из Ирана, из его восточных владений [Ashurov, 2013, p. 61–105]. Монеты из Пайкенда и Афрасиаба датируются концом VII — нач. VIII в. Отметим, что не все специалисты согласны с интерпретацией указанных монет как христианских.

Погребальная практика христиан Согда этого периода прослежена на могильнике Дашти-Урдакон, расположенном в пределах городского некрополя Пенджикента. Захоронение девочки с нательным крестом, обнаруженным на этом некрополе, датируется археологами VIII в. [Распопова, 2014, с. 158]. Монеты этого городища также датируются VIII в.

В IX в. в Ургуте иракскими христианами основывается и строится христианский монастырский комплекс с двумя церквями [Savchenko, 2010, p. 74–82; Грицина, 2018, с. 137–139]. Этим же периодом датируются погребения, обнаруженные на площади Регистан в Самарканде — не ранее IX в., а также находки церковно-храмовых предметов (кадило из Ургута) и металлических блюд с изображением рыб (блюдо из Самарканда) или крестов (керамическая фляга из Согда). С XI в. по нач. XII в. фиксируются погребения христиан на могильнике Дурмонтепе с типичным христианским погребальным обрядом: кирпич-«подушка» в области головы, деревянные гробы и ориентация могильной ямы с запада на восток. В это же время продолжает функционировать Ургутский монастырь.

Находки на территории Согда нательных крестов, украшений с христианской символикой, керамической посуды или предметов церковного обихода укладываются в довольно широкий хронологический диапазон — с VIII в. до XII в.

Согласно письменным источникам, до начала XIII в. в Самарканде находилась действующая церковь. После разрушения этой церкви христианская община Самарканда не восстановилась [Бартольд, 1964, с. 317–318]. В это же время был оставлен Ургутский монастырь. На памятнике не отмечено следов разрушений или каких-либо катаклизмов [Savchenko, 2010, p. 74–82]. Основной причиной опустения монастыря, вероятно, следует считать завоевание Средней Азии монголо-татарскими кочевниками.

Артефакты христианского культа на территории Пенджикента немногочисленные, но очень важные: христианское погребение (Дашти Урдакон), фрагменты керамики с крестами, нумизматические и эпиграфические находки свидетельствуют о том, что местные христиане были явным меньшинством, совмещавшим свое мировоззрение с религиозным бытом остальных пенджикентцев [Лурье, 2013, с. 231]. Хронологический диапазон находок находится в пределах с VIII в. по IX в.

Согласно письменным и археологическим источникам, присутствие христиан на территории Согда фиксируется с VII–VIII вв. до нач. XIII в. При этом, очевидно, что процесс распространения христианства скорее носил волнообразный и переменный характер, а не ровный и устойчивый.

Северный Тохаристан представлен единичными находками раннего периода — V, VI–VII вв. Речь идет об Айваджском монастыре (V–VIII в.), который исследователи рассматривают и как христианский, и как буддийский. Ампулы с ликом святого, найденные при раскопках памятника Дальверзин-тепа, датируются археологами VI–VIII вв. [Берзина, 2008, с. 352–356; рис. 163, 1]. В Бактрии при земляных работах в Шурчинском районе Сурхандарьинской области в 2012 г. был найден брактеат Анастасия. Ранее в 1889 г. в Сурхандарье был найден брактеат в сопровождении других находок (керамика, геммы, монеты). По мнению М.Е. Массона, золотые монеты были дарованы Перозу Византией для борьбы с эфталитами в начале VI в. [Массон, 1951, с. 96; Грицина, 2018, с. 153–154]. В распространении византийских монеты определенную роль могли сыграть местные христиане [Грицина, 2018, с. 154]. Этим же временем датируются находки анэпиграфических скифатных монет с изображением правителя и креста на аверсе — концом VI — VII вв. Правда, не все специалисты согласны интерпретировать крест на этих монетах как христианский символ. Известно, что жители Тохаристана исповедовали несколько религий: зороастризм, буддизм, манихейство и христианство несторианского толка. В связи с этим вопрос интерпретации Айваджского монастыря и могильника Биттепа, на котором были найдены коробочка-пиксида и амулет в виде растущего из кувшинчика крестообразного дерева

(VII–VIII вв.), нуждается в дополнительном исследовании и остается открытым. Можно заключить, что материальная культура христиан Северного Тохаристана прослеживается с VI по VIII в.

Сооружение в Термезе, датируемое X–XI вв., и отнесенное Л.И. Альбаумом к церкви или монастырю, по мнению С.Г. Хмельницкого, могло принадлежать обеспеченному христианину. Едва ли мусульмане Саманиды позволили бы строительство христианской церкви в центре Старого Термеза [Хмельницкий, 2000, с. 248–249].

Уструшана. Находки из этой историко-культурной области — немногочисленные предметы раннего периода: VI–VII и VI–VIII вв. Это монеты с именами уструшанских правителей Раханча и Сатачари и крестом на реверсе и фреска во дворце уструшанских царей, с изображением волчицы, кормящей двух детей. Высказывалось мнение, что сюжет картины может быть связан не с Римом и христианством, а с древней тюркской легендой о происхождении рода Ашина, так как правители Уструшаны подчинялись тюркам [Грицина, 2018, с. 149]. Более поздним периодом датируется фигурный водолей из Калаи-Кахкаха III с вырезанным равноконечным крестом на боковой части сосуда (X в.) и глазурованная чаша с изображением неполного креста и надписи «Иса и Марьям» IX–XI вв. из Ходжента [Беляева, 1994, с. 79]. Помимо христианской интерпретации, можно допустить, что символ креста использовался в качестве оберега содержимого сосуда.

Фергана. Практически аналогичная ситуация представлена в соседнем регионе — Фергане, но находки христианского культа прослеживаются только в X–XII вв. Это нательный крест X в., найденный на городище Кува в крупнейшем городе средневековой Ферганы и крышка сосуда со штампованными крестами из Андижана (X–XII вв.). Находок более раннего периода пока не зафиксировано.

Чач (Илак). Для территории Чача ряд находок с христианскими символами фиксируются на городище Канка (Харашкет) — одном из крупнейших населенных пунктов древнего Чача. Находки представлены предметами личного благочестия: подвески и кресты нашивные, датировка которых находится в пределах IV–VI вв. Следует отметить, что находки не стратифицированы, соответственно, определить надежность предложенных дат мы не можем. На городище были найдены перстень металлический в виде веселого Роджера X–XI вв. [Грицина, 2018, с. 142, рис. 21], крестовключенные подвески (X–XI вв.), крышка от кадила (X–XI вв.), украшения с крестом или рыбками, а также блюда и поливные чираги с изображением крестов и рыб, также X–XI вв. В связи с тем, что находки не стратифицированы и часть из них имеет спорную интерпретацию, в Таблицу 14 они не были добавлены, хотя в альбоме иллюстраций и в тексте диссертации представлены. Отметим, что данные находки относятся археологами в основном к X–XI вв. Золотой медальон из Ахангарана указывает на дату VII–VIII вв.

На городище Каршоул-тепа был найден нательный крест, датируемый общим хронологическим периодом обживания самого городища — VI–IX вв. В связи с этим встает вопрос о столь ранней дате креста — VI в. Монета, найденная на этом же городище, указывает дату VII–IX вв. Необходимо упомянуть, что руководитель раскопок этого памятника К.А. Шейко не позиционирует данный объект как христианский, но следует признать, что расположение памятника на одном из караванных путей объясняет наличие вышеперечисленных христианских предметов на городище.

Христиане Семиречья. В Юго-Западном и Северо-Восточном Семиречье, к настоящему времени зафиксировано самое большое количество находок христианского культа, церковных сооружений и кладбищ (См. Таблицу 14). По всей видимости, еще до прихода миссионеров в Семиречье местные жители уже были знакомы с христианством благодаря согдийцам, в особенности согдийским купцам. Помимо христиан в Семиречье проживали буддисты, манихеи и зороастрийцы [Никитин, 1984, с. 127–128].

Вопрос датировок как памятников, так и индивидуальных находок в пределах Кыргызстана был рассмотрен в объемном издании, посвященном исследованию Восточного христианства на территории Средней Азии, Южного Казахстана и Азербайджана [Кольченко, 2018, с. 48–103]. На территории Юго-Западного Семиречья (по Кольченко – Юго-Восточное Семиречье) В.А. Кольченко выделяет восточно-чуйскую группу памятников средневекового христианства, в которую входят следующие памятники: средневековые кладбища Припишпекское (Кара-Джигачское) и Притокмакское (Буранинское), комплекс христианских церквей (Ак-Бешим, об. VIII) и церковь с кладбищем (Ак-Бешим, об. IV), городища: Красная речка, Бурана и Ново-Покровка. Хронологический период предметов христианского культа в этой группе — X–XII и XII–XIV вв., но, по мнению В.А. Кольченко, не исключается, что христиане могли появиться и ранее — в VIII в. [Кольченко, 2018, с. 100–101]. Отдельно А.В. Кольченко выделяет Иссык-кульскую группу памятников и находок: городище Курменты – коробочка-мощевик с датой VIII–XIV вв. и нательные крестики, хранящиеся в Музее КРСУ, датируемые XIII–XIV вв. [Кольченко, 2018, с. 101].

Исследование материальной культуры христианства Семиречья выявило следующую картину распространения христианства на этих территориях. Самым ранним археологическим памятником, имеющим следы христианского присутствия, можно считать Погребальный комплекс (объект III) на городище Ак-Бешим, на котором было найдено погребение по обряду трупоположения. Рядом с этим захоронением находился кувшин с прочерченным на нем крестом [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ..., с. 47–48]. Комплекс датируется VII–VIII вв. [Кызласов, 1959, с. 230–231, рис. 55]. Христианская церковь с кладбищем (об. IV), обнаруженная в восточной части этого же городища, на основе монет тюргешского круга была отнесена Л.Р. Кызласовым к

VIII в. [Кызласов, 1959, 231–233, 241]. В.А. Кольченко предлагает датировать церковь не ранее третьей четверти VIII в. по найденной китайской монете Цянь-Юань Чжун-Бао, выпускавшейся в 758–762 гг. [Кольченко, 2018, с. 64]. На этом кладбище в детском погребении № 8 в области грудной клетки костяка был обнаружен бронзовый нательный крест (рис. 170, № 54). Датировка креста следует из общей датировки всего памятника — VIII в. Второй относительно надежно датированный крест был обнаружен в погребении молодой женщины на городском некрополе городища Красная речка — VIII в. [рис. 169, № 19; Горячева, 1988, с. 66, рис. 20, 2; Кольченко, 2018, с. 77, рис. 27]. На некрополе Костобе в Таласской долине Семиречья был найден аналогичный акбешимскому крест, датируемый этим же временем, — VIII в. [рис. 170, № 10; Байпаков, Терновая, 2018, с. 12, рис. 1]. На некрополе Тик-Турмас (Древний Тараз) самые ранние христианские захоронения датируются также VIII в. [Сенигова, 1968, с. 66–67; Байпаков, Терновая, 2018, с. 11–12].

Можно заключить, что наиболее ранняя дата христианских археологических находок Семиречья, как в Чуйской, так и в Таласской долинах, — не ранее VIII в. В.А. Кольченко оспаривает столь раннюю датировку и считает, что полученные ак-бешимские христианские артефакты в основном относятся к X–XII вв., хотя допускает возможность появления христиан в этой области не ранее VIII века [Кольченко, 2018, с. 98–101].

Второй группой стратиграфически датированных находок в Семиречье можно считать кресты и керамические плакетки из монастырского комплекса церковей (об. VIII) на городище Ак-Бешим [рис. 167, 5, 6; 158, 4, 5; 159, 3; Семенов, 2002, с. 93, рис. 54]. Комплекс датируется X–XI вв. [Семенов, 2002, с. 95], однако высказывалось мнение о его функционировании и в XII в. [Кольченко, 2018, с. 99], что подтверждается в настоящее время находками глазурованной керамики в восточной части памятника (раскопки 2023 г.). Находка ладьевидного чироба и керамической кружки с петлевидной вертикальной ручкой в помещении около внешней южной стены церкви «А» позволяет предложить нижнюю границу датировки комплекса — ранее X в. Полученные с помощью радиоуглеродного анализа даты при исследовании внешней южной стены церкви «А» (об. VIII) в 2021 г. показывают середину XI в.

Находки предметов христианского культа встречались не только на таких памятниках, как церковь с кладбищем (об. IV) и монастырский комплекс церковей (об. VIII) на городище Ак-Бешим, но и на других, относящихся к средневековью: в городищах Ново-Покровка, Красная речка и Бурана, кладбищах Кара-Джигачское, Бурагинское, а также на городище Курменты, расположенном на берегу озера Иссык-Куль. Единичные находки были обнаружены в окрестностях города Ош и Узгена. Датировка находок в основном представлена X–XII вв. или XIII–XIV вв. [Кольченко, 2018, с. 101]. Находки в Иссык-Кульской котловине в основном относятся к позднему периоду – XIII–XIV вв. Нательные объемные кресты и кресты-энколпионы

(Таблица 8, №№ 74, 75), найденные в Иссык-Кульской котловине, не имеют точной стратиграфической привязки и датируются широким периодом – с VIII по XIV вв.

Предполагаемая датировка памятников Северо-Восточного Семиречья: средневековых городищ Антоновка, Талгар, Илибалык и кладбища около Алмалыка — с XI по XIII вв, и более точная дата – XIII–XIV вв. (Илибалык, Алмалык).

Обобщив и проанализировав имеющиеся данные, можно заключить, что согласно археологическим источникам христианство на территории Средней Азии появляется в пределах Северного Хорасана не ранее IV в. — в нач. V в. С начала V до VII вв. следы материальной культуры христиан на этой территории вполне убедительны. Этот период можно назвать первым этапом появления и распространения христианства. Интересно, что в соседнем историко-культурном регионе — Северном Тохаристане следы столь раннего присутствия христиан также прослеживаются: Айваджский монастырь (V–VIII вв.), могильник Биттепа (VII–VIII вв.), брактеат Анастасия (нач. VI в.), ампула-евлогия (VI–VIII вв.). Правда возникает ряд проблем с интерпретацией памятников как Айваджского монастыря, так и могильника Биттепа, которые одни специалисты относят к христианству, другие — к буддизму и манихейству. Отметим, что в пределах Северного Хорасана в этот же временной промежуток также сосуществовали различные религии: зороастризм, буддизм и христианство, что допускает возможность взаимного влияния как в обычной, так и религиозной жизни между общинами.

В VII–VIII вв. по мере продвижения и расширения в восточном и северо-восточном направлениях христианство начинает появляться и прочно укрепляться, в первую очередь, в пределах Согда, постепенно распространяясь в сторону Уструшаны и Чача. Необходимо выделить Хорезм, так как находки христианского культа фиксируются здесь не ранее первой половины VIII в. В это же время, очевидно, через Согд, происходит распространение христианства в пределы Семиречья, в Чуйскую и Таласскую долины. Это второй этап дальнейшего расширения христиан на Восток. Следы материальной культуры христиан Согда, Уструшаны, Чача: монеты, нательные кресты, посуда с христианской символикой, церковно-храмовые предметы фиксируются в пределах VIII — нач. XII вв. На территории Семиречья — в пределах VIII–XI вв.

В XI–XII вв. на территории Северного Хорасана, Согда, Хорезма, Ферганы и Чача предметы христианского культа обнаруживаются на отдельных памятниках: Хароба-Кошук, Ургутский монастырь, Андижан, городище Канка или встречаются как случайные нестратифицированные находки без точной археологической привязки к тому или иному объекту.

Третий этап распространения христианства на территории Средней Азии в большей степени связан с регионом Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья, где с XII–XIII вв. появляются восточно-сирийские христианские общины среди тюркского населения Семиречья и продолжают существовать до конца XIV вв. (средневековые кладбища Кара-Джигачское, Бурагинское, Покровское, Илибалык).

Постепенный процесс затухания христианства, согласно археологическим источникам, фиксируется на территории Северного Хорасана — с XII в., Согда — с начала XIII в., Хорезма и Чача (и Илака) — после XI в., Ферганы — с XII в., Юго-Западное и Северо-Восточное Семиречье — с конца XIV в. Необходимо отметить, что вся история процесса христианизации Средней Азии носила волнообразный характер, зависящий, вероятно, от различных экономических и политических факторов в отдельном взятом историко-культурном регионе.

В таблицу 14 в столбец «Сооружения» не вошли такие памятники, как Коштепа (кон. VII — нач. VIII вв.), Коштепа в Нахшабе (втор. пол. VI в. — пер. четв. VII в.), Таш-Рабат (X–XI вв.). На взгляд автора диссертации, принадлежность и интерпретация указанных объектов как христианских культовых сооружений слабо обоснована.

В столбце «Погребальный обряд» не упомянут некрополь Беловодская крепость (до X в.) в связи с тем, что на памятнике, на взгляд диссертанта, христианских захоронений не прослежено. В то же время в этот столбец включено захоронение-реликвия из монастырского комплекса церковей (Ак-Бешим, об. VIII), не связанное напрямую с погребальным обрядом.

В столбец «Церковно-храмовые предметы и керамика с изображением крестов» не внесена информация о бронзовом бокальчике [Анбоев, 1959, с. 39–40]. По мнению диссертанта, данный предмет с христианством не связан. Ряд предметов личного благочестия также не упомянут в таблице в связи с отсутствием стратиграфической привязки и точной датировки.

Таблица 14. Сводная таблица объектов и предметов христианского культа, обнаруженных на территории Средней Азии

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
<p>Северный Хорасан</p>	<p>1. Хароба-Кошук — V–VI вв. [Пугаченкова, 1954]</p> <p>2. «Овальный» дом — кон. IV — нач. V вв. / V–VI вв. [Дресвянская, 1974]</p>	<p>1. Байрам-алинский некрополь — нач. III–VII вв. [Ершов, 1959]</p>	<p>1. Хароба-Кошук — керамика с изображением крестов и рыб — XI–XII вв. [Osmida, 2011]</p> <p>2. Муюн-Депе — хум с прочерченным крестом — с IV в. [Дресвянская, 1968b]</p>	<p>1. Эрк-кала — форма для отливки крестов — VII в. [Simpson St. John, 1996]</p> <p>2. Гяур-кала — плакетка с рельефным крестом — сер. VI в. [Пилипко, 1968]</p> <p>3. Гяур-кала — плакетка с крестом — сер. VI в. [Массон, 1978].</p> <p>4. «Овальный» дом — печать из халцедона с крестом — IV–VI вв. [Дресвянская, 1974]</p> <p>5. Геок-депе — нашивные бляшки — VI в. [Массон, 1956]</p> <p>6. Др. Мерв — сасанидские геммы и буллы — VI–VII вв. [Никитин, 1998]</p> <p>7. Хароба-Кошук — крест нагрудный — до XI в. [Osmida, 2011]</p>	<p>1. Мерв — бронзовые монеты с крестом (Йездигерд I) — кон. IV — нач. V в. [Loginov, Nikitin, 1993]</p>		<p>Первое появление христиан — не ранее IV в. — нач. V в. Верхняя дата — XI–XII вв.</p> <p>С нач. V в. до VII в. — присутствие христиан археологически прослеживается.</p> <p>С VII до XI в. — присутствие христиан археологически не прослеживается.</p>

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
Хорезм		1. Осуарный — некрополь Миздахкана — кон. VII — пер. пол. VIII в. [Ягодин, Ходжайов, 1970]		1. Куюк-кала (раннесредневековый Кердер) — подвеска с крестом — X–XI вв. [Грицина, 2018]	1. Монеты Суавашфарна и Азкацвара — с изображением крестов (?) — кон. VIII в. [Мусакаева, 1994]		Появление христиан — пер. пол. VIII в. Верхняя дата — предположительно X–XI вв.
Соغد	Ургутский монастырь IX — нач. XIII в. [Savchenko, Dickens, 2009]	1. Пенджикент. Дашти-Урдакон — хум с изображением — VIII в. [Расопова, 2014] 2. Дашти-Урдакон — погребение девочки — VIII в. [Расопова, 2014] 3. Площадь Регистан — погребения — не ранее IX в. [Бурякова, Буряков, 1973] 4. Дурмон-тепе — могильник — XI в. — нач. XII вв. [Шишкина, 1994]	1. Кадило из Ургута — VIII–IX вв. [Дресвянская, 1968b] 2. Крышка от кадила — X–XI вв. [Грицина, 2018] 3. Ургутский монастырь — керам. крышки и посуда с крестами — IX–нач. XIII в. [Работы А.В. Савченко] 4. Пенджикент — фрагмент верхней части сосуда с прочерченным крестом — VIII в. [Расопова, 2014]	1. Самарканд, сердоликовая гемма с ликом Христа — дата не определена [Абдуллаев, 2005] 2. Рабинджан — матрица для плакетки — дата не определена [Savchenko, Dickens, 2009] 3. Афрасиаб — ампула Св. Мины — VI–VII вв. [Ставиский, 1960] 4. Пенджикент — ампула-евлогия — VI–VII вв. [Берзина, 2011] 5. Коштета в Нахшабе — пряслице с ветхозаветной сценой — втор. пол. VI — пер. четв. VII в. [Раимкулов, 2004b]	1. Бухарский Соغد, Варахша, Вардана — группа монет — на аверсе животное (лев), на реверсе — крест — VII–VIII в. [Мусакаева, 1994] 2. Афрасиаб — медная монета с изображением двух крестов — 1–2-я четв. VII в. [Ртвеладзе, Ташходжаев, 1973] 3. Пенджикент — монеты с изображением на аверсе правителя, на реверсе — крест внутри знака тамги — сер.	1. Пенджикент. Дашти Урдакон — хум с изображением — VIII–IX вв. [Расопова, 2014] 2. Пенджикент — черепок с сирийской надписью с текстом из Пешитты — нач. VIII в. [Пайкова, Маршак, 1976] 3. Пенджикент — черепок с сирийской надписью [Пулотов, 2020, с. 5–15] — без определения даты.	Нижняя дата — VI–VII в. Дата предполагаемая, т.к. стратиграфическая привязка находок отсутствует. VII–VIII вв. — дата фиксация христианских находок на территории Согда. C VIII по XI вв. археологические находки прослеживаются, но не всегда со стратиграфической привязкой. XII в. — прослежен единичными нестратифицированными находками.

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
			<p>5. Ок. Ургута, гор. Кук-тепа — кувшин с налепленным крестом — VII–IX вв. [Savchenko, Dickens, 2009]</p> <p>6. Согд, керамическая фляга с изображением креста — IX–X вв. [Мусакаева, 1994]</p> <p>7. Самарканд, блюдо с парными рыбами — X в. [Вишневская, 2009]</p>	<p>6. Пайкенд — крест из камня — VIII–IX вв. [Сапаров, Омельченко, 2017]</p> <p>7. Самаркандская обл. — подвеска с рисунком креста из кружков — без даты. [Savchenko, Dickens, 2009]</p> <p>8. Балалык-тепа — кулон Богоматерь с младенцем — без даты [Savchenko, Dickens, 2009]</p> <p>9. Дурмон-тепе — крест нашивной золотой — XI — нач. XII вв. [Шишкина, 1994]</p> <p>10. Дашти-Урдакон — крест нательный — VIII в. [Расопова, 2014]</p> <p>11. Афрасиаб — крест нательный — VI–VIII вв. [Тереножкин, 1950]</p> <p>12. Ургутский монастырь — крест бронзовый — XIII в. [Savchenko, Dickens, 2009]</p>	<p>VIII в. [Смирнова, 1981]</p> <p>4. Пайкенд — согдийско-китайские монеты с квадратным отверстием в центре и крестом на реверсе — кон. VII — нач. VIII в. [Naumark, 2011]</p>	<p>4. Ургут — надписи на скале рядом с монастырем на сирийском — IX–нач. XIII в. [Savchenko, 1996]</p>	<p>Верхняя дата — нач. XIII в. — время, когда был оставлен насельниками Ургутский монастырь.</p>

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
				13. Самарканд — подвеска крестовключенная — X–XI вв. [Грицина, 2018]			
Северный Тохаристан	1. Айваджский монастырь — V–VIII вв. [Атаханов, Хмельницкий, 1973] 2. Сооружение в Термезе X–XI вв. [Альбаум, 1994]			1. Дальверзин-тепа — ампула-евлогия — VI–VIII вв. [Берзина, 2011] 2. Могильник Биттепа — амулет и коробочка-пиксида — VII–VIII вв. [Ртвеладзе, 1986] Также интерпретируется как манихейский!	1. Северная Бактрия — брактеат Анастасия — нач. VI в. [Грицина, 2018] 2. Термез, Кара-Тепе, Фаяз-тепе, Чингиз-тепе. Анэпиграфические скифатные монеты с правителем и крестом на аверсе — кон. VI–VII вв. [Zeimal, 1994]		Находки христианского культа фиксируются с VI по VIII в. Часть находок и объектов интерпретируются и как христианские, и как манихейские или буддийские.
Уструшана			1. Калаи-Кахкаха III — фигурный водолей — X в. [Негматов, 1968] 8. Ходжент — глазурованная чаша с изображением неполного креста		1. Монеты с именами правителей Раханч и Сатачари и крестом на реверсе — VI–VII вв. [Смирнова, 1981]	1. Калаи-Кахкаха — фреска с изображением волчицы и двух детей — VI–VIII вв. [Негматов, 1968]	Ранний период — VI–VII вв. — монеты; VI–VIII вв. — фреска. IX–XI, XI вв. — единичные находки.

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
			и надписи «Иса и Марьям» — IX–XI вв. [Беляева, 1994] 3. Эски Хавас - керамический сосуд — XII в. [Грицина, 2018]				
Фергана			1. Андижан. Крышка сосуда с крестами штампом — X–XII вв. [Абдулгазиева, 1994]	1. Кува — крест нательный — X вв. [Раимкулов, Иванов, 2000]			Предметы христианского культа фиксируются только с X по XII вв.
Чач (позже Илак)		1. Некрополь Каршаул-тепа — VI–IX вв. [Работы К.А. Шейко]	1. Городище Канка — блюдо с крестом — кон. X–XI вв. [Грицина, 2018]	1. Канка — бусы с подвеской с изображением креста — IV–VI вв. [Богомолов, 1994] 2. Канка — заковка с крестообразным вырезом — кон. X–XI вв. [Грицина, 2018] 3. Канка — крест нашивной — без даты [Богомолов, 1994]	1. Монеты с крестом — VII–VIII вв. [Шагалов, Кузнецов, 2006] 2. Каршаул-тепа — на аверсе хищник, на реверсе — крест — VII–IX вв. [Работы К. А. Шейко] 3. Золотой медальон из Ахангарана —		Ранние находки, не стратифицированные — IV–VI вв. Монеты — VII–VIII вв. Предметы личного благочестия, блюда и проч., фиксируемые в основном на городище Канка — X–XI вв.

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
				4. Каршаул-тепа — крест нательный — VI–IX вв. [Поторочина, Шейко, 2015] 5. Ташкентская обл. — подвеска крестовключенная — кон. X–XI вв. [Грицина, 2018]	VII–VIII вв. [Массон, 1972]		
Юго-Западное Семиречье (Чуйская долина)	1. Ак-Бешим — об. IV. (церковь с кладбищем) — VIII в. [Кызласов, 1959] 2. Ак-Бешим — комплекс церковей X–XI вв. [Семенов, 2002]	1. Ак-Бешим (об. III) — VII–VIII вв. [Кызласов, 1955. Отчет ...] 2. Ак-Бешим (об. IV), кладбище — VIII в. [Кызласов, 1959] 3. Красная речка, некрополь — сер. VIII в. [Горячева, 2010] 4. Ак-Бешим (об. VIII) — реликвия — X–XI вв. [Семенов, 2002] 5. Припишпекское	1. Красная речка — венчик с туловом с прочерченным крестом — XII в. [Кольченко, 2018] 2. Ак-Бешим, об. III — на кувшине прочерчен крест — VII–VIII вв. [Кызласов, 1955. Отчет ...] 3. Посуда из с. Покровское — VII–VIII, либо VIII–IX вв. [Городецкий, 1926] 4. <i>Чуйская долина.</i> Актобе	1. Ак-Бешим, об. VIII — фрагменты книги — X–XI вв. [Семенов, 2002] 2. Ак-Бешим, об. VIII — матрица для плакетки — X–XI вв. [Семенов, 2002] 3. Красная речка — фрагмент плакетки — X–XII вв. [Горячева, 2010] 4. Ак-Бешим, об. VIII — плакетка — X–XI вв. [Аманбаева и др., 2015] 5. Ак-Бешим, об. VIII — керамические печати с крестом — X–XI вв. [Семенов, 2002] 6. Ак-Бешим, об. VIII — нефритовые кресты X–XI вв. [Семенов, 2002;	1. Ак-Бешим, имитация византийского солидуса — VIII–IX вв. [Ведутова, Куримото, 2014]	1. Красная речка — кирпич с сирийской надписью «Георгий кузнец» — XII вв. [Бернштам, 1941] 2. Красная речка — надписи на венчике на согдийском языке — X–XI вв. [Лившиц, 2002] 3. Ново-Покровка — надписи на венчике на согдийском языке — VIII–	Самая ранняя дата — Ак-Бешим, об. III. крест на кувшине — VII–VIII вв. Уверенно фиксируется присутствие христиан с VIII в. — церковь с кладбищем (об. IV), блюда с ветхозаветными сценами, эпиграфика, предметы благочестия (кресты). Также с X по XI вв. — комплекс церковей, плакетки, кресты, эпиграфика. XI в. отмечен эпиграфическими находками и изображениями крестов на кирпичах из

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
		<p>(Кара-Джигачское кладбище) — XIII–XIV вв. [Пантусов, 1884]</p> <p>6. Притокмакское (Бурагинское кладбище) — XIII–XIV вв. [Пантусов, 1884]</p>	<p>Степнинское — жженные кирпичи винодавильни с изображением крестов — X–XI вв. [Байпаков, Терновая, 2018]</p> <p>5. Ак-Тобе Таласское (<i>Верхний Талас</i>) — черепок с прочерченным крестом — VIII–IX вв. [Кожемяко, 1963]</p> <p>6. Садыр-Курган (Шельджи; <i>Верхний Талас</i>) — кувшин со сценой Распятия — VII–IX вв. [Arta from the Land of Timur, 2012]</p>	<p>Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022]</p> <p>7. Красная речка — нефритовый крест — VIII–IX вв. [Горячева, 1988]</p> <p>8. Ново-Покровское 5 — медальон из черного камня — VIII–XIV вв. [Klein, Rott, 2006]</p> <p>9. Ак-Бешим, об. IV — крест нательный из погр. № 8 — VIII в. [Кызласов, 1959]</p> <p>10. Кара-Джигач (урочище) — крест нательный — XIII–XIV вв. [Пантусов, 1884]</p> <p>11. Ак-Бешим, об. VIII — кресты процессионные — X–XI вв. [Klein, Reck, 2004]</p> <p>12. <i>Чуйская долина.</i> Актобе Степнинское — подвеска из нефрита — VIII–X вв. [Железняков, 2005]</p>		<p>XI вв. [Лившиц, 2002]</p> <p>4. Ак-Бешим, об. VIII — проба письма на обратной стороне плакетки (матрицы) — X–XI вв. [Михеева, 2022]</p> <p>5. Семиречье — камни-кайраки с крестами и эпитафиями — XIII–XIV вв.</p>	<p>винодавильни Актобе Степнинское.</p> <p>С XIII по XIV вв. — средневековые кладбища с надгробными камнями-кайраками.</p>

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
Иссык-Кульская котловина		1. Покровское кладбище (Зауке/Джуука) — XIII–XIV вв. [Пантусов, 1909]		1. Городище Курменты — коробочка-мошевик — VIII–XIV вв. [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 24, с. 55]. 2. Нательные кресты и фрагменты крестов плоские VIII–XIV вв. [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 4, с. 40; Музей КРСУ, 2013]. 3. Нательные кресты объемные – VIII–XIV вв. [Музей КРСУ, 2013] 4. Кресты-энколпионы – XII–XII вв. [Музей КРСУ, 2013]			Отсутствие стратиграфической привязки и широкая датировка находок – коробочки-мошевика и крестов – VIII–XIV вв. , не позволяют говорить о присутствии христиан на этой территории ранее XII в. Находки надмогильных камней XIII–XIV вв. подтверждают это предположение.
Юго-Западное Семиречье (Таласская долина)		1. Тараз — хум с изображением креста — IX–X вв. [Ремпель, 1957] 2. Некрополь Костобе — хум с крестом в виде буквы «X» —	1. Др. Тараз, часть бронзового светильника — дата не определена, предположительно VIII–IX вв. [Железняков, 2022]	1. Др. Тараз — рельефная плитка с крестом и фигурами молящихся (Таразская плакетка) — IV–VI или IX–X вв. [Сенигова, 1968] 2. Некрополь Костобе — крест нательный — VIII в. или VII–IX вв.		1. Др. Тараз. — надпись на сосуде «Петр и Гавриил» — слой V (VI–VIII вв.). 2. Надпись на стенке хума — «пресвитер Ель-	Самая ранняя дата — не ранее VIII в. Таразская плакетка не может быть учтена, т.к. не имеет стратиграфической привязки, интерпретируется и как христианская, и как

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
		<p>VIII в. [Байпаков, Терновкая, 2018]</p> <p>3. Древний Тараз — некрополь — VIII–IX вв. [Ремпель, 1957]</p> <p>4. Др. Тараз. Тик-Турмас — VIII в. [Сенигова, 1968]</p>	<p>2. Др. Тараз. Фрагмент ажурной решетки - дата не определена, предположительно VIII–IX вв. [Железняков, 2022]</p> <p>3. Др. Тараз — ручка от сосуда с крестом — IX–X вв. [Байпаков, Терновкая, 2018]</p> <p>4. Нижний Барсхан — штамп для крестов — дата не определена [Сенигова, 1968]</p>	[Байпаков, Терновкая, 2018]		таг» — VIII–XI вв. [Лившиц, 2008]	<p>манихейская и не имеет точной датировки. Надпись на сосуде также не может свидетельствовать о столь раннем проникновении христиан на территории. Древнего Тараза.</p> <p>С VIII по X вв. — период представлен находками керамики с крестами, нательными крестами и церковно-храмовыми предметами.</p>
Южный Казахстан			1. Куйрыктобе — кружка со штампованными крестами — VII–IX вв. [Байпаков, Терновкая, 2018]				Керамическая посуда со штампованными крестами не может интерпретироваться однозначно как христианская. Можно только предположить присутствие христиан на этой территории в VII–IX вв.

Местоположение памятника	Сооружения	Погребальный обряд	Церковно-храмовые предметы; керамика и метал. блюда с изображением крестов	Предметы личного благочестия	Нумизматика	Эпиграфика	Этапы
Северо-Восточное Семиречье		1. Городище Илибалык — XIII–XIV вв.	1. Городище Антоновка — сосуд с крестами — XI–XIII вв. 2. Городище Антоновка (г. Каялык) — фрагмент венчика с крестами — XI–XIII вв. [Железняков, 2005] 3. Илибалык. Фрагменты керамики с крестами — XII–XIV вв. 4. Талгар – бронзовые цилиндры для шатров — XII — нач. XIII в. [Байпаков, Терновая, 2018]	1. Илибалык — украшения из погребений с изображением четырехлепестковой розетки (перстень) — XIII–XIV вв. [Стюарт, 2020]		1. Алмалык — надгробные кирпичи с крестами и эпитафиями — XIII–XIV вв. 2. Илибалык — камни-кайраки с крестами и эпитафиями — XIII–XIV вв.	Ранняя дата присутствия христиан – XI в. С XIII по XIV вв. — Илибалык и средневековые кладбища с надгробными камнями-кайраками.

Заключение

В настоящей работе диссертантом были поставлены задачи полного учета и анализа всех археологических материалов, свидетельствующих о присутствии христианства в Средней Азии в IV–XIII в. В результате удалось охарактеризовать материальную культуру местных христианских общин и проследить историю их появления, распространения и упадка на обширной территории Средней Азии. Необходимо отметить ряд сложностей, связанных, в первую очередь, с абсолютной хронологией христианских древностей региона — начиная с крупнейших архитектурных сооружений и заканчивая отдельными находками. Кроме того, диссертантом намеренно не рассматриваются вопросы принадлежности находок или памятников к тому или иному течению восточносирийского христианства (мелькитство, несторианство, яковитство, монофизитство). Отметим лишь, что каждое из этих направлений было засвидетельствовано письменными источниками на территории Средней Азии, но именно несторианство получило наибольшее распространение, в т.ч. и в сопредельных регионах: в Восточном Туркестане, Индии и Китае.

Работа по составлению свода археологических памятников и отдельных находок, связанных с христианством в Средней Азии, позволила сформировать сводные таблицы справочного характера; в дальнейшем они должны быть дополнены и расширены. Таблицы собраны в отдельный том и сгруппированы по определенным темам: памятники погребального обряда (Таблицы 1–5), таблица керамических плакеток (Таблица 6), таблица крестов и подвесок из камня (Таблица 7), таблица металлических нательных, нагрудных и процессионных крестов (Таблица 8), таблица крестовключенных подвесок и медальонов рыбок (Таблица 9), таблица предметов христианского культа (Таблица 10) и отдельные таблицы по нумизматике (Таблицы 11–12). В таблицах не учтены предметы, опубликованные в недавних работах (конец 2022 — начало 2023 г). Помимо этого, диссертантом был сформирован отдельный том иллюстративного материала по истории христианства в Средней Азии.

Первые христианские общины появились в Северном Хорасане не ранее IV — нач. V в. Их появление в регионе было обусловлено широкой миссионерской деятельностью Церкви Востока, функционированием торговых караванных путей и политическими переменами в Сасанидском Иране. Постепенно происходило формирование церковной организации христиан, стали появляться епископии и митрополии. Согласно письменным источникам, в Мерве и Самарканде митрополии известны уже с V в., хотя археологических подтверждений столь раннего присутствия христиан на территории Согда нет. Можно предположить, что первые христианские общины действовали также в Северном Тохаристане — археологические источники этому как будто не противоречат.

С VII–VIII вв. христианство постепенно начинает распространяться на восток и северо-восток: в Согд, Уструшану, Чач. Активное взаимодействие с местными властями привело к укреплению положения христиан, что позволило даже чеканить монеты с крестом в некоторых городах Согда. С VIII в. христианство фиксируется в Хорезме, в Юго-Западном Семиречье, в Чуйской и Таласской долинах, с XIII в. — в Северо-Восточном Семиречье (в Илийской долине).

Анализ археологических источников показывает, что христианизация Средней Азии происходила волнообразно. К настоящему времени известно четыре археологических памятника, достоверно интерпретируемых как христианские культовые сооружения, возведенные в соответствии с канонами:

1. Церковь базиликального типа Хароба-Кошук (древний Мерв, V–VI вв.).
2. Христианский монастырь в Ургуте (Согд, IX–XIII вв.).
3. Церковь с кладбищем (объект IV) на городище Ак-Бешим (город Суяб, VIII в.).
4. Монастырский комплекс церквей на городище Ак-Бешим (город Суяб, X–XI вв.).

Часть памятников, относимых некоторыми учеными к христианским сооружениям, — «Овальный» дом (Туркмения; V–VI вв.), Коштепа (Узбекистан; кон. VII — нач. VIII вв.), Коштепа в Нахшабе (Узбекистан; вторая пол. VI в. — первая четв. VII в.), Айваджский монастырь (Таджикистан; V–VIII вв.) — на взгляд автора диссертации, следует атрибутировать с осторожностью. Планировка этих сооружений не соответствует строительным правилам и приемам, известным к V–VI вв. по церквям и монастырям Ирана и Ирака. Возможно, «Овальный» дом был гостиницей или постоялым двором, не имеющим архитектурных аналогий в Средней Азии. Что касается Айваджского монастыря, то прямых аналогий памятнику на территории Средней Азии также пока не обнаружено. Можно предположить, что это полуподземное сооружение было построено и использовалось какой-то религиозной общиной. Наличие крестообразного купола в помещении № 18 Айваджского монастыря позволяет интерпретировать этот памятник как христианский, но высказывалось также мнение о принадлежности его к буддийской общине Северного Тохаристана [Хмельницкий, 2000, с. 248–249].

Средневековое сооружение в Термезе (X–XI вв.) могло принадлежать христианской общине города. Здесь возможна функциональная аналогия с известным христианским домом общины в Дура-Европос (совр. Сирия), специально перестроенным из обычного дома в церковь [Кошеленко, Гаиров, 2006, с. 143–144]. Вполне допустимо, что это здание действительно принадлежало какой-то обеспеченной семье, исповедовавшей христианство [Хмельницкий, 2000, с. 248–249]. Архитектурная планировка Таш-Рабата показывает, что данное сооружение — это караван-сарай, функционировавший в Иссык-Кульской котловине и во Внутреннем Тянь-Шане в X–XII вв. [Klein, 2000, p. 384].

Находки предметов церковно-храмового обихода встречаются в Согде и в Таласской долине Юго-Западного Семиречья: бронзовое кадило из Ургута, ажурная решетка в виде стилизованного креста, части деталей от светильника, обнаруженные при раскопках предполагаемой церкви в Таразе (рис. 151, 1, 2).

Подробное изучение некрополей и отдельных захоронений позволило выявить и определить традиционные особенности погребального обряда христиан Средней Азии. Христианский погребальный обряд присутствует на территории Согда и Семиречья с VII–VIII до нач. XII в.; в большей степени эти захоронения прослежены на зороастрийских и мусульманских кладбищах, но есть и отдельные христианские кладбища при церквях или монастырях (Ак-Бешим, Ургут). С начала XIII в. на территории Чуйской и Илийской долин (Северо-Восточное Семиречье) фиксируются отдельные средневековые христианские кладбища.

На территории Средней Азии известны следующие некрополи, тем или иным образом связанные с христианством:

- Байрам-алинский некрополь (нач. III–VII вв.);
- могильник Дашти-Урдакон (VIII в.);
- городище Ак-Бешим. Объект III (VII–VIII вв.);
- городище Ак-Бешим. Объект IV. Кладбище при церкви (VIII в.);
- городище Красная речка (сер. VIII в.);
- древний Тараз (VIII–IX вв.);
- площадь Регистан (не ранее IX в.);
- древний Тараз. Некрополь Тик-Турмас (VIII в.);
- некрополь городища Каршаул-тепа (VI–IX вв.);
- городище Ак-Бешим. Объект VIII. Захоронение костей (X–XI вв.);
- некрополь Дурмон-тепе (XI — нач. XII в.);
- некрополь Беловодская крепость (до X в.);
- кладбище Припишпекское (Кара-Джигачское; XIII–XIV вв.);
- кладбище Притокмакское (Буранинское; XIII–XIV вв.);
- кладбище на городище Учарал-Илибалык (XIII–XIV вв.).

В своих погребальных практиках христиане следовали римским законам [Введение в историю ..., 2012, с. 583], не внося существенных изменений в погребальный обряд. Усопший лежал на спине головой на запад, руки, как правило, укладывались на груди, но иногда располагались вдоль тела. Захоронения совершались в простых грунтовых могилах или могилах, обложенных кирпичом, — конструкции могил имели самые разные варианты. С VIII в. на некрополе Древнего Тараза отмечается практика погребения в деревянных гробах. Под головой

умершего устанавливались каменные «подушки»; в погребении ребенка на городище Ак-Бешим (об. IV) в этом качестве использован фрагмент дастархана. С этого же времени фиксируются могилы с надгробным камнем в области головы, но без эпитафий (Ак-Бешим, об. IV).

В бедных погребениях Рима обходились обкладкой из камней вокруг головы, аналогичные случаи были отмечены на средневековом Кара-Джигачском кладбище (XIII–XIV вв.). Предметы с христианскими символами, особенно нательные кресты, в могилах встречаются редко. Исключение составляют детские погребения, в которых попадаются бусы и пронизки, серёжки, и довольно редко — нательные кресты. Высказывалось мнение, что возможной причиной отсутствия нательных крестов в средневековых погребениях был прямой запрет на погребение христианских святынь и реликвий вместе с усопшим [Мусин, 1997, с. 21].

Для материальной культуры среднеазиатских христиан характерна также орнаментация посуды в виде крестов. Здесь можно условно выделить следующие варианты:

1. Керамическая посуда, найденная при раскопках церковных сооружений: Хароба-Кошук, Ургутский монастырь, церковь с кладбищем (Ак-Бешим, об. IV), монастырский комплекс (Ак-бешим, об. VIII). Здесь присутствуют определенные формы сосудов (кубки), которые могли использоваться для обряда Евхаристии. Остальная же посуда в целом ничем не отличается и от посуды с других памятников этого же времени.

2. Штампованный рисунок креста на керамических сосудах — в самых разных стилистических вариантах и особенностях — был прослежен на территории Мервского оазиса, Согда, Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья — во всех областях, где достоверно зафиксированы христианские общины. Штампованный крест был распространён с VII–VIII вв. (кружка с городища Куйрыктобе; Южный Казахстан) и до конца XIV вв. (городище Илибалык). Необходимо отметить отсутствие четкой стратиграфической привязки описанных находок; датировка могла устанавливаться археологами по иным критериям, неизвестным автору диссертации.

3. Кресты на керамических сосудах, прочерченные после обжига, встречаются в единичных случаях, и, на взгляд диссертанта, такая практика была ситуативна: крест прочерчивался, когда необходимо было обозначить христианскую принадлежность посуды.

4. Кресты или иные символы христианства (голубь, рыба), прорисованные на блюдах или тарелках, были характерны для территории Согда в X–XI вв. Параллельно на блюда наносились арабские надписи и рисованный растительный орнамент, что свидетельствует о синкретичном характере мусульманской средневековой культуры в Средней Азии, взаимодействии и взаимовлиянии христианства с местными религиями, проявлявшемся даже в предметах бытового назначения [Кухаренко, Мальцев, 1988, с. 27]. Необходимо отметить, что крест не всегда был

христианским символом, а мог использоваться и в качестве оберега. Металлические блюда со сценами из Ветхого или Нового завета показывают, эти сюжеты пользовались популярностью.

Ряд находок, интерпретируемых некоторыми специалистами как предметы христианского культа, следует из этого перечня исключить. Речь идет, в частности, о бронзовом бокальчике, найденном на берегу р. Салар в Ташкенте [Анбоев, 1959, с. 39]. Также нет оснований считать крышку сосуда из Андижана чашей для ритуальных омовений [Savchenko, Dickens, 2009, p. 298, fig. 9], а каменный сосуд-ступку для измельчения сыпучих продуктов — дарохранительницей [Байпаков, Терновая, 2018, с. 26, рис. 12]. Аналогично обстоит дело с бронзовыми цилиндрами, которые служили муфтами для крепления палаточных столбов [Художественная культура ..., 2012, с. 34, 69, ил. III], а не христианскими подсвечниками.

Культуру христиан Средней Азии можно проследить также по находкам керамических плакеток с изображением рельефного креста и украшений в виде распахнутых крыльев или орнаментально-растительного характера. К настоящему времени на территории Средней Азии было обнаружено два фрагмента матриц для изготовления керамических плакеток с крестом и шесть плакеток с изображением рельефного креста. Символика и иконография изображений, при всем многообразии деталей на каждой из плакеток, выражали главную идею: триумф Креста, победу жизни над смертью. Возможно, что плакетки могли использоваться и в качестве оберегов.

Находки нательных крестов и крестовключенных подвесок демонстрируют широкое разнообразие форм. Помимо крестов и подвесок из камня, стекла или нефрита, на территории Средней Азии обнаружено достаточное количество металлических крестов. В большинстве своем это случайные находки, сделанные на территории какого-либо городища и хранящиеся в частных коллекциях. Металлические кресты и подвески представлены следующими вариантами:

1. Кресты нашивные;
2. Кресты нательные;
3. Кресты нагрудные;
4. Кресты процессионные;
5. Кресты, выпиленные из монет;
6. Кресты-энколпионы;
7. Крестовключенные подвески;
8. Медальоны в виде рыб.

Отдельно стоит выделить детали поясной гарнитуры с крестом.

Кресты нашивные представлены тремя экземплярами, обнаруженными в Чаче на городище Канка и в могильнике Дурмон-тепе недалеко от Самарканда. На концах ветвей этих крестов проделаны небольшие сквозные отверстия — вероятно, кресты нашивались на одежду.

Кресты нательные представлены 63 экземплярами. Они подразделяются на три группы: кресты объемные, плоские и выпиленные из монет. Предложенная в диссертации типология металлических нательных крестов достаточно условна и основана преимущественно на внешних стилистических характеристиках (плоские или объемные, длина вертикальных и горизонтальных ветвей, оформление ветвей, наличие или отсутствие украшений на ветвях, наличие опоры на конце вертикальной ветви).

Кресты объемные представлены пятью типами (I–V; рис. 144). Они равносторонни или имеют удлиненную нижнюю ветвь. Их ветви валикообразной или бочкообразной формы, на некоторых экземплярах в центре креста помещен косой (Андреевский) крест. Кресты плоские стилистически более разнообразны и представлены восьмью типами (I–VIII; рис. 143). Кресты этой группы равносторонние или с незначительно удлиненной вертикальной ветвью. Концы ветвей расширены от центра к краям, имеют подтреугольную форму, чаще с перлами на углах (по 2 или по 3 перла). В центре помещается круг или выпуклина, реже косой крест. Тип VIII представлен экземплярами крестов, довольно редких для территории Средней Азии (рис. 143).

Кресты объемные встречаются как равноконечные, так и с удлиненной нижней ветвью. Надежно датированный крест такой формы был обнаружен при раскопках церкви с кладбищем (об. IV) на городище Ак-Бешим. Крестик находился только в одном детском погребении № 8 [Кольченко, 2018, с. 94, рис. 46; Михеева, 2019b, с. 259, рис. 4, 2 фото, 5, 3 рисунок]. Датировка креста соответствует хронологии всего памятника — VIII в. [Кызласов, 1959, с. 233]. Крест, схожий по форме с ак-бешимским, был найден при раскопках некрополя Костобе, и также датируется VIII в. [Байпаков, Терновая, 2018, с. 12, рис. 1]. Можно заключить, что нижняя хронологическая дата объемных крестов в Юго-Западном Семиречье — не ранее VIII в.

Кресты плоские также встречаются как равносторонние, так и с удлиненной нижней ветвью. Такой крест был случайно обнаружен на городище Курменты в Иссык-кульской котловине [Музей КРСУ, 2013, с. 87]. Концы ветвей плоских крестов могут завершаться без перлов, в форме ласточкиного хвоста. Примеры таких крестов встречены в Чуйской долине, на городище Бурана и в Иссык-Кульской котловине, на городище Курменты. Ввиду того, что большая часть крестов — это случайные находки, их датировка довольно широка: с VIII по XIV вв. Два креста из этой группы датируются серединой VIII в. Один из крестов был найден в погребении молодой женщины на городище Красная речка [рис. 143, № 19; Горячева, 1988, с. 66, рис. 20, 2; Владимир, 2011, с. 119, рис. 84, Кольченко, 2018, с. 77, рис. 27]. Другой крест был обнаружен на этом же городище, при раскопках жилого дома в 1972 г. [Горячева, 1988, с. 67; Кольченко, 2018, с. 94]. Датируются эти кресты VIII–XI (XII) вв. [Кольченко, 2018, с. 94]. Крест с прямыми ветвями был найден в 1889 г. на урочище, рядом с Припишпекским кладбищем, в

Семиречье. Его датировка — XIII–XIV вв. (рис. 143, № 28). Крест интересен тем, что две его ветви припаяны друг к другу.

Размеры нательных крестов, как круглых, так и плоских — 2–5 см. Представляется, что крест, размер которого превышал 5 см, был уже не нательным, а наперсным/нагрудным, носившимся поверх одежды.

Помимо крестов нательных, на территории Средней Азии известны кресты процессионные, кресты, выпиленные из монет, и в двух экземплярах — крест-энколпион. Кроме крестов привычной нам формы, в Семиречье были обнаружены крестовключенные подвески в виде амулетов, в которых крест располагался внутри круга (рис. 148, 1–10). Аналогичные подвески встречаются и в Самаркандском Согде [рис. 150, 6; Грицина, 2018, с. 143, рис. 22]. Для территории Чуйской долины известны находки медальонов-рыбок — рыба здесь, вероятно, выступала как символ Иисуса Христа.

При некоторой стилистической и типологической схожести нательных крестов, как плоских, так и объемных, практически каждый крест уникален и представлен в единственном экземпляре. Все нательные кресты, найденные в пределах Согда и Чача, имеют практически прямые аналогии в Юго-Западном Семиречье, где отмечено широкое разнообразие форм. Карта находок с нательными крестами и подвесками, как из камня, так и металлических, показывает, что значительная часть крестов фиксируется в пределах Чуйской и Таласской долин (рис. 166). Датировка крестов широкая — с VIII по XIV вв. Формы крестов разнообразны, однако следует признать, что для Средней Азии является преобладающей форма равностороннего креста с расширяющимися от центра к краям ветвями и с перлами на оконечностях, а также форма с удлиненной вертикальной ветвью, с расширяющимися от центра к краям ветвями, также чаще с перлами на концах. Объемные кресты со сложнопрофилированными ветвями также встречаются в пределах Юго-Западного Семиречья. Лишь один аналогичный по форме крест был найден в Ташкентском оазисе, на городище Каршаул-тепа — не исключаем, что он мог попасть в Ташкентский оазис именно из Семиречья.

Также необходимо отметить, что традиция ношения нательных и нагрудных крестов, крестов из камня или нефрита, крестовключенных подвесок, медальонов-рыбок и крестов, выпиленных из монет, ярко прослеживается именно для памятников, расположенных в Чуйской и Таласской долинах. Вероятно, это связано с определенной культурной традицией, популярность которой возрастает, начиная с VIII в., и продолжается до XII в., в меньшей степени — с XII по XVI вв. Находки нательных крестов для территории Мервского оазиса, Согда, Чача, Ферганской долины все же единичны.

Можно обобщить, что археологические находки керамических плакеток, фрагментов керамики со изображением штампованных крестов, металлических крестов и подвесок

показывают тесное взаимодействие и взаимовлияние христианских общин Мервского оазиса, Согда и Юго-Западного Семиречья. Несколько обособленной выглядит территория Мервского оазиса, что, возможно, объясняется меньшим количеством находок. Тем не менее, стилистика изображений креста на керамических плакетках, найденных в древнем Мерве и плакеток с Ак-Бешима (об. VIII), свидетельствует об их общей иконографии.

Находки монет с крестом — одно из проявлений религиозного и культурного синкретизма [Колесников, 1998, с. 196]. В настоящее время они отмечены в основном на памятниках Западного и Восточного Согда, в Северном Тохаристане, Уструшане и Чаче. В меньшем количестве монеты с крестом обнаружены на территории Северного Хорасана и в Хорезме. Единичные случаи находок монет-подражаний византийским эмиссиям известны в Семиречье. Сасанидские (мервские), согдийские, чачские и хорезмийские монеты с изображением равностороннего креста на лицевой или оборотной сторонах, известны, начиная с V в., на территории Северного Хорасана, на остальных территориях — в VII–VIII вв. Интересно, что для VII в. монеты с христианскими символами также отмечены в провинциях сасанидского Ирана [Колесников, 1998, с. 200–203]. Христианство в Северном Хорасане, Согде и Уструшане было социально интегрировано, а монеты с крестами широко использовались. После VIII в. монеты с изображением равностороннего креста в этих государствах перестают фиксироваться, встречаются лишь подражания византийским солидам.

Изучение всего корпуса археологических источников по проблеме позволило диссертанту обрисовать общую картину истории христианских общин на территории Средней Азии. Восточносирийское христианство, впервые появившееся в пределах Северного Хорасана не ранее IV — нач. V в., в дальнейшем активно развивалось, распространившись на обширной площади среднеазиатского региона. Следы материальной культуры христиан сохранились в церквях и монастырях, в памятниках погребального обряда, в предметах церковно-храмового круга и личного благочестия, в нумизматике и эпиграфике. Сбор и исследование вышепредставленных археологических источников дает возможность говорить о культурном феномене христианства раннесредневековой и средневековой Средней Азии и, на наш взгляд, допускает использование термина «среднеазиатское христианство», подразумевающего синтез культур восточносирийского христианства и местных среднеазиатских традиций.

Дальнейшее исследование среднеазиатского христианства позволит частично решить сложные вопросы абсолютной датировки отдельных памятников и предметов культа, определить более четкие критерии их принадлежности к тому или иному течению христианства, расширит и дополнит корпус христианских артефактов. Не менее важной задачей будущих исследований является изучение материальной культуры восточносирийского христианства на сопредельных территориях и сравнение его с христианством Средней Азии.

Термины

Авеста — священная книга зороастризма на авестийском языке.

Астодан — место хранения очищенных костей у зороастрийцев. От среднеперсидского — «костехранилище» (astodān).

Алтарь — «специальное место, нередко возвышение, для жертвоприношений, жертвенник; в христианском храме его восточная часть, где находится престол.» [Из истории древних ..., 1994, с. 117].

Ангоб — белая или цветная глина в жидком состоянии, наносимая на поверхность керамического изделия до обжига.

Бадраб — в Средней Азии — выгребная яма.

Видевдат — одна из книг «Авесты». Читается во время ночных богослужений.

Ганч — в Средней Азии термин, означающий вяжущий материал из глины и гипса, применяемый для штукатурки сооружений, изготовления объемного декора и скульптуры.

Глино-саманный — кирпич, состоящий из необожженной глиняной массы, смешанной с растительными включениями (солома), навозом, песком. Готовый кирпич обсушивают на солнце и затем используют для строительства домов.

Забутовка — в археологии — заполнение забутовочным материалом (камень, битый или колотый кирпич) пространства между стенами.

Дастархан (достархан) — в Средней Азии — низкие столики (керамика, дерево), украшенные различными узорами на поверхности.

Дахма — термин «dafma» восходит к индоевропейской основе «погребать», «хоронить». Первоначальное значение слова — «могила», затем место для выставления трупа, с целью очищения костей от плоти. Дахмы зороастрийцев — это круглые башнеобразные сооружения, так называемые «башни молчания» [Мейтарчян, 2001, с. 208].

Калыб — (туркм. «галып») форма, модель, штамп для изготовления предметов.

Кайрак — «камень из твердой горной породы, отшлифованный водой. На одной из сторон камня, иногда с двух сторон, выбивался крест и надпись на сирийском языке. Впервые такие камни были обнаружены в Семиречье и Восточном Туркестане в конце XIX в. — начала XX в. Помимо сирийских надписей, на камнях встречаются надписи с исламскими и буддийскими надписями и символикой. Кайрак устанавливался в изголовье умершего в качестве надгробного камня с эпитафией.» [Михеева, 2021, с. 324]. Встречаются кайраки без эпитафий.

Ковш для «теплоты» — богослужебный атрибут, предназначенный для совершения ритуальных действий — в Евхаристии и Таинстве Причастия.

Литургия — главное богослужение в христианстве, во время которого совершается таинство Причащения.

Манихейство — гностическое религиозное учение, созданное персом Мани (Манеса) в III в. в пределах Персии. В конце IV в. наряду с христианством было основным учением поздней античности. Проникнуто дуалистической идеей борьбы сил света и тьмы, добра и зла.

Михраб — молитвенная ниша в стене мечети, как правило, арочной формы, указывающая направление на Мекку (киблу).

Наус — древний или средневековый склеп из глины, камня или кирпича для хранения оссуариев у зороастрийцев Средней и Передней Азии [Мейтарчиян, 2001, с. 208].

Неф — продольная часть христианского храма, разделенная колоннадой, аркой или отдельными помещениями на главный и боковые. Главный неф, как правило, шире и выше боковых помещений.

Оссуарий — ящик, урна из обожженной глины, алебастра для помещения очищенных и просушенных костей в Средней Азии. В русской традиции синоним — костница.

Остракон — фрагмент керамического черепка, на поверхности которого наносились надписи различного характера (например, деловая переписка).

Пахса — битая, прессованная глина, используемая для строительства монументальных построек в Средней Азии в V–VIII вв. Укладывается слоями и нарезается вертикальными или горизонтальными боками.

Плакетка (плитка) — керамическая форма небольшого размера с рельефным изображением композиции, сделанной на поверхности формы до обжига.

Рабад — «одна из составных частей средневекового города на Востоке, ремесленно-торговый пригород» [Из истории древних ..., 1994, с. 117].

Рабат — «укрепленный пункт, станция на торговой (караванной) трассе.» [Из истории древних ..., 1994, с. 117].

Сай — горная речка, в данном случае древнее пересохшее русло горного протока.

Суфа — выступ или глинобитное возвышение, сооруженное вдоль стен внутри помещения.

Тандыр — керамическая печь куполообразной формы (в Средней Азии) для выпечки хлеба, самсы и проч.

Терракота — изделия из обожженной глины, в частности керамические плакетки, небольшие фигурки, изображающие людей, животных, богов.

Хум — керамический сосуд большого размера, служащий для хранения зерна, воды. Термин используется в Средней Азии.

Шахристан — «основная часть средневекового города на Среднем Востоке, обнесенная крепостной стеной, часто включавшая цитадель.» [Из истории древних ..., 1994, с. 117].

Чираг (чирок) — керамический или металлический масляный светильник.

Эгрет — «часть женского головного убора, верх которого украшался пером или пучком перьев» [Из истории древних ..., 1994, с. 117].

Список сокращений

- ГМНВ — Государственный музей народов Восток
ГМВ — Государственный Музей Востока
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества, СПб.
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
ИАН — Императорская Академия Наук
ИА РАН - Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КР — Кыргызская республика
ККАЭЭ — Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КРСУ — Кыргызско-Российский Славянский университет
НАН КР — Национальная академия наук Кыргызской республики
НАО ИИМК — Научно-отраслевой архив Института истории материальной культуры
ИА АН РУз — Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан
НОА ГМИНВ — Научно-отраслевой архив Государственного Музея Искусств народов Востока
ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский Государственный Университет в Ташкенте
ЭО — этнографическое обозрение
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЮККАЭ — Южно-Казахстанская Комплексная археологическая экспедиция

Архивные источники

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН

1. Ф-1. Р-1. Научные отчеты о полевых исследованиях
2. Козенкова В.И., 1954. Отчет о раскопках объекта № 4 (несторианская церковь и кладбище) на городище Ак-Бешим в 1954 г. Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38. Л. 1–32 (карандашом Л. 99–123).
3. Кошеленко Г.А., 1965. Раскопки некрополя древнего Мерва в 1963 г. Ф-1. Р-1. № 2884. — 13 л.
4. Кошеленко Г.А., 1965. Раскопки некрополя древнего Мерва в 1963 г. Ф-1. Р-1. М. № 2884а — Альбом иллюстраций к отчету. — 27 л., 27 ил.
5. Кошеленко Г.А., 1982. Отчет о работах Маргианского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции и карта археологических памятников Мервского оазиса (Туркменская ССР) в 1981 г. (копия). М. № 8943.
6. Кошеленко Г.А., 1982. Отчет о работах Маргианского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции и карта археологических памятников Мервского оазиса (Туркменская ССР) в 1981 г. (копия). М. № 8943а — Альбом к отчету.
7. Кызласов Л.Р., 1955. Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. (работы Чуйского отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции академии наук СССР). Ф-1. Р-1. № 1018. — 78 л.
8. Кызласов Л.Р., 1955. Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. (работы Чуйского отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции академии наук СССР). Ф-1. Р-1. № 1018 а — Альбом иллюстраций к отчету. — 30 л. 159 ил.
9. Кызласов Л.Р. 1955а. Личный архив Л.Р. Кызласова. Дневник 19. Объект III. Л. 1–33.
10. Кызласов Л.Р. 1955б. Личный архив Л.Р. Кызласова. Дневник 16. Объект IV. Л. 1–167.

Архив ГМВ

11. Мкртычев Т.К. Отчет о работах Среднеазиатской археологической экспедиции ГМИНВ за 1989 г. Дурмон-тепе. Раскоп 1. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32. Москва. Б/н.
12. Рукопись «Средняя Азия на перекрестках традиций. Каталог выставки», 1994–1995. Коллектив авторов. Ред. кол.: Лесков А.М. (отв. ред.), Шишкина Г.В., Мкртычев Т.К. и Алпаткина Т.Г. (секретарь). ГМВ. Москва. С. 1–167. *Не опубликована.*

13. Шишкина Г.В., Наймарк А.И., Мкртычев Т.К., Яковлев А.А. Отчет о работах Среднеазиатской археологической экспедиции в 1986 году на городище Дурмон-тепе. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30. Москва. С. 1–32. (в отчете представлен только текст).

14. Шишкина Г.В., Наймарк А.И., Мкртычев Т.К., Яковлев А.А., 1987. Отчет о работах Среднеазиатского отряда объединенной археологической экспедиции 1986 г. Ед. хр. САЭ 31. Москва. Б/н. (представлены дубли отдельных фотографий).

15. Шишкина Г.В., Наймарк А.И., Мкртычев Т.К., Яковлев А.А., 1989. Отчет о работах Среднеазиатского отряда объединенной археологической экспедиции 1988 г. Институт археологии АН УзССР научный архив (копия). Ф. 4. Оп. 1. Д. 187. Копия хранится в НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35. Москва. С. 1–11, 31–32. (в отчете представлены копии отдельно сшитых страниц текста, по Раскопам 1, 12, 2 и другим).

16. Шишкина Г.В., Наймарк А.И., Мкртычев Т.К., Яковлев А.А., 1989. Отчет о работах Среднеазиатского отряда объединенной археологической экспедиции 1988 г. Дурмон-тепе. Раскоп 12. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35. Москва. С. 18–29 (частично представлен альбом иллюстраций).

Рукописный Научно-отраслевой Архив ИИМК РАН

17. Беленицкий А.М., 1973. Отчет Беленицкого А.М. об исследовании городской застройки на шахристане в 1973 г. Ф. 35. Оп. I. 1973 г. Д. 69.

18. Беленицкий А.М., Распопова В.И., 1976. Отчет А.М. Беленицкого и В.И. Распоповой о работах в 1976 г. Ф.35. Оп. I. 1976 г. Д. 90. С. 26–27.

19. Беленицкий А.М., 1977. Пенджикентская экспедиция. Отчет А.М. Беленицкого, В.И. Маршака и В.И. Распоповой и А.И. Исакова о раскопках древнего Пенджикента в 1977 г. Ф. 35. Оп. I. 1977 г. Д. 68.

20. Беленицкий А.М., 1978. Пенджикентская экспедиция. Отчет А.М. Беленицкого, Б.И. Маршака и В.И. Распоповой о раскопках городища древнего Пенджикента в 1978 г. Ф. 35. Оп. I. 1978 г. Д. 82.

21. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., 1979. Раскопки Древнего Пенджикента. Отчет о раскопках в 1979 г. Ф. 35. Оп. I. 1979 г. Д. 66.

22. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., 1980. Отчет о раскопках на городище древнего Пенджикента в 1980 г. Ф. 35. Оп. I. 1980 г. Д. 87.

23. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., 1981. Пенджикентская экспедиция. Полевой отчет о раскопках древнего Пенджикента в 1981 г. Ф. 35. Оп. I. 1981 г. Д. 96.

24. Пантусов Н.Н., 1884. Приложение к делу № 40а «Обследование Н.Н. Пантусовым несторианских кладбищ в Семиреченской области». Фотографии надписей на надгробных камнях Пишпекского кладбища. // НА ИИМК РАН. РО. ИАК. Ф. 1, 1884 г. № 57. — 45 л.

25. Пантусов Н.Н., 1884. Папка с вырезками из газет об открытии кладбища. Описание при-Пишпекского христианско-несторианского кладбища (отчет Н.Н. Пантусова от 18 января 1887 г.). Письма и прошения Н.Н. Пантусова с ИАК по поводу раскопок и камней. «Дневник раскопок, произведенных Н. Пантусовым в августе месяце 1886 года на при-Пишпекском несторианском кладбище» (Л. 2–30), с рисунками; «План работ по раскопке в 1886 году древнего несторианского кладбища близ города Токмака на урочище Бурана» (Л. 98–101), с рисунками; «Дневник раскопок несторианского кладбища близ города Токмака на урочище Бурана в Токмакском уезде, Семиреченской области», с 25 по 28 августа (Л. 102–120), с рисунками // НА ИИМК РАН. РО. ИАК. Ф. 1, 1884 г. № 40б. — Всего в папке 172 л.

26. Пантусов Н.Н., 1887. Описание при-Пишпекского христианско-несторианского кладбища. СПб. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1884. № 40б. С. 1–7.

27. Пантусов Н.Н., 1892. Дело ИАК о продолжении археологических изысканиях на христианско-несторианских кладбищах близ Пишпека и Токмака // НА ИИМК РАН. РО. ИАК. Ф. 1, 1892 № 70. — 66 л.

28. Пантусов Н.Н., 1892. Приложение к делу № 70 «О раскопках Н.Н. Пантусова на Пишпекском и Токмакском несторианских кладбищах». Снимки, фотографии краской, с надписей на надгробных камнях. №№ 1–100 // НА ИИМК РАН. РО. ИАК. Ф. 1, 1892, № 218.

29. Пантусов Н.Н., 1902. Дело ИАК о присылке г. Пантусовым 2-х камней с надписями, найденных в развалинах Алмалыка // НА ИИМК РАН. РО. ИАК. Ф. 1, 1902. № 178. — 29 л.

30. Пантусов Н.Н., 1901. Дело ИАК об издании Известий Императорской Археологической Комиссии. Исследование Н.Н. Пантусова Таш-Рабата. Отчет, рисунки и фотографии // НА ИИМК РАН. РО. ИАК. Ф. 1, 1901. Арх. № 49. — 380 л.

Архив Института истории и культурного наследия НАН КР

31. Аманбаева Б.Э. Проект: «Каталогизация памятников восточного христианства (Кыргызстан)». Христианские памятники на территории Кыргызстана. Бишкек. МИЦАИ. С. 1–57 (пагинация А.А. Михеевой).

32. Горячева В.Д., 1986. Отчет о командировке в районы республиканского подчинения по теме «Свод памятников истории и культуры Киргизской ССР» Т. II.

33. Аманбаева Б.Э., Ямаучи К., 2021. Отчет о проведении археологических раскопок на территории средневекового городища Ак-Бешим в 2021 г. Объект VIII, раскоп 1. Бишкек. С. 1–121 (*пагинация А.А. Михеевой*). Не опубликован.

Научный архив ИА АН РУз

34. Научный отчет об археологической разведке в кишлаке Суфиен, южная окраина города Ургута Самаркандской области (сентябрь–октябрь 1997 г.). Научный архив ИА АН РУз, Фонд — не указан, дело — не указано, б/н.

35. Научный отчет Ургутского отряда Института археологии АН РУз. Научный архив ИА РУз, 2000 г. Фонд — не указан, дело — не указано, б/н.

36. Отчет Узбекистано-итальянской экспедиции по своду археологических памятников Ургутского района 2005–2009. Самарканд, 2009. Научный архив ИА АН РУз. Фонд 4, дело 303, б/н.

Электронные ресурсы

37. Беляев Л.А., М.А.М. Крест / Православная энциклопедия. Т. 38. 2019. С. 540–558.

Электронная версия: <https://www.pravenc.ru/text/2459015.html>

38. Вишневецкая Н.Ю. Археологический артефакт как отражение историко-культурных процессов // Тезисы III-й Международной научной конференции «Проблемы изучения восточных коллекций. Азия и Африка в музейном пространстве: вызовы и стратегии», апрель, 2022 г. ГМВ. Статья доступна по:

https://www.orientmuseum.ru/visit/materiali_dlya_skachivaniya/index.php

39. Григорьев Ф.П., Железняков Б.А. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины // <http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm> Дата обращения: 20.09.2021

40. Иневаткина О.Н. Коллекция предметов САЭГМИНВ из Самаркандского Согда: исторический контекст // Тезисы III-й Международной научной конференции «Проблемы изучения восточных коллекций. Азия и Африка в музейном пространстве: вызовы и стратегии», апрель, 2022 г. ГМВ. Статья доступна по:

https://www.orientmuseum.ru/visit/materiali_dlya_skachivaniya/index.php

41. Узбекистан. Ургутский монастырь. Раскопки А.В. Савченко.

http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2.html

42. Узбекистан. Городище Каршаул-тепа. Раскопки К.А. Шейко.

http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_7.html

43. Южный Казахстан. Городище Илибалык (Учарал/Ушарал/Иланбалык).

http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html

44. Памятники Восточного христианства на территории Казахстана

<http://christianity-kz.ucoz.site/index/uchastniki/0-4> Дата доступа: 08.01.2023

45. Сайт с монетами: <http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html>

46. Сайт с монетами: www.zeno.ru

47. Коран. Священный Коран: <https://quran-online.ru/>

48. Ashurov B. Tarsākyā: an analysis of Sogdian Christianity based on Archaeological, Numismatic,

Epigraphic and Textual Sources. PhD Thesis. SOAS, University of London, 2013. P. 1–229.

Эл. ресурс: <http://eprints.soas.ac.uk/18057> Дата доступа 10.05.22

49. Liu Wensuo. Несторианский монастырь Булайик, Турфан.

Эл. ресурс: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/65.1121.c.20211230.1310.002.html>

50. Parry. K. Images in the church of the East: the evidence from Central Asia and China Source // University of Manchester Contributed. P. 143–162.

<https://www.jstor.org/stable/10.2307/community.28212564>

51. Naymark A., 2001. Sogdiana, its Christians and Byzantium: a study of artistic and cultural connections in late antiquity and early middle ages. 2001. // <https://www.academia.edu>

52. Spyrou M.A., Musralina L., Gnechi Ruscone G.A., Kocher A., Borbone P.G., Khartanovich V.I., Buzhilova A., Djansugurova L., Bos K.I., Kuhnert D., Haak W., Slavin Ph., Krause J., 2022. The

source of the Black Death in fourteens-century central Eurasia // Электронный ресурс: www.nature.com Дата обращения: 22.10.2022

Источники и литература

Диссертации

53. Дресвянская Г.Я., 1968b. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания: дис. ... канд. ист. наук. — Ташкент. В 2-х томах. — 178 с. (Т. 1).
54. Железняков Б.А., 2022а. Религии средневекового Казахстана по археологическим источникам. Диссертация на соискание ученой степени Доктора философии (PhD). Алматы. — 156 с.
55. Малышев А.Б., 2000. Христианство в истории Золотой Орды. Диссертация на соискание ученой степени к. ист. наук. Саратов. С. 3–264.
56. Семенов Г.Л., 2002а. Согдийский город V–XI вв., формирование плана: По материалам Пайкенда в Бухарском оазисе и Ак-Бешима в Семиречье. Диссертация на соискание ученой степени д. ист. наук. Санкт-Петербург.
57. Dickens M., 2004. Medieval Syriac Historians' Perceptions of the Turks. MPhil Dissertation in Aramaic and Syriac Studies. University of Cambridge. P. 1–91.
58. Naymark A.I. Sogdiana, its Christians and Byzantium: a study of artistic and cultural connections in late antiquity and early middle ages. 2001. // <https://www.academia.edu>
59. Ashurov B., 2013. Tarsakya: an analysis of Sogdian Christianity based on Archaeological, Numismatic, Epigraphic and Textual Sources. Thesis submitted for the degree of PhD in the Study of Religions. Department of the Study of Religions SOAS, University of London.
60. Klein W., 1998. Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kirgistan. Bonn. — 3–516 p.

Источники

61. Бируни Абу Райхан. Избранные произведения. Т. I. / Памятники минувших поколений, 1957. Ташкент: Фан Уз.ССР. — 516 с.
62. ИАК. ПСЗРИ., 1891. Собрание 3-е. СПб. С. 5841.
63. «История» ат-Табари. Избранные отрывки / Перевод с арабского В. И. Беляева. Дополнения к переводу О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент: Фан, 1987. — 440 с.
64. Игнасио Ортис де Урбина. Сирийская патрология., 2013. Пер. М.В. Грацианского. М.: Изд-во ПСТГУ. — 283 с.

65. Марко Поло «Книга о разнообразии мира», 1995 / Пер. И.М. Минаева. М. С. 3–140.
66. Пигулевская Н.В., 1940. Месопотамия на рубеже V–VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник // Труды Института Востоковедения. Т. XXXI. М.–Л. — 175 с.
67. Пигулевская Н.В., 1958. История Мар Ябалахи III Раббан Саумы. Исследование, перевод с сирийского и примечания Н.В. Пигулевской. М. — 162 с.
68. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей., 1952. Том I. Книга первая. Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. Редакция и примечания А.А. Семенова. Отв. ред. С.П. Толстов. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР. — 215 с.
69. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука., 1957. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Гос. Изд-во геогр. литературы. — 272 с. + карта.
70. Древний Мерв в свидетельствах письменных источников — Сб. документов, 1994. Сост. Г.А. Кошеленко, А. Губаев, А.Н. Бадер, В.А. Гаиров. Ашгабат: Юрт. — 160 с.
71. Шабо Ж-Б., 1902. Восточный Синодикон или собрание несторианских синодов. Париж. (на француз.)
72. Amanbaeva B., Yamauchi K., 2021. Ak-Beshim (Suyab) 2019. Japan-Kyrgyz Joint Archaeological Expedition Reports // Research Institute of Cultural Properties, Teikyo University. The Institute of History and Cultural Heritage, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Vol. 3. Printed by: Teikyo Service, C O., Ltd. — 194 p.
73. De Goeje M.J. (ed.), 1873. Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae Abu'l-Kasim Ibn Haukal / Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Lugduni Batavorum. Apud E.J. Brill. (на араб.)
74. Guidi I., 1903. Chronica minora pars prior interpretatus est Ignatius Guidi / Scriptorum Syri versio series Tertia — Tomus IV / Corpus Scriptorum christianorum orientalium. Lipsiae: Otto Harrassowitz. P. 1–32.
75. Final technical report 2008., 2008 // Unesco Japan funds-in-trust project Preservation of Silk road sites in the upper Chuy Valley Navekat (Krasnaya Rechka), Suyab (Ak-Beshim) and Balasagyn (Burana). Aachen University (Germany).
76. Patrologia orientalis., 1910. II - история несториан (Хроника Спирта). Первая часть. (II), publiée par Addaï Scher; traduite par Pierre Dib. T. V. «Paris Firmin-Didot». — 807 p.
77. Wood Philip., 2013. The Chronicle of Seert. Christian Historical Imagination in Late Antique Iraq. Oxford University press. UK.

Литература

1. Абрамов М.О., 1901. О несторианском надгробном камне // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 6-й. Ташкент.
2. Абдуллаев К., 2005. Сердоликовая гемма с изображением Иисуса Христа из Самаркандского музея // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого. Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г. СПб.: ИИМК РАН, Государственный Эрмитаж, Восточный факультет СПбГУ. С. 329–330.
3. Абдуллоев Д., 2019. Погребальный обряд оседло-земледельческого населения Мавераннахра (VII — начало VIII в.) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конф., 18–22 ноября 2019 г. Санкт-Петербург. Т. I. К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В.М. Массона. — СПб.: ИИМК РАН. «Невская Типография». С. 175–178.
4. Абдулгазиева Б.А., 1994. Крышка сосуда из Андижана // Из истории древних культов в Средней Азии. Христианство. Составитель: Л.И. Жукова. Ташкент. С. 82–83.
5. Акоюн А.Е., 2010. Классический сирийский язык. Ред. Деревянко Т. Изд-во: АСТ-Пресс. — 432 с.
6. Альбаум Л.И., 1994. Христианский храм в старом Термезе // Из истории древних культов в Средней Азии. Христианство. Составитель: Л.И. Жукова. Ташкент. С. 34–41.
7. Аманбаева Б.Э., Кольченко В.А., Сулайманова А.Т., 2015. Археологические памятники на Кыргызстанском участке ВШП / Б.Э. Аманбаева, В.А. Кольченко, А.Т. Сулайманова. Бишкек: Гулчынар. — 116 с.: ил.
8. Аманбаева Б.Э., Михеева А.А., Ямаучи К., 2022. Нательные кресты из монастырского комплекса церквей на городище Ак-Бешим // Археологические вести. Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 37 / [Гл. ред. Н.В. Хвоцинская]. СПб. С. 201–213.
9. Аманбаева Б.Э., Ямаучи К., Михеева А.А., Воякин Д.А., Жумабаев А.Т., 2023. Археологические работы на территории средневекового городища Ак-бешим: объект VIII или монастырский комплекс церквей X–XI вв. Разведочный шурф в восточной части городища Ак-Бешим в 2021 г. // Археологические открытия. М.: ИА РАН (*в печати*).
10. Анбоев И.А., 1959. Древний несторианский (?) клад в Ташкенте // Известия АН УзССР, сер. «Общественные науки». № 6. Ташкент. С. 39–40.
11. Археологические открытия в Семиреченской области, 1887 // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 1. Вып. 1. 1886. СПб.

12. Археологическая карта Узбекистана. Самаркандская область, Ургутский район., 2010. Т. 2. АН РУз., Ташкент: Изд-во «Фан». С. 243, 245.
13. Археология Семиречья. 1857–1912 гг.: Сб. документов и материалов, 2011 // Сост. И.М. Самигулин. Алматы: «Издательство LEM». — 664 с. + 28 с вкл.
14. Археология Центральной Азии: архивные материалы. Том IV / Л.В. Павчинская Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник. — Самарканд: МИЦАИ, 2019. — 400 с.
15. Архивные материалы по археологии Кыргызстана, 2012. Сост. и науч. ред. сборника: В.А. Кольченко и Б.Э. Аманбаева. Бишкек: Илим. — 136 с.
16. Атаханов Т.М., Хмельницкий С.Г., 1973. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968–1970 гг. // Археологические работы в Таджикистане. Под ред. Б.А. Литвинского. М.: Наука. Вып. X (1970 г.). С. 187–204.
17. Бадер А. Н., Гаибов В. А., Кошеленко Г. А., 1996. Мервская митрополия // Традиции и наследие христианского Востока. Материалы международной конференции. М.: «Индрик». С. 85–94.
18. Байпаков К.М., 2012. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы. Кн. I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы — раннем средневековье. — 390 с.
19. Байпаков К.М., 2013. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы. Кн. II: Урбанизация Казахстана в IX — начале XIII в. Алматы. — 516 с.
20. Байпаков К.М., Касенов С.М., 2014. Раскопки цитадели и некрополей на городище Костобе в Таласской долине // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Алматы. С. 52–74.
21. Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2018. Христианство в Южном Казахстане и Семиречье (VI–XIV вв.). В сб.: Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Иудаизм и христианство. Самарканд: МИЦАИ. С. 8–47.
22. Бартольд В.В., 1894. О христианстве в Туркестане в до-монгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Барон В.Р. Розен (ред.). Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. VIII, 1893–1894. СПб. С. 1–32.
23. Бартольд В.В., 1895. Открытие Туркестанского кружка любителей археологии 11 декабря 1895 г. Ташкент.
24. Бартольд В.В., 1897. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893–1894. Записки Академии Наук по историко-филологическому отделению. VIII сер., Т.1, № 4. СПб. С. 39–40.

25. Бартольд В.В., 1925. История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. Изд. Второе. Ленинград.
26. Бартольд В.В., 1964. Мусульманские известия о Чингизидах-христианах / Сочинения. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука. С. 263–264.
27. Бартольд В.В., 1964. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) / Сочинения. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука. С. 265–301.
28. Бартольд В.В., 1964. Еще о христианстве в Средней Азии / Сочинения. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Т.2. Ч. 2. М.: Наука. С. 315–319.
29. Бартольд В.В., 1966. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. / Сочинения. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. Т. IV. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. С. 21–94.
30. Бартольд В.В., 1966. Отчет о командировке в Туркестан / Сочинения. Т. IV. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. С. 243–261.
31. Бартольд В.В., 1966. По поводу христианского селения Вазкерд / Сочинения. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. Т. IV. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. С. 110.
32. Басханов М.К., 2022. Восточно-сирийское христианство в стране «Семи рек»: аспекты материальной культуры и художественной традиции // Вестник МИЦАИ. Вып. 34. Самарканд. С. 52–73.
33. Беленицкий А.М., 1954. Вопросы идеологии и культа Согда (по материалам Пянджикентских храмов) // Живопись Древнего Пенджикента. М.: Наука. С. 25–82.
34. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., Исаков А.И., 1982. Раскопки Древнего Пенджикента в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 16. Душанбе. С. 197–221.
35. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., 1988. Раскопки Древнего Пенджикента в 1981 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе. Вып. 21 (1981). С. 149–185.
36. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Ленинград: Лен. Отд. «Наука». — 377 с.
37. Беляев Л.А., 2000. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. — СПб.: Алетейя. — 575 с.
38. Беляев Л.А., 2005. Каменные «подушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // Российская археология № 4. М.: Наука. С. 171–175.

39. Беляев Л.А., Мерперт Н.Я., 2007. От библейских древостей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. — М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы. — 392 с.
40. Беляева Т.В., 1994. Христианский памятник из Ходжента // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство. Составитель: Л.И. Жукова. Ташкент. С. 79–81.
41. Бердимуратов А.Э., Ронделли Б., 2008. Материалы к археологической карте левобережья Зарафшана // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент. С. 138–155.
42. Берзина С.Я., 2008. Пилигримы из Средней Азии на Ближнем Востоке в V–VI веках. По археологическим материалам // Византия в контексте мировой культуры / К 100-летию А.В. Банк. Материалы конференции. СПб.: Труды ГЭ, XLII. С. 351–360.
43. Берзина С.Я., 2010. Древние геммы Востока. М.: Изд-во Памятники исторической мысли. — 208 с.
44. Бернштам А.Н., 1941. Археологический очерк Северной Киргизии / Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана. Вып. IV. Фрунзе: Комитет наук при СНК Киргизской ССР. — 112 с. + 31 табл.
45. Бернштам А.Н., 1941b. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата. — 66 с.
46. Бернштам А.Н., 1950. Труды Семиреченской арх. экспедиции «Чуйская долина» // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. № 14. М.-Л. — 249 с.
47. Бернштам А.Н., 1950a. Таш-Рабат — караван-сарай XV века / Архитектурные памятники Киргизии. Москва-Ленинград: Изд. АН СССР. С. 109–116.
48. Бетгер Е.К., 1957. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касима Ибн Хаукаля / Е. К. Бетгер // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Т. IV. Ташкент. С. 13–27.
49. Богомоллов Г.И., 1994. О Христианстве в Чаче // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство. Составитель: Л.И. Жукова. Ташкент. С. 72–74;
50. Болелов С.Б., 2014. Оосуарий // Большая российская энциклопедия. Т. 24. М. С. 573.
51. Болотов В.В., 1900. Из истории церкви сиро-персидской // Христианские чтения. № 3, СПб. С. 428–454.
52. Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А., Гайбов В.А., 2005. Раннее христианство на Востоке / Труды отделения историко-филологических наук. Под ред. акад. А.П. Деревянко. Отд. ист.-филол. наук РАН. — М. Наука. С. 190–192.
53. Борбоне П.Дж., 2020. Несторианство на территории современного Кыргызстана и Средней Азии в Средние века // Христианство в Кыргызстане: история и современность. Сб. науч. статей Международной конференции (г. Бишкек, 13–14 мая 2019 г.). Б.: «Триада Принт». С. 7–22.

54. Борисов А.Я., 1939. Эпиграфические заметки, III. Об одной группе сасанидских резных камней. ТОВЭ, I. Л. С. 235–242.
55. Борисов А.Я., 1948. Сирийская надпись на сосуде из Тараза // Известия АН КазССР. Сер.: Археология. Вып. 1(46). С. 105–108.
56. Борисов А.Я., 1963. Сиро-тюркская надпись из развалин Сарыка // Эпиграфика Востока. Т. 15. С. 56–57. (Подготовлена к печати К.Б. Старковой).
57. Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963. Сасанидские геммы. Ленинград: Изд-во ГЭ. — 220 с.
58. Бурякова Э.Ю., Буряков Ю.Ф., 1973. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам на площади Регистан в 1969–1971 гг.) // Афрасиаб, Вып. II. Ташкент. С. 209–210.
59. Булгаков П.Г., Вахабова Б.А., 1978. Средневековые ученые из Мерва. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. XVI. Под ред. проф. М.Е. Массона. Ашхабад: Ылым. С. 44–52.
60. Буряков Ю.Ф., Грицина А.А., 2006. Мавераннахр на Великом шелковом пути. Отв. ред. К.И. Ташбаева. Самарканд, Бишкек. — 208 с.
61. Вайнберг Б.И., 1977. Монеты Древнего Хорезма. М.: Изд-во «Наука». — 193 с., с табл.
62. Валиханов Ч.Ч., 1904. Сочинения // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX, СПб. С. 381–382.
63. Введение в историю церкви., 2012. Часть 1: Обзор источников по общей истории Церкви: Учебное пособие / Под ред. В.В. Симонова. — М.: Издательство Московского университета. С. 583–586.
64. Ведутова Л.М., Куримото Ш., 2014. Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. Бишкек. С. 133–136.
65. Ведутова Л.М., 2019. Новый буддийский храм на городище Ак-Бешим // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография. С. 186–188.
66. Веселовский Н.И. История Востока. Лекции профессора СПб университета Н.И. Веселовского, 1-й курс, 1886–87 уч. Год. Литограф. изд. — 343 с.
67. Веселовский Н.И., 1893. История Востока. Лекции, читанные профессором Санкт-Петербургского университета, Н.И. Веселовским. Курс III. Литография Руднева.

68. Виноградов Ю.А., 2012. Открытие несторианской (?) церкви на острове Сокотра // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. V. С. 100–115.
69. Виноградов Ю.А., 2022. Об открытии несторианской церкви на острове Сокотра (Йемен) // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М.П. Грязнова (1902–1984) / Отв. ред.: М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова. — СПб.: ИИМК РАН. С. 429–432.
70. Виппер Р.Ю., 1938. Происхождение христианства. М.
71. Вишневская Н.Ю. 2003. Сельское поселение X— начала XI вв. на территории городища Дурмен // Центральная Азия: источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. Москва, 3–5 апреля 2003 года. М. С. 48–51.
72. Вишневская Н.Ю., 2009. Глазурованное блюдо X в. из Самарканда с изображением рыб // ARCHEOLOGIA АВРАНАМИСА: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. Ред. Л.А. Беляев. М.: «Индрик». С. 333–341.
73. Войтов В.Е., 2015. Материалы по истории Государственного музея Востока 1971–1990. Люди, вещи, дела. М.: ГМВ. — 750 с.
74. Воронина В.Л. 1960. Доисламские культовые сооружения Средней Азии // Советская археология, № 2, М.: Изд-во Академии Наук СССР. С. 42–55.
75. Восточное обозрение, 1885, 14 ноября, № 44, отд. Хроника.
76. Владимир (Иким), митрополит., 2011. По стопам апостола Фомы: Христианство в Центральной Азии / Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким). М.: М-Сканрус. — 752 с.
77. Высоцкий А.М., 1983. Христианский памятник на городище Ак-Бешик: интерпретация, датировка, реконструкция / Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М.: Наука. Главная ред. восточной литературы. С. 25–26.
78. Высоцкий А.М., 1990. Христианский памятник на поселении Дуге-Чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция. // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М.: Наука. С. 90–100.
79. Войцехович А., 1894. Степная газета, Омск.

80. Гаибов В.А., 2005. Буллы сасанидского и парфянского времени на Востоке Ирана: Ак-Депе и Гебеклы-Депе (попытка сопоставления) // Проблемы истории, филологии, культуры. XV. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. С. 37–45.
81. Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., 2006. Христианские археологические памятники на Востоке (первое тысячелетие н.э.) // Христианский Востокъ. Т. 4(X). Новая серия. М.: Индрик. С. 136–176.
82. Газета «Новости», 1888, №№ 62–65.
83. Галицкий В.Я., Плоских В.М., 1982. К изучению Таш-Рабата // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим. С. 110–120.
84. Городецкий В.Д., 1926. Серебряные сосуды села Покровского Пишпекского уезда. // Известия Средазкомстариса. Вып. 1, Ташкент. С. 77–81, с 9 ил.
85. Горячева В.Д., 1987. О работе Киргизской историко-археологической экспедиции в 1985 году: Буранинский отряд // Известия Академии Наук Киргизской ССР. № 1. Фрунзе. С. 68–69.
86. Горячева В.Д., 1988. Город золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе: Илим. — 115 с.
87. Горячева В.Д., 1989. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная речка и Бурана: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе: Илим. С. 85–96.
88. Горячева В.Д., Перегудова С.Я., 1994. Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов. Христианство. Под ред. Л.И. Жуковой. Ташкент. С. 84–95.
89. Горячева В.Д., Перегудова С.Я., 1996. Буддийские памятники Киргизии // Вестник Древней истории. Вып. 2. М. С. 167–189.
90. Горячева В.Д., Перегудова С.Я., 1998. Христианские памятники Кыргызстана (XIX–XX вв.) // К истории христианства в Средней Азии: Сб. статей. Ташкент.
91. Горячева В.Д., 2010. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — нач. XIII в.). Бишкек. — 303 с.
92. Грицина А.А., 2018. Трансоксиана-Мавераннахр: христианство и манихейство. В сб.: Религии Центральной Азии и Азербайджана, IV. Иудаизм и христианство. Отв. ред. А. Искандерова. Самарканд: МИЦАИ. С. 104–156.
93. Григорьев Г.В., 1946. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда // КСИИМК, Выпуск XII. М.-Л. С. 94–103.

94. Григорьев Ф.П., Железняков Б.А. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины. // [Электронный ресурс]. URL: <http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm> Дата обращения: (20.09.2021).
95. Губаев А., Лелеков Л., 1970. Буллы сасанидского периода из Ак-Депе // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад. С. 105–107.
96. Губаев А., 1971. Сасанидские буллы из замка Ак-депе (предварительная публикация) // Эпиграфика Востока. Изд-во «Наука». Вып. XX. Л. С. 46–49.
97. Даркевич В.П., Маршак Б.И., 1974. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // Советская археология. № 2. Москва: «Наука». С. 213–222.
98. Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения Восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья / Отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука. — 198 с.
99. Двуреченская Н.Д., 2016. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (археологический аспект). СПб.: Нестор-История. — 610 с.
100. Древние города Ферганской долины, 2008. Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Ташкент. — 175 с.
101. Древности восточные., 1889. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического Общества / Под ред. М.В. Никольского. Протоколы заседаний Императорского Русского Арх. общества. Т. 1. Вып. 1. Москва. С. VII-VIII, XI (особая пагинация).
102. Древности Таджикистана. Каталог выставки., 1985 / Душанбе: «Дониш». — 344 с.
103. Дресвянская Г.Я., 1968. История изучения христианства в Средней Азии // Труды аспирантов ТашГУ. Гуманитарные науки. Вып. 333. Ташкент. С. 342–358.
104. Дресвянская Г.Я., 1968а. Хароба-кошук // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1968, № 2 (6). С. 28.
105. Дресвянская Г.Я., 1968с. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания. Автореферат на соискание уч. степени к.и.н. Ташкент. — 21 с.
106. Дресвянская Г.Я., 1969. Стратиграфия «овального» дома христианской общины в Старом Мерве // Известия академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. №1. Ашхабад. С. 83–88.
107. Дресвянская Г.Я., 1974. «Овальный» дом христианской общины в Старом Мерве / Труды ЮТАКЕ. Ашхабад. Т. 15. С. 155–181.
108. Дресвянская Г.Я., 1989. Некрополь Старого Мерва/Древний Мерв // Труды ЮТАКЭ: Сб. статей / Под ред. М.Е. Массона. Т. XIX. Ашхабад. С. 122–163.
109. Дресвянская Г.Я., 1995. Бронзовое кадило из Ургута // Общественные науки Узбекистана, 6, Ташкент. С. 342–358.

110. Джумагулов Ч., 1963. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1–2. Фрунзе: Илим. — 61 с., с ил.
111. Джумагулов Ч., 1967. Сиро-тюркские (нехристианские) памятники в Киргизии // Известия Академии Наук Киргизской ССР, № 3. Фрунзе: Илим. С. 82–91.
112. Джумагулов Ч., 1971. Язык сиро-тюркских (нехристианских) памятников Киргизии. Фрунзе: Илим (Академия наук Киргизской ССР. Отдел востоковедения). — 161 с.
113. Джумагулов Ч., 1982. Новые сирийские надписи в Чуйской долине // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Под ред. В.М. Массона, В.М. Плоских. Фрунзе: Илим. С. 132–133.
114. Джумагулов Ч., 1982а. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Академия наук Киргизской ССР, Ин-т языка и литературы, Сектор тюркологии. Фрунзе: Илим. — 299 с.: ил.
115. Джумагулов Ч., 1987. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе: Илим. — 163 с.
116. Джумагулов Ч., 2020. Нехристианские эпиграфические памятники Кыргызстана // Христианство в Кыргызстане: история и современность. Сб. науч. статей Международной конференции (г. Бишкек, 13–14 мая 2019 г.). Бишкек: «Триада Принт». С. 23–39.
117. Иванов А.А., 2008. О так называемых нехристианских подсвечниках // Византия в контексте мировой культуры / К 100-летию А.В. Банк. Материалы конференции. СПб.: Труды ГЭ, XLII. С. 381–385.
118. Ильясова С.Р., Ильясов Дж.Я., 2007. Арабская эпиграфика Ташкента в IX–X вв. // Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Сборник тезисов докладов, международной конференции, посвященной объявлению города Ташкента столицей исламской культуры 2007 года Исламской организацией по образованию, науке и культуре — UNESCO. Ташкент — Самарканд.
119. Иневаткина О.Н., Сучилин А.А., 2016. Транспортные пути Самаркандских земель // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах / М.Д. Бухарин (гл. ред.). Т. 5. М.: Изд-во Собрание. С. 76–108.
120. Ершов С.А., 1959. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954–1956 гг.) // Труды Института истории, археологии, и этнографии АН ТССР. Т. V. Ашхабад: АН ТССР. С. 160–204.
121. Исаков М.М., Ташхождаев Ш.С., Ходжайов Т.К., 1977. Раскопки Коштепа. // ИМКУ. Вып. 13, Ташкент. С. 88–97.
122. Железняков Б.А., 2005. Под знаком креста // Nomad-Kazakhstan. № 4. С. 48–55.
123. Железняков Б.А., 2007. К истории изучения средневековых религий Южного Казахстана, Жетысу и смежных регионов Туркестана // Хабарлары. Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. № 1. Алматы: НАН РК. С. 169–189.

124. Железняков Б.А., 2010. Изучение вопросов распространения несторианства в Азии до XV в. // Хабарлары. Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. № 1 (274) январь-февраль. Алматы: НАН РК. С. 264–273.
125. Железняков Б.А., 2019. Камни-кайраки — массовый источник по христианству XII–XIV вв. Центральной и Восточной Азии // Қазақстан археологиясы. № 3 (5). С. 122–141.
126. Железняков Б.А., 2022. Предметы христианского культа VIII–IX вв. из первой мечети Тараза X–XIII вв. // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах / М.Д. Бухарин (гл. ред.). М.: Изд-во Собрание. С. 127–158.
127. Залеская В.Н., 1972. Сирийское бронзовое кадило из Ургута // Средняя Азия и Иран. Сб. ст. Изд-во «Аврора», Ленинград. С. 58–60.
128. Залеская В.Н., 1998. Христиане на Востоке: искусство мелькитов и инославных христиан // Византийское культурное наследие. ГЭ, СПб.: Славия. — 229 с.
129. Закаспийская область в археологическом отношении. Газета «Туркестанские ведомости», 1888, № 24, 25.
130. Зяблин Л.П., 1961. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе: Илим. С. 3–72.
131. Зиливинская Э.Д., 2011. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным. // Проблемы истории, филологии, культуры. №2 (32), Москва-Магнитогорск-Новосибирск. С. 132–133.
132. Зеланд Н., 1888. Кашгария и перевалы Тань-Шаня // Путевые записки. Омск. С. 22–27. Перепечатано в Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА). №3. С. 22–27.
133. Змиевский В., 1940. Таш-Рабат — архитектурный памятник // Советская Киргизия от 28. VI. № 147.
134. Иваницкий И.Д., 1994. Христианская символика в Согде // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство. Составитель: Л.И. Жукова. Ташкент. С. 64–70.
135. Из истории древних культов Средней Азии. Христианство., 1994. Под ред. Л.И. Жуковой. Ташкент. Римско-католический приход г. Ташкента. — 118 с.
136. Каллаур В.А. Ташрабатское ущелье. (На дороге от Нарына к Кашгару). Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского Кружка Любителей Археологии. Год 3-й. С. 116–121.
137. Камышев А.М., 2012. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. III. Торевтика. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ. С. 97–122.
138. Китаева А.А., 2006. Памятники христианства в Гератском оазисе? // Российская археология. №3. М.: Изд-во «Наука». С. 154–156.

139. Китаева А.А., 2008. Археологические свидетельства христианства в Центральной Азии в I тыс. н.э. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. Отв. ред.: академик А.П. Деревянко, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров. М.: Институт археологии РАН. С. 228–231.
140. Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука. — 214 с.
141. Кожемяко П.Н., 1959. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе. — 184 с.
142. Коковцов П.К., 1905. Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XVI. 1904–1905. СПб: Типография Императорской академии наук. С. 190–200. с табл. XII.
143. Коковцов П.К., 1907. Несколько новых надгробных камней с христиано-сирийскими надписями из Средней Азии // Известия Императорской Академии наук. Серия VI. Т.1. СПб. С. 427–460.
144. Коковцов П.К., 1909. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья // Известия Императорской академии наук. Серия VI. Т. III. № 11. СПб. С. 773–796.
145. Колесников А.И., 1986. Две версии договора Мухаммада с христианами Наджрана // Палестинский сборник. Вып. 28 (91): История и культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени. Л.: Наука. С. 24–34.
146. Колесников А.И., 1998. Христианская символика на позднесасанидской и арабо-сасанидской меди в Иране VII в. н. э. // Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35). СПб. С. 196–205.
147. Колесников А.И., 2006. Кресты на сасанидских драхмах (нумизматические свидетельства о распространении христианства в Иране в VI в.). // Христианский Восток. Т. 4(X). Новая серия. М.: Индрик. С. 207–217.
148. Колесников А.И., 2015а. Христианство в Восточном Иране (Хорасане) и в регионах Центральной Азии в III–VIII вв. // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал № 1–2 (33–34). Алматы. С. 5–23.
149. Колесников А.И., 2015б. Топография христианских епархий Восточного Ирана и Хорасана при Сасанидах (III–VII вв.) // Письменные памятники Востока. Вып. 1. (22). М.: Наука, 2015. С. 118–119, 9 ил.
150. Кольченко В.А., 2002. Заметки о христианстве в Чуйской долине в средние века // Коомдук илимдер журналы. — Бишкек: Кыргызско-Турецкий Университет «Манас», 2002. С. 163–182.

151. Кольченко В.А., 2003. Периодизация распространения христианства в Средней Азии по данным археологии // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии: Материалы международной конференции. Бишкек. С. 53–73.
152. Кольченко В.А., 2013. Кара-Джигачское (при-Пишпекское) средневековое кладбище (археологический аспект) // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. Бишкек. С. 81–83.
153. Кольченко В.А., 2016. К истории изучения памятников буддизма и других «индийских» религий средневекового Кыргызстана // Этнограф — посланец мира и дружбы из Енисея: Сб. статей, посвященный 70-летию выдающегося хакасского этнографа, д.и.н., проф. В.Я. Бутанаева. Отв. ред. Т.К. Чоротегин. Бишкек: Изд-во MaxPrint. С. 335–343.
154. Кольченко В.А., 2017. Припишпекское (Кара-Джигачское) средневековое христианское кладбище по данным архивных документов о раскопках 1886 года // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом шёлковом пути. Материалы международной научно-практической конференции 12–13 июня 2017 г. Алматы. С. 167–179.
155. Кольченко В.А., 2018. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т.IV. Христианство. — Самарканд: МИЦАИ. С. 48–103.
156. Кольченко В.А., 2019а. Архитектурный тип Объекта IV городища Ак-Бешим: часовня с двором или зальная церковь? // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография. С. 188–190.
157. Кольченко В.А., 2019б. Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 г.) // Генуэзская Газария и Золотая орда. Памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Т. 2. Казань-Кишинев: Stratum. С. 209–221.
158. Кольченко В.А., 2020. Архивные материалы по археологии как часть культурного наследия (на примере данных об исследованиях в Кыргызстане) // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: материалы всероссийской научной конференции с международным участием, г. Барнаул, 24–26 сентября 2020 года. Науч. ред. Н.А. Матвеева. Барнаул: АлтГПУ. С. 75–81.

159. Корш Ф.Е., 1889. О турецком языке семиреченских надгробных надписей. Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества. Под ред. М.В. Никольского. Т. 1. Вып. 1. С. 67–72.
160. Корчагин А., 1897. Историческая судьба несторианства в Персии и Средней Азии. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 3-й.
161. Кошеленко Г.А., Десятчиков Ю.М., 1966. Раскопки некрополя Древнего Мерва // АО 1965 г. М.: Наука. С. 179–181.
162. Кошеленко Г.А., Бадер А., Гаибов В.А., 1991. Парфянские буллы из раскопок Гебеклы-депе // Бюллетень МАИКЦА. Вып. 18. М. С. 5–18.
163. Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., 2001. Великая Церковь Востока // Наука в России, № 4, июль-август. С. 92–100.
164. Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., Гаибов В.А., 2014. Археология Афганистана в дни мира и дни войны. М.: Институт археологии РАН. — 164 с.: ил.
165. Красная речка и Бурана., 1989. АН КиргССР, Ин-т истории. Фрунзе, «Илим». — 184 с.: ил., табл.
166. Кузнецов В.П., 1997. История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. Москва: Альманах «Жизнь вечная». — 40 с.
167. Кухаренко Н.П., Мальцев Ю.С., 1988. К символике изображения креста в Средней Азии // III Всесоюзная конференция востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций культур на Востоке». Тезисы докладов и сообщений. Душанбе, 16–18 мая 1988 г. Т. II. Издательство «Наука». Москва. С. 26–27.
168. Кызласов Л.Р., 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. Т. II / Под. ред. Г. Ф. Дебеца. М.: Изд-во АН СССР. С. 314–322.
169. Кызласов Л.Р., 2006а. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература. С. 219–354.
170. Кызласов Л.Р., 2006б. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Московского университета. Сер. 8. № 2. История. М.: Издательство Московского университета. С. 138–150.
171. Кызласов Л.Р., 2008. Два ак-бешимских сюжета // Российская археология. № 2. М.: Изд-во «Наука». С. 40–48.
172. Кычанов Е.И., 1978. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26. (89) Филология и история. Ленинград: «Наука», Ленинградское отд. С. 76–85.

173. Лившиц В.А., 2002. Согдийская надпись на венчике хума из Ак-Бешима // Суяб. Ак-Бешим.. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 128–133.
174. Лившиц В.А., 2008. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. — 414 с.
175. Литвинский Б.А., 1973. Археологические работы в Таджикистане в 1962–1970 гг. (некоторые итоги и проблемы) // Археологические работы в Таджикистане. Под ред. Б.А. Литвинского. Москва: «Наука». Вып. X (1970 г.). С. 22–23.
176. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 1986. Пещерная культовая архитектура Восточного Туркестана // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. Под ред. Б.А. Литвинского. М.: «Наука». С. 81–125.
177. Ломанов А.В. 2002. Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература — 446 с.
178. Луконин В.Г., 1971. По поводу булл из Ак-депе // Эпиграфика Востока / Сборник статей под ред. проф. В.А. Крачковской. Вып. XX. Изд-во «Наука» Ленинградское отд. Л. С. 50–52.
179. Лунин Б.В. 1990. К истории изучения памятников старины и искусства Средней Азии (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис) // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент. Изд.: «Фан». Вып. 3. С. 37–44.
180. Лурье П.Б., 2013. О следах манихеизма в Средней Азии // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. Труды государственного Эрмитажа LXII. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 219–250.
181. Лютов М. Несторианство в Средней Азии // Туркестанские ведомости. Еженедельное издание. Год 17-й. От 13-го мая 1886 года № 18 (начало).
182. Лютов М. Несторианство в Средней Азии // Туркестанские ведомости. Еженедельное издание. Год 17-й. От 20-го мая 1886 года № 19 (окончание).
183. Макаров Н.А., 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // Советская археология М. С. 113–119.
184. Марр Н.Я., 1894. Надгробный камень из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1323 г. // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. VIII, 1893–1894. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 344–349.
185. Марр Н.Я., 1906. Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах. // Византийский временник. Т. XII. С. 1–68.
186. Маршак Б.И., 1961. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII веков // Культура и искусство народов Востока Вып. 6. Изд-во ГЭ. Ленинград. С. 177–201.

187. Маршак Б. И., 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. (Культура народов Востока). — 191 с
188. Маршак Б.И., 2017. История Восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / Под ред. В.П. Никонорова; вступит. Статья Ф. Гренэ. СПб.: Академия исследования культуры. — 736 с.
189. Маршак Б.И., Распопова В.И., 2000. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 1999 г. МПАЭ. Вып. II. Археологические экспедиции ГЭ. СПб. — 44 с., с ил.
190. Маршак Б.И., Распопова В.И., 2002. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2001 г. МПАЭ. Вып. IV. Археологические экспедиции ГЭ. СПб. — 86 с., с ил.
191. Маршак Б.И., Распопова В.И., 2003. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2002 г. МПАЭ. Вып. V. Археологические экспедиции ГЭ. СПб. — 57 с., с ил.
192. Маршак Б.И., Распопова В.И., 2004. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2003 г. МПАЭ. Вып. VI. Археологические экспедиции ГЭ. СПб. — 58 с., с ил.
193. Маршак Б.И., Распопова В.И., 2005. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2004 г. МПАЭ. Вып. VII. СПб., Археологические экспедиции ГЭ. — 69 с., с ил.
194. Маршак Б.И., Распопова В.И., 2006. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2005 г. МПАЭ. Вып. VIII. Археологические экспедиции ГЭ. СПб. — 58 с., с ил.
195. Материалы Пенджикентской археологической экспедиции, 2013. Отчет о полевых работах экспедиции в 2012 г. Под ред. П.Б. Лурье. Вып. XV. СПб. — 69 с., с ил.
196. Массон М.Е., 1951. К вопросу о взаимоотношении Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды Среднеазиатского госуниверситета им. В.И. Ленина. Ташкент. Вып. XXIII. Ташкент.
197. Массон М.Е. 1956. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // Труды Среднеазиатского госуниверситета им. В.И. Ленина. Ташкент. Вып. LXXXI.
198. Массон М.Е., 1956. Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-тепе // Известия Академии наук Туркменской ССР. № 5. Ашхабад. С. 45–48.
199. Массон М.Е., 1972. Золотой медальон византийского облика из Ахангарана (Еще к вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии) // Общественные науки Узбекистана. Ташкент. № 7. С. 29–38.
200. Массон М.Е., 1978. Происхождение двух несторианских надгробных галек в Средней Азии // Общественные науки Узбекистана. Ташкент. № 10. С. 50–55.
201. Массон М.Е., 1978. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1955–1957 гг. // Труды ЮТАКЭ, Т. XIV. — Ашхабад: Ылым. С. 174.

202. Мейтарчян М. Б., 2001. Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб.: Институт востоковедения РАН: Летний сад. — 248 с., ил. вкл.
203. Микаелян Л.Ш., 2013. Некоторые композиционные схемы и иконографические мотивы в раннехристианской скульптуре Армении в свете сасанидских влияний // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 3 / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: НП-Принт. С. 112–122.
204. Мифы народов мира, 1994. Энциклопедия в дух тома. Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия. Т. 2. К — Я. — 719 с.
205. Михеева (Китаева) А.А., 2017. К вопросу об интерпретации захоронений некрополя Древнего Мерва: история взглядов и комплексный подход к изучению памятника // КСИА. Вып. 247 / Институт археологии РАН; Гл. ред. Н.А. Макаров. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры. С. 296–314.
206. Михеева (Китаева) А.А., 2019. Хароба-Кошук — история изучения и архитектурная преемственность подобных сооружений на Среднем и Ближнем Востоке. // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы межд. науч. конф. памяти Б.А. Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 г.) / отв. Ред. А.С. Балахванцев, Н.А. Маккавеев. М.: Институт востоковедения РАН. С. 153–169.
207. Михеева А.А., 2019а. Христианская церковь на городище Ак-Бешим (объект IV) — новые архивные данные и их интерпретация // Материалы V Международной конференции молодых ученых. Москва, 19–21 марта 2019 г. М.: ИА РАН. С. 172–175.
208. Михеева А.А., 2019б. Христианская церковь на городище Ак-Бешим (объект IV): новые архивные данные и их интерпретация // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 3 (2019). Москва-Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского Государственного Университета. С. 246–266.
209. Михеева А.А., 2019с. Погребальный обряд христиан в Центральной Азии домонгольского времени // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография. С. 171–174.
210. Михеева А.А., 2020. Археологическое наследие христианства в Средней Азии и Южном Казахстане (история открытий и исследований) // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со

дня рождения д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д.и.н. И.Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). — СПб.: ИИМК РАН. С. 281–284.

211. Михеева А.А., 2021. Погребальный обряд христиан Средней Азии и Южного Казахстана по археологическим источникам (IV– нач. XIII вв.) // Христианский Восток: Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Т. 9 (XV) / Государственный Эрмитаж. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 317–366.

212. Михеева А.А., 2022. Изображения креста на среднеазиатских терракотовых плакетках: общий обзор и иконография // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М.П. Грязнова (1902–1984) / Отв. ред.: М.Т. Кашуба, Н.Ю. Смирнов, Е.О. Стоянов, В.Б. Трубникова. — СПб.: ИИМК РАН. С. 373–376.

213. Михеева А.А., 2023. Терракотовые плакетки с изображением креста из Средней Азии // Сборник докладов Международной конференции «От Мерва и Суяба: 1500 лет христианства в Средней Азии», 15 декабря 2022, г. Бишкек. Бишкек (*в печати*).

214. Минасянц В.С., 2013. Намогильные камни-кайраки с крестами и сирийскими надписями, хранящиеся в археологическом фонде Государственного Музея Истории Узбекистана АН РУЗ. Христианский Восток. Новая Серия. Том 6 (XII). С. 615–628.

215. Московские ведомости от 29 ноября 1886 г.

216. Мокрынин В.П., 2012. Исследования городища Беловодская Крепость в 1978 году. Сост. и науч. ред. В.А. Кольченко, Б.Э. Аманбаева. Архивные материалы по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим. С. 97–127.

217. Мокрынин В.П., 2012. Погребения кочевников на территории Северной Киргизии и Беловодский некрополь. Сост. и науч. ред. В.А. Кольченко, Б.Э. Аманбаева. Архивные материалы по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим. С. 128–133.

218. Мурадов Р.Г., 2023. Археологические материалы по раннему христианству в Северной Парфии и Маргиане // От Копетдага до Окса: Исследуя древнюю Центральную Азию. Сб. статей в честь В.Н. Пилипко / Ред.-сост.: Р.Г. Мурадов, А.В. Фрибус, Н.А. Дубова / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Институт истории материальной культуры РАН. М.: Старый сад, 2023. — 216 с. (Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 9). С. 124–145.

219. Мусин А.Е., 1997. Погребальный обряд Древней Руси как археологическая и литургическая проблема // «Сих же память пребывает во веки» (Материальный аспект в культуре русского православия. Материалы научной конференции, 29–30 ноября, 1997. СПб. С. 11–38.

220. Мусакаева А.А., 1994. О несторианах в Средней Азии (по нумизматическим данным) // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство. Составитель: Л.И. Жукова. Ташкент. С. 42–55.
221. Наймарк А.И., Яковлев А.А., 1990. Согдийское погребение VII в. с труположением из некрополя Дурмен-тепа // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25–30 сентября. Ташкент: Изд-во «Фан». С. 71–74.
222. Наймарк А.И., Мкртычев Т.К., 1991. Могильник Дурмен // Культура и искусство Древнего Узбекистана. Каталог выставки в 2 частях. Ч. 2 / Абдуллаев К.А., Ртвеладзе Э.В., Шишкина Г.В. (сост.). М.: «Внешторгиздат». С. 165–168.
223. Наймарк А.И., Мкртычев Т.К., 1991. Оссуарии // Культура и искусство Древнего Узбекистана. Каталог выставки в 2 частях. Ч. 2 / Абдуллаев К.А., Ртвеладзе Э.В., Шишкина Г.В. (сост.). М.: «Внешторгиздат». С. 64–70.
224. Наймарк А.И., Яковлев А.А., 2005. Сельская усадьба третьей четверти VII века в окрестностях городища Дурмен // Материальная культура Востока. ГМВ / Л.М. Носкова (ред.). Выпуск 4. Москва. С. 66–86.
225. Наумкин В.В., 1988. Сокотрийцы: Историко-этнографический очерк. М.: Наука. — 302 с.
226. Наумкин В.В., 1989. Полевые исследования на острове Сокотра // ВДИ. № 2. М. С. 158–161.
227. Наумкин В.В., 2012. Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.). М.: Языки славянской культуры. — 512 с.
228. Никольский М.В., 1886. «О сирских надгробных надписях, найденных в Семиреченской области» // «Московские ведомости» от 29 ноября 1886 г.
229. Никитина Г.Ф., 1985. Систематика погребального обряда племен Черняховской культуры. М.: Наука. — 209 с.
230. Никитин А.Б., 1984. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука. С. 121–137.
231. Никитин А.Б., 1998. Сасанидские христианские геммы // Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. Славия. СПб. С. 180–188.
232. Никитин А.Б., 1999. Христианские монеты Сасанидского Мерва // Византия и христианский Восток. Научная конференция памяти А.В.Банк. Тезисы докладов. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 36–37.
233. Никитин А.Б., 2001. К истории христианства в Мерве // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сб. науч. Трудов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 39–41.

234. Никитин А.Б., 2015. К истории христианства в Мерве // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (47). В честь 80-летия Г.А. Кошеленко. М. — Магнитогорск — Новосибирск. С. 164–170.
235. Негматов Н., 1968. «Капитолийская волчица» в Таджикистане // Наука и жизнь. Изд.-во «Правда». М. № 1. С. 33–34.
236. Нусов В.Е., 1963. Таш-Рабат / Памятники архитектуры Киргизстана. Киргизское государственное издательство. Фрунзе. С. 54–64
237. Обельченко О. В., 1969. Некрополь Древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.) // Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад: Ылым. С. 86–99.
238. Обручев В.А., 1986. За тайнами Плутона. М.: Молодая гвардия. С. 16–41.
240. Остроумов Н.П., 1907. Новые данные о глиняных погребальных урнах. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 11-й. Ташкент. С. 32–44.
241. Отец Лоренцо Турчи OFM., 2020. Миссия францисканцев среди кочевников Центральной Азии в Средние века: Джовани Плато Карпини и Гильома де Рубрука // Христианство в Кыргызстане: история и современность. Сборник научных статей Международной конференции (г. Бишкек, 13–14 мая 2019 г.). — Б.: «Триада Принт», 2020. С. 50–72.
242. Павчинская Л.В., 1990. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник (типология, районирование, хронология): автореф. дис. канд. ист. наук/ Павчинская Людмила Викторовна. — Самарканд.
243. Пантусов Н.Н., 1887. Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Барон В.Р. Розен (ред.). Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 1. Вып. II. 1886 г. СПб. Т. 1. С. 33–34, 74–83.
244. Пантусов Н.Н., 1902. Таш-Рабат // Известия Императорской археологической комиссии. Вып.4. СПб. С. 15–23.
245. Пантусов Н.Н., 1902. Надгробные христианские памятники в Алмалыке // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год VII. № 2, № 3. Ташкент. С. 52–54.
246. Пантусов Н.Н., 1909. Христианское кладбище у ущелья Зауке // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XIII, Ташкент: Типо-Литография В.М. Ильина. С. 14–15.

247. Пантусов Н.Н., 1910. Христианские надгробные памятники в Алмалыке / Кауфманский сборник в память 25-летия со дня смерти устроителя Туркестана К.П. Кауфмана. М. С. 172–175.
248. Пайкова А.В., Маршак Б.И., 1976. Сирийская надпись из Пенджикента // КСИА. Вып. 147. М.: «Наука» Академия наук СССР. ИА РАН. С. 34–38.
249. Палладий (Кафаров), архимандрит., 1877. Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам. СПб. (переизд.: Китайский благовестник., 2001. № 1. М. С. 36–82).
250. Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки., 1983. Изд.-во «Искусство» Ленинградское отд. — 79 с.: ил.
251. Петров К.И., 1981. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала VIII вв. Фрунзе.
252. Перегудова С.Я., 1989. Таш-Рабат (по материалам архитектурно-археологического исследования) / Отв. ред. В.Д. Горячева: АН КиргССР, Ин-т истории. Фрунзе: Илим. — 68 с.
253. Пигулевская Н.В., 1940. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // Советское Востоковедение. Т. I. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. С. 212–234.
254. Пигулевская Н.В., 1946. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. / Отв. ред. В.В. Струве М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. (Труды Института Востоковедения). — 292 с.
255. Пигулевская Н.В., 1966. Сирийская средневековая школа // [Православный] Палестинский сборник. Вып. 15(78): история и филология стран Ближнего Востока. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. С. 130–140.
256. Пигулевская Н.В., 1968. Памятники сирийской письменности // Вестник АН СССР. № 2. М. С. 67–72.
257. Пигулевская Н.В., 1979. Культура сирийцев в средние века. М. — 249 с.
258. Пигулевская Н.В., 2017. Культура Сирии в Средние века. М.: Ломоносовъ. — 224 с. (История. География. Этнография).
259. Пигулевская Н.В., Пайкова А.В., 1963. Несторианские памятники // Эпиграфика Киргизии. Вып. 1. Фрунзе: Илим. С. 43–58.
260. Пилипко В.Н., 1968. Плитка, подтверждающая предания // Памятники Туркменистана. Ашхабад. 1(5). С. 25.
261. Пилипко В.Н., 1980. Разведывательное изучение Варрык-депе в окрестностях Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XVII. Ашхабад: Ылым. С. 38–46.
262. Попов И.И., 1989. Записки редактора. Иркутск.
263. Пославский И.Т., 1908. Еще несколько слов об оссуариях. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 12-й, Ташкент. С. 72–81.

264. Поторочина Е.В., Шейко К.А., 2015. К находке христианского креста на городище Каршаултепа в Ташкентской области // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Нов. Сер. Т. III [XXVIII]; Труды Института материальной культуры РАН. Т. XLV. СПб. С. 487–491.

265. Поторочина Е.В., 2017. Образы Причастия в изобразительном искусстве христиан в Центральной Азии в Средневековье // Библейские и литургические темы и образы в искусстве Востока и Запада: диалог культур, традиция и современность: сборник научных трудов. РГГУ. Москва. С. 61–68.

266. Поторочина Е.В., 2020. Свидетельства письменных источников о христианстве в Чаче // IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти»: сб. материалов международной науч. конференции, Челябинск, 26 февр. — 2 марта 2020. Челябинск: ЧГИК. С. 83–85.

267. Поторочина Е.В., 2021. О художественной культуре христиан Северной Бактрии – Тохаристана // Актуальные вопросы науки о человеке и обществе: монография / [Алексеева Г.Г. и др.]. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука». С. 44–63.

268. Поярков Ф.В., 1886. Археологические открытия в Семиреченской области. (Перепечатка письма д-ра Пояркова из «Восточного Обозрения» с примечание редакции) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Барон В.Р. Розен (ред.). Т. 1. Вып. I. С. 33–34.

269. Поярков Ф.В., 1897. Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам озера Иссык-Куля. Пишпек. б/м, б/г. Отдельный оттиск из Памятн. Книж. На 1898 г. С. 1–32.

270. Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1887. Вып. 2. С. IX.

271. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 11-й, Ташкент, 1907. С. 28–30.

272. Пугаченкова Г.А., 1952. О Таш-Рабате / Труды института языка, литературы и истории. Киргизский филиал АН СССР. Фрунзе: Изд. Киргизфан СССР. Вып. III. С. 213–218.

273. Пугаченкова Г.А., 1954. Хароба-Кошук // Известия академии наук Туркменской ССР. Ашхабад. № 3. С. 15–19.

274. Пугаченкова Г.А., 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ.. Т. 6. Ашхабад. С. 126–131.

275. Пугаченкова Г.А., 1967. Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: «Искусство». С. 86–87.

276. Пулотов А.Г., 2020. Раскопки объекта VI-C в 2019 г. Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Отчет о полевых работах экспедиции в 2019 г. Под ред. П.Б. Лурье, Н.В. Семенова. Вып. XXIV. Изд-во ГЭ. СПб. С. 5–15.

277. Распопова В.И., 2014. Христиане в Пенджикенте в VIII в. // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения: памяти Вадима Михайловича Массона. Алёкшин В.А. и др. (ред.). СПб.: ИИМК РАН: Арт-Экспресс. (Труды ИИМК РАН; т. XLII.). С. 154–160.

278. Раимкулов А.А., 1999. Корхона — Урта Осиёдаги қадимий насронийлар черков — монастири // *Ozbekiston moddiy madaniyati tarixi* (ИМКУ). Ed. by T.Sh. Shirinov. Samarqand, 1999, № 30. С. 213–222. (на узбек.)

279. Раимкулов А.А., Иванов Г.П., 2000. Нательный крест с городища Кува // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд. С. 160–161.

280. Раимкулов А.А., 2001. Христианские погребальные цилиндры из Коштепа Нахшабского // Институт материальной культуры Узбекистана. Ташкент. Вып. 32. С. 147–149.

281. Раимкулов А.А., 2004а. О трех неизвестных типах христианских культовых сооружений Средней Азии // История материальной культуры Узбекистана. Вып. № 34. Под общ. ред. Т.Ш. Ширинова. Самарканд. С. 222–232.

282. Раимкулов А.А., 2004б. Христианский храм-монастырь Коштепа в Нахшабе: среднеазиатские и западные параллели. // Археология и история Центральной Азии. К 70-летию со дня рождения академика Академии наук Республики Узбекистан Ю.Ф. Бурякова. Самарканд. С. 123–129.

283. Раимкулов А.А., 2009. Тошкент вохасидаги қадимги динлар тарихидан (христианлик) // *Узбекистон пойтахти Тошкент 2200 ёшда / Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы Международной научной конференции, посвященной 2200-летию юбилею города Ташкента.* Ташкент. Изд-во «Фан» АН Республики Узбекистан. С. 75–80. (на узбек.)

284. Рапопорт Ю.А., Трофимова Т.А., 1973. Книга, посвященная исследованию некрополя Древнего Миздахкана // Рецензия. Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР. Нукус. Вып. №3 (53). С. 90.

285. Ранович А., 1935. Античные критики христианства. М.: Государственное антирелигиозное издательство. — 260 с.

286. Ремпель Л.И., 1957. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. Вып. 69. М. С. 102–110.

287. Ремпель Л.И. 1961. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Науч. ред. д. искусств. Г.А. Пугаченковой. Гос. изд. худ. лит. УзССР. Ташкент. — 602 с.

288. Ремпель Л.И., 1983. Каменный сосуд из Турткуль-тобе // Художественная культура Средней Азии в IX–XIII вв. Ташкент.
289. Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том IV. Иудаизм и христианство., 2018. Самарканд: МИЦАИ. — 296 с.
290. Ригана Н.А., 1909. Из истории христианства в Персии // Христианские чтения. №4, СПб. С. 603–622.
291. Ровнягин Д.Н., 1896. Описание башни «Бурана» близ Токмака. // Туркестанский кружок любителей археологии за первый год его деятельности. Ташкент.
292. Ростовцев О.М., Иваницкий И.Д., 1977. Работы в Самаркандской области // Археологические открытия 1976 года // М. С. 540.
293. Ротт Ф.Г., 2005. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек: Илим. С. 44–51.
294. Ртвеладзе Э.В., Ташходжаев Ш.С., 1973. Об одной тюрко-согдийской монете с христианскими символами // Византийский временник. Т. 35 (60). М. С. 232–234.
295. Ртвеладзе Э.В., 1986. Средневековый могильник Бит-Тепе в Чаганиане // Советская археология. № 4. М.: Наука. С. 194–209.
296. Ртвеладзе Э.В., 1999. Великий шелковый путь: Энциклопедический справочник: Древность и раннее средневековье. Т.: «Узбекистон миллий энциклопедияси». — 280 с.
297. Савченко А.В., 2005. По следам арабских географов // Археологические открытия. Киев, № 7 (2003–2004). С. 333–338.
298. Самигулин И.М., 2011. Археология Семиречья. 1857–1912 гг.: Сборник документов и материалов. Сост. И.М. Самигулин. Алматы. «Изд.-во ЛЕМ». — 664 с. + 28 с. вкл.
299. Сапаров Н.Ж., Омельченко А.В. Гостиницы Пайкенда // История и археология Турана. № 3. Самарканд, 2017. С. 281–293.
300. Сверчков Л.М., 2007. Сырдарьинская степь: пути и переправы // Трансоксиана — Мавераннахр. Ташкент: San'at. С. 185–193.
301. Сенигова Т.Н., 1968. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI–VIII в.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-ата: Гылым. С. 51–67.
302. Слуцкий С.С., 1889. Семиреченские несторианские надписи (с I–V табл., автографии и особым прибавлением) // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества. Под ред. М.В. Никольского. Т. 1. Вып. 1. Москва. С. 1–72.
303. Слуцкий С.С., 1891. К семиреченским несторианским надписям (с таблицей XI и 9 рисунками в тексте) // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского

Московского Археологического Общества / Под ред. М.В. Никольского. Т. 1. Вып. 2. Москва. С. 176–194.

304. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья., 1999. Под общ. ред. академика Рыбакова Б.А. М.: «Наука». — 377 с.

305. Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А., 1953. Пянджикентский некрополь // МИА № 37. Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II. М. С. 71–81.

306. Ставиский Б.Я., 1960. «Ампула святого Мины» из Самарканда. // КСИИМК. Вып. 80. М. С. 101–102.

307. Ставиский Б.Я., 1995. Свободно стоящие колонны буддистов Центральной Азии и ранних христиан Закавказья: вопрос об их происхождении. // Вестник древней истории. №1, 1995. С. 140–147.

308. Стасов В.В., 1905. Серебряное восточное блюдо императорского Эрмитажа // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCCLVII (январь).

309. Стюарт Ч.Э., 2020. Четырехлепестковая миндалевидная розетка в Центральной Азии // Вестник МИЦАИ. Вып. 30. Самарканд. С. 71–88.

310. Семенов Г.Л., 1999а. Новая несторианская церковь в Суябе (Ак-Бешим) // Византия и Христианский Восток. Научная конференция памяти А.В. Банк. Тезисы докладов. Гос. Эрмитаж. СПб. С. 51–53.

311. Семенов Г.Л., 1999б. Монастырское вино Семиречья // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тезисы докладов. СПб. С. 70–74.

312. Семенов Г.Л., 2002. Суяб Ак-Бешим Арх. экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб. — 174 с.

313. Смирнова О.И., 1953. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г. // Труды Таджикской Археологической Экспедиции. Т. II. 1948–1950 гг. (МИА СССР, № 37). М.-Л. С. 189–230.

314. Смирнова О.И., 1963. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949–1956 гг.). М.: Изд-во «Восточная литература». — 201 с.

315. Смирнова О.И., 1971. Первые монеты из Усрушаны // Эпиграфика Востока / Сборник статей под ред. проф. В.А. Крачковской. XX. Изд-во «Наука» Ленинградское отд. Л. С. 59–64.

316. Смирнова О.И., 1981. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Главная редакция Восточной литературы. — 548 с.

317. Сусенкова Р.С., 1969. Некрополь Древнего Мерва (материалы раскопок 1956 г.) // Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад: Ылым. С. 100–108.

318. Тереножкин А.И., 1935. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. // ПИДО. № 5–6.

319. Тереножкин А.И., 2012. Картотека археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Сост. и науч. ред. В.А. Кольченко, Б.Э. Аманбаева. Архивные материалы по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим. С. 38–63.
320. Тереножкин А.И., 1950. Согд и Чач (Автореферат канд. дис.) // КСИИМК, М.Л. Вып. XXXIII.
321. Терновая Г.А., 2004. Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет // Хабарлары. Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. № 1. Алматы: НИЦ «Гылым». С. 176–193.
322. Тер-Мкртчян Л.Х., 1979. Армянские источники о Средней Азии V–VII вв. М.: Изд-во Наука. — 89 с.
323. Тетерятникова Н.Б., 2003. Реликвии в стенах, столпах и колоннах византийских церквей // Восточнохристианские реликвии. Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция. С. 77–85.
324. Торгоев А.И., 2013. К датировке мечети в Таразе // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. № 3. Алматы: НИЦ «Гылым». С. 127–132.
325. Торгоев А.И., 2014. Тань-Шанская археологическая экспедиция: основные итоги работ 2007–2013 годов // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб.: Славия. С. 323–326.
326. Торгоев А.И., Кольченко В.А., Кий Е.А., Кулиш А.В., 2014. Буддийский монастырь городища Красная речка (некоторые итоги работ 2010–2013 гг.) // Древние цивилизации Центральной Азии. Материалы международной конференции, посвященной тридцатилетию Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного Музея Востока. М. С. 126–130.
327. Толстов С.П., 1946. Новогодний праздник "каландас" у хорезмийских христиан начала XI в. // Советская этнография, № 2. М. С. 87–108.
328. Трофимова Т.А., 1959. Черепа из оссуарного некрополя возле Байрам-Али (Южная Туркмения) // Труды Института истории, археологии, и этнографии АН ТССР. Т. V. Ашхабад: АН ТССР. С. 205–207.
329. Туркестанские ведомости, № 1, от 7 января 1886 г.
330. Туркестанские ведомости, 1886, № 9.
331. Туркестанские ведомости, 1886, № 15.
332. Туркестанские ведомости, 1886, № 18, 19
333. Туркестанские ведомости, 1886., № 46.
334. Туркестанские ведомости, 1907. №100. «По краю».
335. Туркестанские ведомости, 1908, № 21.
336. Туркестанский вестник, 1895. №. 36.

337. Уваров А.С., 1908. Христианская символика. Часть первая. Символика древнехристианского периода. М.: типография Г. Лисснера и Д. Собко. XII. — 212 с.: ил
338. Усманова З.И., 1994. Христианские памятники Туркмении. // Из истории древних культов. Христианство. Сост., Л.И. Жукова. Римско-католический приход г. Ташкента. С. 26–33.
339. Ундерова Л.В., 1994. Костюм несторианских христиан Центральной Азии // Из истории древних культов. Христианство. Сост., Л.И. Жукова. Римско-католический приход г. Ташкента. С. 101–103.
340. Федотова И.В., Диккенс М., Плахута Д.О., Автушкова А.Л., 2020. Кайраки в собрании сибирских музеев // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ. Т. III. С. 61–63.
341. Хайрединова Э.А., 2007. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. XIII. С. 151–182.
342. Хвольсон Д.А., 1887. Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях // Барон В.Р. Розен (ред.). Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. I. Вып. II. 1886. СПб. С. 84–109.
343. Хвольсон Д.А., 1887. Несторианские надписи из Семиречья // Барон В.Р. Розен (ред.). Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. I. Вып. III. 1886. С. 217–221.
344. Хвольсон Д.А., 1887. Дополнения и поправки к статьям «Несторианские надписи из Семиречья» // Барон В.Р. Розен (ред.). Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. I. Вып. IV. 1886. С. 303–309.
345. Хвольсон Д.А., 1895. Сирийско-тюркские несторианские надгробные надписи XIII и XIV столетий, найденные в Семиречье // Восточные заметки. Сб. статей и исследований профессоров и преподавателей фак. восточных языков. СПб. С. 115–129.
346. Хвольсон Д.А., Покровский Н.В., Смирнов Я.И., 1899. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. Материалы по археологии России, 22, СПб.: Типография Императорской академии наук. С. 1–44.
347. Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю., 1997. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение». — 272 с. (Orientalia).
348. Хмельницкий С.Г., 1996. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI– начала XIII вв. Часть I. Берлин; Рига. С. 277–278.
349. Хмельницкий С.Г., 2000. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V– VIII вв. Берлин–Рига: Gamajun. — 290 с.

350. Хрушкова Л.Г., 2004. Христианские памятники Крыма: Состояние изучения // Византийский временник. Т. 63 (88). С. 167–194.
351. Худяков Ю.С., 2009. Таш-Рабат — караван-сарай или замок? // Природа. № 6. С. 55–57.
352. Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. III. Торевтика. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 29–96.
353. Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. Т. IV. Архитектура.-Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2013. С. 61–67.
354. Шагалов В.Д., Кузнецов А.В., 2006. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Изд-во «Фан». — 325 с.
355. Шадманова С., 2009. Вестник архивиста. №3 (107). М. С. 23–37.
356. Шишкина Г.В., Наймарк А.И., 1987. Историческая топография Дурмен-тепе // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов конференции. Суздаль. М. С. 287–288.
357. Шишкина Г.В., 1994. Несторианское погребение в Согде Самаркандском // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство. Составитель: Л.И. Жукова. Ташкент. С. 56–70.
358. Шишкина Г.В., Иневаткина О.Н., 2006. К решению проблем истории культуры Самаркандского Согда // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005 №3(40) / Ю.Л. Воротников (ред.). М. С. 37–49.
359. Шишкина Г.В., Иневаткина О.Н., 2012. Западные земли Самаркандского Согда. Типология археологических памятников // Проблемы истории, филологии, культуры / М.Г. Абрамзон (гл. ред.). Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 4 (38) С. 33–68.
360. Ядринцев Н., 1886. Археологические изыскания и открытия доктора Пояркова близ Токмака // Записки Академии наук. Т. 52. СПб. С. 152–164.
361. Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К., 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Под ред. С.К. Камалова. Изд-во «Фан». Ташкент. — 253 с.
362. Ярков А.П., 2020. Христианство в Кыргызстане со времен Шелкового пути // Христианство в Кыргызстане: история и современность. Сборник научных статей Международной конференции (г. Бишкек, 13–14 мая 2019 г.). — Бишкек: «Триада Принт». С. 73–76.
363. Яценко С.А., 2021. Традиции костюма кочевников в Северном Китае в IV–VI вв. // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 г., Абакан) / Отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН. С. 162–170.

364. Akymbek E., Zheleznyakov B., 2023. Objects of the Nestorian cult from Talas and Shu Valleys // Қазақстан археологиясы. № 1 (19). С. 84–98.
365. Arts from the Land of Timur. An Exhibition from a Scottish Private Collection, 2012. Published by SogdianaBooks 2012. — 330 p.
366. Atiya A.S., 1968. A History of Eastern Christianity. London: Methuen & Co. — 486 p.
367. Barthold W., 1901. Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien his zur mongolischen Eroberung. Berichtigte und vermehrte deutsche Bearbeitung nach dem russischen Original / Hrsg. von R. Stübe. Tübingen; Leipzig. — 74 p.
368. Baumer Ch., 2016. The Church of the East. An Illustrated History of Assyrian Christianity. New Edition. By I.B. Tauris & Co. Ltd. London-New York. — 337 p.
369. Bernard V., Salles J.-F., 1991. Discovery of Christian church at al-Qusur, Failaka (Kuwait) // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies, Vol. 21, Proceedings of the Twenty Fourth Seminar for Arabian studies held at Oxford on 24th — 26th July 1990. P. 7–21.
370. Bernard V., Callot O., Salles J.-F., 1991. L'église d'al-Qousour, Failaka, État du Koweit: rapport preliminaire, 1989 // Arabian archaeology and epigraphy, 2. P. 145–181.
371. Browne Edw. Arabian Medecina. Cambridge, 1921. С. 37–38.
372. Borbone P.G., Mikheeva A.A., 2023. Two Nestorian Gravestones in the Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat. With an Appendix on the *Kayraks* of Almaliq // Manuscripta Orientalia (в печати).
373. Bowman J. The Christian Monastery on the Island of Kharg // The Australian Journal of Biblical Archaeology, Vol. 2, № 3, 1974–1975. P. 49–64
374. Brock S.P., 1996. The “Nestorian” church: a lamentable misnomer // Bulletin John Rylands Library. P. 23–35.
375. Cabrol F., 1907. Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie. T. I. Paris: Letouzey et Ané.
374. Calvet Y., 1998. Monuments paléo-chrétiens à Koweit et dans la région de Golfe // Symposium Syriacum VII. Ed. by R. Lavenant. Roma. P. 671–685;
375. Carter R.A., 2008. Christianity in the Gulf during the first centuries of Islam // Arabian archaeology and epigraphy. 19. P. 71–108.
376. Chabot J.B., 1896. Melanges d'archeologie et d'histoire / XVI annee. Fascicule I-II. A. Fontemoing, Paris / Spithéver, Rome. — 490 p.
377. Chwolson D., 1886. Syrische Grabinschriften aus Semirjetschie. Memoires de l'Academie Imper. des Sciences de St.-Petersbourg, VII serie. T. XXXIV, № 4. P. 1–30, p. 31–32 — фото камней.
378. Chwolson D., 1890. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Memoires de l'Academie Imper. des Sciences de St.-Petersbourg. VII serie. T. XXXVII, № 8. P. 1–164.

379. Chwolson D., 1897. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge. St.-Petersbourg. VII serie. T. XXXVII, № 8. P. 1–55. С таблицей фото камней.
380. Dickens M., 2009. «Syriac Gravestones in the Tashkent History Museum», in D. Winkler - Li Tang (eds), *Hidden Treasures and Intercultural Encounters. Studies on East Syriac Christianity in China and Central Asia*, Berlin - Münster - Wien - Zürich - London 2009. P. 13–49.
381. Dickens M., 2016. More Gravestones in Syriac Script from Tashkent, Panjikent & Ashgabat // *Wind of Jingjiao Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia*. Ed. By Li Tang and D.W. Winkler. LIT Verlag. Zurich. P. 105–130.
382. Dickens M., Avtushkova A., 2021. “Two Syriac Gravestones in the Novosibirsk Museum”, *Hristianskij Vostok*. Novaja Serija 9 (XV). P. 123–130, 125.
383. Drouin., 1891. Les monnaies touraniennes // *Revue de Numismatique*.
384. *Encyclopaedia Iranica.*, 1991. Ed. by E. Yarshater. Hazda Publishers Costa Mesa, California. Vol. 5. P. 523–547.
385. Final technical report 2008. Preservation of Silk road sites in the upper Chuy Valley: Navekat (Krasnaya Rechka), Suyab (Ak Beshim) and Balasagyn (Burana)., 2008 // *Unesco Japan Funds-in-Trust Project*. UNESCO. RWTHACDC — Aachen Center for Documentation and Conservation. Aachen University. Germany. — 257 p.
386. Grünwedel: *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan*. В., 1912. P. 82.
387. Gilbert S.T., 2017. (USA). Medieval Iibalyk and prospects of the study of Eastern Christianity in Central Asia // «Эпоха Юсуфа Баласагуни: история, литература, материальная культура». Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию Юсуфа Баласагуни. 17–18 ноября 2016 г. г. Бишкек. — Бишкек. P. 185–191.
388. Gignoux Ph., 2001. Croix de procession de Herat inscrite en Pehlevi // *Le Museon*. V. 114. P. 291–304.
389. Gignoux Ph., 2003. Croix de procession // *De l'Indus a` l'Oxus. Archeologie de l'Asie Centrale*. Catalogue de l'exposition. Lattes. P. 398, 400.
390. Hamilton R.W., 1974. Thuribles: Ancient or Modern? // *Iraq*. Published by: British Institute for the Study of Iraq. Vol. 36, No. 1/2. P. 53–65.
391. Higuchi T. and Mizuno S., 1967. Hazar-Sum caves. — In: *Hazar-sum and Fil Khana. Cave-sites in Afghanistan surveyed in 1962* / Ed. by Mizuno S. Kyoto. P. 59–67.
392. King G.R.D., 1997. A Nestorian monastic Settlement on the Island of Sir Bani Yas, Abu Dhabi: A Preliminary Report // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, Vol. 60, No. 2. P. 221–235.
393. Klein W., 2000. *Das nestorianische Christentum an Den Handelswegen Durch Kyrgyzstan Bis zum 14. Jh.* / *Silk Road Studies III*. — Turnhout: Brepols Publishers.

394. Klein W., 2004. A newly excavated church of Syriac Christianity along the Silk road in Kyrgyzstan / *The journal of Eastern Christian studies*. Vol. 56. 1–4. P. 25–47.
395. Klein W., Reck Ch., 2004. Ein Kreuz mit sogdischer Inschrift aus Ak-Bešim/Kyrgyzstan / *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Vol. 154, No. 1. P. 147–156.
396. Klein W, Rott Ph. G., 2006. Einige problematische funde von der seidenstrasse Novopokrovka IV und V, Issyk-Kul-Gebiet, Chotan / Jingjiao. *The Church of the East in China and Central Asia*. Ed. by R. Malek. *Collectanea Serica*. Institut Monumenta Serica. Sankt Augustin. P. 403–424.
397. Koshelenko G., Bader F., Gaibov V. 1995. The Beginnings of Christianity in Merv // *Iranika Antiqua*. Vol. XXX. P. 55–70.
398. Koselenko G.A., Lapsin A.G., 1996. Рец.: Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Под ред. Л.И. Жуковой Ташкент, 1994. 117 с. // *Mesopotamia*. 1996. Vol. 31. P. 323–326.
399. Kyzlasov L.R., 2010. The Urban Civilization of Northern and Innermost Asia. Historical and Archaeological Research. Ed. by G. Posticã & I. Kyzlasov. — București: Editura Academiei Române. Brâila: Editura Istros a Muzeului Brâilei. — 426 p.
400. Lala Comneno M.A., 1997. Nestorianism in Central Asia during the First Millennium: Archaeological Evidence // *Journal of the Assyrian Academic Society*. Vol. 11, № 1. P. 20–53.
401. Lerner J., 1991. // *Encyclopedia Iranica*. Ed. by E. Yarshater. Hazda Publishers Costa Mesa, California. Vol. 5. P. 528–530.
402. Loginov S.D., Nikitin A.B., 1993. Sasanian coins of the late 4th-7th centuries from Merv // *Mesopotamia*. Vol. 28. P. 271–272, 277–278.
403. M. Allotte de la Fuye. Annexe au process-verbal: Une monnaie turco-chinoise // *Journal Asiatique*, Janvier-Fevrier, Paris. 1910. T. 15. P. 189.
404. Matheson S.A., 1972. *Persia: An Archaeological Guide*. London. P. 243–246.
405. Moffet S.H., 1992. *A history of Christianity in Asia. Volume I: beginnings to 1500*. HarperSanFrancisco. A Division of HarperCollinsPublishers. — 519 p.
406. Mochiri M.I., 1977. *Étude de numismatique iranienne sous les Sassanides et Arabe-Sassanides*. T. II. Téhéran: Ministère de la Culture et des Arts.
407. Naymark A.I., 2011. A Christian Principality in the Seventh Century Bukharan Oasis // *ONS Journal of the Oriental Numismatic Society*. Ed. S. Goron, Croydon, Surrey, UK. No. 206. P. 2–3.
408. Oates D., 1962. Qasr Serij — A Sixth Century Basilica in Northern Iraq // *Iraq*. Vol. 24. No. 2 (Autumn, 1962). P. 78–89, pls XXVII-XXIX.
409. Okada Y., 1991. Early Christian Architecture in the Iraqi South-Western Desert // *Al-Rafidan*, XI. P. 71–83.

410. Pavchinskaia L.V., 1994. Sogdian ossuaries // *The Archaeology and Art of Central Asia Studies from the Former Soviet Union. Bulletin of the Asia Institute. New Series / Vol. 8. U.S.A. P. 209–225.*
411. Parry K., 1996. Images in the church of the East: the evidence from Central Asia and China Source // *University of Manchester Contributed. P. 143–162.*
412. Potts D.T., 1994. Nestorian Crosses from Jabal Berri // *Arabian archaeology and epigraphy. № 5. Printed in Denmark. P. 61–65.*
413. Puschnigg G., 1999. Kharoba Koshuk, in G. Herrmann (ed.), *Monuments of Merv. Traditional Buildings of the Karakum. London. P. 103–104, 180–181.*
414. Rossi Osmida G.R., 2011. Interventions of recovery and restoration conducted at the site of Haroba Kosht (Turkmenistan) // *Parthica. Incontri di culture nel mondo antico. Fabrizio Serra editore, Pisa–Roma. Anno 13. P. 145–178.*
415. Saeki Y., 1951. *The Nestorian Documents and Relics in China. Tokyo. — 525 p.*
416. Sachau E., 1919. *Zur Ausbreitung des Christentums in Asien. Berlin: Verl. d. Akad. d. Wiss. — 88 p.*
417. Savchenko A., 1996. Urgut Revisited / Trade routes in the Near East & cultural interchange in the Arabian Peninsula // *Aram, Volume 8: 1&2. P. 333–354.*
418. Savchenko A.V., 2005. On the Christian settlement of Urgut // *Transactions of the Oriental Department of the Russian Archaeological Society. Vol. II (XXVII), St. Petersburg.*
419. Savchenko A.V., 2006. Excavations in Urgut. August-October 2005. Progress report. Kiev.
420. Savchenko A, Dickens M., 2009. Prester John's Realm: New Light on Christianity between Merv and Turfan / *The Christian Heritage of Iraq. Collected papers from the Christianity of Iraq I-V Seminar Days. Gorgias press. P. 121–135, 295–302.*
421. Savchenko A.V., 2010. Ostliche Urkirche in Uzbekistan. In: *Antike Welt, Philipp von Zabern, Mainz, 2. C. 74–82.*
422. Savchenko A.V., 2022. Roads and Kingdoms: Two Encounters with the Nazarenes Beyond the River // *Brill. Series: Eastern Christian Studies, Vol.: 32. (в печати).*
423. Semenov G.L., 1996. *Studien zur sogdischen Kultur an der Seidenstraße. Wiesbaden: Harrassowitz, X, 150 S. (Studies in Oriental Religion. Vol. 36).*
424. Simpson St. John., 1996. Digging on Iran's Doorstep // *British Museum Magazine. 24, Spring.*
425. Simpson St. John., 2018. Christians on Iraq's desert frontier // *al-Rafidan. Vol. XXXIX. P.*
426. Sims-Williams N., 1991 // *Encyclopaedia Iranica. Ed. by E. Yarshater. Hazda Publishers Costa Mesa, California. Vol. 5. P. 530–534.*

427. Steve (Marie-Joseph) et al., 2003. L'île de Khārg. Une page de l'histoire du Golfe Persique et du monachisme oriental / Avec la collaboration de C. Hardy-Guilbert, Chr. et F. Jullien et E. Smekens, et des contributions de F. Gaffary, E. Haerinck, É. Puech et A. Rougeulle; éd. Par H. Gasche. Neuchâtel: Recherches et Publications, 2003. 236 p., pl. (Civilisations du Proche-Orient. Sér. 1: Archéologie et environnement. 1).

428. Stewart J. Nestorian Missionary Enterprise. Edinburgh: T & T Clark, 1928. P. 17–35.

429. Spuller B. Die Nestorianische Kirche. — Handbuch der Orientalistik. Bd. 8,1.

430. Talbot-Rice D., 1934. The Oxford Excavations at Hira, 1931 // *Ars Islamica*. Vol. I, No.1. Pub. by: Freer Gallery of Art, The Smithsonian Institution and Department of the History of Art, University of Michigan. P. 51–73, figs 1–24.

431. Une monnaie sino-sogdienne trilingue de Boukhara, 1997 // *Bulletin de la Société Française de Numismatique*. № 7, сентябрь, 1997. С. 144–150.

432. Zeimal E.V., 1994. The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth-Eighth Centuries A.D.) // *Bulletin of the Asia Institute. The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Former Soviet Union. New Series*. Vol. 8. USA. P. 245–267.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

МИХЕЕВА АННА АНДРЕЕВНА

**ХРИСТИАНСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ (IV В. – НАЧ. XIII В.)**

Исторические науки

Специальность:

5.6.3. – Археология

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Том II

Научный руководитель:

Никонов В.П.

Кандидат исторических наук, ст.н.с

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том II

Приложение 1. Таблицы

Таблица 1. Байрам-алинский некрополь (Туркмения).....	с. 3
Таблица 2. Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс (Кыргызстан).....	с. 89
Таблица 3. Ак-Бешим (объект IV). Христианская церковь с кладбищем (Кыргызстан).....	с. 97
Таблица 4. Могильник Дурмон-тепе (Дурмен-тепа; Узбекистан).....	с. 114
Таблица 5. Некрополь Беловодская крепость (Кыргызстан).....	с. 129
Таблица 6. Сводная таблица керамических плакеток и матриц, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 145
Таблица 7. Сводная таблица крестов и подвесок из камня, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 162
Таблица 8. Сводная таблица металлических нательных, нагрудных и процессионных крестов, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 172
Таблица 9. Сводная таблица крестовключенных подвесок и медальонов-рыбок, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 235
Таблица 10. Сводная таблица предметов христианского культа, обнаруженных на территории Средней Азии.....	с. 257
Таблица 11. Сводка монет с христианскими символами с Восточного Ирана и вассальных территорий.....	с. 262
Таблица 12. Сводка монет с христианскими символами, найденных на территории Средней Азии.....	с. 273
Таблица 13. Дурмон-тепе. Сводная таблица погребений: Восточный (Раскоп 12) и Западный (Раскоп 1) некрополи (Том I).....	с. 195
Таблица 14. Сводная таблица объектов и предметов христианского культа, обнаруженных на территории Средней Азии (Том I).....	с. 324

Том III

Приложение 2. Иллюстрации

Таблица 1

Байрам-алинский некрополь (Туркмения)

1. Байрам-алинский некрополь (раскопки С.А. Ершова в 1954-1956 гг. Южный холм. Раскоп 3); [Ершов, 1959, с. 160-204] ¹								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Южный холм (Р. 3). Ю-В часть. Верхний горизонт 1 захорон.	-	Голова на север. На спине. Руки сложены на животе	-	-	Открытое труположение	В ногах раздавленны й сосуд.	-
2.	Возвышенная ю-в. часть холма. Верхний и средний горизонты. 6 захорон.	-	На спине, в выт. пол. Голова на юг или на север	На глубине половины 2-го горизонта	Могильная яма прямоугольной формы.	Сверху прикрыты сырцовым кирпичом (в 4-х положенных плашмя, в 2-х – поставленных на ребро, наклонно друг к другу).	Не обнаружен	Впускные погребения. На поверхности обозначены воткнутыми в землю фрагментами толстостенных сосудов.

¹ В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (труположения). Таблица основана на публикации: Ершов С.А., 1959. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954–1956 гг.) // Труды Института истории, археологии, и этнографии АН ТССР. Т. V. Ашхабад: АН ТССР. С. 160–204.

**1. Байрам-алинский некрополь (раскопки С.А. Ершова в 1954-1956 гг. Южный холм. Раскоп 3);
[Ершов, 1959, с. 160-204]¹**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметр ы ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
								Есть фото (качество плохое).
3.	Ю-В угол здания. Камера № 1. 3 захорон.	-	-	-	-	Гробница из обожженных кирпичей (1 – с плоским перекрытием; 2 – двускатные, поставленными на ребро кирпичами).	-	-
4.	Ю-В угол здания. Камера № 1. 1 захорон.	-	-	-	-	Открытое труположение	-	-
5.	Камера № 2 2 захорон.	-	-	-	-	Гробница из обожженных кирпичей.	-	-

**1. Байрам-алинский некрополь (раскопки С.А. Ершова в 1954-1956 гг. Южный холм. Раскоп 3);
[Ершов, 1959, с. 160-204]¹**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметр ы ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
6.	Камера № 2 5 захорон.	-	-	-	-	В керамических гробах цилиндрической формы	-	-
7.	Камера № 3 1 захорон.	-	-	-	-	Одна половина сделана из обожжённых кирпичей, вторая – из сосуда цилиндрической формы.	-	-
8.	Камера № 4 2 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-
9.	Камера № 4 1 захорон.	-	-	-	-	Гробница из обожженных кирпичей	-	-
10.	Камера № 4 2 захорон. (у стен)	-	-	-	-	Открытое труположение	-	-

**1. Байрам-алинский некрополь (раскопки С.А. Ершова в 1954-1956 гг. Южный холм. Раскоп 3);
[Ершов, 1959, с. 160-204]¹**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметр ы ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
11.	Камера № 5 3 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-
12.	Камера № 6 1 захорон. (у стены)	-	-	-	-	Открытое труположение	-	-
13.	Камера № 7 1 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-
14	Камера № 7 1 захорон. В ю-в углу.	-	-	-	-	Открытое труположение	-	-
15.	Камера № 8 1 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-
16.	Камера № 9 2 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-

**1. Байрам-алинский некрополь (раскопки С.А. Ершова в 1954-1956 гг. Южный холм. Раскоп 3);
[Ершов, 1959, с. 160-204]¹**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметр ы ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
17.	Камера № 10 1 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-
18.	Камера № 10 1 захорон.	-	-	-	-	Гробница из обожженных кирпичей.	-	-
19.	Камера № 11. 1 захорон.	-	-	-	-	Гробница из обожженных кирпичей.	-	В пом. найдена гончарная труба на 4, 60 м. (дренаж?)
20.	Камера № 12 1 захорон.	-	-	-	-	Гробница из обожженных кирпичей.	-	
21.	Камера № 14 2 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-
22.	Камера № 15 3 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб	-	-

**1. Байрам-алинский некрополь (раскопки С.А. Ершова в 1954-1956 гг. Южный холм. Раскоп 3);
[Ершов, 1959, с. 160-204]¹**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметр ы ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						цилиндрической формы.		
23.	Камера № 16 5 захорон.	-	-	-	-	Гробница из обожженных кирпичей.	-	-
24.	Камера № 16 1 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-
25.	Камера № 17 1 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-
26.	Камера № 24 1 захорон.	-	-	-	-	Гробница из обожженных кирпичей. Кирпичи поставлены на ребро наклонно друг к другу.	-	-

1. Байрам-алинский некрополь (раскопки С.А. Ершова в 1954-1956 гг. Южный холм. Раскоп 3); [Ершов, 1959, с. 160-204] ¹								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметр ы ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
27.	Камера № 24 2 захорон.	-	-	-	-	Керамический гроб цилиндрической формы.	-	-
28.	Двор здания 14 захорон. У входов в камеры.	-	-	-	-	Открытое труположения.	-	-
<p>Количество погребений согласно таблице:</p> <p>1. Открытое труположение – 20</p> <p>2. Грунтовая могильная яма прямоугольной формы, перекрытая сверху сырцовым кирпичом плашмя или поставленным на ребро. На поверхности обозначены воткнутыми в землю толстостенными сосудами – 6</p> <p>3. Гробницы из обожженных кирпичей – 15</p> <p>4. Керамические гробы цилиндрической формы – 25</p>								
<p>Количество погребений по Ершову [См. таблицу. Ершов, 1959, с. 171]:</p> <p>Захоронение через труположение.</p> <p>Открытое: 1 в верхнем горизонте, 20 в среднем горизонте, 5 в нижнем горизонте. Всего 26 погребений.</p> <p>В гробницах из обожженных кирпичей: 17 в нижнем горизонте. Всего 17.</p> <p>В керамических гробах цилиндрической формы: 20 в среднем горизонте, 32 в нижнем горизонте. Всего 52 захоронения.</p> <p>Датировка могильника по С.А. Ершову: на основе монет и сравнительных данных нижний горизонт он датирует V в., средний и верхний – VI–VII вв. Погребения по обряду труположения С.А. Ершов относит к маздакитам [Ершов, 1959, с. 180].</p>								

2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1); [Обельченко, 1969, с. 86-99] ²								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение косяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Северо-восточный сектор.	Реб. (7- 9 лет)	С севера на юг.	-	-	-	-	-
2.	В 2-х м от центра бугра к югу.	Взр.	Головой на сев- зап. Вытянуто на спине, руки вдоль туловища.	-	-	-	-	Ступни ног отсутствовали. Костяк в натечном слое.
3.	В 2-х м от центра бугра к югу. 2 захорон.	Взр.	Головой на юго- восток. На спине, левая нога поверх правой.	-	-	-	-	Костяк в натечном слое.
4.	Севернее, от центра.	Взр.	В вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Руки согнуты в локтях и прижаты	-	-	-	-	-

² В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (труположения). Таблица основана на публикации: Обельченко О.В., 1969. Некрополь Древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.) // Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад: Ылым. С. 86-99.

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			кистями к плечам, левая к левому, правая, к правому.					
5.	Северо-западный сектор, ок. центра холма. Под слоем дерна.	Взр.	В вытянутом положении, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях под прямым углом, левая на грудной клетке, правая на животе.	-	-	-	-	-
6.	Северо-западный сектор.	Взр.	Вытянуто на спине, ногами на запад-юго-запад. Череп, кости левой руки отсутствовали, таз разбит.	-	-	-	-	-

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
7.	Северо-западный сектор.	Взр.	Костяк лежал в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток. Его левая рука была согнута и положена кистью на пояс, правая также согнута в локте и положена кистью на грудную клетку. Череп был немного повернут направо к плечу.	Могила ориентирована с юго-запада на северо-восток. Длина перекрытия могилы 1,9 м, ширина 0,45 см. Крестообразная выкладка, длина 0,55 см, ширина 0,9 м.	-	Погребение, перекрытое жженным кирпичом. Кирпичи, поставленные на ребро, опираясь один на другой, образовывали двухскатное перекрытие могилы. Кирпичи из глины, со следами алебаstra: 34,5x36x5,5 см, 28x29x5 см, 30x30,5x5,5 см.	-	В юго-западном конце перекрытия располагались четыре кирпича, образуя прямой крест, который являлся продолжением этого двухскатного перекрытия.
8.	Юго-восточный сектор.	Взр.	Костяк, вытянуто на спине, головой на северо-восток. Руки	-	-	-	-	Лежал в натечном слое.

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			располагались вдоль туловища.					
9.	Юго-восточный сектор. Глубина не более метра от нулевой поверх. холма.	Дет.	Костяк, лежал, вытянуто на спине. Ноги обращены к юго-западу	-	-	-	-	Череп и кости ног отсутствовали.
10.	У южной стены восточной бровки. 2 захорон.	Взр.	Костяк, располагался внутри цилиндров, в сжатом положении, ориентированный головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях и сложены крест-накрест на тазе. Ноги сжаты и плотно	-	-	Три керамических цилиндра, на линии с северо-востока на юго-запад.	-	Сверху цилиндры были повреждены. Внутри заполнены землей. Размеры каждого цилиндра: длина 0,6 м, диаметр 30 см, толщина стенок 2 см. Сделаны из глины светло-желтого обжига.

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			соединены в коленях.					Уровень залегания и ориентация идентичны погребениям с труположениями в грунт.
11.	Юго-западный сектор.	Взр.	Вытянуто на спине, ногами на северо-запад.	Гл. 1 м	-	Могила, вырытая в сильно разрушенной сырцовой кладке.		Череп не сохранился.
12.	Юго-западный сектор.	Взр.	Вытянуто на спине, ногами на северо-запад. Левая рука согнута и прижата кистью к плечу.	Гл. 1 м	-	Могила, вырытая в сильно разрушенной сырцовой кладке.	-	Череп не сохранился.

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
13.	Центр холма.	Взр.	Скелет, зафиксированный на правом боку, голова на северо-восток. Ноги сомкнуты в коленях и слегка подогнуты. Левая рука согнута в локте, кисть располагалась на животе. Череп находился на правой стороне, обращенный глазницами на юго-запад.	-	-	-	-	Мусульманское (?)

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
14	Южнее от центра.	-	Могила ориентирована с запада на восток. Глубина 1,5 м от нулевой точки.	-	-	Остатки могилы из жженного кирпича. Сохранилось несколько кирпичей, среди которых два кирпича стояли под углом. Размер 26х?х7 см.	-	Костяк не сохранился.
15.	Западный сектор. К востоку.	Взр.	Костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-восток. Руки вдоль туловища, череп повернут направо.	-	-	-	-	В ногах скелета лежали два целых и один обломанный жженные кирпичи, размером 37х37х7 см.
16.	Западный сектор. 2 захорон.	Дет.	Костяк, лежавший вытянуто на спине, головой	-	-	-	-	Череп на правой стороне.

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			на северо-восток.					
17.	Западный сектор. 2 захорон.	Взр.	Костяк, вытянутый на спине, руки вдоль туловища, головой на северо-восток.	-	-	-	-	-
18.	Западный сектор. 3 захорон.	Взр.	Костяк, вытянутый на спине, руки вдоль туловища, головой на восток.	-	-	-	-	-
19.	Западный сектор.	Дет.	Костяк, вытянутый на спине, руки вдоль туловища, головой на северо-восток.	-	-	-	-	Череп располагался на целом жженном кирпиче и на фрагменте. Целый кирпич был обмазан

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
								алебастром, размер кирпича 44x26x7 см.
20.	Западный сектор. К юго-востоку от центра холма.	Взр.	Костяк, вытянутый на спине, головой на северо-восток, ближе к востоку.	-	-	-	-	В ногах располагался крупный фрагмент жжённого кирпича.
21.	Западный сектор. К юго-востоку от центра холма.	Взр.	Костяк, вытянутый на спине, головой на северо-восток, ближе к востоку.	-	-	-	-	Череп повернут и находился на правом плече. Над черепом лежал фрагмент жженого кирпича, около левого плеча лежал фрагмент другого жженого кирпича.

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
22.	Западный сектор.	Взр.	Костяк, вытянутый на спине, голова на северо-восток. Руки вдоль туловища.	-	-	-	-	Ноги закинута одна на другую, перекрещённые. У стоп находился фрагмент жженого кирпича.
23.	Западный сектор.	Взр.	Костяк, вытянутый на спине, голова на северо-восток. Руки вдоль туловища.	-	-	-	-	Ноги согнуты в коленях и лежат отклоненные в левую сторону. Около черепа, с правой стороны, находился фрагмент жженого кирпича.
24.	Западный сектор.	Взр.	Костяк, вытянутый на спине, голова на северо-запад.	-	-	-	-	Около черепа находился фрагмент жженого кирпича.

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Руки вдоль туловища. Левая рука согнута в локте и положена на живот.					Погребение сверху было покрыто слоем крошки сырцового кирпича из глины с саманом.
25.	Западный сектор. 5 захорон.	Взр.	Костяк, вытянутый на спине, голова на юго-восток. Руки вдоль туловища. Череп повернут на восток, юго-восток.	-	-	-	-	Погребение сверху было покрыто слоем крошки сырцового кирпича из глины с саманом. Один из костяков лежал с согнутыми коленями. У другого сохранилась только нижняя часть костяка,

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
								на ступнях которого, поверх, находился крупный фрагмент жженого кирпича.
26.	Западный сектор.	Взр.	Костяк, в вытянутом положении на спине, головой на восток.	-	-	-	-	Скелет располагался в куче беспорядочно наваленных погребенных.
27.	Западный сектор. 2 захорон.	Взр.	Костяки располагались вытянуто на спине. Один головой на север, второй – на юг. У второго руки вдоль туловища, у	-	-	-	-	Два скелета лежали «валетом» друг к другу.

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			первого руки были согнуты в локтях и упирались в таз, как бы «подбоченясь».					
28.	Западный сектор. К западу от центра холма.	Взр.	Костяк, расположенный в вытянутом на спине положении, головой на север, руки вдоль туловища.	-	-	-	-	При расчистке скелетов были найдены монеты позднепарфянского чекана Маргианы, сасанидского правителя Мерва, Шапура I (242-272) и арабский фельс II в. хиджры. Но они были не сопровождающим инвентарем, а просто находились в

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
								культурном слое, в котором совершались захоронения.
29.	Юго-западный сектор. Около северо-западной стены сооружения (науса).	Подросток	Скелет, расположенный в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток-восток. Череп был отделен от позвоночника и лежал выше правого плеча. Левая нога согнута в колене и придвинута от колена голенью к голени правой ноги. Руки вытянуты вдоль туловища.	Длина могилы 1,45 см, ширина 46 см, высота 35 см.	Пол могилы выстлан жженным кирпичом, на них поставлены на ребро аналогичные кирпичи, образовавшие длинные боковые стенки/конструкцию самой могилы. С торца также располагались поставленные на ребро кирпичи.	Могила в виде «ящика», сложенная из жженного кирпича, обмазанного сверху алебастром. Размер кирпича могилы: 43х26х7 см.	-	С западной стороны могилы находился слой земли, образованный завалом фрагментов сырцового кирпича из глины с саманом. В самой могиле были прослежены следы натечного слоя. Все это говорит о том, что могила была

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
					Ориентирована могила с северо-востока на юго-запад. В южном конце могилы, из-под торцового кирпича выступает наполовину кирпич пола могилы. Перекрытие могилы находилось чуть ниже самого нижнего ряда кладки стен науса.			опущена в наус, когда он уже разрушался, на небольшую глубину.
<p>Количество погребений согласно таблице:</p> <p>1. Открытое труположение – 33</p> <p>2. Погребение, перекрытое жженным кирпичом – 2</p> <p>3. «Гроб» из трех керамических цилиндров – 2</p>								

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	4. Грунтовое захоронение – 2 5. Могила в виде «ящика» – 1 [Обельченко, 1969, с. 86-99].							
	<p>Основные выводы по О.В. Обельченко [Обельченко, 1969, с. 96-97]: Согласно О.В. Обельченко, в парфянскую эпоху на месте этого холма располагалось кладбище, на котором хоронили по зороастрийскому обряду. В понимании О.В. Обельченко, данный обряд подразумевает, что костяк просто оставлялся на земле и место захоронения одновременно служило дахмой. Также это захоронение в хуме, которое относится к первым векам новой эры. На этом слое, позднее, был построен в раннесасанидскую эпоху наус из сырцового кирпича, имевший вид ограды без перекрытия. Когда наус начал разрушаться, в районе северной стены была сделана могила в виде «ящика», повредившая северную стену науса. В наусе продолжают захоронения по зороастрийскому погребальному обряду, но без оссуариев, при этом, в это время наус служил и дахмой. Этот период автор раскопок относит к позднеасанидскому времени, до сер. VII в. [Обельченко, 1969, с. 96-97]. Погребение в виде «ящика» Обельченко относит к VI в. и считает его ранним христианским для этого времени, т.к. к IV в. уже известно о наличии христианской общины в Мерве и несторианского епископа [Обельченко, 1969, с. 96-97]. Большое количество скелетов, лежавших в беспорядке, без определенной ориентации О.В. Обельченко относит ко второй пол. VII в. и связывает их с борьбой хорасанцев против арабов [Обельченко, 1969, с. 96-97]. В последний период функционирования кладбища (VIII в.) на нем совершались захоронения в грунтовых могилах с разной ориентацией, в вытянутом на спине положении. К этому же периоду относится захоронение в могиле, сложенной из сырцового кирпича, с выкладкой в виде прямого креста, а также погребения в керамических цилиндрах. Наряду с этими погребениями, на кладбище продолжали существовать захоронения умерших по зороастрийскому погребальному обряду и несколько захоронений по мусульманскому обряду – в скорченном положении на боку, головой на северо-запад, лицом, обращенным к юго-западу [Обельченко, 1969, с. 96-97].</p> <p>К христианским погребениям О.В. Обельченко относит: 1. погребение в могиле в виде «ящика».</p>							

**2. Байрам-алинский некрополь (раскопки О.В. Обельченко в 1955 гг. Восточный холм. Раскоп 1);
[Обельченко, 1969, с. 86-99]²**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	2. погребения в грунтовых могилах. 3. погребение из жженого кирпича с выкладкой в виде креста. 4. погребения в керамических цилиндрах. Функционировать некрополь начинает в первых веках новой эры, а забрасывается в VIII в., когда начинается интенсивный процесс исламизации населения. По мнению О.В. Обельченко – это городское кладбище жителей древнего Мерва и его округа [Обельченко, 1969, с. 97].							

3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1); [Сусенкова, 1969, с. 100-108] ³								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Юго-восточный сектор. Внутри пом. № 1. Вдоль южной стены пом. Мог. № 1.	Взр.	Скелет, в вытянутом положении на спине. Голова ориентирована на северо-восток. Правая рука кистью касалась тазовой кости, левая согнута в локте.	-	-	Сложена из шести жженных кирпичей, поставленных на ребро, по длинным сторонам могилы. С торца располагались аналогичные кирпичи. Размеры: 32х32х5 см, 33х33х6 см, 34х34х5 см, 35х35х8 см. Снаружи могила с северной стороны была обложена лежащими на ребре тремя кусками	-	Костяк плохой сохранности. Кирпичи конструкции могилы желтоватого цвета, имели на стороне, обращенной внутрь могилы следующие клейма: в виде одной полосы и рядом небольшой подковы, расположенной в верхнем правом углу; в виде русской

³ В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (труположения). Таблица основана на публикации: Сусенкова Р.С., 1969. Некрополь Древнего Мерва (материалы раскопок 1956 г.) // Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад: Ылым. С. 100–108.

**3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1);
[Сусенкова, 1969, с. 100-108]³**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение косяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						<p>жженного кирпича и одним фрагментом стенки хума. Сверху могила перекрывалась шестью жженными кирпичами, положенными плашмя. Размеры кирпичей: 31х31х5 см, 32х32х5 см, 35х35х8 см, 34х34х7 см. Снаружи и внутри могилы была покрыта неровным слоем алебаstra. На стыках слой алебаstra был более толстым.</p>		<p>буквы «Т»; в виде перекрестия или крестообразного знака; в виде буквы «Р», в виде кольца. Клейма сделаны до обжига. Внутри могила была засыпана слоем рыхлой земли с коркой (от влаги). Между слоем и крышкой могилы имелась пустота</p>

**3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1);
[Сусенкова, 1969, с. 100-108]³**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						Сверху могила была покрыта рядом сырцовых кирпичей: 40x40x10 см.		
2.	К востоку от пом. № 1. На гл. 1,5 м от д/п. В слое рыхлого грунта. Скелет № 1.	Взр.	На спине. Голова ориентирована на северо-восток – восток. Руки вдоль туловища, ноги «уходили» в разрушенную кладку стены.	-	-	-	-	-
3.	К востоку от пом. № 1. На гл. 1,5 м от д/п. В слое рыхлого грунта. Параллельно скелету № 1. Скелет № 2.	Взр.	На спине. Голова ориентирована на северо-восток – восток. Руки согнуты в локтях.					

**3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1);
[Сусенкова, 1969, с. 100-108]³**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
4.	К востоку от пом. № 1. На гл. 1,5 м от д/п. В слое рыхлого грунта. Параллельно скелету № 1, 2. Скелет № 3. Аналогичны скелеты №№ 4, 5, 6. Только № 4 — это скелет ребенка плохой сохранности.	Взр.	На спине. Голова ориентирована на северо-восток – восток. Руки вдоль туловища.	-	-	-	-	-
5.	Северо-восточный сектор. Пом. № 2. На гл. -75 см от д/п располагались 3 скелета: № 7, 8, 9.	Взр.	В вытянутом положении, на спине. У №№ 7 и 9 руки вдоль туловища, у № 8 правая рука откинута, левая согнута в локте и обращена кистью к плечу.	-	-	-	-	Располагались на расстоянии 40 см друг от друга.

**3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1);
[Сусенкова, 1969, с. 100-108]³**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Все три костяка головами ориентированы на юго-восток.					
6.	Северо-восточный сектор. Пом. № 2. К северу от вышеуказанных находился скелет № 10.	Взр.	В вытянутом положении, на спине. Голова ориентирована на юго-восток.	-	-	-	-	-
7.	Северо-восточный сектор. Пом. № 2. Западнее вышеуказанных находился скелет № 11.	Взр.	В вытянутом положении, на спине. Голова ориентирована на север.	-	-	-	-	-

**3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1);
[Сусенкова, 1969, с. 100-108]³**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
8.	Пом. № 2. Перпендикулярно западной стене Мог. № 2.	Взр.	Костяк плохой сохранности, в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища. Голова ориентирована на северо- восток.		Внутри и снаружи могила была обмазана неровным слоем алебастра. Сверху на могилу был положен ряд сырцовых кирпичей: 40x40x10 см.	Длинные стороны могилы выложены из пяти поставленных на ребро жженных кирпичей и половины шестого. С торцов располагались по одному кирпичу. Кирпичи имели клейма в виде полосы, прямого креста и в виде кольца. Размеры: 31,5x31,5x5,5 см; 32x32x5,5 см; 33x33x6 см; 32x32x7 см; 32x32x6,7 см. Сверху могильная яма была перекрыта прямоугольными	-	Сверху костяк был присыпан небольшим слоем земли.

**3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1);
[Сусенкова, 1969, с. 100-108]³**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						жженными кирпичами, положенными плашмя. Размеры прямоугольных кирпичей: 41x25x5 см; 50x31x5 см; 50x32x5 см.		
9.	Пом. № 2. Вдоль западной стены. Могила № 5.	Взр.	Скелет, хорошей сохранности, находился в вытянутом положении на спине, головой на север, лицом, повернутым на запад.	-	-	Могила, сложенная из жженных кирпичей, более крупных, чем в могиле № 2. 32x32,5x6 см; 33x33,5x6,5 см; 34x34x7,5 см. Клейм на кирпичах не было.	-	-
10.	К востоку от пом. № 2.	Реб.	Труп был втиснут в цилиндр в вытянутом	-	-	Длина каждого цилиндра 66 см, диаметр 34 см. По торцам диаметр	-	Внутри серовато-зеленый песок.

**3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1);
[Сусенкова, 1969, с. 100-108]³**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	Захоронение в керамических цилиндрах.		положении. Голова ориентирована на северо-восток.			30 см и сбоку они были прикрыты большими кусками жженных кирпичей.		
11.	Северо-западный сектор. Остатки могилы.	Реб.	Костяк плохо сохранился.	-	Глубина могильной ямы ок. 80 см.	Сложена из жженных кирпичей, обмазанных алебастром.	-	Череп присыпан землей. Погребение впускное.
<p>Количество погребений согласно таблице: 1. Могила, построенная из жженных кирпичей – 4 2. Открытое труположение – 11 3. Захоронения в керамических цилиндрах – 1 [Сусенкова, 1969, с. 100-108].</p>								

**3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1);
[Сусенкова, 1969, с. 100-108]³**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могила/ перекрытие могила/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	<p>Основные выводы по Р.С. Сусенковой [Сусенкова, 1969, с. 103-104]:</p> <ol style="list-style-type: none"> Первый период – возведение наусов. Стены сохранились до 60 см., которые, вероятно, имели сводчатое перекрытие. Второй период – к нему относятся захоронения, сделанные в могилах из жженного кирпича. Одиночные костяки без всякого погребально инвентаря автор относит к этому периоду, т.к. захоронения в могилах и без находились на одном уровне, и погребенные имели одинаковую ориентацию. Костный завал, перекрывающий стены помещения, сложенные их сырцового кирпича. Впускные захоронения, сделанные в разрушенном помещении. Захоронения в цилиндрах [Сусенкова, 1969, с. 103-104]. <p>Мощность слоев с захоронениями составляла от 3-х до 4-х м.</p> <p>Началом возведения наусов автор раскопок относит к нач. III в. н.э. (по монете, найденной в глине для изготовления кирпичей).</p> <p>Наусы предназначались для зороастрийских погребений (в хумах и оссуариях) [Сусенкова, 1969, с. 103-104].</p> <p>Хронология захоронений по Р.С. Сусенковой [Сусенкова, 1969, с. 105]:</p> <ol style="list-style-type: none"> III-IV вв. – захоронения в хумах и беспорядочный завал костей (кучки костей). Позже IV в. – труположения в могилах, сложенных из жженного кирпича. Позже IV в. – захоронения в грунтовых могилах. Они одновременны с могилами, сделанными из жженного кирпича. Также: они находятся в одном и том же стратиграфическом слое, имеют одинаковое труположение и ориентировку. Эти захоронения были выполнены после того, как наусы уже были заброшены и стали разрушаться. Вероятно, до конца V в. (кризис рабовладельческого общества) [Сусенкова, 1969, с. 105]. <p>Погребения в могилах и сделанных из жженных кирпичей впускные, т.к. могильная яма выкопана ниже уровня пола. Могильная яма для погребений из жженных кирпичей была больших размеров, чем сама могила (что-то вроде гроба, сделанного из жженных кирпичей – А.М.). Пустое пространство, между могильной ямой и «гробом из кирпичей» заполнялось для устойчивости кусками жженных кирпичей и фрагментами хумов [Сусенкова, 1969, с. 106].</p>							

**3. Байрам-алинский некрополь (раскопки Р.С. Сусенковой в 1956 гг. Юго-восточный и сев.-восточный секторы. Раскоп 1);
[Сусенкова, 1969, с. 100-108]³**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могины/ перекрытие могины/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	<p>Согласно описанию Р.С. Сусенковой, первоначально выкапывалась большая яма, в которой сооружался «гроб» из жженных кирпичей, который потом обмазывался внутри и снаружи слоем алебастра. Поверх «гроб» перекрывался прямоугольными кирпичами.</p> <p>К этим двум типам относятся большинство погребений, открытых в данном полевом сезоне 1956 г.. Погребенные, как правило, лежат в вытянутом положении на спине, руки располагаются вдоль туловища или слегка согнуты в локтях; в двух случаях руки согнуты в локтях, а кисти касаются плеч. Большинство костяков ориентированы головами на северо-восток-восток и только у трех ориентация по линии север-юг, головой на юг. Все погребения безынвентарные [Сусенкова, 1969, с. 105-107].</p> <p>Принадлежность погребенных к определенной религии по Р.С. Сусенковой: По мнению Р.С. Сусенковой, захоронения в могилах и могилах, сделанных из жженного кирпича, можно отнести к христианскому культу, т.к. согласно зороастризму Авестой запрещено предавать трупы земле, а мусульман положено хоронить головой на север, лицом повернутым на кыблу [Сусенкова, 1969, с. 107].</p> <p>Покойников укладывали в могилы, сложенные из жженных или сырцовых кирпичей, или просто в грунтовые ямы, в вытянутом положении на спине. Для расположения рук определенных правил не отмечено. По мнению Р.С. Сусенковой, захоронения в керамических гробах цилиндрической формы, также следует отнести к христианам, судя по положению костяка и его ориентации. Сам же некрополь действовал от позднепарфянского времени и до арабского завоевания [Сусенкова, 1969, с. 107].</p> <p>На кладбище отмечен зороастрийский и христианский обряды погребения. Как считает Р.С. Сусенкова, на памятнике прослежен один из самых ранних типов христианского погребения в Средней Азии [Сусенкова, 1969, с. 107].</p>							

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	<p>Помещение I. По Г.А. Кошеленко — это второй период функционирования здания.</p> <p>Аналогичных могил в пом. № 1 было зафиксировано 13 штук.</p>	Взр.	<p>Могилы ориентировались : запад-восток или север-юг. Череп погребенного всегда находился либо в восточной, либо в южной части могилы. Умерший укладывался на спину, руки вдоль тела или на груди. Иногда одна рука на груди (левая), вторая вдоль тела. Лицом кверху.</p>	-	-	<p>Прорубался пол, и могильная яма заглублялась в платформу на 30-50 см. Затем устраивался могильный ящик: дно могильной ямы выстилалось жженным кирпичом, рядом или на них вертикально ставились боковые кирпичи, сверху могила перекрывалась аналогичными кирпичами. Размеры их: 35х34х6 см;</p>	-	<p>Данные погребения обнаружены во всех помещениях науса.</p>

⁴ В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (труположения). Таблица основана на отчете Кошеленко Г.А. Кошеленко Г.А., 1965. Раскопки некрополя древнего Мерва в 1963 г. Ф-1. Р-1. № 2884. 13 л. № 2884а – альбом иллюстраций.

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Сверху покойник присыпался небольшим количеством земли, которая с течение времени оседала на умершем, обнажая большую часть костяка.			35x35x6 см; 37x26x7 см; 37x27x7 см; 44x31x6 см; 42x29x7 см; 41x25x6 см. Получался своеобразный могильный ящик. Могильный ящик изнутри, сверху иногда и снаружи обмазывался алебастровым раствором. Могила, точнее кирпичный могильный ящик присыпался сверху слоем земли до уровня прорубленного пола.		

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
2.	Помещение I. По Г.А. Кошеленко — это второй период функционирова ния здания [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 7- 9]. 2 могилы.	Дет.	Могилы ориентировались : запад-восток или север-юг. Череп погребенного всегда находился либо в восточной, либо в южной части могилы. Умерший укладывался на спину, руки вдоль тела или на груди. Иногда одна рука на груди (левая), вторая вдоль тела.	-	-	Прорубался пол, и могильная яма заглублялась в платформу на 30- 50 см. Затем устраивался могильный ящик: дно могильной ямы выстилалось жженным кирпичом, рядом или на них вертикально ставились боковые кирпичи, сверху могила перекрывалась аналогичными кирпичами. Могильный ящик изнутри, сверху иногда и снаружи обмазывался	-	-

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						алебастровым раствором. Могильная яма присыпалась сверху слоем земли до уровня прорубленного пола.		
3.	Помещение I. Могила № 1.	Взр.	Аналогично вышеуказанным.	-	-	Аналогична вышеуказанным, но построена не в полу, а в западной нише, построенной в нижней части стены.	-	-
4.	Помещение I. Северо-западный угол помещения. Могила № 20.	Взр.	Аналогично вышеуказанным.	-	-	Аналогична вышеуказанным, но для устройства могилы был использован сырцовый кирпич.	-	-

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
5.	Помещение I. Могила № 15 и № 15 а.	Взр.	Аналогично вышеуказанным.	-	-	Грунтовая могила, ниже уровня пола, без всякой обкладки. Могильная яма, заглубленная в платформу на 40- 50 см, сверху засыпалась землей до уровня пола.	-	В могиле положены один над другим два умерших.
6.	Помещение I. Могила	Взр.	Аналогично вышеуказанным.	-	-	Погребение сделано в нише- подбье. На высоте 0,3 м от уровня пола была вырублена ниша, глубиной до 40 см, высотой от 30 до 50 см, длиной около 1,7 м. Умерший укладывался в нишу. После	-	-

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						этого она закладывалась вертикально поставленным кирпичом и обмазывалась глиняной штукатуркой.		
7.	Помещение I. Южная сторона. 1 погребение.	Взр.	Аналогично вышеуказанным.	-	-	Погребенный был просто присыпан землей.	-	Поверх могилы № 1.
8.	Помещение I. Западная сторона. 1 погребение.	Взр.	Аналогично вышеуказанным.	-	-	Погребенный был просто присыпан землей.	-	Поверх могилы № 1.

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
9.	Помещение II. Могила № 3.	Взр.	Аналогично вышеуказанным. Ориентация головы на восток или на юг.	-	-	Могила, сделанная из жженных кирпичей, построенной на полу.	-	-
10.	Помещение II. Вдоль южной стены. 2 погребения.	Взр.	Аналогично вышеуказанным. Ориентация головы на восток или на юг.	-	-	Просто лежали на полу.	-	-
11.	Помещение III. В южной стене. 1 погребение.	Взр.	Аналогично вышеуказанным. Ориентация головы на восток или на юг.	-	-	Погребение сделано в нише- подбье.	-	-
12.	Помещение III. 5 погребений.	Взр.	Аналогично вышеуказанным. Ориентация головы на восток или на юг.	-	-	Могила построена на полу.	-	Вдоль стен помещения. Эти могилы имели небольшую ширину, ок. 30

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
								см, соответственно, у костяков кости грудной клетки были как правило смяты.
13.	Помещение IV. У западной стены. 1 погребение.	Взр.	Аналогично вышеуказанным.	-	-	В нише-подбое.	-	Погребение было заглублено в платформу, и его нижняя часть находилась ниже уровня пола.
14.	Помещение V. 12 человек.	Взр.	Аналогично вышеуказанным.	-	-	Просто на полу.	-	Костяки располагались один рядом с другим.

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
15.	Массовое захоронение. 17 человек	-	Вытянуто на спине, руки вдоль тела. Ориентация головы – на запад, в двух случаях – на восток.	-	-	Грунтовая могильная яма.	-	-
<p>Количество погребений согласно таблице:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Могильная яма, обложенная жженным кирпичом (могильный ящик из жженного/сырцового кирпича) – 17 2. Могила в нише-подбое – 3 3. Грунтовая могила (могильная яма без обкладки) – 4 4. Могила из жженных кирпичей, построенная на полу (могильный ящик на поверхности пола из жженного кирпича) – 6 5. Открытое труположение – 14. 6. Массовое захоронение – 17 [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]. 								

**4. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко в 1963 г. Центральный холм. Раскоп 2. Отчет № 2884: № 2884 а);
[Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 1–13]⁴**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	<p>Основные выводы по Г.А. Кошеленко [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 8].</p> <p>В результате проведенных работ, археологами был вскрыт наус или сооружение, предназначенное для погребений по оссуарному обряду (в оссуариях, хумах). Начало строительства науса, согласно двум монетам, – начало III в. Это первый период функционирования здания.</p> <p>Во-втором периоде, остатки оссуариев аккуратно убираются в сторону, и в здании начинают хоронить умерших по обряду ингумации (труположение). В это время здание уже постепенно начало разрушаться – это III в. н.э.</p> <p>В-третьем периоде также совершались захоронения по обряду труположения. Вероятно, период, когда на памятнике совершались данные захоронения занимает несколько веков, – с III до VII в. н.э.</p> <p>В VII в. когда здания уже было полностью разрушено, в наусе вновь встречаются захоронения в оссуариях и хумах [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 8].</p> <p>Основные конструкции могил, встреченные в процессе раскопок следующие:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Могильный ящик из жженного кирпича, сделанный в неглубокой яме. 2. Могильный ящик, из сырцового кирпича, сделанный в неглубокой яме. 3. Могильная яма, сделанная в полу, без всякой обкладки (грунтовое захоронение) 4. Могильный ящик, сделанный из жженного кирпича на поверхности пола. 5. Могила в нише-подбое. 6. Костяк располагался на полу. <p>Ориентация костяков запад-восток или север-юг. Умерший укладывался на спину, руки вдоль тела. Иногда, одна рука вдоль тела, вторая (левая) – на груди.</p> <p>Все погребения безынвентарные.</p> <p>В какой-то момент здесь была вырыта большая могила, в которой было погребено 17 умерших, лежавших в 6 ярусов один над другим по 2-4 погребенных в каждом ярусе. Ориентировались умершие восток-запад, головой на запад, в двух случаях на восток. Костяки располагались на спине, руки вынуты вдоль тела [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., л. 8].</p>							

5. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.А. Кошеленко и Десятчикова Ю.М. в 1965 г. Бугры 4 (западный холм), 5 (северный холм), 6 (северный холм); [Кошеленко, Десятчиков, 1966, с. 179-181] ⁵								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Бугор 4 (западный холм). Здание из сырцового кирпича (10 открытых помещений). Многочисленные захоронения, один подле другого. Здание возведено в нач. III в. до V в. н.э.		На спине, лицом кверху, руки вытянуты вдоль тела.					Все погребения без инвентаря. В V-VII вв. н.э. в здании помещали погребения в оссуариях с небольшими кувшинчиками при них.
<p>Основные выводы по Г.А. Кошеленко, Ю.М. Десятчикову: В заключении авторы пришли к выводу, что зороастрийцы Мерва допускали возможность трех вариантов захоронений: в сосудах-оссуариях, труположения, и погребение, когда умершего просто укладывали на землю, когда кости истлевали, они собирались кучкой на площадку рядом с оссуариями или укладывались в наусе. Правда, наличие христианских погребений на мервском некрополе учеными также не отрицалось [Кошеленко, Десятчиков, 1966, с. 179-181].</p>								

⁵ В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (труположения). Таблица основана на публикации: Кошеленко Г.А., Десятчиков Ю.М., 1966. Раскопки некрополя Древнего Мерва // АО 1965 г. М.: Наука. С. 179-181.

6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1). ⁶ [Дресвянская, 1968b, с. 29-52]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Квадрат Л-9, начало I яруса. Погребение № 1.	Взр.	На спине, головой на северо-восток. Правая рука вытянута, левая согнута в локте, кисть левой руки располагалась на правом плече.	-	-	Керамический цилиндр-кобур. Внутренний диаметр кобура 30 см, длина 60 см, толщина стенок 2-3 см. Три кобура соединялись вместе и составляли гроб	-	Покойник при захоронении был туго спелёнатый и втиснут в цилиндрические кобуры.
2.	Погребение № 2. В квадратах И-9, И-8 в конце II яруса.	Взр.	Вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Правая рука вытянута, левая на груди. Длина костяка 1,70 м.	-	-	Костяк располагался в слое сырцового кирпича, который вокруг был обложен аналогичным кирпичом и сверху закрыт	-	Для головы в северо-восточной стене камеры вырублен один кирпич.

⁶ В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (труположения). Таблица основана на диссертации: Дресвянская Г.Я., 1968b. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания: дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент. В 2-х томах. С. 18-75.

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						таким же кирпичом. 40x40x10 см.		
3.	Погребение № 3. Находилось в одной могиле с погреб. № 2.	Дет.	Вытянуто на спине, правая рука вытянута, левая на грудной клетке, ноги скрещены. Длина костяка 70 см.	-	-	Костяк располагался в слое сырцового кирпича, который вокруг был обложен аналогичным кирпичом и сверху закрыт таким же кирпичом. 40x40x10 см.	Севернее могилы найден миниатюрный сосуд.	При захоронении умерший был туго спелёнат.
4.	Погребение № 4.	Взр.	Вытянуто на спине, ориентирован на северо-восток. Длина костяка 1,80 см. Правая рука вытянута	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене. Надгробие из сырцового кирпича.	-	

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			вдоль тела, левая на тазобедренной кости, колени сжаты.					
5.	Погребение № 5. Квадрат Л-8.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад. Длина костяка 1,70 м. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и прижата кистью к левому плечу	-	-	Костяк сверху перекрывался сырцовым кирпичом; кругом также обложен сырцовым кирпичом и кусками сырца. Размер кирпичей: 40x40x10 см. Могильная яма, прорубленная в стене.		На сырцовых кирпичах были обнаружены клейма: в виде отпечатка пяти пальцев руки (пятерня) и в виде «розетки» - отпечаток из четырех сложенных щепоткой пальцев левой руки.
6.	Погребение № 6. Ниже, во II ярусе.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад. Длина костяка	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене.	-	-

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			1,60 м. Руки вдоль тела.			Надгробие из сырцового кирпича.		
7.	Погребение № 7. Костяк располагался на стене, в квадрате 3-8, 3-9, во II ярусе.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад. Длина костяка 1,60-1,65 м.	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене. Надгробие из сырцового кирпича.	-	-
8.	Погребение № 8. Квадрат 3-9 во II ярусе.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на юго-восток, руки вдоль тела. Длина костяка 1,60-1,65 м.	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене. Надгробие из сырцового кирпича.	-	-
9.	Погребение № 9. Квадрат Ж-8, 3-8 во II ярусе.	Взр.	Вытянуто на спине, голова ориентирована на север-северо-восток. Длина скелета 1,70м.	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене. Надгробие из сырцового кирпича.	-	-

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
10.	Погребение № 10. Квадрат Ж-8, II ярус.	Взр.	Вытянуто на спине, голова ориентирована на север-северо-восток. Длина скелета 1,70м.	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене. Надгробие из сырцового кирпича.	-	-
11.	Погребения № 11-21. Все располагались в камере № 1 в начале III яруса. Площадь камеры 5х2,5 м.	Взр.	Костяки ориентированы головой на север-северо-восток.	-	-	На полу, рядом друг с другом.	-	Погребение № 21 – детский скелет, длиной 90 см. Находился на спине, в ногах, между костяками погребений № 20 и № 22.
12.	Погребения № 22, 23. Сдвоенные.	Взр.		-	-	-	-	Над погребением № 23 располагалось надгробие (намогильник) из сырцовых кирпичей,

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
								которые сужались в области изголовья. Намогильник повторял внутреннюю форму могилы.
13.	Погребения № 24 и № 25. (Погребения № 24-30 также располагались в камере № 1, но перпендикулярно вышеописанным, в ногах, вдоль северо-западной стены, в 2-3 ряда.	Взр.	Костяки ориентированы головой на север-северо-запад. На спине, в вытянутом положении.	-	-	На полу, в 2-3 ряда.	-	
14.	Погребения № 26-30.	Взр.	Костяки ориентированы головой на юг-юго-восток.	-	-	На полу, в 2-3 ряда.	-	-

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			На спине, в вытянутом положении.					
15.	Склеп В квадрате Л-5, Л-6. 11 костяков.	Взр.	Костяки располагались вытянуто на спине. Все ориентировались головой на север-северо-восток.	-	-	На полу, друг на друга в 4 ряда.	-	-
16.	Погребения № 31-33. Начало II яруса.	Взр. № 33 – детский.	Костяки располагались вытянуто на спине.	-	-	-	-	-
17	Погребение № 34. Конец II яруса.	Дет.	На спине в вытянутом положении.	-	-	-	-	-

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
18.	Погребения № 35-36. Конец II яруса.	Взр.	На спине в вытянутом положении. У погреб. № 35 правая рука согнута в локте, а кисть лежит на правом плече, левая рука согнута в локте, кисть на левом плече.	-	-	-	-	-
19.	Погребение № 37. Середина III яруса.	Взр.	Скелет длиной 1,5 м, располагался на левом боку, лицом на юг, руки вытянуты, ноги согнуты в коленях.	-	-	-	-	Возможно, мусульманское (?)

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
20.	Погребение № 38. Середина III яруса.	Взр.	На спине в вытянутом положении. Длина костяка 1,80 м.	-	-	-	-	-
21.	Погребение № 39. Начало IV яруса.	Взр.	На спине в вытянутом положении. Длина костяка 1,30 м. Правая рука внизу тазовой кости (живота), левая вдоль тела.	-	-	-	-	-
22.	Погребение № 40. Начало IV яруса.	Подросток (?).	На спине в вытянутом положении. Длина костяка 1,30 м. Правая рука внизу тазовой кости (живота), левая вдоль тела.	-	-	-	-	-

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
23.	Погребение № 41. Начало IV яруса.	Взр.	На спине в вытянутом положении. Длина костяка 1,65 м. Правая и левая руки на тазовых костях (внизу живота).	-	-	-	-	-
24.	Погребение № 42. Камера № 8. Конец II яруса.	Дет.	На спине, в вытянутом положении. Длина костяка 95 см.	-	-	-	-	-
25.	Погребение № 43. Камера № 8. Конец II яруса.	Взр.	На спине, в вытянутом положении. Длина костяка 1,62 м.	-	-	-	-	-
26.	Погребение № 44. Камера № 8. Конец II яруса.	Взр.	На спине, в вытянутом положении. Длина костяка 1,60 м. Левая	-	-	-	-	-

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			рука согнута в локте и кистью прижата к левому плечу, правая рука внизу живота.					
27.	Погребение № 45. Квадрат К-4.	Взр.	На спине, в вытянутом положении. Длина костяка 1,75 м. Ориентирован на северо-восток. Правая рука прижата к левому плечу, левая внизу живота (в районе тазобедренной кости).	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене. Надгробие (намогильник) из сырцового кирпича, сделан из поставленных под углом сырцовых кирпичей, размером 40x40x10 см.	-	-

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
28.	Погребение № 46. Квадрат К-4. Перпендикулярно погреб. № 45.	Взр.	На спине; ориентирован головой на юго-восток. Длина костяка 1,40 м. Обе руки располагались в районе тазовых костей.	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене. Надгробие из сырцового кирпича.	-	-
29.	Погребение № 47. Квадрат Л-3.	Взр.	На спине, в вытянутом положении, ориентирован головой на северо-восток. Длина костяка 1,63 м.	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене. Надгробие из сырцового кирпича.	-	-
30.	Погребение № 48. Квадрат З-5, И-5.	Взр.	Вытянуто на спине. Голова ориентирована на север. Длина костяка 1,55 м. Правая рука в районе живота,	-	-	Могильная яма, прорубленная в стене. Надгробие из сырцового кирпича.	-	Предполагается, что умерший был инвалидом. Суставы сросшиеся, что не позволило выпрямить

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возра ст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			левая на грудной клетке. Правая нога располагалась прямо, левая подогнута в колени во внутрь.					левую ногу. Возможно, косный туберкулез.
31.	Камера № 9. Заполнена погребениями №№ 49-79. Площадь камеры 7,5x2 м.	Взр. № 62, 67, 74, 77 – дет.	Вытянуто на спине; расположение рук имеет варианты. Погребения № 49, 50, 51, 53, 55, 57 – 77 – ориентированы на северо- восток. № 52, 54, 56, 78, 79 – на северо- запад, на юг, на юго-восток, на северо-запад.	-	-	-	-	Погребения совершены на полу в начале IV яруса. Лежат в два слоя. Признаки того, что умершие были похоронены одновременно. Вместе взрослые и дети.

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
32.	Камера № 10. Заполнена погребениями №№ 80-84. На уровне пола. Была вскрыта только восточная часть камеры. Погребенные лежат тесно друг к другу, но не перекрывают друг друга.	Взр. № 81 – дет.	На спине, в вытянутом положении. Ориентированы головой на юг-юго-восток.	-	-	--		-
33.	Камера № 11. № 85-97. На уровне пола. Сер. V яруса. Труположения в 2-3 слоя.	Взр.	На спине, вытянуто на спине, головой на юг-юго-восток.	-	-	-	-	Признаки. Что умершие были погребены в одно время. Иногда костяки располагались в неестественных для погребенного позых (лицом вниз, руки

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
								разбросаны в стороны, ноги поджаты одна под другую и т.д.).
34.	Погребение № 98. Ниже камеры № 11 в конце VI яруса. Рядом располагалась аналогичная могила, обложенная жженным кирпичом изнутри, но пустая и без перекрытия. Два кирпича были покрыты светло-зеленой поливой. Полива нестойкая, лежала неровным	Взр.	На спине, в вытянутом положении, головой на север-северо-восток.	-	-	Погребение совершено в могильной яме, обложенной жженными кирпичами. Кирпичи, стоящие вертикально, образовывали стенки могилы. Размеры кирпичей: 33x33x7 см; 35x35x6-7 см; 36x35x7 см. Могилу перекрывали кирпичи трапецевидной	-	-

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	слоем. По цвету и качеству напоминала парфянские поливы керамических находок Нисы.					формы. Они располагались на стенках стоящих кирпичей, плашмя. Размеры перекрывающих кирпичей: 44x28 и 26x6 см; 44x30 и 26 x 6 см; 45x32 и 28 x 8 см.		
35.	Погребение № 99. Квадрат Г-3, Д-8. III ярус.	Взр.	Вытянуто на спине, головой ориентирован на северо-восток.	-	-	Погребение совершено в могильной яме, обложенной жженными кирпичами. Кирпичи, стоящие вертикально, образовывали стенки могилы. Размеры кирпичей: 32x32x5 см;	-	На кирпичях были отмечены клейма: 1. В виде полосы, делящей кирпич на две части. 2. ямочное углубление диаметром 2-3 см. 3. скобка диаметром 5-6 см.

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						33x33x6 см; 32x36x10см.		4. Кирпич, размером 33x33x5 см, располагался в области головы. В верхнем левом углу кирпича, на сыром кирпиче, до обжига, был сделан крест. Длина креста 18 см, ширина 12 см, толщина полос 1 см, глубина до 5 мм.
36.	Погребение № 100. Квадрат Г-3, Д-8. III ярус.	Взр.	Вытянуто на спине, головой ориентирован на северо-восток	-	-	Погребение совершено в могильной яме, обложенной жженными кирпичами. Кирпичи, стоящие	-	-

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						вертикально, образовывали стенки могилы. Размеры кирпичей: 32х32х5 см; 33х33х6 см; 32х36х10см.		
37.	Погребение № 101. Против камеры № 8. III ярус.	Взр.	Вытянуто на спине, голова ориентирована на северо-восток. Длина костяка 1,40 м. Правая рука в районе живота, левая вытянута вдоль тела.	-	-	Погребение совершено в могильной яме, обложенной жженными кирпичами. Кирпичи, стоящие вертикально, образовывали стенки могилы. Размеры кирпичей: 34х34х6-7 см; 32х32х6, 7 см; 31х31х8см; 30х30х5 см.	-	На кирпичах отмечены клейма: в виде буквы «О», прямой линии и виде буквы лямда. Один кирпич, располагавшийся в изголовье, имел скругленные верхние углы.

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возра ст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
38.	Погребение № 104. В шурфе I, на границе V и VI ярусов, под платформой. (Погребения № 102, 103 – оссуарные).	Взр.	Вытянуто на спине, головой ориентирован на юг.	-	-	Грунтовое захоронение.	-	-
<p>Количество погребений согласно таблице:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Погребения в керамических цилиндрах – 1 2. Погребения в индивидуальных могильных ямах, перекрытые сырцовым кирпичом – 15 3. Открытое труположение (в камерах) – 92 4. Могильная яма, обложенная жженным кирпичом – 5 (пустое погребение тоже учтено) 5. Грунтовое захоронение – 1 6. В сосудах-костехранилищах - № 102 и № 103 – 2 [Дресвянская, 1968b, с. 29-52]. 								

**6. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1965 г. Восточный холм, раскоп 1 (полевой шифр МНр1).⁶
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возра ст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	<p>Основные выводы по Г.Я. Дресвянской [Дресвянская, 1968b, с. 29-52]. Из 104 раскопанных и изученных погребений можно заключить:</p> <p>1. №№ 102, 103 – в сосудах-костехранилищах;</p> <p>2. Труположения:</p> <p>№№ 98, 99, 100, 101 – погребения в могильных ямах, обложенных жженным кирпичом;</p> <p>№№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 45, 46, 47, 48 – погребения, совершенные в индивидуальных могильных ямах, прорубленных прямо в стенах. Погребение № 4 связано с камерой № 1, на верхнем ее полу;</p> <p>№ 22-23 – сдвоенное.</p> <p>Все эти погребения сверху были заложены сырцовыми кирпичами, иногда, образующими надгробие (намогильники). Над погребением № 45 был сделан намогильник из поставленных под углом сырцовых кирпичей, размером 40x40x10 см. Над погребением № 23 располагался прямоугольный намогильник, который сужался в области изголовья.</p> <p>Г.Я. Дресвянская предполагает, что не все намогильники сохранились к моменту раскопок, так как своей конструкцией намогильные камни выходили на поверхность и могли быть уничтожены со временем. Погребение № 104 – простое грунтовое. Остальные 85 погребений были совершены в камерах [Дресвянская, 1968b, с. 29-52].</p>							

7. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1967 г. Южный холм, раскоп 3 (полевого шифр МН Р-3). ⁷ [Дресвянская, 1989, с. 122-163]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Камера № 24. Уровень пола. Погребение № 1. С восточной стороны намогильника (надгробия).	Взр.	Вытянуто на спине, головой на юг. Обе руки скрещены в районе грудной клетки. Длина костяка 1,60 м.	-	-	-	-	-
2.	Камера № 24. Уровень пола. Погребение № 2. С южной стороны намогильника.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на запад. Обе руки вдоль тела. Длина костяка 1,60 м.	-	-	-	-	-
3.	Камера № 24. Уровень пола. Погребение № 3. С южной стороны намогильника.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на запад. Обе руки вдоль тела. Длина костяка 1,65 м.	-	-	-	-	-

⁷ В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (трупоположения). Таблица основана на публикации Дресвянской Г.Я., 1989. Некрополь Старого Мерва/Древний Мерв // Труды ЮТАКЭ: Сб. статей / Под ред. М.Е. Массона. Т. XIX. Ашхабад. С. 122-163.

**7. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1967 г. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁷
[Дресвянская, 1989, с. 122-163])**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
4.	Камера № 24. Погребения 4-18, 19-33. Сосуды- костехранилища.	-	-	-	-	-	В сосудах много бус из разного камня.	-
5.	Погребение № 34. Северо-восточный угол, пол II/	Взр.	Вытянуто на спине, головой на юг. Руки вдоль тела. Длина костяка 1,70 м.	-	-	-	-	-
6.	Погребение № 35. У восточной стены.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на юг. Руки скрещены на груди. Длина костяка 1,80 м.	-	-	-	-	-
7.	Погребение № 36. Северо-западный угол.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на восток. Длина костяка 1,40 м. руки вытянуты вдоль тела.			Скелет находился в двух вставленных друг в друга кубурах. Диаметр 40 см, длина 73 см.		

**7. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1967 г. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁷
[Дресвянская, 1989, с. 122-163])**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
8.	Погребение № 37. Северо-западный угол.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на восток. Руки скрещены на груди. Длина костяка 1,70 м.	-	-	-	--	
9.	Погребение № 38. Северо-западный угол.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на восток. Руки скрещены на груди. Длина костяка 1,80 м.	-	-	-	-	-
10.	Погребение № 39. Северо-западный угол.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на восток. Руки скрещены на груди. Длина костяка 1,65 м.	-	-	-	На черепе, в районе ушей, найдены две медные серьги в виде колец.	Погребения №№ 36, 37, 38, 39 были закрыты единым паховым намогильником (надгробием) у западной стены камеры № 24.

**7. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1967 г. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁷
[Дресвянская, 1989, с. 122-163])**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
11.	Погребение № 40.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на север. Левая рука вытянута, правая на грудной лентке. Длина костяка 1,70 м.	-	-	-	-	-
12.	Погребение № 41.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на север. Руки скрещены на груди. Длина костяка 1,65 м.	-	-	-	--	
13.	Погребение № 42.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на север. Руки вытянуты вдоль тела. Длина костяка 1,65 м.	-	-	-	-	-

**7. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1967 г. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁷
[Дресвянская, 1989, с. 122-163])**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
14.	Погребение № 43.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на север. Руки вытянуты вдоль тела. Длина костяка 1,70 м.	-	-	-	-	-
15.	Погребение № 44.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на север.	-	-	-	-	-
16.	Погребение № 45. У западной стены. Ниже пола III.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на север. Правая рука на грудной клетке, левая согнута в локте и кистью прижата к левому плечу. Длина костяка 1,75 м.	-	-	Погребение обложено сырцовыми кирпичами.	-	-

**7. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1967 г. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁷
[Дресвянская, 1989, с. 122-163])**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
17.	Погребение № 46. У восточной стены. Ниже пола III.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на север. Правая рука на грудной клетке, левая согнута в локте и кистью прижата к левому плечу. Длина костяка 1,70 м.	-	-	Погребение обложено сырцовыми кирпичами.	-	-
18.	Камера № 25. Верхний пол. Погребения №№ 47-48, 49, 50, 51, 52 – в сосудах-костехранилищах.	-	-	-	-	-	-	-
19.	Камера № 25. Погребение № 53.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки вытянуто вдоль тела. Длина костяка 1,60 м.	-	-	-	-	Полностью не расчищалось.

**7. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1967 г. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁷
[Дресвянская, 1989, с. 122-163])**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
20.	Камера № 25. Погребение № 54.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела.	-	-	Погребение выполнено в керамических кубурах, вставленных друг в друга. Внутренний диаметр 28 см, внешний – 32 см, длина 70 см, толщина стенок 2 см.	-	Полностью не расчищалось.
21.	Камера № 26. Погребения №№ 55, 56 – в сосудах-костехранилищах.	Взр.	-	-	-	-	-	-

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Погребение № 57. Камера № 25. Вдоль юго-восточной стены.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-восток. Длина костяка 1,65 м.	-	-	-	-	-
2.	Погребение № 61. Камера № 25. Под прямым углом к погреб. № 57.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на юго-запад. Длина костяка 1,60 м.	-	-	-	-	-
3.	Погребение № 66. Камера № 25.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-восток. Длина костяка 1,70 м. Левая рука располагалась вдоль тела,	-	-	-	-	Погребение сопровождалось 7 черепами без скелетов.

⁸ Описание погребений основано на материалах диссертации Г.Я. Дресвянской в 1968 г. и ее статье, опубликованной в 1989 г. [Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]. В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (труположения). [Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			правая – внизу живота.					
4.	Погребение № 78. Камера № 25.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-восток. Длина костяка 1,70 м. Руки вдоль тела.	-	-	-	-	-
5.	Погребение № 86. Камера № 25.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад. Длина костяка 1,70 м. Руки скрещены на груди.	-	-	-	-	-

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
6.	Погребение № 95. Камера № 25.	Взр. + Реб.	Внутри кубура располагался костяк, вытянуты на спине, головой на юго-запад. Длина костяка 1,50 см. На груди костяка (женщины) находился скелете младенца, которого поверх прикрывали кисти рук женщины.	-	-	Захоронение женщины с ребенком в керамическом «гробу» из 2-х кубуров. Диаметр каждого кубура: с одной стороны 30 см, с другой – 34 см, длина – 75 см. Они соединялись отверстием с большим диаметром. Кубур в области головы был закрыт жженным кирпичом, размером 32х32х5 см, в ногах заложен несколькими обломками	-	-

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						жженного кирпича.		
7.	Погребения №№ 58, 59, 62, 63, 64, 65, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 91 – в сосудах-костехранилищах. Камера № 25.							
8.	Погребение № 80. Камера № 25. В западном углу камеры.	Взр.	-	-	-	Сырцовый оссуарий квадратной формы. Оссуарий сделан из 5 сырцовых кирпичей. Размеры: 40х40х10 см. Один кирпич располагался	-	У Г.Я. Дресвянской указано, что кости в оссуарии сверху покрывались землей. (Дресвянская, 1989, с. 149).

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						<p>плашмя, а вокруг него, на ребро ставились остальные 4 кирпича, образуя стенки оссуария. Затем он заполнялся костями. Поверх была сделана обмазка из глины, толщиной 10 см, придавая оссуарию форму купола. Внутренние размеры оссуария – 40х40х55 см, внешние – 60х60х65 см.</p>		

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
9.	Погребение №№ 96, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 107, 109 – в сосудах-костехранилищах.	-	-	-	-	-	-	-
10.	Погребение №№ 98, 104, 106, 108. Камера № 27, уровень пола III.	-	-	-	-	Предварительно очищенные кости плотно загерметизированные в костехранилищах. Сосуды закрывались мисками или жженным кирпичом и поверх замазывались глиной, так, чтобы в сосуд не проникал воздух, земля или вода, и	-	Отметим, что это погребения с захоронением костей, а не трупоположение .

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						погребенные были полностью изолированы от внешних воздействий. При вскрытии отмечался трупный запах, а на некоторых частях костей сохранились кусочки плоти.		
11.	Погребение № 79. На гребнях стен камер № 25 и 27.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки вдоль тела. Длина костяка 1,65 м.	-	-	Грунтовая могильная яма.	-	-

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
12.	Погребение № 92. На гребнях стен камер № 25 и 27.	Дет. (?)	Вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки вдоль тела. Длина костяка 0,52 м.	-	-	Грунтовая могильная яма.	-	-
13.	Погребение № 93. На стене, между камерами №№ 25 и 27.	Дет. (?)	Вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки вдоль тела. Длина костяка 0,68 м.	-	-	Грунтовая могильная яма.	-	-
14.	Погребение № 67. Площадка двора.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки внизу живота. Длина костяка 1,72 м.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	-

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
15.	Погребение № 68. Площадка двора.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки скрещены в районе живота. Длина костяка 1,70 м.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	-
16.	Погребение № 69. Площадка двора.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки внизу живота. Длина костяка 1,65 м.			Неглубокая грунтовая могильная яма.		
17.	Погребение № 70. Площадка двора.	Дет.	На правом боку, ноги согнуты в коленях. Голова ориентирована на северо-запад, правая рука на груди, левая – внизу живота. Длина костяка 0,64 м.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	Мусульманское (?)

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
18.	Погребение № 71. Площадка двора.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки внизу живота. Длина костяка 1,60 м.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	-
19.	Погребение № 72. Площадка двора.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки скрещены в районе живота. Длина костяка 1,70 м.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	-
20.	Погребение № 73. Площадка двора.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-восток, правая рука внизу живота, кисть левой – на правом плече.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	-

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Длина костяка 1,60 м.					
21.	Погребение № 74. Площадка двора.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки скрещены в районе живота. Длина костяка 1,75 м.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	Данное захоронение оказалось опущенным на прямоугольный постамент.
22.	Погребение № 75. Площадка двора.	Взр.	Нарушено погребением № 76.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	-

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
23.	Погребение № 76. Площадка двора.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки в районе живота. Длина костяка 1,70 м.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	-
24.	Погребение № 77. Площадка двора.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на юго-восток, руки скрещены в районе живота. Длина костяка 1,70 м.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	-
25.	Погребение № 80. Площадка двора.	Взр.	Расчищено не полностью. Судя по нижней части, погребенный располагался вытянуто на спине, головой	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	Обнаружена бусина из полосатого агата.	-

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			на северо-запад, руки вдоль тела.					
26.	Погребение № 94. В проходе, в камеру № 25.	Взр.	Вытянуто на спине, головой на северо-запад, руки вдоль тела. Длина костяка 1,65 м.	-	-	Неглубокая грунтовая могильная яма.	-	-
<p>Количество погребений согласно таблицам (1967, 1970, 1975 года раскопок):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 Открытое труположение (в камерах и вне камер) – 19 2. В сосудах-костехранилищах – 52 3. В керамических кубурах (гробы цилиндрической формы) – 3 4. Погребение, обложенное сырцовыми кирпичами – 2 5. Грунтовая могильная яма – 16. 								

**8. Байрам-алинский некрополь (раскопки Г.Я. Дресвянской в 1970 и 1975 гг. Южный холм, раскоп 3 (полевой шифр МН Р-3).⁸
[Дресвянская, 1968b, с. 29-52; 1989, с. 122-163]**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возра ст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	<p>Основные выводы по Г.Я. Дресвянской [Дресвянская, 1989, с. 156-157]: Погребения, обложенные сырцовыми кирпичами, по типу схожи с погребениями, обложенными жженными кирпичами. Г.Я. Дресвянская предполагает, что данные могилы могли появиться на некрополе во II–III вв. Погребения в сосудах-костехранилищах и оссуариях датируются V–VI вв. Хронологическим репером послужили монеты и форма керамических сосудов. Сплошные труположения на полу камер, Г.Я. Дресвянская относит к IV в. К VII в. некрополь приходит в запустение [Дресвянская, 1989, с. 156-157].</p>							

Таблица 2

Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс (Кыргызстан)

Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс. Раскопки Чуйского отряда ККАЭЭ АН СССР под рук. Л.Р. Кызласова в 1954 г. ⁹ [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Погребение № 1. В хуме.		-	-	-	-	-	Накрыт крышкой.
2.	Погребение № 2. В хуме.		-	-	-	-	-	Накрыт кирпичами.

⁹ Таблица основана на архивных материалах и публикациях Л.Р. Кызласова:

Кызласов Л.Р., 1955. Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. (работы Чуйского отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции академии наук СССР). Ф-1. Р-1. № 1018. 78 л.; № 1018а – Альбом иллюстраций к отчету;

Кызласов Л.Р. 1955а. Личный архив Л.Р. Кызласова. Дневник 19. Объект III. Л. 1–33.

Кызласов Л.Р., 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. Т. II / Под. ред. Г. Ф. Дебеца. М.: Изд-во АН СССР. С. 230-231.

Михеева, 2021, с. 320-323.

Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс. Раскопки Чуйского отряда ККАЭЭ АН СССР под рук. Л.Р. Кызласова в 1954 г. ⁹ [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
3.	Погребение № 3. Труположение.	Взр.	Костяк располагался на левом боку, головой на юг. Лицо умершего было обращено на запад. Кости конечностей были согнуты в коленях и прижаты к животу.	-	-	-	Найдены фрагменты шаровидного кувшина из желтой глины, сделанном на гончарном круге. Носик кувшина не сохранился. На тулове, после обжига, был прочерчен равносторонний христианский крест.	-

Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс. Раскопки Чуйского отряда ККАЭЭ АН СССР под рук. Л.Р. Кызласова в 1954 г. ⁹ [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
4.	Погребение № 4. В хуме.	-	-	-	-	-	Хум стоял вверх дном.	Горлышко хума отбито. Накрыт крышкой. Есть фото в отчете (Кызласов Л.Р., № 1018, рис. 134.)
5.	Погребение № 5. В хуме.	-	-	-	-	-	-	Накрыт крышкой. Есть фото в отчете (Кызласов Л.Р., № 1018, рис. 135.)
6.	Погребение № 6. В хуме.	-	-	-	-	-	Хум был врыт в стену.	-

Ак-Беши́м (объект III). Погребальный комплекс. Раскопки Чуйского отряда ККАЭЭ АН СССР под рук. Л.Р. Кызласова в 1954 г. ⁹ [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
7.	Погребение № 7. В хуме.	-	-	-	-	-	-	-
8.	Погребение № 8. В хуме.	-	-	-	-	-	-	Накрыт камнем.
9.	Погребение № 9. В лепном горшке.	Дет.	-	-	-	-	-	Горшок лепной, по плечикам дугобразные налепы с насечками.
10.	Погребение № 10. В хуме.	-	-	-	-	-	Около хума найжены миниатюрны е железные удила (гл. 80 см)	-

Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс. Раскопки Чуйского отряда ККАЭЭ АН СССР под рук. Л.Р. Кызласова в 1954 г. ⁹ [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
11.	Погребение № 11. В лепном хуме.	Дет.	-	-	-	-	Погребение впускное: в завале вырублена большая яма под хум.	Накрыт крышкой или плоской галькой.
12.	Погребение № 12. В неглубокой яме, вырубленной в стене.	Взр.	Куча костей. Череп отсутствовал.	Размер ямы: 70x45 см	-	-	-	Погребение сделано тогда, когда сооружение уже не функционировало.
13.	Погребение № 13.	Взр.	Вытянуто на спине. Ориентация с востока на запад. Руки вдоль тела.	-	-	-	-	-
14.	Погребение № 14.	Взр.	Вытянуто на спине. Ориентация с востока на запад, голова	-	-	-	-	-

Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс. Раскопки Чуйского отряда ККАЭЭ АН СССР под рук. Л.Р. Кызласова в 1954 г. ⁹ [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			на востоке. Руки сложены в районе живота.					
15.	Погребение № 15.	Взр.	Сохранились только конечности ног. Костяк располагался вытянуто на спине. С запада на восток.	-	-	-	-	-
16.	Погребение № 16.	Дет.	Сохранилась только верхняя часть туловища и череп. Костяк располагался вытянуто на спине, головой на восток.	-	-	-	-	-

Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс. Раскопки Чуйского отряда ККАЭЭ АН СССР под рук. Л.Р. Кызласова в 1954 г. ⁹ [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
17.	Погребение № 17.	Дет.	Костяк располагался вытянуто на спине, руки вдоль тела. Ориентирован с востока на запад.	-	-	-	-	-
18.	Погребение № 18.	Взр.	Костяк располагался вытянуто на спине, руки сложены в районе живота. Ориентирован с запада на восток.	-	-	Могильная яма, обложенная кирпичами.	-	-
19.	Склеп. 7 погребений (черепов)	-	-	-	-	-	-	-

Ак-Бешим (объект III). Погребальный комплекс. Раскопки Чуйского отряда ККАЭЭ АН СССР под рук. Л.Р. Кызласова в 1954 г. ⁹ [Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33]								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: длина, ширина, глубина	Форма ямы /конструкция могильной ямы	Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
20.	Погребальная камера. 8 погребений очищенных костей (черепов)	-	-	-	-	-	-	-
21.	<p>В результате проведенных работ были зафиксированы [Кызласов Л.Р. 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33]:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Погребение очищенных костей в неглубокой яме – погребение № 12; 2. Погребения в хумах – №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. 3. Погребение в круглодонном горшке, детское – № 9. 4. Погребение по обряду труположения, но костяк располагался на боку, предположительно с поднятыми коленями – № 3. 5. Погребения по обряду труположения – №№ 13, 14, 15, 16, 17; 6. Погребение в могильной яме, обложенной кирпичами – № 18. 7. Погребения в склепе – сохранилось 7 черепов. 8. Погребения в погребальной камере (наус) – сохранилось 8 черепов и остатки костей. <p>[Кызласов Л.Р. 1955а. Дневник 19. Об. III, л. 1-33].</p>							

Таблица 3

Ак-Бешим (объект IV). Христианская церковь с кладбищем (Кыргызстан)

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV) ¹⁰ [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]						
	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Лист 19-20 (110-111) ¹¹ . Погребение № 1 Рядом с восточной стеной церкви. Гл. 143 см от 6-го кола центр. оси.	Млад.	З-В, головой на запад. В вытянутом положении, на спине, руки вдоль туловища, голова чуть повернута вбок.	Впускная Могильная яма, обложенная сырцовым кирпичом. Верхние края кирпичей подтесаны (42x22x8 см). Сверху яма перекрывалась поставленными на ребро под углом сырцовыми кирпичами. Размеры кирпича: 41x22x8 см. Длина могилы 120 см, ширина 65 см, ширина ямы без обкладки 45 – возможно, речь идет о могиле	1. две тонких круглых стеклянных пронизки светло-зеленого цвета; 2. бронзовое проволочное колечко со следами кожи.	Погребение с намогильным кирпичом в области головы.

¹⁰ Таблица составлена на основе полевого археологического отчета В.И. Козенковой по раскопкам объекта IV на городище Ак-Бешим. Подробнее см.: Козенкова В.И., 1954. Отчет о раскопках объекта № 4 (несторианская церковь и кладбище) на городище Ак-Бешим в 1954 г. Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38. Л. 1–32 (карандашом Л. 99–123).

¹¹ Номер листа согласно отчету Козенковой В.И. [Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)].

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
				с заплечиками. Высота сырцовой крышки 22 см. В области головы располагался кирпич, который с одной стороны был обтесан округло. Высота 21 см, ширина 23 см, толщина 8 см.		
2.	Лист 20 (111). Погребение № 2 Рядом с восточной стеной церкви и погр. № 1. Гл. 140 см от 6-го кола центр. оси.	Млад.	З-В, головой на запад. В вытянутом положении, на спине, руки вдоль туловища.	Могила с подбоем с юга. Подбой заложен половинками сырцового кирпича (ш – 22 см, толщина – 8 см). Кирпичи стояли наклонно по отношению ко дну ямы. Могильная яма: д – 112 см, ш – 65 см, гл. – 70 см. Яма подбоя ниже уровня впускной ямы. Подбой узкий, свод полукруглый, вырублен узким орудием. Над могилой отмечены следы кирпичной выкладки.	В области шеи младенца найдено 4 зуба взрослого человека. У левого уха миниатюрная сережка из белого нефрита (d=1,6 см) (рис. 98, 4).	Сохранность костяка плохая.

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
3.	Лист 21 (112). Погребение № 3 Рядом с восточной стеной церкви, в 53 см к югу от погр. № 2. Гл. 140 см от 6-го кола центр. оси.	Дет.	З-В, головой на запад.	Впускная могильная яма прямоугольной формы, вырублена узким орудием (ширина отпечатка лезвия 11 см). Д – 122, ш – 100 см, гл. – 90 см. У дна мог. ямы, с южной стороны вырублен подбой. Дно подбоя ниже дна впускной ямы на 15-20 см. свод подбоя полукруглый. Подбой заложен двумя рядами сырцового кирпича, положенными друг на друга. Размеры кирпичей 42х22х8 см. Над могилой пирамидальная кирпичная выкладка.	В области левого уха найдена сережка из белого нефрита (рис. 98, 2).	Погребение № 3 «уходило» под центральную бровку, что позволило проследить в разрезе форму выкладки из кирпича над могилой – форма пирамидальная.

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
4.	Лист 21 (112). Погребение № 4 Располагалась на северной стене алтарного помещения. Гл. 140 см от 6-го кола центр. оси.	Млад.	З-В, головой на запад.	Впускная. Могильная яма с подбоем с южной стороны. Подбой заложен сырцовым кирпичом (42х22х8 см). Д – 120 см, ш – 50-60 см.	Индивидуальных находок не обнаружено.	Костяк плохой сохранности.
5.	Лист 22 (113). Погребение № 5 Располагалась рядом с восточной стеной церкви, за погребениями №№ 1, 2, 3. Гл. 232 см от 5 кола центр. оси.	Дет.	З-В, головой на запад. В вытянутом положении, на спине.	Могильная яма с подбоем с южной стороны. Д – 125-130 см, ш – 60 см. Подбой заложен сырцовым кирпичом (42х22х8 см). Сверху погребение было покрыто кирпичной выкладкой прямоугольной формы.	При расчистке обнаружена серьга из белого нефрита, насаженная на бронзовое проволочное кольцо (рис. 98, 5).	

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
6.	Лист 22 (113). Погребение № 6 Располагалось рядом с погр. № 5, задевая его. Гл. 200-230 см от 5 кола центр. оси.	Взр.	З-В, лицом повернут на север. Вытянуто на спине, руки вдоль туловища.	Могильная яма с подбоем с северной стороны. Могильная яма имела размеры: д – 180-185 см, ш – 70-80 см, гл. 60-70 см. Подбой находился у самого дна впускной ямы. Над могилой сохранились следы кирпичной выкладки.	Индивидуальных находок не обнаружено.	Костяк хорошей сохранности.
7.	Лист 23 (114). Погребение № 7 Обнаружено в раскопе 1а, вдоль восточной стены церкви. На гл. 140-143 см от 5 кола центральной оси.	Млад.	З-В, головой на запад.	Могильная яма овальной формы. Очень мелкая. Размеры могилы: 50x25 см.	Индивидуальных находок не обнаружено.	Костяк плохой сохранности.

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
8.	Лист 23 (114). Погребение № 8 Располагалась рядом с погребением № 7. Гл. 140-143 см от 5- го кола центр. оси.	Млад.	З-В, головой на запад.	Могильная яма с подбоем. Д – 90-110 см, ш – 40-50 см, гл. 40 см. У дна впускной ямы вырублен подбой, шириной 30-40 см. Подбой заложен сырцовым кирпичом (42x22x8 см).	При расчистке костяка, в области груди был обнаружен бронзовый литой крест с отверстием для шнура, длина креста 4,5 см. Здесь же найдено ожерелье из 4-х бус. Бусы желтые и зеленоватые, пастовые с темно-коричневыми глазками (рис. 98, 3, 7-10).	Костяк плохой сохранности.
9.	Лист 23-24 (114- 115). Погребение № 9 Располагалась на северной стене алтарного помещения. Гл. 160-170 см от 7/2 кола к северу (7-й кол центр. оси, 2-й кол	Взр.	З-В, головой на запад. Костяк лежал на правом боку, с руками согнутыми и поднятыми к нижней челюсти.	Впускная. Могильная яма с подбоем. Подбой вырублен с южной стороны и уходит под северную стену алтарного помещения. Могила вырублена чотом (ш. лезвия 14 см). Подбой перекрыт сырцовыми кирпичами (42x22x8 см).	Индивидуальных находок не обнаружено.	

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	перпендикулярной оси).					
10.	Лист 24 (115). Погребение № 10 Найдено во дворе церкви, в северной части. Гл. 140-145 см от 11/2 кола (от 11-го кола центр. оси, 2-го перпендикулярного кола).	Дет.	З-В, головой на запад.	Могильная яма с подбоем с южной стороны. В дневнике указано «... погребение имеет прямоугольную могильную яму и катакомбу с южной стороны» (Цит. по: Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 24 (115). Судя по рисунку, это могильная яма с подбоем. Длина могильной ямы 90 см. Сверху сохранились следы кирпичной выкладки. Подбой заложен сырцовым кирпичом (42x22x8 см).	Индивидуальных находок не обнаружено.	

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
11.	Лист 24 (115). Погребение № 11 Располагалось в южной траншее церкви, вдоль внутренней южной стены. Гл. от края ямы до поверхности 165 см.	Дет.	З-В, головой на запад.	Могильная яма с подбоем с южной стороны. Впускная яма вырыта у самой стены, подбой уходит под южную стену здания. Подбой заложен 3-мя рядами сырцового кирпича (42x22x7-8 см), положенных друг на друга. Длина ямы 120 см, ширина 50 см, глубина 30-40 см.	Индивидуальных находок не обнаружено.	Костяк плохой сохранности.
12.	Лист 25 (116) Погребение № 12 Располагалось Внутри алтарного/центрального помещения. Во втором юго-западном углу пом.	Млад.	З-В, головой на запад.	Впускная. Могильная яма овальной формы, вырубленная в завале стен. Длина 55-60 см, ширина 25-30 см. Сверху яма была перекрыта тремя рядами кирпичей, положенных друг на друга. Размеры кирпича 42x22x8 см. Глубина от выкладки на могиле до верхнего края стены 125 см.	Индивидуальных находок не обнаружено.	Костяк очень плохой сохранности.

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
13.	Лист 25 (116) Погребение № 13 Располагалось вдоль южной стены церкви, во дворе. Глубина до поверхности 130-140 см.	Дет.	З-В, головой на запад.	Могильная яма с подбоем с южной стороны. Подбой заложен сырцовым кирпичом (42x22x8 см). Длина могильной ямы 130-140 см, ширина 50-60 см. Засыпка ямы состояла из земли, содержащей много углей и пережжённой глины.	Индивидуальных находок не обнаружено.	Погребение было сильно нарушено.
14.	Лист 25 (116) Погребение № 14 Располагалось на входе в алтарное/центральное помещение; с южной стороны.	Млад.	З-В, головой на запад.	Впускное. Могильная яма овальной формы вырублена в завале стен. Длина ямы 56-60 см. В могиле, вплотную к стене, лежал костяк младенца. Сверху могила была перекрыта двумя рядами сырцового кирпича (42x22x8 см). Глубина от выкладки на могиле до верхнего края стены 120-125 см.	Индивидуальных находок не обнаружено.	

**Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
15.	Лист 26 (117) Погребение № 15 Располагалось в боковом, южном помещении. Отверстие катакомбы обнаружено на глубине 180 см от 7/4 (7 кола центр. оси, 4 перпендикулярного кола к югу).	Взр.	З-В, головой на запад.	Катакомбное. Погребение состояло из катакомбы, сделанной в восточной стене. В длину, вся восточная стена церкви была занята выкладкой этой катакомбы, которая первоначально была принята за суфу. Высота выкладки от пола 65 см. Выкладка состояла из кирпичного панциря с земляной забутовкой. Размеры кирпича выкладки 50x27x10 см.	В рыхлой земле, заполнявшей подбой, была обнаружена миниатюрная лепная чашечка.	Кости скелета разбросаны.
16.	Лист 26-27 (117-118) Погребение № 16 Располагалось под внешней западной стеной церкви.	Взр.	З-В, головой на запад. Костяк лежал вытянуто на спине, руки сложены накрест на груди.	Катакомбное. Погребение состояло из прямоугольной впускной ямы, длиной 75 см, шириной 100 см у западной стены. На глубине 1 м, в восточной стене ямы было выявлено отверстие с полукруглым верхом,	Индивидуальных находок не обнаружено.	Череп не сохранился.

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	Глубина от края могильной ямы до поверхности стен ок. 200-210 см.			шириной 52 см. Под стену уходила катакомба могилы, постепенно сужающаяся к востоку. Длина катакомбы/могилы 175 см, ширина у входа 92 см, ширина в конце могилы 60 см. Свод могилы полукруглый, высотой у входа 75 см, в конце 54 см.		
17.	Лист 27 (118) Погребение № 17 Располагалось рядом с погребением № 16. Глубина от края могильной ямы до поверхности стен ок. 200-210 см.	Взр.	З-В, головой на запад. Костяк лежал вытянуто на спине, руки сложены подвздошной области.	Катакомбное. Конструкция и расположение могильной ямы идентично погребению № 16. Впускная могильная яма квадратной формы (95х95 см), глубина 90-100 см. Вход с восточной стороны, шириной 70 см, высота входа 45 см. Верх входа полукруглой формы. Длина катакомбы/могилы 160 см, ширина у входа 110 см,	Индивидуальных находок не обнаружено.	

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
				ширина в конце 85 см, высота 62 см. Вход в катакомбу был заложен обломками сырцового кирпича, толщиной 10 см.		
18.	Лист 27 (118) Погребение № 18 Располагалось рядом с погребением № 17. Глубина погребения от поверхности (стены?) 200-210 см.	Взр.	З-В, головой на запад. Костяк лежал вытянуто на левом боку. Руки сложены на груди крест-накрест.	Катакомбное. Конструкция и расположение могильной ямы идентично погребениям № 16 и № 17. Форма впускной ямы подквадратная (92x85 см), глубина 90-100 см. С восточной стороны вход в катакомбу/могилу, шириной 104 см, ширина в конце могилы 62 см. Высота катакомбы у входа 72 см, в конце 37 см. Вход в катакомбу был заложен сырцовыми кирпичами, размером 38x17x7-8 см.	Индивидуальных находок не обнаружено.	В дневнике указано, что костяк хорошей сохранности. На рисунке видно, что череп, кости грудной клетки, правой руки, и, частично, левой – не сохранились (Михеева, 2021, с. 345, 14).

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
19.	Лист 28 (119) Погребение № 19 Располагалось в северо-восточном углу двора, рядом с внутренней восточной стеной. Глубина ямы 140-145 см от 11/3 кола к северу (от 11 кола центр. оси, 3-го перпендикулярного кола к северу)	Взр.	С-Ю, лицом вверх. Костяк лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища	Впускная. Могильная яма овальной формы, неглубокая. Границы ямы читались плохо. Могила была заложена сверху сырцовыми кирпичами.	Индивидуальных находок не обнаружено.	
20.	Лист 28 (119) Погребение № 20 Располагалось параллельно погребению № 19.	Реб.	С-Ю, лицом вверх. Костяк лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища	Впускная. Могильная яма овальной формы, неглубокая. Границы ямы читались плохо. Могила была заложена сверху сырцовыми кирпичами.	Индивидуальных находок не обнаружено.	Кости плохой сохранности.

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	Вдоль внутренней северной стены. Глубина ямы 140-145 см от 11/3 кола к северу (от 11 кола центр. оси, 3-го перпендикулярного кола к северу)					
21.	Лист 28 (119) Погребение № 21 Располагалось параллельно погребению № 20. Вдоль внутренней северной стены. Глубина ямы 140-145 см от 11/3 кола к северу (от 11 кола	Взр.	С-Ю Костяк лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища.	Впускная. Могильная яма овальной формы, неглубокая. Границы ямы читались плохо. Могила была заложена сверху сырцовыми кирпичами.	Индивидуальных находок не обнаружено.	

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	центр. оси, 3-го перпендикулярного кола к северу).					
22.	Лист 28 (119) Погребение № 22 Располагалось параллельно погребению № 21. Вдоль внутренней северной стены. Глубина ямы 140- 145 см от 11/3 кола к северу (от 11 кола центр. оси, 3-го перпендикулярного кола к северу).	Взр.	С-Ю Костяк лежал вытянуто на спине, ноги скрещены правая поверх левой)	Впускная. Могильная яма овальной формы, неглубокая. Вырублена в завале, содержавшем большое количество золы и углей, а также обломки большого сосуда. Могила была заложена сверху сырцовыми кирпичами.	Индивидуальных находок не обнаружено.	

Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
23.	Лист 29 (120) Погребение № 23 Обнаружено в траншее, вдоль внутренней северной стены церкви. Глубина погребения 100-140 см от поверхности.	Взр.	С-Ю Костяк лежал на боку, ноги скрещены в коленях и немного согнуты. Весь костяк находился в скорченном положении.	Могильная яма овальной формы, неглубокая. Границы ямы читались плохо. Могила была заложена сверху сырцовыми кирпичами.	Индивидуальных находок не обнаружено.	
24.	Лист 29 (120) Погребение № 24 Располагалось за северной стеной центрального/алтарного помещения. Глубина верхней поверхности гробницы 158 см от	Взр.	З-В, головой на запад.	Катакомбное. Конструкция погребения схожа с конструкцией погребения № 15. Прямоугольная гробница, сложенная из сырцового кирпича. Длина гробницы 200-210 см. ширина 120-130 см, высота 55-60 см. После разборки кирпичной кладки, в южной стороне была	Индивидуальных находок не обнаружено.	Кости скелета сильно разрушены.

**Городище Ак-Бешим. Церковь с христианским кладбищем (объект IV)¹⁰
[Козенкова, 1954. Отчет ..., л. 1-32 (карандашом Л. 99-123)]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	7/2 кола к северу (от 7 кола центр. оси, 2 перпендикулярного кола к северу). Глубина нижней части 205 см (вероятно, глубина могильной ямы?)			выявлена небольшая могильная яма с подбоем в восточной стороне. Подбой располагался по направлению с востока на запад. Отверстие подбоя округлое.		

Таблица 4

Могильник Дурмон-тепе (Дурмен-тепа; Узбекистан)

Могильник Дурмон-тепе ¹²						
	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
	Восточный некрополь (Раскоп 12)					
1.	Погребение № 1 Впускное	Взр.	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: ориентация с З на В, головой на запад. Погребенный лежал на спине, часть костяка смещена.	-	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: 1. пояс с серебряными накладками в ногах; 2. в прорези накладок входили Т-образные крючки с ремешками и пряжками для подвешивания колчана; 3. Костяные обкладки парадного колчана; 4. Колчан; 5. Стрелы; 6. Серебряный пинцет;	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: погребение в деревянном гробу. Доски скреплены большими железными гвоздями. Под головой кирпич-

¹² В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (труположения). Таблица составлена на основе следующих научных публикаций: Шишкина Г.В., 1994. Несторианское погребение в Согде Самаркандском // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство. Составитель: Л.И. Жукова. Ташкент. С. 56-63; Наймарк А.И., Мкртычев Т.К., 1991. Могильник Дурмен // Культура и искусство Древнего Узбекистана. Каталог выставки в 2-х частях. Ч. 2. М. С. 64-70, 165-168. Также по архивным материалам, хранящимся в Научно-отраслевом архиве ГМИНВ. Ссылки на архивные документы приведены в Т. I, в разделе – Архивные источники. С. 343-344.

Могильник Дурмон-тепе ¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
					<p>7. Нашивной равноконечный крест из золота</p> <p>По архивным материалам НОА ГМИНВ:</p> <p>1. Пластины обкладки колчана костяные;</p> <p>2. Звенья поясного набора;</p> <p>3. Пряжка-наконечник поясного набора серебряная;</p> <p>4. Пряжка поясного набора серебряная;</p> <p>5. Части поясного набора бронзовые;</p> <p>6. Золотой нашивной крест;</p> <p>7. Наконечники стрел железные;</p> <p>8. Пряжка железная;</p> <p>9. Кирпич полуобожженный.</p>	«подушка» (25x8x4 см).
2.	Погребение № 2	Взр.	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: ориентация с З на В, головой на запад.	Погребальная камера овальной формы. В ее восточной части,	-	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: разграблено древности. Погребение с

Могильник Дурмон-тепе ¹²						
	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Анатомический порядок нарушен. Череп и кости рук брошены в нишу (в торце). По: НОА ГМИНВ: анатомический порядок сохранен в нижней части скелета	в торце, сделана ниша [По: НОА ГМИНВ ¹³]		торцовыми стенами. Под головой кирпич-«подушка» (25x8x4 см). По: НОА ГМИНВ: Кирпич-«подушка» располагался у берцовых костей.
3.	Погребение № 3	Взр.	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: ориентация с З на В, головой на запад. Анатомический порядок не нарушен.	-	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: 1. Обломок золотой монеты (динара); 2. две серебряные пряжки; 3. обломки костяных орнаментированных пластин.	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: разграблено в древности. В деревянном гробу. Под головой кирпич-

¹³ По архивным материалам Научно-отраслевого архива ГМИНВ.

Могильник Дурмон-тепе¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Костяк лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела.			«подушка» (25x8x4 см).
4.	Погребение № 4	Взр.	По: НОА ГМИНВ: анатомический порядок костей нарушен. Ориентация с З на В (?).	-	-	-
5	Погребение № 5	Три костяка	Ориентирован о с С на Ю, головой на Ю.	-	-	VII в.
6.	Погребение № 6	Взр.	По: НОА ГМИНВ: анатомический порядок сохранен. Костяк ориентирован	По: НОА ГМИНВ: могильная яма с подбоем.	-	По: НОА ГМИНВ: в области ног прослежены кирпичи – назначение кирпичей

Могильник Дурмон-тепе ¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			с С на Ю, головой (лицом) на запад. Костяк лежал на боку, руки вдоль туловища, кости ног согнуты в коленях.			неясно. Скорее всего, это заклад подбоя.
7	Погребение № 7	Взр.	Фрагменты черепа и грудной клетки.	-	-	Вероятно, погребение нарушено.
8	Погребение № 8	Взр.	По: НОА ГМИНВ: ориентация могилы с СЗ на ЮВ.	По: НОА ГМИНВ: Впускная яма прямоугольной формы 1,2х0,5 м. Между впускной ямой и погребальной камерой – порог, шириной 50 см. Погребальная камера полукруглой формы, длина	-	По: НОА ГМИНВ: в заполнении погребения сохранились фрагменты железных скоб

Могильник Дурмон-тепе ¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Сохранились мелкие кости человека.	1,78 м, ширина 1,1 м. Сверху остатки свода. По торцам камеры ниши: в восточной части ниша 25х40 см, в западной – 25х10 см. В западной стене отмечено входное отверстие в еще одну камеру, размером 1 х 0,6 м.		и гвоздей, очевидно, погребенный располагался в деревянном гробу.
Западный некрополь (Раскоп 1, северо-западный холм Турт-тепа)						
9.	Погребение № 1	Взр.	По: НОА ГМИНВ: ориентация могилы с С на Ю.	По: НОА ГМИНВ: впускное, с подбоем.	-	По: НОА ГМИНВ: умерший был втиснут в слишком

Могильник Дурмон-тепе¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
						короткий подбор, из-за этого голова оказалась свернута к плечу.
10.	Погребение № 2	Взр.	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: голова располагалась в юго-западном углу камеры. СВ-ЮЗ,	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: Могила с подбоем. Свод могилы был разрушен грабителями. Пол подбоя был ниже на 40 см пола овальной впускной ямы. В полу подбоя был сделан тайник, в котором ничего не оказалось. По торцам вырыты ниши – в одной нише стоял кувшин с отбитым верхом, в другой – чаша. По: НОА ГМИНВ: У погребения двухчастная конструкция – впускная яма, завершалась ступенькой и ниже располагался сводчатый подбор. Подбой закрывался	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: 1. чаша в нише изготовлена небрежно, глазурь пузырилась и осыпалась (не позднее XI в.); 2. кувшин с отбитым верхом, был поставлен в нишу таком виде, но воду в него можно было налить (не позднее XI в.); 3. Железные пластины панциря (доспеха) со следами позолоты. По: НОА ГМИНВ: 1. сохранились фрагменты тканей: белой и парчовой; 2. железные прямоугольные пластины (4,6x1,6 см); 3. круглая железная бляха, диаметром 4,5 см, в сочетании с	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: погребение разграблено в древности. Сохранились остатки деревянного гроба. Ящик 195x70 см с вертикальным и стенками, высотой до 50 см. По: Шишкина, 1994, с. 56-63: на погребенном

Могильник Дурмон-тепе ¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
				кирпичом, а сверху отштукатуривался. Размеры впускной ямы 2,3х1,12 м. Ступенька шириной 44 см. Размеры погребальной камеры 2,5х1,15 м, высота свода 85 см. По торцовым стенам сделаны ниши, также ниша-тайник находилась в полу камеры – пустая.	такой же прямоугольной железной пластиной (4,6х1,6 см); 4. три железных крюка-петли от поясного набора; 5. четыре железных рамочных язычковых пряжки; 6. рамочная пряжка с неподвижным язычком; 7. рамка от пряжки; 8. бляшка в виде подковки; 9. подтреугольная бляшка; 10. четыре железных бляшки-нашивки; 11. фрагмент серебряной чаши; 12. три железных наконечника стрел [НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30, 1986, с. 26]. По фотографии с НОА ГМИНВ. На уровне 76,5-148 были найдены остатки древесного тлена, остатки ткани и парчи: 1. зубы человека; 2. гвозди железные;	было надето пурпурно-золотое облачение, надето поверх белой одежды. Явный монголоид.

Могильник Дурмон-тепе ¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
					<p>3. крепления железные; 4. крюки железные; 5. бляшка железная; 6. пластины железные; 7. бляшки гербовидные; 8. бляшка треугольная.</p> <p>На уровне 114-148, были отмечены: древесный тлен, фрагменты кожи. Также: 1. зубы человека; 2. гвозди железные; 3. крепления железные; 4. сосуд красноглиняный [НОА ГМИНВ, 1986 г.].</p>	
11.	Погребение № 3	Взр.	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: ориентация с 3 на В, головой на запад. В могиле костяк лежал	По [НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30, 1986, с. 27]. Впускная яма прямоугольной формы с подбоем с юга. Размеры впускной ямы 1,75x1,00 м. Ступенька могильной ямы фиксировалась	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: 1. пояс с железными заклепками; 2. пряжки подвесных ремешков; 3. берестяной колчан; 4. семь стрел с большими железными наконечниками; 5. стрелы;	Специалисты датируют погребение X-XI вв. [НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30, 1986, с. 28].

Могильник Дурмон-тепе¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			вытянуто на спине, руки вдоль туловища.	на глубине 78 см от реперного нуля. Ширина ступеньки 55 см.	6. серебряная тонкостенная полусферическая чашка (сломана, часть брошена в могилу). По: НОА ГМИНВ. Поясной набор: 1. 13 железных заклепок; 2. 3 различных крючка; 3. одна скоба; 4. две язычковые железные пряжки. 5. колчан из бересты; 6. восемь стрел с наконечниками; 7. железный нож с каменным перекрестием; 8. фрагменты кожи и деревянного тлена.	Г.В. Шишкина – втор. пол. XI в. [Шишкина, 1994, с. 56-63].
12.	Погребение № 4	Взр.	По: НОА ГМИНВ: погребенный располагался лежа.	Могильная яма овальной формы.	-	Кисти рук сложены так, как будто погребенный держал икону.

Могильник Дурмон-тепе¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Вытянуто на спине, руки согнуты в локтях. Ориентация костяка с С на Ю, головой на С.			[НОА ГМИНВ. Отчет САЭ, 1989, р. 1, с. 8-9; Шишкина, 1994, с. 59].
13.	Погребение № 5	Взр.	По: НОА ГМИНВ: Ориентирован с СВ на ЮЗ, костяк располагался лежа на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Длина костяка 1,5 м.	По: НОА ГМИНВ: могильная яма овальной формы. На отдельных участках, под костяком прослежена подстилка из древесной коры.	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: 1. бронзовый ячеистый треугольник со вставками из стеклянных бус – эгрет; 2. в ногах деревянное седло; 3. железные обкладки седла и стремена; 4. бронзовое зеркало; 5. поверх зеркала – часть бараньей туши (т.н. баранье седло). По: НОА ГМИНВ. Отчет САЭ, 1989, р. 1, с. 10: 1. бронзовая треугольная бляшка (3,2 x 2,8 см) – эгрет;	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: узколиций европеоид. Зеркало отлито по слепку с китайского, на тыльной стороне его изображена сцена с двумя фигурками под ветвью цветущего дерева.

Могильник Дурмон-тепе¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
					2. кость жертвенного животного; 3. бронзовое литое зеркало с ручкой с фрагментами ткани; 4. три позвонка животного на зеркале; 5. два трапецевидных стремени; 6. пластины обкладок; 7. подвижные кольца на штыре с S-образными пластинами; 8. подвижные язычковые защелки на заклепках; 9. язычковые пластины с кольцом и застежкой. 6-9 – на некоторых предметах сохранились следы древесного тлена – детали седла с деревянной основой.	По: НОА ГМИНВ. Отчет САЭ 1989, р. 1: археологи датируют погребение XI-XII вв.
14.	Погребение № 6 Погребение коня	-	По: НОА ГМИНВ. Отчет САЭ, 1989: скелет животного	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: яма, обычной глубины. На дне уздечка, затем до верху яма покрыта тонкими пластинами глины и земли.	По: Шишкина, 1994, с. 56-63: 1. На дне ямы положена уздечка (сохранились детали). По: НОА ГМИНВ. Отчет САЭ, 1989:	-

Могильник Дурмон-тепе ¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			лежал на правом боку, мордой на север (с С на Ю). Длина костяка 1,3 м.	Сверху положена часть туши коня без ног.	на дне погребения было обнаружено 18 железных предметов – различные детали конской упряжи.	
15.	Погребение № 7	Дет.	По: НОА ГМИНВ, Отчет САЭ, 1989, р.1: Костяк, ориентирован С СВ на ЮЗ, головой на СВ. На спине, руки вдоль туловища. Правая нога согнута в колене. Длина костяка 90 см.	По: НОА ГМИНВ, Отчет САЭ, 1989, р.1: Впускное. Могильная яма овальной формы.	По: НОА ГМИНВ, Отчет САЭ, 1989, р.1: в области грудной клетки найдена стеклянная бусина со сквозным отверстием и петелькой из медной проволоки.	

Могильник Дурмон-тепе ¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
16.	Погребение № 8	Взр.	По: Мкртычев, 1989. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32: костяк лежал вытянуто на спине, руки вдоль тела. Ориентирован с С на Ю, головой на С. Длина костяка 1,3 м.	По: Мкртычев, 1989. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32: впускное, могильная яма овальной формы.	-	-
17.	Погребение № 9 Северо-восточный холм Турт-тепе	Взр. (?)	По: Мкртычев, 1989. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32: костяк располагался на спине, руки вдоль туловища. Ориентирован	По: Мкртычев, 1989. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32: могильная яма овальной формы.	По: Мкртычев, 1989. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32: «1. скоба железная 2. черешок стрелы 3. фрагмент железной пластины 4. фрагмент железный 5. стрела железная 6. фрагмент железный 7. скоба железная 8. кресало железное 9. скоба железная	По: Мкртычев, 1989. НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 32: погребенный захоронен в деревянном гробу.

Могильник Дурмон-тепе ¹²

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			с СЗ на ЮВ, головой на СЗ. Анатомический порядок костей нарушен.		10. пластина железная 11. скоба железная 12. фрагмент железный 13. черешок стрелы 14. фрагмент стрелы железной 15. предмет железный 16. пластина железная 17. бляшка бронзовая 18. фрагмент железный 19. скоба железная 20. нож железный 21. наконечник стрелы железной 22. скоба железная 23. фрагмент скобы железной 24. фрагмент железный с деревянным тленом 25. 4 панцирные пластины 26. пластина свинцовая 27. фрагмент железный» [фото чертежа из НОА ГМИНВ, б/н].	

Таблица 5

Некрополь Беловодская крепость (Кыргызстан)

Некрополь Беловодская крепость (раскопки 1978 г.) ¹⁴ Информация о погребениях дана в сжатом виде [Мокрынин, 2012, с. 97-127]						
	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
1.	Погребение № 1	Взр. ¹⁵	В-З, головой на восток. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма с подбоем с северной стороны. Размеры подбоя 1,6 х 0,5 м. Яма заглублена на 15 см. Подбой перекрыт сырцовыми кирпичами в два ряда (45х23х12 см).	С южной стороны черепа найдена бронзовая серьга.	

¹⁴ В таблице учитываются только захоронения, совершенные по обряду ингумации (труположения). Таблица составлена на основе следующих научных публикаций: Мокрынин В.П. Исследования городища Беловодская Крепость в 1978 году. Сост. и науч. ред. В.А. Кольченко, Б.Э. Аманбаева., 2012. Архивные материалы по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим. С. 97-127.

¹⁵ Автор раскопок не указывает, это погребение взрослого или ребенка. Лишь в двух случаях отмечалось, что погребение детское. На этом основании, все остальные погребения в таблице указаны как захоронения взрослых.

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
2.	Погребение № 2	Взр.	СВ-ЮЗ, головой на СВ. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма с подбоем в СВ части. Подбой заложен кирпичами серого цвета. Размеры могилы подбоя 1,8 х 0,7 м.	Четыре бронзовые серьги. Вторая пара сережек большего диаметра и украшена жемчужинами по одной на каждой серьге. Три бронзовых перстня, круглое бронзовое зеркало в петелькой на обороте. В области грудной клетки найдено семь бусин.	
3.	Погребение № 3	Взр.	З-В, головой на запад. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма с подбоем с северной стороны. Размеры подбоя 1,9 х 0,6 м.	К северу от черепа найдено бронзовое размыкающееся кольцо серьги.	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
4.	Погребение № 4	Взр.	З-В, головой на запад. Костяк в вытянутом положении, на спине. Левая рука согнута в локте, правая в области живота.	Могильная яма с подбоем. Размеры подбоя 1,6х0,55 см. Подбой заглублен в шох на 50 см. Заложен тремя рядами сырцовых кирпичей (45-47х23-25х10-12 см).	У черепа, с двух сторон, найдена пара серег из бронзовой проволоки.	
5	Погребение № 5	Взр.	В-З, головой на В. Кости нарушены.	Могильная яма с подбоем (?) Размеры подбоя 1,87 х 0,6 м.	В ногах погребенного стоял кувшин.	
6.	Погребение № 6	Взр.	С-Ю, головой на С.	Могильная яма. Размеры 2,1 х 0,72 м, гл. 1,5 м.	У черепа, с двух сторон, найдена пара серебряных серег.	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Костяк в вытянутом положении, на спине. Правая рука согнута под прямым углом, левая – вдоль туловища.		Севернее черепа стояла кружка на поддоне с петлеобразной ручкой.	
7	Погребение № 7	Дет.	В-З, головой на В. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма не прослежена. Глубина 0,85 м.	В изголовье – сосуд и четыре астрагала с отверстиями.	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
8	Погребение № 8	Дет.	В-З, головой на В. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма с подбоем с северной стороны. Подбой заложен обломками сырцового кирпича. Размеры подбоя – 0,95 х 0,35 м.	-	
9.	Погребение № 9	Взр.	С-Ю, головой на С. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма в форме вытянутого овала, с расширением к северу. Размеры 1,9 х 0,6 м, гл. 1,7 м.	Слева от черепа – бронзовая серьга, у кисти левой руки – бусы. Рядом стоял кувшин. У правого плеча – два железных наконечника стрел.	Кости плохой сохранности.
10.	Погребение № 10	Взр.	С-Ю, головой на С. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма, размеры 1,95 х 0,8 м, гл. 1,7 м.	Рядом с черепом - две бронзовые серьги, в области грудной клетки – монета Кай Юань Тун Бао, рядом – пятиугольный бронзовый предмет с круглым отверстием, вероятно, амулет.	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
11.	Погребение № 11	Взр.	В-З, головой на В. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма с подбоем. Длина 1,92 x 0,5 м, гл. 1,8 м. Подбой закрывался сырцовыми кирпичами.	На лучевых костях левой руки у самой закладки подбоя стоял керамический сосуд.	
12.	Погребение № 12	Взр.	В-З, головой С (?) Костяк в вытянутом положении, на спине. В тексте отчета, вероятно ошибка, т.к. голова умершего не могла	Грунтовая могильная яма. Размеры 1,7 x 0,6 м, гл. 1,75 м. Могила длинной осью ориентирована по линии В-З.	С двух сторон от черепа – бронзовые серьги. На левой руке, у запястья – остатки железного браслета. На безымянном пальце левой руки – серебряный перстень с ромбическим щитком, на правой – серебряный перстень со щитком в виде цветка. В области грудной клетки – железная бляха с тремя прорезями	При расчистке погребения, череп умершего оказался в вертикальном положении, теменем вверх. Как предположил В.П. Мокрынин, очевидно, что в момент

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			располагаться на С, учитывая, что могильная яма ориентирована по оси В-З. Скорее всего, головой на В. <i>(Прим. Михеева. А.А.)</i>			захоронения, голова умершего была положена на высокое изголовье из органических материалов [Мокрынин, 2012, с. 118].
13.	Погребение № 13	Взр.	С-Ю, головой на С. Костяк в вытянутом положении, на спине. Левая рука согнута в локте. Левая нога слегка	Грунтовая могильная яма. Размеры 1,6 х 0,8 м, гл. 1,75 м.	-	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			согнута в колоне.			
14.	Погребение № 14	Взр.	В-З, головой на В, лицом на С. Расчищена только верхняя часть скелета. Костяк лежал на правом боку. Правая рука согнута в локте, левая вдоль туловища.	Могильная яма с подбоем. Размеры подбоя: длина 0,7 м (расчищенная часть), ширина 0,55 м, гл. 1,45 м. Подбой закрывался сырцовыми кирпичами.	-	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
15.	Погребение № 15	Взр.	СВ-ЮЗ, головой на СВ. Зачищена только нижняя часть скелета. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении.	Глубина могилы 1,75 м.	Выше тазовый костей были обнаружены бусы.	
16.	Погребение № 16	-	Анатомический порядок костей нарушен.	Глубина могилы 1,7 м.	-	Зачищены кости человека и коня. Все кости нарушены и располагались в беспорядке.

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
17.	Погребение № 17	Взр.	С-Ю, головой на С. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Грунтовая могильная яма. Глубина могилы 1,45 м.	С левой стороны черепа – серебряная серьга с нанизанной сердоликовой бусиной. В районе грудной клетки – ожерелье из бус и раковины каури.	Зафиксирована только верхняя часть скелета. Нижняя была разрушена.
18.	Погребение № 18	Взр.	СВ-ЮЗ, головой на СВ. Анатомический порядок костей нарушен.	Глубина могилы 1,4 м.	-	Ограблено в древности.
19.	Погребение № 19.		В-З, головой на В. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма с подбоем с северной стороны. Размеры подбоя 1,75 x 0,52 м, Высота подбоя 0,5 м. Подбой заложен тремя рядами сырцовых кирпичей. Дно подбоя на 50 см ниже уровня впускной ямы.	В изголовье подбоя находился кувшин с ручкой. По обе стороны от черепа – пара бронзовых серег. Выше левой ключицы – наконечник стрелы. У левого бедра – обломок ножа, между костями колен – кольцо из белого нефрита.	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
20.	Погребение № 20.	Взр.	Анатомический порядок костей нарушен.	Могильная яма с подбоем. Гл. 1,6 м.	Рядом с костями обнаружены: бусы, перстень бронзовый, кусочек бронзы, черный дирхем гитрифи.	
21.	Погребение № 21.	Взр.	С-Ю, головой на С. Костяк в вытянутом положении, на спине. В анатомическом порядке сохранились	Глубина 1,6-1,7 м.	На фаланге пальца левой руки найден бронзовый литой перстень.	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			левая рука, часть тазовых костей и бедро левой ноги.			
22.	Погребение № 22.	Взр.	В-З. Анатомический порядок костей нарушен. Череп находился в восточной части ямы.	Глубина 1,65 м. Сохранившаяся длина ямы 0,9 м, ширина – 0,6 м.	Среди костей найдена пара бронзовых серег.	
23.	Погребение № 23.	Взр.	Анатомический порядок костей нарушен. Череп находился у	Сохранившаяся часть ямы длиной 1,7 м, шириной 0,55 м, гл. 1,65 м.	-	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение косяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			восточной стенки ямы.			
24.	Погребение № 24.	Взр.	Ю-С, головой на Ю. Костяк в вытянутом положении, на спине. В анатомическом порядке сохранились верхняя часть туловища и нижняя часть костей ног.	Глубина 1,35 м.	В засыпи найдена часть плошки.	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
25.	Погребение № 25.		Захоронение коня. Конь располагался на левом боку, передние и задние кости ног подогнуты. Голова коня ориентирована на З.	Глубина 1,5 м.	Во рту коня находились железные удила с кольцевыми псалиями. В районе хребта найдены два железных стержня - стяжки и обломок железной пряжки с подвижным язычком. Поверх костей, в грунте, на гл. 50 см был найден фрагмент верхней части кувшина с ручкой.	Автор раскопок предполагает, что возможно рядом было погребение человека, но оно не сохранилось или было уничтожено [Мокрынин, 2012, с. 121].
26.	Погребение № 26.	Взр.	З-В, головой на В. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Могильная яма с подбоем с северной стороны. Впускная яма: длина 1,4 м, ширина 0,6 м, гл. 1,6 м. Подбой 1,4 x 0,45 м, ниже впускной ямы на 50 см. Подбой заложен сырцовым кирпичом и его обломками.	С двух сторон от черепа найдены серьги из бронзовой проволоки.	

**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
27.	Погребение № 27.	Взр.	Анатомический порядок костей нарушен.	Глубина 1,8 м. Вероятно, подбойное, т.к. в северной части был обнаружен сырцовый кирпич.		В.Н. Мокрынин предполагает, что подбой был сделан в южной стене [Мокрынин, 2012, с. 121].
28.	Погребение № 28.	Взр.	В-3, головой на В. Костяк в вытянутом положении, на спине.	Глубина 1,75 м.	Среди костей обнаружен наконечник железной стрелы.	

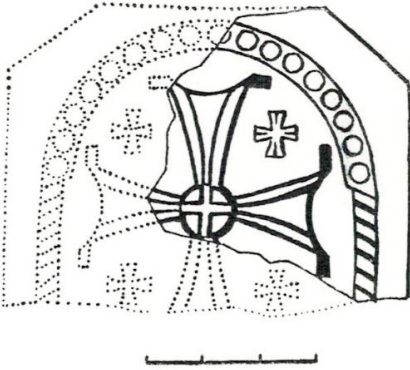
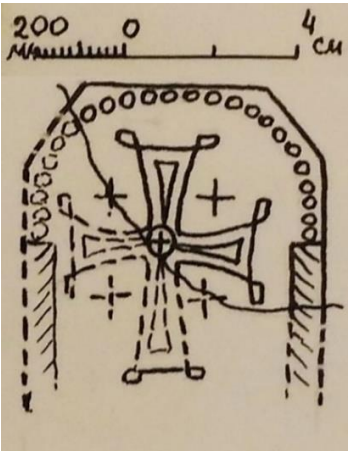
**Некрополь Беловодская крепость
(раскопки 1978 г.)¹⁴
Информация о погребениях дана в сжатом виде
[Мокрынин, 2012, с. 97-127]**

	I	II	III	IV	V	VI
№	Местоположение /количество погребений	Пол/ возраст	Ориентировка и положение костяка. Положение конечностей.	Параметры ямы: д/ш/гл. Форма ямы /конструкция могильной ямы. Конструкция могилы/ перекрытие могилы/ надгробие могилы	Сопроводит. инвентарь	Примечания
			Верхняя часть скелета нарушена, нижняя – нет.			
<p>По конструкции погребальных сооружений В.П. Мокрынин разделил 28 вскрытых погребений на три типа: I тип – в грунтовых ямах. Могильная яма овальной формы, довольно узкая, ориентированная длинной осью по линии С-Ю. В области головы более широкая, в районе ног – узкая. II тип – могильная яма с подбоем с северной стороны. Впускная яма овальной формы, узкая, ориентирована длиной осью по линии В-З. Подбой тоже узкий, дно подбоя ниже дна входной ямы. Подбой закладывался сырцовым кирпичом, иногда в два-три ряда. III тип – погребение с конем. Совершено в широкой грунтовой яме, ориентированной по линии В-З [Мокрынин, 2012, с. 121]. В грунтовых ямах и ямах с подбоем погребенный располагался в вытянутом положении на спине, руки или согнуты в локтях, кисти или в районе живота или немного ниже. В могилах с подбоем ориентация покойного с С на Ю, головой на С, в грунтовых могильных ямах – с В на З, головой на В. В погребении № 24 умерший лежал головой на З, в погребении № 14 – на правом боку, головой на В, в погребении № 27 подбой сделан не в северной стене, как в остальных погребениях с подбоем, а с южной стороны [Мокрынин, 2012, с. 121].</p> <p>По мнению В.П. Мокрынина, погребальный обряд населения Беловодская Крепость носит языческий характер. Ритуальные сосуды и вооружение в погребениях явно об этом свидетельствуют. Датировка погребений – рубеж IX–X – X вв. [Мокрынин, 2012, с. 122, 126].</p>						

Таблица 6

Сводная таблица керамических плакеток и матриц, обнаруженных на территории Средней Азии

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
Северный Хорасан (Туркмения)						
1.	Мерв. Городище Гяур-кала. Плитка/плакетка керамическая	Плакетка изготовлена из глины, методом штампа оттиснуто изображение равноконечного креста с расширяющимися лопастями. В средокрестии круг, в котором сделан крест по типу латинского, - визуально нижняя ветвь креста как будто длиннее остальных. В свободном пространстве, между лопастями основного креста, располагались маленькие равноконечные кресты со слегка расширяющимися концами. Вся композиция расположена под	Размеры плитки указаны с реконструкции изображения: ширина 7 см, длина 7,4 см (условна). Размеры креста условны: по вертикали 5,5 см, по горизонтали 4,7 см.	Сер. VI в. [Дресвянская, 1968b, с. 150-151].	 <p style="text-align: center;">Фото В.Н. Пилипко</p>	Найдена в 1930 г. И.Г. Егоровым на поверхности городища Гяур-кала. [Пилипко, 1968, с. 25; Дресвянская, 1968b, с. 150-151].

№ п/ п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
		<p>округлой аркой, низ которой украшен косыми насечками, а верх – ровными небольшими кружочками [Пилипко, 1968, с. 25].</p>			 <p>Реконструкция В.Н. Пилипко. [Пилипко, 1968, с. 25].</p> 	

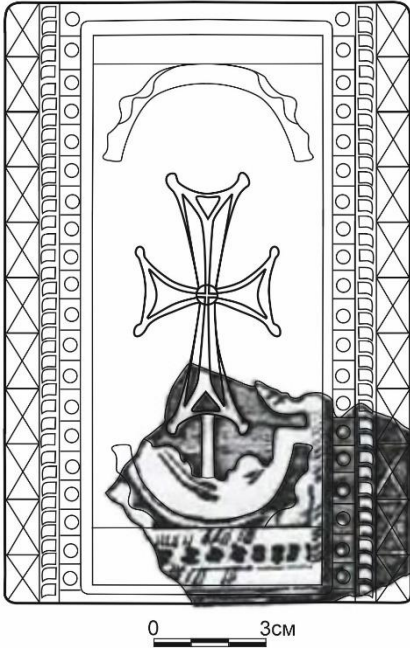
№ п/ п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
					<p data-bbox="1422 363 1803 464">Реконструкция Г.Я. Дресвянской [Дресвянская, 1968b, с. 150-151].</p> <p data-bbox="1473 1027 1751 1094">Реконструкция А.А. Михеевой</p>	

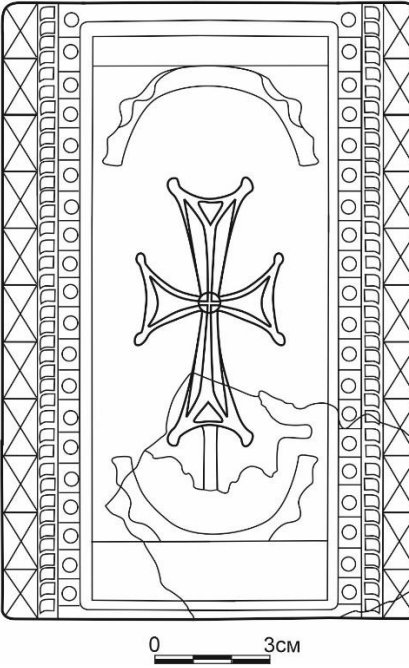
№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
2.	Мерв. Гяур-кала. Плитка /плакетка керамическая.	В овале, в форме двух колец, между которыми располагались кружки (перлы), помещен рельефный крест. Нижняя часть креста удлинена, верхняя и боковые – одного размера. Ветви креста расширяются от центра к внешнему краю. На оконечностях, на концах, по кружку (бусине, жемчужине). В средокрестии креста украшение в форме скругленного квадрата. Под ним, на нижней ветви, две полосы, вероятно, в качестве украшения. Внизу, по обеим сторонам креста, сделаны два орнамента [Массон, 1978, с. 51].	8,2x7,2 см	По аналогии с плиткой № 1, вероятно, сер. VI в.	 <p data-bbox="1424 788 1800 855">[Массон, 1978, с. 51, рис. 1, а].</p>	Обнаружена в Старом Мерве, в процессе работ ЮТАКЭ на Гяур-кале в 1962 г. Случайная находка. [Массон М.Е., 1978, с. 50-55].
Семиречье. Древний Тараз (Казахстан)						

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
3.	Плитка/рельеф настенный керамический. Древний Тараз.	Плитка состоит из двух частей: в одной (справа) – расположено два ряда изображений, разделенных полосой из кружков. В верхней части сохранились только полы халатов двух человеческих фигур и ступи ног. В нижнем ряду, представлены три фигуры, стоящие в одинаковых позах. Лица фигур широкие, округлые, лоб низкий [Сенигова, 1968, с. 62]. Волосы, в виде небольших валиков, убраны назад. Черты лиц однотипны: глаза большие, с тяжелыми веками, нос большой, рот крупный, уши большие с длинными мочками [Сенигова, 1968. с. 62]. Фигуры одеты в свободную одежду, перевязанную поясом. Хорошо видны драпировки складок в	Размеры: 20x10x1,3 см	V–VI вв. по Байпакову и Терновой. VI–VIII вв. по Сениговой. IX–X вв. по Семенову.	 <p>[Сенигова, 1968, с. 63, рис. 3; Semenov, 1996, p. 143, 21].</p>	Найдена при раскопках Древнего Тараза. Впервые опубликовано Т.Н. Сениговой. [Сенигова, 1968, с. 62-97; Semenov G.L. Studien zur sogdischen Kultur an der Seidenstraße. Wiesbaden, 1996, p. 65-66, 143, add. 21; Железняков, 2005, с. 48-55; Горячева, 2010, 156-157, рис. 92. Лурье, 2013, с. 226-227; Байпаков, Терновая, 2018, с. 15-17, рис. 4].

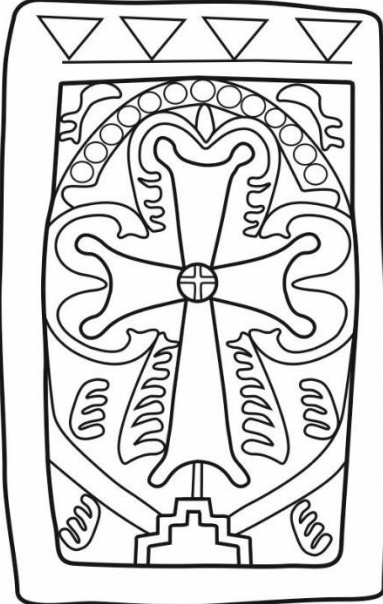
№ п/ п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
		<p>области плеч и в нижней части юбок. Позы фигур одинаковы – они стоят прямо, головы и взор устремлены вперед, руки сложены в области груди, вероятно, в молитве. На ногах обуви нет, босиком [Лурье, 2013, с. 226-227]. Фигуры нижнего ряда отделены линий из кружков (перлов). По правой стороне располагалась прямоугольная рамка из виноградной лозы, и рядом – из рамки из аналогичных кружков. Т.Н. Сенигова также отмечает, что правее крайней фигуры была помещена сирийская надпись в одну строку [Сенигова, 1968, с. 63]. В левой части плакетки – в прямоугольной рамке с перлами располагался</p>			 <p>Реконструкция креста А.А. Михеевой.</p>	

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
		<p>равноконечный крест. Горизонтальные лопасти креста, немного длиннее вертикальных. На оконечностях лопастей – бусины (жемчужины), по две на каждом конце. В центре, как я предполагаю, круг. Крест расположен на цветках лотоса, на которых отмечено по одной жемчужине с каждой стороны.</p>				
Семиречье (Кыргызстан)						
4.	<p>Городище Красная речка. Плитка/плакетка керамическая</p>	<p>Керамическая плакетка прямоугольной формы. Крест с удлинённой нижней ветвью. Лопасты расширяются от центра к внешнему краю, на оконечностях лопастей две капли на углах. Крест на стержне, опирается на сферу,</p>	<p>Размеры по реконструкции: ширина 11 см; длина 16 см.</p>	<p>X–XII вв. [Горячева, 2010, с. 216].</p>		<p>Хранится в фондах археологического музея Института истории НАН КР. Случайная находка на шахристане городища Красная речка. [Горячева, 2010, с. 216, рис. 122;</p>

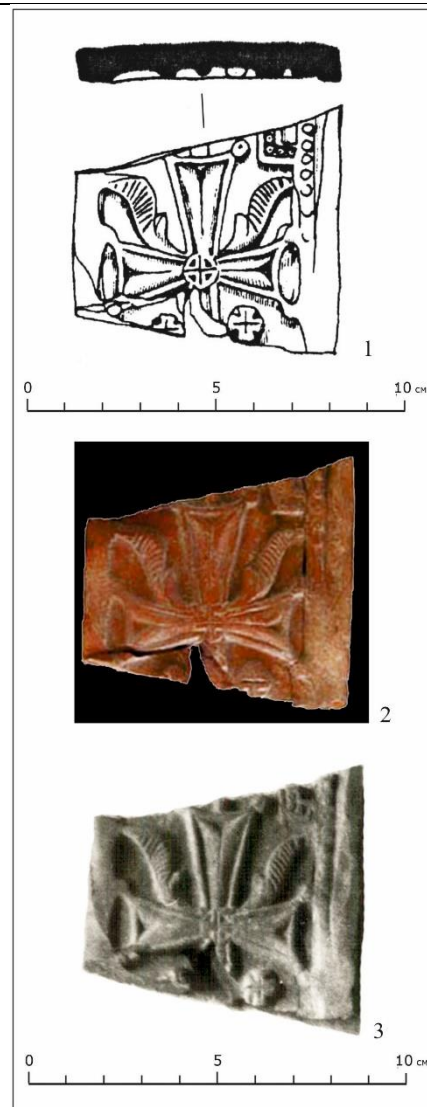
№ п/ п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
		<p>растительный орнамент или облака (?) Над верхней ветвью креста, предположительно, украшение в виде полукруглой арки. Вся композиция с крестом помещена в прямоугольную многосоставную рамку. Первоначально идет валикообразная рамка, за ней рамка с перлами, разделенными друг от друга прямой, за ней следует рамка из украшений в виде небольших засечек. Замыкает всю композицию рамка в виде небольших крестов, состоящих из двух косых линий.</p>			<p>[Горячева, 2010, с. 216, рис. 122].</p> <p>Реконструкция плакетки А.А. Михеевой.</p>	<p>Кольченко, 2003, с. 60; Кольченко, 2018, с. 93, рис. 45; Байпаков, Терновая, 2018, с. 15].</p>

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
						
5.	Городище Ак-Бешим (объект VIII). Плитка/плакетка керамическая.	Плакетка керамическая, хорошей сохранности, прямоугольной формы. В центре плакетки крест с удлиненной нижней ветвью. Горизонтальные ветви креста, короче вертикальных. Ветви расширены от центра к	Размеры при публикации не указывались.	X–XI вв.		Городище Ак-Бешим, комплекс церквей (об. VIII). [Аманбаева, Кольченко, Сулайманова, 2015, с. 20, рис. 9, 4].

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
		<p>оконечностям. На углах сделаны каплеобразные кружки (слёзки), по две на каждой лопасти. В средокрестии круг, внутри круга прямой крест. Крест располагается на стержне, стоявшем на подножье - Голгофе.</p> <p>Крест, установленный на Голгофе, почитался как знак победы, – крест непобедимый [Введение в историю церкви, 2012, с. 603].</p> <p>Со всех сторон ветви креста украшены растительным орнаментом. В центре верхней ветви креста сделано украшение в виде короны, поверх которой располагалась полукруглая арка, украшенная кружочками (перлами).</p> <p>В верхней части иконки украшение в виде перевернутых</p>			 <p>[Аманбаева, и др., 2015, с. 20, рис. 9, 4].</p>	

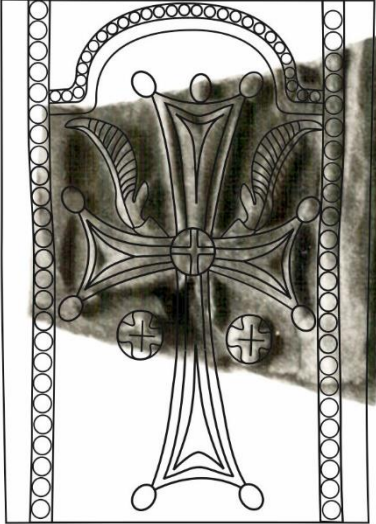
№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
		<p>треугольников, вероятно, вписанных друг в друга, - на рельефе читался только ряд треугольников. Вся композиция креста помещена в прямоугольную рамку.</p>			 <p>Прорисовка А.А. Михеевой.</p>	
6.	<p>Городище Ак-Бешим, Комплекс церквей (об. VIII). Фрагмент керамической плакетки.</p>	<p>Керамическая плакетка. На сохранившейся части изображен крест с удлиненной нижней ветвью. Ветви креста расширяются от центра к оконечностям, по углам которых, с двух сторон, помещены каплевидные</p>	Ширина 7 см.	X–XI вв.		<p>Обнаружена в процессе раскопок объекта VIII - Комплекс церквей, на городище Ак-Бешим. [Семенов, 2002, с. 93, рис. 54, 1;</p>

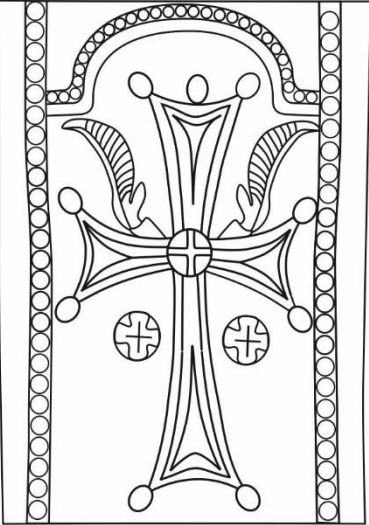
бусины (слёзки). На верхней ветви креста, между каплевидными бусинами, по центру располагалась еще одна бусина. В средокрестии круг, внутри которого помещен равноконечный крест по типу греческого. В верхней части креста, между ветвями, помещены украшения в виде крыльев, обращенных к верхней вертикальной ветви креста. В нижней части, между лопастями креста, расположены круги, внутри которых сделан равноконечный крест, в центре, крест в виде двух перекрещенных линий. На сохранившейся части иконки, в верхнем правом углу, было видно, что вся композиция помещена в рамку. Рамка украшена кружочками (перлами). В верхней половине иконки, предполагается, располагалось украшение в виде арки с кружочками внутри.

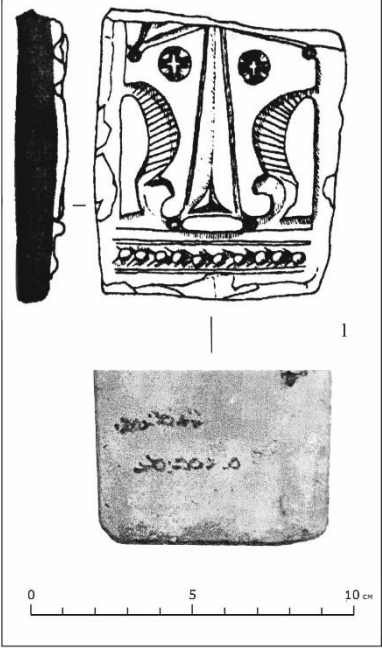

1 – [Семенов, 2002, с. 93, рис. 54, 1];

Аманбаева, Кольченко, Сулайманова, 2015, с. 20, рис. 9, 2].

№ п/ п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
					<p data-bbox="1413 363 1816 464">2 – [Аманбаева и др., 2015, с. 20, рис. 9, 2]; 3 – фото А.И. Торгоева.</p> <p data-bbox="1473 1090 1753 1155">Реконструкция А.А. Михеевой.</p>	

№ п/ п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
					 <p data-bbox="1473 938 1751 1008">Реконструкция А.А. Михеевой.</p>	

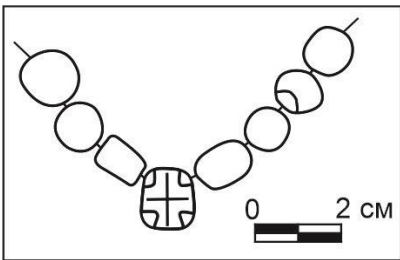
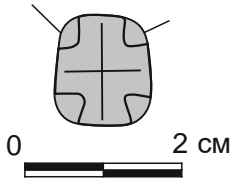
№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
7.	Городище Ак-Бешим, Комплекс церквей (об. VIII). Фрагмент матрицы керамической.	На сохранившейся части формы видна нижняя ветвь креста и небольшой фрагмент левой боковой ветви. Судя по аналогиям, это крест, с удлиненной нижней ветвью. От центра к внешним краям ветви креста расширяются. На оконечностях, по углам, располагаются каплевидные бусины/слёзки. В нижней части, между ветвями креста, – круги, внутри которых сделаны равносторонние кресты, – их концы слегка расширены от центра к внешним краям. В центре этих крестов находится прямой крест, состоящий из двух прямых линий. По бокам от нижней ветви креста, располагалось рельефное украшение в виде парных крыльев. В ее нижней части сделана прямая линия с	Ширина – 7,5 см, высота – 12-14 см.	X-XI вв.	 <p data-bbox="1406 1066 1809 1136">[Семенов, 2002, с. 93, рис 54, 2, рис. 55].</p>	[Семенов, 2002, с. 93, рис 54, 2, рис. 55].

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
Согд (Узбекистан)						
8.	Городище Рабинджан. Матрица керамическая.	Центральное место занимает крест с удлиненной нижней ветвью. Ветви креста расширяются от центра к внешнему краю. На оконечностях ветвей, по углам, располагаются каплевидные бусины/слёзки. Между ветвями, в центральной части, – украшение в виде ромбов. В средокрестии круг, внутри которого помещен равносторонний крест. Крест располагается под округлой аркой,	Высота – 15 см.	Средневековье ?		[Savchenko, Dickens, 2009, p. 299, pl. 10; Savchenko, 2010, p.77, abb. 5; Ashurov, 2013].

№ п/ п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
		<p>сделанной виде рыбьей чешуи. Над аркой располагается еще одна – валикообразной формы. В нижней части креста, по бокам от нижней ветви креста, – украшение в виде распахнутых парных крыльев. В верхней части формы, над валикообразной аркой, – следует рамка прямоугольной формы, над ней, еще одна рамка, в виде вертикальных рельефных линий, расположенных параллельно друг к другу. Края формы сохранились не очень хорошо, особенно в правой стороне и в нижней части плакетки.</p>			[Savchenko, Dickens, 2009, p. 299, pl. 10]	

Таблица 7

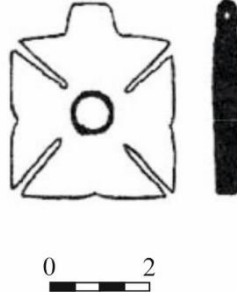
Сводная таблица крестов и подвесок из камня, обнаруженных на территории Средней Азии

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
Узбекистан						
1	Бусы с подвеской. Городище Канка.	Бусы из стеклянной пасты, горного хрусталя и сердолика. В центре бус располагалась подвеска подтрапециевидной формы из темного камня. Сбоку подвески сделано отверстие для подвешивания. По форме бусина близка к так называемым «ложным перстням». Верхняя часть подвески округлена, нижняя – уплощена. В центре ее помещено изображение двойного равностороннего креста. Предполагается, что подвеска происходит из разрушенного погребального комплекса – многокамерного науса. [Богомолов, 1994, с. 77].	IV–VI в. н.э. [Богомолов, 1994, с. 77].	Размеры подвески: 1,4 x 1,2 x 0,7 см.	 <p>[Богомолов, 1994, с. 73, табл. 6, 4].</p> <p>Увеличено. А.А. Михеева.</p>	Найдены в южной части рабада городища Канка. Подъемный материал. [Богомолов, 1994, с. 73, 77, табл. 6, 4].

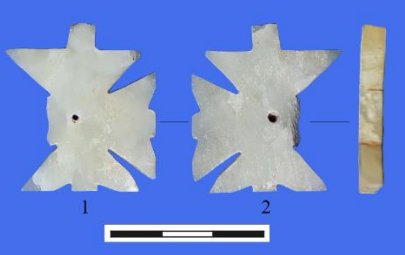
№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
2	Самаркандская обл. Случайная находка.	Подвеска из камня. На лицевой стороне подвески – крест, орнаментированный виноградными ягодами.	Сланцевый камень.	-	 <p data-bbox="1344 694 1736 798">б/м [Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig.6].</p>	[Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig.6]. Размеры и датировка подвески неизвестны.
3	Южный Узбекистан. Сурхандарья. Балалык-тепа.	Кулон из стекла в серебряной оправе. На кулоне изображена женщина, держащая в руках ребенка младенческого возраста.	Серебро, стекло.	-	 <p data-bbox="1344 1252 1736 1356">б/м [Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig.7].</p>	[Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig.7]. Размеры и датировка кулона неизвестны.

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
4	Бухарский оазис. Городище Пайкенд.	Крест равноконечный из камня. Ветви креста неровные, горизонтальная ветвь короче, вертикальной. Правая сторона горизонтальной ветви шире, чем левая, верхняя вертикальная ветвь шире нижней и боковых. Оконечности креста сглажены, почти овальной формы. В центре верхней вертикальной ветви креста, сделано аккуратное и ровное отверстие для пронизывающей нити. На концах креста видны следы неровностей, образованные естественно-природной средой и структурой камня.	Галечный камень.	VIII–IX вв.	 <p data-bbox="1413 738 1659 807">Личное фото А.В. Омельченко</p>	[Сапаров, Омельченко, 2017, с. 287, рис. 7, 1].
Юго-Западное Семиречье (Казахстан)						

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
5	Подвеска из нефрита. Актобе Степнинское (Южный Казахстан)	Подвеска из полупрозрачного светло-серого нефрита подквадратной формы, со скругленными краями. Ушко для подвешивания отломано. В центре вырезан равносторонний крест по типу греческого, широкий. Лопасти креста сделаны в виде мелких квадратов, образованные от прочерченными крест на крест рельефными линиями. В средокрестии сделано отверстие, диаметром 0,5-0,6 см, в которое вставлен минерал зеленого цвета (жадеит) цилиндрической формы.	Нефрит. В центре - жадеит. Размеры 3,5x3,1x0,5 см.	VIII–IX вв.	 <p>[Григорьев, Железняков, Электронный ресурс]. URL: http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm Дата обращения: (20.09.2021)];</p>	<p>Подвеска обнаружена Ф.П. Григорьевым при археологическом обследовании городища Актобе Степнинское. Григорьев Ф.П., Железняков Б.А. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины. // [Электронный ресурс]. URL: http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm Дата обращения: (20.09.2021);</p> <p>[Железняков, 2005, с. 54; Байпаков, Терновоя, 2018, с. 24-25, рис. 11].</p>

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
Юго-Западное Семиречье (Кыргызстан) Чуйская долина						
6	Обнаружен на городище Красная речка, в районе шахристана I. Случайная находка.	Крест нефритовый, подквадратной формы, равносторонний. Крест подвесной. Центральная часть оформлена врезной окружностью. «Концы выполнены пропилами по диагоналям. На гранях пропилов имеются отверстия – следы сверла (по четыре).» [Ротт, 2005, с. 47]. Оконечности ветвей оформлены в виде хвоста рыбы. В верхней части верхней ветви имеется ушко, сделанное в плоскости, параллельно плоскости креста. Обратная сторона гладкая. Крест довольно изящной работы.	Вертик. – 3,8 см, горизонт. – 3,3 см, толщина – 0,6 см. Нефрит.	VIII–IX вв. [Горячева, 1988, с. 67].	 <p>[Памятники культуры ...1983. С. 67-68, 261 а].</p> <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. 1, 17].</p>	Крест многократно публиковался: [Памятники культуры ..., 1983, с. 67-68, 261 а. Раскопки В.Д. Горячевой и О. Береналиева; Горячева, 1988, с. 67; Горячева, Перегудова, 1994, с. 93, рис. 23, 19; Ротт, 2005, с. 46-47, рис. I, 17; Байпаков, Терновкая, 2018, с. 25; Кольченко, 2018, с. 87, 92, рис. 39, 1.

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
						Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 205, рис. 3, 1].
7	Крест из нефрита. Городище Красная речка.	Крест нефритовый. По размеру меньше, чем крест вышеописанный, тоже с городища Красная речка. Крест равносторонний. В верхней части креста, сделано отверстие для нанизывания веревочки. Лопастей креста расширены от центра к оконечностям. Край лопастей трехчастны. На нижней ветви конец лопасти практически прямой.	Нефрит. Размеры ок. 2,3 см х 2,8 см.	Датировка не определена	 <p data-bbox="1370 970 1700 1007">[Горячева, 2010, с. 77].</p>	Обнаружен на городище Красная речка. Случайная находка. [Горячева, 2010, с. 77; Кольченко В.А. 2018, с. 87, 92, рис. 39, 4; Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 205, рис. 3, 2].

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
8	Крест из нефрита. Городище Ак-Бешим (об. VIII).	Крест равносторонний. Один раструб утерян. В центре его выпилено отверстие, сквозное. Края раструбов также визуально поделены на три части, но сглажены больше. Судя по профилю опубликованного рисунка, ушко, расположенное вдоль основной оси верхней части креста, было наполовину отломано.	Нефрит. Высота 2,8 см, ширина 2,4 см, толщина ок. 0,8 см.	X–XI вв. [Семёнов, 2002, с. 93].	 [Семенов, 2002, с. 93, рис. 54, 6]. Фото А.И. Торгоева	Обнаружен при раскопках монастырского комплекса церквей (об. VIII), на городище Ак-Бешим. Найден в помещении № 5. [Семёнов, 2002, с. 93, рис. 54, 6; Кольченко, 2018, с. 87, 92, рис. 39, 5; Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 205, рис. 3, 3].
9	Крест из нефрита. Городище Ак-Бешим (об. VIII).	Заготовка креста из нефрита желтовато-зелёного цвета. Крест хорошей сохранности. Левая ветвь креста утеряна. Лопасты креста расширены от	Нефрит. Размеры высота 3,2 см, ширина 3 см, толщина 0,5 см.	X–XI вв.		Обнаружено на городище Ак-Бешим, при раскопках монастырского комплекса церквей (об. VIII) в 2021 г. Крест найден на глубине -82

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
		<p>центра к оконечностям. В центре средокрестия, с небольшим отклонением в сторону, просверлено маленькое сквозное отверстие.</p> <p>Края правого, левого (утрачен) и нижнего раструбов поделены на три части (трехчастные), и образуют коронообразную форму с прямоугольным выступом в центре. На верхней части креста имеется предполагаемое ушко, в виде небольшой квадратной площадки, которое имело только форму заготовки, но само сквозное отверстие не сделано.</p>			<p>Фото А.А. Михеевой</p> <p>[Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 204, рис. 2, 3].</p>	<p>см от д/п, на уровне очага, в юго-восточной части раскопа 1, ок. внешней южной стены церкви «А».</p> <p>[Аманбаева Б.Э., Ямаучи К. Отчет о раскопках на городище Ак-Бешим монастырского комплекса церковей (об. VIII) в 2021 г. (не опубликован);</p> <p>Аманбаева, Михеева, Ямаучи, 2022, с. 204, рис. 2, 3].</p>

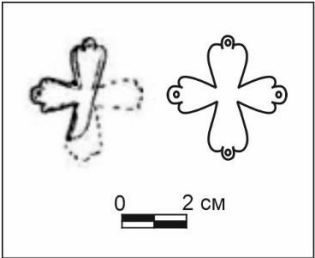

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
10	Городище Красная речка	Подвеска-медальон из камня с прочерченным крестом на лицевой стороне (?) Крест помещен в квадратную рамку.	Камень белого цвета.	-	 <p data-bbox="1344 678 1736 742">[Кольченко, 2018, с. 87, рис. 39, 2].</p>	[Кольченко, 2018, с. 87, рис. 39, 2].
11	Городище Ново-Покровское (V)	Медальон из черного камня в хорошей сохранности (судя по фото). Медальон прямоугольной формы с небольшим сердцевидным выступом в верхней части для нанизывания нити. Ушко утрачено. На одной стороне изображение, напоминающее скрещенные мечи, состоящее из трех параллельных линий. На другой стороне (лицевой) изображение воинственного мужчины в	Общая высота с выступом – 3,8 см. Высота прямоугольник а – 3 см, ширина – 2,4 см, толщина – 0,3 см. Камень	VIII–XIV вв.	 <p data-bbox="1344 1332 1736 1396">[Klein, Rott, 2006, p. 422, abb. 10].</p>	[Klein, Rott, 2006, p. 422, abb. 10; Кольченко, 2018, с. 87, рис. 39, 3]. Фотография и краткое описание медальона обнаружены в описи школьного музея № 1 в селе Новопокровка под № 117, без указания даты внесения записи. Сам предмет не сохранился [Кольченко, 2018, с. 87].

№ п/п	Предмет	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка предмета	Изображение предмета	Место и характер обнаружения предмета. Место публикации
		остроконечной меховой шапке с капюшоном меховой одежде. По краю, вокруг изображения мужчины, помещены маленькие равноконечные крестики (13 шт.) [Klein, Rott, 2006, p. 412-414].				
	Хорезм					
12	Городище Куюк-кала (раннесредневековый Кердер)	Подвеска четырехгранной формы светлого цвета с зелеными продольными полосами. В середине располагалось отверстие для подвешивания. С торцов, с двух сторон, изображены кресты с расширяющимися концами. Кресты нарисованы красной краской по белому фону [Грицина, 2018, с. 117].	Длина 1,5 см, толщина – 1,0 см. Камень.	X–XI вв.	 <p data-bbox="1346 1023 1704 1086">[Грицина, 2018, с. 117, рис. 4].</p>	[Грицина, 2018, с. 117, рис. 4].

Таблица 8

Сводная таблица металлических нательных, нагрудных и процессионных крестов, обнаруженных на территории Средней Азии

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
Туркмения						
1	Мервский оазис. Обнаружен при раскопках церкви Хароба-Кошук (Хароба-Кёшк)	Крест нагрудный, подвесной, плоский. Ушко креста расположено перпендикулярно верхней ветви. Ветви креста, расширяющиеся от центра к краю, украшены по краям завитками в виде пальметт, по две на каждом конце. На одном из концов (левом) один из завитков сломан. Лицевая сторона креста вместе с пальметтами украшены кругами с точкой внутри. Обратная сторона креста неизвестна.	Вертик. – 5 см, горизонт. – 3 см. Бронза. Сверху покрыт позолотой.	до XI в.	[Rossi Osmida, 2011, p. 168, fig. 19]. Хранится в Марыйском историко-краеведческом музее (Туркмения). Мурадов, 2023, с. 134, рис. 11.	 <p>[Rossi Osmida, 2011, p. 168, fig. 19]. Фото Р.Г. Мурадова</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
Узбекистан (Ташкентская обл., ок. Самарканда)						
2	Ташкентская обл. Городище Канка (рабат)	Крест нашивной. От креста сохранились две лопасти – верхняя, боковая и часть нижней. Ветви креста трапециевидной формы с фестончатым завершением. «Край каждой лопасти оконтурен тонкой процарапанной линией» [Богомолов, 1994, с. 77]. Предположительно, это деталь от какого-то крупного предмета.	Высота 4 см, толщина – 1 мм. Бронза (желтого цвета).	-	[Богомолов, 1994, с. 73, табл. 6, 3].	 <p>[Богомолов, 1994, с. 73, табл. 6, 3].</p>
3	Ташкентская обл. Городище Каршаул-тепа. Южная сторона памятника. Крест найден	Крест нательный подвесной. Вертикальная ветвь чуть удлинена, в сечении объемный. «Все четыре креста имеют утолщение, посередине которого имеются процарапанные	Вертик. – 3,1 см, горизонт. – 2,5 см. толщина 0,6 см. Бронза. Литой.	VI–IX вв.	[Поторочина, Шейко, 2015, с. 488, рис. 1, 1].	 <p>б/м</p>

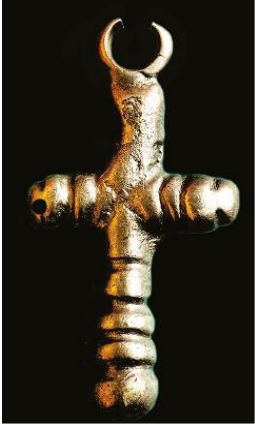
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
	в стратиграфическом шурфе (10x10 м), под слоем дерна, на гл. 15 см.	канавки. Концы горизонтальных лопастей имеют заострены. В верхней части креста располагается ушко для подвешивания его на нитку или цепочку; диаметр его отверстия 0,3 см. Форма концов креста напоминает набухшие почки.» [Поторочина, Шейко, 2015, с. 487-488].				[Поторочина, Шейко, 2015, с. 488, рис. 1, 1].
4	Городище Афрасиаб. Случайная находка 1946 г.	Крест нательный, подвесной, равноконечный. На верхней ветви ушко, расположенное перпендикулярно предмету. Концы ветвей украшены перлами (бусинами), по два на каждом конце. Обратная сторона неизвестна.	Бронза. Литой.	VI– нач. VIII в.	[Тереножкин, 1950, с. 166, рис. 72, 2; Распопова, 2014, с. 156, рис. 2, 5].	 <p>(масштаб по В.И. Распоповой)</p>

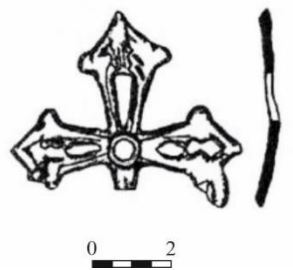
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
						[Тереножкин, 1950, с. 166, рис. 72, 2].
5	Центральный Узбекистан. Кашкадарья. Случайная находка.	Крест нагрудный или крест на штыре (?) Нижняя ветвь утрачена. В верхней части вертикальной ветви петля ушка (?). На боковых и верхней ветвях Концы украшены перлами (бусинами) по два на каждой ветви. Края боковых ветвей подтреугольной формы.	Вертик. – ок. 3,2 см без петли, 3,8 см с петлей; горизонт. – 2,4 см. Бронза. Литой.	-	[Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 4]. Авторы раскопок указывают, что данный крест процессионный, т.к. в его нижней части находится штырь (если изображение креста перевернуть на 180°) [Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 4]. 	

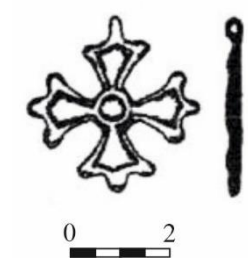

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
6	Около Ургута. При раскопках Ургутского монастыря.	Крест нательный (?) или процессионный (?) Плоский. Левая боковая и верхняя (?) ветви утрачены. Ветви креста прямые.	Бронза.	XIII в.	http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2.html (дата обращения 10.05.2022) Раскопки А.В. Савченко. [Грицина, 2018, с. 124, рис. 10].	 <p data-bbox="1675 783 2107 852">www. exploration-eurasia.com [Грицина, 2018, с. 124, рис. 10].</p>
7	Самаркандский Согд. Могильник Дурмон-тепе. Крест из погребения 1 (Раскоп 12). Обнаружен в области тазовых костей.	Крест нашивной. Равноконечный. Ветви креста расширены от центра к внешнему краю. С двух сторон каждой ветви креста по два отверстия.	Золото.	XI – нач. XII в. [Шишкина, 1994, с. 56].	[Шишкина, 1994, с. 56, рис. 11]; Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 5; Михеева, 2021, с. 356, ил. 18, 14]. Крест хранится в ГМВ.	 <p data-bbox="1868 1251 1921 1283">б/м</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
8	Ферганская долина. Городище Кува	Крест нательный, подвесной. Нижняя часть его сильно удлиненная и слегка расширяется от центра к внешнему краю. Горизонтальные ветви завершаются тремя полукруглыми лепестками, в форме трилистника. Концы верхней вертикальной ветви слегка приподняты и в середине сделан такой же круглый лепесток с отверстием для нанизывания нити. На лицевой стороне креста, в центре имеется «X» образный врезной знак [Раимкулов, Иванов, 2000, с. 160].	Вертик. – 3,9 см, горизонт. – 2,3 см. Серебро.	X–XI вв. X в. по Г.П. Иванову [Древние города, 2008, с. 98].	[Раимкулов, Иванов, 2000, с. 160; Древние города Ферганской долины, 2008, с. 98; Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 3].	 <p data-bbox="1691 1021 2094 1093">[Раимкулов, Иванов, 2000, с. 160].</p>
Таджикистан						

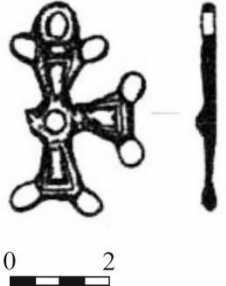

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
9	Могильник Дашти- Урдакон (Древний Пенджикент)	Крест нательный плоский, подвесной. Ветви креста расширяются от центра к внешним краям. Концы подтреугольной формы, украшены перлами (бусинами) по два на каждом конце. Вертикальная ветвь чуть длиннее горизонтальной. В средокрестии выпуклый круг, возможно, в момент использования внутри находился камень. Ушко располагалось перпендикулярно ветви креста – в его нижней части отмечено в виде бусины. Обратная сторона неизвестна.	Бронза	VIII в. [Расопова, 2014, с. 156].	[Расопова, 2014, с. 156, рис. 2, 4; Михеева, 2021, с. 351, ил. 15].	 <p data-bbox="1668 742 2105 790">(масштаб по В.И. Расоповой)</p> <p data-bbox="1668 813 2105 893">[Расопова, 2014, с. 156, рис. 2, 4].</p>
Юго-Западное Семиречье (Казахстан)						

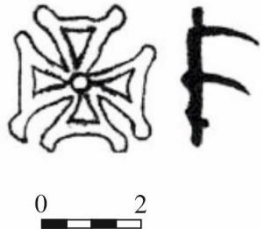
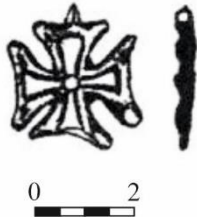
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
10	Некрополь Костобе (г. Джамукат).	Крест нательный объемный в сечении. «Для подвешивания вверху креста сделана кольцевидная петля. Нижняя вертикальная «ветвь» креста удлиненная, она разбита горизонтальными концентрическими линиями на три части, которые опираются на закругленный элемент. На боковых «ветвях» таких частей две – с закругленными элементами на концах. В пересечении – углубленное изображение X-образного знака.» [Байпаков, Терновая, 2018, с. 12].	Бронза.	VIII в.	[Байпаков, 2013, с. 585, таблица 70, рис. 145; Байпаков, Касенов, 2014, с. 68, рис. 14, 21; Байпаков, Терновая, 2018, с. 12, рис. 1; Байпаков, Терновая, 2018, с. 129, фото. 1].	 <p data-bbox="1868 794 1917 823">б/м</p> <p data-bbox="1691 868 2092 938">[Байпаков, Терновая, 2018, с. 129, фото. 1].</p>
<p>Юго-Западное Семиречье (Кыргызстан)</p> <p>Кресты плоские</p>						

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
11	Городище Красная речка	Описание по: Ротт, 2005, с. 45. Крест деформирован, с утраченным нижним концом. Концы оформлены в виде двух сросшихся трехчастных полупальметт. Боковые ветви меньше по размеру. По оконечностям имитация перлов/кружков. В отверстиях сохранились следы литников, в нижней части правой и левой ветви остались следы слома. В центральной части – выпуклая окружность. Обратная сторона гладкая, со следами зеркального отображения части элементов лицевой поверхности.	Вертик. – 4,4 см, горизонт. – 5,7 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 2; Klein, 2004, p. 152, abb. 3; Ротт, 2005, с. 46, рис. I, I].	 <p data-bbox="1702 670 2083 710">[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, I].</p>

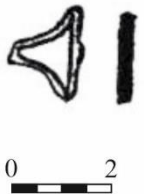

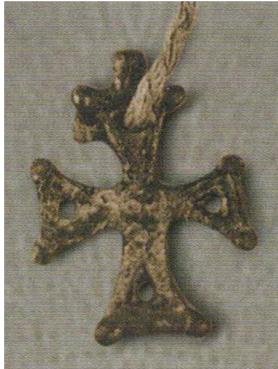
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
12	Чуйская долина. Случайная находка	Описание по: Ротт, 2005, с. 45. Крест подвесной, равносторонний. В центре – окружность, выпуклая. На концах ветвей трехчастное окончание. В верхней части располагается ушко, с отверстием параллельно плоскости всего креста. Обратная сторона гладкая. В центральной части (с обратной стороны) – углубление.	Вертик. – 4,2 см, горизонт. – 3,3 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 2; Камышев, 2012, с. 113, ил. VI].	 <p data-bbox="1702 654 2083 702">[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 2].</p> <p data-bbox="1657 1069 2105 1149">б/м [Камышев, 2012, с. 113, ил. VI].</p>

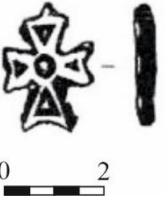

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
13	Городище Курменты. Иссык-Кульская котловина.	Крест нательный плоский в сечении, подвесной. Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 13, с. 39. «Крест равносторонний. Три ветви креста имеют форму вытянутого трилистника и украшены растительными элементами, образуя в центре креста ромб правильной формы. В верхней части креста расположен прямоугольный элемент с отверстием для подвешивания.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 13, с. 39].	Высота – 3,6 см. ширина – 2,8 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Музей КРСУ, 2013, с. 87. Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 13, с. 39].	 <p data-bbox="1713 678 2072 710">[Музей КРСУ, 2013, с. 87.</p> <p data-bbox="1697 753 2087 858">Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 13, с. 39].</p> <p data-bbox="1742 1257 2040 1321">Музей КРСУ Фото А.А. Михеевой.</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
14	Городище Красная речка	<p>Описание по: Ротт, 2005, с. 45.</p> <p>Крест подвесной; левая ветвь утрачена. Равносторонний. По поверхности ветвей выпуклый бортик, повторяющий форму креста. Оконечности ветвей декорированы перлами/бусинами – по два на конце. В центральной части окружность, выпуклая. Верхний конец оформлен отлитым вместе с крестом ушком (d=0,3 см). Отверстие ушка перпендикулярно плоскости креста. Обратная сторона гладкая, с углублениями в центральной части, вдоль ветвей и перлов (бусин).</p>	<p>Вертик. –4,2 см, горизонт. – 2,2 см. Бронза. Литой.</p>	VIII–XII вв.	<p>[Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 1;</p> <p>Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 3;</p> <p>Владимир (Иким), митрополит, 2011, с. 118, рис. 82;</p> <p>Klein, 2004, p. 152, abb. 3;</p> <p>Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 6].</p>	 <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 3].</p> <p>[Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 6].</p>

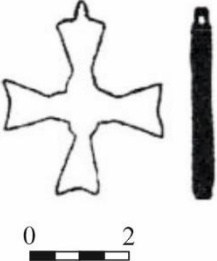
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
15	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 45. Крест нашивной. По форме и описанию аналогичен кресту 6. На обратной стороне, в месте центральных частей концов, располагаются гвоздевидные, отлитые вместе с крестом шпеньки. Два из них утрачены (один нижний частично). Длина шпеньков ок. 1,2 см.	Вертик. – 2,9 см, горизонт. – 2,6 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 5]. В публикации явная ошибка с указанием иллюстраций. Описание соответствует кресту 6, но ссылка приведена на крест 5 (<i>Михеева А.А.</i>).	 <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 5].</p>
16	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 45. Крест подвесной. Равносторонний оконечности креста оформлены выпуклыми треугольниками, обращенными вершинами к центру. В центре – окружность, выпуклая. Концы ветвей украшены перлами. В верхней части верхней ветви ушко, отлитое	Вертик. – 2,8 см, горизонт. – 2,8 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 6]. В публикации явная ошибка с указанием иллюстраций. Описание соответствует кресту 5, но ссылка приведена на крест 6 (<i>Михеева А.А.</i>). [Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 203].	 <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 6].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		вместе с крестом, расположенное в одной плоскости с крестом. По граням креста следы литников. Обратная сторона гладкая.				 <p>б/м [Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 203].</p>
17	Чуйская долина.	Крест нательный подвесной плоский. Равносторонний. Ветви креста расширяются от центра к краю. На концах каждой ветви украшения в виде пальметт (бусин). Внешняя сторона ветвей украшена выпуклыми треугольниками, повторяющими форму креста. На верхней ветви сквозное отверстие для нанизывания нитки. Обратная сторона неизвестна.	Бронза.	VIII–XII вв.	В свободном доступе в интернете.	 <p>б/м Из частной коллекции (?) В свободном доступе в интернете.</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
18	Чуйская долина. Случайная находка.	Описание по: Ротт, 2005, с. 45. Фрагмент конца креста. На лицевой стороне небольшое углубление. Оборотная сторона аналогична.	Размеры фрагмента конца креста – 1,5x1,8 см. Белый металл (серебро?). Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 7; Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 7].	 <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 7].</p> <p>б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 7].</p>
19	Чуйская долина. Городище Красная речка. Крест из погребения женщины.	Крест нательный плоский. Горизонтальная ветвь короче вертикальной. Ветви креста расширяются от центра к краям. Оконечности ветвей подтреугольной формы. Украшены перлами (бусинами) – по	Бронза. Литой.	Сер. VIII в.	[Горячева, 1988, с. 66, рис. 20, 2; Final technical report 2008, 2008, p. 28, fig. 2.15. Владимир (Иким) митрополит, 2011, с. 119, рис. 84;	

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		два на ветви. В центре выпуклый круг. В срединной части каждой ветви просверлено отверстие. На верхней ветви, в отверстии сохранился кусочек веревки из ткани. На верхней ветви располагается ушко для нанизывания нити; параллельно плоскости креста. Обратная сторона не известна.			Кольченко, 2018, с. 77, рис. 27].	б/м [Владимир (Иким) митрополит, 2011, с. 119, рис. 84]. [Final technical report 2008, 2008, p. 28, fig. 2.15].
20	Чуйская долина. Городище Красная речка.	Описание по: Ротт, 2005, с. 45. На поверхности концов расположен выпуклый бортик, по форме креста. В центре окружность, соединенная с линиями бортиков. Оконечности ветвей креста подтреугольной формы. В верхней части верхнего конца сохранились следы от ушка. Крест отлит в двустороннюю форму,	Вертик. – 2,5 см, горизонт. – 1,8 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 6; Klein, 2004, p. 152, abb. 3; Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 8; Владимир (Иким), митрополит, 2011, с. 118, рис. 82].	 [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 8].

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		<p>на стыках которого сохранились следы от литников. Обратная сторона гладкая, с зеркальным отображением части элементов лицевой стороны. Судя по ушку и литникам, данный фрагмент – это бракованный экземпляр.</p>				<p>б/м В свободном доступе в интернете.</p>
21	Чуйская долина.	<p>Крест нательный плоский. Вертикальная ветвь длиннее горизонтальной. Концы ветвей подтреугольной формы. На внешней стороне креста украшение в виде бортика, повторяющего форму креста. На верхней ветви часть от ушка, возможно, недоделанная. Обратная сторона не известна.</p>	Бронза.	VIII–XII вв.	[Камышев, 2012, с. 113, ил. VI].	 <p>б/м [Камышев, 2012, с. 113, ил. VI].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		Крест производит впечатление бракованного.				
22	Чуйская долина.	Крест нательный плоский (бракованный экземпляр). Вертикальная ветвь длиннее горизонтальной. Ветви расширяются от центра к краям. Концы украшены перлами, по два на каждой ветви. В центре – круг (?). Между ветвями следы литника. На верхней ветви след ушка. Обратная сторона не известна.	Бронза.	VIII–XII вв.	[Владимир (Иким), митрополит, 2011, с. 118, рис. 82].	 <p data-bbox="1684 858 2096 995">б/м [Владимир (Иким), митрополит, 2011, с. 118, рис. 82].</p>
23	Чуйская долина. Городище Красная речка. Случайная находка.	Описание по: Ротт, 2005, с. 45. Крест подвесной. Равносторонний, плоский в сечении. В верхней части верхней ветви ушко, отверстие которого оформлено перпендикулярно плоскости креста.	Вертик. – 3, см, горизонт. – 3,2 см. Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Горячева, 1988, с. 66, рис. 20, I; Байпаков, Горячева, 1999, с. 348, табл. 104; Klein, 2000, p. 373, abb. 19; Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 9.	 <p data-bbox="1706 1378 2078 1410">[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 9].</p>

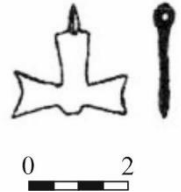

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		Оконечности креста подтреугольной формы. Обратная сторона аналогичная.			Final technical report 2008, 2008, p. 28, fig. 2.15].	
24	Чуйская долина. Случайная находка.	Описание по: Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 13, с. 50. «Крест подвесной. Равносторонний, плоский в сечении. В верхней части верхней ветви ушко, отверстие которого оформлено перпендикулярно плоскости креста. Оконечности креста подтреугольной формы. Контур каждого конца имеет бортик. Перекрестье выделено формой – четырёхлепестковой розеткой с общим бортиком по контуру. Обратная сторона гладкая.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация	3,2 x 3,0 см; высота с петелькой 4,0 см. Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 13, с. 50]. Возможно, что вышеприведенный крест и крест № 13 – один и тот же.	 <p data-bbox="1697 906 2087 1008">[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 13, с. 50].</p>

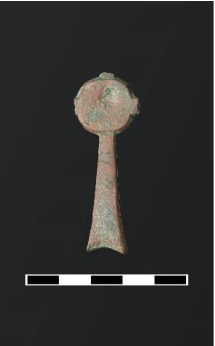
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		памятников ...» № 13, с. 50].				
25	Чуйская долина. Случайная находка.	Крест нательный, подвесной, плоский. Равносторонний. Ветви креста слегка расширяются от центра к краям. Концы ветвей подтреугольной формы, в виде хвоста ласточки. В верхней части, со смещением вправо – ушко. Правый угол верхней ветви срезан, возможно, брак. Обратная сторона не известна.	Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 3].	 <p data-bbox="1682 746 2101 852">б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 3].</p>

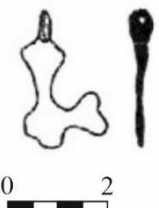

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
26	Чуйская долина. Случайная находка.	Крест нательный, подвесной, плоский в сечении. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 12. «Вертикальная ветвь несколько длиннее горизонтальной. Концы слегка расширяются от перекрестья к краям; торцы ровные. Сверху отлита петелька для подвешивания; отверстие расположено перпендикулярно плоскости креста. Перекрестье выделено формой – четырёхлепестковой розеткой. Обе стороны гладкие, не позволяющие различить лицевую и обратную.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 12, с. 50].	3,3 x 2,5 см; высота с петелькой 3,5 см. Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 12, с. 50]. Не опубликован.	 <p data-bbox="1697 671 2089 775">[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 12, с. 50].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
27	Городище Бурана. Случайная находка.	Крест нательный плоский в сечении, равносторонний. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2. «Концы слегка расширяются от центра к краям, заканчиваясь небольшой вогнутостью на торцевых гранях, придающей им некоторую раздвоенность. На нижнем торце такая раздвоенность показана только рельефом на лицевой стороне, а на тыльной стороне имеет прямоугольные очертания. Возможно, в этом месте крепилась ножка-штырь (или петелька). На лицевой стороне перекрестье выделено рельефной окружностью (d=1,1 см), внутри которой неглубоко прорезаны	Вертик. – 6,7 см, горизонт. – 6,1 см. Бронза. Литой.	XIII–XIV вв.	Не опубликован. [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 14]. Хранится в РААМК «Башня Бурана».	 <p data-bbox="1742 675 2040 703">Фото А.А. Михеевой.</p> <p data-bbox="1697 954 2085 1094">РААМК «Башня Бурана»; [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 14].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		<p>знаки, имитирующие надпись. На концах также декоративные неглубокие прорези в виде линии-петли. Обратная сторона гладкая.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 14].</p>				
28	<p>Чуйская долина. Найден в 1889 г. на урочище, рядом с При-Пишпекским (Кара-Джигаческим) кладбищем.</p>	<p>Крест нательный плоский. Вертикальная ветвь длиннее горизонтальной. Концы ветвей неодинаковые, верхний и левый боковой – подтреугольной формы, нижний – овальной формы, боковой правый конец – скошен. Обратная сторона не известна.</p>	<p>Бронза. Горизонтальная ветвь припаяна поверх вертикальной.</p>	<p>XIII–XIV вв.</p>	<p>[Пантусов, 1884. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1, 1884, № 406. Л. 172; Кольченко, 2018, с. 51, рис. 1].</p>	<div data-bbox="1749 746 2018 1074" data-label="Image"> </div> <p>б/м [Пантусов, 1884. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1, 1884, № 406. Л. 172].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
29	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 45-46. Крест подвесной. Нижний конец утрачен. Боковые ветви подтреугольной формы. На конце верхней ветви припаянное ушко, отверстие которого расположено в одной плоскости с крестом. Оборотная сторона аналогична.	Вертик. – 2,2 см, горизонт. – 2,1 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 10].	 <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 10].</p>
30	Чуйская долина. Случайная находка.	Фрагмент креста нательного плоского в сечении. Описание по: Аманбаева, «Катологизация памятников ...» № 20. «Крест почти прямой, оканчивающийся на торце лёгкой вогнутой дугой. Вдоль контура конца вырезан/отлит желобок с прямоугольным абрисом на торцевой стороне. Перекрестье выделено	2,6 x 1,2 см; конца – 1,9 x 0,6-0,8 см; в реконструкц ии – до 4,5 см. Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	Не опубликован. [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 20, с. 53].	 <p>[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 20, с. 53].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		напайкой/отливкой окружности, возможно, служившей карстом для вставки. Обратная сторона гладкая, без декора.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 20, с. 53].				
31	Иссык-Кульская котловина, северо-восточная часть. Случайная находка.	Фрагмент креста плоского. Описание по: Аманбаева, «Катологизация памятников ...» № 4. «Сохранившийся конец креста (боковой или нижний) расширяется к краю, оканчивается заострёнными углами, соединёнными небольшой дугой. Обратная сторона гладкая.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 4, с. 40].	Сохранившаяся длина – 5,5 см. диаметр центрального о круга – 2 см. Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	Не опубликован. [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 4, с. 40]. Хранится в Музее Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ).	 <p data-bbox="1697 1046 2089 1150">[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 4, с. 40].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
						 <p>(обратная сторона) Музей КРСУ Фото А.А. Михеевой.</p>
32	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 46. Крест подвесной. Нижняя и левая боковая ветви утрачены. Правая боковая ветвь оформлена в виде хвоста рыбы. Верхняя ветвь имеет ушко, отверстие которого параллельно плоскости креста. Оборотная сторона аналогичная.	Вертик. – 2,8 см, горизонт. – 1,6 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, <i>11</i> ; Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, <i>1</i>].	 <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, <i>11</i>].</p> <p>б/м</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
						[Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 1].
33	Чуйская долина.	Крест нательный, подвесной (?), плоский. Верхняя ветвь утрачена. Боковые и нижняя оформлены в виде хвоста рыбы – слегка подтреугольной формы. Обратная сторона не известна.	Бронза (?)	VIII–XII вв.	[Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 4].	 <p>б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 4].</p>
34	Чуйская долина. Случайная находка.	Крест нательный плоский в сечении. Описание по: Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 10. «Вертикальные концы несколько длиннее горизонтальных. Концы практически прямые, с V-образным завершением. Посередине на краю верхнего конца ещё один выступ – неудачная попытка отливки	2,9 x 2,3 см Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	Не опубликован. [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 10, с. 49].	 <p>[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 10, с. 49].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		петельки для подвешивания. Для подвешивания было просверлено отверстие в основе верхнего конца. Перекрестье дополнительно не выделено. Обе стороны гладкие, не позволяющие различить лицевую и обратную.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 10, с. 49].				
35	Чуйская долина. Городище Ак-Бешим, к ССЗ от шахристана-1. Случайная находка.	Крест нательный плоский. Описание по: Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 14. «Вертикальные концы длиннее горизонтальных. Концы слегка расширяются от перекрестья к краям и оканчиваются каждый двумя перлами. Сверху между перлами отлита петелька для	2,6 x 2,1 см; высота с петелькой 3,4 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	Не опубликован. [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 14, с. 51].	 <p data-bbox="1697 1214 2085 1318">[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 14, с. 51].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		<p>подвешивания; отверстие расположено перпендикулярно плоскости креста. В перекрестье небольшое углубление – возможно, карст для вставки камня. Обратная сторона гладкая.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 14, с. 51].</p>				
36	Чуйская долина.	<p>Крест нательный плоский. Вертикальные концы длиннее горизонтальных. Концы слегка расширяются от перекрестья к краям и оканчиваются каждый двумя перлами. Сверху между перлами отлита петелька для подвешивания; отверстие расположено перпендикулярно плоскости креста. В перекрестье углубление</p>	Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 2].	 <p>б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 2].</p>

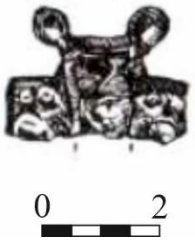
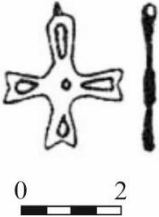
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		круглой формы – возможно, карст для вставки камня. Обратная сторона не известна.				
37	Чуйская долина.	Фрагмент креста нательного плоского. Описание креста соответствует вышеописанному.	Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	Изображение креста в свободном доступе в интернете.	 <p>б/м Частная коллекция (?)</p>
38	Чуйская долина. Случайная находка.	Фрагмент креста нательного плоского в сечении. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 19. «Фрагмент содержит один верхний конец с петелькой для подвешивания. Он расширяется от перекрестья к краю и оканчивается двумя перлами с вогнутой дугой между ними на торце. Сверху отлита	конец – 1,6 х 0,5-0,9-1,6 см; длина с петелькой – 2,5 см Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	Не опубликован. [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 19, с. 53].	 <p>б/м [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 19, с. 53].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		петелька для подвешивания; отверстие расположено перпендикулярно плоскости креста. Обратная сторона гладкая, без декора.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 19, с. 53].				
39	Чуйская долина.	Фрагмент креста нательного плоского в сечении. Описание по: Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 18. «Вертикальные концы несколько длиннее горизонтальных. Ветви креста расширяются от перекрестья к краям, с крупными перлами на внешних углах. Вдоль контура концов отлит желобок. Перекрестье выделено перлом, несколько меньшим, чем	2,0 x 2,1 см; высота в реконструкц ии – 3,2 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	Не опубликован. [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 18, с. 53].	 <p data-bbox="1700 1126 2085 1230">[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 18, с. 53].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		концевые. Края изделия после отливки не обработаны. Верхний конец утрачен. Обратная сторона гладкая.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 18, с. 53].				
40	Чуйская долина. Случайная находка.	Фрагмент креста нательного, плоского в сечении. Верхняя ветвь не сохранилась. Ветви креста слегка расширяются от перекрестья к краям и оканчиваются каждый двумя перлами овальной формы. В перекрестье углубление круглой формы. Обратная сторона не известна.	Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 5].	 <p data-bbox="1682 991 2101 1098">б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 5].</p>

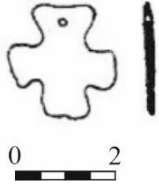

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
41	Городище Бурана. РААМК «Башня Бурана». Случайная находка.	Фрагмент креста нательного плоского в сечении. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1. «Фрагмент – перекрестье и два конца – от креста четырёхконечного, с примерно равными концами. Концы по дуге расширяются от перекрестья к краям, заканчиваясь небольшой вогнутостью на торцевых гранях, придающей им некоторую раздвоенность. Перекрестье на лицевой стороне выделено полусферическим бугорком, рассечённым двумя перпендикулярными идущими по диагоналям линиями, образовавшими крест (Андреевский крест).	2,0 x 1,8 см; нижний конец от середины перекрестья до края – 1,1 см; правый конец – 0,9 см; диаметр перла на перекрестье d=0,7-0,8 см Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	Не опубликован. [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 14]. Хранится в РААМК «Башня Бурана».	 <p data-bbox="1688 863 2096 1043">РААМК «Башня Бурана»; [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 14]. Верхнее фото А.А. Михеевой</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		Обратная сторона гладкая.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 14].				
42	Чуйская долина. Случайная находка.	Крест нательный, подвесной (?), плоский в сечении. Сохранилась вертикальная (?) ветвь креста, судя по рисунку Г. Терновой. На сохранившемся фрагменте видно, что ветви креста расширяются от центра к краю. На концах перлы, по два на каждом. Центральная часть выделена окружностью, возможно, выпуклой. Обратная сторона не известна.	Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 8]. В связи с тем, что ушко на верхней ветви не прослежено, возможно, что на изображении представлена горизонтальная ветвь.	 [Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 8].
43	Чуйская долина. Случайная находка.	Крест нательный, подвесной (?), плоский в сечении. Сохранилась вертикальная (?) ветвь	Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 7]. В связи с тем, что ушко на верхней ветви не прослежено, возможно,	

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		креста, судя по рисунку Г. Терновой. На сохранившемся фрагменте видно, что ветви креста расширяются от центра к краю. На концах перлы, по два на каждом. Центральная часть выделена окружностью, возможно, выпуклой. Обратная сторона не известна.			что на изображении представлена горизонтальная ветвь. 	 [Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 9].
44	Чуйская долина. Случайная находка.	Фрагмент креста нательного (?)	Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 7].	 [Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 7].
45	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 46. Крест подвесной. В центральных частях ветвей углубления. Оконечности ветвей подтреугольной формы.	Вертик. – 2,9 см, горизонт. – 2,4 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 12].	

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		На верхней ветви расположено ушко, отверстие которого находится параллельно плоскости предмета. Обратная сторона аналогична.				[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 12].
46	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 46. Верхний конец креста утрачен. Подвесной (?) Оконечности креста украшены перлами /бусинами – по два. Обратная сторона аналогичная.	Вертик. – 1,9 см, горизонт. – 2,5 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 13].	 <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 13].</p>
47	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 47. Верхняя ветвь утрачена. Подвесной (?). Оконечности ветвей трехчастны, несколько утолщены. На поверхностях ветвей и в центральной части имеются углубления. Обратная сторона аналогичная.	Вертик. – 1,9 см, горизонт. – 2,4 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 14].	 <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 14].</p>

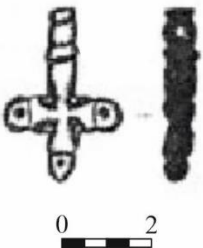
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
Кресты, выпиленные из монет						
48	Чуйская долина. Городище Красная речка.	Описание по: Ротт, 2005, с. 47. Подвесной (?). Выпиленный из монеты караханидского облика. Один из боковых концов смещен книзу (утрачен). Верхний и нижний концы крупнее боковых. В верхней части верхней ветви креста сохранились следы от утраченного ушка (?). Оборотная сторона аналогична.	Вертик. – 2,2 см, горизонт. – 2 см. Бронза. Литой.	-	[Терновоя, 2004, с. 178, рис. 1, 5; Klein, 2004, p. 152, abb. 3; Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 15; Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 3].	 [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 15]. б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 3. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 5, с. 47].
					 Фото из Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 5, с. 47.	

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
49	Чуйская долина. Городище Ак- Бешим. Случайная находка.	<p>Частичное описание по: Ротт, 2005, с. 47.</p> <p>Крест подвесной, выпиленный из монеты караханидского облика. Часть боковых и половина нижней ветви утрачены. В верхней части верхней ветви оформлено отверстие, расположенное перпендикулярно плоскости креста. Оборотная сторона аналогичная [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 3, с. 46].</p>	Вертик. – 2,2 см., горизонт. – 2,1 см. Бронза.	-	<p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 16];</p> <p>Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 1. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 3, с. 46].</p>	 <p>[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 16].</p> <p>б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 1; Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 3, с. 46].</p>
50	Чуйская долина. Городище Кара-Бата.	Крест нательный выпиленный из караханидской монеты путём вырубки четырёх секторов. У края одного из концов – отверстие (d=1,5-2 мм) для подвешивания	1,25 x 1,1 см. Бронза.	-	<p>[Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 2;</p> <p>Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 4, с. 46].</p>	

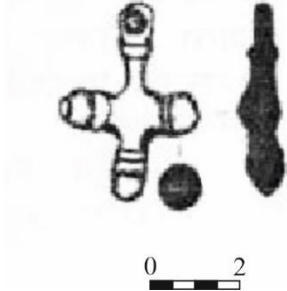
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 4, с. 46].				[Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 2. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 4, с. 46].
51	Чуйская долина. Городище Красная речка (ок. цитадели)	Крест нательный выпиленный из тюркешской монеты путём вырубки четырёх секторов. Центральное отверстие расположено сторонами по диагоналям. Следов петельки нет [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 46].	d= 2,3 см. Бронза.	-	[Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 4. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 46].	 <p data-bbox="1682 890 2101 1070">[Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 4. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 46].</p>
52	Чуйская долина. Городище Кара-Бал	Крест нательный выпиленный из чагатаидской монеты путём вырубки четырёх секторов. Отверстия для подвешивания или напаянная петелька отсутствуют [Аманбаева, Проект: «Каталогизация	1,25 x 1,1 см. Бронза.	-	[Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 5. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 6, с. 47].	

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
	та.	памятников ...» № 6, с. 47].				[Кольченко, 2018, с. 131, фото 8, 5. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 6, с. 47].
53	Чуйская долина. Случайная находка.	Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 46. «Крест нательный выпиленный из тюргешской монеты путём вырубки четырёх секторов. Центральное отверстие расположено сторонами по диагоналям. Следов петельки нет.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 46].	d= 2,3 см. Бронза.	-	Неопубликованная. [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 46].	 [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 46].
Кресты объемные						

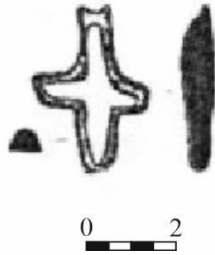
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
54	Чуйская долина. Городище Ак- Бешим. Кладбище при церкви (об. IV). Крест из погребения № 8 [Кызласов Л.Р., 1959, с. 233].	Крест нательный объемный. Вертикальные концы, особенно нижний, заметно длиннее горизонтальных. Концы прямые, сложно профилированные, составленные как бы из втулок и овальных шарообразных форм, нанизанных на ось. Нижний конец оканчивается конической подставкой с плоским основанием. В средокрестии – две косые линии, образующие Андреевский крест. Ушко для подвешивания отлито в верхнем элементе.	Вертик. – 4,5 см; горизонт. – 2,8 см. Бронза. Литье.	VIII в. [Кызласов Л.Р., 1959, с. 233].	[Кольченко, 2018, с. 94, рис. 46; Михеева, 2019b, с. 259, рис. 4, 2 (фото) 5, 3 (рисунок)].	 <p data-bbox="1675 774 2110 845">[Михеева, 2019b, с. 259, рис. 4, 2 (фото) 5, 3 (рисунок)].</p>

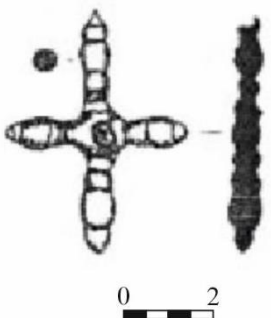
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
55	Чуйская долина. Случайная находка.	Описание по: Ротт, 2005, с. 47. Крест подвесной; объемный. Основу креста составляет «перевернутый» крест. Боковые и нижняя ветви креста представлены шаровидными фигурами с углублениями в центре. Верхняя ветвь оформлена в виде шаровидной фигуры, ограниченной с двух сторон уплощенными фигурами. В верхней части верхней ветви имеется сквозное отверстие, плоскость которого параллельна плоскости предмета.	Вертик. – 2,7 см, горизонт. – 1,85 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, I; Горячева, Перегудова, 1994, с. 93, рис. 23, 16].	 <p data-bbox="1697 702 2083 734">[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, I].</p>

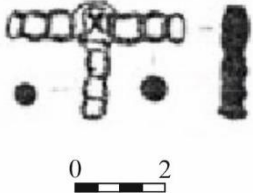

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
56	Чуйская долина. Случайная находка.	Крест нательный объёмный. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 11, с. 50. «Четырёхконечный, вытянутый по вертикали: вертикальные концы, особенно нижний, заметно длиннее горизонтальных. Концы прямые, сложно профилированные, как- бы составленные из втулок и шаров, нанизанных на ось; нижний конец оканчивается конической подставкой с плоским основанием, но плохо проработанным и от того скруглённым. Верхняя часть, включая ушко для подвешивания, утрачена.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 11, с. 50].	3,0 x 2,2 см. Бронза. Литье.	VIII–XIV вв.	Неопубликованный. [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 11, с. 50].	 <p data-bbox="1697 651 2085 751">[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 11, с. 50].</p>

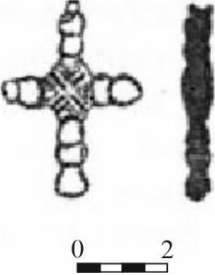

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
57	Чуйская долина. Городище Красная речка.	Крест нательный объемный (?)	Бронза.	VII (?) – X вв.	[Klein, 2000, p. 373, add. 19].	 <p data-bbox="1697 596 2085 663">б/м [Klein, 2000, p. 373, add. 19].</p>
58	Чуйская долина. Городище Кара-Джигач (при- Пишпекское)	Описание по: Ротт, 2005, с. 47. Крест подвесной объемный. Ветви креста сложнопрофилированны. В верхней части верхней ветви имеется ушко. Отверстие ушка расположено в плоскости, перпендикулярно плоскости креста. Отверстие ушка залито. Крест отлит в двустороннюю форму. На стыках сохранились литники. Обратная сторона аналогичная.	Вертик. – 3 см, горизонт. – 2,2 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 2; Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202].	 <p data-bbox="1697 1126 2085 1158">[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 2].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		Судя по залитому ушку, крест бракованный.				 <p data-bbox="1697 671 2085 738">[Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202].</p>
59	Иссык-Кульская котловина. Случайная находка.	Крест нательный объемный. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 39. «Двусторонний Четырехконечный нательный крест, с вытянутыми ветвями, образованными объемными фигурами. На каждой ветви расположен шарообразный элемент. Центр креста оформлен Х-образной фигурой	Вертик. – 3,2 см, горизонт. – 2,4 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Музей КРСУ, 2013, с. 87. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 39].	 <p data-bbox="1697 1066 2085 1209">[Музей КРСУ, 2013, с. 87. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 39].</p>

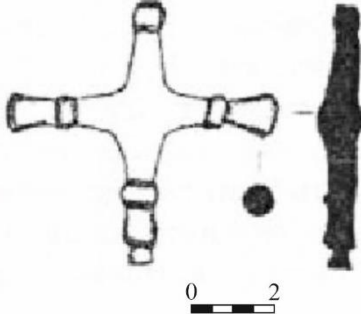

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		(Андреевский крест).» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 39].				 <p data-bbox="1742 791 2040 858">Музей КРСУ Фото А.А. Михеевой.</p>
60	Чуйская долина. Городище Красная речка.	Описание по: Ротт, 2005, с. 47. Крест нательный, подвесной объёмный. Ассиметричен – правый конец расположен несколько ниже. В верхней части верхней ветви имеется обломок ушка, отверстие которого перпендикулярно плоскости креста. Обратная сторона	Вертик. – 2,6 см, горизонт. – 1,7 см. Свинец (?) – белый мягкий метал. Литой.	VIII–XIV вв.	[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 3. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 17, с. 52].	 <p data-bbox="1697 1230 2085 1262">[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 3].</p>

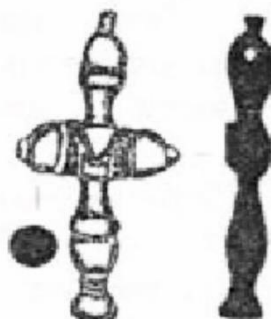
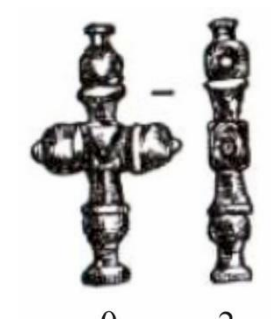
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		гладкая, с небольшим углублением в центре [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 17, с. 52].				 <p data-bbox="1697 619 2087 719">[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 17, с. 52].</p>
61	Чуйская долина. Городище Ак-Бешим.	Описание по: Ротт, 2005, с. 47. Крест подвесной объемный. Ветви креста сложнопрофилированны. Представляют собой примыкающие друг к другу шаровидные фигуры, по три на ветви, средняя из которых крупнее остальных. В верхней части верхней ветви сохранился обломок ушка, отверстие которого параллельно плоскости предмета. В средокрестии углубление. Обратная	Вертик. – 3,6 см, горизонт. – 2,7 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Терновоя, 2004, с. 178, рис. 1, 12; Klein, 2004, p. 152, abb. 3; Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 4; Владимир (Иким), митрополит, 2011, с. 118, рис. 82; Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, б].	 <p data-bbox="1697 1134 2087 1166">[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 4].</p>

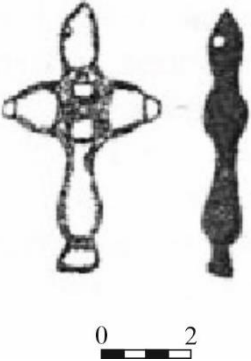
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		сторона аналогичная, за исключением центральной части – она гладкая.				 <p data-bbox="1682 667 2101 770">б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, б].</p>
62	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 47. Подвесной (?) объемный. Верхняя ветвь утрачена. Ветви креста сложнопрофилированы. Представляют собой обращенные друг к другу, вершинами к центру фигуры конусовидной формы. В центральной части прямоугольная площадка, на которой помещено изображение врезанного креста «Андреевского» типа.	Вертик. – 1,8 см., горизонт. – 2,3 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 10; Klein, 2004, p. 152, abb. 3; Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 5; Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 1].	 <p data-bbox="1697 1102 2085 1134">[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 5].</p> <p data-bbox="1868 1342 1917 1369">б/м</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		Оборотная сторона аналогичная.				[Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 1].
63	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 48. Подвесной (?) объемный. Ветви креста сложнопрофилированы. Представляют собой шаровидные фигуры, примыкающие друг к другу: боковые по две, нижняя ветвь – по три. В центральной части площадка подпрямоугольной формы со врезанным «Андреевским» крестом. В верхней части верхней ветви сохранился обломок ушка, отверстие которого находится в плоскости, параллельно плоскости креста. Обратная сторона аналогичная.	Вертик. – 3,1 см, горизонт. – 2,2 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, б]. В публикации явная ошибка с указанием иллюстраций. Описание соответствует кресту б, но ссылка приведена на крест 8 (Михеева А.А.). [Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202].	 <p data-bbox="1697 799 2085 831">[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, б].</p> <p data-bbox="1697 1254 2085 1358">б/м [Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202].</p>

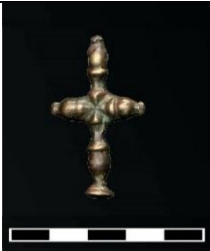

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
64	Чуйская долина. Городище Ак-Бешим.	Описание по: Ротт, 2005, с. 47-48. Крест подвесной объемный. Правая ветвь утрачена. «Основу концов составляет уплощенная шаровидная фигура, ограниченная снаружи аналогичной фигурой меньшего размера (за исключением верхнего конца).» [Ротт, 2005, с. 47]. В центре прямоугольная площадка с круглым углублением. В верхней части верхней ветви имеется ушко, отверстие которого параллельно плоскости креста. Обратная сторона аналогичная.	Вертик. – 4,9 см, горизонт. – 2,1 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 7. Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202].	 <p>[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 7].</p> <p>б/м [Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
65	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 47. Подвесной (?) объемный. Верхняя ветвь частично утрачена. Боковые ветви завершаются конусовидными фигурами, вершины которых перехвачены валиком. Нижняя ветвь имеет дополнительное завершение в виде конусовидной фигуры, обращенной вершиной к средокрестию и меньшего размера. У верхней ветви сохранился только валик. Обратная сторона аналогичная.	Вертик. – 4,2 см, горизонт. – 4,4 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 8]. В публикации явная ошибка с указанием иллюстраций. Описание соответствует кресту 8, но ссылка приведена на крест 6 (Михеева А.А.). [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 4].	 <p data-bbox="1697 746 2085 778">[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 8].</p> <p data-bbox="1682 1109 2101 1211">б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 4].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
66	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 48. Крест подвесной объемный. Ветви креста сложнопрофилированны. В основе каждой ветви находится шаровидная фигура, ограниченная с внутренней стороны валиком, а с внешней – бусинами – на боковых ветвях, и грибовидным выступом на верхней ветви. Нижняя ветвь завершается «ножкой». В средокрестии имеется выступающий треугольник, обращенный вершиной вниз. В верхней части верхней ветви имеется сквозное отверстие, плоскость которого параллельна плоскости креста. Обратная сторона аналогичная, за исключением центральной части, на которой располагаются	Вертик. – 4,1 см, горизонт. – 2,5 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 11; Klein, 2004, p. 152, abb. 3; Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 9; Владимир (Иким), митрополит, 2011, с. 118, рис. 82; Камышев, 2012, с. 113, ил. VII].	 <p>[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 9].</p> <p>[Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 11].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		два равнобедренных треугольника меньшего размера, чем на лицевой стороне. Треугольники расположены вертикально, вершинами друг к другу.				 <p data-bbox="1704 675 2083 778">б/м [Камышев, 2012, с. 113, ил. VII].</p>
67	Чуйская долина.	Описание по: Ротт, 2005, с. 48. Крест подвесной объемный. Ветви креста сложнопрофилированы. Аналогичен вышеописанному, без ярко выраженных валиков и грибовидного выступа в верхней ветви креста. Центральная часть четко не выделена. Крест отлит в двустороннюю форму. На стыках сохранились	Вертик. – 4 см, горизонт. – 2,4 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 10]; Владимир (Иким), митрополит, 2011, с. 118, рис. 82. Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202].	 <p data-bbox="1693 1241 2092 1273">[Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 10].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		литники. В верхней части верхней ветви имеется сквозное отверстие, плоскость которого параллельна плоскости креста. Обратная сторона аналогичная.				 <p>б/м [Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202].</p>
68	Иссык-Кульская котловина. Случайная находка.	Крест нательный объемный. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 38. «Четырехконечный нательный крест, с вытянутыми ветвями, образованными объемными фигурами. На каждой ветви расположен шарообразный элемент, который в верхней части имеет дополнительный элемент в виде	Вертик. – 3,9 см, горизонт. – 2,1 см. Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Музей КРСУ, 2013, с. 87. Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 38].	 <p>Музей КРСУ Фото А.А. Михеевой</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		усеченного конуса для подвешивания. Центр креста образуют четыре треугольника направленные углами в середину.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 38].				 <p data-bbox="1713 614 2072 646">[Музей КРСУ, 2013, с. 87.</p> <p data-bbox="1697 686 2087 790">Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 38].</p>
69	Чуйская долина. Случайная находка.	Крест нательный объемный. Четырехконечный крест, с вытянутыми ветвями, образованными объемными фигурами. На каждой ветви расположен шарообразный элемент, который в верхней части имеет дополнительный элемент в виде усеченного конуса для подвешивания. Центр креста образует площадка	Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 5].	 <p data-bbox="1684 1093 2101 1197">б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 5].</p>

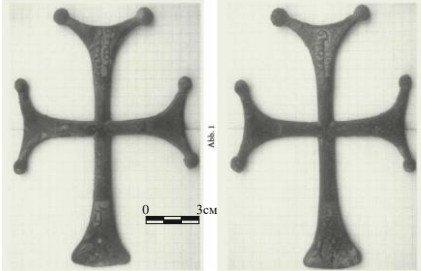
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		подпрямоугольной формы.				
70	Чуйская долина. Случайная находка.	Крест нательный объемный. Четырехконечный крест, с вытянутыми ветвями, образованными слегка рельефными фигурами. На каждой ветви расположен шарообразный элемент, который в верхней части имеет дополнительный элемент в виде усеченного конуса для подвешивания. Центр креста образует площадка подпрямоугольной формы.	Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 7].	 <p data-bbox="1682 810 2101 916">б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 7].</p>

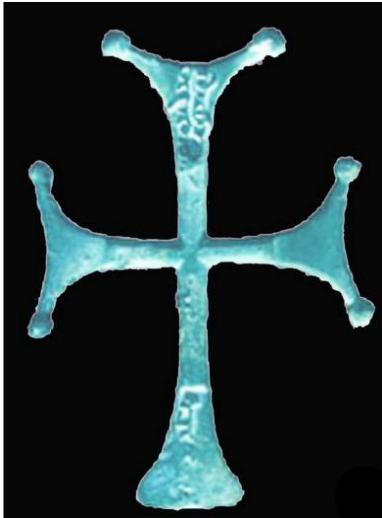

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
71	Чуйская долина. Городище Красная речка. Случайная находка.	Крест нательный, подвесной объемный. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 9, с. 49. «Вертикальные концы, особенно нижний, заметно длиннее горизонтальных. Концы прямые, сложно профилированные, составленные как бы из втулок и шаров, нанизанных на ось и зафиксированных на трёх верхних концах маленькими фиксаторами; нижний конец оканчивается конической подставкой с плоским основанием. Ушко для подвешивания отлито в верхнем элементе.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 9, с. 49].	8,0 x 4,5 см. Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	Не опубликован. [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 9, с. 49].	 <p data-bbox="1697 738 2085 842">[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 9, с. 49].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
72	Чуйская долина. Городище Кара-Джигач (при- Пишпекское)	Фрагмент креста нательного из серебряной проволоки. В центре украшение из четырех лепестков.	Серебро.	VIII–XII вв.	[Камышев, 2012, с. 113, ил. VI; Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 3].	 <p data-bbox="1675 619 2110 687">б/м [Камышев, 2012, с. 113, ил. VI].</p> <p data-bbox="1682 911 2103 1015">б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 3].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
73	Чуйская долина.	Фрагмент креста нательного объемного(?) Частично сохранились концы левый боковой и нижний. На правом боковом конце слегка заостренной формы. На верхнем конце отверстие для нанизывания нити. Обратная сторона неизвестна.	Бронза. Литой.	-	[Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 2].	 <p>б/м [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 2].</p>
Крест-энколпион						
74	Иссык-Кульская котловина (?)	Крест-энколпион. Сохранилась одна створка. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 5, с. 40. «Крест состоял из двух створок. В центральной части сохранившейся створки креста находится рельефное изображение Богородицы с ладонями,	Высота – 8,5 см. ширина – 5,75 см. Диаметр верхнего и нижнего изображений – 2,9 см. диаметр боковых изображений 2,95 см	VIII–XII вв.	[Музей КРСУ, 2013, с. 87]. [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 5, с. 40].	 <p>[Музей КРСУ, 2013, с. 87]. [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 5, с. 40].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		<p>раскрытыми перед грудью – данный образ известен в иконографии как Богородица Ассунта, по сторонам от него в медальонах изображены четыре лика святых (Козьмы, Демьяна, Петра и Василия) и присутствуют надписи религиозного содержания. Название “энколпион” переводится с греческого как “находящийся на груди”. Такие кресты существовали в средние века у русских и греков и представляли собой металлические ковчежцы (небольшой ящик или ларец для хранения религиозных реликвий). Как правило, эти кресты состояли из двух металлических створок, соединенных шарниром. Внутри энколпиона помещались частицы</p>	<p>Бронза. Литой.</p>			

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		освященной просфоры или мощи святых.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 5, с. 40].				
75	Иссык-Кульская котловина (?)	Крест-энколпион. Сохранилась одна створка. Описано аналогично кресты № 74.	Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	Не опубликован. Хранится в Музее цивилизации кочевников (КР)	 б/м
Кресты процессионные						
76	Чуйская долина. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII)/	Крест процессионный. Боковые и верхняя ветвь креста украшены жемчужинами/бусинами. Нижний конец креста внизу уплощен. В уплощенной области находятся два небольших отверстия.	Вертикаль. – 14 см, горизонталь – 10,5 см Бронза. Литой.	X–XI вв.	[Klein, Reck, 2004, p.149, abb. 1, 2. Аманбаева и др., 2015, с. 20, ил. 9, 1].	

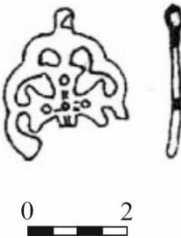
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		<p>Вероятно, крест вставлялся в какую-то конструкцию (основание, шест), которая не сохранилась. По обеим сторонам верхней и нижней ветви располагаются краткие надписи.</p> <p>Варианты перевода:</p> <p>А. «Это Крест Иисуса».</p> <p>В. «Это Крест Ярука» или «Это Светлый Крест» или «Это крест Фарука» [Klein, Reck, 2004, p.148].</p>				<p>[Klein, Reck, 2004, p.149, abb. 1, 2].</p> <p>0 3см</p> <p>[Аманбаева и др., 2015, с. 20, ил. 9, 1].</p>
77	Чуйская долина. Городище Ак-Бешим. Комплекс церковей (об. VIII).	Горизонтальная ветвь креста прецессионного. Концы креста трехчастны, украшены перлами (бусинами и каплями). В основании ветви прорезаны	Бронза. Литье.	X–XI вв.	[Кольченко, 2018, с. 130, фото 5, 5]. Крест состоял из отдельной вертикальной ветви и отдельно горизонтальной,	 <p>б/м</p> <p>[Кольченко, 2018, с. 130, фото 5, 5].</p>

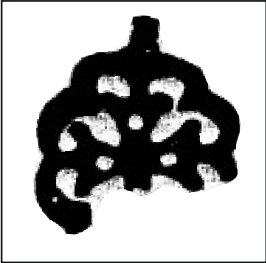
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовлен ия, материал	Датировка	Место публикации и хранения	Изображение предмета
		отверстия трапециевидной формы. В центре круг, на который, вероятно, вставлялась вертикальная ветвь креста.			вставленных друг в друга, образуя крест.	

Таблица 9

Сводная таблица крестовключенных подвесок и медальонов-рыбок, обнаруженных на территории Средней Азии

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
Узбекистан						
1	Самаркандский Согд	Подвеска крестовключенная с ажурным крестом. Внутри круга равносторонний крест, концы которого украшены растительным орнаментом. В центре рельефный круг. Ободок подвески ажурный, в верхней части двухчастная петелька для подвешивания, расположенная перпендикулярно предмету и позволяющая подвеске находится в заданном положении.	d = 3 см, серебро.	кон. X–XI вв.	[Грицина, 2018, с. 143, рис. 22].	 <p style="text-align: center;">б/м [Грицина, 2018, с. 143, рис. 22].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		Обратная сторона гладкая.				
2	Ташкентская обл.	Подвеска крестовключенная с равносторонним крестом, в центре которого расположен рельефный круг. Лопастни креста заполнены сетчатым рисунком. Между лопастями – украшения в виде завитков (?) или крестообразных фигур (?)	Высота – 5,5 см, ширина – 3,9 см. Бронза.	кон. X–XI вв.	[Грицина, 2018, с. 144, рис. 25].	 <p data-bbox="1675 821 2110 885">б/м [Грицина, 2018, с. 144, рис. 25].</p>
Юго-Восточное Семиречье						
3	Чуйская долина. Случайная находка.	Описание по: Ротт, 2005, с. 45. Крест в виде медальона или подвеска крестовключенная. Нижняя часть утрачена. Концы креста украшены перлами/бусинами – по два на каждой ветви. В	Вертик. – 3,1 см, горизонт. – 2,5 см. Бронза. Литой.	VIII–XII вв.	[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 4; Горячева, Перегудова, 1994, с. 93, рис. 23, 24].	 <p data-bbox="1702 1364 2083 1404">[Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 4].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		центральной части округлая выпуклость. В верхней части медальона оформлено ушко, отверстие которого расположено параллельно предмету.				
4	Городище Красная речка. Случайная находка.	Крест в ажурной оправе или подвеска крестовключенная. Крест с расширяющимися от перекрестья к краям концами, оканчивающимися перлами, обрамлён фестончатым восьмилепестковым ободком. Крест и ободок соединены в четырёх точках – от середин торцевых сторон выходят небольшие прямые выступы. Нижняя часть ободка утрачена.	Бронза.	VII–X вв.	[Klein, 2000, p. 373, abb. 19]. Возможно, что выше представленный крест в виде медальона (№ 3) и крест № 4 – это один и тот же предмет.	 <p data-bbox="1697 890 2087 959">б/м [Klein, 2000, p. 373, abb. 19].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
5	Чуйская долина. Городище Бурана. Случайная находка.	Амулет (бляшка?) с прорезью в форме равностороннего креста в центре. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 3, с. 15. «Плоская, круглой формы. В центре насквозь прорезан равноконечный прямой крест с шириной концов по 0,6 см; расстояние между противоположными концами 2 см. На лицевой стороне прямыми линиями и высверливанием (?) нанесён декор: боковые грани креста продолжают до внешнего края прорезанные линии (т.е. концы креста продолжают сдвоенные линии); из углов перекрестья также до края бляхи прорезаны	d=4,3 см. Бронза.	VIII–XIV вв.	Не опубликована. [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 3, с. 15]. Хранится в РААМК «Башня Бурана»	 <p data-bbox="1675 596 2110 699">[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 3, с. 15].</p> <p data-bbox="1742 1066 2040 1094">Фото А.А. Михеевой.</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		<p>диагональные линии; в образовавшихся восьми секторах вдоль края высверлены (?) полусферические углубления диаметром d=0,6 см. Обратная сторона гладкая, без декора. Петелька для подвешивания или шпеньки для клепания отсутствуют (как и их следы). Вероятно, бляха подвешивалась на шнурке, продетом через прорезанный крест. Возможно, использовалась как христианский амулет.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 3, с. 15].</p>				
6	Семиречье. Чуйская долина.	Подвеска крестовключенная или амулет (бляшка?), орнаментированный стилизованным крестом. В центре	d = 2,7 см, Бронза.	VIII–X вв.	[Arts from the Land of Timur, 2012, p.106, 206].	

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		углубление ромбовидной формы. Концы креста украшены небольшими пиками, выходящими за ободок, в основании которых углубления стрельчатой формы. Обратная сторона неизвестна.				[Arts from the Land of Timur, 2012, p.106, 206].
7	Городище Бурана. Случайная находка.	Подвеска крестовключенная. Крест с удлиненной вертикальной ветвью, украшенный растительными узорами помещен в круг. В верхней части петелька для подвешивания, расположенная параллельно подвеске. Обратная сторона гладкая.	d = 3,6 см Бронза.	VIII–XII вв.	Не опубликована. РААМК «Башня Бурана»	 <p data-bbox="1720 991 2067 1091">б/м РААМК «Башня Бурана» Фото А.А. Михеевой.</p>

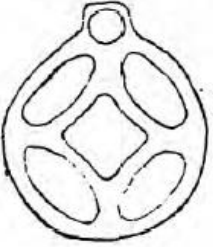

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
8	Чуйская долина. Случайная находка.	Подвеска крестовключенная. Крест с удлиненной вертикальной ветвью, украшенный растительными узорами помещен в круг. В верхней части петелька для подвешивания, расположенная параллельно подвеске. Обратная сторона гладкая.	d = 3,5 см Бронза.	VIII–XII вв.	[Камышев, 2012, с. 113, ил. VII].	 <p data-bbox="1704 612 2078 715">б/м [Камышев, 2012, с. 113, ил. VII].</p>
9	Таласская долина. Городище Садыр-Курган.	Подвеска крестовключенная. Крест с удлиненной вертикальной ветвью, украшенный растительными узорами помещен в круг. В верхней части петелька для подвешивания, расположенная параллельно подвеске. Ободок и петелька довольно широкие. Обратная сторона гладкая.	d = ? Бронза.	VIII–XII вв.	[Камышев, 2012, с. 113, ил. IX].	 <p data-bbox="1675 1131 2107 1193">б/м [Камышев, 2012, с. 113, ил. IX].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
10	Семиречье. Случайная находка.	Подвеска крестовключенная ажурная по краю. Внутри круга равносторонний крест, концы которого украшены растительным орнаментом. В центре рельефный круг. Ободок подвески ажурный, в верхней части двухчастная петелька для подвешивания, расположенная перпендикулярно предмету и позволяющая подвеске, находится в заданном положении. Обратная сторона гладкая.	d = 3 см. Бронза.	VIII–X вв.	[Arts from the Land of Timur, 2012, p.106, 207].	 <p data-bbox="1697 683 2085 751">[Arts from the Land of Timur, 2012, p.106, 207].</p>
11	Чуйская долина. Городище Бурана. Случайная находка.	Подвеска крестовключенная. Обратная сторона гладкая. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация	d = 4,8 см. Бронза.	VIII–XIV вв.	Не опубликована. РААМК «Башня Бурана» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 4, с. 16].	

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датиров ка	Место публикации	Изображение предмета
		<p>памятников ..., № 4, с. 16. «Литая, плоская, круглой формы. По краю идёт округлая в сечении рамка. В центре – сквозное округлое отверстие (d=0,9-1 см). Он него до внешней рамки по направлению двух перпендикулярных диаметров оставлены при отливке четыре вытянутых отверстия, которые вместе с круглым отверстием в центре и образуют крестообразную форму. В образованных четырёх секторах при литье оставлено по три округлых отверстия разных диаметров. Петелька для подвешивания или шпеньки для клепания отсутствуют (как и их следы). Вероятно, бляха подвешивалась на шнурке, продетом</p>				<p>РААМК «Башня Бурана» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 4, с. 16].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		через одно из отверстий. Возможно, использовалась как христианский амулет.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 4, с. 16].				
12	Семиречье. Случайная находка.	Подвеска/медальон с крестом в круге. В круглый ободок вписана крестовидная фигура с крупным ажурным ромбом/квадратом в перекрестье. Концы фигуры несколько «выступают» за ободок; верхний выступ заменён петелькой для подвешивания.	d = 2,7 см. Бронза.	VIII–XIV вв.	В свободном доступе в интернете. Частная коллекция (?).	 <p data-bbox="1738 911 2045 979">б/м Частная коллекция (?)</p>
13	Таласская долина. Городище Садыр-Курган. Случайная находка.	Подвеска/медальон с крестом в круге. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 8, с. 48. «В круглый ободок вписана крестовидная фигура с крупным	3,5 x 3,3 см; диаметр ободка d = 2,7 см. Бронза.	VIII–XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 8, с. 48].	 <p data-bbox="1671 1337 2112 1437">[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 8, с. 48].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		ажурным ромбом/квадратом в перекрестье. Концы фигуры несколько «выступают» за ободок; верхний выступ заменён петелькой для подвешивания.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 8, с. 48].				
14	Семиречье. Городище Шиш-Тюбе. Случайная находка.	Подвеска с крестом в круге, в просвет – равносторонний крест с расширяющимися концами от центра к краю. В верхней части массивная петелька для подвешивания.	d = ? Бронза.	VIII–XII вв.	[Камышев, 2012, с. 113, ил. VII].	 <p data-bbox="1702 1125 2083 1189">[Камышев, 2012, с. 113, ил. VII].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
15	Семиречье. Случайная находка.	Подвеска с крестом в круге. В круглый ободок вписана ромбовидная фигура, образуя крестообразное пространство, вдоль которого расположены четыре овала. В верхней части петелька для подвешивания.	d = ? Бронза.	VIII–XIV вв.	В свободном доступе в интернете. Возможно, частная коллекция. Аналогичная подвеска опубликована А.Н. Бернштамом с текстом: «Украшения XI–XII вв. г. Сарыг (Красная речка). Р. III и Р. I.» [Бернштам, 1941, таблица XVI. 16].	 б/м Частная коллекция (?)
16	Семиречье. Городище Шиш-Тюбе. Случайная находка.	Крестовидная подвеска с крестом в виде сердечек, сгруппированных крестообразно вокруг овала, образуя крест. В верхней части петелька для подвешивания.	d = ? Бронза.	VIII–XIV вв.	[Камышев, 2012, с. 113, ил. VII].	

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
						[Камышев, 2012, с. 113, ил. VII].
17	Таласская долина. Городище Садыр-Курган. Случайная находка.	Крест-медальон в ажурной оправе. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 15, с. 51. «Четырёхконечный, с почти равновеликими концами крест с расширяющимися от перекрестья к краям концами, оканчивающимися крупными перлами, обрамлён фестончатым восьми-лепестковым ободком. Крест и ободок соединены в четырёх точках – от середин торцевых сторон выходят небольшие прямые выступы. На лицевой стороне по контуру концов креста дан рельефный бордюр. Перекрестье креста	2,8 x 2,5 см; сам крест – 1,8 x 1,6 см. Бронза.	VIII–XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 15, с. 51].	 <p data-bbox="1675 762 2112 863">[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 15, с. 51].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		выделено перлом. Обратная сторона гладкая. Часть ободка, включая петельку, утрачена.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 15, с. 51].				
18	Чуйская долина. Случайная находка.	Крестовидная подвеска-медальон с крестом внутри. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 8, с. 48. «Медальон квадратных очертаний, ориентированный углами вверх-вниз, со сдвоенной петелькой на верхнем из углов. Крест прямой, равноконечный, декоративный. Перекрестье выделено квадратом, развёрнутым углами верх-вниз. В его центре – точка-углубление.	Стороны квадрата 2,8-2,9 см; по диагонали 3,8 см. Бронза.	VIII–XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 8, с. 48].	 <p data-bbox="1675 911 2107 1011">[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 8, с. 47].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		<p>Вдоль борта – прорезанный/ отлитый желобок. Концы тонкие; раздваиваясь, они образуют полуокружности, которые смыкаются с соответствующими полуокружностями соседнего конца и тем создают замкнутый контур. Из точек раздвоения трёх нижних концов выходят небольшие трёхфестончатые “бутоны”.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 8, с. 48].</p>				
19	Чуйская долина. Случайная находка.	<p>Крестовидная подвеска-медальон в форме креста. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 7, с. 47. «Состоит из фестончатой</p>	5,4 x 3,8 см. Бронза. Литой.	VIII–XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 7, с. 47].	

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датиров ка	Место публикации	Изображение предмета
		<p>четырёхлепестковой рамки, полукруглой в сечении, и напаянных позже (или отлитых вместе с ней?) на вершинах двух противоположащих дуг рельефных элементов, состоящих из расположенных стопкой по два овалов. Тыльная сторона плоская, что говорит об отливке в одностороннюю форму. Петельки для подвешивания или иные крепления – шпеньки и пр., как и их следы – отсутствуют. Общий крестообразный абрис позволяет полагать его христианскую символику.»</p> <p>[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 7, с. 47].</p>				<p>[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 7, с. 47].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
20	Чуйская долина. Случайная находка.	Подвеска-медальон с изображением креста. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 16, с. 52. «Подвеска состоит из квадратного, ориентированного верх-низ углами основания, сверху которого отлито ушко для подвешивания. На поверхности основания размещён равноконечный крест с концами, заканчивающимися трёхлепестковыми бутонами. Расстояние от перекрестья до бутонов незначительное. Расположение лепестков бутона и концов конструируют общий квадратный ажурный контур креста. На оборотной стороне в центре –	общие – 2,8 х 2,0 см; стороны квадрата – 1,4 см. Бронза.	VIII–XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 16, с. 52].	 <p data-bbox="1675 587 2110 692">[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 16, с. 52].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		<p>небольшой шпенёк; возможно, крест со шпеньком был приделан к основанию с ушком, а не отлит единовременно. Вокруг ушка остались необработанные литники.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 16, с. 52].</p>				
21	<p>Чуйская долина. Случайная находка.</p>	<p>Медальон в виде рыбы. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 21, с. 54. «Каплевидной формы, с «началом» капли, обращённым вниз и несколько смещённым от вертикальной оси влево. Сверху, по бокам максимально широкой части отлито два небольших плоских полукруглых «плавника»-петельки.</p>	<p>2,6 x 1,9 см. Бронза.</p>	<p>VIII–XIV вв.</p>	<p>[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 21, с. 54]. Так как рыба является символом Иисуса Христа, то представляется возможной интерпретация медальона как христианского.</p>	<div data-bbox="1751 798 2029 999" data-label="Image"> </div> <p>[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 16, с. 54].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		Сверху – след обломанной петельки для подвешивания, расположенной перпендикулярно плоскости основания медальона. На поверхности нет следов декора. Часть бортика внизу с правой стороны утрачена.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 21, с. 54].				
22	Чуйская долина. Случайная находка.	Медальон в виде рыбы. Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 22, с. 54. «Каплевидной формы, с «началом» капли, обращённым вниз и несколько смещённым от вертикальной оси влево. Сверху, по бокам максимально широкой части отлито	3,5 x 2,2 см. Бронза.	VIII–XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 22, с. 54].	 <p>[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 22, с. 54].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датиров ка	Место публикации	Изображение предмета
		<p>два небольших плоских полукруглых «плавника»-петельки, но не сквозных: маленький левый и более крупный правый. Сверху дугообразная петелька для подвешивания, оставшаяся частично открытой. Она расположена в плоскости основания медальона. На поверхности имеются несколько бороздок и углублений. Вероятно, изделие отлито по неоднократно редуцированному прототипу, в результате чего утрачена чёткость поверхностного декора.» [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ..., № 22, с. 54].</p>				

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
23	Чуйская долина. Случайная находка.	<p>Медальон в виде рыбы.</p> <p>Описание по: Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 23, с. 55. «Каплевидной формы, с «началом» капли, обращённым вниз и несколько смещённым от вертикальной оси влево. Это «начало» выделено уплощённым узким «хвостом». Сверху, по бокам максимально широкой части отлито два небольших плоских полукруглых «плавника». Сверху – след обломанной петельки для подвешивания, расположенной в плоскости основания медальона. На поверхности в верхнем правом секторе имеются несколько бороздок.» [Аманбаева,</p>	3,9 x 2,6 см. Бронза.	VIII–XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 23, с. 55].	 <p>[Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 23, с. 55].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датиров ка	Место публикации	Изображение предмета
		Проект: «Каталогизация памятников ..., № 23, с. 55].				

Таблица 10

Сводная таблица предметов христианского культа, обнаруженных на территории Средней Азии

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датиро вка	Место публикации	Изображение предмета
Юго-Западное Семиречье						
1	Чуйская долина.	Поясная гарнитура, фрагмент. Крест равносторонний. Концы трехчастны. В центре круг – полый. В верхней части петля для крепления (?) или подвешивания.	Бронза. Литой.	VIII–X вв.	[Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 203]. Деталь пряжки.	 б/м [Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 203].
2	Чуйская долина.	Поясная гарнитура, фрагмент. Крест равносторонний. Концы трехчастны. В центре круг. В верхней части петля для крепления (?) или подвешивания.	Бронза. Литой.	VIII–X вв.	[Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 203]. Деталь пряжки.	 б/м

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
						[Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 203].
3	Чуйская долина.	Поясная гарнитура, фрагмент. Фрагмент креста или пряжки (?) Крест равносторонний. Концы трехчастны. В центре круг – полый. В верхней части петля для крепления (?) или подвешивания.	Бронза. Литой.	VIII–X вв.	[Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 203]. Деталь пряжки.	 <p>б/м [Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 203].</p>
4	Городище Курменты, Иссык-Кульская котловина. Случайная находка	Коробочка-мошевик. Описание по: Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 24, с. 55-56. «Коробочка прямоугольной формы из фольги белого металла. Нижняя и боковые грани сильно смяты; отдельные фрагменты, в том числе две петельки для подвешивания, отломаны. Вся лицевая сторона декорирована в	5,7 x 6,5 см. Серебро?	VIII- XIV вв.	[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 24, с. 55].	 <p>[Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 24, с. 55].</p>

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датиро вка	Место публикации	Изображение предмета
		<p>технике филиграни. Вдоль краёв дана бордюрная полоса, шириной 0,8-1,0 см. Её с двух сторон обрамляет рамка из расположенных вплотную друг к другу двух витых проволок. Пространство между ними заполнено одинаковыми элементами, расположенными в один ряд вплотную друг к другу и обрамлению по пять шесть раз на каждой стороне. Этот элемент, выполненный из гладкой проволоки, S-видный, с оканчивающимися двухвитковыми спиралями концами. В основном поле дана симметричная композиция. У углах, но не соприкасаясь с бордюрной рамкой, из гладкой проволоки припаяны семи-/восьми-</p>				

№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датировка	Место публикации	Изображение предмета
		<p>лепестковые розетки, диаметром d=1,0-1,1 см. По середине каждой из сторон, вплотную к рамке бордюрной полосы, из витой проволоки – крестообразные фигуры с прямыми, почти равновеликими концами, скруглёнными на краях; их размер 1,0-1,3 см. В самом центре композиции из вертикально припаянной полосы фольги, усиленной витой проволокой, был круглый карст для вставки камня (d~1,0-1,1 см); от него сохранилась лишь нижняя часть. По диагоналям от него было ещё четыре карста меньшего размера (d=0,6-0,7 см). Обратная сторона гадкая, без декора. Петельки для подвешивания были</p>				

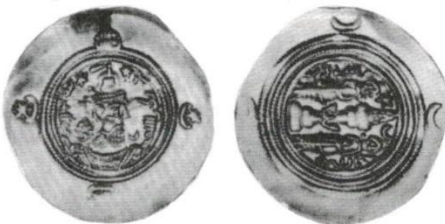
№ п/п	Предмет/ место обнаружения	Описание предмета	Размеры, техника изготовления, материал	Датиро вка	Место публикации	Изображение предмета
		припаяны к верхней боковой грани. Они пластинчатые, шириной до 0,5 см, с двумя бороздками по всему периметру.» [Аманбаева, Проект: «Катологизация памятников ...» № 24, с. 55].				

Таблица 11

Сводка монет с христианскими символами с Восточного Ирана и вассальных территорий

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
Грузия							
1	Грузия, Варучан Правитель: Хормузд IV. Дата: 7 г. (585 г. н.э.). Монетный двор WALWC Серебро, государственная чеканка	-	-	<i>Аверс:</i> изображение царя в профиль вправо, за короной помещен крест <i>Реверс:</i>			Вместо традиционного трилистника за короной правителя помещен крест.
					[Колесников, 2006, с. 216, рис. 7. Колесников, 2015а, с. 20, рис. 3].		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
					Хранится в ГЭ, инв. 10221		 <p>[Колесников, 2015а, с. 19-20, рис. 1А, 2А, В].</p>
Восточный Иран							
2	<p>Мервруд</p> <p>Правитель: Хормузд IV.</p> <p>Дата: 11 г. (589 г. н.э.). Монетный двор MLWWNALT</p> <p>Серебро, государственная чеканка</p>	-	-	<p><i>Аверс:</i> изображение царя в профиль вправо, за коронай помещен крест</p> <p><i>Реверс:</i></p>	 <p>[Колесников, 2015а, с. 21, рис. 4. Колесников, 2015b, с. 125, рис. 4].</p>	У Колесникова А.И. ссылка на: Mochiri, 1977, Fig. 240.	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
3	<p>Еран-хварре Шапур, Сузы</p> <p>Правитель: Хормузд IV.</p> <p>Дата: 11 г. (589 г. н.э.). Монетный двор АУ</p> <p>Серебро, государственная чеканка</p>	4,04 г	32,3х 30,5 мм	<p><i>Аверс:</i> изображение царя в профиль вправо, за короной помещен крест</p> <p><i>Реверс:</i></p>	 <p>[Колесников, 2006, с. 209, рис. 1].</p>		
4	<p>Нижний Вех Кавад, Вавилония</p> <p>Правитель: Хосров II.</p> <p>Дата: 1 г. (590 г. н.э.). Монетный двор WYH-P</p> <p>Серебро, государственная чеканка</p>	-	-	<p><i>Аверс:</i> изображение царя в профиль вправо, за короной помещен крест</p> <p><i>Реверс:</i></p>	 <p>[Колесников, 2006, с. 210, рис. 5].</p>	У Колесникова А.И. ссылка на: Mochiri, 1977, Fig. 332.	

№/ №	Правитель	Вес /грамм	Диам етр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные анalogии	Примечание
5	<p>Гурган</p> <p>Правитель: Хормузд IV.</p> <p>Дата: 13 г. (591 г. н.э.). Монетный двор GW (Гурган), посмертная</p> <p>Серебро, государственная чеканка</p>	-	-	<p><i>Аверс:</i> изображение царя в профиль вправо, за короной помещен крест</p> <p><i>Реверс:</i></p>	 <p>[Колесников, 2006, с. 210, рис. 6. Колесников, 2015а, с. 21, рис. 5. Колесников, 2015b, с. 125, рис. 5].</p> <p>Хранится в ГЭ, инв. 10285</p>		

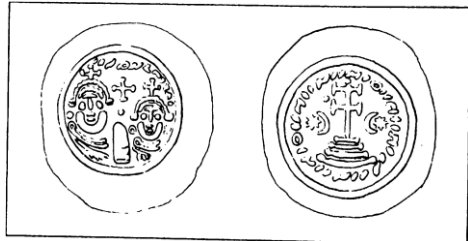
№/ №	Правитель	Вес /грамм	Диам етр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные анalogии	Примечание
6	<p>Абаршахр</p> <p>Правитель: Хормузд IV.</p> <p>Дата: 13 г. (591 г. н.э.). Монетный двор APL (Абаршахр), посмертная</p> <p>Серебро, государственная чеканка</p>	-	-	<p><i>Аверс:</i> изображение царя в профиль вправо, за коронай помещен крест</p> <p><i>Реверс:</i></p>	 <p>[Колесников, 2006, с. 209, рис. 2. Колесников, 2015а, с. 22, рис. 6. Колесников, 2015b, с. 125, рис. 6].</p>	У Колесникова А.И. ссылка на: Mochiri, 1977, Fig. 59.	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
7	<p>Мерв</p> <p>Правитель: Варахран VI.</p> <p>Дата: 2 г. (591 г. н.э.). Монетный двор ML (Мерв),</p> <p>Серебро, государственная чеканка</p>	-	-	<p><i>Аверс:</i> изображение царя в профиль вправо, за короной помещен крест</p> <p><i>Реверс:</i></p>	 <p>[Колесников, 2006, с. 216, рис. 9. Колесников, 2015а, с. 22, рис. 7. Хранится в ГЭ, инв. 11701. Колесников, 2015b, с. 125, рис. 7].</p>	<p>Аналогичная монета опубликована в: Mochiri, 1977, Fig. 181.</p>	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
8	<p>Герат</p> <p>Правитель: Варахран VI.</p> <p>Дата: 2 г. (591 г. н.э.). Монетный двор HLY (Герат).</p> <p>Серебро, государственная чеканка</p>	-	-	<p><i>Аверс:</i> изображение царя в профиль вправо, за короной помещен крест</p> <p><i>Реверс:</i></p>	 <p>[Колесников, 2006, с. 216, рис. 8. Колесников, 2015а, с. 23, рис. 8]. Хранится в ГЭ, инв. 11702 [Колесников, 2015b, с. 125, рис. 8].</p>		
9	<p>Абаршахр</p> <p>Правитель: Варахран VI.</p> <p>Дата: 2 г. (591 г. н.э.). Монетный двор APL (Абаршахр).</p> <p>Серебро, государственная чеканка</p>	-	-	<p><i>Аверс:</i> изображение царя в профиль вправо, за короной помещен крест</p> <p><i>Реверс:</i></p>	 <p>[Колесников, 2006, с. 209, рис. 3. Колесников, 2015а, с. 23, рис. 9. Колесников, 2015b, с. 125, рис. 9].</p>	<p>У Колесникова А.И. ссылка на: Mochiri, 1977, Fig. 60.</p>	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
Иран, византийско-сасанидский домусульманский чекан – 1-я пол. VII в. [Колесников, 1998, с. 196-205].							
10	Бишапур Правитель: Дата: 1-я пол. VII в. Монетный двор BYŠ (Бишапур). Медь, местная чеканка	-	-	<i>Аверс:</i> погрудное изображение правителя анфас в costume и короне сасанидского типа. Изображение в разомкнутом круге. Справа и слева текст: слева традиционная «формула фарра» (GDN 'rzwrt), известная с Хосрова II; справа – легенда не читается. <i>Реверс:</i> крест на Голгофе из трех ступеней, повторяет крест на солидах Ираклия и Ираклия-Константина (613-641 гг.), только на византийских солидах крест возвышается на четырех ступенях. В правой части монеты – аббревиатура монетного двора Бишапура (BYŠ), в левой – легенда, обозначающая либо дату	 [Колесников, 1998, с. 198, рис. 1].	Монета известна в единственном экз.	Прорисовка. На 1998 г. известна одна монета (из коллекции и М.И. Мошири) [Колесников, 1998, с. 197].

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				выпуска, либо краткую характеристику монетного двора Бишапура [Колесников, с. 1998, с. 197, рис. 1].			
11	<p>Бишапур</p> <p>Правитель:</p> <p>Дата: 1-я пол. VII в.</p> <p>Монетный двор ВУЅ (Бишапур).</p> <p>Медь, местная чеканка</p>	-	-	<p><i>Аверс:</i> два бюста с крестами в области головы. Бюст справа крупнее, на нем византийский плащ, закрепленный фибулой на правом плече. Левый бюст меньше. Над головами располагается крест, между ними тоже крест; кресты по форме с удлиненной нижней ветвью, с расширяющимися концами. Вся композиция заключена в круг. В верхней левой части следы псевдоэпиграфической легенды.</p> <p><i>Реверс:</i> в центре кружка равносторонний крест с расширяющимися ветвями, стоящий на постаменте из 4-х</p>	 <p>[Колесников, 1998, с. 198, рис. 2].</p>	Монета известна в единственном экз.	Прорисовка.

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				ступеней (Голгофа). Читается легенда справа – рп'hyzdt (имя собственное Панах-Йазад – «Ищущий защиты у бога»), левая не читается.			
12	Вех-Ардашир Правитель: Дата: 1-я пол. VII в. Монетный двор - ? Медь, местная чеканка	-	-	<i>Аверс:</i> два погрудных изображения, императора и наследника с крестами на голове, третий крест – посередине; в верхней части монеты – имитация пехлевийской легенды. <i>Реверс:</i> патриарший крест на четырехступенчатой голгофе, справа и слева от креста элементы астральной зороастрийской символики. По всей окружности расположена имитация пехлевийского текста с повторяющимися знаками w и gw [Колесников, 1998, с. 199, рис. 3].	 [Колесников, 1998, с. 198, рис. 3].	Известны 3 медные монеты.	Прорисовка

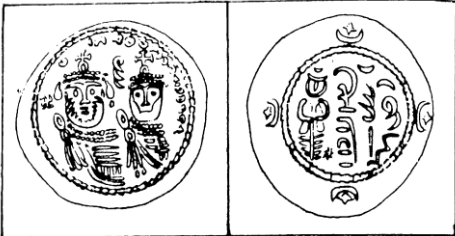

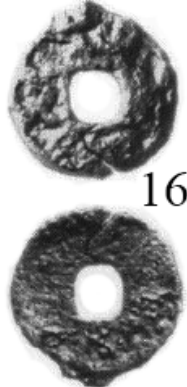
№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
Иран, византийско-сасанидско-мусульманский чекан – 2-я пол. VII в. [Колесников, 1998, с. 196-205].							
13	? Правитель: Дата: 2-я пол. VII в. Монетный двор - ? Медь, местная чеканка	-	-	<i>Аверс:</i> Погрудное изображение императора и наследника. На коронах кресты, между крестами пехлевийская аббревиатура 'р или sr, в правой части поля – псевдоэпиграфическая греческая или латинская легенда <i>Реверс:</i> На оборотней стороне символы христианства не обозначены, вместо нее фигура жреца, в обрамленном точечном круге, с астральными знаками по сторонам света. Рядом со жрецом сверху вниз располагается трехстрочная пехлевийская легенда [Колесников, 1998, с. 199-200, рис. 4].	 [Колесников, 1998, с. 200, рис. 4].	Известно о 7 монетах типа I и II.	Прорисовка.

Таблица 12

Сводка монет с христианскими символами, найденных на территории Средней Азии

№/ №	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные анalogии	Примечание
Древний Мерв							
1	Древний Мерв. Гяур-кала. Правитель: Йездигерд I. Дата: V в. Бронза	0,42	13	<i>Аверс:</i> изображение царя. <i>Реверс:</i> изображение креста		Loginov S.D., Nikitin A.B. Sasanian coins of the late 4 th -7 th centuries from Merv // Mesopotamia, 1993, 28. P. 271-272, 277- 278, № 10-30, fig 11.	Сохранил ось 20 монет с крестом на оборотне й стороне.

[Loginov, Nikitin, 1993, с. 297, fig.
11, 18].

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
2	Древний Мерв. Гяур-кала. Правитель: Йездигерд I. Дата: V в. Бронза			<i>Аверс:</i> изображение царя. <i>Реверс:</i> изображение креста	 [Ashurov, 2013, p. 72, fig. 15].	Loginov S.D., Nikitin A.B. Sasanian coins of the late 4 th -7 th centuries from Merv // Mesopotamia, 1993, 28. P. 271-272, 277- 278, № 10-30, fig 11.	
Согд							
1	Неизвестный правитель. Дата: 640-708 гг. Бронза.	1,2	18	<i>Аверс:</i> справа от квадратного отверстия бухарский знак-тамга, слева китайский иероглиф «юань», сверху и снизу согдийская легенда. <i>Реверс:</i> справа и слева от квадр. отверстия знаки в виде креста.	 Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html WS 34. По А.И. Наймарку это тип II [Naymark, 2011, p. 3].	[Zeimal, 1994. P. 250, 16]. 16	В публикации Зеймаля реверс гладкий (?) Как аналогия этот пример приведен на сайте.

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
					www.zeno.ru #20199		Возможно, что из-за износа кресты не сохранились (!)
2	Пайкенд (?) Неизвестный правитель. Дата: VII в. Медь (?)	1,3	17,1	<i>Аверс:</i> справа от квадратного отверстия бухарский знак-тамга, слева китайский иероглиф «юань», сверху и снизу согдийская легенда. <i>Реверс:</i> справа и слева от квадр. отверстия знаки в виде креста.	 www.zeno.ru #60328 По А.И. Наймарку это тип II [Наймак, 2011, р. 3].	Naymark, A., Christian Principality in the Bukharan Oasis, in Journal of Oriental Numismatic Society, 2011, No. 206, pp. 2-3.	
3	Пайкенд (?) Неизвестный правитель. Дата: VII в. Медь (?)	?	?	<i>Аверс:</i> справа от квадратного отверстия бухарский знак-тамга, слева китайский иероглиф «юань», сверху и снизу согдийская легенда. <i>Реверс:</i> справа и слева от квадр. отверстия знаки в виде креста.	 www.zeno.ru		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
					#8178 По А.И. Наймарку это тип II [Naumark, 2011, p. 3].		
4	Неизвестный правитель. Дата: 640-708 гг. Бронза.	?	18	<i>Аверс:</i> справа от квадратного отверстия бухарский знак-тамга, слева китайский иероглиф «юань», сверху и снизу согдийская легенда. <i>Реверс:</i> справа от квадрат. отверстия знак в виде креста.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html WS 34a. По А.И. Наймарку это тип II [Naumark, 2011, p. 3].</p>	[Zeimal, 1994. P. 250, 16]. (?)	
5	Неизвестный правитель. Дата: 640-708 гг. Бронза.	1,4	17,8	<i>Аверс:</i> справа от квадратного отверстия бухарский знак-тамга, слева китайский иероглиф «юань», сверху и снизу согдийская легенда. <i>Реверс:</i> справа от квадрат. отверстия знак в виде креста.	 <p>www.zeno.ru # 63496</p>	1. [Zeimal, 1994. P. 250, 16]. 2. M. Allotte de la Fuye. Annexe au process-verbal: Une monnaie turco-chinoise. // Journal Asiatique, Janvier-Fevrier, Paris. 1910. T. 15. P. 189.	

№/ №	Правитель	Вес /грамм	Диам етр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные анalogии	Примечания
					По А.И. Наймарку это тип II [Naumark, 2011, p. 3].	 <p>3. Drouin., 1891. Les monnaies touraniennes // Revue de Numismatique. 4. «Une monnaie sino-sogdienne trilingue de Boukhara» // Bulletin de la Société Française de Numismatique. № 7, сентябрь, 1997. С. 144-150.</p>	
6	Пайкенд (?) Неизвестный правитель. Дата: 640-708 гг. Бронза.	1,4	18	<i>Аверс:</i> справа от квадратного отверстия бухарский знак-тамга, слева китайский иероглиф «юань», сверху и снизу согдийская легенда. <i>Реверс:</i> справа от квадрат. отверстия знак в виде креста.	 <p>www.zeno.ru # 175722 (верхняя)</p>		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
					По А.И. Наймарку это тип II [Naumark, 2011, p. 3].		
7	Пайкенд (?) Неизвестный правитель. Дата: 640-708 гг. Бронза.	1,5	17	<i>Аверс:</i> справа от квадратного отверстия бухарский знак-тамга, слева китайский иероглиф «юань», сверху и снизу согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 <p>www.zeno.ru # 175722 (нижняя)</p> <p>По А.И. Наймарку это тип II [Naumark, 2011, p. 3].</p>		
8	Пайкенд. Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза.	1,3	18	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 <p>Ссылка на:</p>	[Zeimal, 1994. P. 250, 15].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
					http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html WS 35. По А.И. Наймарку это тип IV [Naumark, 2011, p. 3].		
9	Пайкенд. Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза.	1,33	17,8	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 www.zeno.ru # 3396 По А.И. Наймарку это тип IV [Naumark, 2011, p. 3].	[Zeimal, 1994. P. 250, 15]. 	
10	Пайкенд. Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза	1,14	15,6-16,0	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.		[Zeimal, 1994. P. 250, 15].	

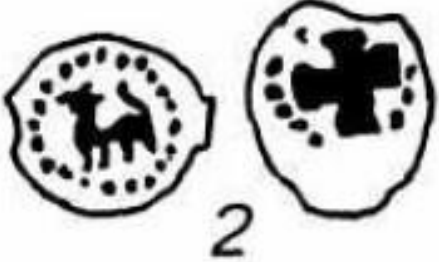
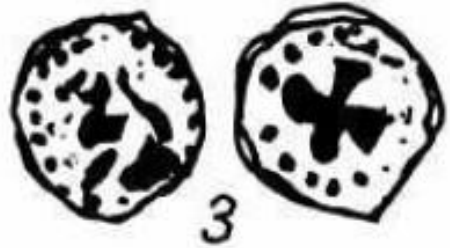
№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
					www.zeno.ru # 1068 По А.И. Наймарку это тип IV [Naumark, 2011, p. 3].		
11	Пайкенд. Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза.	1,47	17,5-18	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 www.zeno.ru # 134207 По А.И. Наймарку это тип IV [Naumark, 2011, p. 3].	[Zeimal, 1994. P. 250, 15].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
12	Пайкенд. Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза.	1,2	18,6	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 <p>www.zeno.ru # 30858</p> <p>По А.И. Наймарку это тип IV [Naymark, 2011, p. 3].</p>		
13	Пайкенд (?) Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза.	?	18	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 <p>www.zeno.ru # 106228</p> <p>По А.И. Наймарку это тип IV [Naymark, 2011, p. 3].</p>		

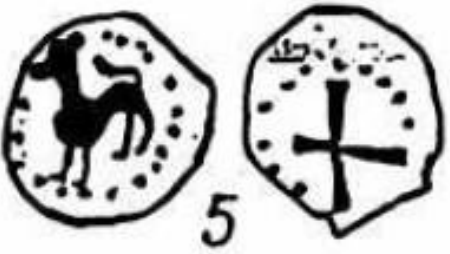

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
14	Пайкенд (?) Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Медь (?)	?	?	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 <p>www.zeno.ru # 142559</p> <p>По А.И. Наймарку это тип IV [Naumark, 2011, p. 3].</p>	неопубликованная	Автор монеты указал, что отверстие намеренно сделано круглым.
15	Пайкенд (?) Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза.	1,8	18	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 <p>www.zeno.ru # 219561</p> <p>По А.И. Наймарку это тип IV [Naumark, 2011, p. 3].</p>		

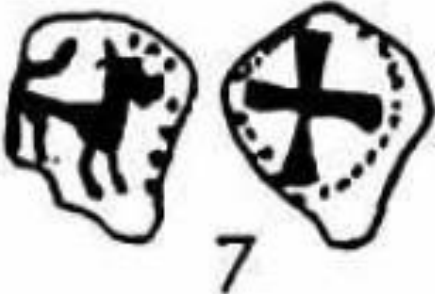
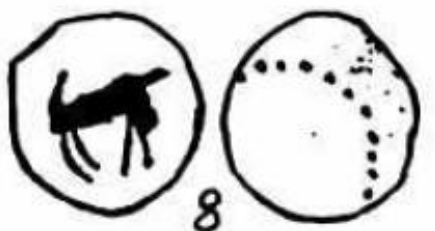
№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
16	Пайкенд (?) Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза.	1,6	17,5	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 <p>www.zeno.ru # 20047</p> <p>По А.И. Наймарку это тип IV [Naymark, 2011, p. 3].</p>		
17	Пайкенд Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза.	?	17	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 <p>Фото А. В. Омельченко</p> <p>По А.И. Наймарку это тип IV [Naymark, 2011, p. 3].</p>	Сапаров Н.Ж., Омельченко А.В. Гостиницы Пайкенда // История и археология Турана. № 3. Самарканд, 2017. С. 288, рис. 8, 14.	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
18	Пайкенд (Неизвестный правитель. Дата: VII – нач. VIII вв. Бронза.	?	1,6	<i>Аверс:</i> справа и слева от квадратного отверстия бухарский знак-тамга. Снизу знак в виде креста, сверху согдийская легенда. <i>Реверс:</i> гладкий, без отличий.	 <p>Фото А.В. Омельченко</p> <p>По А.И. Наймарку это тип IV [Naymark, 2011, p. 3].</p>	[Сапаров, Омельченко, 2017, с. 288, рис. 8, 13].	
19	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].	1,3	?	<i>Аверс:</i> лев, в мелкоточечном ободке, идущий влево. Голова поднята, правая лапа выдвинута вперед. Хвост поднят и изогнут. <i>Реверс:</i> равноконечный крест, состоящий из треугольников, соединённых вершинами в центре.	 <p>[Мусакаева, 1994, с. 43, 1]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 1, тип-1, вариант 1.</p>	Мусакаева А.А. О несторианах в Средней Азии (по нумизматическим данным) // Из истории древних культов. Сост. Л.И. Жукова. Ташкент, 1994. С. 42-55.	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
20	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (Инв. 1377,7/303, Варахша).	1,25	14,9	<i>Аверс:</i> изображение льва влево, в мелкоточечном ободке. Поза льва статична, задняя лапа отставлена в сторону, хвост поднят. <i>Реверс:</i> аналогична варианту 1.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 2]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 1, тип-1, вариант 2.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	
21	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].	1,30	?	<i>Аверс:</i> изображение животного вправо, морда похожа на голову коня, хвост крупнее и толще, в ободке из крупных точек, штемпель крупнее. <i>Реверс:</i> крест другого типа – лепестки креста сужены к центру до штришков, в крупном точечном ободке.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 3]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 1, тип-2.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
	(№ 971, Варахша, колл. А.Е. Ивкова)						
22	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (фрагмент, МИ № 57, Варахша)	0,45	?	<i>Аверс:</i> изображение льва стилизованное, морда передана двумя штрихами. В точечном ободке. <i>Реверс:</i> укрупненный крест, с более четкими и острыми углами лепестков креста. В точечном ободке.	 <p>[Мусакаева, 1994, с. 43, 4]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 1, тип-3.</p>	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
23	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (коллекция А.Е. Ивкова, Варахша).	1,23	?	<i>Аверс:</i> стилизованное изображение животного (похож на собаку), лапы выставлены вперед, как будто животное падает. Все в мелкоточечном ободке. <i>Реверс:</i> крест из тонких штрихов с расширенными концами, в мелкоточечном ободке.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 5]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 1, тип-4.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	
24	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (коллекция А.Е. Ивкова, № 242)	0,86	?	<i>Аверс:</i> изображение животного вправо. Поза статична, лапы расположены друг около друга. Морда животного заострена. Все в мелкоточечном густом ободке. <i>Реверс:</i> крест аналогичный типу-4, выпуск-1.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 6]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 2, тип-1.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
25	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (МИ № 59, Варахша)	0,56	?	<i>Аверс:</i> изображение льва вправо, стилизованно, в едва заметном точечном ободке. <i>Реверс:</i> крест, лопасти которого намного толще, все в мелкоточечном густом ободке.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 7]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 2, тип-2.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	
26	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (коллекция А.Е. Ивкова, № 243)	0,90	?	<i>Аверс:</i> изображение животного вправо, стилизованно (лев или волк?). <i>Реверс:</i> изображение стерто, все в точечном ободке.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 8]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 2, тип-3.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
27	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (МИ № 80, Варахша)	1,29	?	<i>Аверс:</i> изображение оленя влево, в ободке из крупных точек. Рога ветвистые, крупные, свисают за головой, хвост опущен. <i>Реверс:</i> в центре равноконечный крест, с зауженными лопастями к центру. Все в точечном ободке.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 9]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – II группа, тип-1.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	
28	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (инв. 1473, 7/400)	1,07	?	<i>Аверс:</i> изображение животного (слон или хвостатый баран?) вправо, над ним, по кругу видны следы легенды. <i>Реверс:</i> в ободке из крупных точек виден полустертый крест, сохранилась его нижняя часть и несколько деталей от боковых лепестков.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 12]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – III группа, тип-1, вариант 1.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
29	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (ИА. Инв. 1460, 7/387)	0,54	?	<i>Аверс:</i> изображение животного (слон) вправо, почти стертое. Над ним остатки легенды, без ободка. <i>Реверс:</i> в центре равноконечный крест, с почти прямыми лепестками. Все в ободке из крупных точек.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 10]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – III группа, тип-1, вариант 2.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	
30	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42]. (Фрагмент. Коллекция А.Е.)			<i>Аверс:</i> изображение животного вправо, стилизованно. По кругу курсивная согдийская легенда. <i>Реверс:</i> в центре равноконечный крест ободке из точек.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 11]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – III группа, тип-1, вариант 2.	[Мусакаева, 1994, с. 42-55].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
	Ивкова, № 229, Варахша).						
31	Бухарский Согд, Варахша. Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].			<i>Аверс:</i> изображение хищника (лев), идущего влево, в ободке из крупных точек. <i>Реверс:</i> в центре монеты «несторианский» крест, в точечном ободке.	 [Грицина, 2018, с. 127, рис. 17; 132, фото 11, 12].	Грицина А.А. Трансоксиана-мавераннахр: христианство и манихейство // Религии Центр. Азии и Азербайджана. Т. IV. Иудаизм и христианства. – Самарканд: МИЦАИ. 2018. С. 104-156.	Впервые рисованные изображения таких монет были опубликованы Мусакаевой А.А.
32	Варахша и окрестности (?) или г. Варданзи (Вардана) Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв.	1,3	16	<i>Аверс:</i> изображение хищника (лев), идущего влево, в ободке из крупных точек. <i>Реверс:</i> в центре монеты «несторианский» крест, в ободке из крупных точек.	 Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html WS 40. www.zeno.ru	[Мусакаева, 1994, с. 43, 1]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 1, тип-1, вариант 1	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
	[Мусакаева, 1994, с. 42].				# 20208		
33	Варахша и окрестности (?) или г. Варданзи (?) Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].	?	?	<i>Аверс:</i> изображение хищника (лев), идущего влево, в ободке из крупных точек. <i>Реверс:</i> в центре монеты «несторианский» крест, в ободке из крупных точек.	 www.zeno.ru # 215284	[Мусакаева, 1994, с. 43, I]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 1, тип-1, вариант 1	
34	Варахша и окрестности (?) или г. Варданзи (?) Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].	?	?	<i>Аверс:</i> изображение хищника (лев), идущего влево, в ободке из крупных точек. <i>Реверс:</i> в центре монеты «несторианский» крест, в ободке из крупных точек.	 www.zeno.ru # 146688	[Мусакаева, 1994, с. 43, I]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 1, тип-1, вариант 1	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
35	<p>Варахша и окрестности (?) или г. Варданзи (?) Дата: VII в. Медь.</p> <p>По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].</p>	1,46	17-18,5	<p><i>Аверс:</i> изображение хищника (лев), идущего влево, в ободке из крупных точек. <i>Реверс:</i> в центре монеты «несторианский» крест, в ободке из крупных точек.</p>	 <p>www.zeno.ru # 168731</p>	[Мусакаева, 1994, с. 43, 1]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – 1 группа, выпуск 1, тип-1, вариант 1	
36	<p>Варахша и окрестности (?) или г. Варданзи (?) Дата: VII в. Медь.</p> <p>По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].</p>	1,2	14,8х15,8	<p><i>Аверс:</i> изображение хищника (лев), идущего влево, в ободке из крупных, плотно посаженных, точек. <i>Реверс:</i> в центре монеты «несторианский» крест, в ободке из крупных точек.</p>	 <p>www.zeno.ru # 126144</p>	неопубликованная	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
37	Варахша и окрестности (?) или г. Варданзи (?) Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].	?	17	<i>Аверс:</i> изображение хищника (лев), идущего влево, в ободке из крупных точек. <i>Реверс:</i> в центре монеты «несторианский» крест, в ободке из крупных точек.	 www.zeno.ru # 211749		
38	Варахша и окрестности (?) или г. Варданзи (?) Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].	1,5	17,2	<i>Аверс:</i> в центре изображение рогатого оленя, идущего влево. По краю монеты точечный ободок. <i>Реверс:</i> в центре равноконечный крест по типу «несторианского», в ободке из крупных точек.	 Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html WS 43. www.zeno.ru # 49952	Опубликовано в виде рисунка у А.А. Мусакаевой. [Мусакаева, 1994. С. 43, 9].	

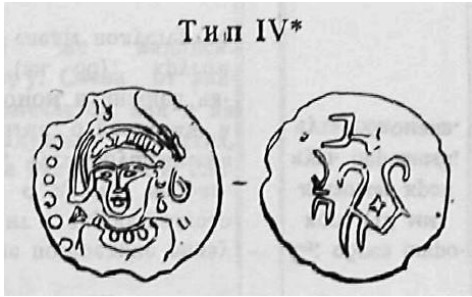
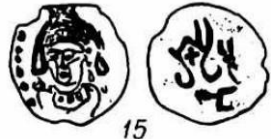
№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
39	Варахша и окрестности (?) или г. Варданзи (?) Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].	?	?	<i>Аверс:</i> в центре изображение рогатого оленя, идущего влево. По краю монеты точечный ободок. <i>Реверс:</i> в центре равноконечный крест по типу «несторианского», в ободке из крупных точек.	 www.zeno.ru # 21631	Опубликовано в виде рисунка у А.А. Мусакаевой. [Мусакаева, 1994, с. 43, 9].	
40	Варахша и окрестности (?) или г. Варданзи (?) Дата: VII в. Медь. По А.А. Мусакаевой – с IV по VI вв. [Мусакаева, 1994, с. 42].	1,2	16,9	<i>Аверс:</i> в центре изображение хищного животного, идущего влево. По краю монеты точечный ободок. <i>Реверс:</i> в центре равноконечный крест по типу «несторианского», в ободке из крупных точек.	 www.zeno.ru # 30479	[Мусакаева, 1994, с. 43, 10]. По А.А. Мусакаевой, этот тип монет – III группа, тип-1, вариант 2.	

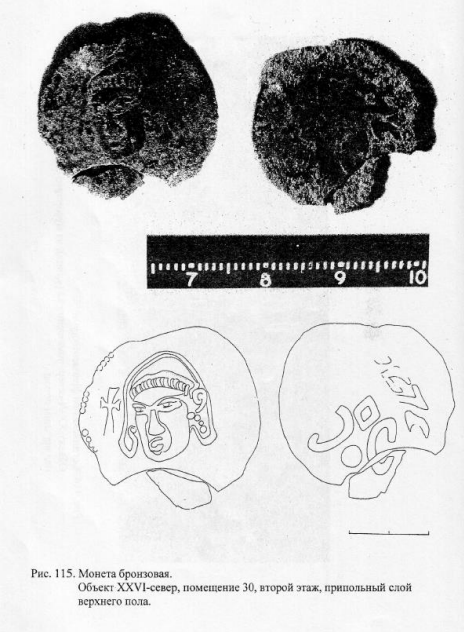
№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
41	Варданзи. Неизвестный правитель Дата: VII в. Бронза или медь (?) Чрезвычайно редкая.	?	?	<i>Аверс:</i> в центре вправо в профиль изображен портрет правителя (?). На голове головной убор (?). Изображение в точечном ободке. <i>Реверс:</i> в центре равноконечный крест по типу «несторианского», в ободке из крупных точек.	 www.zeno.ru # 182100		
42	Неизвестный правитель. Дата: Медь (?)	?	?	<i>Аверс:</i> неясное изображение в точечном ободке. <i>Реверс:</i> в центре крест «несторианского» типа, сверху над ним легенда (?). Все в точечном ободке.	 www.zeno.ru # 205136	неопубликованная	

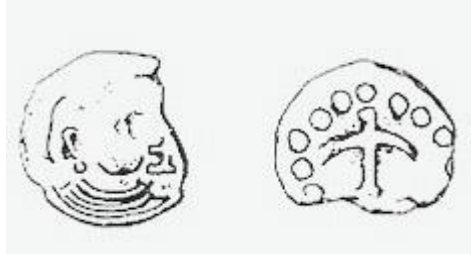

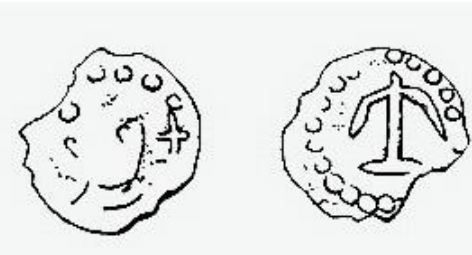
№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
43	Неизвестный правитель. Дата: ? Бронза.	?	?	<i>Аверс:</i> портрет правителя влево, в линейном ободке. <i>Реверс:</i> в центре крест, на трехступенчатом постаменте. Справа и слева согдийская легенда.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Un 20.</p>	неопубликованная	Имитация византийским монетам ?
44	Неизвестный правитель. Дата: ? (арабo-сасаниды) Бронза.	?	?	<i>Аверс:</i> в правой части монеты изображение головы правителя. Справа от него знак-тамга. <i>Реверс:</i> в центре монеты на трехступенчатом постаменте изображение креста с сильно удлиненной нижней частью. Слева и справа также изображены кресты. В линейном ободке.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Un 2.</p>		

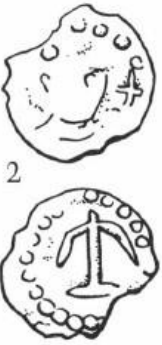
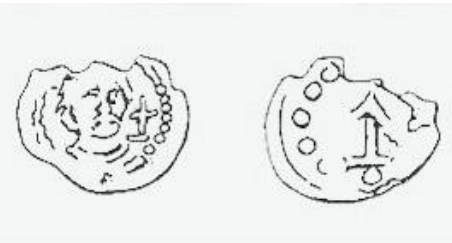
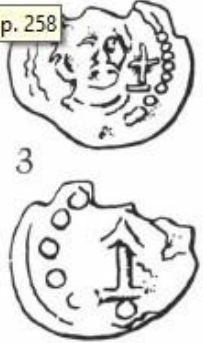
№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
45	Неизвестный правитель. Дата: VI в. (?) Бронза.	?	?	<i>Аверс:</i> изображение погрудного портрета правителя в высоком головном уборе. С полуоборотом вправо. С правой стороны надпись (?). <i>Реверс:</i> в центре монеты изображение фигуры ангела (?), держащего в правой руке крест-посох, в левой руке – шар с крестом. Под фигурой надпись – сопог. По краю монеты, слева и справа также надписи.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Un 6.</p> <p>www.zeno.ru #176241</p>	Неопубликованная	Имитация византийского солидуса?
46	Согд Неизвестный правитель или пара. Дата: ? Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> погрудное изображение пары (?) правителей. <i>Реверс:</i> изображение креста (?) или тамги, в линейном ободке.			

№/ №	Правитель	Вес /грамм	Диам етр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные анalogии	Примечание
					 <p data-bbox="1198 582 1377 646">www.zeno.ru #181336</p>		
47	Восточный Согд. Афрасиаб. Неизвестный правитель. Дата: 1-2 четверть VII в. Медь.	3,1	2,5	<p data-bbox="801 694 1178 949"><i>Аверс:</i> погрудное изображения царя в головном уборе. Слева и справа кресты с ветвями, расширяющимися к окончаниям.</p> <p data-bbox="801 949 1178 1061"><i>Реверс:</i> тамгообразный знак в виде лиры и три надписи.</p>	 <p data-bbox="1198 1252 1657 1324">[Ртвеладзе, Ташходжаев, 1973, с. 233, рис. 1].</p>	<p data-bbox="1706 694 1982 1204">Ртвеладзе Э.В. Ташходжаев Ш.С. Об одной тюрко-согдийской монете с христианскими символами // Византийский временник. Т. 35 (60). 1973. С. 232-234. [Смирнова, 1981, с. 25. Мусакаева 1994. С. 46].</p>	<p data-bbox="2009 694 2157 1013">Найдена в 1968 г. в юго-восточной части городища Афрасиаб (пом. № 3).</p>

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
48	<p>Восточный Согд. Пенджикент. Правитель с именем Фарнбага.</p> <p>Дата: сер. VIII в.</p>	2,58	23	<p><i>Аверс:</i> погрудное изображение правителя в двойном обручеобразном головном уборе. Лицо чуть повернуто влево. Черты лица переданы отчетливо. Шея у основания охвачена украшениями с тремя крупными бусинами по середине. Остальные детали стерты.</p> <p><i>Реверс:</i> посередине, правее, внизу, вариант лирообразного знака с треугольным основанием, удлиненные боковые отростки опущены книзу. Внутри знака равноконечный крест. Надпись из двух слов полустерта; слева от знака сохранились следы третьего непрочитанного слова.</p>	<p style="text-align: center;">Тип IV*</p> <p>[Смирнова, 1981, с. 353. #1477].</p>	<p>[Смирнова, 1981, с. 353.</p> <p>Мусакаева, 1994. С. 43, 15].</p> 	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
49	<p>Восточный Согд. Пенджикент. Тургар II типа.</p> <p>Дата: сер. VIII в.</p> <p>Бронза.</p>			<p><i>Аверс:</i> погрудное изображение правителя в двойном обручеобразном головном уборе. Лицо чуть повернуто влево. Справа – крест.</p> <p><i>Реверс:</i> надпись и тамга.</p>	 <p>Рис. 115. Монета бронзовая. Объект XXVI-север, помещение 30, второй этаж, припольный слой верхнего пола.</p> <p>[Маршак, Распопова, 2003, с. 53, 176, рис. 115].</p>	<p>Маршак Б.И., Распопова В.И., 2003. Отчет о раскопках городища Древнего Пенджикента в 2001 г. МПАЭ. Вып. V. СПб., Археологические экспедиции ГЭ.</p>	<p>Объект XXVI-север, помещение 30, второй этаж, припольный слой верхнего пола. Помещение жилое.</p>

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
Северный Тохаристан							
50	Термез Анэпиграфическая монета Дата: VI- нач. VII вв. Медь.	?	?	<i>Аверс:</i> погрудное изображение правителя в три четверти вправо. Справа от него знак в виде креста или тамга (?). В правом ухе серьга. <i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга, по краю монеты ободок из крупных точек.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Т 26.</p>	<p>[Zeimal, 1994. P. 258, 1].</p> 	Впервые опубликовано Е.В. Зеймалем.
51	Термез Анэпиграфическая монета Дата: VI- нач. VII вв. Медь.	?	?	<i>Аверс:</i> погрудное изображение правителя в три четверти вправо. Справа от него знак в виде креста или тамга (?). Сверху точечный ободок. <i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга, по краю монеты точечный ободок.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html</p>	<p>[Zeimal, 1994. P. 258, 2].</p>	Впервые опубликовано Е.В. Зеймалем.

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
					Т 24.		
52	<p>Термез Анэпиграфическая монета Дата: VI- нач. VII вв. Медь.</p>	?	?	<p><i>Аверс:</i> погрудное изображение правителя в фас. Справа от него знак в виде креста на линии (опора) или тамга (?) и ободок из мелких точек. <i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга, по краю монеты ободок из крупных точек.</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Т 25.</p>	<p>[Zeimal, 1994. P. 258, 3].</p> 	<p>Впервые опубликовано Е.В Зеймалем.</p>
<p>Уструшана</p>							

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
53	Правитель Раханч. Дата: VI-VII вв. Бронза. (чрезвычайно редкая)	?	?	<i>Аверс:</i> погрудное изображение головы правителя в три четверти вправо. На голове крылатый венец. В ушах серьги. <i>Реверс:</i> в центре У-образный знак-тамга и равноконечный крест. Справа и слева согдийская легенда: «Господин Раханч».	 Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Us7	Аналогичная монета опубликована: Смирнова, 1981. С. 334. # 1432 (см. ниже)	
54	Правитель Раханч. Обнаружена: Шахристан, городище Кахкаха 1 (IV, пом. 4). Дата: VI- нач. VII в. Бронза.	1,4	20	<i>Аверс:</i> погрудное изображение головы правителя в три четверти вправо. На голове крылатый венец. Над центром венца полумесяц с точкой посередине. В ушах серьги. <i>Реверс:</i> в центре У-образный знак (монограмма – состоящая из двух совмещенных знаков. Слева от знака изображен равноконечный крест (несторианский). Знак и крест обрамлены двухстрочной надписью <i>ry'nc/MR'Y</i>	 [Смирнова, 1981, с. 334. # 1432] 	[Смирнова, 1981. С. 334. # 1432]. [Смирнова, 1971. Эпиграфика Востока, XX. С. 62 (5)]. [Мусакаева, 1994, с. 43, 13]. [Грицина, 2018. С. 150, рис. 30].	Раскопки Н. Негматова (1967 г.)

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				«Господин Раханч». Все в точечном полустертом ободке. По: Смирнова, 1981. С. 334. # 1432	[Смирнова, 1981, с. 484, # 1432].		
55	Правитель Раханч. Дата: VI-VII вв. (по А.А. Мусакаевой) Бронза.	?	?	<i>Аверс:</i> погрудное изображение головы правителя вправо. На голове крылатый венец. Над центром венца полумесяц с точкой посередине. <i>Реверс:</i> в центре У-образный знак (монограмма – состоящая из двух совмещенных знаков. Слева от знака изображен равноконечный крест (несторианский). Знак и крест обрамлены двухстрочной надписью <i>ry'nc/MR'Y</i> «Господин Раханч». Все в точечном полустертом ободке.	 [Мусакаева, 1994, с. 43, 14].	[Мусакаева, 1994. С. 43, 14].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
56	Правитель Раханч. Дата: VI- нач. VII в. Медь (?)	1,6	?		 www.zeno.ru #56073	[Смирнова, 1981. С. 484. # 1433]. 	
57	Правитель Раханч. Дата: VI- нач. VII в. Медь (?)	?	?		 www.zeno.ru #215246	[Смирнова, 1981. С. 484. #1432, 1433].	
58	Правитель Сатачари. Дата: VI-VII вв. Бронза (?)	1,46	19,7		 www.zeno.ru #36622	[Смирнова, 1981. С. 328, # 1422].	По Смирновой: Сатачари, тип I, но без креста.

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
Чач							
59	Неизвестный правитель. Анэпиграфическая монета Дата: VII-VIII вв. Бронза. (чрезвычайно редкая)	1,4	17,9	<i>Аверс:</i> погрудное изображение правителя в фас, в окружении точечного ободка. С левой стороны от изображения правителя крест с удлиненной нижней частью. Лицо правителя ровной овальной формы, изображение выполнено аккуратно, видны детали головного убора и костюма. <i>Реверс:</i> изображена тамга в точечном ободке.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 17.</p>	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 63, 32].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
60	Неизвестный правитель. Анэпиграфическая монета Дата: VII-VIII вв. Бронза. (чрезвычайно редкая)	1,2	17,6	<p><i>Аверс:</i> изображение правителя в фас в окружении точечного ободка. Изображение выполнено аккуратно, с четкими чертами лица. На голове головной убор из мелких точек, в ушах серьги. Справа от правителя крест.</p> <p><i>Реверс:</i> тамга в окружении точечного ободка.</p> <p>Монеты этого варианта отличаются грубым изображением портрета правителя. Монетный кружок неправильной формы. С обломанными, необработанными после литья заготовки краями. Изображение в большинстве случаев попадает на монетный кружок фрагментарно.</p> <p>Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 18.</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 18.</p>	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 65, 34].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
61	Неизвестный правитель. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (редкая)	1,7	20,9	<i>Аверс:</i> погрудное изображение двух персонажей: мужчины и женщины. Лица повернуты в три четверти поворота друг к другу. Как у правителя, так и у правительницы черты лица у четко прослежены. На головах головной убор или волосы, в ушах серьги. <i>Реверс:</i> в центре монеты тамга в окружении согдийской легенды. В центре тамги изображен маленький равноконечный крест. По краю монеты прослежен ободок из крупных точек.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 70.</p>	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 195, 186].	
62	Правитель Хванурк. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (редкая)	1,6-2,8 (средний вес)	18,2-20,9	<i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти вправо. Вокруг точечный ободок. Справа от правителя равноконечный крест. Изображение правителя монголоидного типа, в левом ухе серьга. На голове головной убор.		[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 201, 192].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				<p><i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга, в окружении согдийской легенды. Легенда читается с внутренней стороны монетного кружка справа налево и состоит из трех слов - <i>xwnyrk c'cynk xwβw</i> – Хванурк (Хвнурк) Чачский правитель.</p> <p>Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 75.</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 75.</p>		
63	Правитель Чача. Дата: VII в. Бронза.	?	?	<p><i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти вправо. Лицо монголоидного типа. Волосы убранны назад и собраны, на лбу лента, или головной убор. Напротив лица равноконечный крест. Все в мелкоточечном ободке.</p> <p><i>Реверс:</i> нет изображения.</p>	 <p>Ртвеладзе, 1999, с. 76.</p>	<p>Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. Энциклопедический справочник: Древность и раннее средневековье. Ташкент. 1999. С. 76.</p> <p>Savchenko A.V. Ostliche Urkirche in Usbekistan. In: Antike Welt, Philipp von Zabern, Mainz, 2/2010. С. 76.</p>	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
64	Правитель Ниртанак. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (обычная)	1,9-2,2 (средний вес)	18,5-20	<p><i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти оборота вправо, в окружении точечного (овал) ободка. Изображение монголоидного типа, с крупными чертами лица и усами. В левом ухе массивная серьга, на голове головной убор с навершием в виде полумесяца. Справа от правителя крест-свастика.</p> <p><i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга в окружении согдийской легенды. Легенда читается с внутренней стороны монетного кружка справа налево и состоит из трех слов – <i>z/nyrtnk c'cynk xwβw</i> – Ниртнк (Ниртанак) (Зиртнк, Зиртанак) Чачский правитель.</p> <p>Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 76.</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 76.</p>	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 205, 201].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
65	Правитель Ниртанак. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (редкая)	1-1,2 Монеты пониженного веса и размера. Штемпель или матрица также меньшего размера, чем у предыдущих вариантов.	15,3-15,7	<i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти оборота вправо, в окружении точечного ободка. У правителя монголоидный тип лица, усы, в левом ухе массивная серьга, на голове гладкий головной убор с навершием в виде полумесяца. Справа от правителя крест-свастика. <i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга в окружении согдийской легенды.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 77.</p>	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 206, 206].	
66	Неизвестный правитель. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (необычная)	1,4-2,6 (средний вес)	15,3-20,4	<i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти оборота вправо, в окружении ленточного ободка. У правителя крупные черты лица, четко обозначены, в правом ухе массивная серьга, на голове головной убор. Справа у лица равноконечный крест.		[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 217, 220].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				<p><i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга, в окружении согдийской легенды. Легенда читается с внутренней стороны монетного кружка и выполнена в зеркальном отражении – <i>tdwn xwβ c'sunk</i> – тудун Чачский правитель.</p> <p>Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 82.</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 82.</p>		
67	Неизвестный правитель. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (редкая)	1,4-2,6 (средний вес)	15,3-20,4	<p><i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти оборота вправо, в окружении ленточного ободка. У правителя крупные черты лица, четко обозначены, в правом ухе массивная серьга, на голове головной убор. Справа у лица равноконечный крест.</p> <p><i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга, в окружении согдийской легенды. Легенда читается с внутренней стороны монетного кружка и выполнена в зеркальном отражении – <i>tdwn xwβ</i></p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 83.</p>	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 217, 221].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				<p><i>c'synk</i> – тудун Чачский правитель. Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 83.</p>			
68	<p>Неизвестный правитель. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (очень редкая)</p>	1,4-2,6 (средний вес)	15,3-20,4	<p>Аверс: портрет правителя в три четверти оборота вправо, в окружении ленточного ободка. У правителя крупные черты лица, четко обозначены, в правом ухе массивная серьга, на голове головной убор. Справа у лица знак в виде точки. <i>Реверс</i>: в центре монеты знак-тамга, в окружении согдийской легенды. Легенда читается с внутренней стороны монетного кружка и выполнена в зеркальном отражении – <i>tdwn xwb</i> <i>c'synk</i> – тудун Чачский правитель. Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 84.</p>	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 218, 224].	<p>У монет этого варианта нет изображения креста справа перед лицом правителя, его заменяет знак в виде точки. Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 84.</p>

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				Ch 84.			
69	Правитель Сачак. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (чрезвычайно редкая)	?	?	<p><i>Аверс:</i> изображение хищного животного (лев, барс), идущего влево с поднятой правой лапой. Хвост опущен. Грива передана точками. По краям монеты точечный ободок.</p> <p><i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга, над ним крест-свастика. По бокам от тамги согдийская легенда.</p> <p>Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 92.</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 92.</p>	Неопубликованная Тип 7, вариант 1 по Шагалову, Кузнецову.	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
70	Правитель Сачак (Сочак или Стачак). Дата: VII-VIII вв. Бронза. (необычная)	0,7-1,3 (средний вес)	13,3-14,4	<i>Аверс:</i> изображение хищного животного (лев), идущего влево с поднятой правой лапой в окружении точечного ободка. <i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга, сверху и снизу согдийская легенда. С правой стороны от тамги изображен крест-свастика. Легенда читается частично с внутренней и частично с внешней стороны монетного кружка, справа налево и состоит из двух слов – <i>хххwβww st/wck</i> – правитель Соч(а)к или Ст(а)ч(а)к. Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 93.	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 93.</p>	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 231, 237]. Тип 7, вариант 1.	На оригинале плохо видно крест-свастику.
71	Правитель Сачак (Сочак или Стачак). Дата: VII-VIII вв. Бронза. (необычная)	0,7-1,3 (средний вес)	13,3-14,4	<i>Аверс:</i> изображение хищного животного (лев), идущего влево с поднятой правой лапой в окружении точечного ободка. <i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга, сверху и снизу согдийская легенда. С		[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 231, 242]. Тип 7, вариант 1.	На оригинале плохо видно крест-свастику.

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				<p>правой стороны от тамги изображен крест-свастика. Легенда читается частично с внутренней и частично с внешней стороны монетного кружка, справа налево и состоит из двух слов – <i>хwxwβww st/wck</i> – правитель Соч(а)к или Ст(а)ч(а)к.</p> <p>Различие между вариантами монет этого типа в следующем: первый вариант отличается от второго расположением легенды на монете.</p> <p>Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 93.</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 94.</p>		
72	<p>Неизвестный правитель. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (редкая)</p>	0,6-0,9 (средний вес)	14,1-14,8	<p><i>Аверс</i>: портрет правителя в три четверти оборота вправо в окружении линейного ободка. У правителя монголоидный тип лица, усы и крупная серьга в левом ухе. На голове головной убор в виде короны, увенчанной полумесяцем. Справ от</p>		[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 253, 270].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				<p>правителя изображен равноконечный крест. <i>Реверс:</i> в центре монеты тамга в окружении согдийской легенды.</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 106.</p>		
73	<p>Неизвестный правитель. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (необычная)</p>	0,8-1,2 (средний вес)	12,1-15,5	<p><i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти оборота в линейном ободке. Черты лица монголоидного типа, выполнены грубо и схематично, в левом ухе серьга, на голове головной убор. Справа от лица правителя изображен знак, по аналогии с вышеприведенным примером, вероятно, это крест. <i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга в окружении согдийской легенды. Легенда читается с внутренней стороны</p>	 <p>Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html</p>	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 255, 274].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				монетного кружка справа налево и состоит из двух/трех слов – <i>c('cy) nk xwβ</i> – Чачский правитель. Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 107.	Ch 107.		
74	Неизвестный правитель. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (очень редкая)	0,9 (средний вес)	14,4	<i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти оборота влево. По краю монеты точечный ободок. У изображения монголоидный тип лица, в ушах массивные серьги, на голове головной убор в виде короны увенчанной тремя полумесяцами. Слева от правителя изображен равноконечный крест с заостренными концами. <i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга в окружении согдийской легенды. Легенда читается с внутренней стороны монетного кружка, состоит из двух/трех слов, и, возможно, читается в	 Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 108.	[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 257, 278].	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				зеркальном отражении – <i>xwβ c'cynk</i> – правитель Чача. Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 108.			
75	Неизвестный правитель. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (очень редкая)	0,8-1,1 (средний вес)	13,3-14,2	<i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти оборота влево, в окружении точечного ободка. В правом ухе серьга, на голове украшение с навершием в виде трех полумесяцев. <i>Реверс:</i> ближе к нижнему краю монетного кружка монеты знак-тамга в окружении согдийской легенды. Сверху. Над тамгой равноконечный крест. Легенда читается с внутренней стороны монетного кружка справа налево, и попадает на монетный кружок фрагментарно -βуу γ'γ'n -божественный (?) каган. Описание монеты:		[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 273, 303].	
				Ссылка на: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 113.			

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
				http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 113.			
76	Неизвестный правитель. Дата: VII-VIII вв. Бронза. (редкая)	0,8-0,9 (средний вес)	11,8-12,5	<i>Аверс:</i> портрет правителя в три четверти оборота вправо в окружении точечного ободка. У правителя монголоидный тип лица, в ушах массивные серьги, на голове башлыкообразный головной убор. <i>Реверс:</i> в центре монеты знак-тамга в окружении согдийской легенды. В верхней части монетного кружка, над тамгой равноконечный крест. Легенда читается с внутренней стороны монетного кружка справа налево. Описание монеты: http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html Ch 115.		[Шагалов, Кузнецов, 2006. С. 276, 309].	

Ссылка на:
<http://www.sogdcoins.narod.ru/sogdiana/coins.html>
Ch 115.

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
Ташкентская обл.							
77	Городище Каршаул-тепа VII-IX вв.			<i>Аверс:</i> хищник, идущий влево. <i>Реверс:</i> равносторонний крест, обрамленный кружками.	 http://www.exploration- eurasia.com/inhalt_english/frameset_7.html	http://www.exploration- eurasia.com/inhalt_english/frameset_7.html	Раскопки К.А. Шейко.
Хорезм							
1	Азкаквар II Дата: конец VIII в. Серебро.	1,39	25	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда: MR'Y MLK' wy/zk'nsw'r	 www.zeno.ru #71095	Б.И. Вайнберг. Монеты Древнего Хорезма. Москва, 1977. С. 1-193. Тип ГVIa. [Вайнберг, 1977, таблица XXIV]	Монета с тремя надписями и на Хорезмийском, Согдийском и Арабском. Последний царь Хорезма

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
							Азкаквар-Абдалах.
2	Азкаквар II Дата: конец VIII Серебро.	2,47	24,5	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsu'r. Между лентами царя равноконечный крест. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником равноконечный крест.	 www.zeno.ru #96562		
3	Азкаквар II Дата: конец VIII Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsu'r. Между лентами царя равноконечный крест. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником равноконечный крест в виде точек.	 www.zeno.ru #99986		

№/ №	Правитель	Вес /грамм	Диам етр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналоги	Примечание
4	Аззацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя равноконечный крест. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда.	 www.zeno.ru #99987		
5	Аззацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя равноконечный крест. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником равноконечный крест.	 www.zeno.ru #99988		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
6	Азцацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником вместо креста четыре точки.	 www.zeno.ru #99989		
7	Азцацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником четыре точки.	 www.zeno.ru #99990		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
8	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником вместо креста две точки.	 www.zeno.ru #99991		
9	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя равноконечный крест. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником вместо креста точки.	 www.zeno.ru #99993		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
10	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Между лентами царя равноконечный крест.</i> <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда.	 www.zeno.ru #99994		
11	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником равноконечный крест.	 www.zeno.ru #99995		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
12	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	27	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником знак, похожий на свастику.	 www.zeno.ru #123415		
13	Нижняя Сырдарья. Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	26	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя три точки. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником равноконечный крест в виде четырех точек.	 www.zeno.ru #123416		

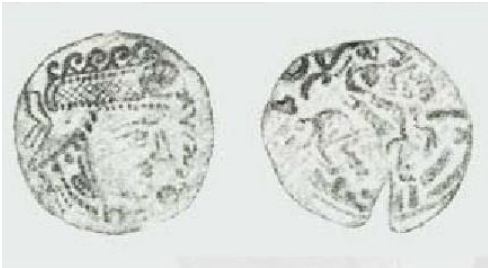

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
14	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	2,58	27	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя плохо читаемый знак. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником равноконечный крест в виде точек.	 www.zeno.ru #132163		
15	Нижняя Сырдарья (Южный Казахстан) Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	2,15	25	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником вместо креста три точки.	 www.zeno.ru #132540		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
16	Нижняя Сырдарья. Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	?	28	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя равноконечный крест в виде точек. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником точка в круге.	 www.zeno.ru #123417		
17	Нижняя Сырдарья. Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	2,19	25	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя равноконечный крест. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником равноконечный крест.	 www.zeno.ru #158796		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
18	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	2,35	?	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя равноконечный крест. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда.	 www.zeno.ru #181340		
19	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	2,91		<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя равноконечный крест. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником равноконечный крест.	 www.zeno.ru #181341		

№/ №	Правитель	Вес /грамм	Диам етр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные анalogии	Примечание
20	Азқацвар II Дата: конец VIII Серебро.	2,5	25	<p><i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя равноконечный крест из трех точек.</p> <p><i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда.</p>	 <p>www.zeno.ru #199470</p>		
21	Азқацвар II Дата: конец VIII Серебро.	2,43	?	<p><i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя три точки.</p> <p><i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником равноконечный крест в виде лепестков с точкой внутри.</p>	 <p>www.zeno.ru #229316</p>		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
22	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	2,06	26	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. Между лентами царя равноконечный крест. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда.	 www.zeno.ru #70246		
23	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.	2,30	26	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда. За всадником три точки.	 www.zeno.ru #98765		

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
24	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.		23	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда: MR'Y MLK' wy/zk'nsw'r	 www.sogcoins.narod.ru #Kh59	[Вайнберг, 1977, таблица XXIV]. Тип ГVIa.	
25	Азгацвар II Дата: конец VIII Серебро.		22	<i>Аверс:</i> Бюст безбородого царя в короне вправо. Перед лицом согдийская легенда, имя царя: 'k'nsw'r. В области лет царя маленький равноконечный крестик в виде лепестков. <i>Реверс:</i> Всадник в центре. Слева тамга, вокруг хорезмийская легенда: MR'Y MLK' wy/zk'nsw'r Слева над лошадью арабская надпись.	 www.sogcoins.narod.ru #Kh60	[Вайнберг, 1977, таблица XXIV]. Тип ГVIб	

№/№	Правитель	Вес /грамм	Диаметр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные аналогии	Примечание
26	Неизвестны правитель. Дата: конец VIII в. Медь.		20	<i>Аверс:</i> Лошадь вправо. Вверху знак свастики. <i>Реверс:</i> по типу аббасидского чекана с символом веры в центре и круговой легендой.	 www.sogcoins.narod.ru #Kh61	[Вайнберг, 1977, таблица XXX]. Тип Г15	
Семиречье							
1	Городище Ак-Бешим, об. X, раскоп 2. Парный портрет царственной четы. Дата: VIII-IX вв. Золото.	0,45	17	Аверс: двойной погрудной портрет мужчины в диадеме (слева) и женщины (?) (справа) в фас. По окружности круг из перлов. Край диска с выпуклым бортиком в 1 мм. Над головой мужчины изображение равностороннего креста.		Ведутова Л.М., Куримото Ш. Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. Бишкек, 2014. С. 133-136, рис. 22.	Солид использовался как кулон. Верхняя часть диска была деформирована.

№/ №	Правитель	Вес /грамм	Диам етр /мм	Описание монеты	Изображение	Опубликованные анalogии	Примечание
				<p>Над головой женщины аналогичный крест, но лопасти его не так четко выражены. Головы наклонены друг к другу. Одежда представлена выраженными горизонтальными складками - тронная мантия.</p>	<p>[Ведутова. Куримото, 2014, рис. 22].</p>		

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

МИХЕЕВА АННА АНДРЕЕВНА

**ХРИСТИАНСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ (IV В. – НАЧ. XIII В.)**

Исторические науки

Специальность:

5.6.3. – Археология

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Том III

Научный руководитель:

Никонов В.П.

Кандидат исторических наук, ст.н.с

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том III

Приложение 2. Иллюстрации

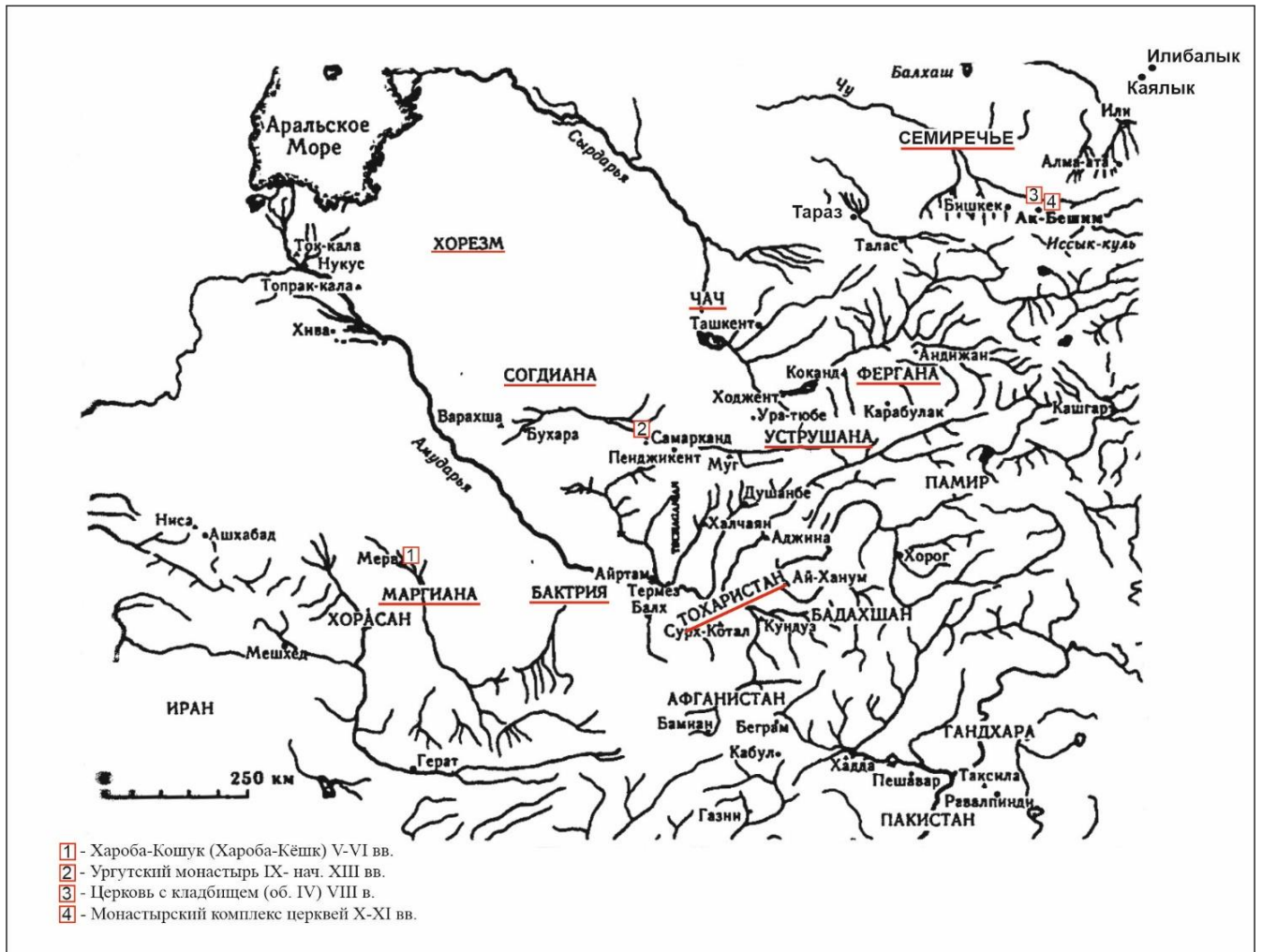

Рис. 1. Карта Средней Азии [Семенов, 2002, с. 5, рис. 1].

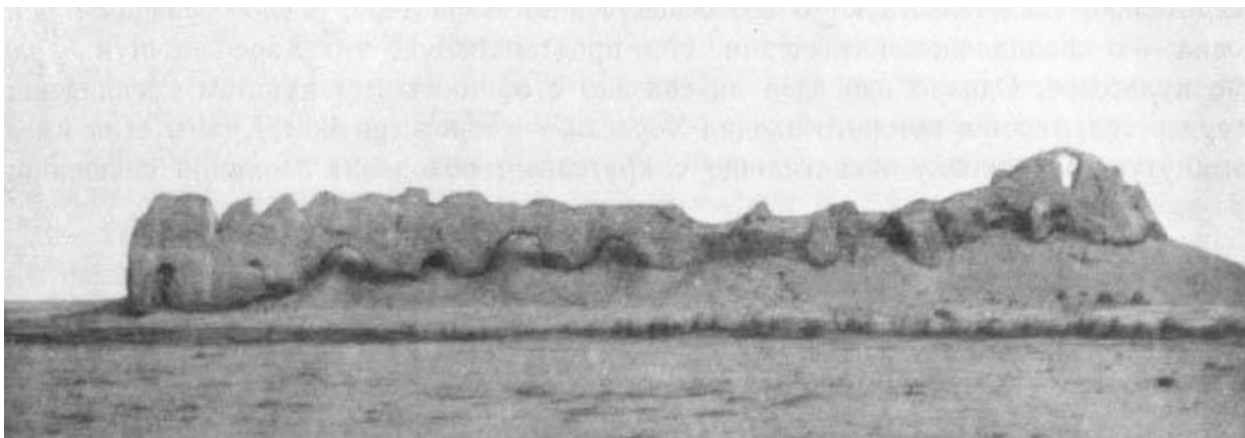

Рис. 2. Хароба-Кошук. Вид на памятник в 1951 г. [Пугаченкова, 1958, с. 127].

Рис. 3. Хароба-Кошук. Вид на памятник с юго-запада в 1966 г. [Дресвянская, 1968b, ал. ил., с. 26, рис. 86].

Рис. 4. Хароба-Кошук. Вид на памятник с северо-востока в 1966 г. [Дресвянская, 1968b, ал. ил., с. 26, рис. 87].

Рис. 5. Хароба-Кошук. Юго-западный фасад памятника в 1981 г. [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 25].

Рис. 6. Хароба-Кошук. Западный угол и юго-западный фасад памятника в 1981 г. [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 22].

Рис. 7. Хароба-Кошук. Юго-восточный фасад памятника в 1981 г. [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 18].

Рис. 8. Хароба-Кошук. Юго-восточный фасад памятника в 1981 г. Детали [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 19].

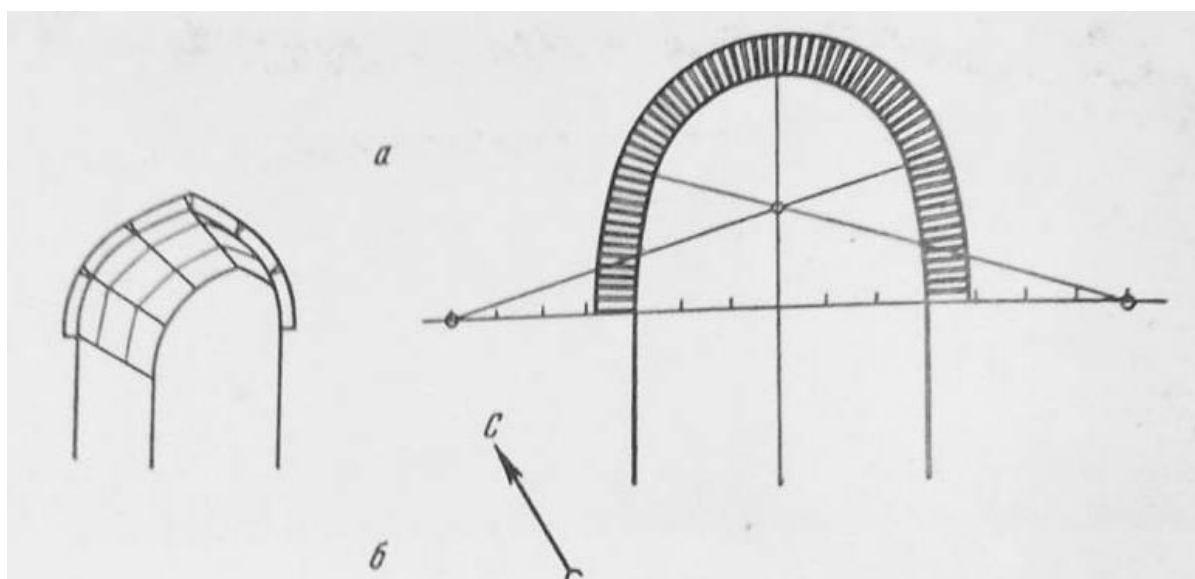

Рис. 9. Типы арок по Г. А. Пугаченковой [Пугаченкова, 1958, с. 128].

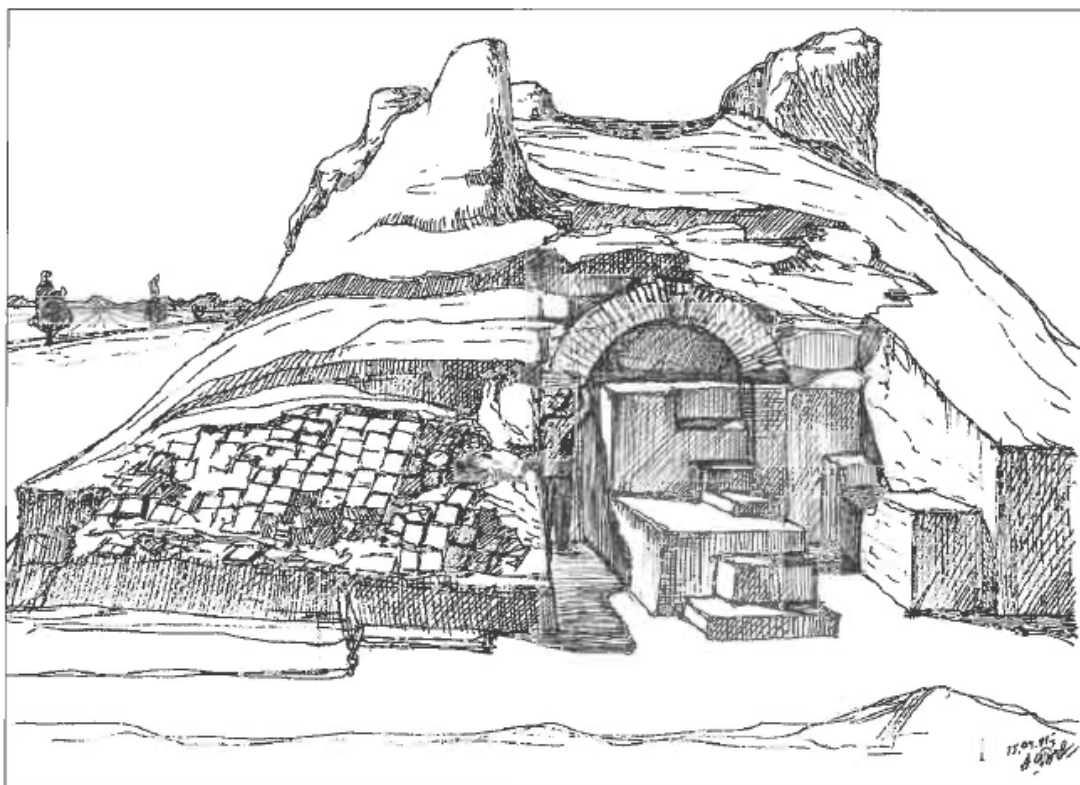

Рис. 12. Хароба-Кошук. Процесс раскопок. Рисунок Аннамурата Оразова [Rossi Osmida, 2011, p. 152, Fig. 7].

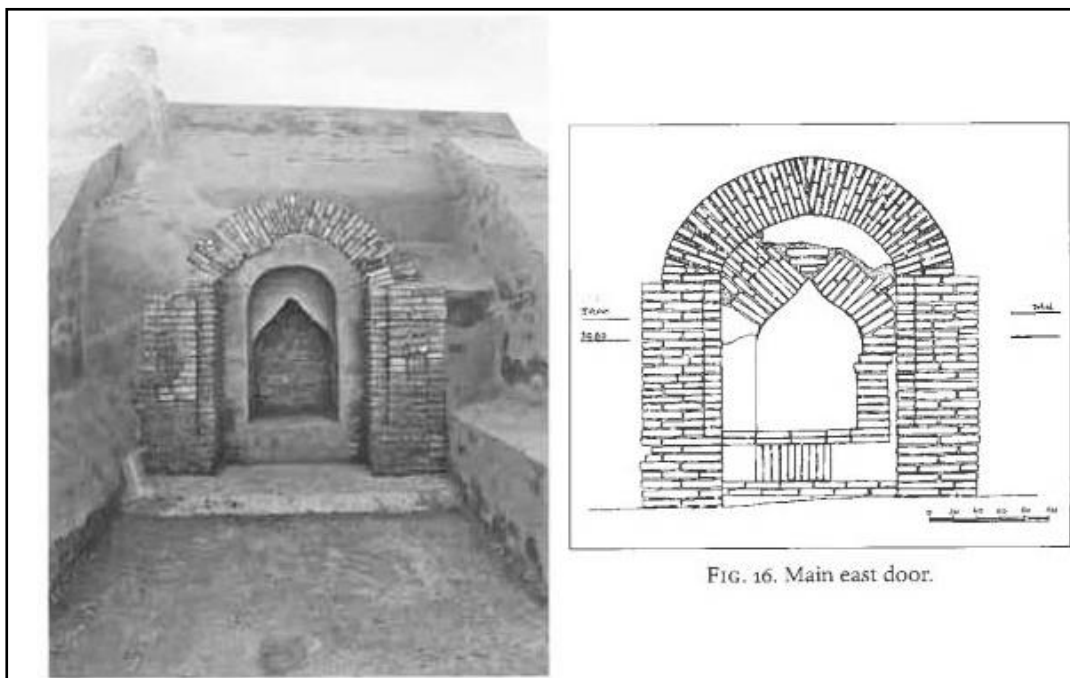

Рис. 13. Хароба-Кошук. Главные восточные ворота. Фото и рисунок [Rossi Osmida, 2011, p. 160, Fig. 15, Fig. 16].

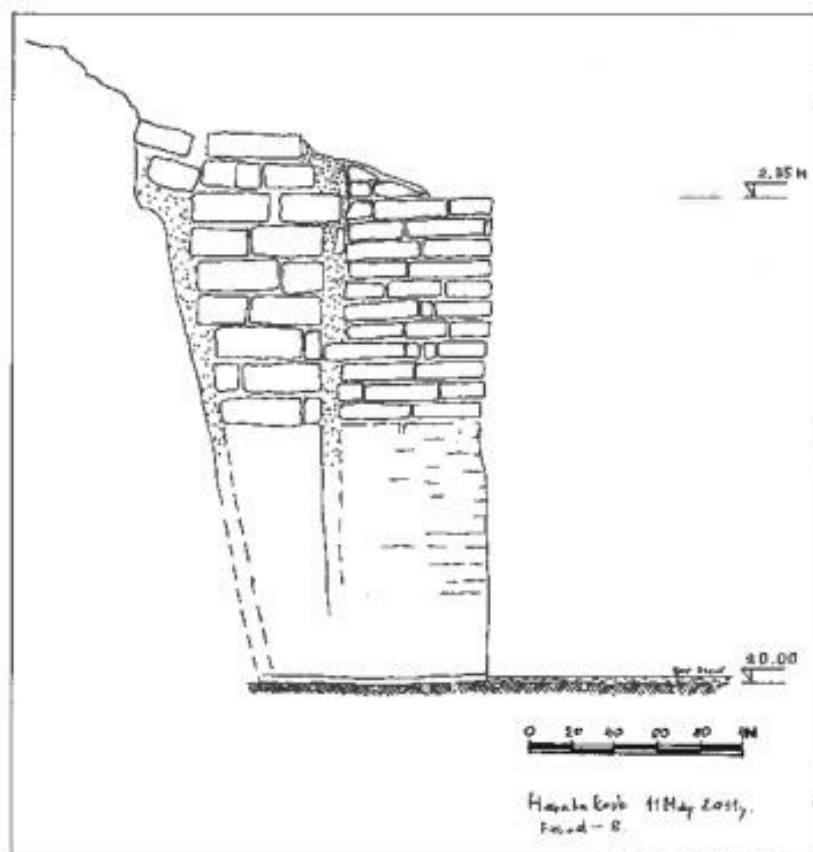

Рис. 14. Хароба-Кошук. Южная стена, построенная в сельджукскую эпоху [Rossi Osmida, 2011, p. 158, Fig. 14].

156

Gabriele Rossi Osmida

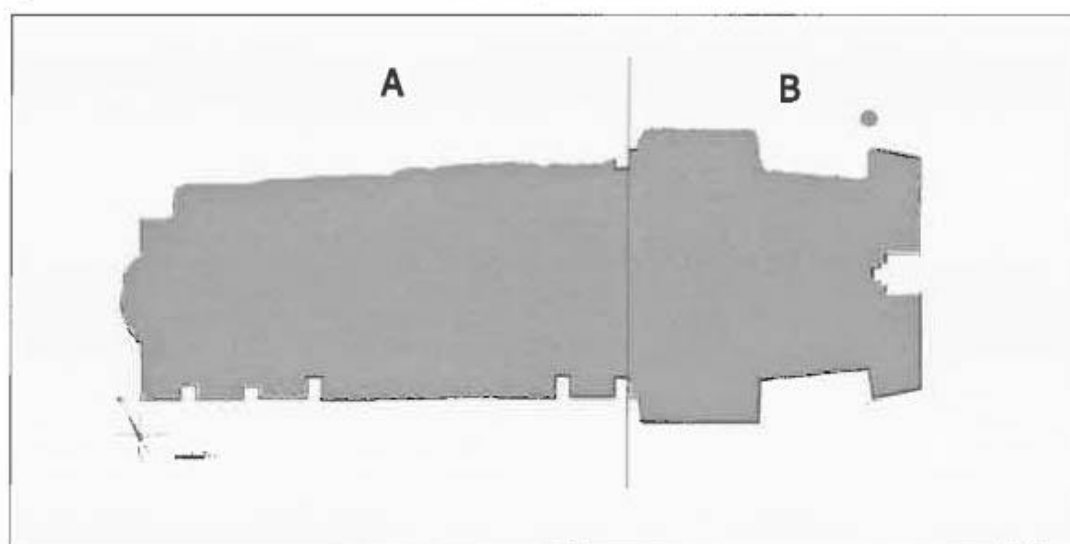

FIG. 11. Plan of the Haroba Kosht. In evidence the two Buildings.

Рис. 15. План Хароба-Кошук после исследовательских работ Г. Росси Осмиды [Rossi Osmida, 2011, p. 156, Fig. 11].

Рис. 16. Фрагмент кирпича с клеймом в виде отпечатка руки [Rossi Osmida, 2011, p. 172, Fig. 22].

Рис. 17. Керамическая форма для отливки крестов и подвесок, обнаруженная в слое VII в. [Никитин, 2001, с. 39].

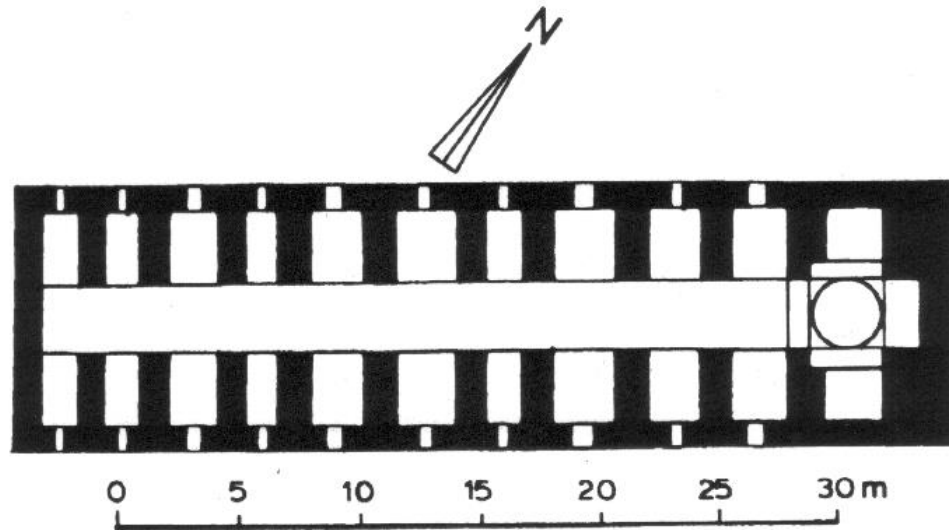

Рис. 18. План Хароба-Кошук по А. Высоцкому [Хмельницкий, 2000, с. 242, рис. 257].

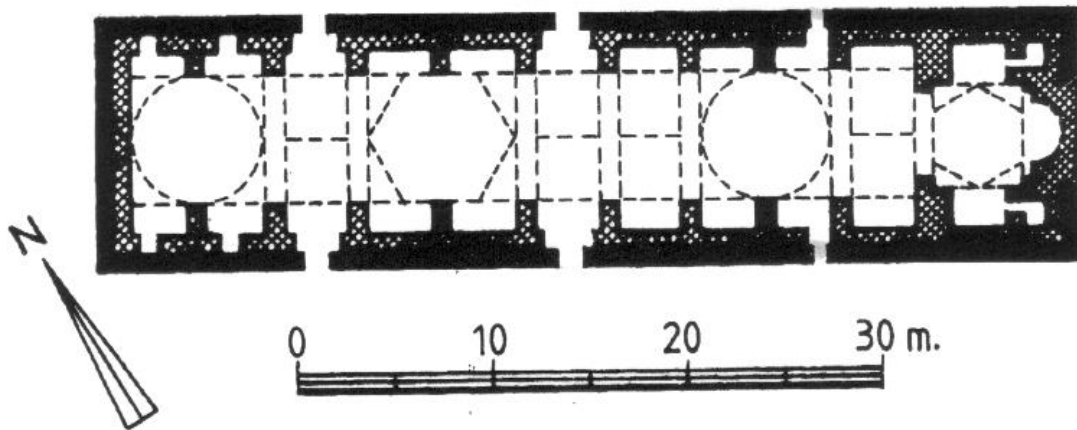

Рис. 19. План Хароба-Кошук по Г.А. Пугаченковой с реконструкцией С. Хмельницкого [Хмельницкий, 2000, с. 242, рис. 258].

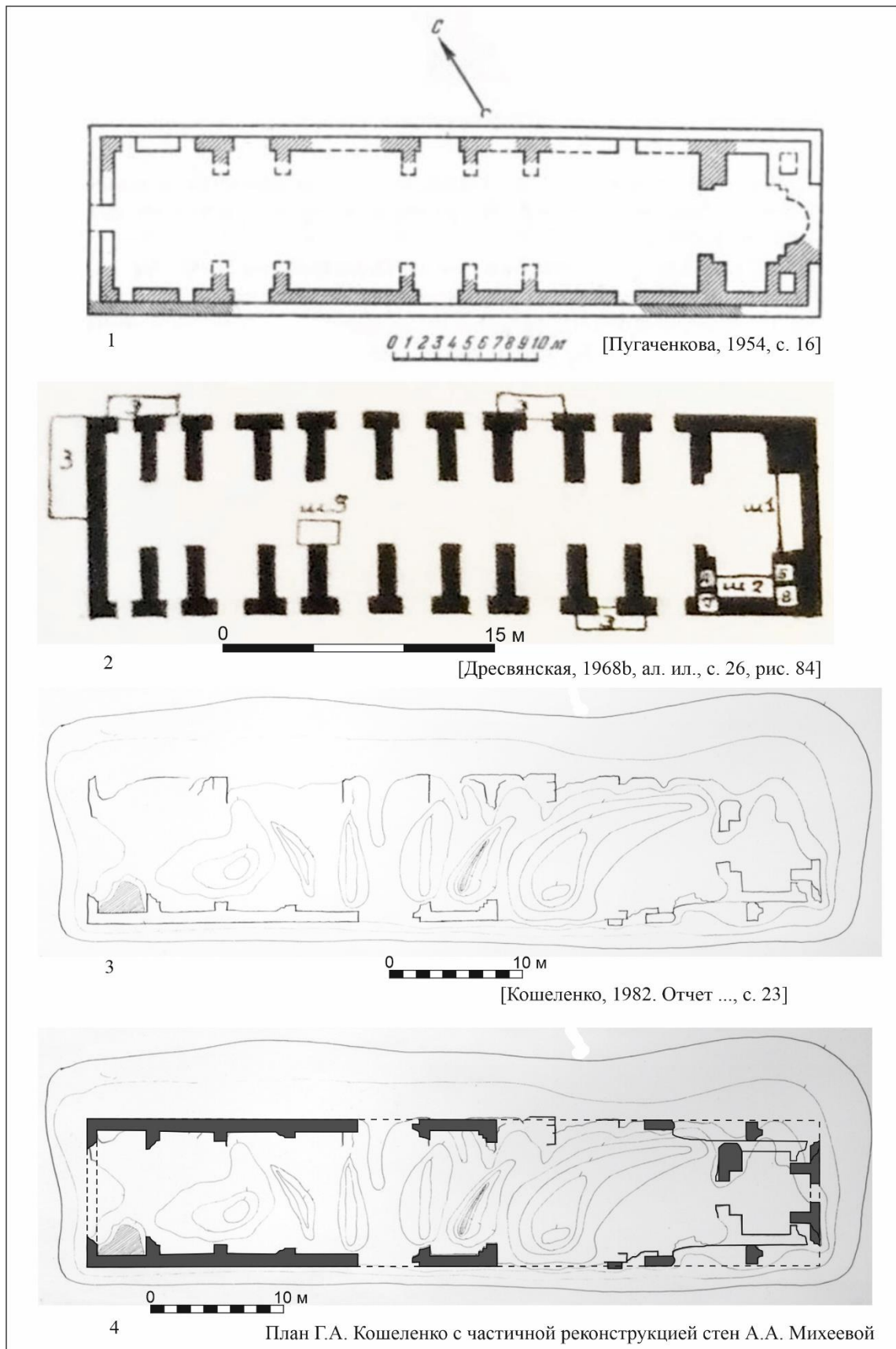

Рис. 20. Хароба-Кошук. 1 – план памятника по Г.А. Пугаченковой; 2 – план памятника по Г.Я. Дресвянской; 3 – план памятника по Г.А. Кошеленко; 4 – план памятника с частичной реконструкцией стен А.А. Михеевой.

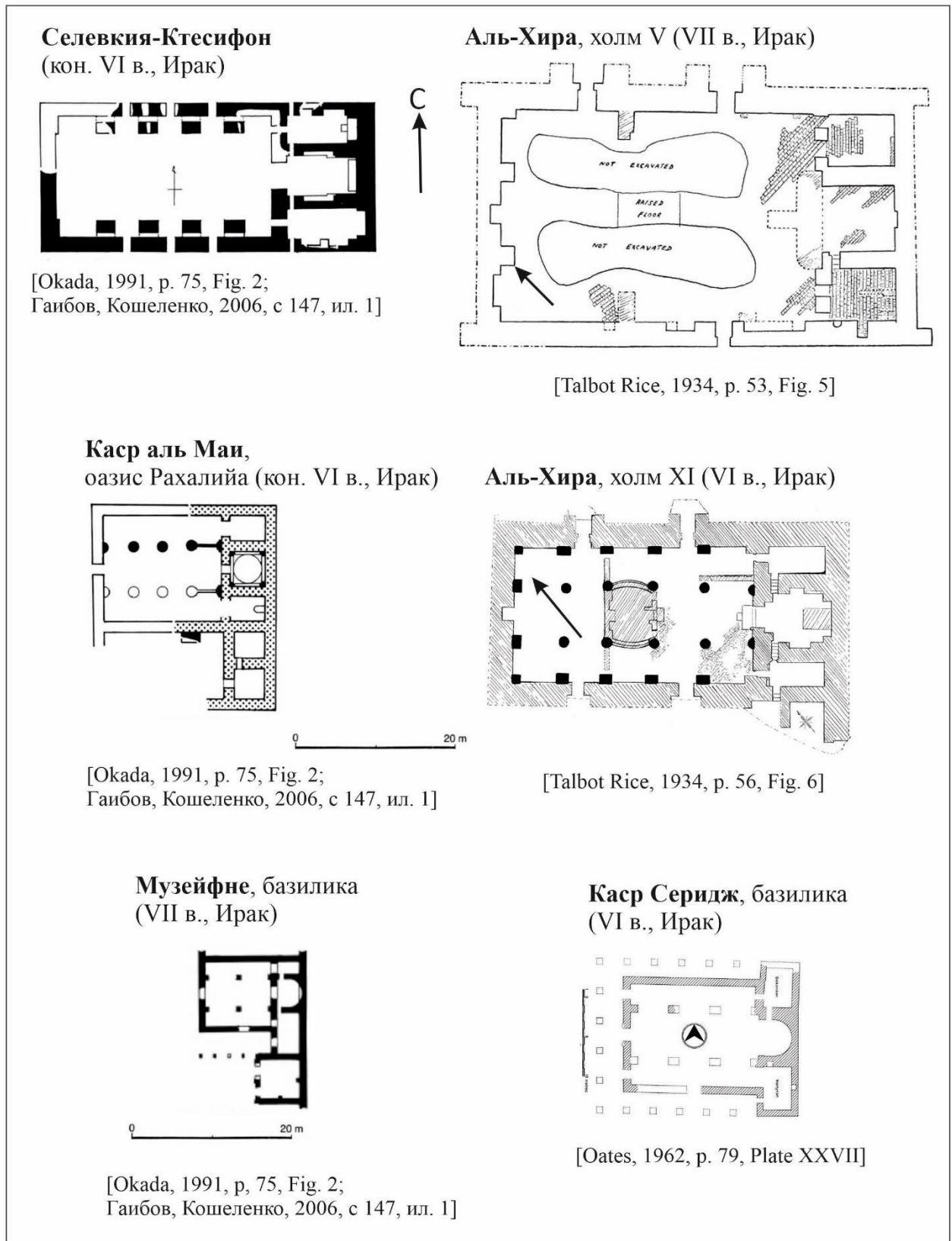

Рис. 21. Раннехристианские церкви Ирака.

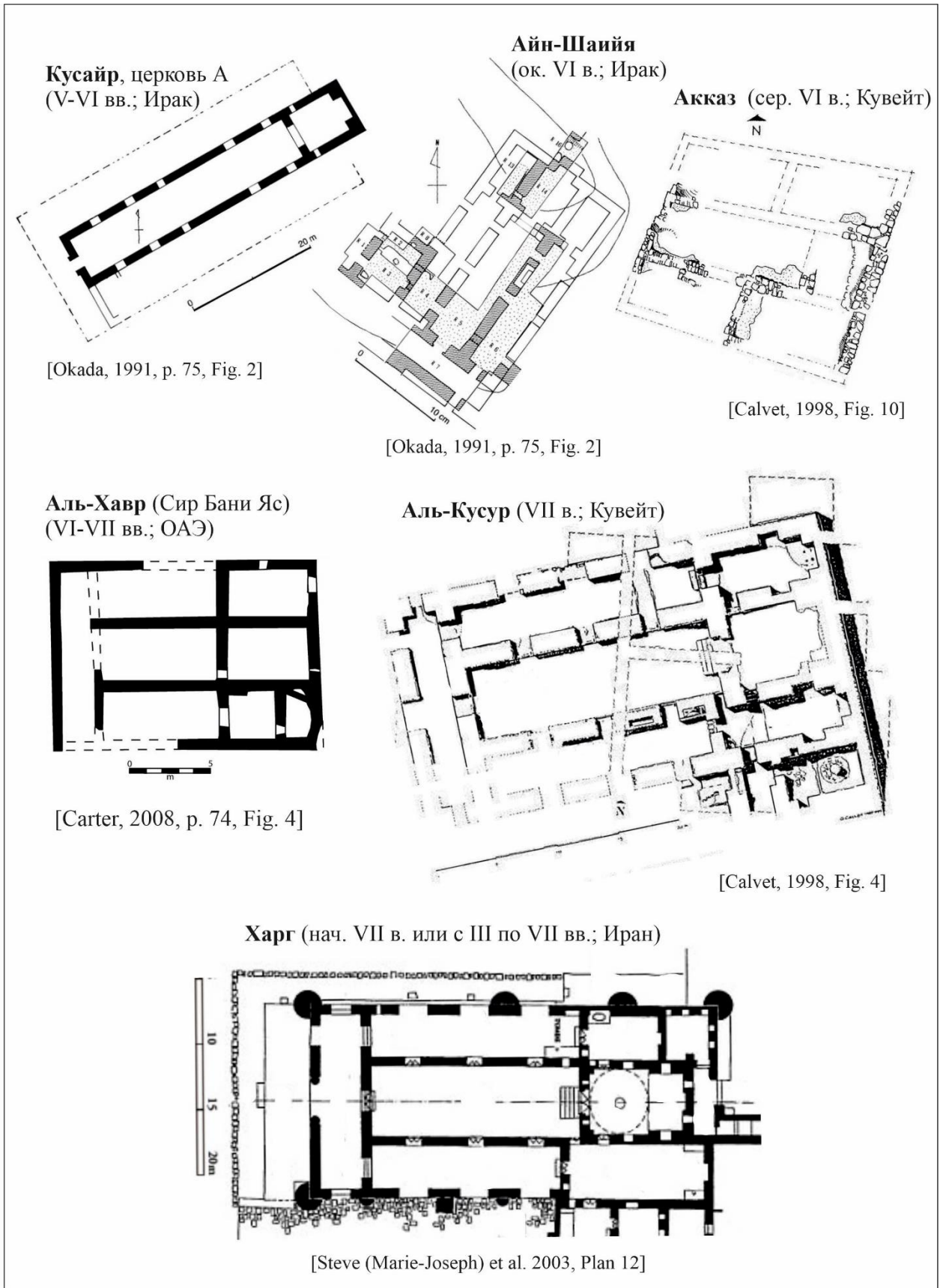

Рис. 22. Раннехристианские церкви Ирака, прибрежных областей Персидского залива и Ирана.

Рис. 23. Ирак. Аль-Хира. Холм XI. Юго-восточная часовня церкви. VII в. [Talbot Rice, 1934, p. 56, Fig. 7].

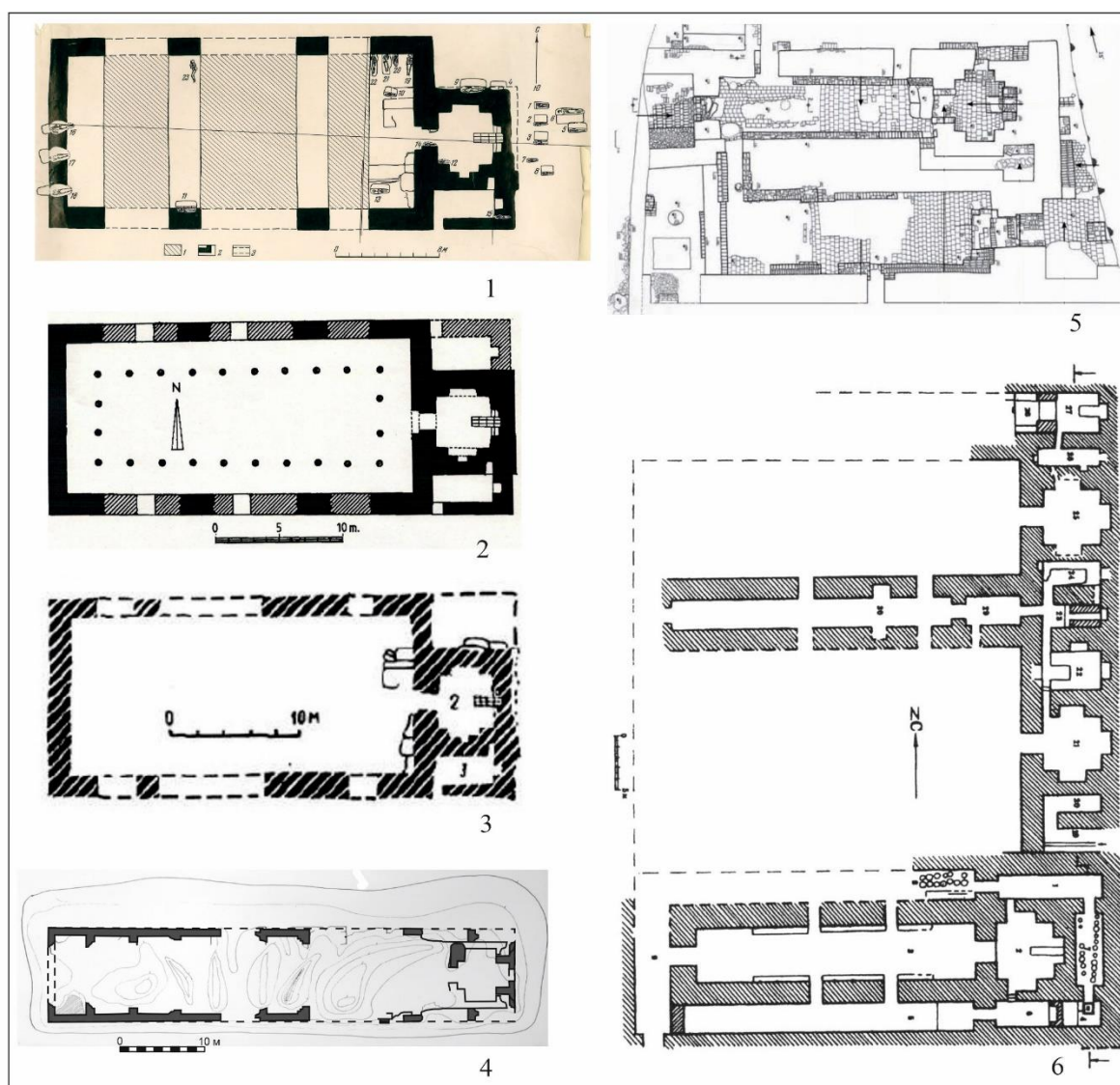

Рис. 24. Христианские церкви в Средней Азии: 1 – Ак-Бешим (Кыргызстан). План церкви с погребениями (об. IV). Фото из личного архива Л.Р. Кызласова [Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н].

2 – Ак-Бешим (Кыргызстан). План церкви (об. IV) с реконструкцией С. Хмельницкого [Хмельницкий 2000, с. 246, рис. 262].

3 – Ак-Бешим (Кыргызстан). План церкви (об. IV) с реконструкцией В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой [Горячева, Перегудова 1994, с. 86, рис. 18].

4 – Хароба-Кошук (Туркмения). План церкви по Г.А. Кошеленко с частичной реконструкцией стен [Кошеленко, 1982. Отчет ..., с. 23; Михеева (Китаева) 2019, с. 160, рис. 2, 4].

5 – Ургутский монастырь (Узбекистан). План комплекса церквей по А.В. Савченко [Savchenko, 2010, p. 78, abb. 6].

6 – Ак-Бешим (Кыргызстан). Комплекс церквей (об. VIII) по Г.Л. Семенову [Семенов 2002, с. 100, рис. 60, 1].

Рис. 25. «Овальный» дом. Общий вид раскопа [Дресвянская, 1968б. Альбом ил., с. 13, рис. 42].

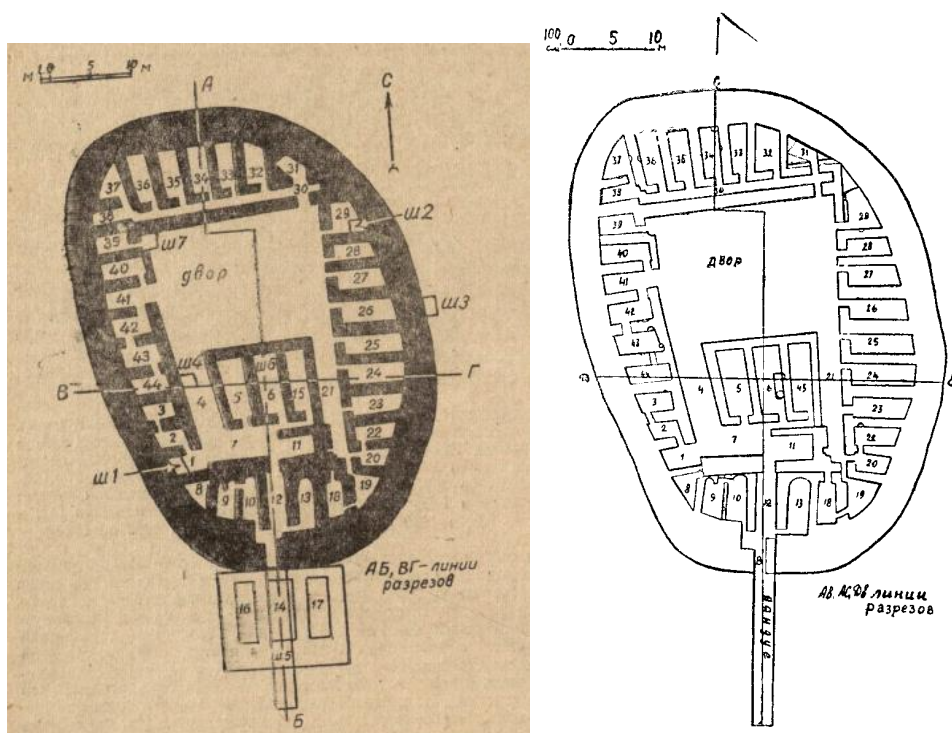

Рис. 26. «Овальный» дом. Планы памятника 1961 и 1964 гг. [Дресвянская, 1969, с. 84, рис. 1; 1974, с. 157, рис. 2].

Рис. 27. «Овальный» дом. Юго-восточный участок памятника. На переднем плане изображение на штукатурке из пом. 20 [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 13, рис. 43].

Рис. 28. «Овальный» дом. Помещение 40 с нишами в стене [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 22, рис. 75].

Рис. 29. «Овальный» дом. Помещение 44 с нишами в стене [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 21, рис. 72].

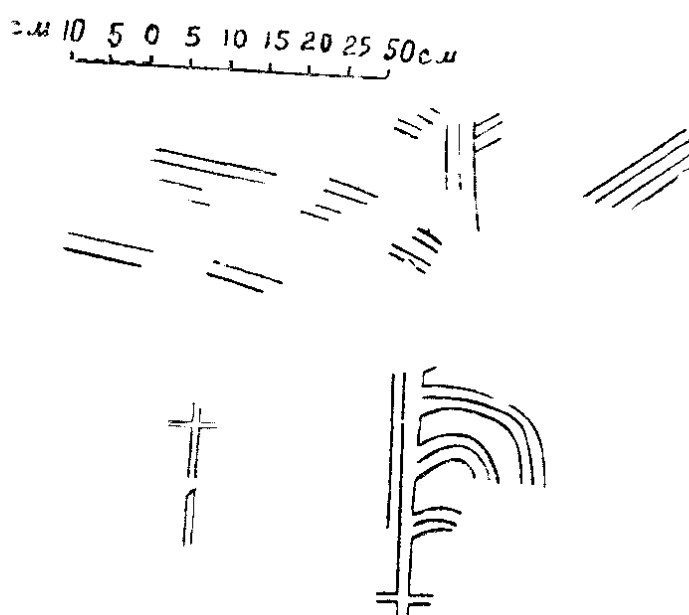

Рис. 30. «Овальный» дом. Знаки на штукатурке в помещении № 22 (южная группа помещений) [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 13, рис. 44].

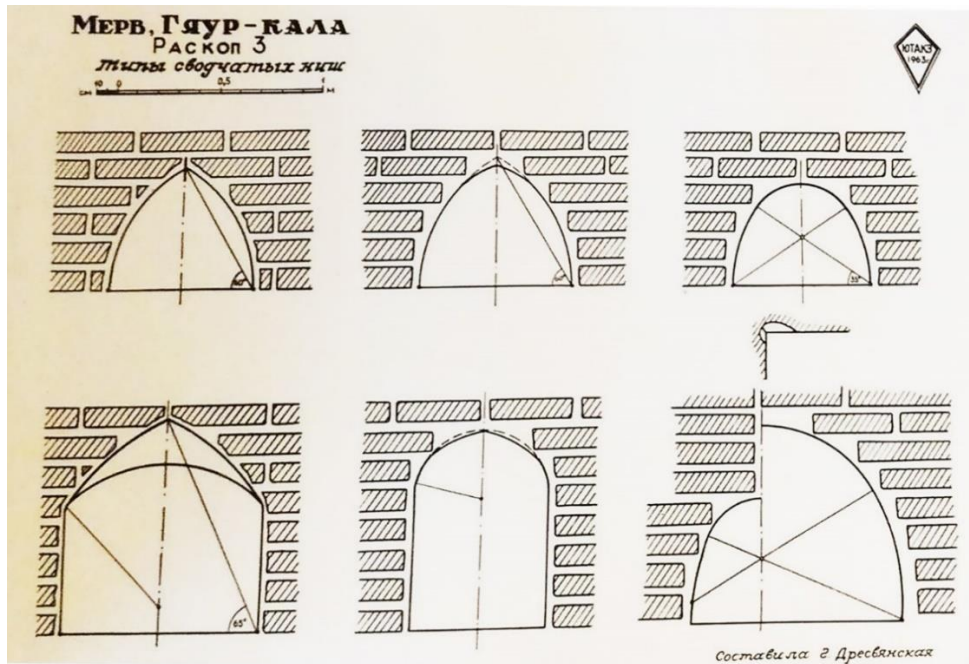

Рис. 31. «Овальный» дом. Типы сводчатых ниш [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 14, рис. 56].

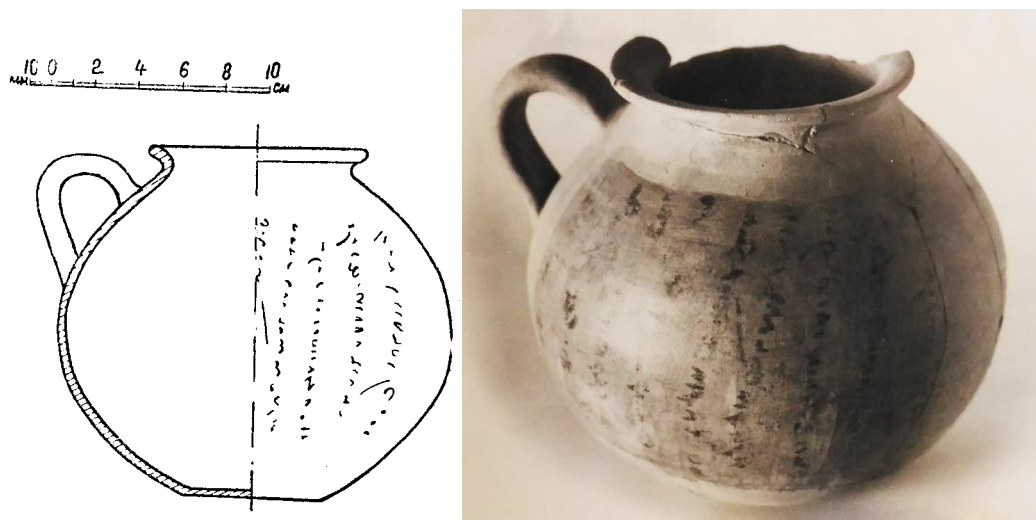

Рис. 32. «Овальный» дом. Сосуд с надписью на пехлеви [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 18, рис. 63].

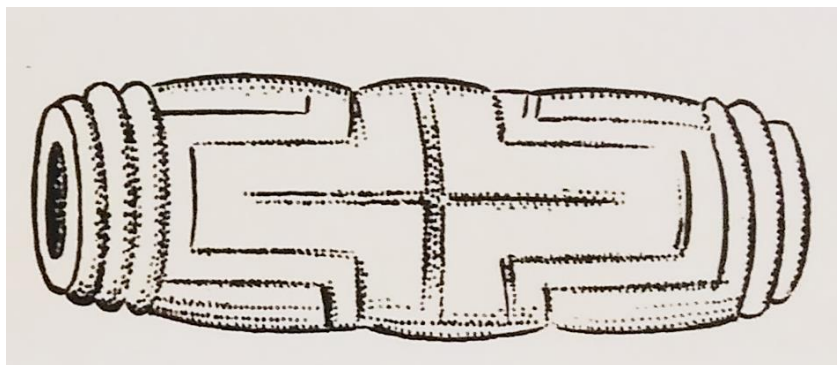

Рис. 33. «Овальный» дом. Цилиндрическая печать из халцедона, б/м (увеличено) [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 14, рис. 57].

Рис. 34. «Овальный» дом. Пуговицы (или пряслица!) из раскопок [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 14, рис. 58].

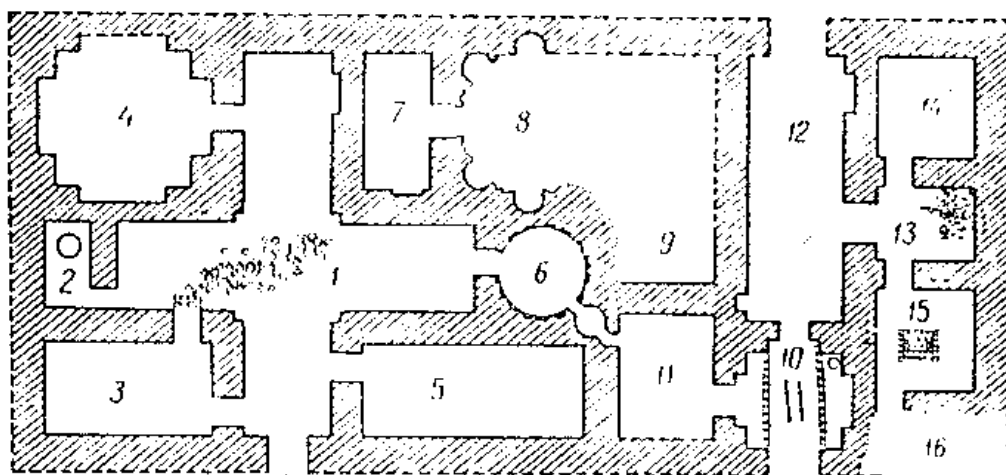

Рис. 35. Христианский храм в Старом Термезе X-XII вв. План памятника [Альбаум, 1994, с. 36, рис. 6].

Рис. 36. Христианский храм в Старом Термезе. Малая абсида с нервюрами в помещении 8 [Альбаум, 1994, с. 38, рис. 7].

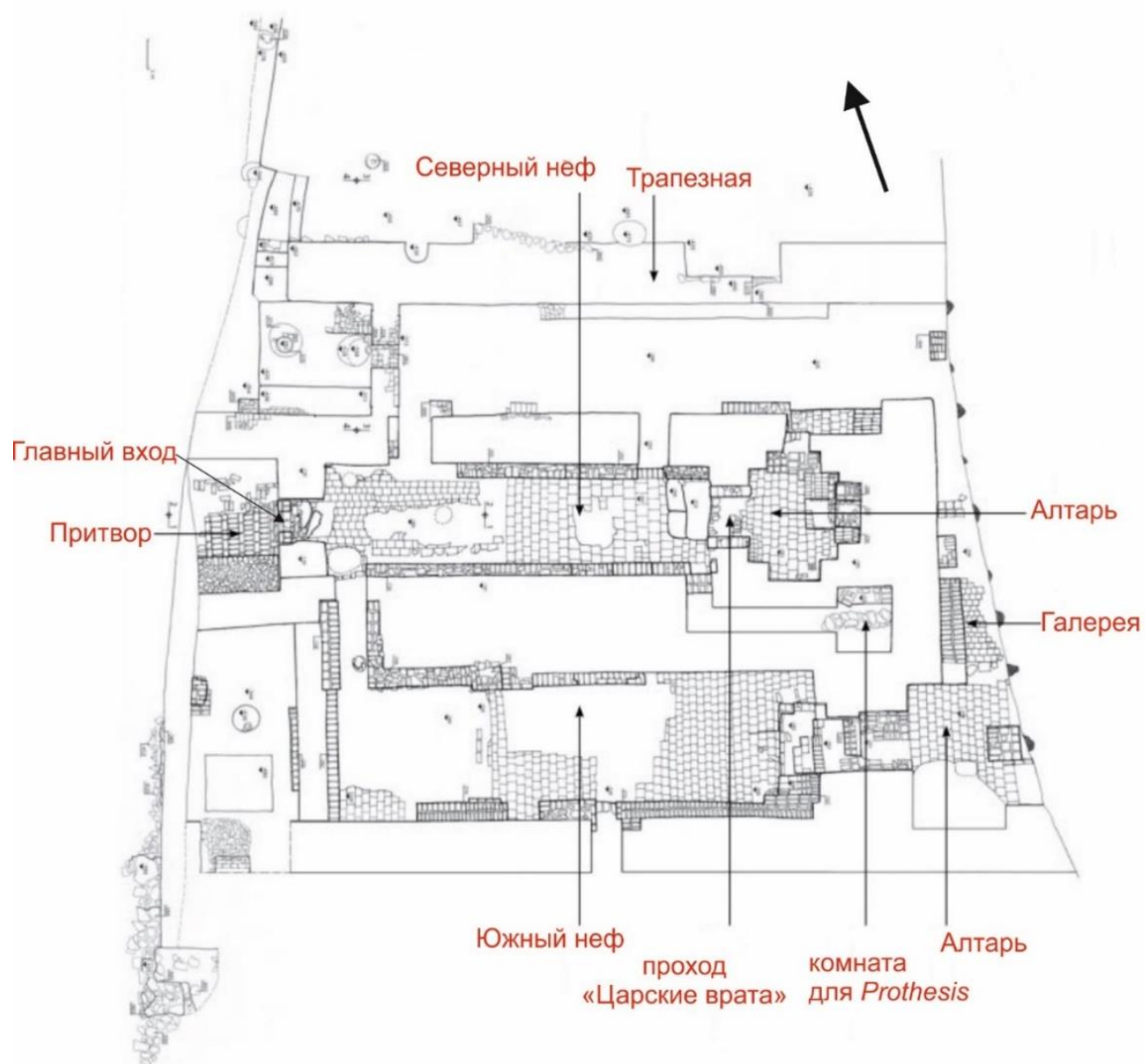

Рис. 37. План христианского монастыря в Ургуте [Savchenko, 2010, p. 78, abb. 6].

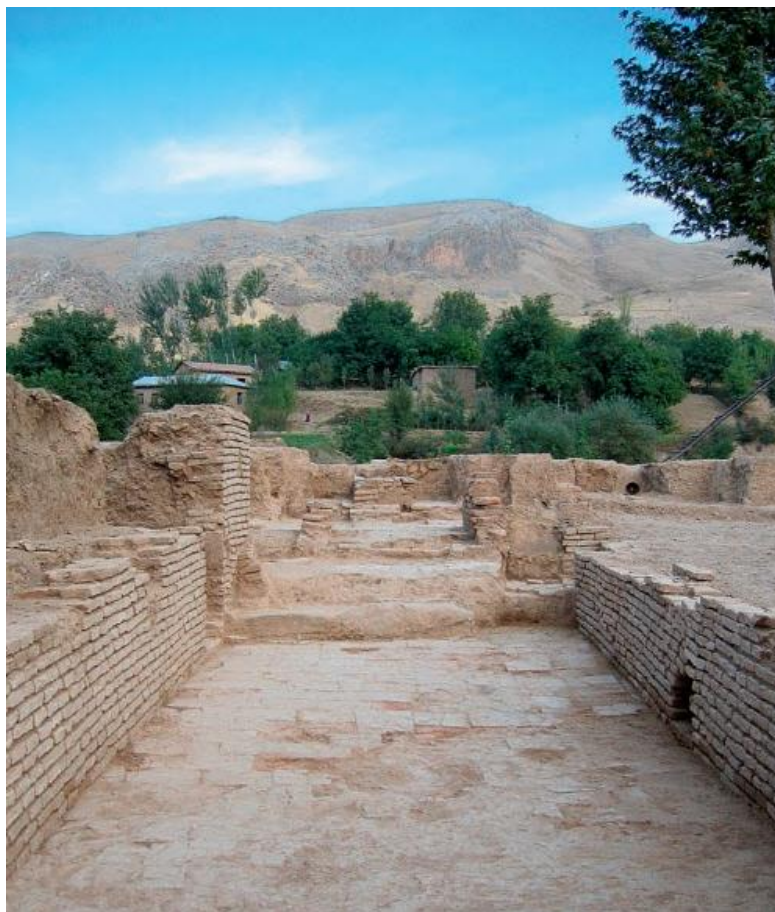

Рис. 38. Северный неф церкви с повышенным помещением алтаря на заднем плане [Savchenko, 2010, p. 78, abb. 6].

Рис. 39. Южный неф церкви с кирпичной стеной и плиточной мостовой [Savchenko, 2010, p. 78, abb. 8].

Рис. 40. Христианский монастырь в Ургуте. Вид с запада на проход к алтарю [Грицина, 2018, с. 125, рис. 12].

Рис. 41. Христианский монастырь в Ургуте: 1 – вид на алтарь [Грицина 2018, с. 126, рис. 13].

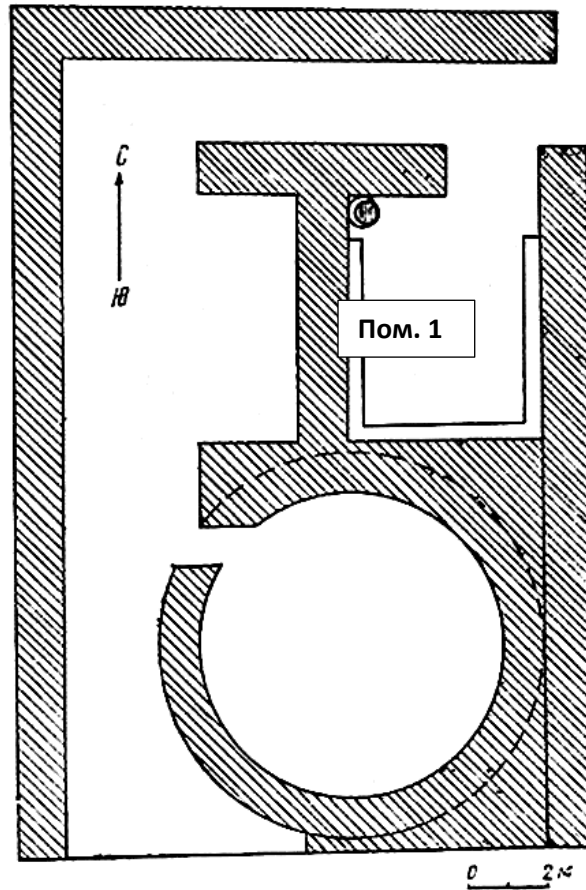

Рис. 42. План памятника Коштепа [Исаков, Ташходжаев, Ходжайов, 1977, с. 93, рис. 2].

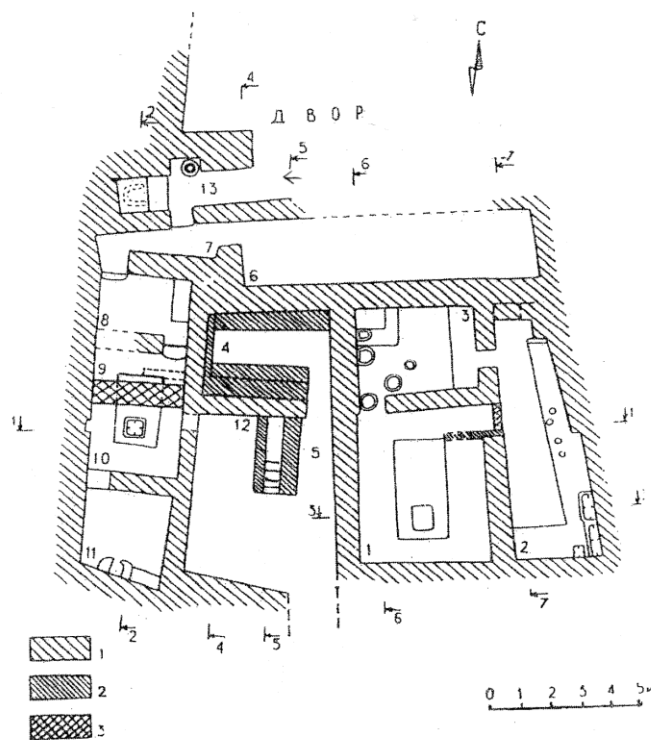

Рис. 43. План памятника Коштепа в Нахшабе. Раскопки А.А. Раимкулова [Раимкулов, 2004b, с. 124, рис. 1].

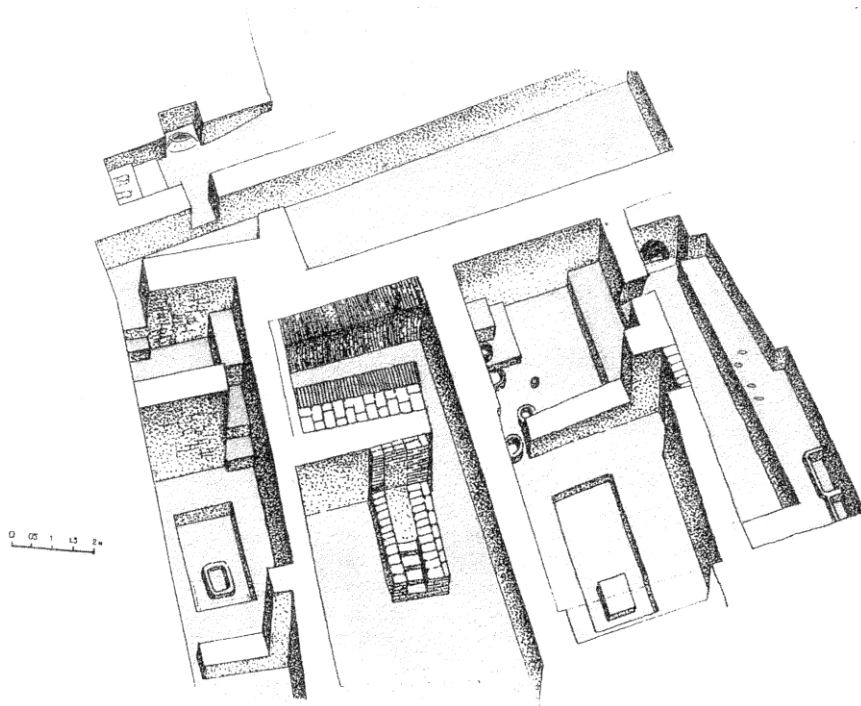

Рис. 44. Коштёпа в Нахшабе. Аксонометрия памятника [Раимкулов, 2004б, с. 127, рис. 2].

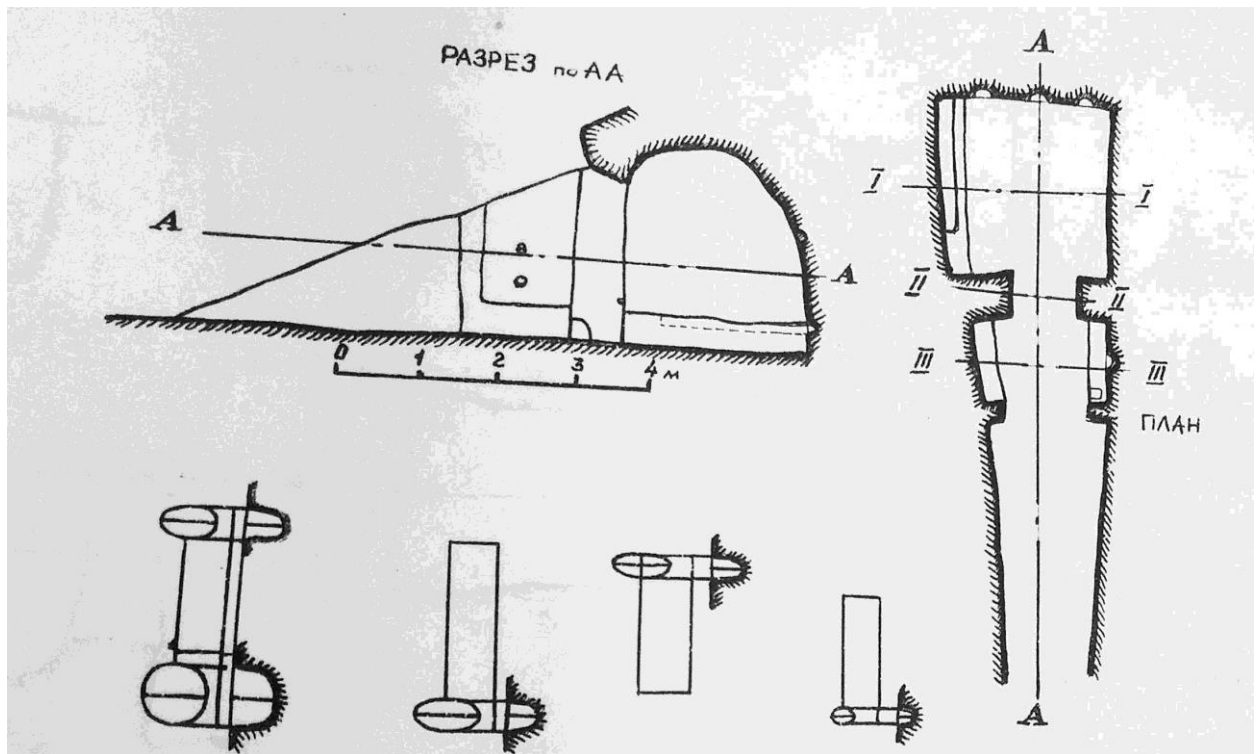

Рис. 45. Таджикистан. Айваджский «монастырь». Раскопки Т. Атаханова и С.Г. Хмельницкого. План и профиль помещения [Атаханов, Хмельницкий, 1973, б/н, табл. 25].

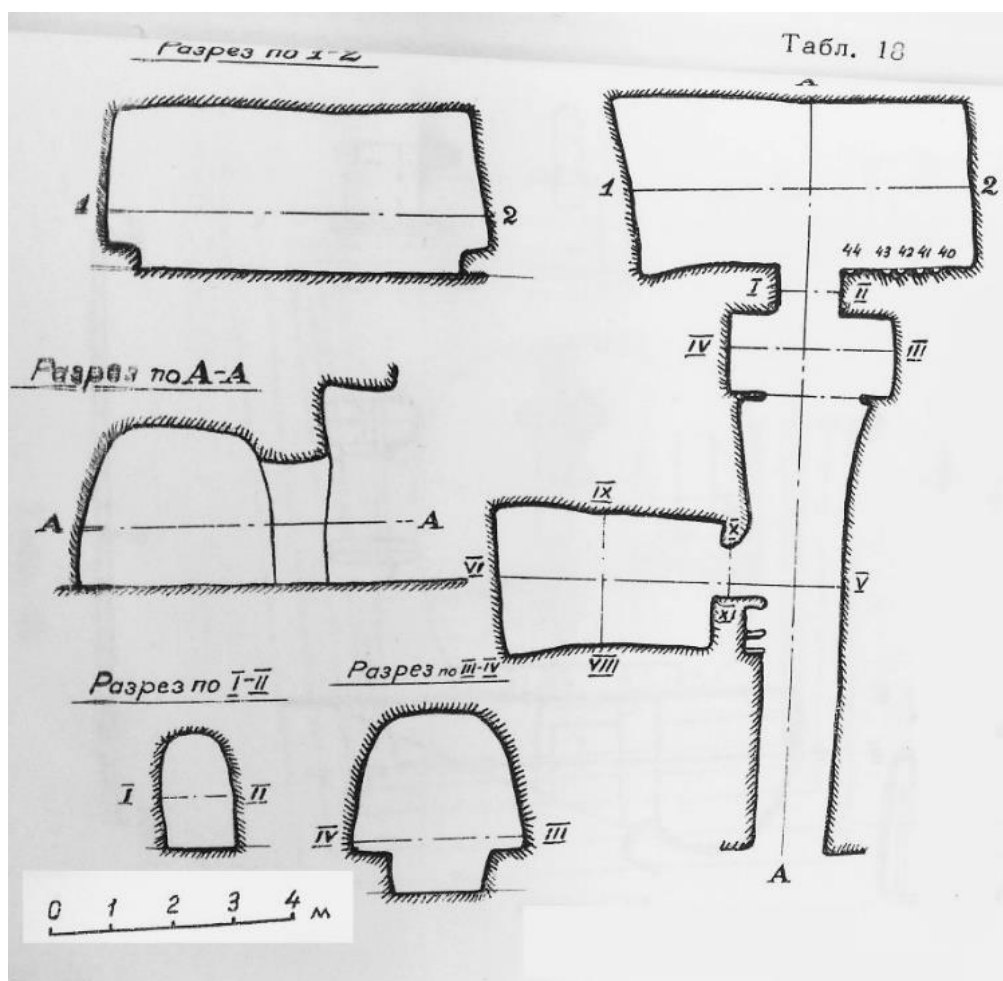

Рис. 46. Таджикистан. Айваджский «монастырь». Раскопки Т. Атаханова и С.Г. Хмельницкого. План и профиль помещения [Атаханов, Хмельницкий, 1973, б/н, табл. 24].

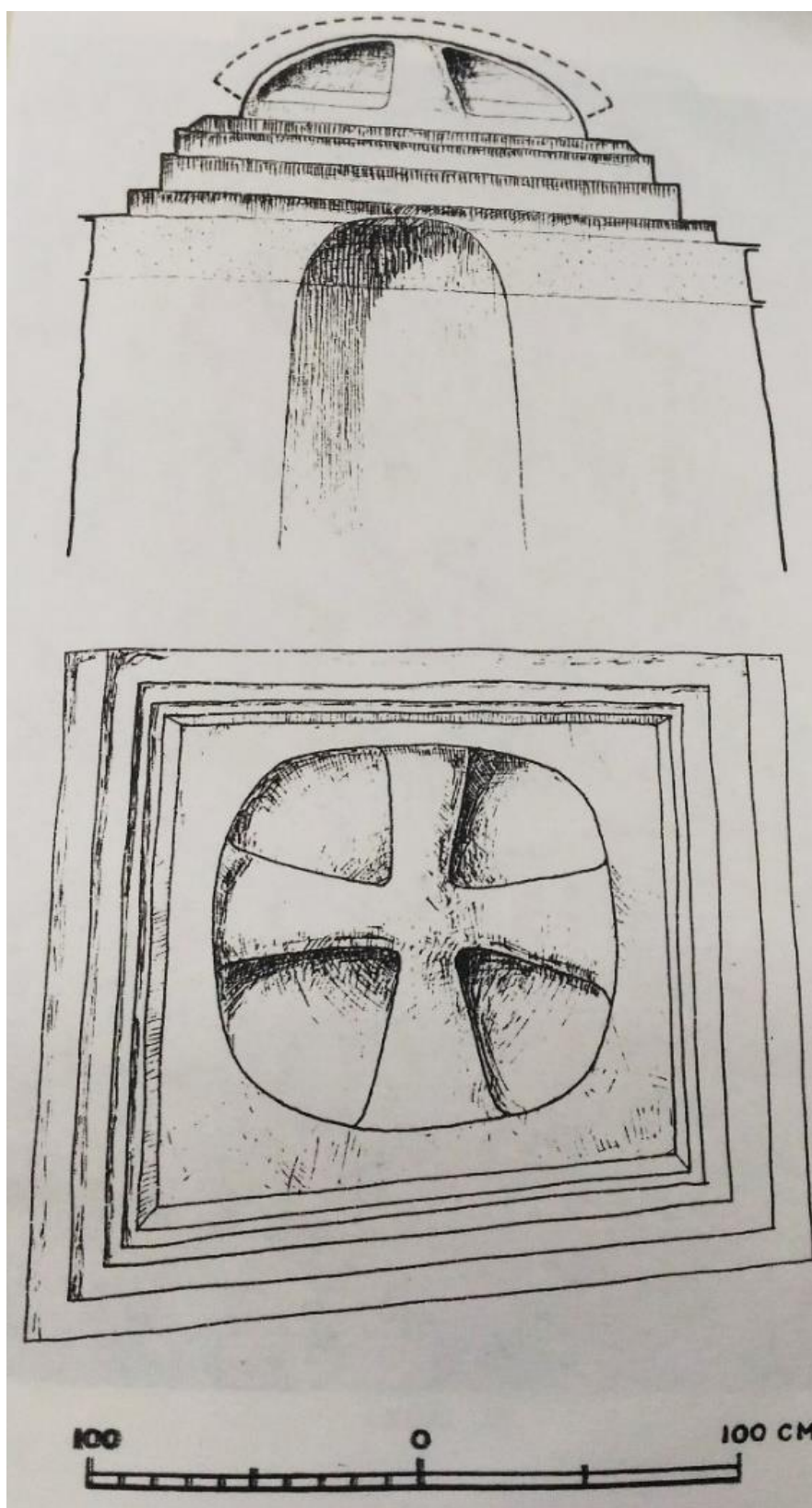

Рис. 47. Таджикистан. Айваджский «монастырь». Раскопки Т. Атаханова и С.Г. Хмельницкого. Потолок одного из помещений (пом. № 18), украшенный крестом [Атаханов, Хмельницкий, 1973, б/н, табл. 26; Хмельницкий, 2000, с. 254, рис. 272].

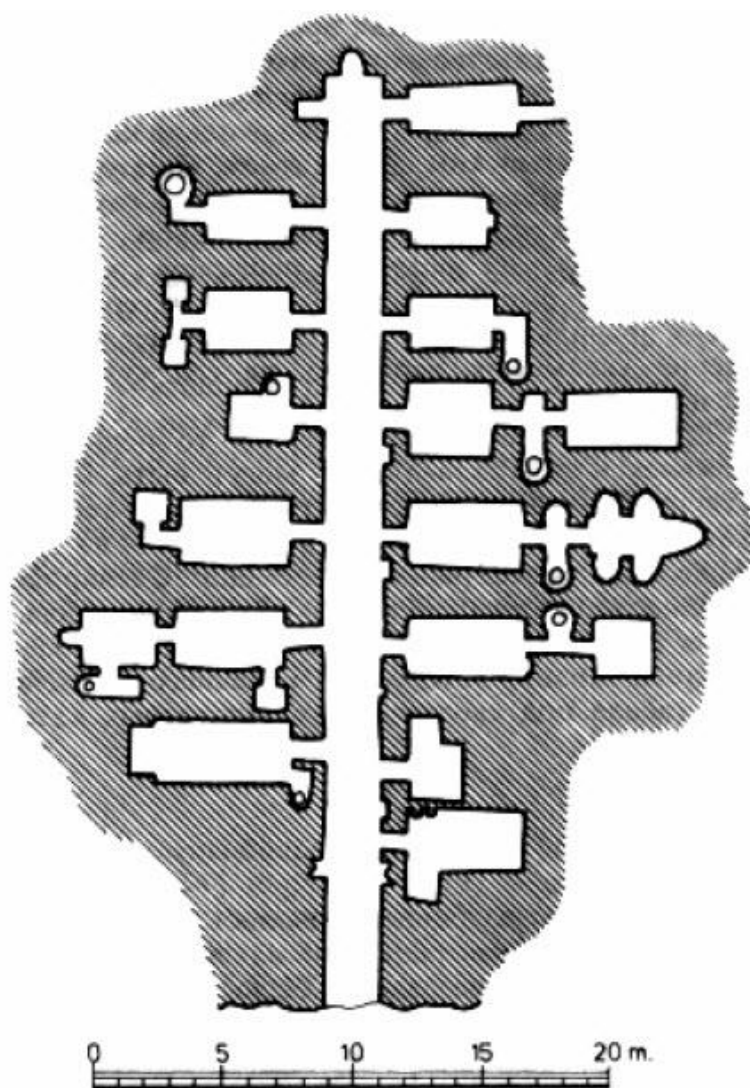

Рис. 48. Туркмения. Одна из пещер, предположительно христианских, расположенных в Пендинском оазисе, на границе Туркмении и Афганистана, на правом берегу Мургаб [Раимкулов, 2004а, с. 226, рис. 6].

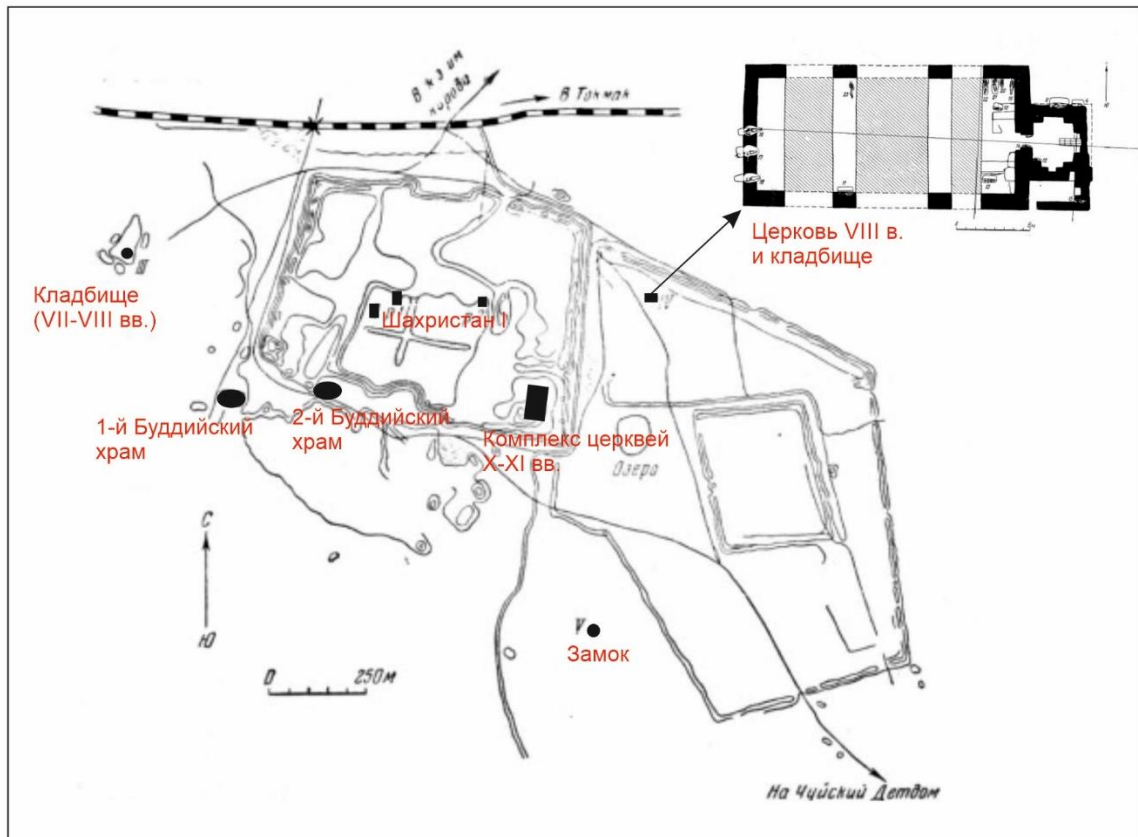

Рис. 49. План городища Ак-Бешим и схема расположения объектов раскопок 1953-1954 гг., [Кызласов Л.Р., 1959, с. 160, рис. 3].

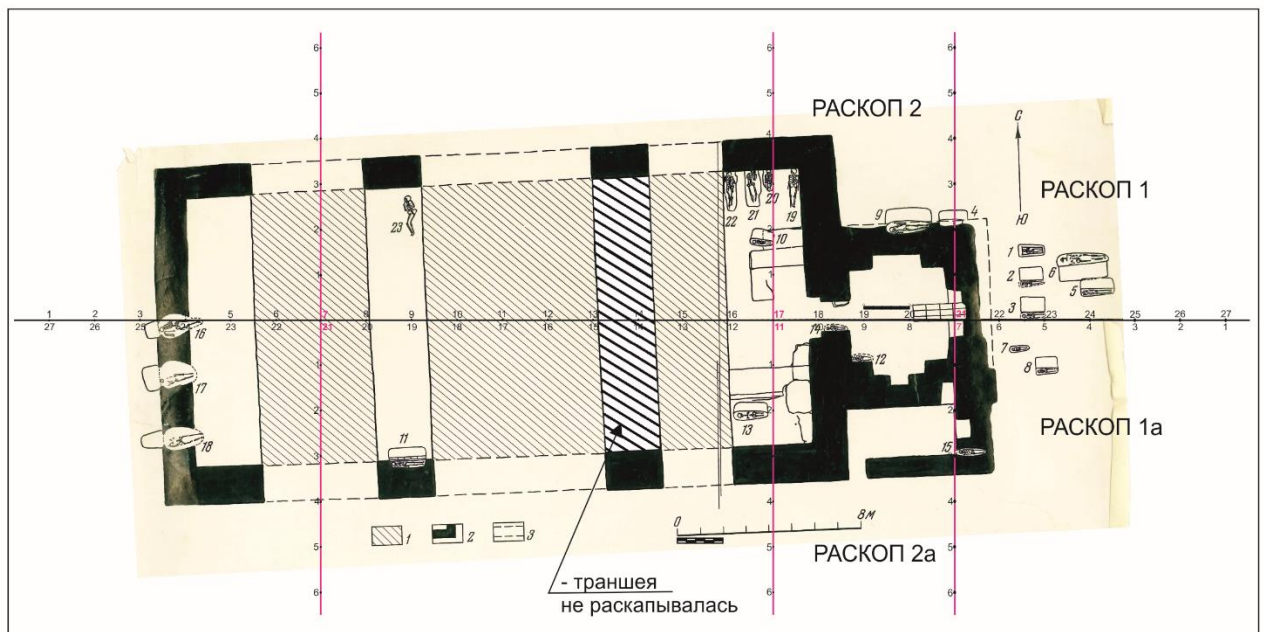

Рис. 50. План христианской церкви (объекта IV). Фото из личного архива Л.Р. Кызласова [Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 337, ил. 6].

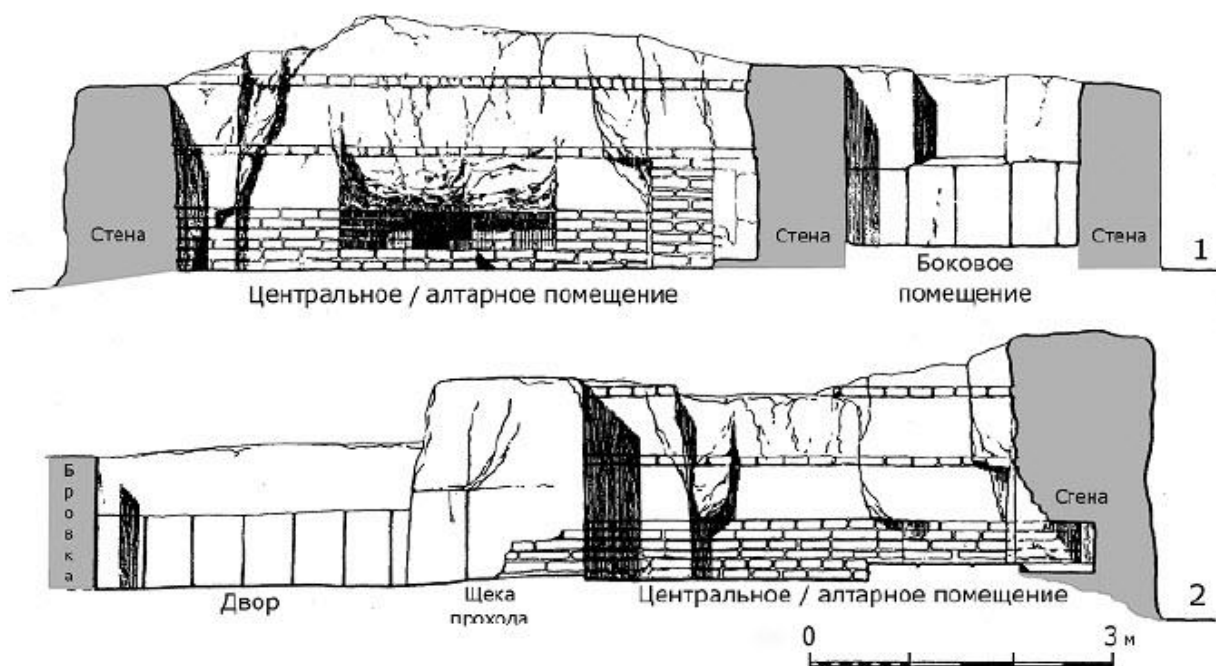

Рис. 51. Городище Ак-Бешим. Раскопки Л.Р. Кызласова церкви (объект IV) 1954 г. : 1 – поперечный разрез восточной части раскопа через центральное и боковое помещения; 2 – продольный разрез восточной части раскопа через алтарное помещение и части двора до бровки [Кольченко, 2018, с. 60, рис. 7].

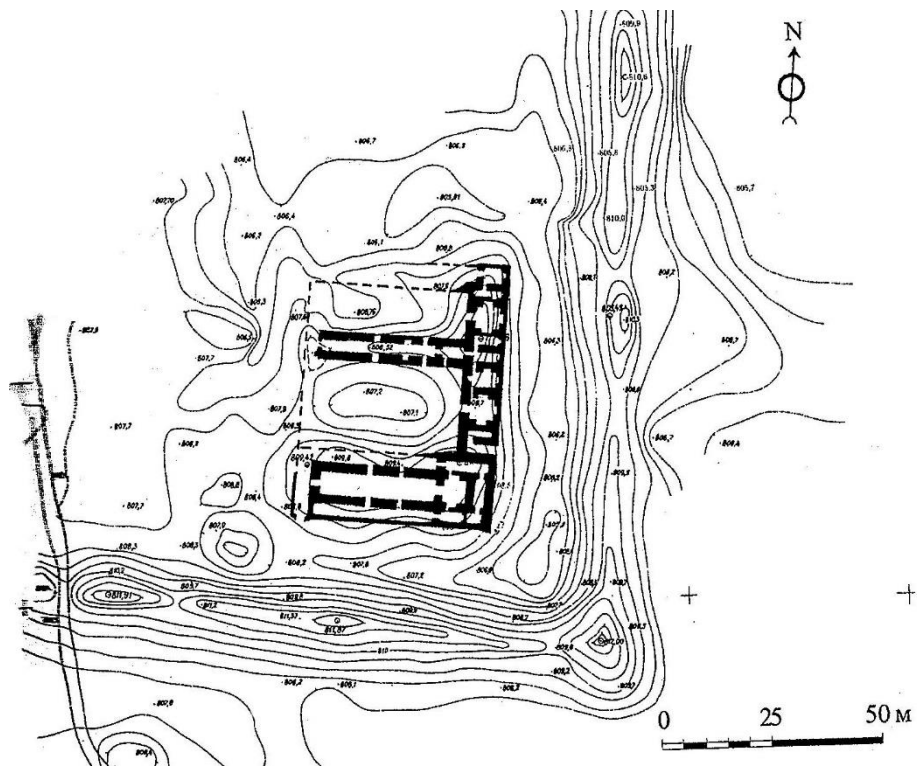

Рис. 52. Городище Ак-Бешим. Раскопки комплекса церкви Г.Л. Семеновым с 1996 по 1997 гг. Топографический план юго-восточного угла шахристана. Объект VIII [Семенов, 2002, с. 45, рис. 1].

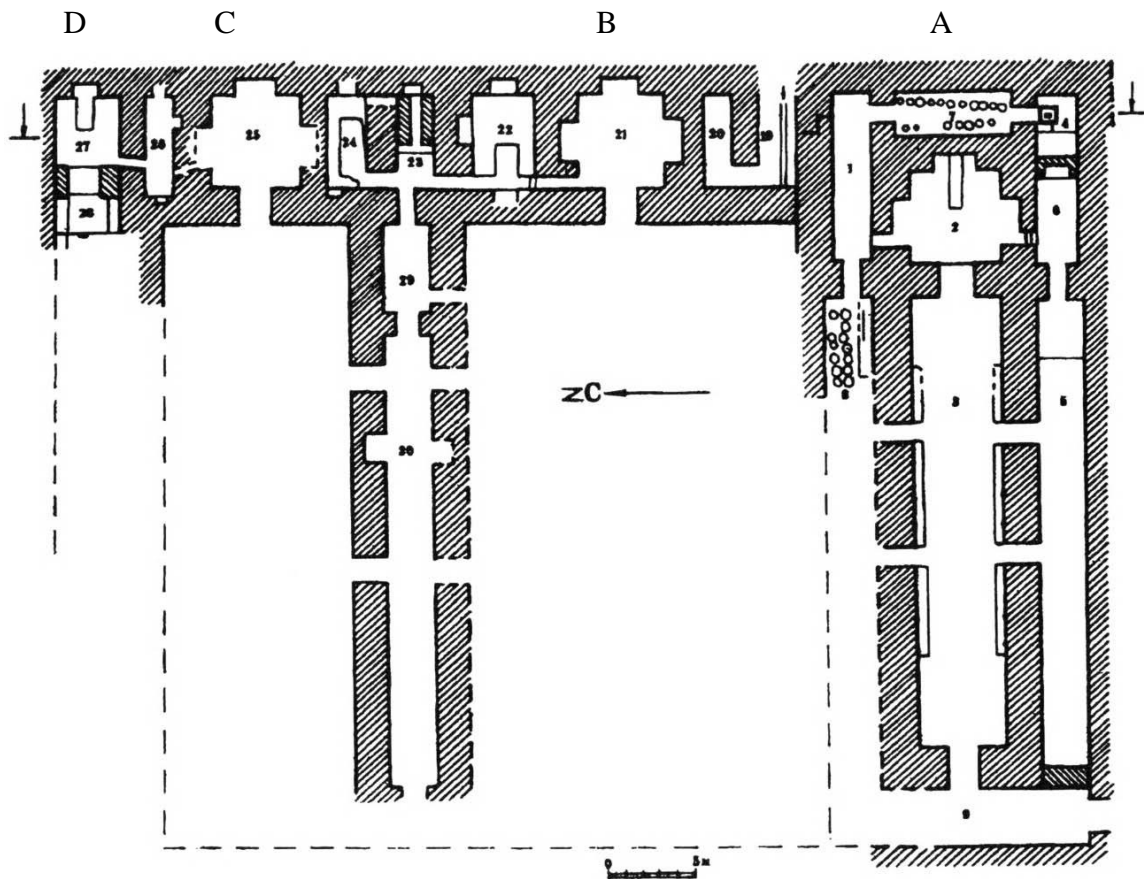

Рис. 53. Городище Ак-Бешим. Объект VIII. План памятника [Семенов, 2002, с. 45, рис. 2].

Рис. 54. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Фотография памятника на 1996 г. [Личное фото А.И. Торгоева].

Рис. 55. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Алтарь у восточной стены помещения № 27 [Личное фото А.И. Торгоева].

Рис. 56. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Алтарь у восточной стены помещения № 27 [Семенов, 2002, с. 91, рис. 52].

Рис. 57. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Фрагмент книги [Личное фото А.И. Торгоева].

Рис. 58. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Раскопки 2021. План памятника и раскопа 2021 г. [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 52, ил. 6].

Рис. 59. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Раскопки 2021. Вид на раскоп по окончании первого рабочего дня [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 56, ил. 14].

Рис. 60. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Раскопки 2021. Стратиграфический шурф № 9 [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 60, ил. 20].

Рис. 61. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Раскопки 2021. Западная часть. Шурф № 9. Обнаруженные находки из помещения № 10 [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 61, ил. 21].

Рис. 62. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церкви (об. VIII). Раскопки 2021. Западная часть. Шурф № 9. Камин/очаг в восточной стене после расчистки [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 63, ил. 26].

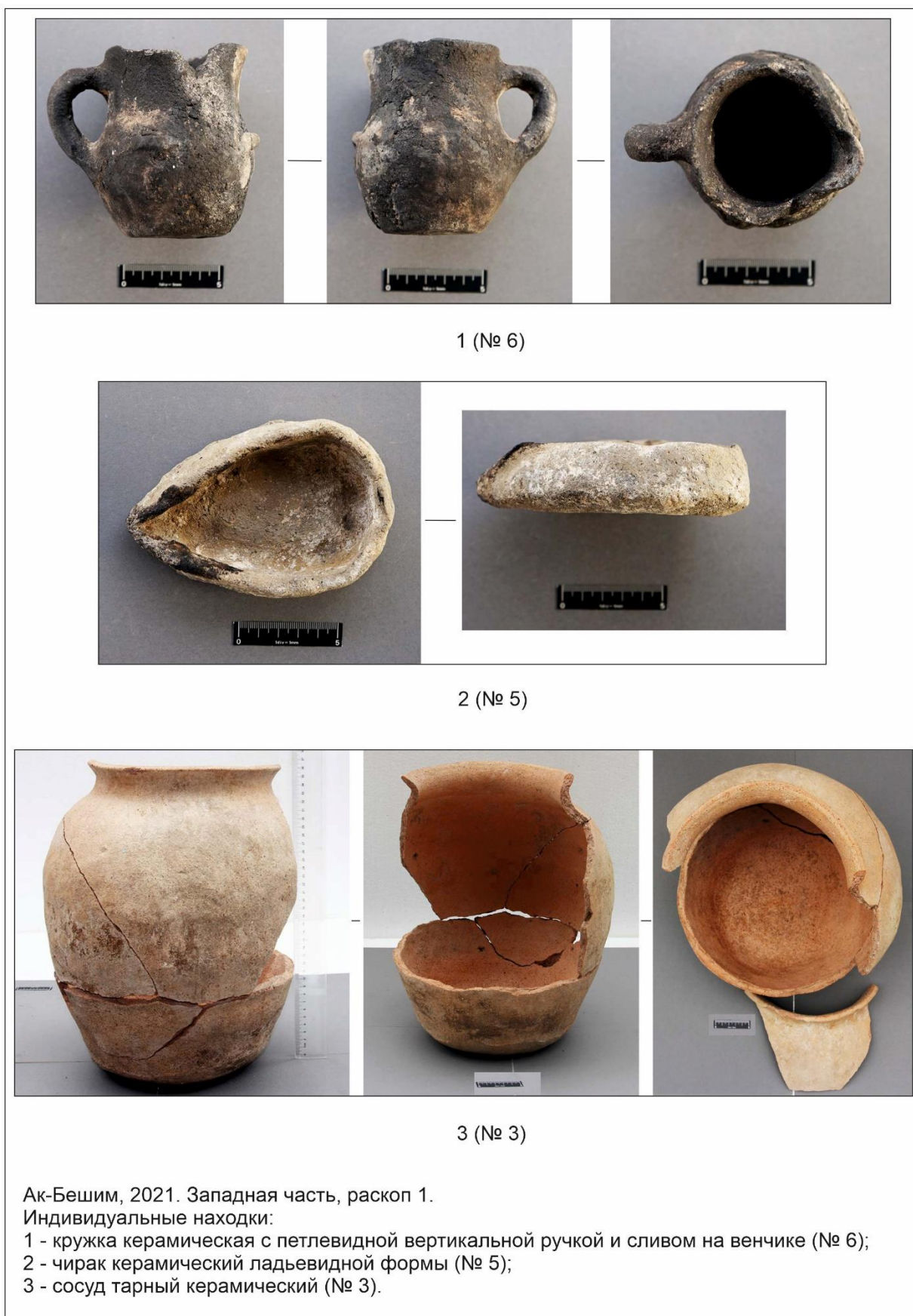

Рис. 63. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церковей (об. VIII). Раскопки 2021. Стратиграфический шурф № 9. Находки из шурфа [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 70, ил. 36].

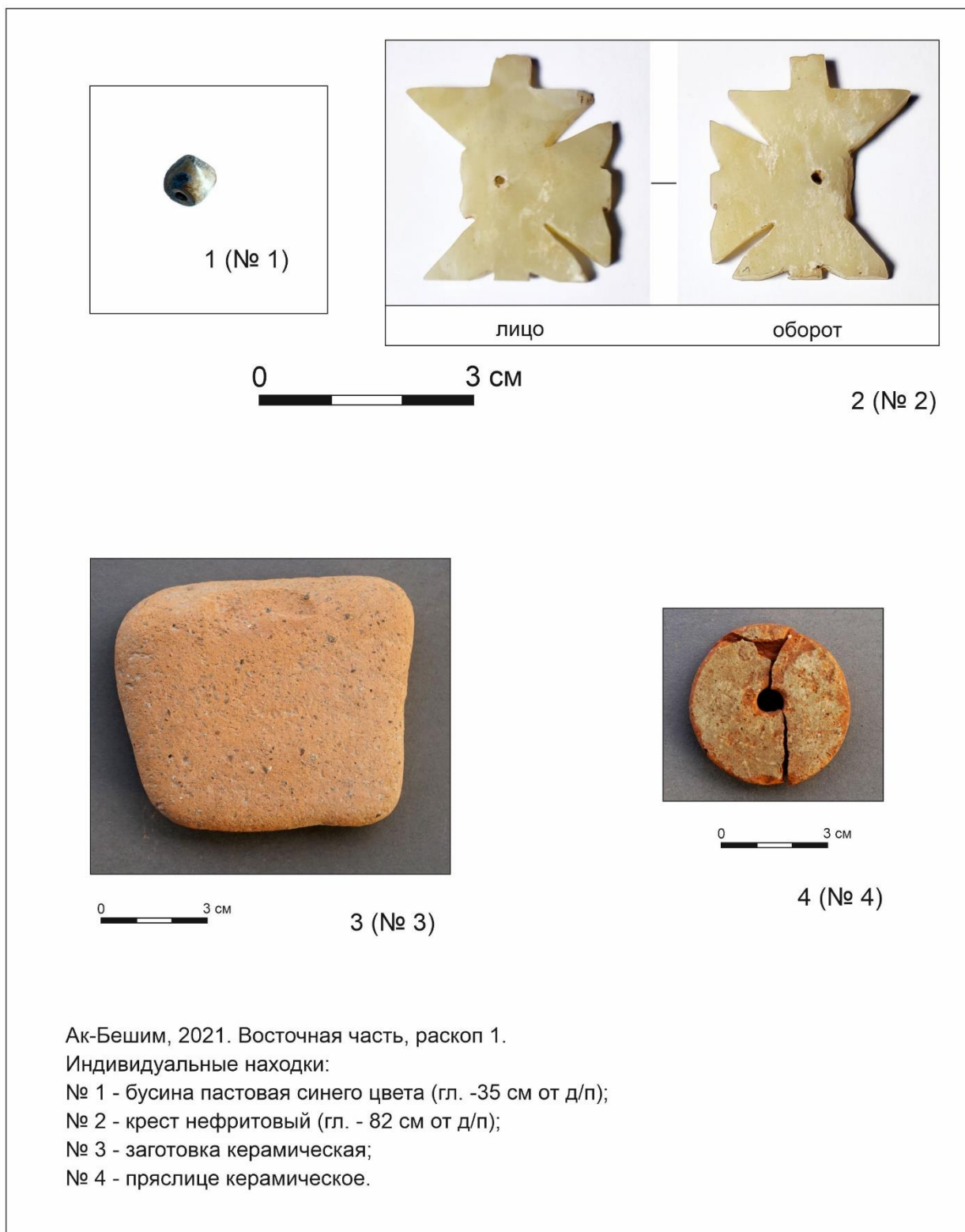

Рис. 64. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Раскопки 2021. Восточная часть раскопа. Индивидуальные находки [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 97, ил. 72].

Рис. 65. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Раскопки 2021. Кирпичная кладка в западной части прирезки. Вид с В [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 106, ил. 84].

Рис. 66. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Раскопки 2021. Общий вид на раскоп после зачистки. Вид на З [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 100, ил. 76].

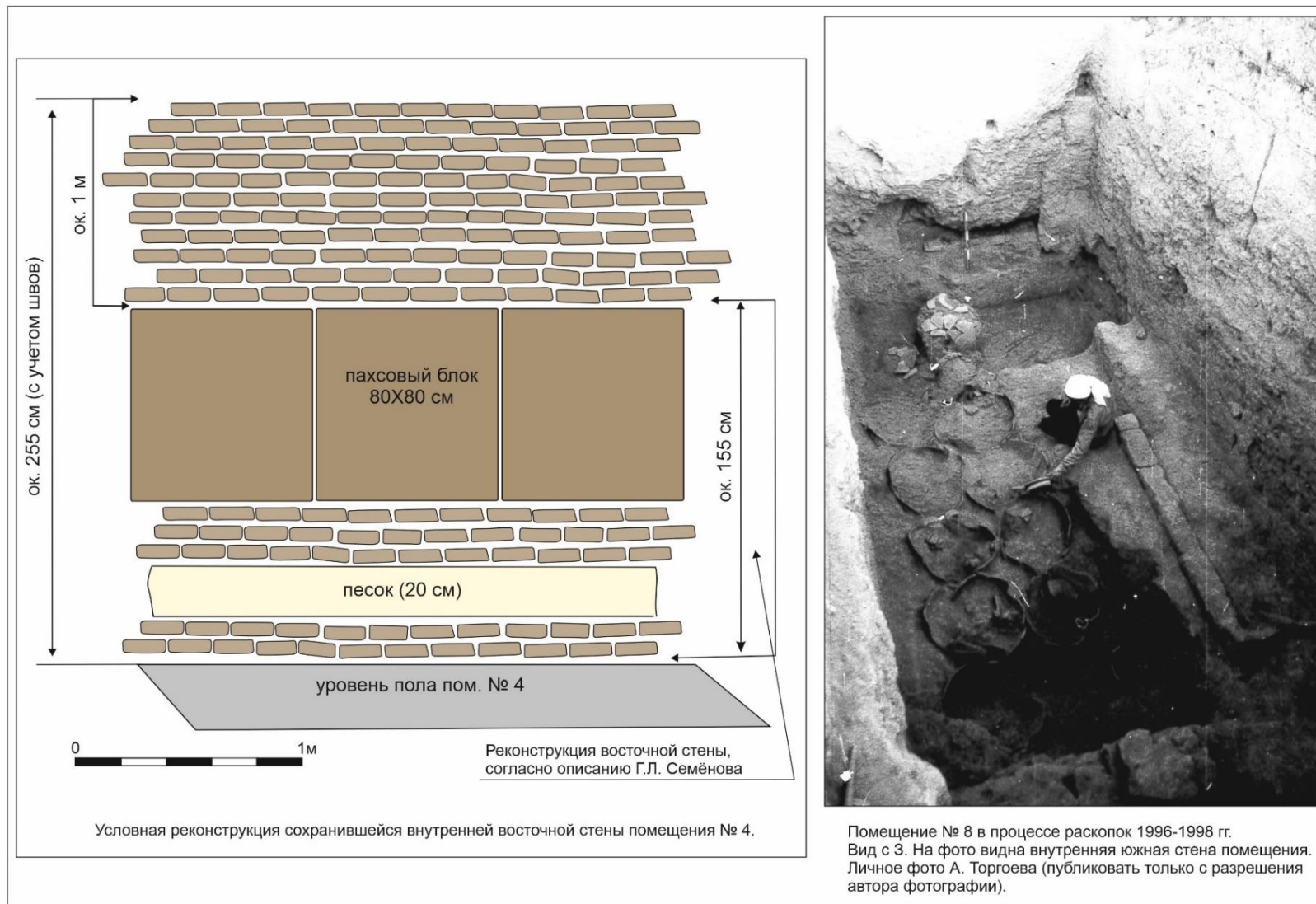

Рис. 67. Городище Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII). Раскопки 2021. Прирезка. Реконструкция стены Михеевой А.А. [Аманбаева, Ямаучи, 2021. Отчет о проведении ..., с. 108, ил. 86].

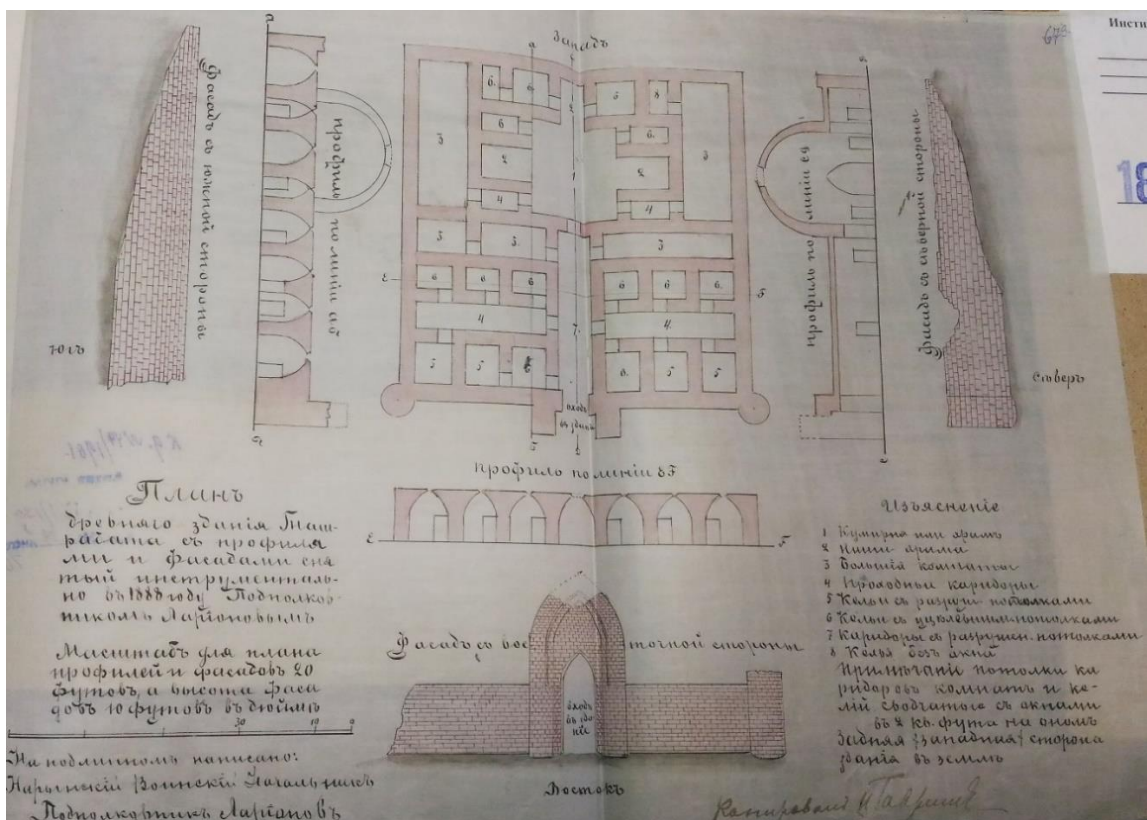
Рис. 68. Памятник Таш-Рабат. Вид с восточной стороны. Фотография Н.Н. Пантусова [Пантусов Н.Н., 1901. Дело ИАК ..., НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901. Арх. № 49. Л. 364].

Рис. 69. Памятник Таш-Рабат. Вид сверху. Фотография Н.Н. Пантусова [Пантусов Н.Н., 1901. Дело ИАК ..., НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901. Арх. № 49. Л. 363].

Рис. 70. Памятник Таш-Рабат. Вид сверху. Фотография Н.Н. Пантусова [Пантусов Н.Н., 1901. Дело ИАК ..., НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901. Арх. № 49. Л. 365].

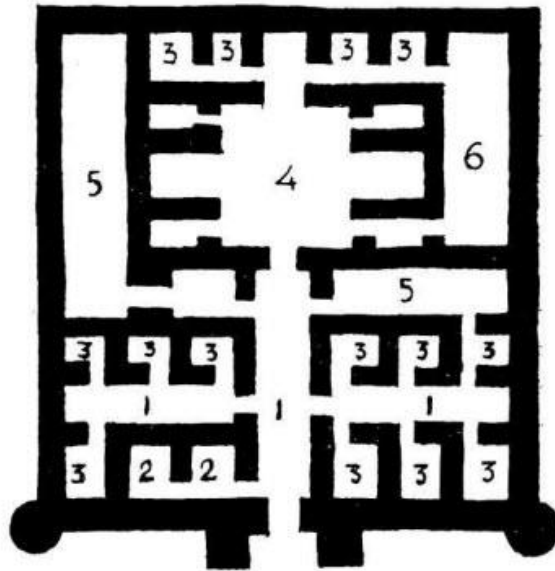

Рис. 14. План караван-сарая „Таш-Рабат“:

1. Коридоры. 2. Караульные помещения.
3. Помещения для ночлега. 4. Центральный зал.
5. Конюшни. 6. Помещения для приготовления пищи

Рис. 72. Памятник Таш-Рабат. План караван-сарая по Нусову, 1960 г. [Нусов, 1963, с. 57, рис. 14].

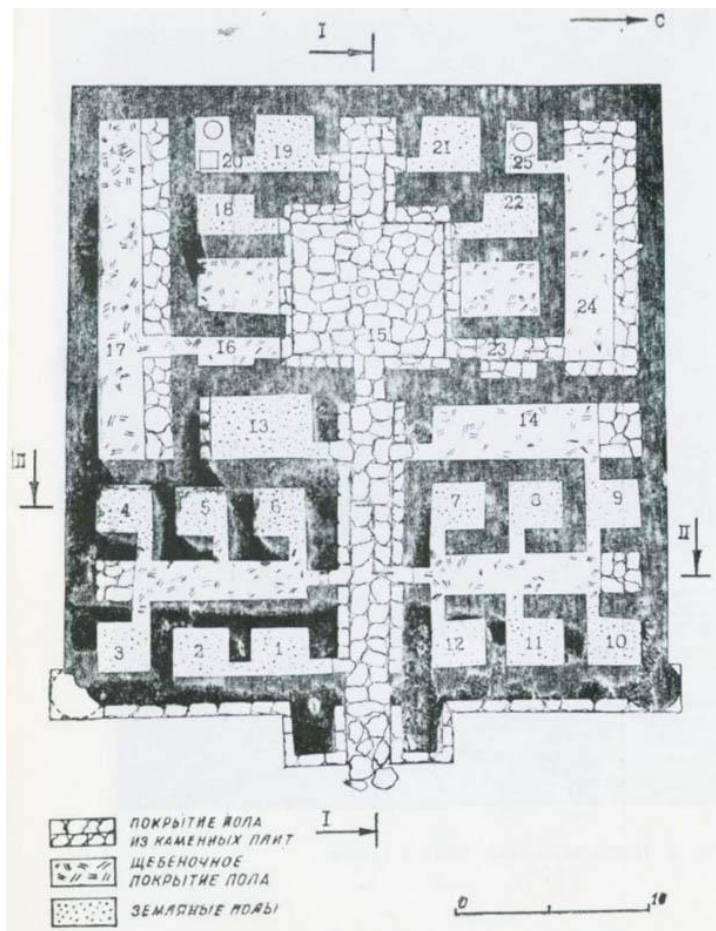

Рис. 73. Памятник Таш-Рабат. План памятника по С.Я. Перегудовой [Перегудова, 1989, с. 52, рис. 4].

Рис. 74. Памятник Таш-Рабат после реставрации. (фото взято с интернета).

Рис. 75. Несторианский монастырь Булайик, Турфан [Liu Wensuo, Эл. ресурс: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/65.1121.c.20211230.1310.002.html>].

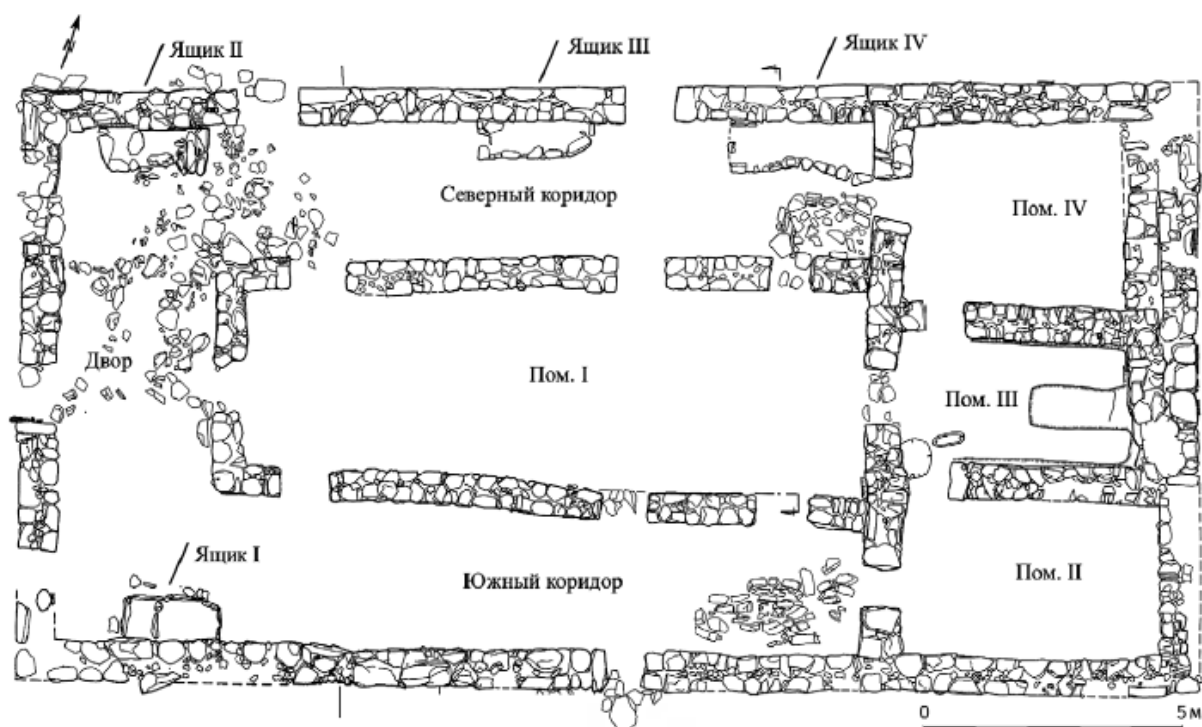

Рис. 76. Церковь на острове Сокотра – IX–XIV вв. План [Виноградов, 2022, с. 430, рис. 1].

Рис. 77. Осуарии с изображением крестов [Грицина, 2018, с. 138, рис. 19, рис. 20].

Рис. 78. Гяур-кала (Узбекистан). Некрополь Миздахкана [Ваувер, 2016, р. 172].

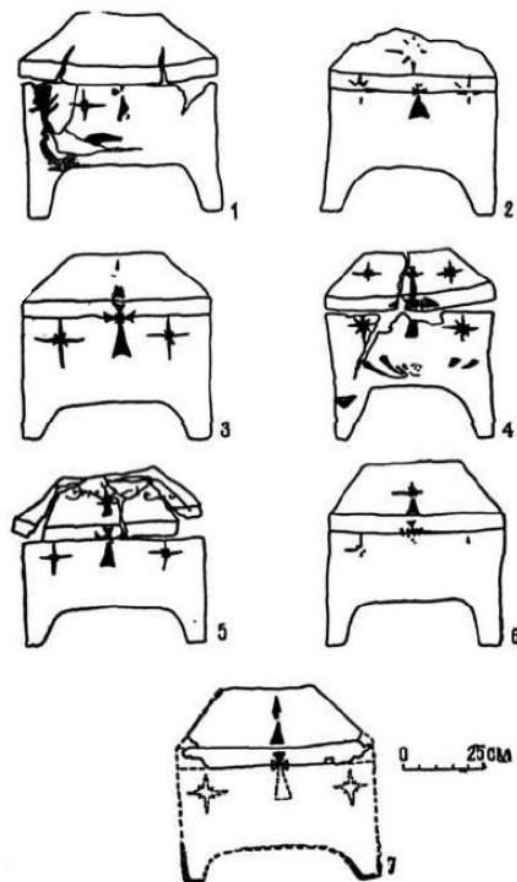

Рис. 79. Некрополь Миздахкана. Алебастровые оссуарии с изображением крестов [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 146, рис. 53].

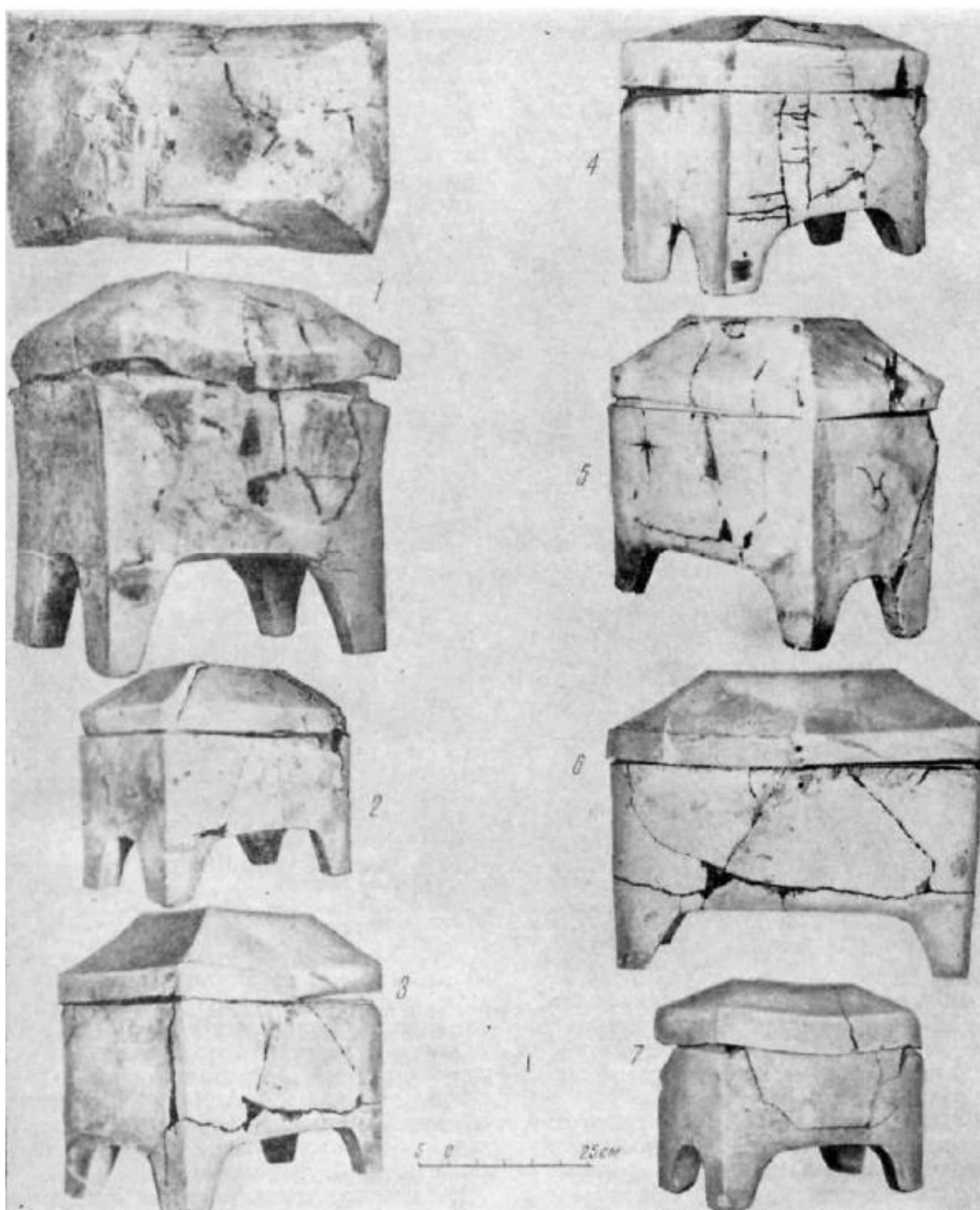

Рис. 80. Некрополь Миздахкана. Алебастровые оссуарии из погребальной постройки IV (раскоп IV): 1 – оссуарий № 14, 2 – оссуарий № 52; 3, 7 – оссуарий № 70, 4 – оссуарий № 30, 5 – оссуарий № 43, 6 – оссуарий № 60 [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 91, рис. 39].

Рис. 81. Гжур-кала (Узбекистан). Некрополь Миздахкана. Осуарий № 43 из постройки IV с изображением крестов и звезд [Baumer, 2016, p. 172].

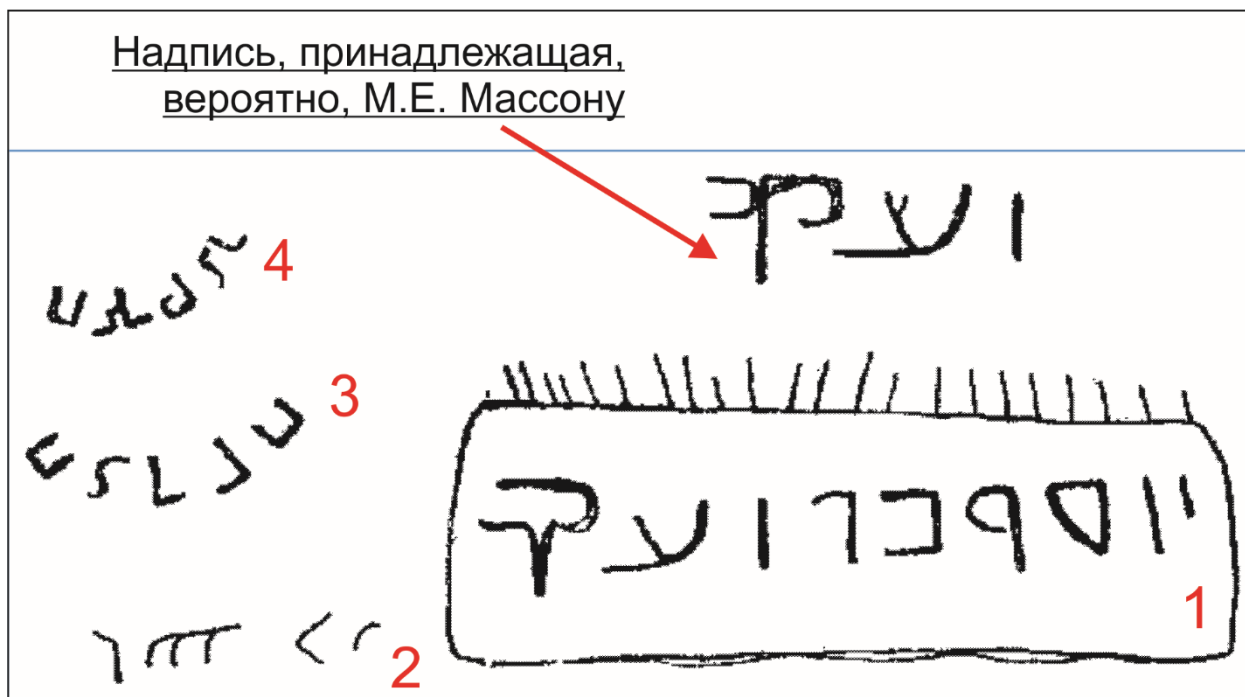

Рис. 82. Байрам-алинский некрополь. Еврейские надписи на оссуариях [Ершов, 1959, с. 179, рис. 10; Михеева (Китаева), 2017, с. 306, рис. 2].

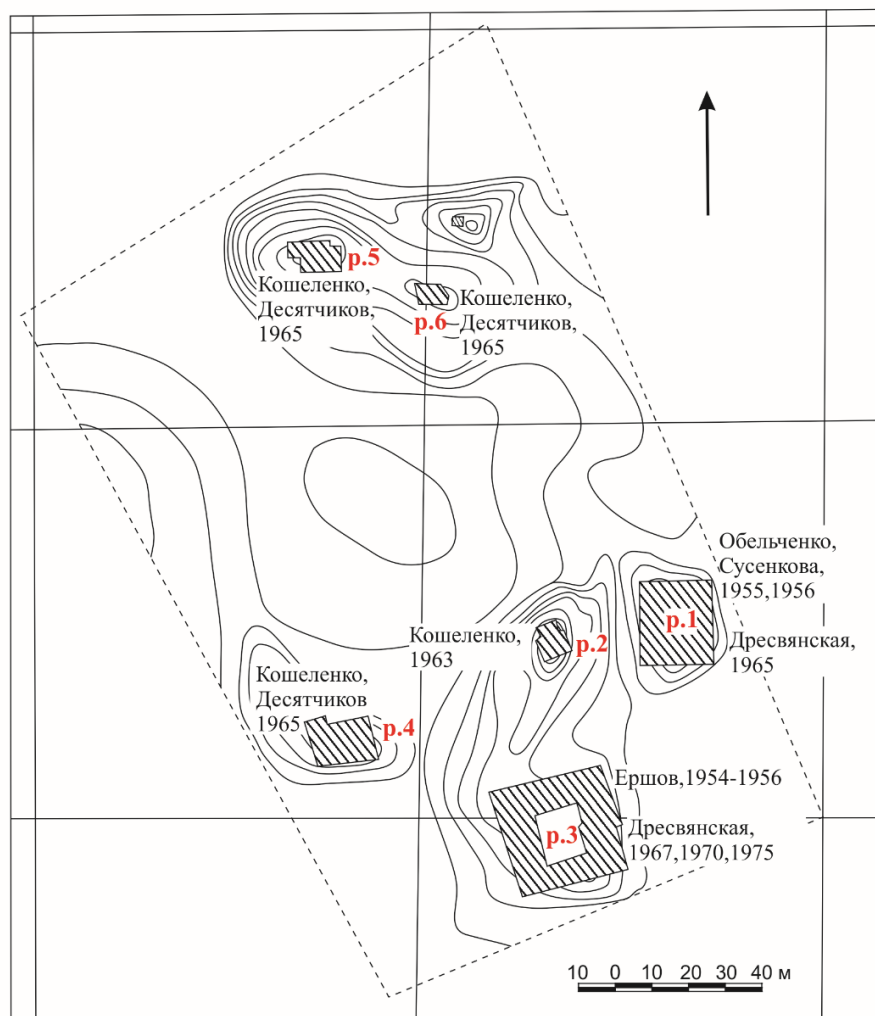

Рис. 83. Байрам-алинский некрополь. План памятника [Михеева (Китаева), 2017, с. 297, рис. 1]

Рис. 84. Байрам-алинский некрополь. Общий вид на погребения на раскопе 2 [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 2, рис. 4].

Рис. 85. Байрам-алинский некрополь. Кирпич с изображением креста [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 6, рис. 23; Михеева, 2021, с. 331, ил. 3].

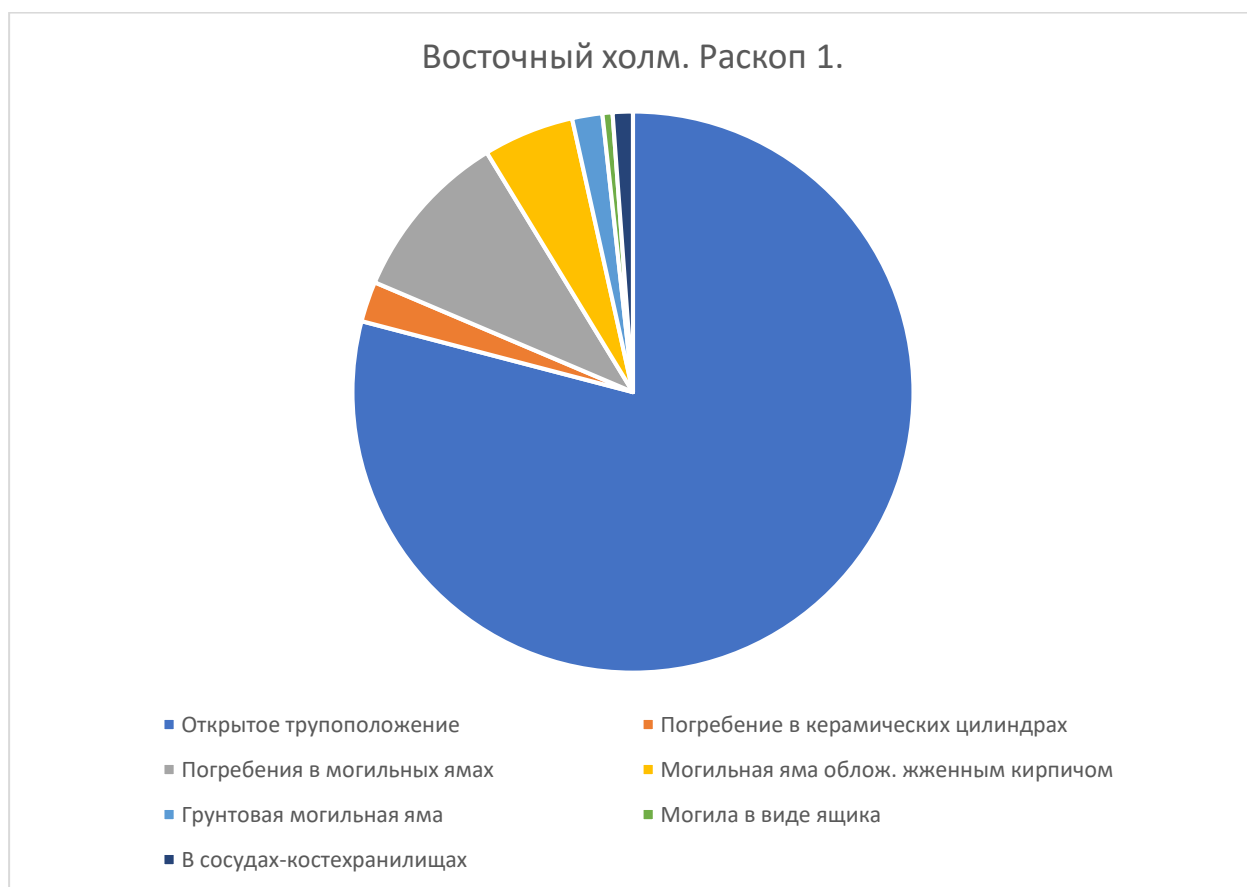

Рис. 86. Байрам-алинский некрополь. Восточный холм. Раскоп 1. [Раскопки Обельченко, 1955; Сусенкова, 1956; Дресвянская, 1965].

Рис. 87. Байрам-алинский некрополь. Центральный холм. Раскоп 2.

Рис. 88. Байрам-алинский некрополь. Раскопки С.А. Ершова в 1954-56 гг. Диаграмма, согласно таблице, представленной автором раскопок [Ершов, 1959, с. 171]. В диаграмме не учитываются захоронения: массовые (исчисляются сотнями, кучкой костей, одиночные, бессистемно расположенные на всем холме).

Рис. 89. Байрам-алинский некрополь. Раскопки южного холма (раскоп 3) С.А. Ершова в 1954-56 гг. и Г.Я. Дресвянской в 1967 г., 1970 и 1975 гг.

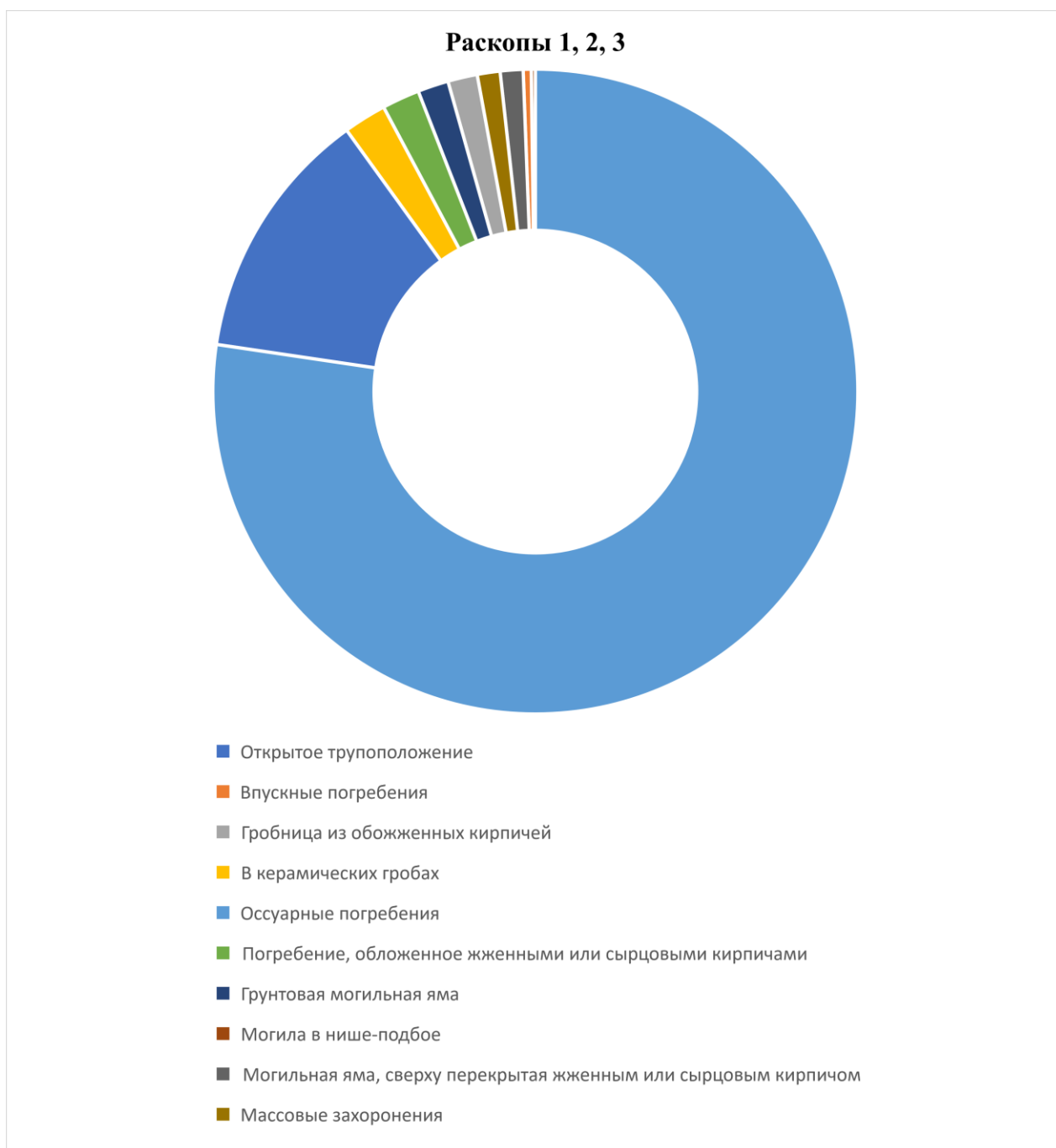

Рис. 90. Байрам-алинский некрополь. Сводная таблица погребений восточного, южного и центрального холмов. Раскопы 1, 2, 3.

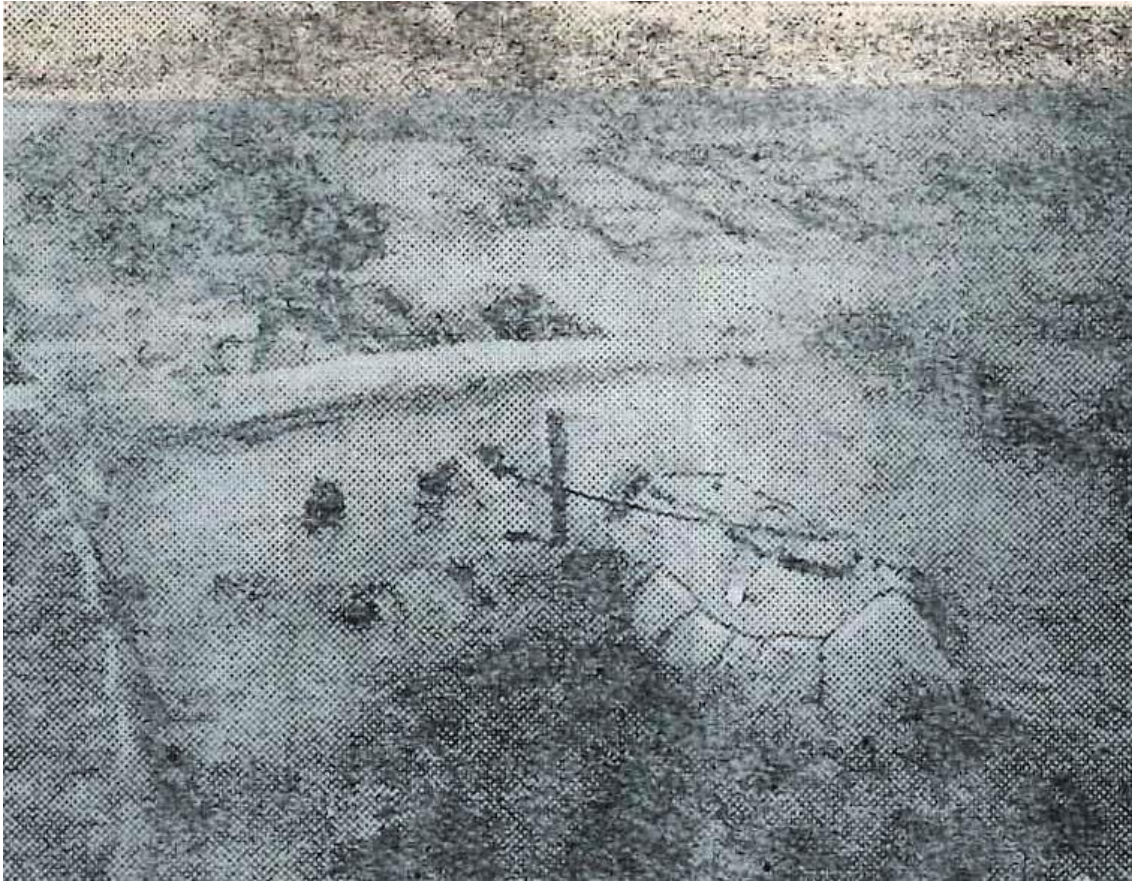

Рис. 91. Байрам-алинский некрополь. Могила, тип 2 [Ершов, 1959, с. 166].

Рис. 92. Байрам-алинский некрополь. Помещение 3. Могила, тип 3 [Дресвянская, 1968b. Альбом ил., с. 2, рис. 6].

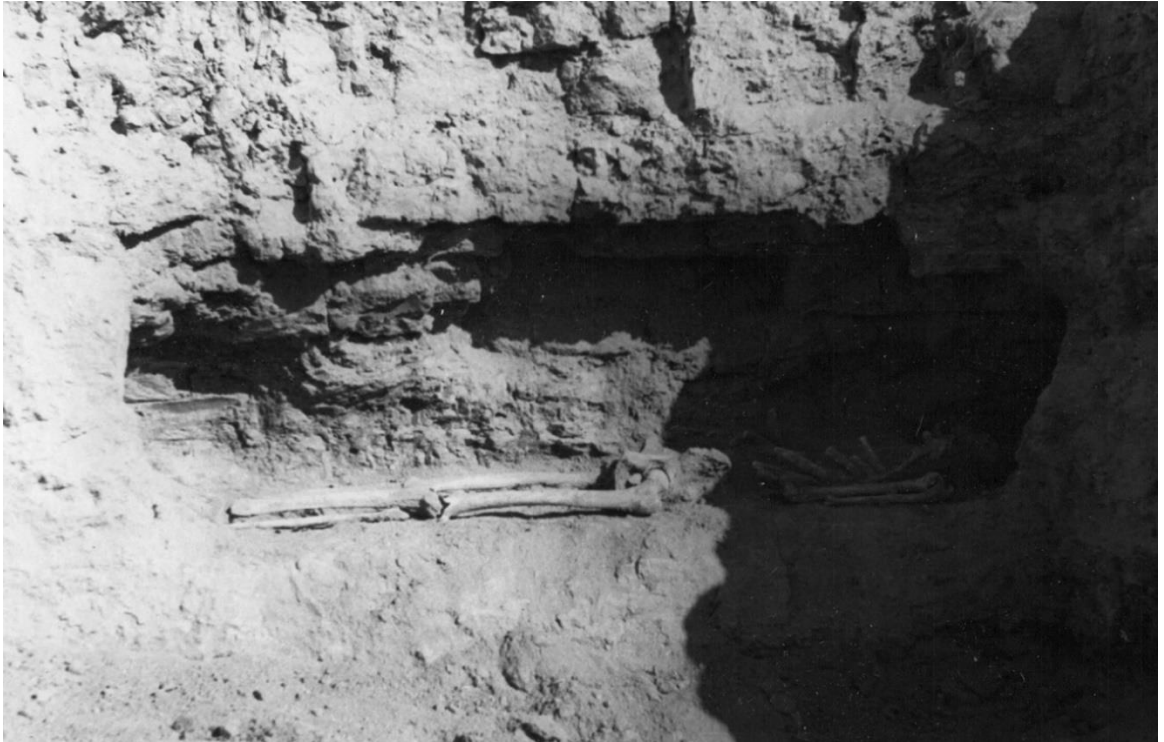

Рис. 93. Байрам-алинский некрополь. Погребение в нише-подбое, тип. 4 [Кошеленко, 1965. Раскопки ..., № 2884].

Рис. 94. Могильник Дашти-Урдакон. [Научный и фотоотдел ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1975. Д. 90. Ш.Ф. 0.3064.9].

Рис. 95. Могильник Дашти-Урдакон. Захоронение девочки (№19) с обнаруженным в области грудной клетки крестом [Научный и фотоотдел ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1976. Д. 90. Ш.Ф. 03156-82, Ш.Ф. 03156-134; Михеева, 2021, с. 351, ил. 15].

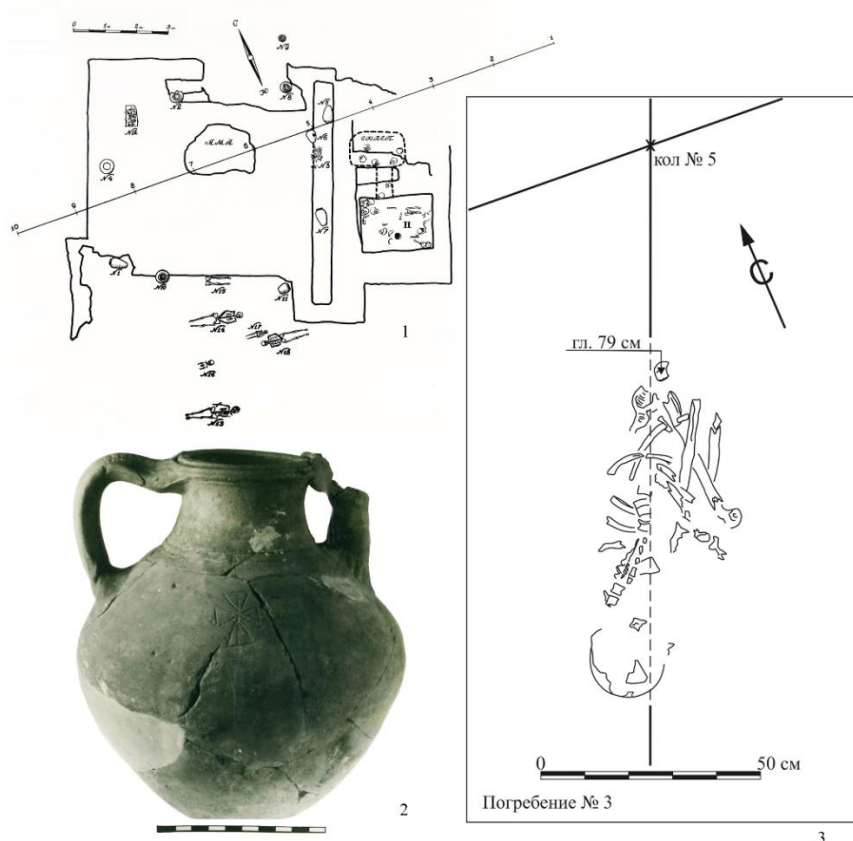

Рис. 96. Ак-Бешим. Погребальный комплекс. Объект Ш. 1 – план комплекса [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ..., № 1018а, рис. 157]; 2 – кувшин с прочерченным крестом [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ..., № 1018а, рис. 137]; 3 – план погребения № 3 [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Кызласов Л.Р., 1955а. Дневник 19. Об. Ш, л. 1-33; Михеева, 2021, с. 320-323].

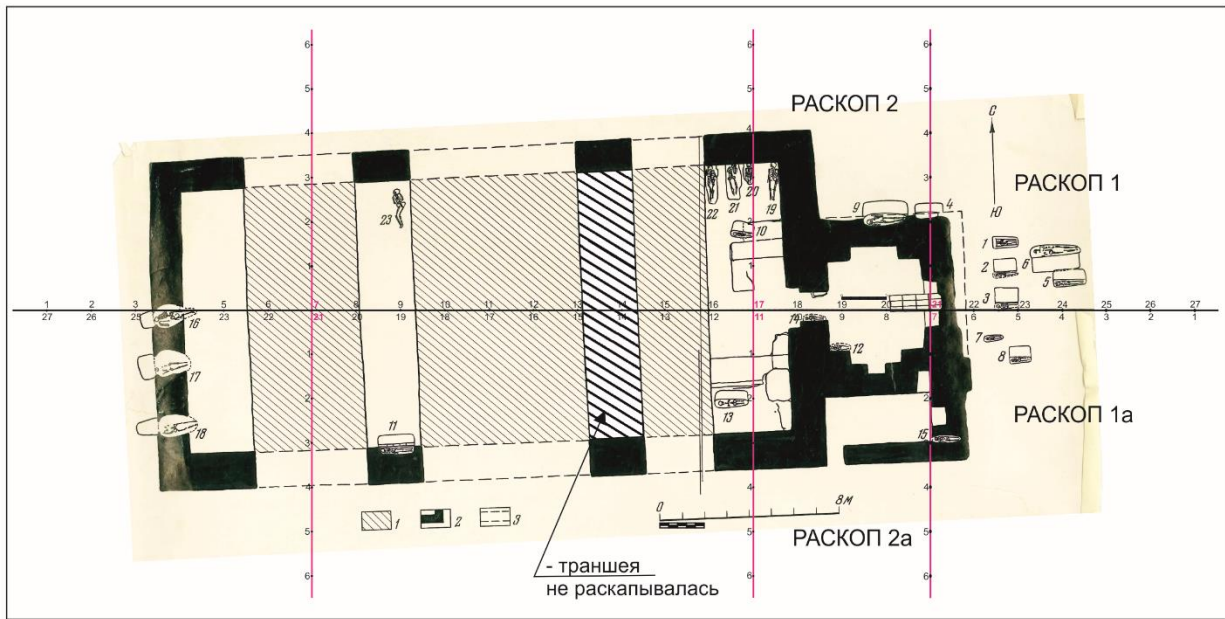

Рис. 97. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Расположение погребений [Кызласов Л.Р., 1955. Отчет ..., № 1018а, рис. 158; 1959, с. 232, рис. 56; Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 337, ил. 6].

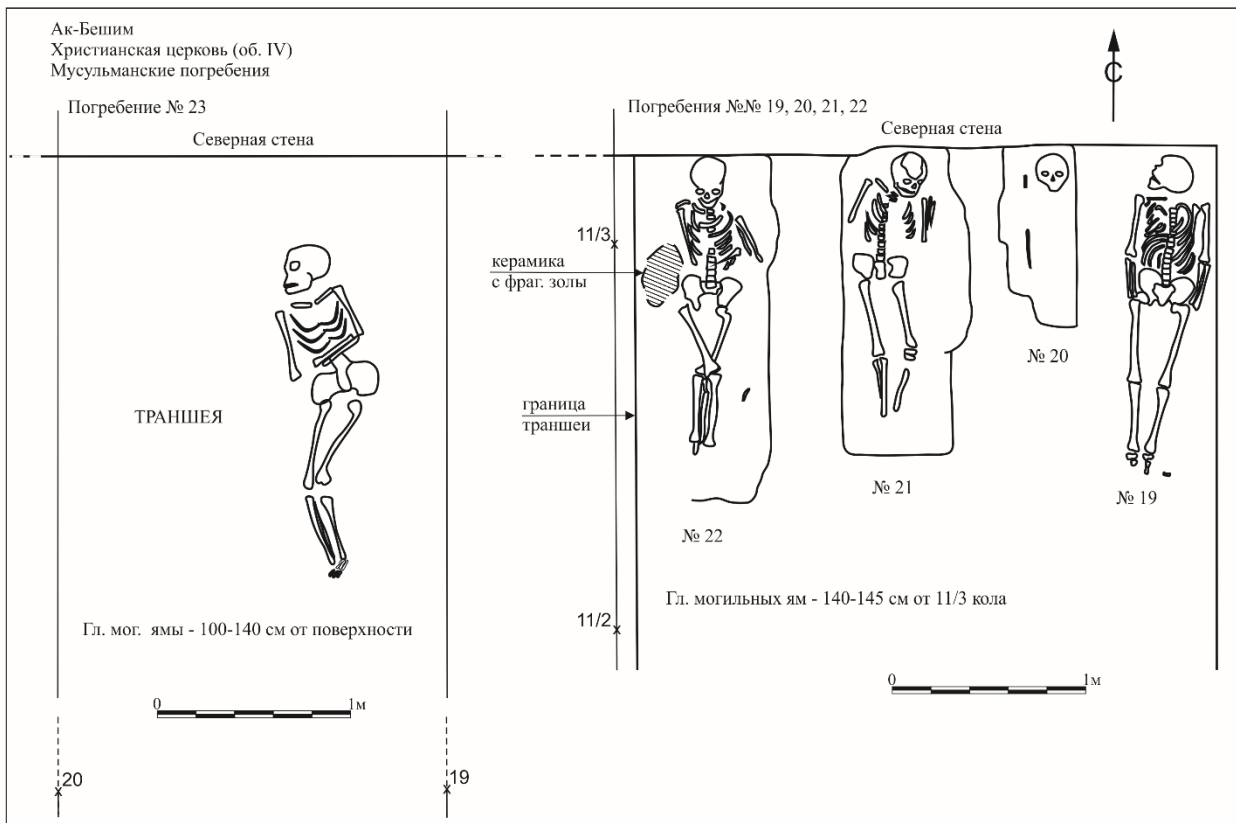

Рис. 98. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Мусульманские погребения [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 339, ил. 7].

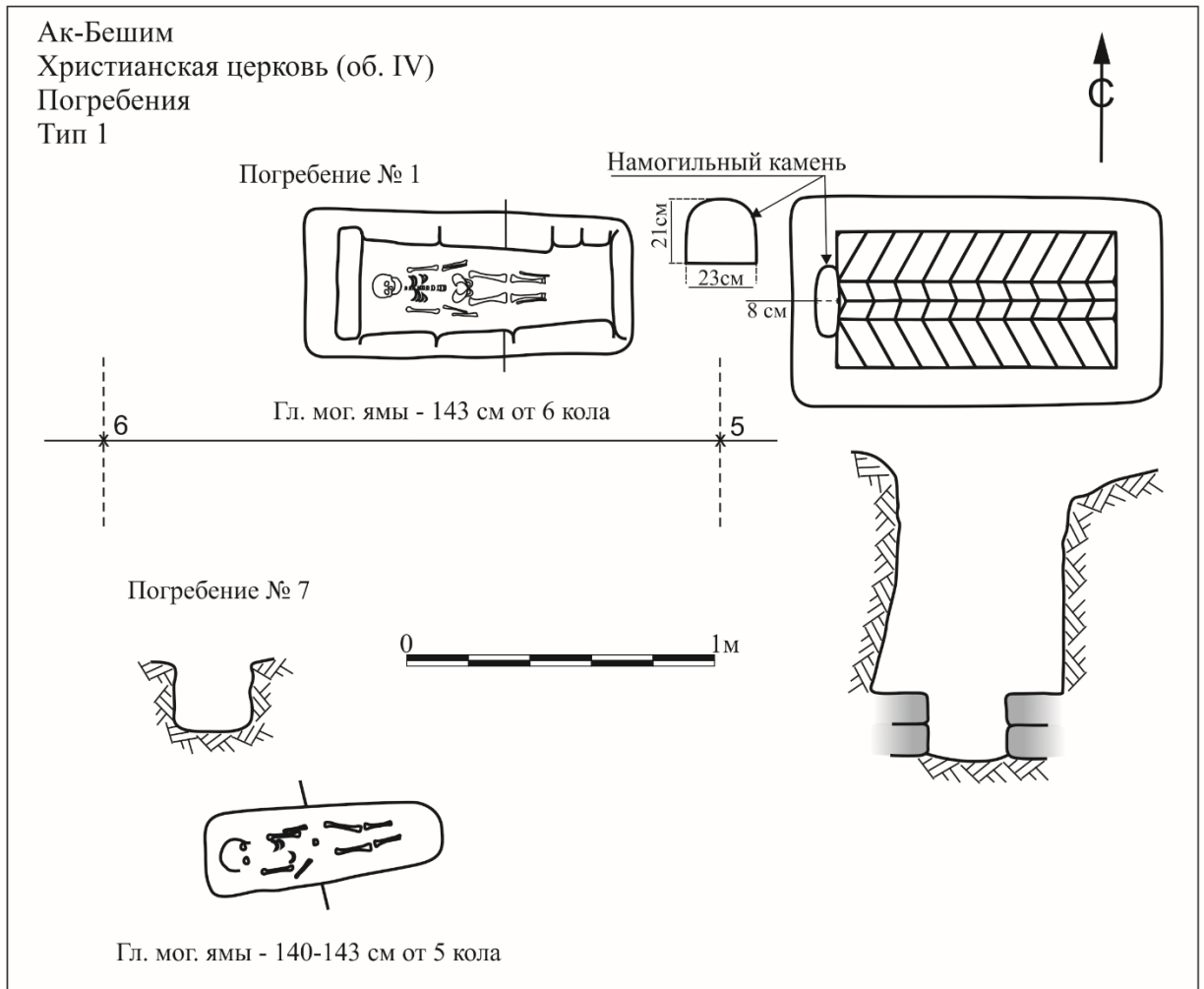

Рис. 99. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Христианские погребения. Тип. 1 [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 340, ил. 8].

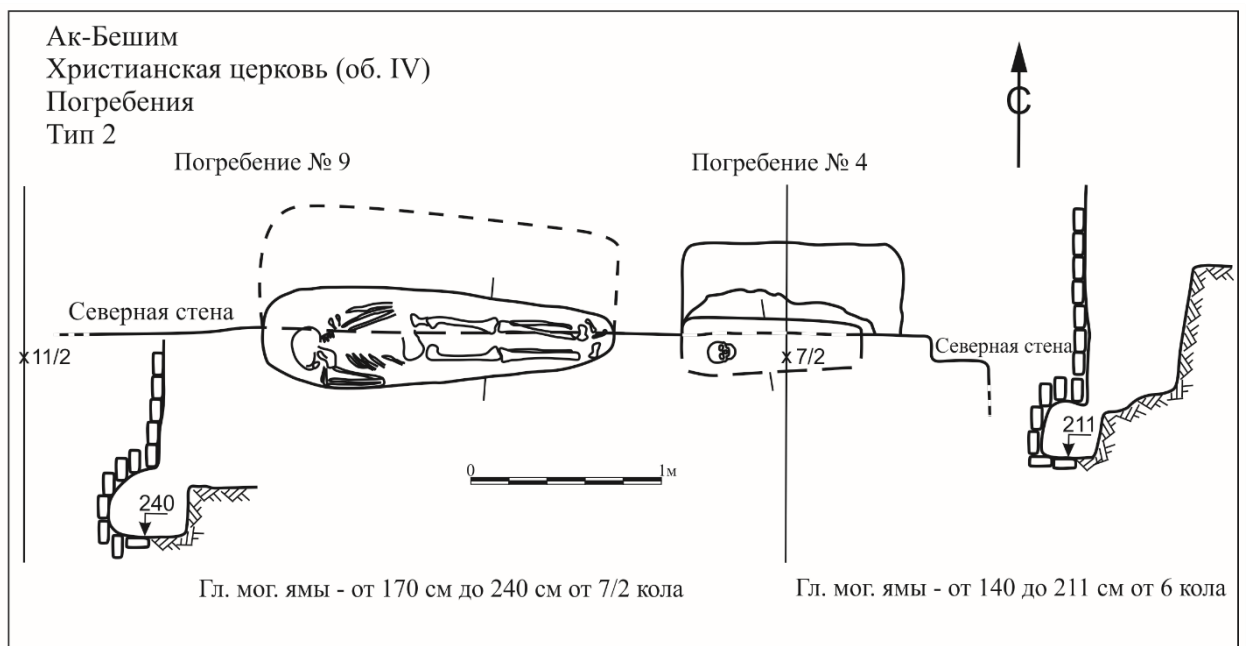

Рис. 100. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Христианские погребения. Тип. 2 [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 341, ил. 10].

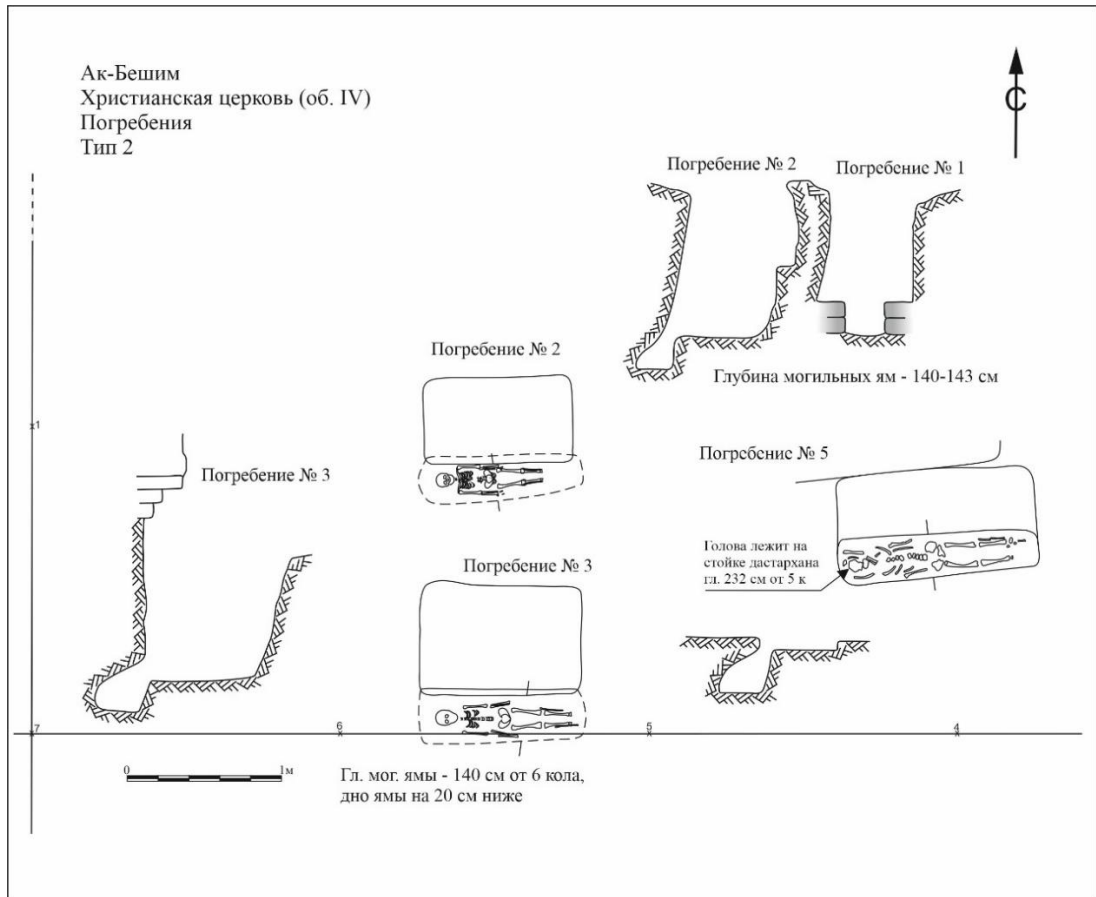

Рис. 101. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Христианские погребения. Тип. 2 [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 341, ил. 9].

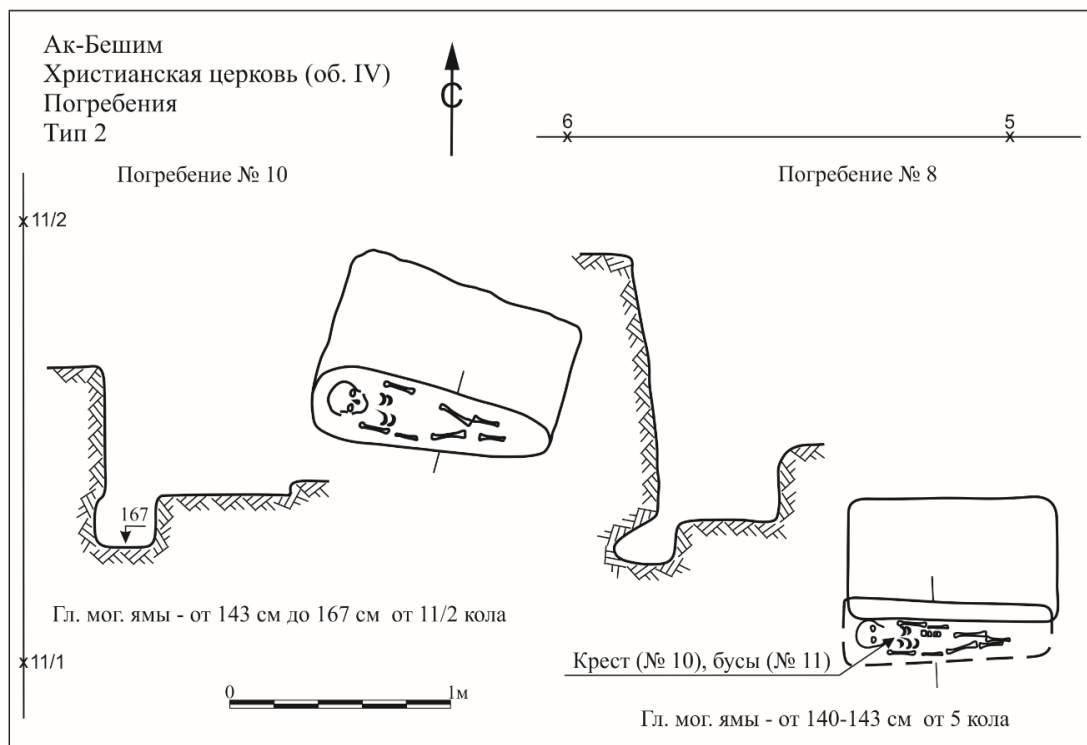

Рис. 102. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Христианские погребения. Тип. 2 [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 342, ил. 11].

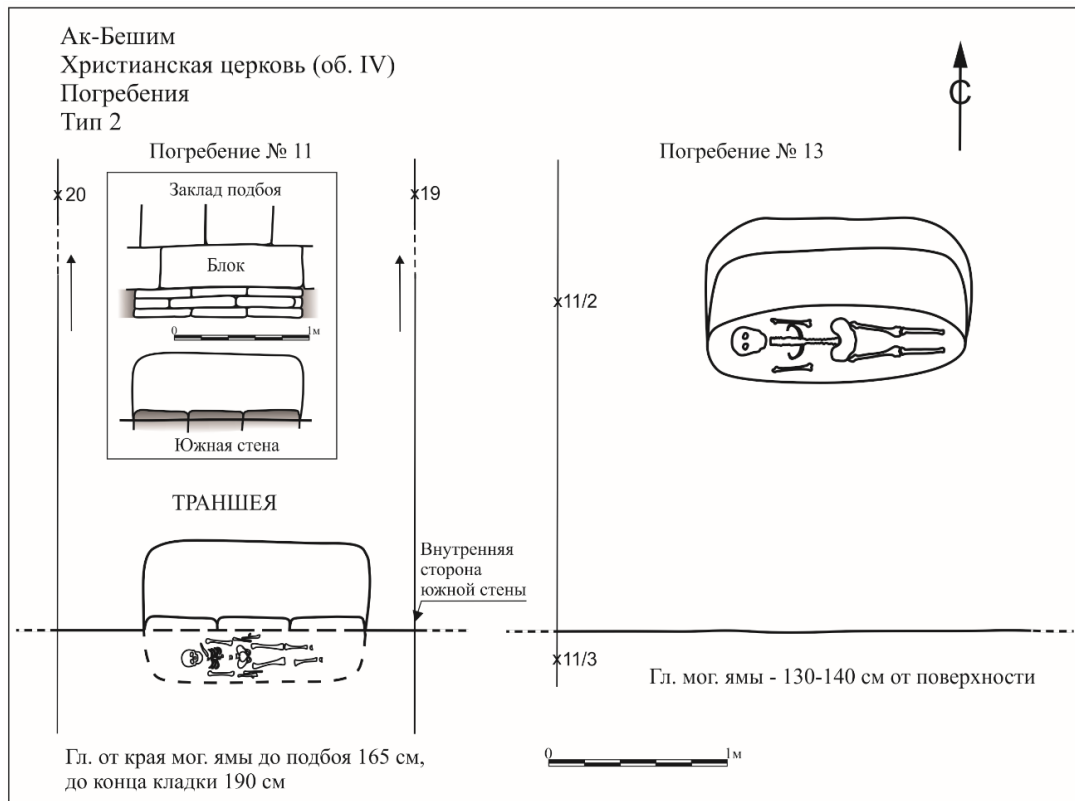

Рис. 103. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Христианские погребения. Тип 2 [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 342, ил. 12].

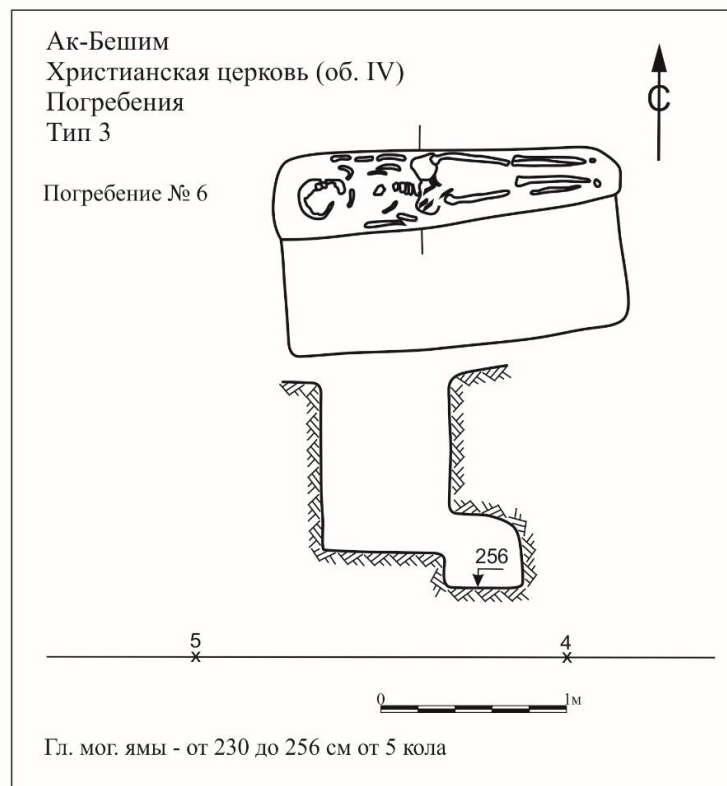

Рис. 104. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Христианские погребения. Тип 3 [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 343, ил. 13].

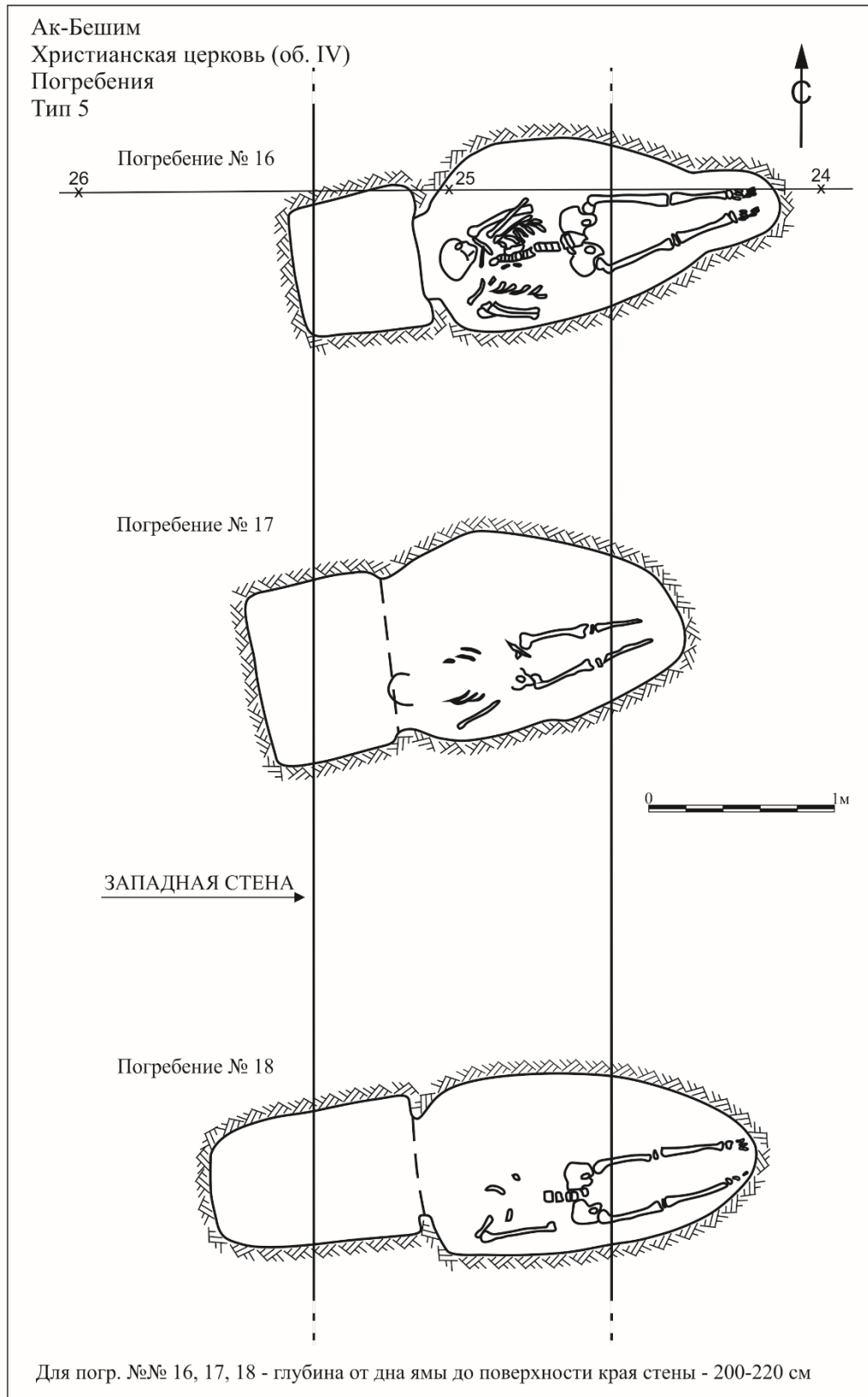
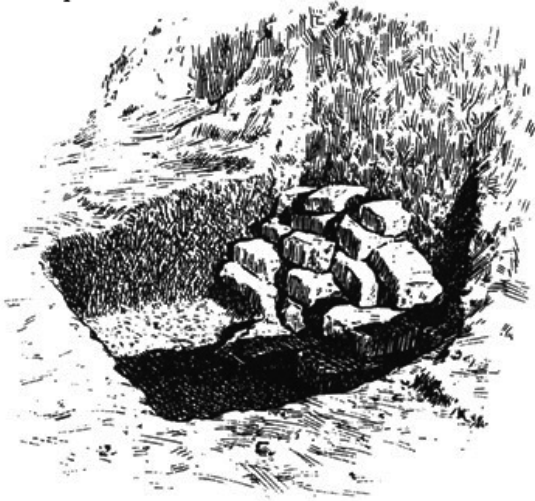

Рис. 105. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Христианские погребения. Тип. 5 [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Михеева, 2021, с. 345, ил. 14].

Погребение № 17

Погребение № 18

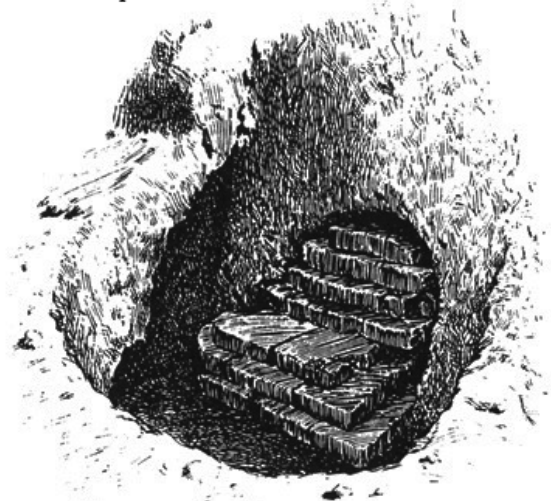

Рис. 106. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Заклады погребений [Кызласов Л.Р., 2006, с. 326, рис. 111].

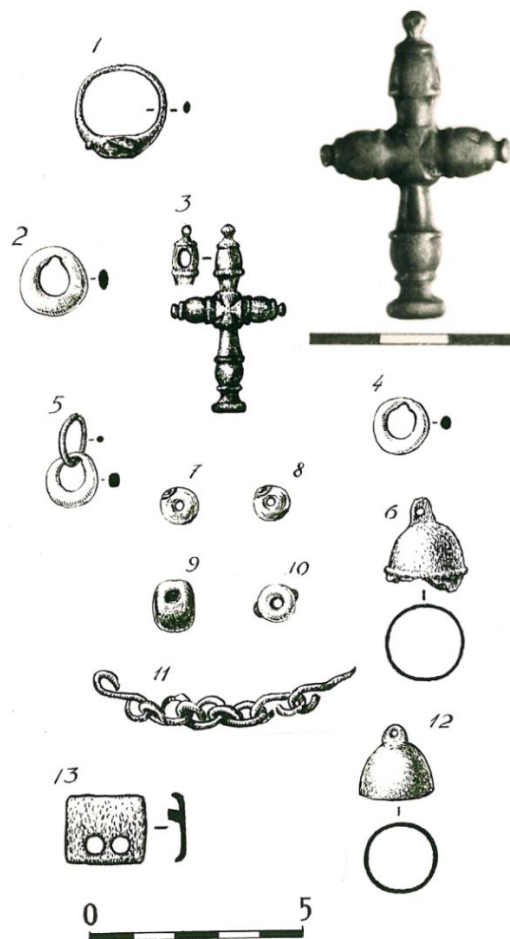

Рис. 107. Ак-Бешим. Церковь с кладбищем (Об. IV). Индивидуальные находки [Личный фонд Л.Р. Кызласова. Архив ИА РАН. Ф.37, папка № 38, б/н; Кызласов Л.Р., 1959, с. 321-322; Михеева, 2019, с. 261]. Погр. № 2 – 4, Погр. № 3 – 2, Погр. № 5 – 5, Погр. № 8 – 3, 7-10.

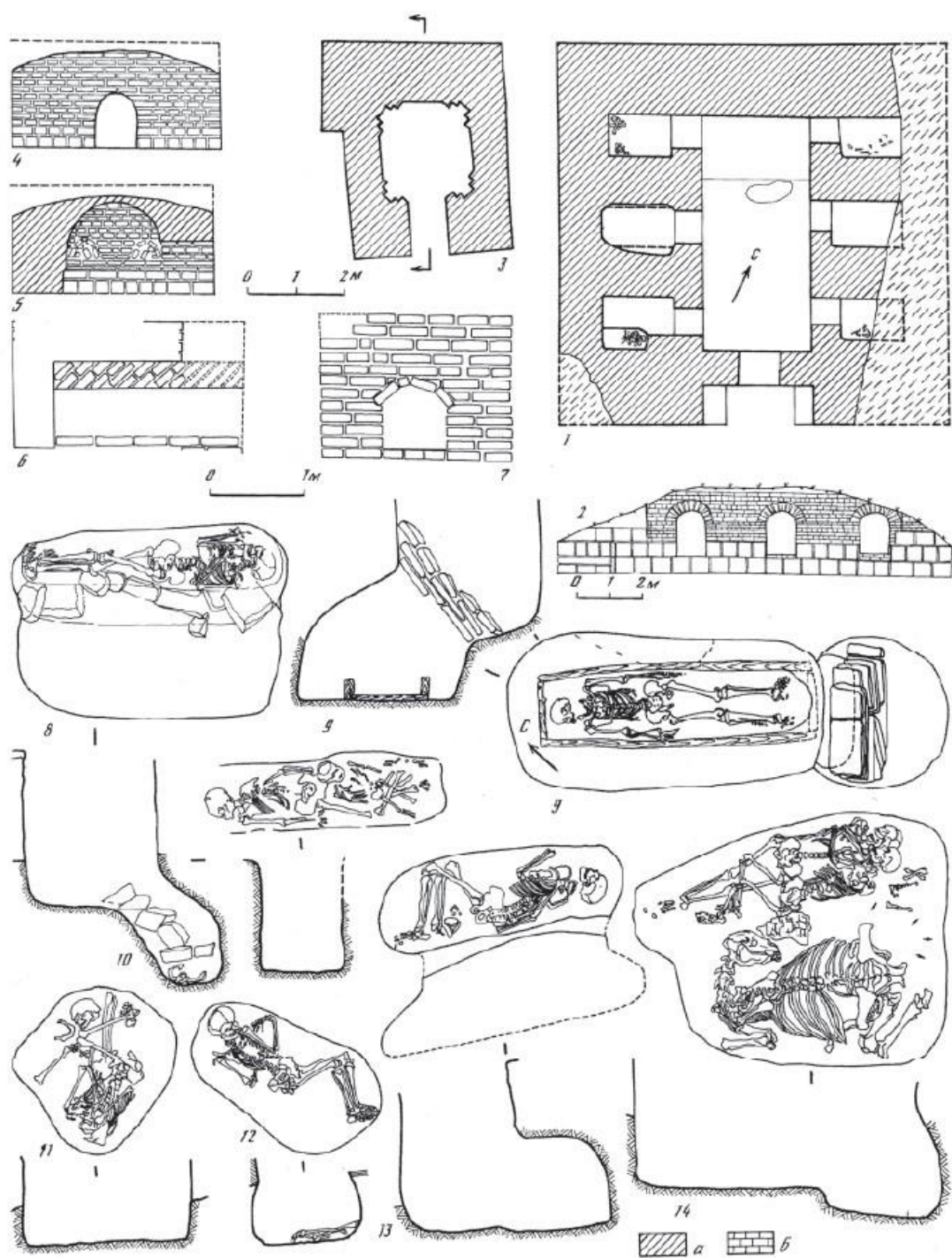

Рис. 108. Городище Красная речка. Погребальные сооружения некрополя [Байпаков, 2012, с. 300, рис. 139].

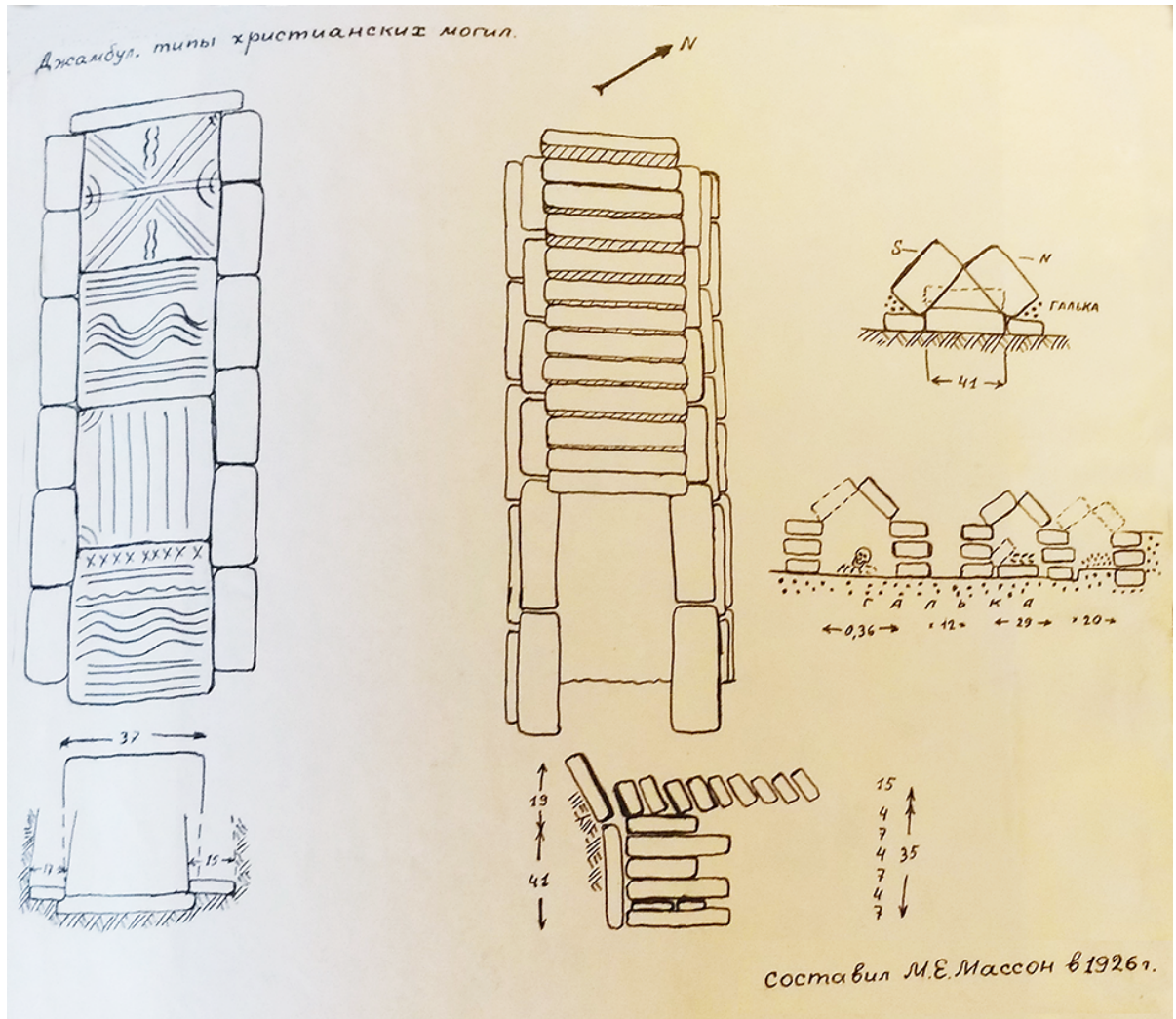

Рис. 109. Некрополь Древнего Тараза [Дресвянская, 1968b, альбом ил., рис. 1; Михеева, 2021, с. 352, ил. 16].

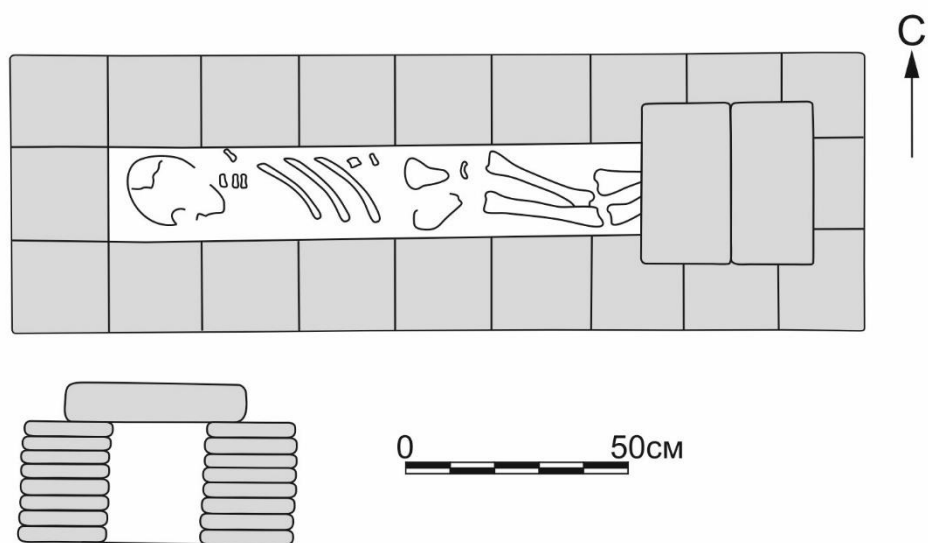

Рис. 110. Площадь Регистан, Узбекистан [Бурякова, Буряков, 1973, с. 210, рис. 7; Михеева, 2021, с. 354, ил. 17].

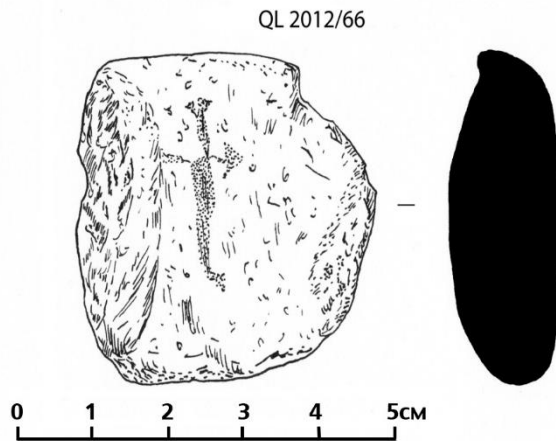
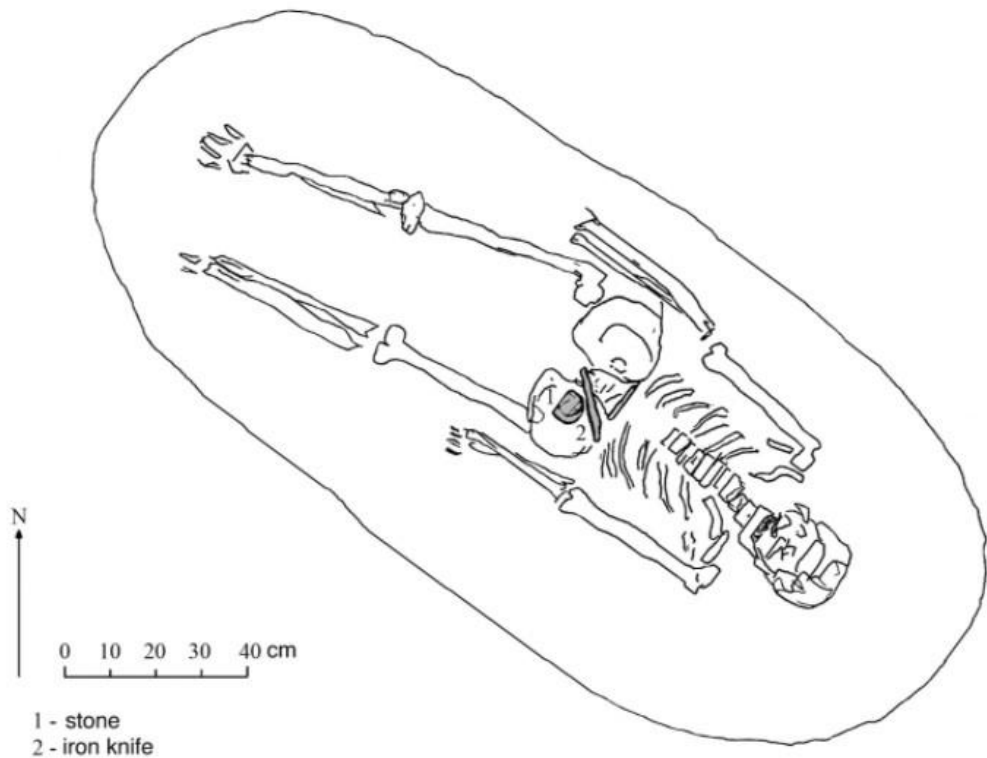

Рис. 111. Городище Каршаул-тепа. Раскопки К.А. Шейко. Камень, обнаруженный в погребении № 4. [рисунок камня предоставлен лично Ивановым Г.П. из отчета по раскопкам памятника в 2012 г.].

"Plate 6

Рис. 112. Городище Каршаул-тепа. Раскопки К.А. Шейко. Погребение № 4. [План погребения предоставлен лично Ивановым Г.П. из отчета по раскопкам памятника в 2012 г.].

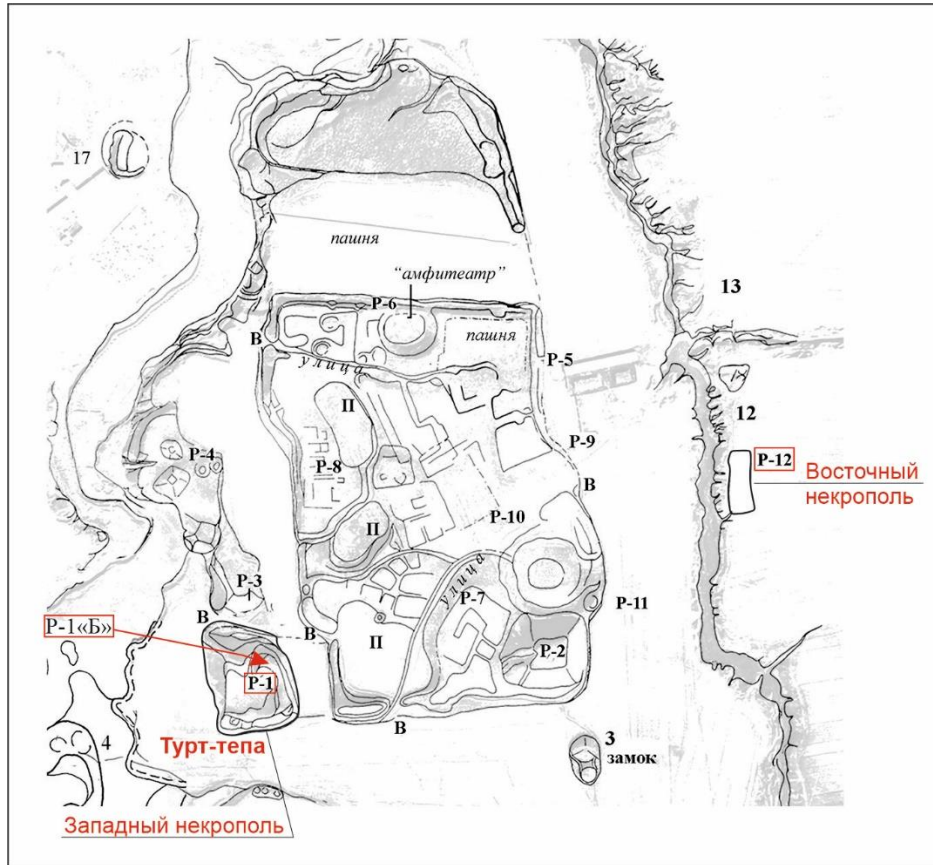

Рис. 113. План городища Дурмон-тепе [Шишкина, Иневаткина, 2005, с. 39, рис. 1].
Восточный некрополь – Раскоп 12, Западный некрополь – Раскоп 1.

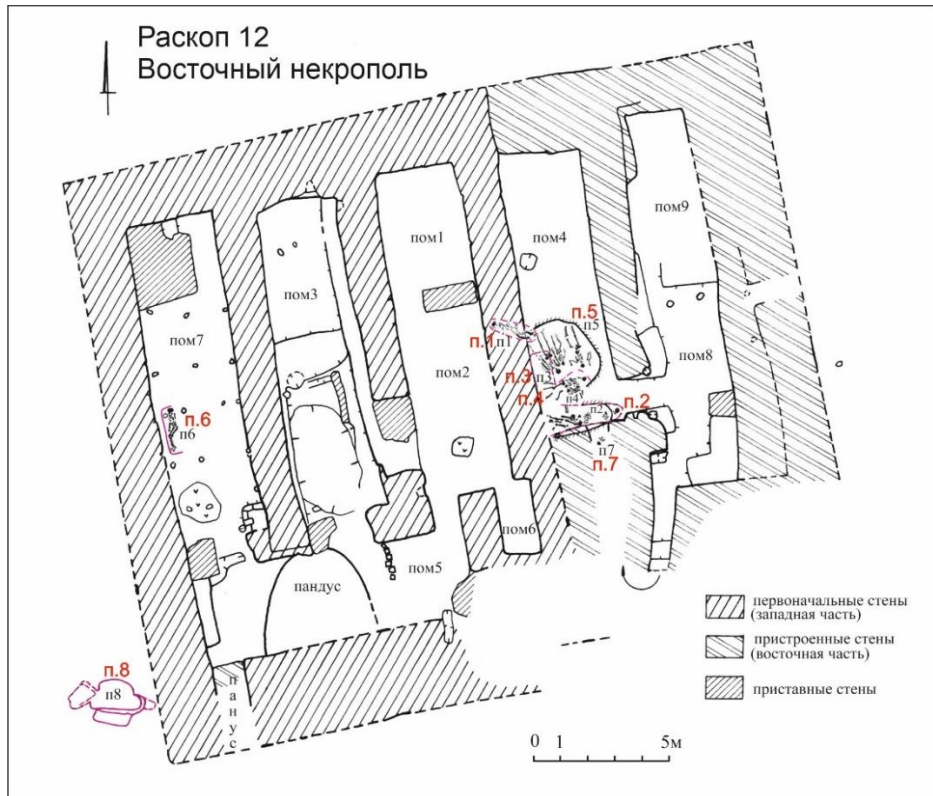

Рис. 114. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. План [Наймарк, Яковлев, 2005, с. 79].

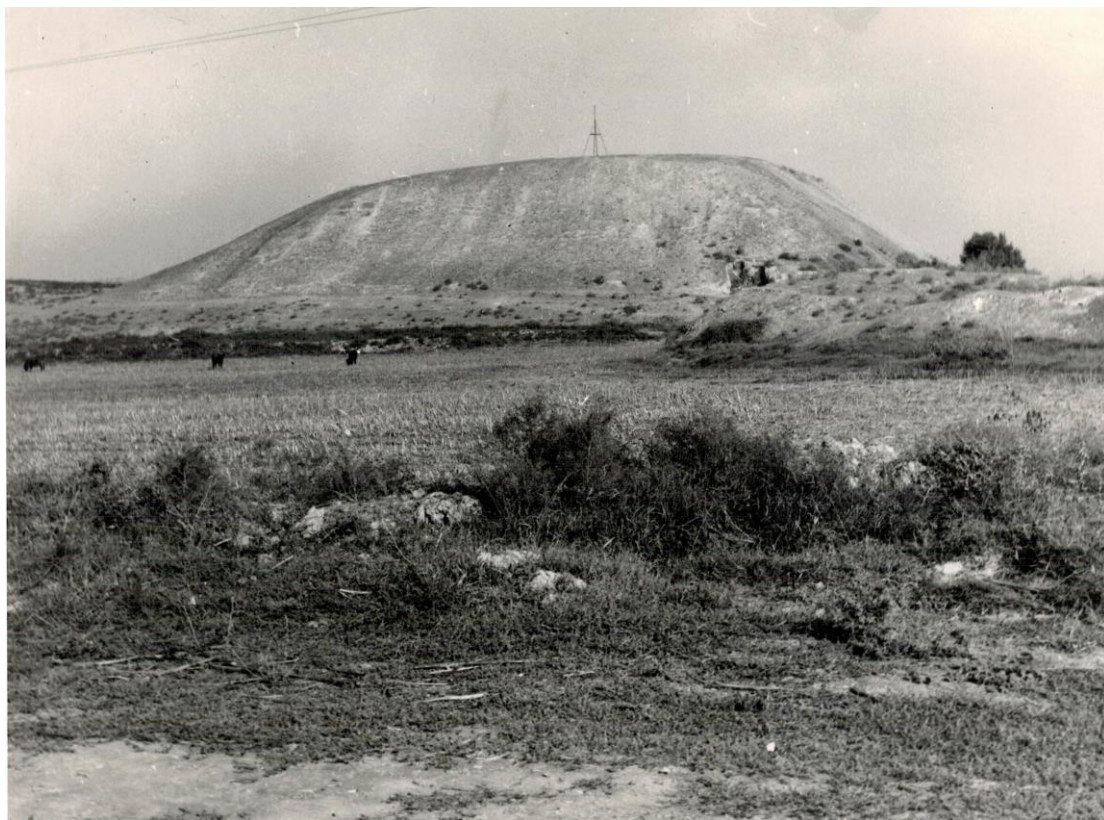

Рис. 115. Могильник Дурмон-тепе. Цитадель (на плане городища – Р-2). Вид с юга
[Фото САЭГМИНВ, из НОА ГМИНВ, б/н].

Рис. 116. Могильник Дурмон-тепе. На заднем плане холм Турт-тепа, Раскоп 1, 1 «Б».
[Фото САЭГМИНВ из НОА ГМИНВ, б/н].

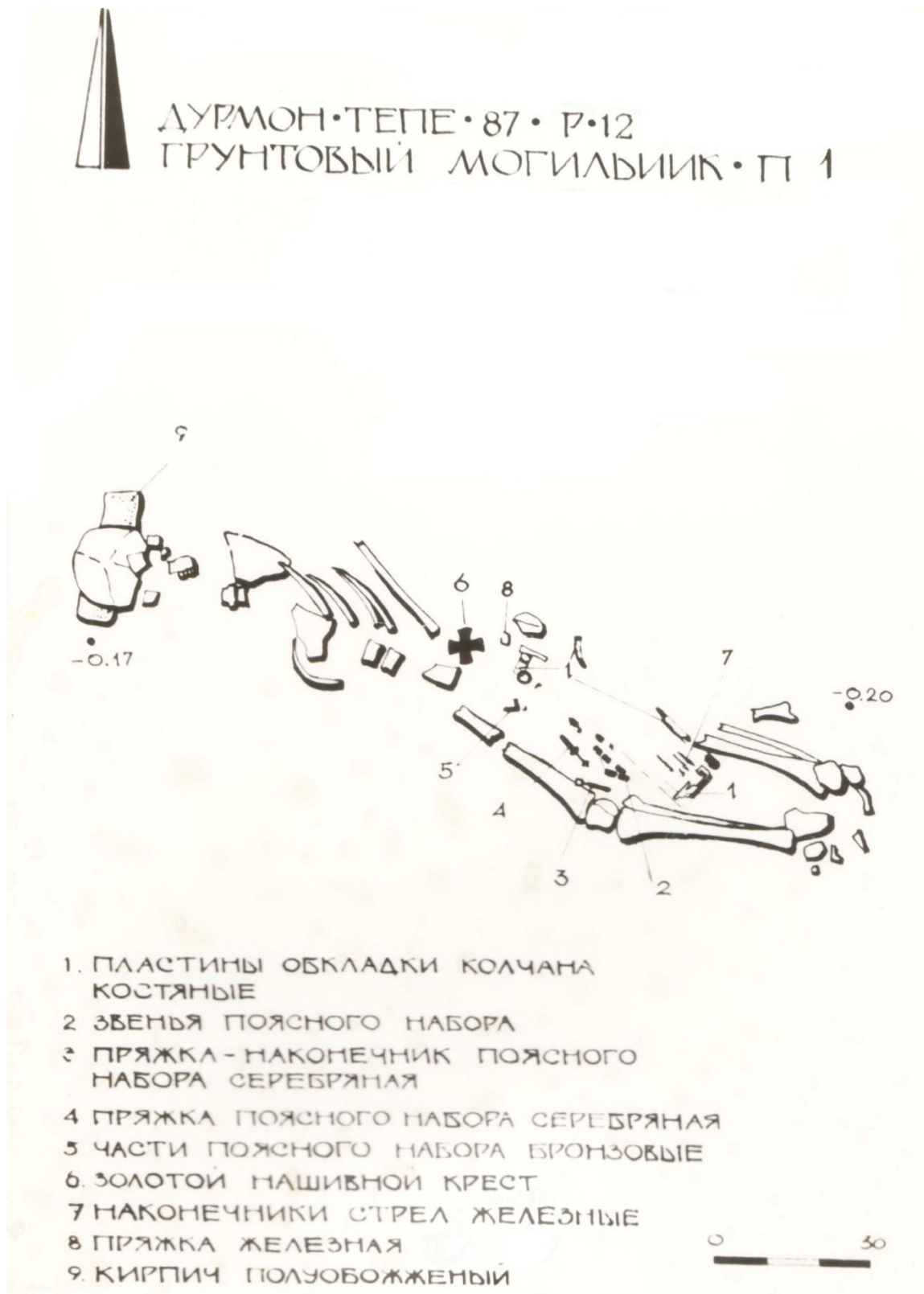

Рис. 117. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12, погребение № 1 [Шишкина, 1994, с. 56, рис. 11; фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, 1987, б/н].

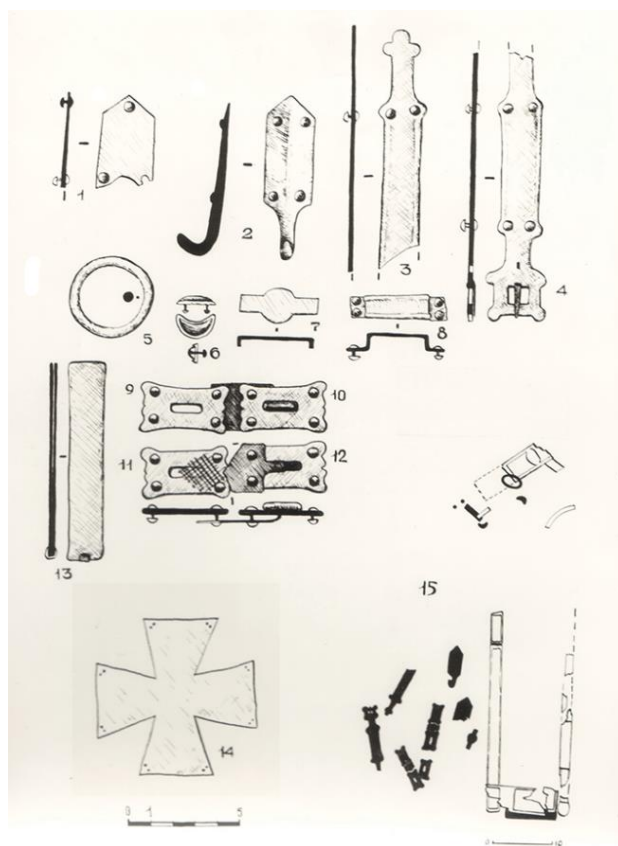

Рис. 118. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребальный инвентарь из погребения № 1: 1-13 – поясной набор, 14 – нашивной крест из тонкого золота; 15 – фрагменты колчана. Рисунок Н.С. Сурвилло [Фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, 1987, б/н; Михеева, 2022, с. 356, ил. 18].

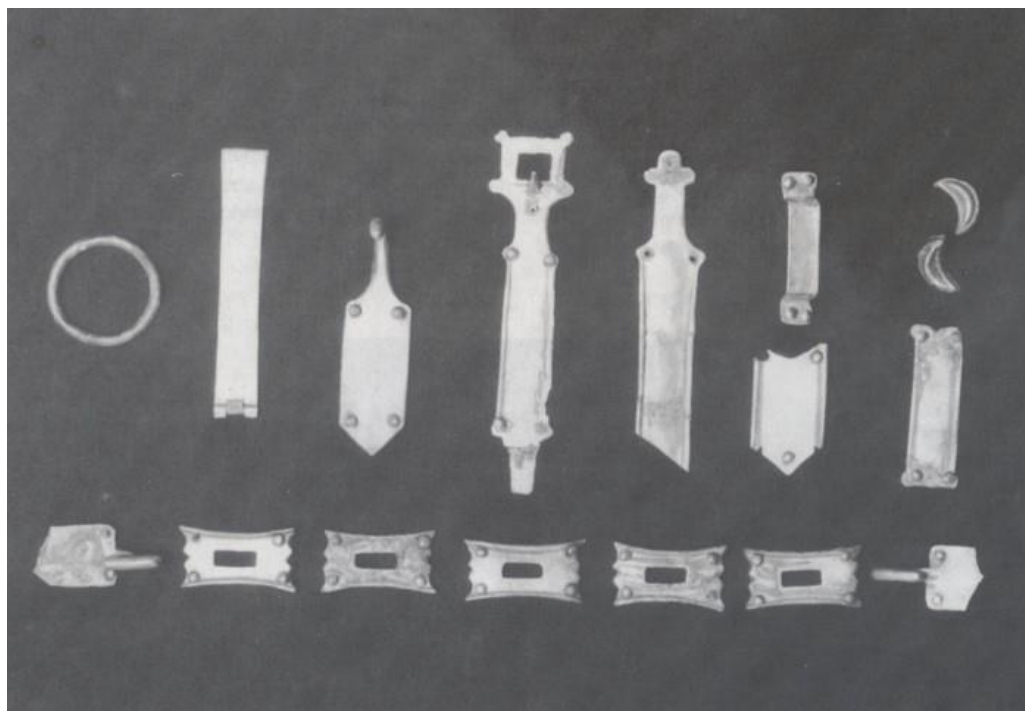

Рис. 119. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребальный инвентарь из погребения № 1. Поясной набор. Фото [Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 168, рис. 694].

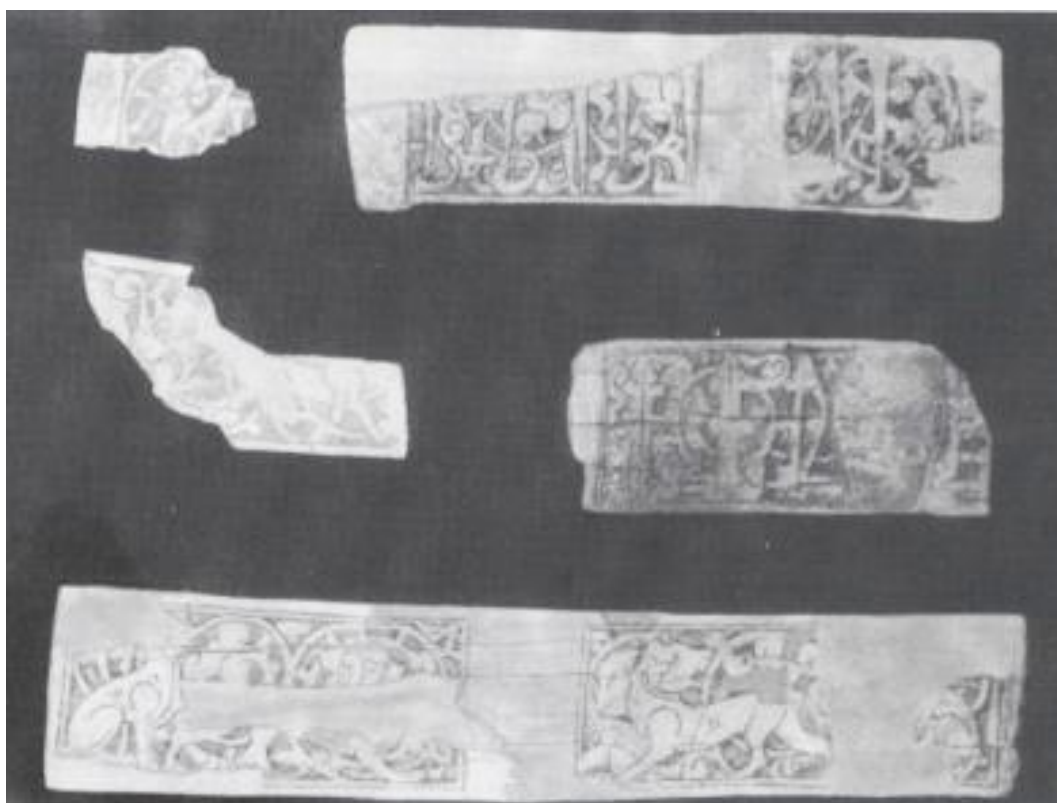

Рис. 120. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребальный инвентарь из погребения № 1. Накладки на колчан костяные. Фото [Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 165, рис. 691].

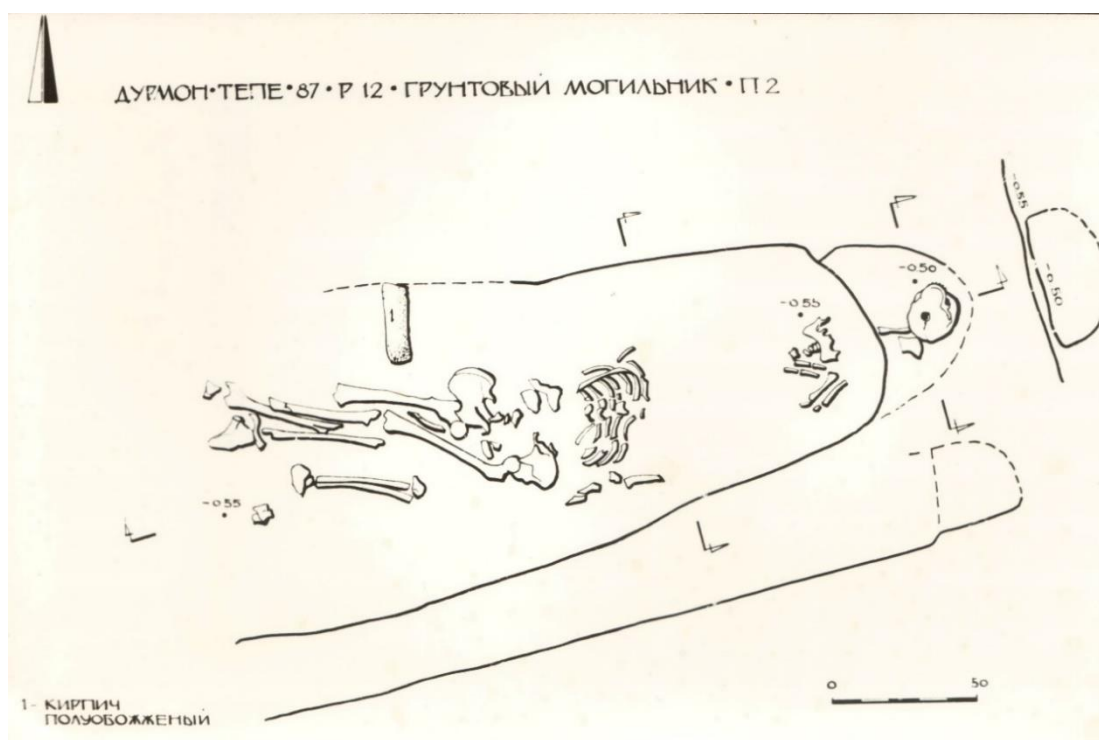

Рис. 121. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребение № 2 [фото чертежа из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, 1987, б/н].

Рис. 122 . Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребение № 2 [фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, 1987, б/н].

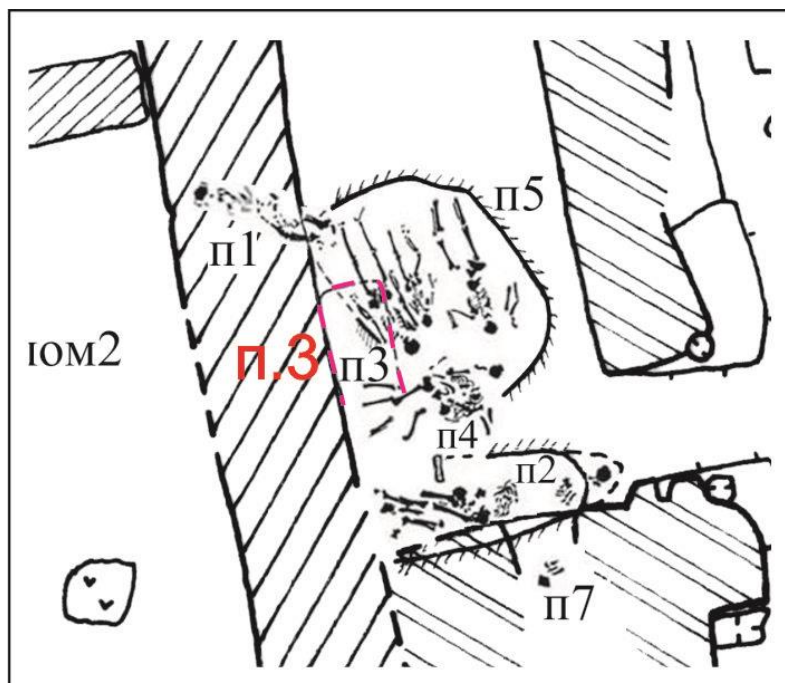

Рис. 123. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребение № 3. Выкопировка части плана усадьбы Р-12 с обозначением погребения № 3 [ссылка см. рис. выше; Наймарк, Яковлев, 2005, с. 79].

Рис. 124. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребение № 4 [фото чертежа из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, 1987, б/н].

Рис. 125. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребение № 4 [фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, 1987, б/н].

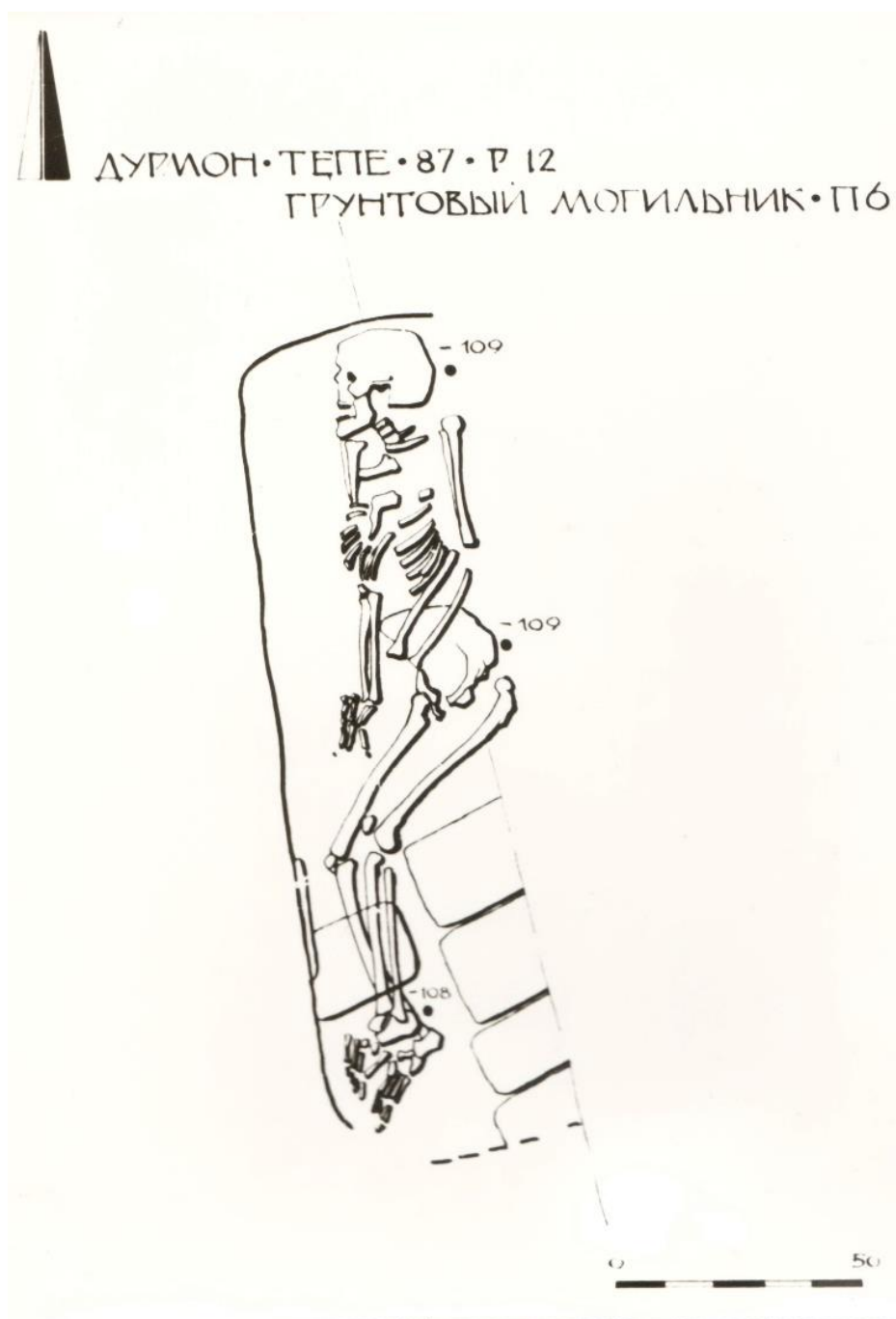

Рис. 126. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребение № 6 [фото чертежа из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, 1987, б/н].

Рис. 127. Могильник Дурмон-тепе. Восточный некрополь. Раскоп 12. Погребение № 6 [фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 31, 1987, б/н].

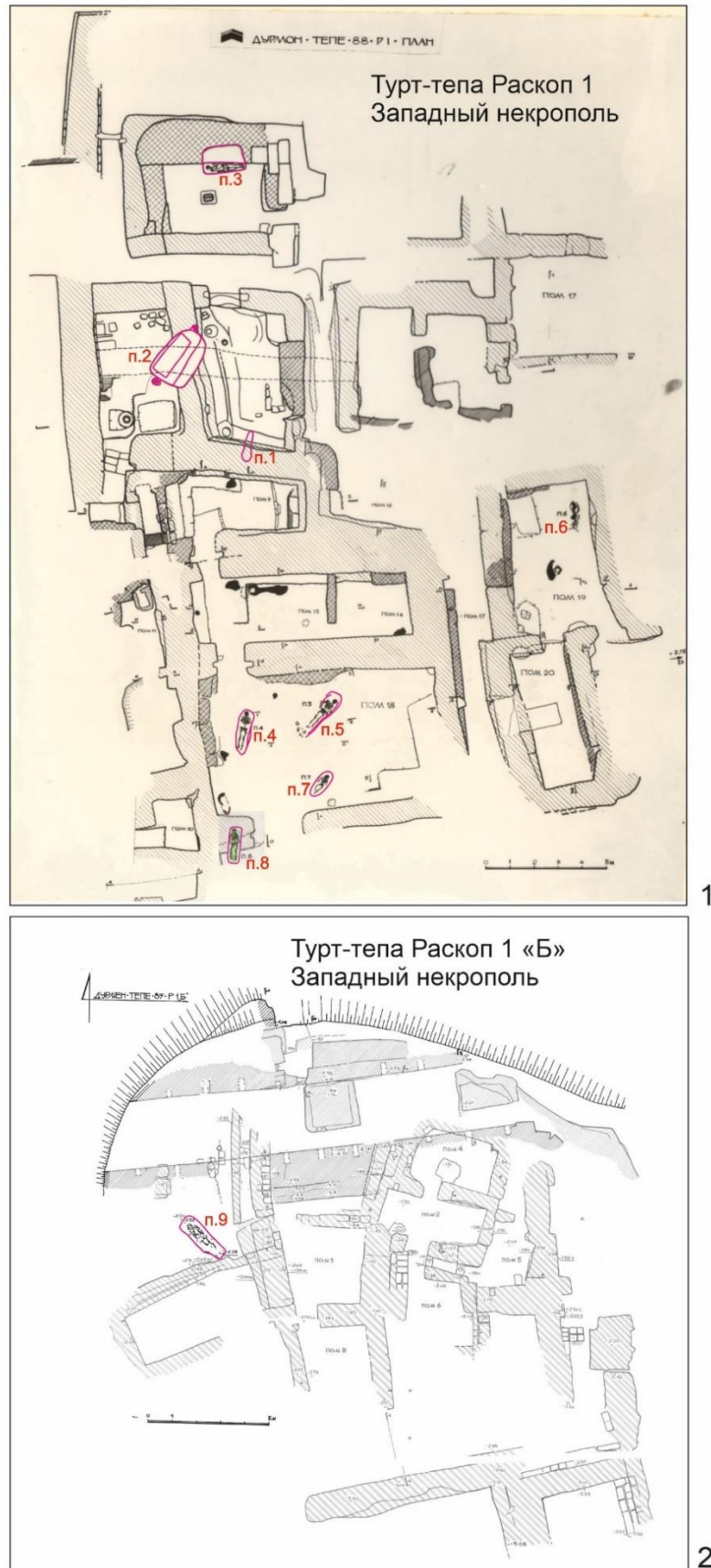

Рис. 128. Могильник Дурмон-тепе. Холм Турт-тепа. 1 – Западный некрополь. Раскоп 1. План. [Отдельное фото чертежа из НОА ГМИНВ, б/н]; 2 – Западный некрополь. Раскоп 1 «Б». План [чертеж предоставлен О.Н. Иневаткиной].

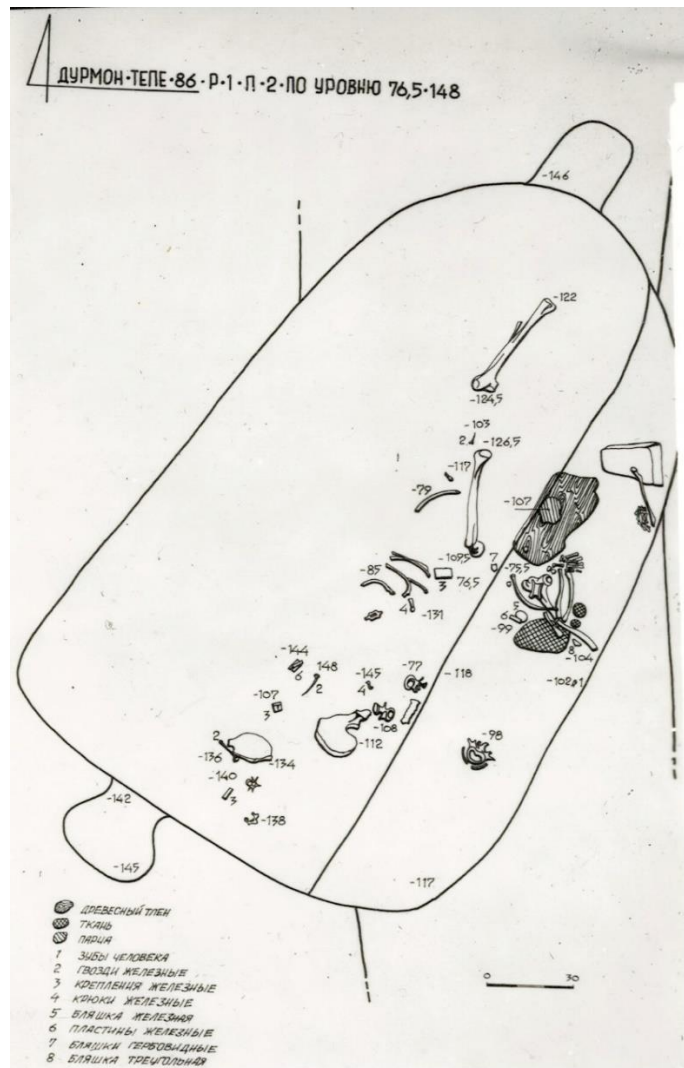

Рис. 129. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепе, Раскоп 1. Погребение № 2, план на уровне от -76,5 до -148 см [фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30, отчет за 1986 г., б/н].

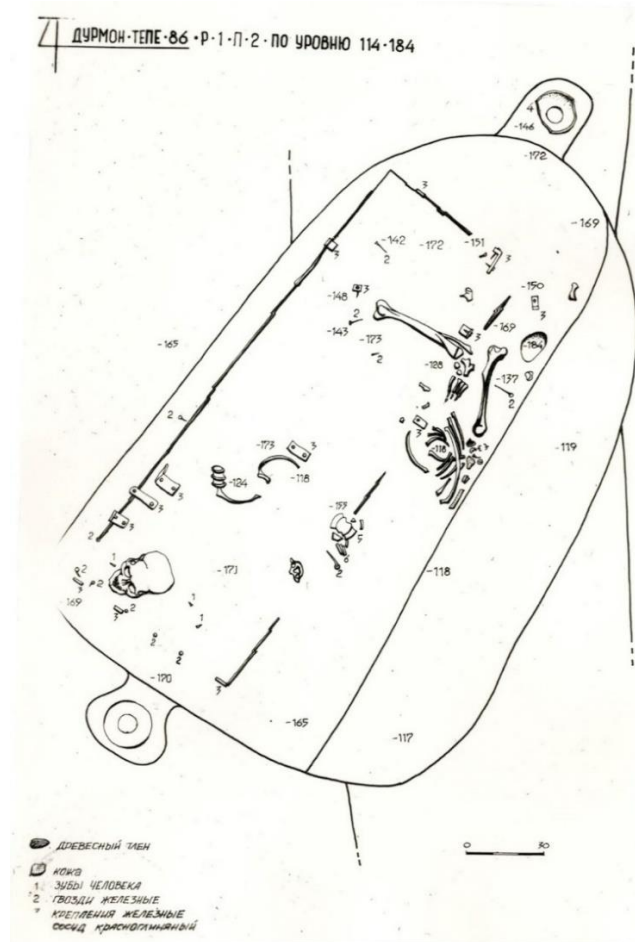

Рис. 130. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепе, Раскоп 1. Погребение № 2, план на уровне от -114 до -184 см [фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30, отчет за 1986 г., б/н; Михеева, 2021, с. 359, ил. 22].

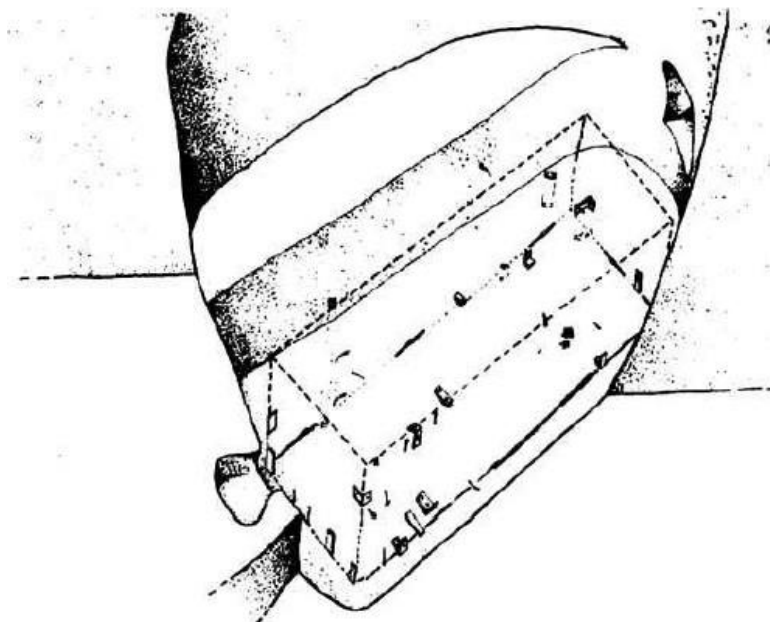

Рис. 131. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепе, Раскоп 1. Погребение № 2. Могильная яма. Аксонометрия [Шишкина, 1994, с. 59, рис. 14].

Рис. 132. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепа. Раскоп 1. Погребение № 3 [фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 30, отчет за 1986 г., б/н].

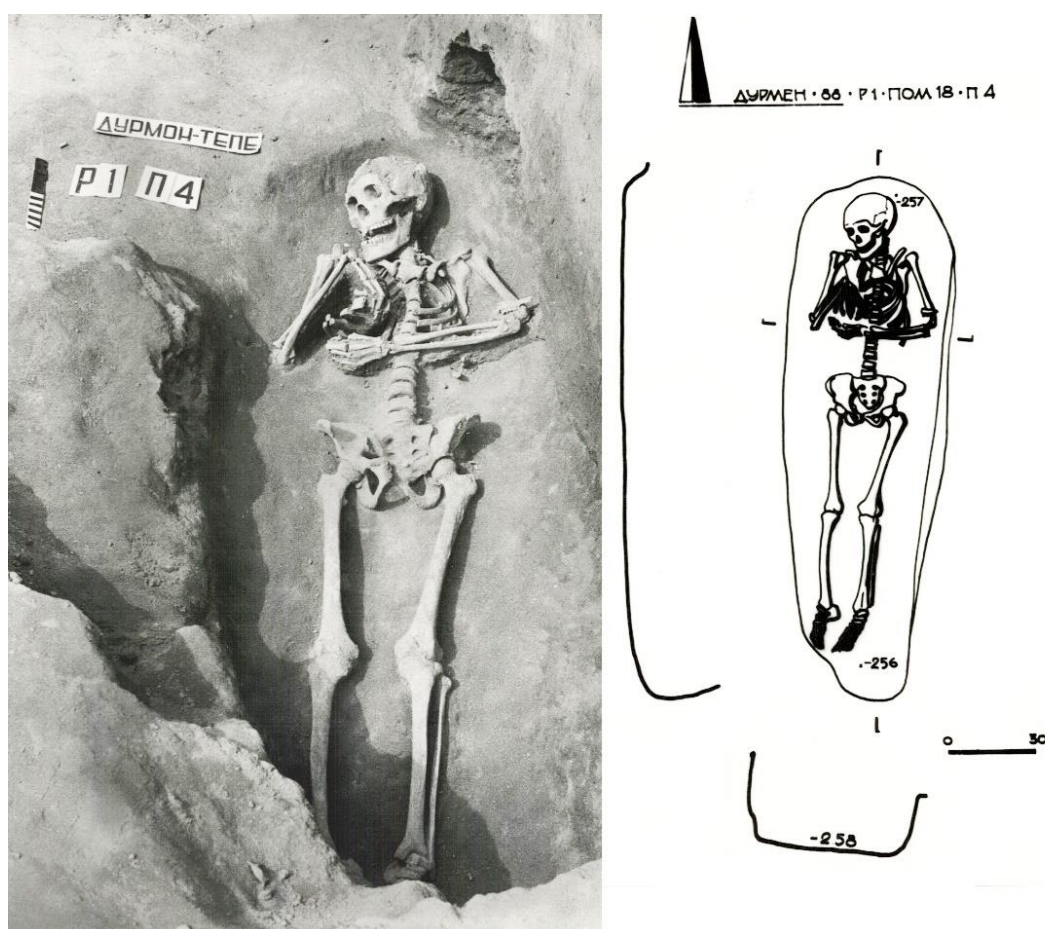

Рис. 133. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепа. Раскоп 1. Погребение № 4. Фото и план погребения [фото и план погребения из отчета НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35, отчет за 1988 г., с. 19, 20].

Рис. 134. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепе. Раскоп 1. Погребение № 5. Вид с ЮЗ [фото погребения из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35, отчет за 1988 г., с. 22; Михеева, 2021, с. 359, ил. 21].

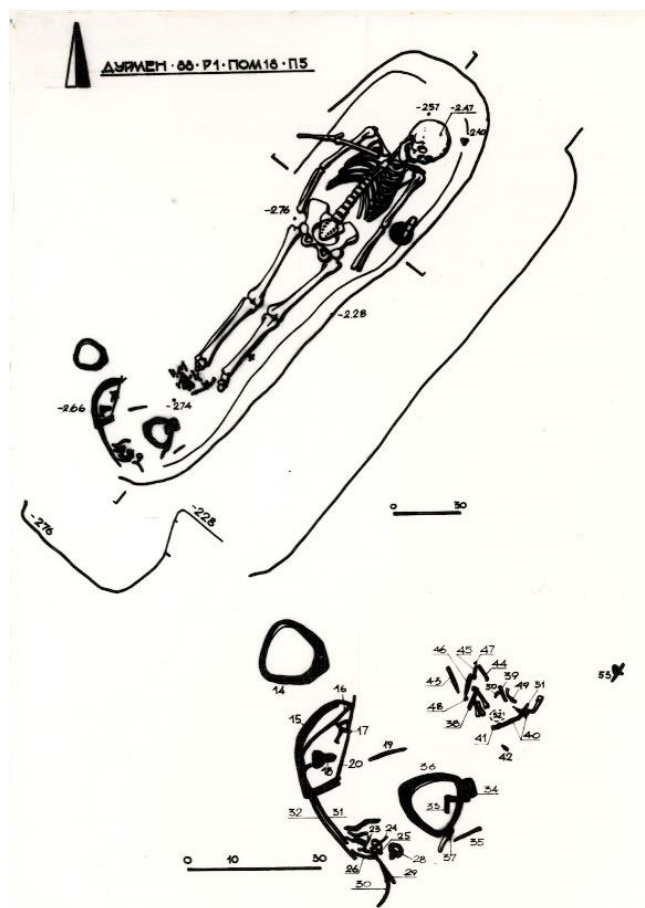

Рис. 135. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепа. Раскоп 1. Погребение № 5. План [фото чертежа погребения из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35, отчет за 1988 г., с. 21].

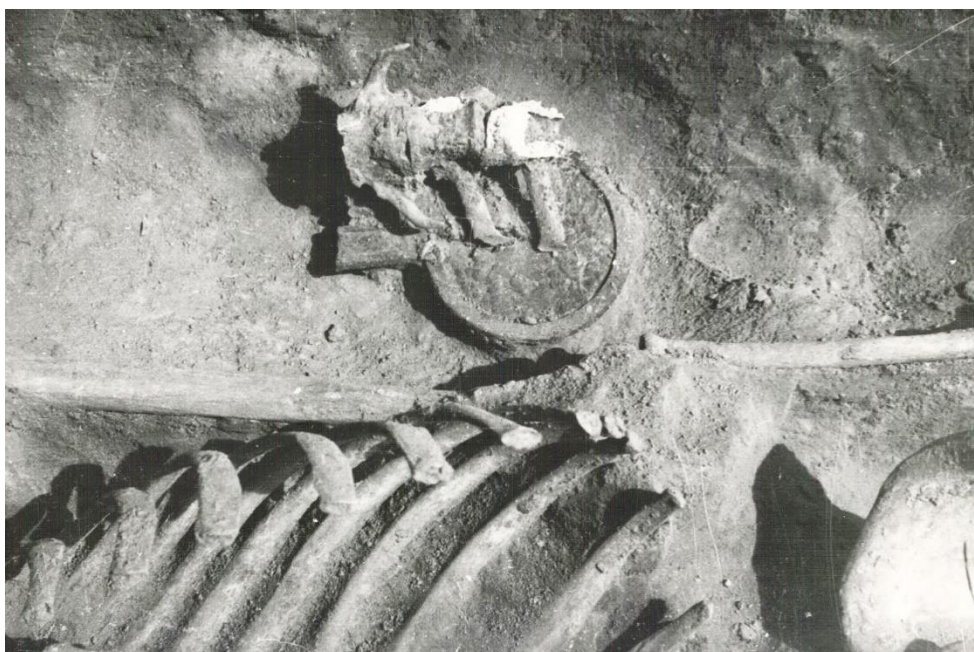

Рис. 136. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепа. Раскоп 1. Погребение № 5. План [фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35, отчет за 1988 г., с. 24; Шишкина, 1994, с. 57, рис. 12].

Рис. 137. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепа. Раскоп 1. Погребение № 5. Бронзовое зеркало с ручкой [фото из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35, отчет за 1988 г., с. 27].

Рис. 138. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепа. Раскоп 1. Погребение № 5. Бронзовое зеркало с ручкой из публикации А.И. Наймарка и Т.К. Мкртычева [Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 167, 692].

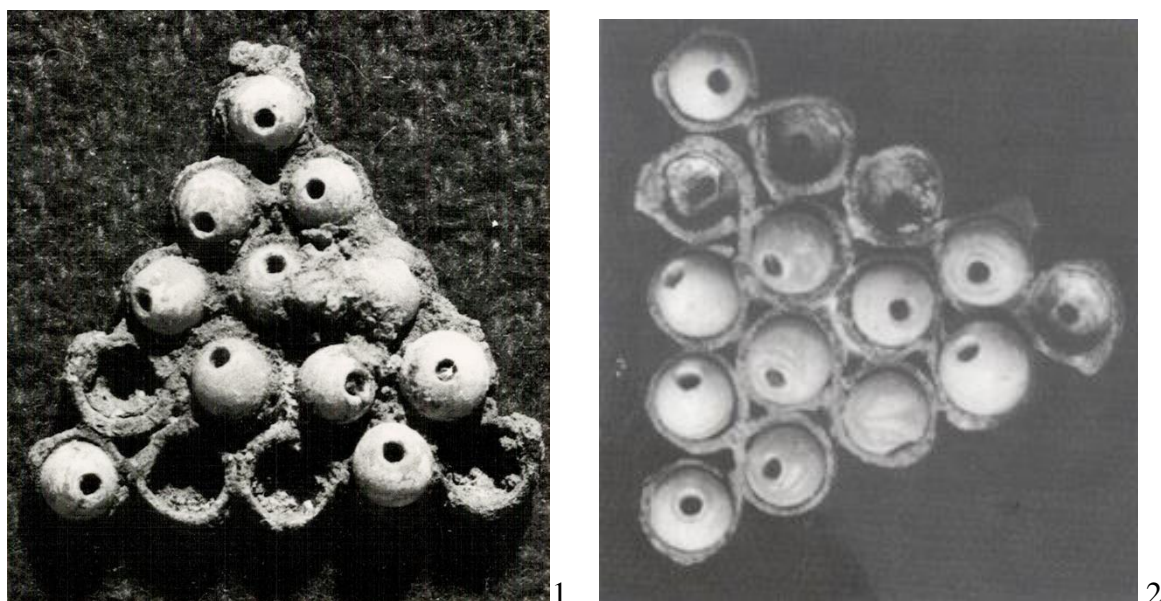

Рис. 139. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепе. Раскоп 1. Погребение № 5. 1 – нашивное украшение на головной убор – эгрет [фото из НОА ГМИНВ Ед. хр. САЭ 35, отчет за 1988 г., с. 27], 2 – этот же предмет в публикации А.И. Наймарка и Т.К. Мкртычева [Наймарк, Мкртычев, 1991, с. 167, 693].

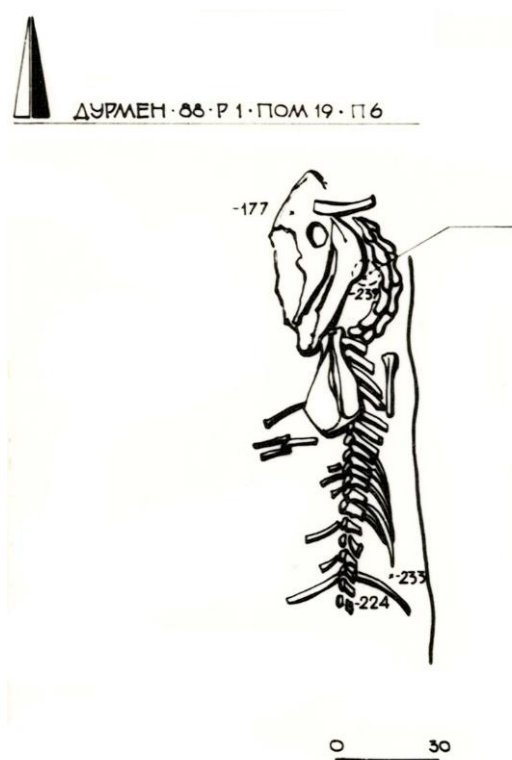

Рис. 140. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепе. Раскоп 1. Погребение № 6. Захоронение коня [фото чертежа погребения из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35, отчет за 1988 г., с. 25; Михеева, 2021, с. 360, ил. 23].

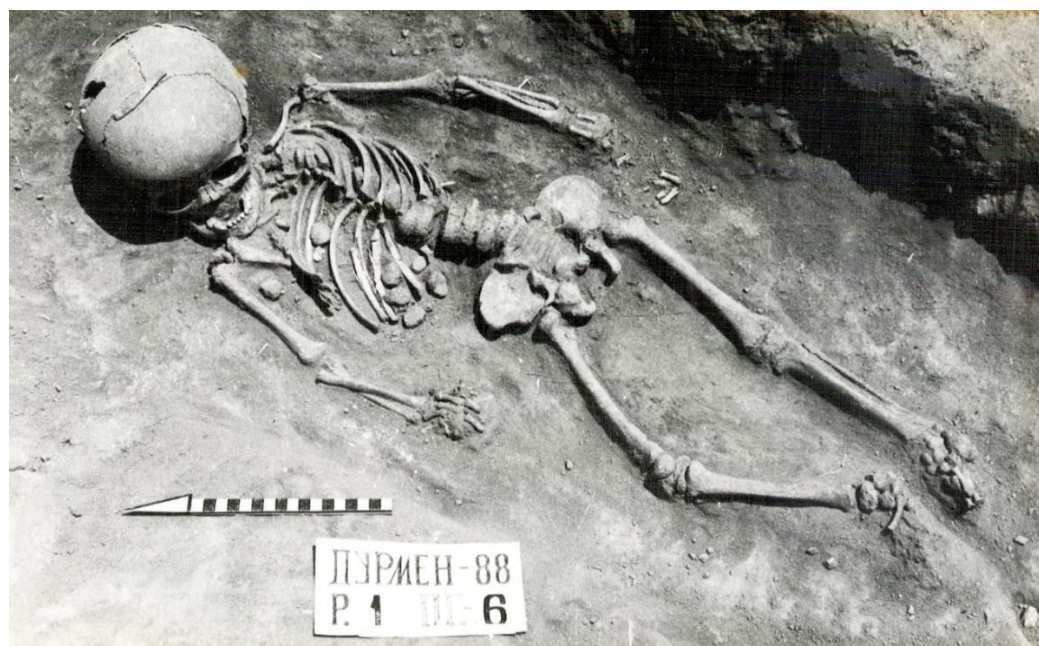

Рис. 141. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепе. Раскоп 1. Погребение № 7. Вид с ЮЗ. На фото перепутана табличка с указанием номера погребения [фото погребения из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35, отчет за 1988 г., с. 26].

Рис. 142. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепе. Раскоп 1. Погребение № 7. План [фото чертежа погребения из НОА ГМИНВ. Ед. хр. САЭ 35, отчет за 1988 г., с. 25].

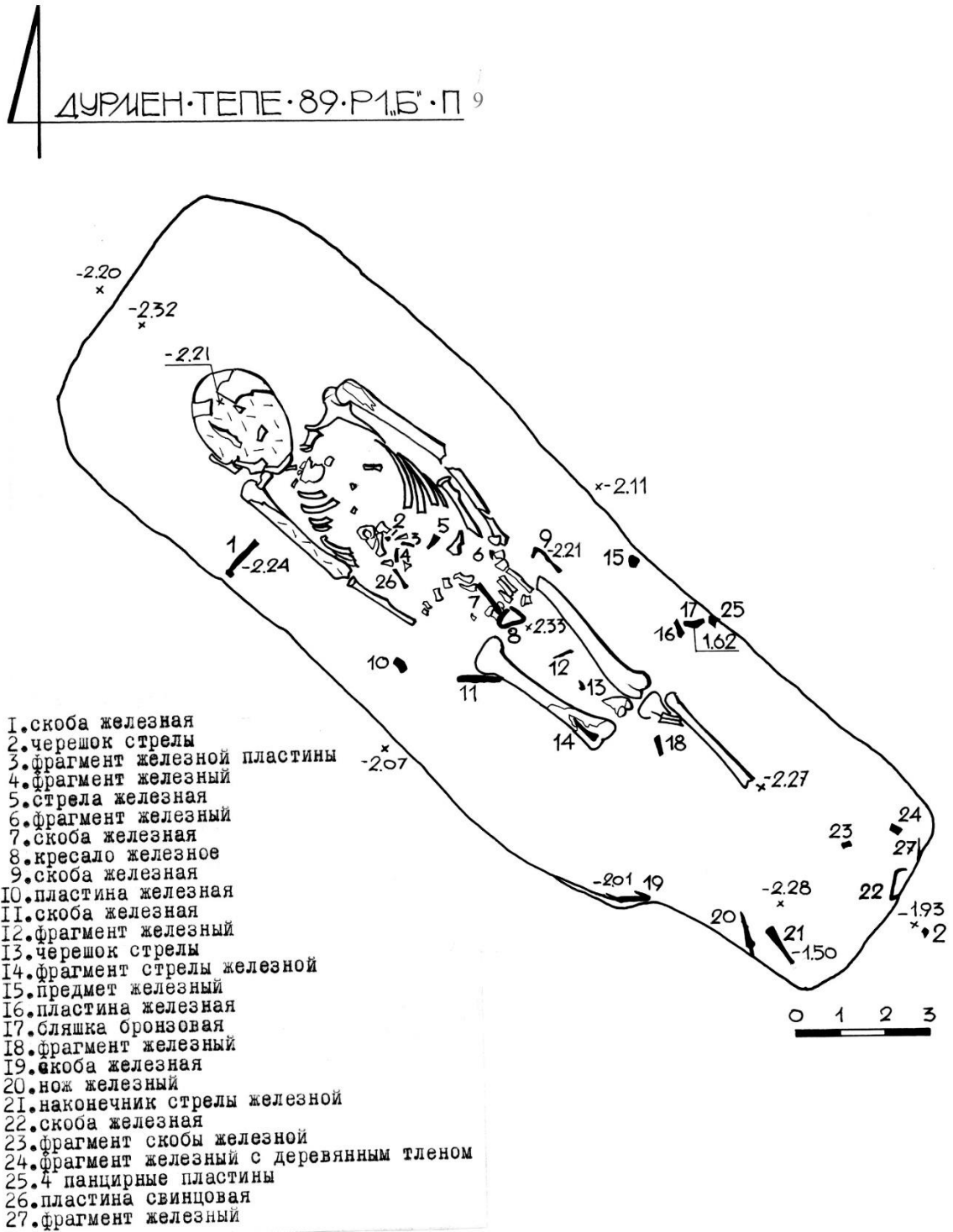
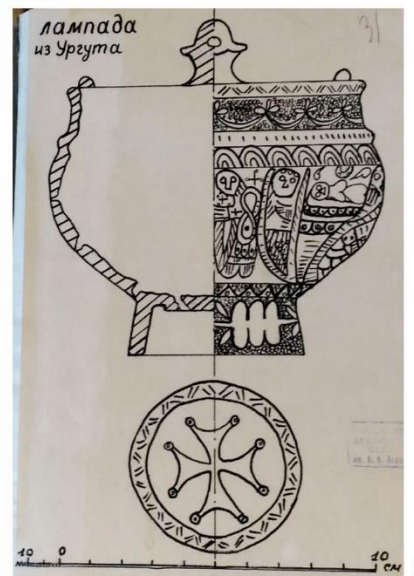

Рис. 143. Могильник Дурмон-тепе. Западный некрополь на Турт-тепе. Раскоп 1. Погребение № 9. План. [фото чертежа погребения из НОА ГМИНВ, б/н; предоставлено О.Н. Иневаткиной].

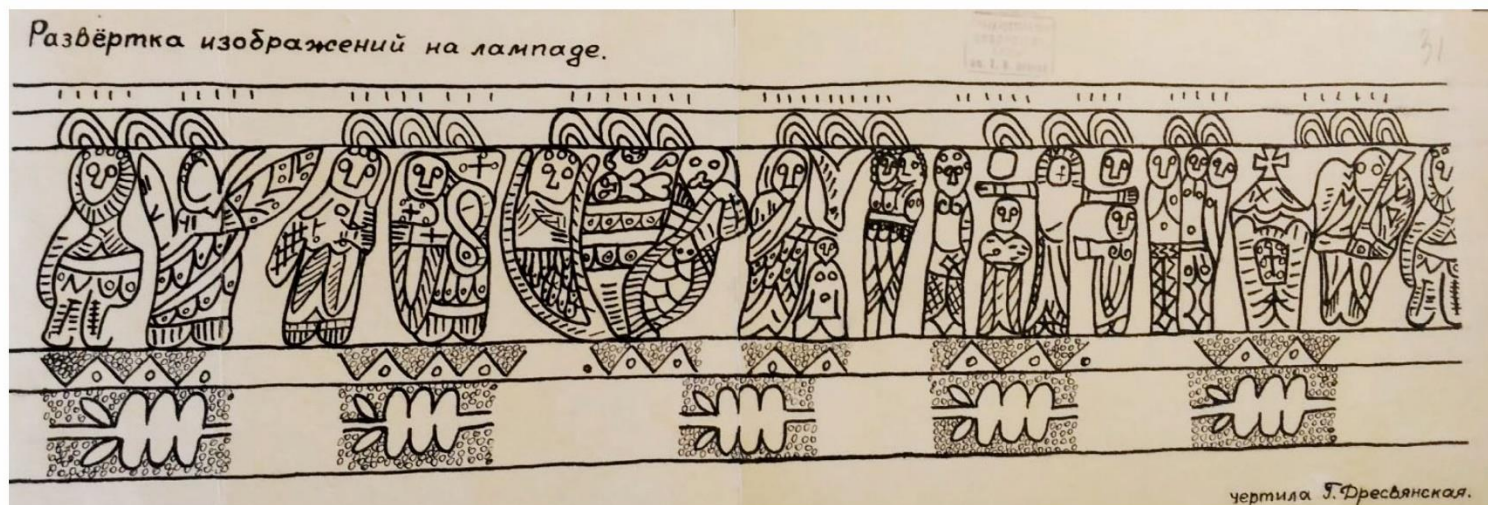

Рис. 144. Городище Илибалык. Намогильный камень с крестом, XIII–XIV вв.
[Байпаков, Терновья, 2018, с. 43, 20].

Кадило бронзовое, найденное в Ургуте в 1916 г.

5 - бронзовая крышка от кадила (X-XI вв.) Самаркандская область [Грицина, 2018, с. 145, рис. 26]

1 - [Залеская, 1998, с. 191, № 258]; 2 - [Savchenko, Dickens, 2009, p. 295]; 3, 4 - [Дресвянская, 1968b, рис. 102, 103]

Рис. 145. Церковно-храмовые предметы из Самаркандской области.

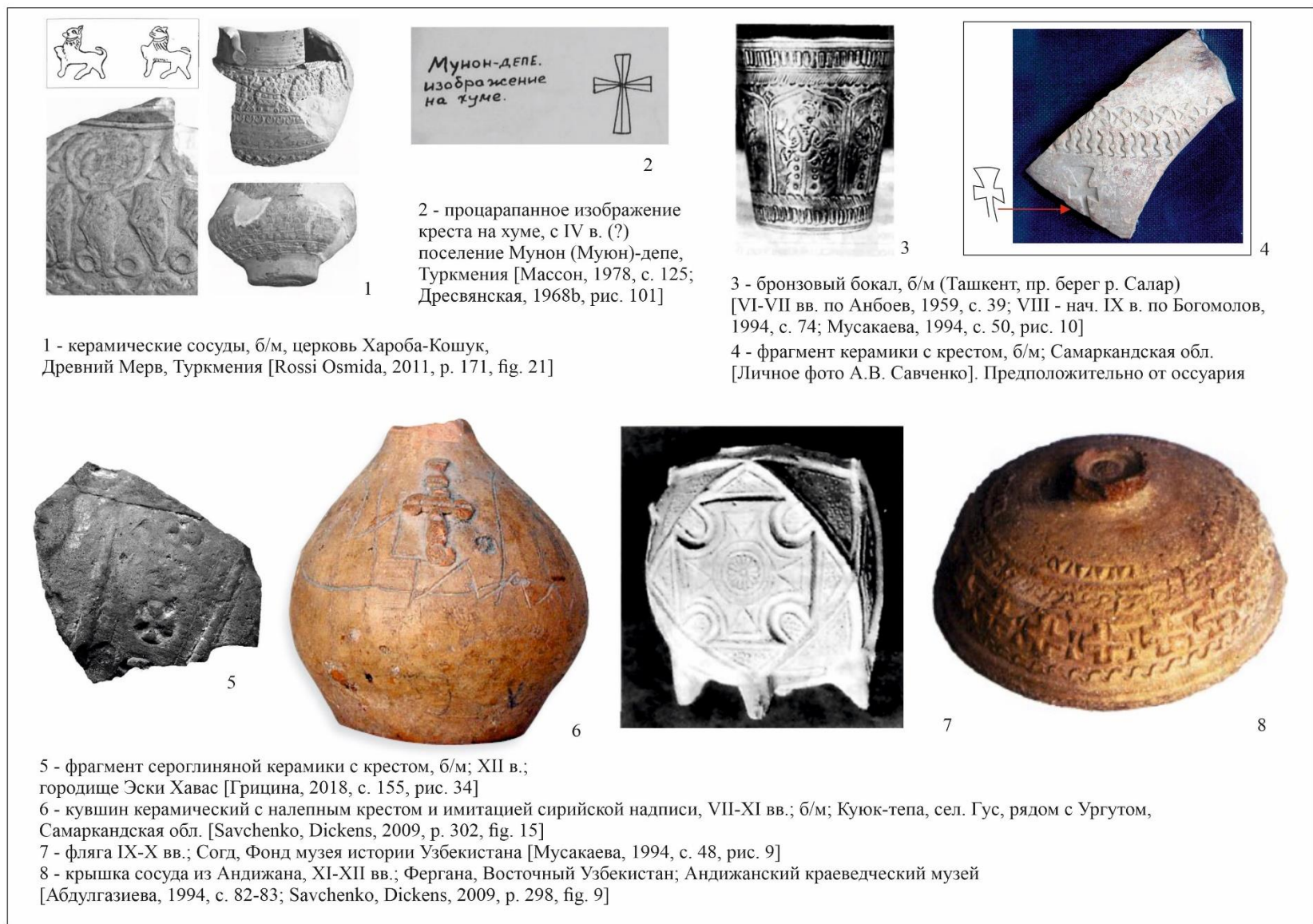
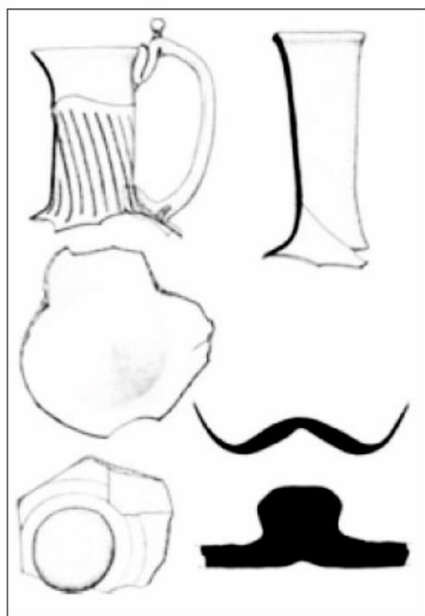

Рис. 146. Фрагменты и целые экземпляры керамической посуды с изображениями крестов.

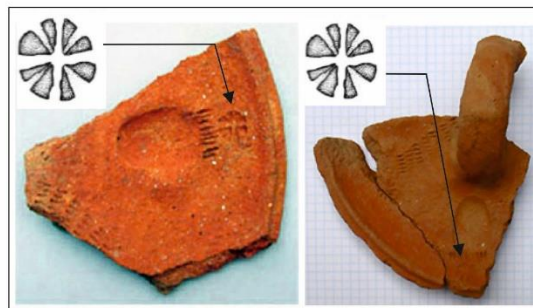
Ургутский монастырь (IX - нач. XIII в.)

1

2

3

4

5

8

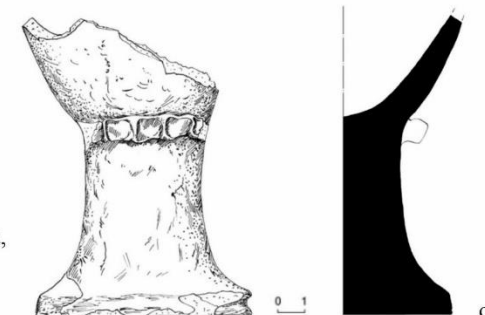
Городище Каршаул-тепа (VI-IX вв.)

6

7

9

1 - 5 - керамика из Ургутского монастыря, IX - нач. XIII вв. ок. Ургута, Самаркандская обл.

[Savchenko A.V., http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2.html]:

1 - посуда из стекла, 2 - фрагмент керамического кубка, 3, 4 - фрагменты крышки керамического сосуда,

5 - фрагмент керамической тарелки, найденной в нише основной восточной стены.

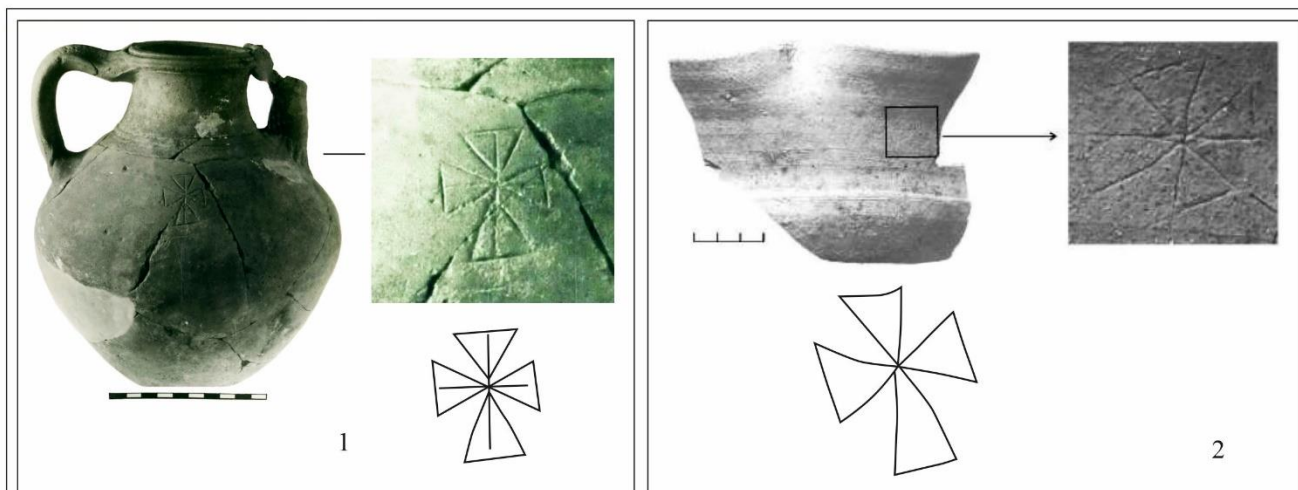
6 - 9 - керамика из городища Каршаул-тепа, VI - IX вв. Ташкентская обл.

[Sheiko K.A., http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_7.html]:

6 - фрагмент черепка с крестообразными штампами, 7 - керамический кувшин, 8 - банка (?) керамическая, с процарапанным крестом,

9 - фрагмент керамического кубка (для Евхаристии ?).

Рис. 147. 1-9 - посуда, обнаруженная при раскопках Ургутского монастыря и городища Каршаул-тепа.

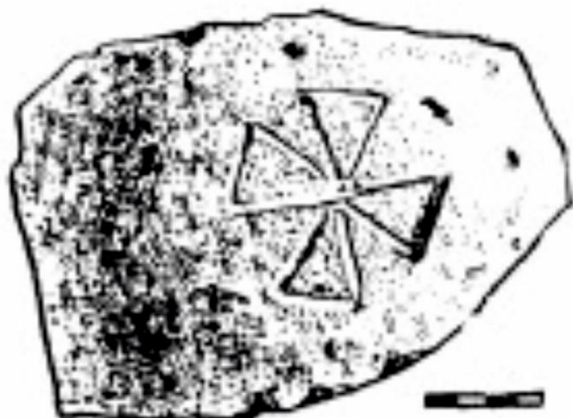

1 - изображение креста на кувшине, обнаруженном при погребении № 3; крест сделан после обжига, VII-VIII вв. Городище Ак-Бешим. Погребальный комплекс. Объект III. [Кызласов Л.Р. 1955. Отчет ... № 1018, № 1018а, рис. 137; Кызласов Л.Р., 2008, с. 40-48, рис. 3, II/]

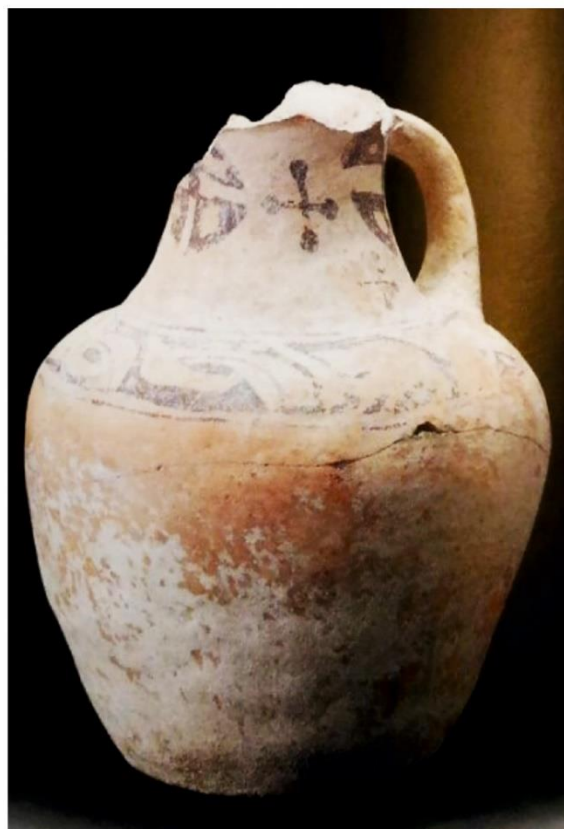
2 - фрагмент сосуда с изображением креста, процарапанного после обжига, VIII в. Пенджикент [Распопова, 2014, с. 155, рис. 1, 2, 2a].

3

4

5

3 - изображение креста на фрагменте керамического сосуда, XII в.; гор. Красная речка-2. Семиречье. Случайная находка, 2004 г. [Кольченко, 2018, с. 77, рис. 28]

4 - изображение креста на черепке, VIII-IX вв., городище Ак-Тобе. Семиречье, Таласская долина (Кыргызстан, ок. г. Талас) [Кожемяко, 1963, с. 151, табл. II]

5 - кувшин керамический, украшенный по горлышку крестами разного размера (большими и маленькими); VII-VIII вв. Находится в Фергане, но поступил из Узгента, Юг Кыргызстана [Arta from the Land of Timur, 2012, с. 109, 211]

Рис. 148. Фрагменты керамики с прочерченными и прорисованными на поверхности крестами.

Рис. 149. Фрагменты керамики со штампованными крестами и кувшин с Распятием.

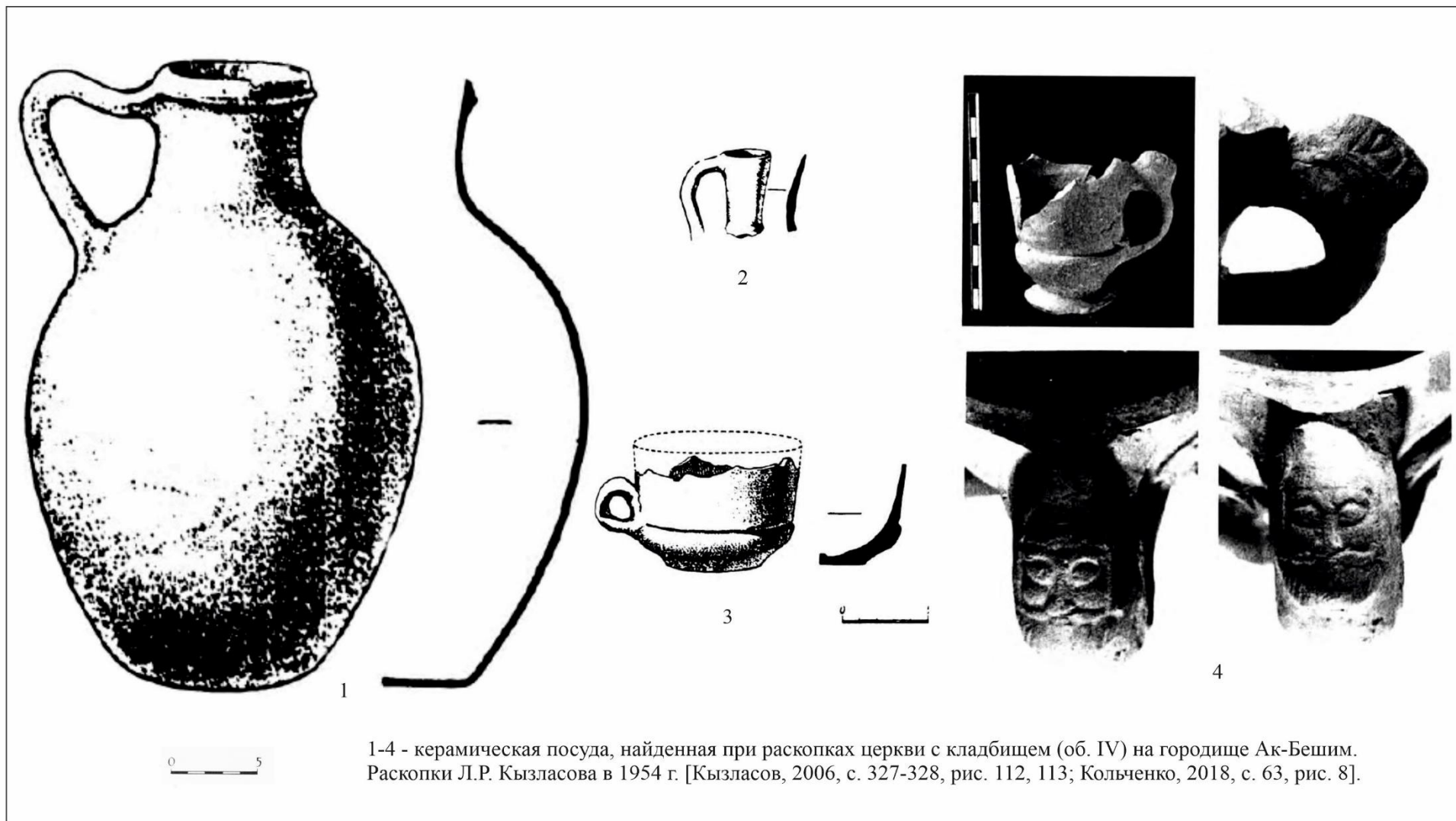

Рис. 150. Городище Ак-Бешим. Керамическая посуда из раскопок церкви с кладбищем (об. IV).

Рис. 151. Фигурный водолей с вырезанным крестом и изображения крестов, парных рыб и птиц на блюдах.

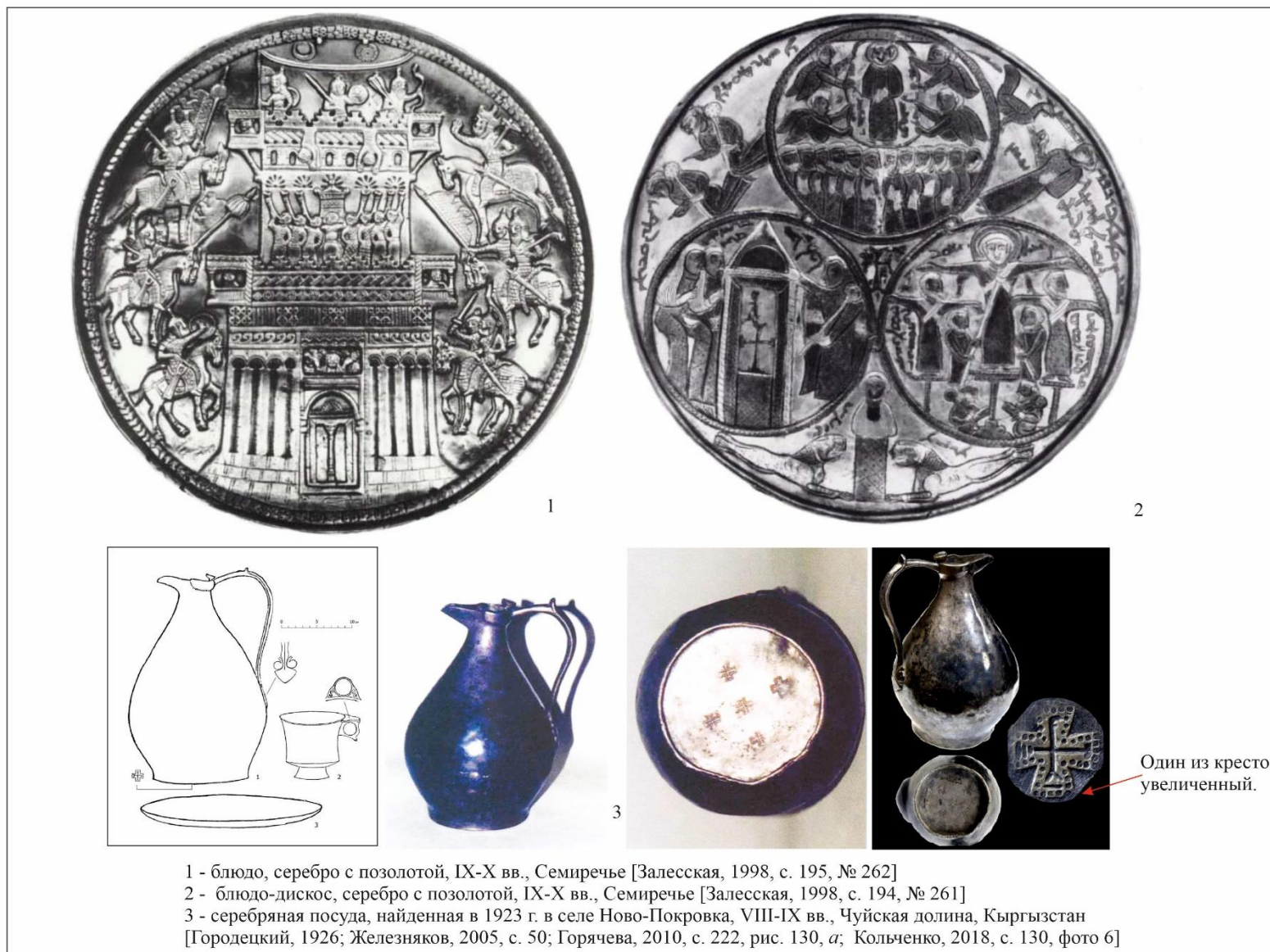

Рис. 152. Серебряные блюда с ветхозаветными сценами и металлическая посуда с крестами.

1 - каменный сосуд (ступка) XI-XII вв. Городище Тортколь-тобе, Южный Казахстан [Байпаков, Воякин, 2014, с. 362; Байпаков, Терновоя, 2018, с. 26, рис. 12].

2 - каменное изделие с изображением креста Окрестности города Ош, Чуйская долина, Кыргызстан. Фонды НИАМК Сулайман-Тоо [Кольченко, 2018, с. 130, фото 7].

2

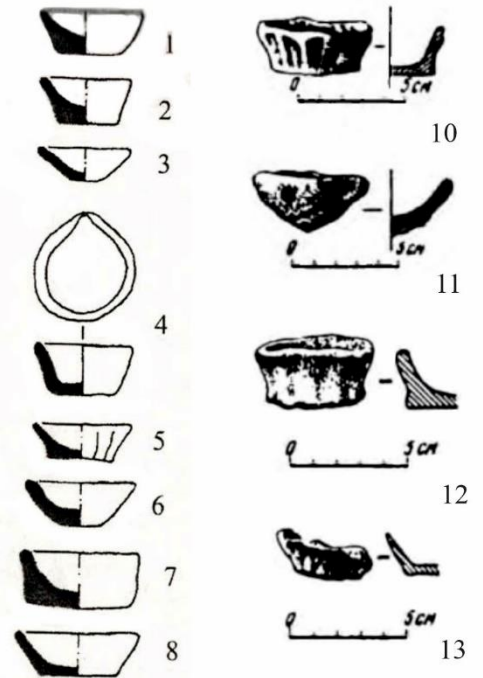
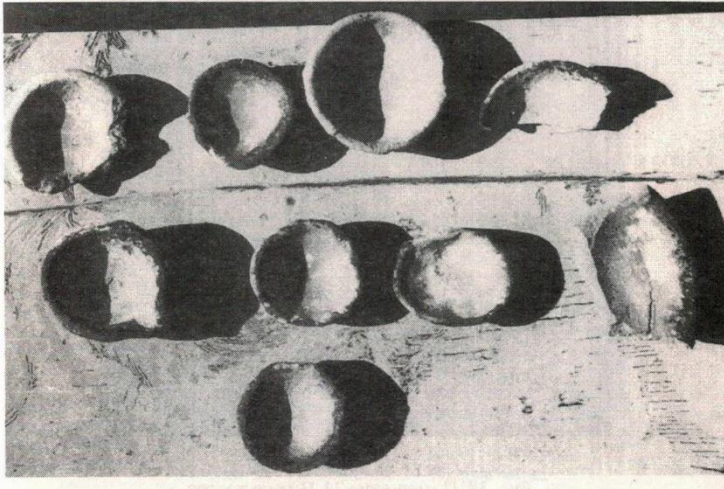
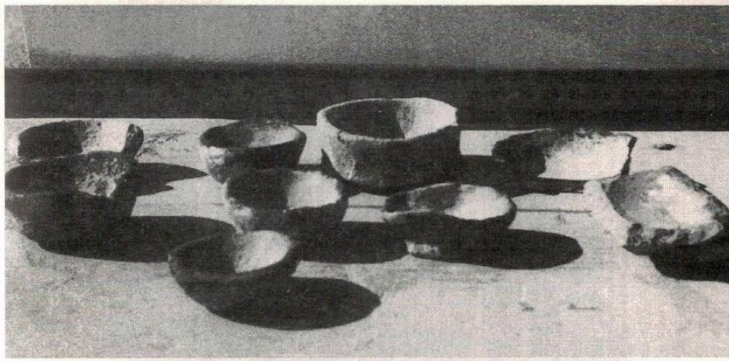

4

3 - бронзовые цилиндры-муфты, кон. XII - нач. XIII в. Провинция Хорасан [Иванов, 2008, с. 382].

4 - бронзовые цилиндры-муфты XII - нач. XIII в. Талгар, Южный Казахстан [Байпаков, Терновоя, 2018, с. 129, фото 2].

Рис. 153. Предметы, интерпретируемые как христианские.

9

14

1-8 - плошки-свечи-ники из пом. 23, X-XI вв.; Ак-Бешим, об. VIII [Семенов, 2002, с. 109, рис. 68]

9 - плошки-свечи-ники из пом. 23, X-XI вв.; Ак-Бешим, об. VIII [Семенов, 2002, с. 79, рис. 37]

10-13 - плошки-свечи-ники из Буддийского храма VIII - нач. IX вв., Ак-Бешим [Кызласов Л.Р., 2006, с. 296, рис. 93, 94]

14 - чираг глазурованный, б/м; X-XI вв., городище Канка [Грицина, 2018, с. 145, рис. 29, 5]

15

16

15 - фрагмент каменного светильника из алтаря, Ургутский монастырь (ок. Самарканда).

[Savchenko A.V., http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2.html]

16 - светильник масляный (чираг) XIII в., Ургутский монастырь (ок. Самарканда).

[Savchenko A.V., http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2.html]

Рис. 154. Керамические плошки и светильники (чирогои/чираги).

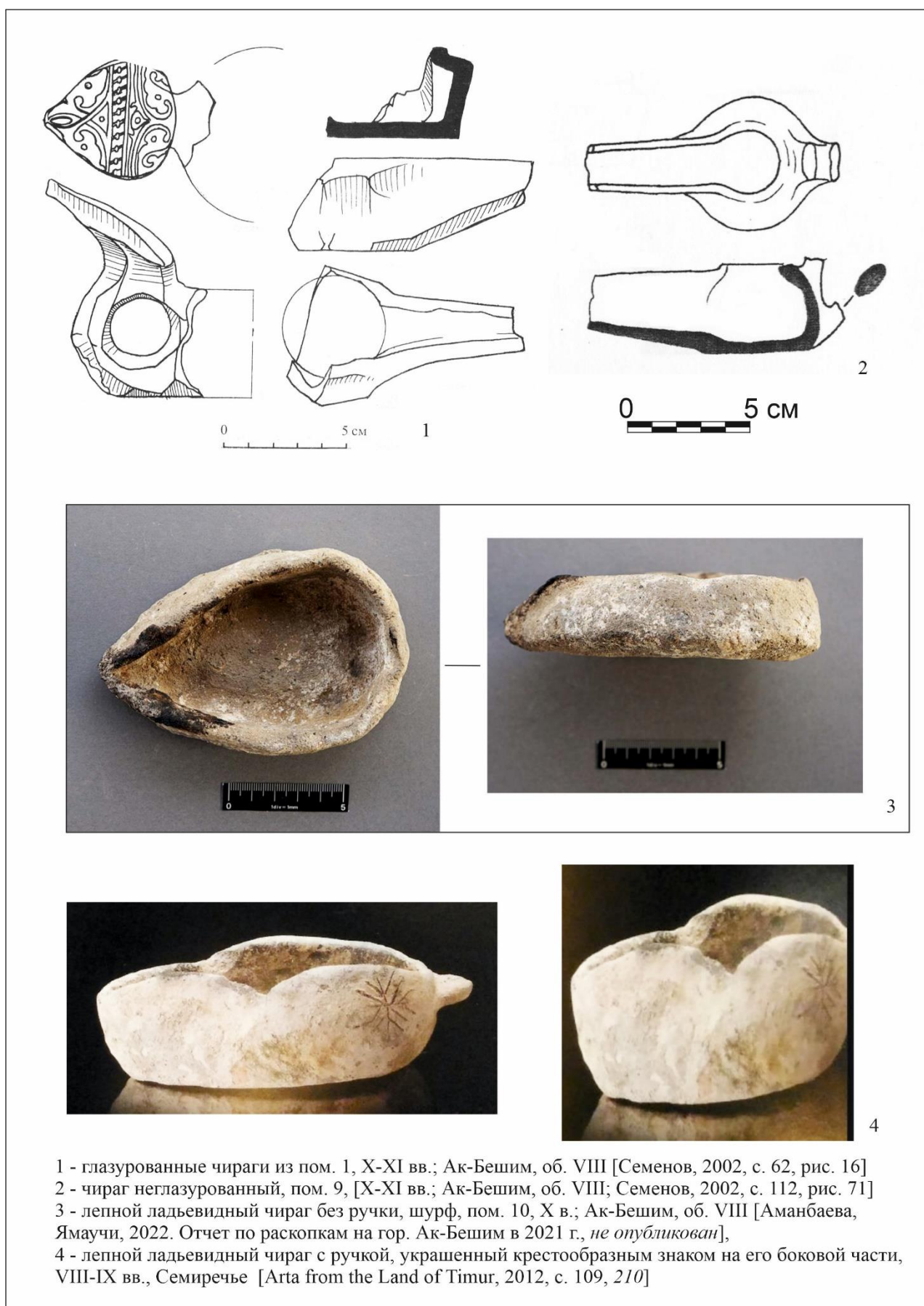

Рис. 155. Керамические светильники (чирогы, чираги).

Рис. 156. Сохранившиеся фрагменты книги. Ак-Бешим. Монастырский комплекс церквей (об. VIII).

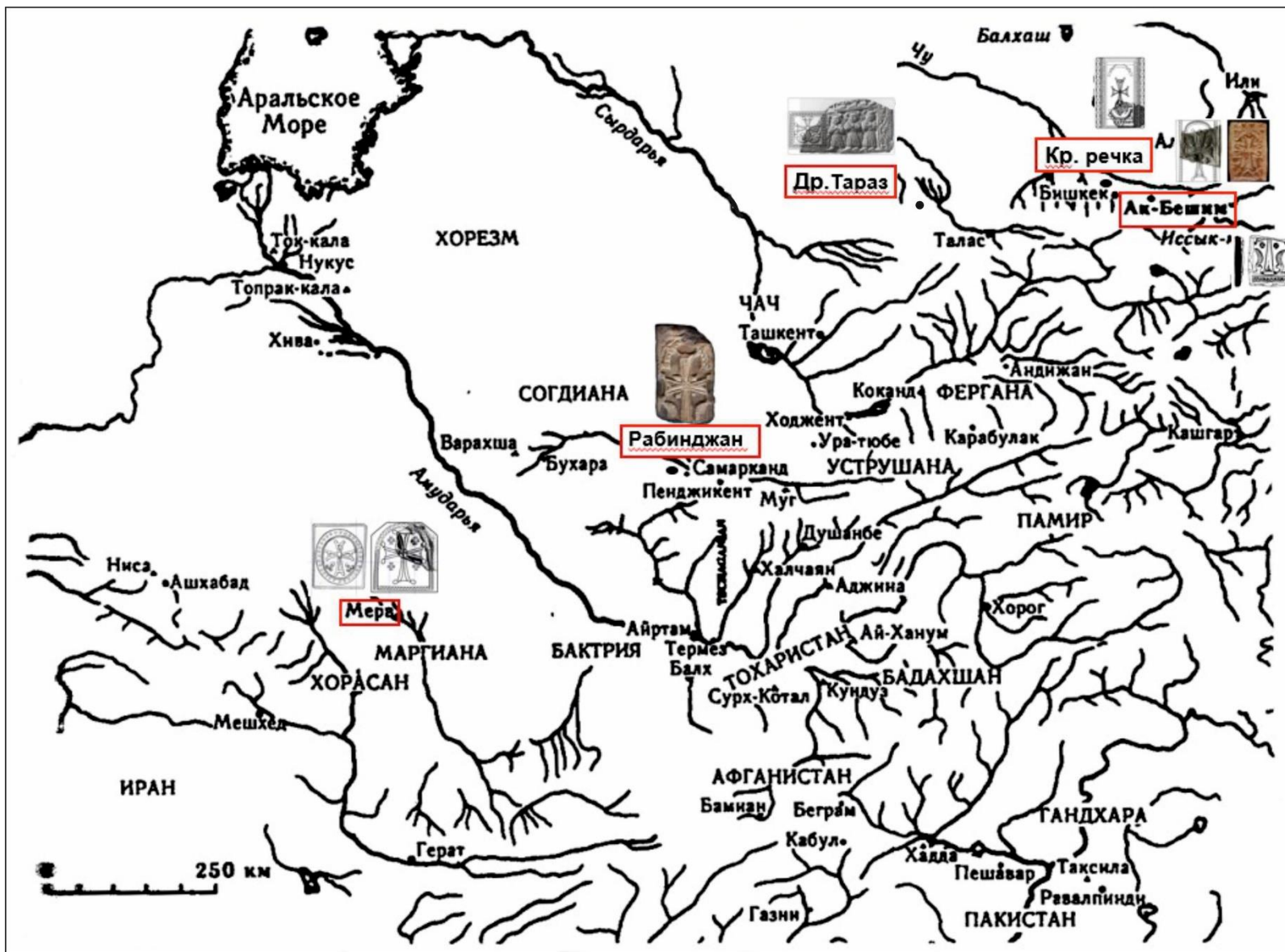

Рис. 157. Карта Средней Азии [Семенов, 2022, с. 5, рис. 1]. Месторасположение плакеток с изображением рельефного креста.

Рис. 158. Керамические плакетки и матрицы с изображением креста: 1 – Гяур-кала, Древний Мерв, б/м; VI в. [Массон, с. 51, рис. 1, а]; 2 – Гяур-кала, Древний Мерв, VI в. [Пилипко, 1968, с. 25]; 3 – гор. Красная речка, X–XII вв. [Горячева, 2010, с. 216, рис. 122]; 4, 5 – городище Ак-Бешим (об. VIII), X–XI вв. [Семенов, 2002, с. 93, рис. 54, 1; Аманбаева и др., 2015, с. 20, рис. 9, 2, 4]; 6 – настенный (?) рельеф из Древнего Тараза, V–VI или IX–X вв., б/м [Сенигова, 1968, с. 63, рис. 3; Semenov, 1996, р. 143, 21]; 7 – матрица, городище Рабинджан [Savchenko, Dickens, 2009, р. 299, pl. 10; Savchenko, 2010, р.77, abb. 5]; 8 – фрагмент матрицы, городище Ак-Бешим (об. VIII), X–XI вв. [Семенов, 2002, с. 93, рис 54, 2, рис. 55; личное фото А. Торгоева]; 2-5, 6 – частичная реконструкция плакеток А. А. Михеевой.

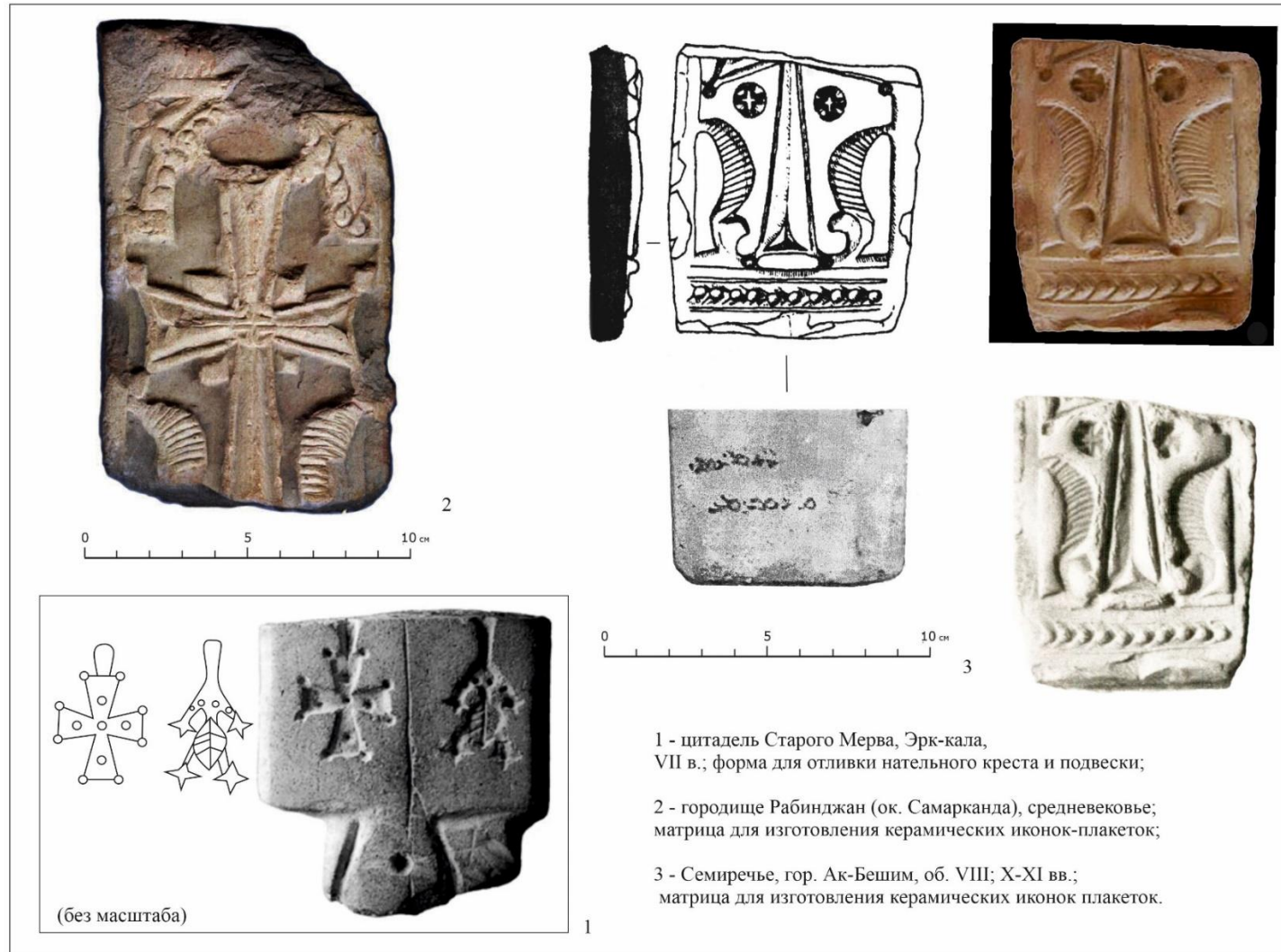

Рис. 159. Керамические матрицы (увелич.) и формы: 1 – форма для отливки креста и подвески [Simpson St. John, 1996; Никитин, 2015, с. 39]; 2 – матрица для плакеток, городище Рабинджан [Savchenko, Dickens, 2009, p. 299, pl. 10; Savchenko, 2010, p.77, abb. 5]; 3 – фрагмент матрицы, городище Ак-Бешим (об. VIII), X–XI вв. [Семенов, 2002, с. 93, рис 54, 2, рис. 55; внизу справа - личное фото А. Торгоева].

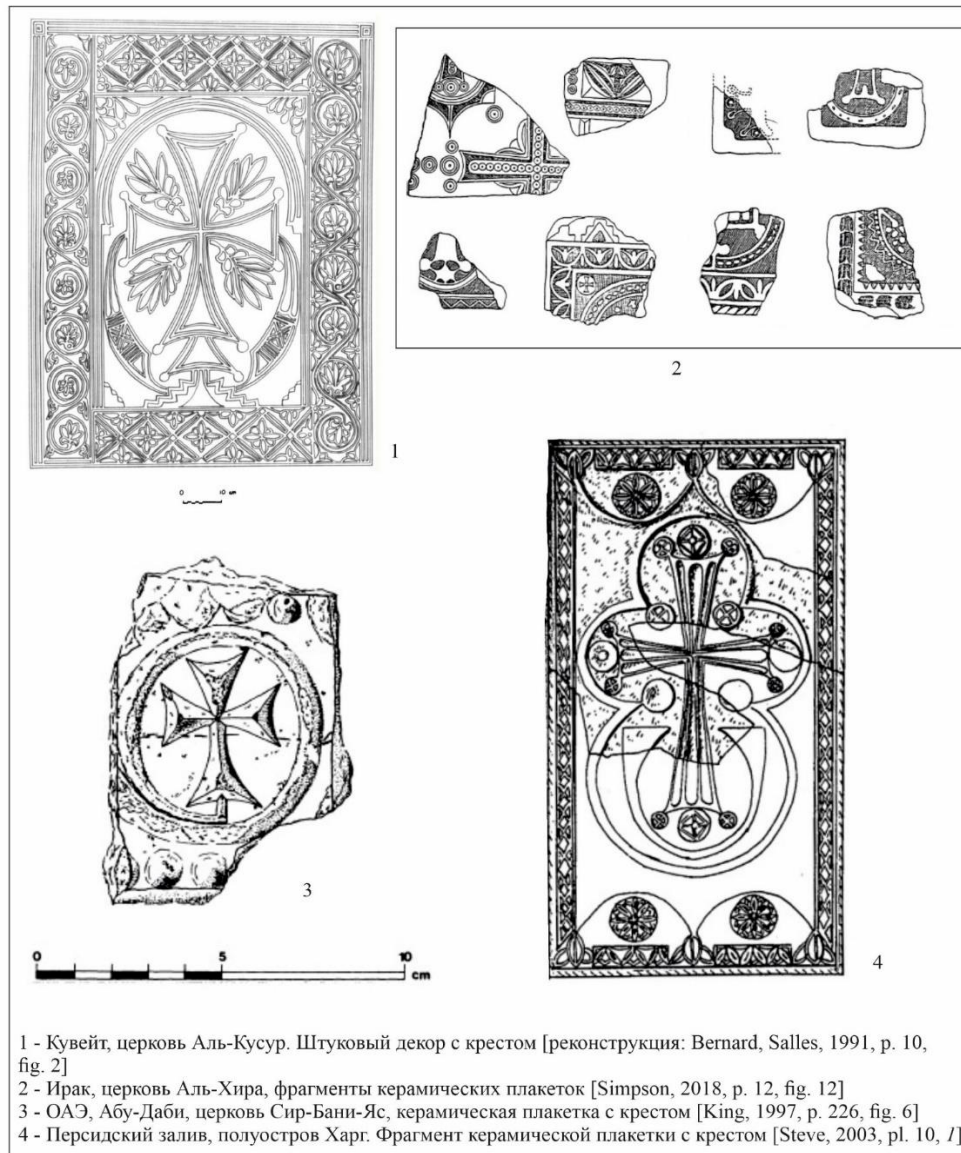

Рис. 160. Фрагменты штукатурки и керамических плакеток, обнаруженные в церквях Персидского залива и ОАЭ (VII–IX вв.).

Рис. 161. Ирак. Аль-Хира. Церкви V и IX. Фрагменты плакеток: А – высота 6,9 см; В – высота 8,5 см [Talbot Rice, 1934, p. 72, Fig. 24].

0

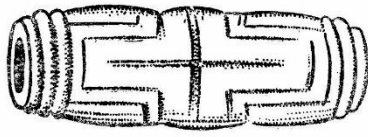
50 cm

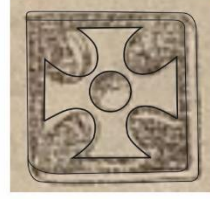
Рис. 162. Персидский залив, Кувейт, церковь Аль-Кусур. Штукковый декор с крестом, обнаруженный при раскопках церкви, частично разрушенный во время войны в Персидском заливе [Bonneric J., 2015, fig. 3; <https://mafkf.hypotheses.org/1286>]

Рис. 163. Ампулы Святого Мины и с изображением какого-то святого, найденные на территории Средней Азии.

1 - печать из халцедона, б/м.
«Овальное» здание (IV-VI вв.; Мерв, Туркмения)
[Дресвянская, 1974, с. 168, рис. 13]

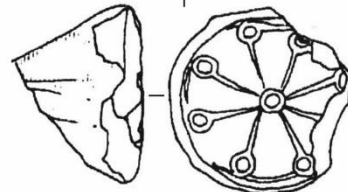
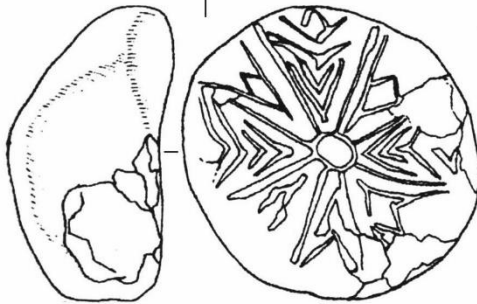
2 - штамп для оттисков на глиняных предметах, б/м.
(Казахстан, Крепость Нижний Барсхан).
[Сенигова, 1968, с. 53, рис. 1, б]

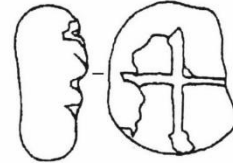
0 5 10 см

4

3

5

3, 4, 5 - керамические штампы, X-XI вв. Комплекс церквей (об. VIII;
Ак-Бешим, Кыргызстан)
[Семенов, 2002, с. 93, рис. 54, 3, 4, 5]

6

увеличенное

6 - керамическое пряслице, обнаруженное при раскопках сооружения в Нахшабе,
втор. пол. VI - первая четверть VII в. М: 1:1 (Нахшаб, Кашкадарьинская обл. Узбекистан)
[Личное фото А.А. Раимкулова. Публиковать только с личного разрешения автора фотографии;
Раимкулов, 2004b, с. 123-129]

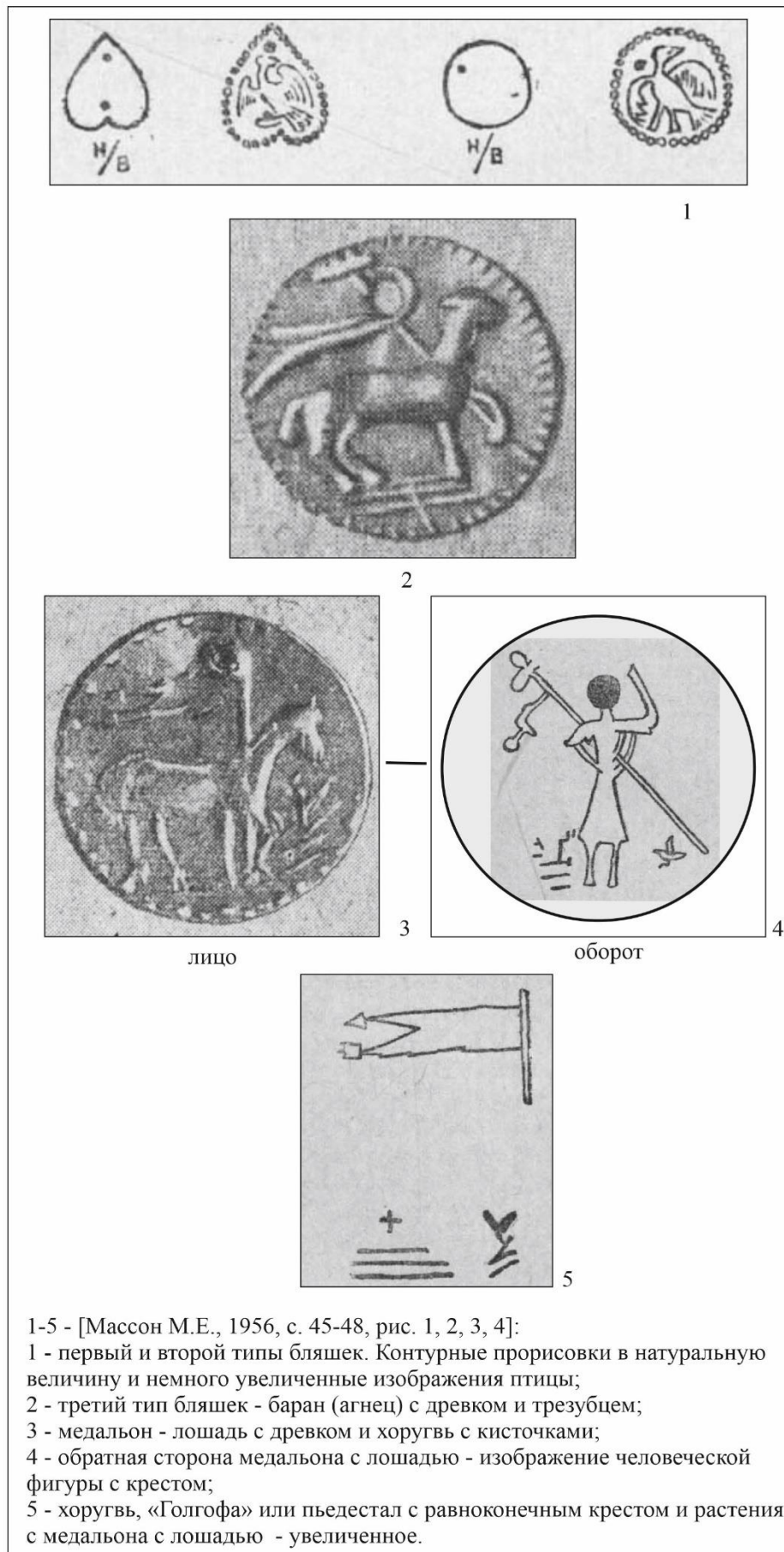

Рис. 165. Нашивные бляшки из Геок-тепе (Туркмения).

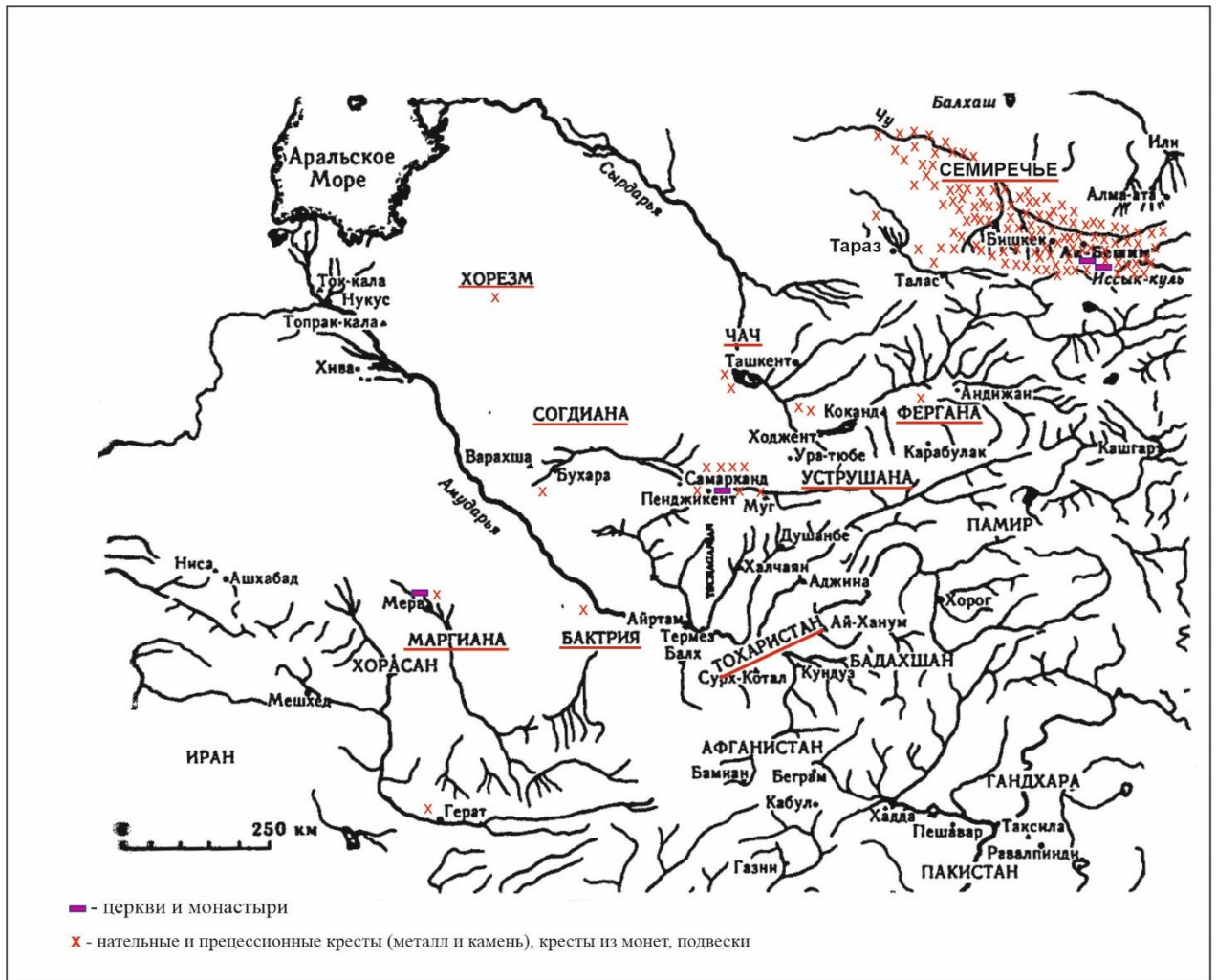

Рис. 166. Карта Средней Азии [Семенов, 2002, с. 5, рис. 1]. Месторасположение находок натальных крестов из камня и металла, крестов из монет и подвесок.

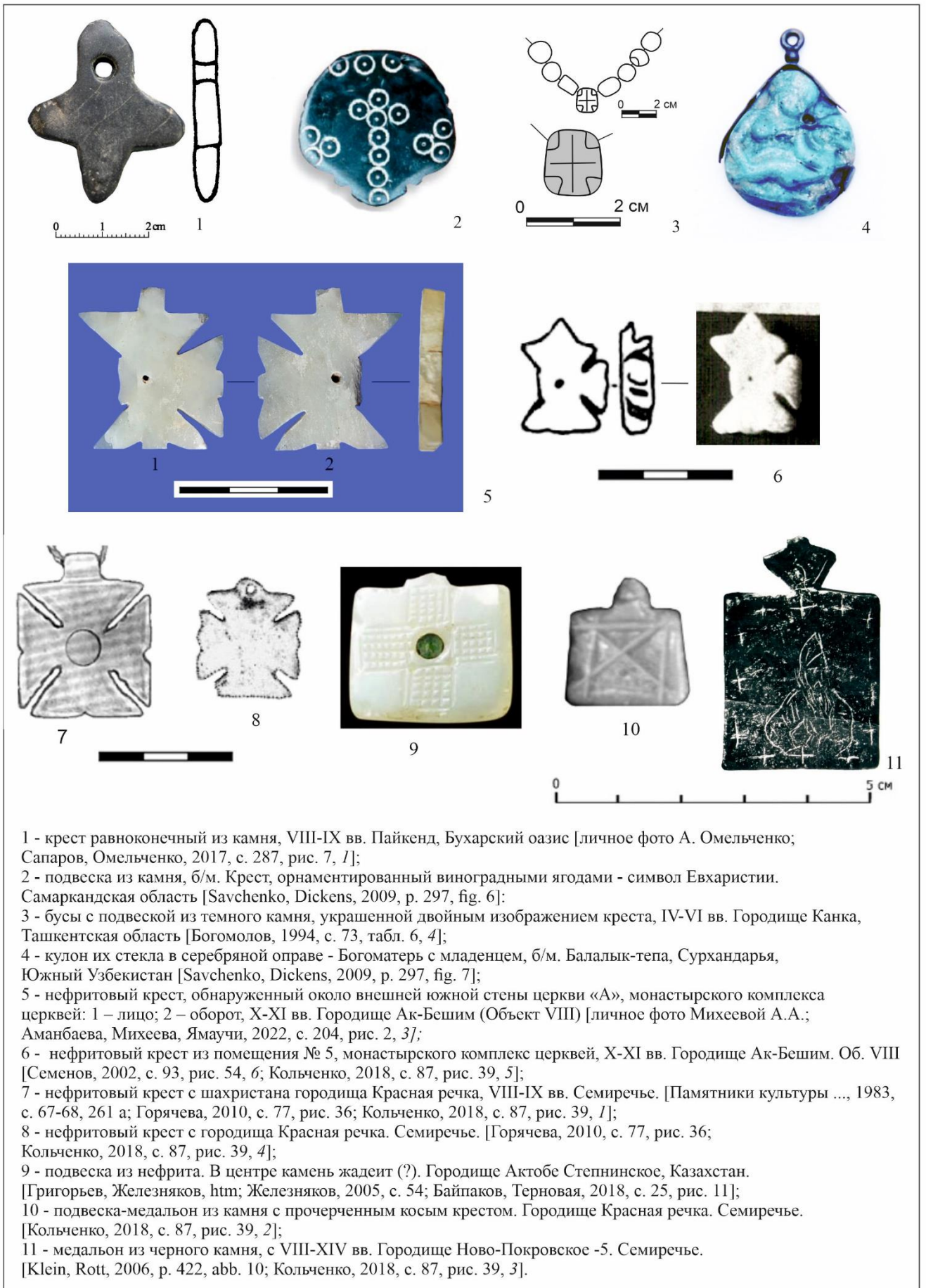

Рис. 167. Средняя Азия. Кресты и подвески из камня.

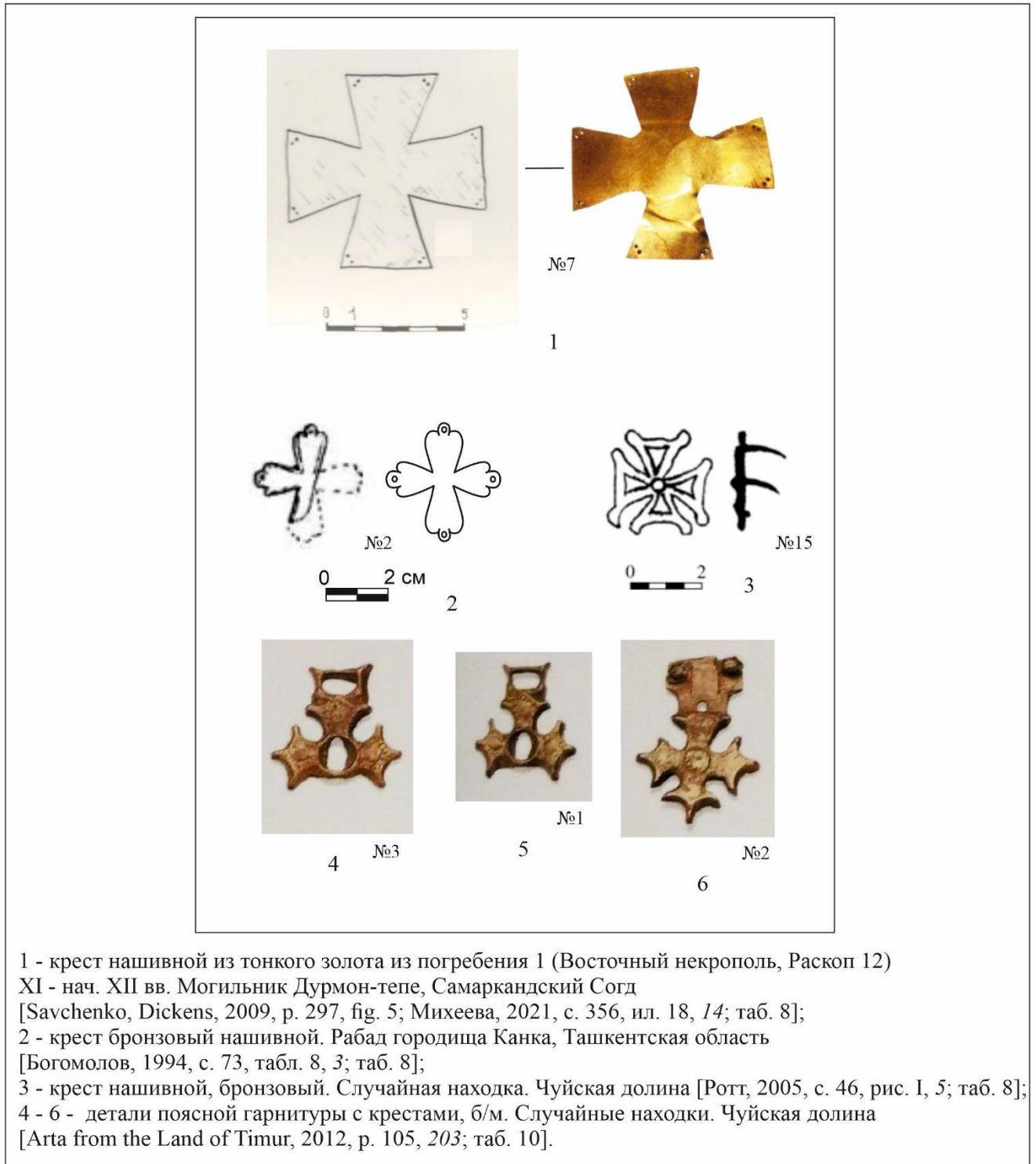

Рис. 168. Кресты нашивные и детали поясной гарнитуры.

Кресты нательные плоские

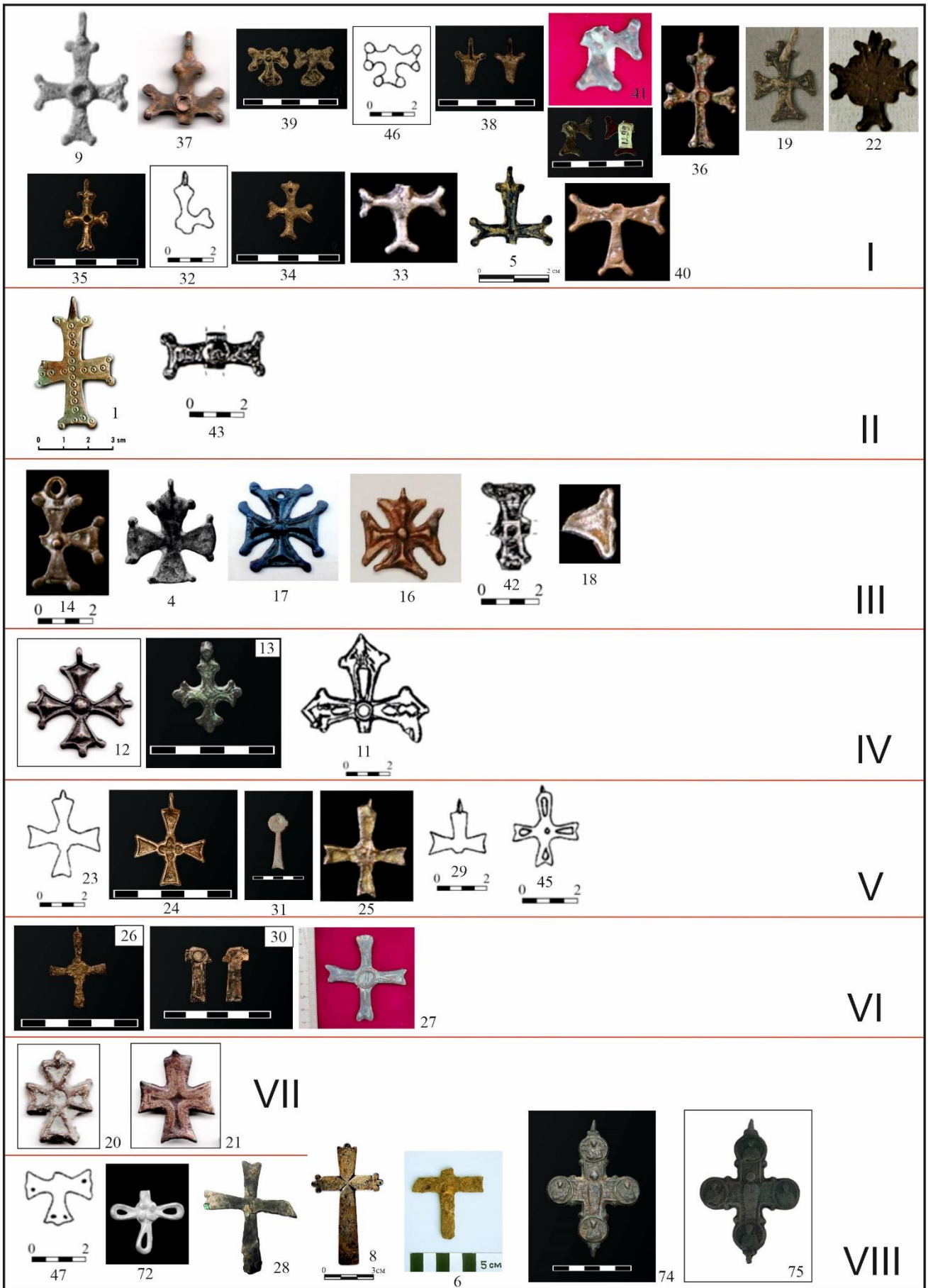

Рис. 169. Кресты нательные плоские, металлические. Найдены на территории Средней Азии (VIII–XIV вв.):

9 – Дашти Урдакон [Распопова, 2014, с. 156, рис. 2, 4]; 37 – Чуйская долина [в свободном доступе в интернете]; 39 – Чуйская долина [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 18, с. 53]; 46 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 14]; 38 – Чуйская долина [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 19, с. 53]; 41 – [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 14]; 36 – Чуйская долина [Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 2]; 19 – городище Красная речка [Горячева, 1988, с. 66, рис. 20, 2; Владимир (Иким) митрополит, 2011, с. 119, рис. 84]; 22 – Чуйская долина [Владимир (Иким), митрополит, 2011, с. 118, рис. 82]; 35 – городище Ак-Бешим [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 14, с. 51]; 32 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 11; Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 1]; 34 – Чуйская долина [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 10, с. 49]; 33 – Чуйская долина [Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 4]; 5 – Кашкадарья [Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 4]; 40 – Чуйская долина [Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 5]; 1 – Хароба-Кошук (Хароба-Кёшк) [Rossi Osmida, 2011, p. 168, fig. 19; Мурадов, 2023, с. 134, рис. 11]; 43 – Чуйская долина [Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 7]; 14 – городище Красная речка [Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 1; Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 6]; 4 – городище Афрасиаб [Тереножкин, 1950, с. 166, рис. 72, 2]; 17 – Чуйская долина [в свободном доступе в интернете]; 16 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 6; Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 203]; 42 – Чуйская долина [Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 8]; 18 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 7; Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 7]; 12 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 2; Камышев, 2012, с. 113, ил. VI]; 13 – городище Курменты [Музей КРСУ, 2013, с. 87; Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 13, с. 39]; 11 – городище Красная речка [Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 2]; 23 – городище Красная речка [Горячева, 1988, с. 66, рис. 20, 1; Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 9]; 24 – Чуйская долина [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 13, с. 50]; 31 – Иссык-Кульская котловина [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 4, с. 40]; 25 – Чуйская долина [Кольченко, 2018, с. 131, фото 10, 3]; 29 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 10]; 45 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 12]; 26 – Чуйская долина [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 12, с. 50]; 30 – Чуйская долина [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 20, с. 53]; 27 – городище Бурана [«Каталогизация памятников ...» № 2, с. 14; фото Михеевой А.А.]; 20 – городище Красная речка [Терновая, 2004, с. 178, рис. 1, 6; Владимир (Иким), митрополит, 2011, с. 118, рис. 82]; 21 – Чуйская долина [Камышев, 2012, с. 113, ил. VI]; 47 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 46, рис. I, 14]; 72 – городище Кара-Джигач/при-Пишпекское [Камышев, 2012, с. 113, ил. VI; Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 3]; 28 – урочище рядом с Кара-Джигаческим/при-Пишпекским кладбищем [Пантусов, 1884. НА ИИМК РАН. РО.

Ф. 1, 1884, № 406. Л. 172; Кольченко, 2018, с. 51, рис. 1]; 8 – городище Кува [Раимкулов, Иванов, 2000, с. 160; Savchenko, Dickens, 2009, p. 297, fig. 3]; 6 – Ургутский монастырь [http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2.html]; 74 – Иссык-кульская котловина [Музей КРСУ, 2013, с. 87; Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 5, с. 40]; 75 – Иссык-кульская котловина [крест хранится в Музее цивилизации кочевников КР].

Кресты нательные объемные

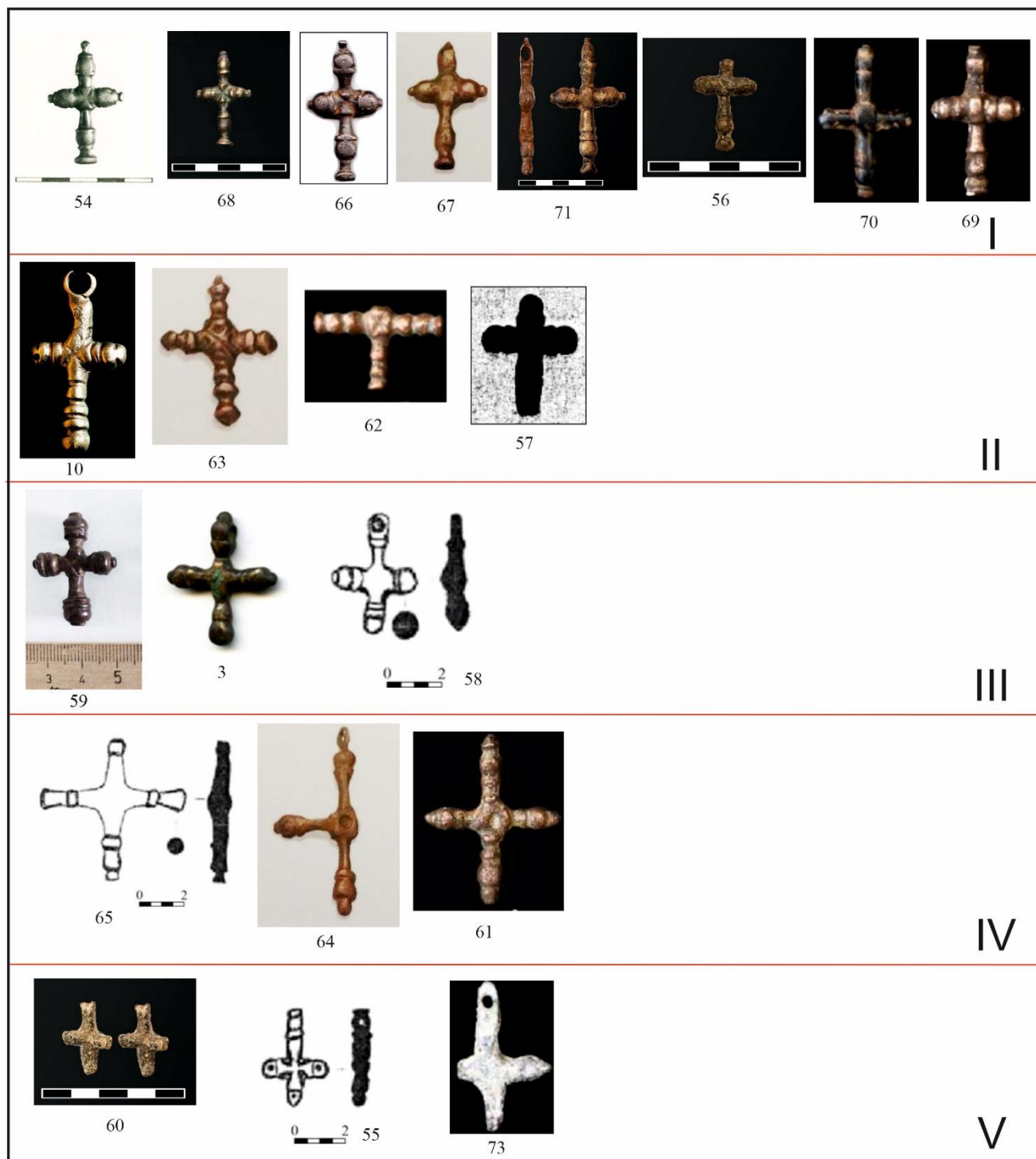

Рис. 170. Кресты нательные объемные. Найдены на территории Средней Азии (VIII–XIV вв.):

54 – городище Ак-Бешим [Кольченко, 2018, с. 94, рис. 46; Михеева, 2019b, с. 259, рис. 4, 2 (фото) 5, 3 (рисунок)]; 68 – Иссык-Кульская котловина [Музей КРСУ, 2013, с. 87; Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 1, с. 38]; 66 – Чуйская долина [Терновоя, 2004, с. 178, рис. 1, 11; Klein, 2004, p. 152, abb. 3 Rott, 2005, с. 48, рис. II, 9; Камышев, 2012, с. 113, ил. VII]; 67 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 10; Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202]; 71 – городище Красная речка [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 9, с. 49]; 56 – Чуйская долина [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 11, с. 50]; 70 – Чуйская долина [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 7]; 69 – Чуйская долина [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 5]; 10 – некрополь Костобе [Байпаков, 2013, с. 585, таблица 70, рис. 145; Байпаков, Касенов, 2014, с. 68, рис. 14, 21; Байпаков, Терновоя, 2018, с. 129, фото. 1]; 63 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 6; Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202]; 62 – Чуйская долина [Терновоя, 2004, с. 178, рис. 1, 10; Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 1]; 57 – городище Красная речка [Klein, 2000, p. 373, add. 19]; 59 – Иссык-Кульская котловина [Музей КРСУ, 2013, с. 87; Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 2, с. 39]; 3 – городище Каршаул-тепа [Поторочина, Шейко, 2015, с. 488, рис. 1, 1]; 58 – городище Кара-Джигач/ при-Пишпекское [Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 2; Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202]; 65 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 8; Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 4]; 64 – городище Ак-Бешим [Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 7; Arts from the Land of Timur, 2012, p.105, 202]; 61 – городище Ак-Бешим [Терновоя, 2004, с. 178, рис. 1, 12; Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 6]; 60 – городище Красная речка [Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 3; Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...» № 17, с. 52]; 55 – Чуйская долина [Ротт, 2005, с. 48, рис. II, 1; Горячева, Перегудова, 1994, с. 93, рис. 23, 16]; 73 – Чуйская долина [Кольченко, 2018, с. 131, фото 9, 2].

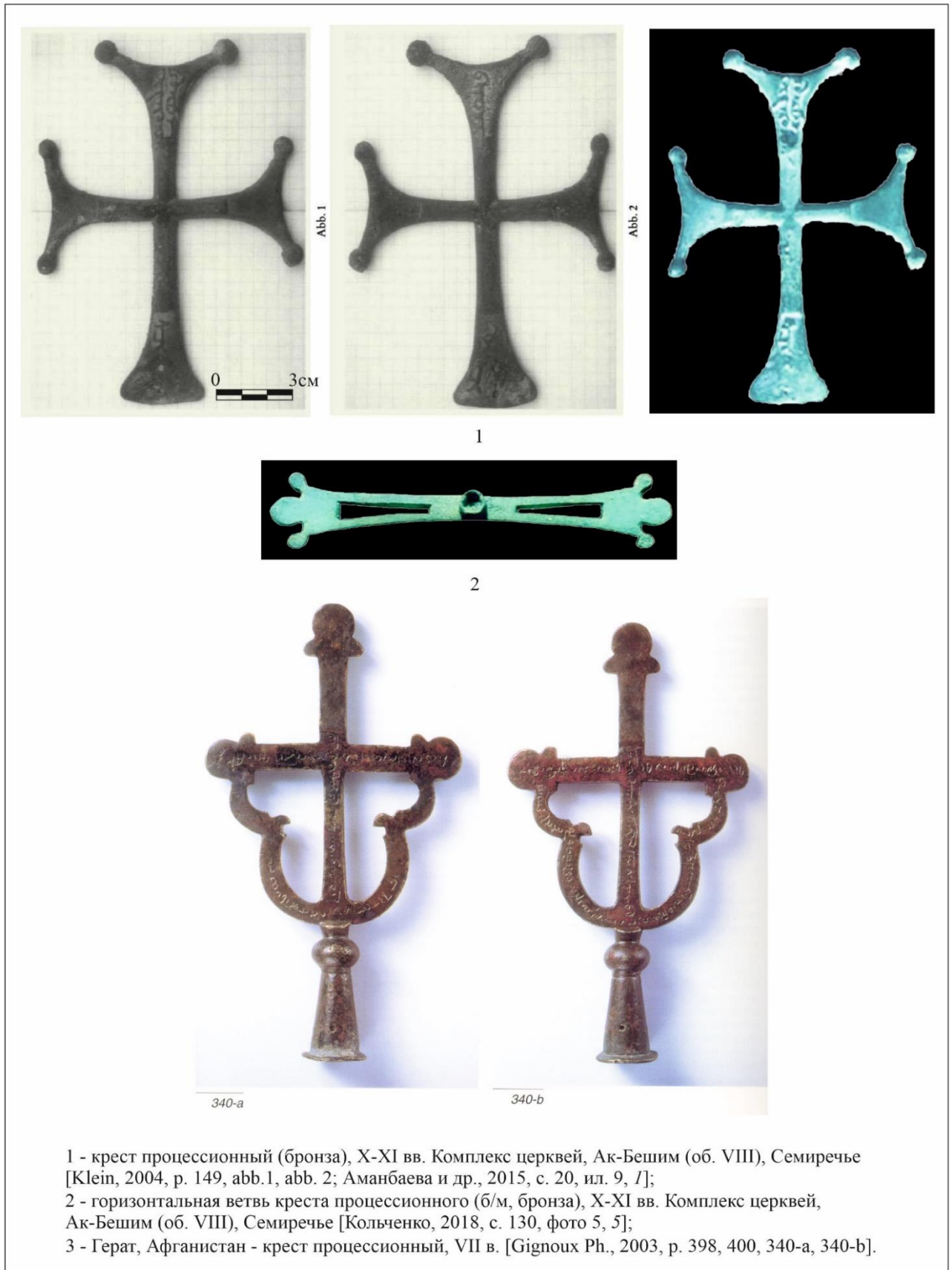

Рис. 171. Кресты процессионные, металлические.

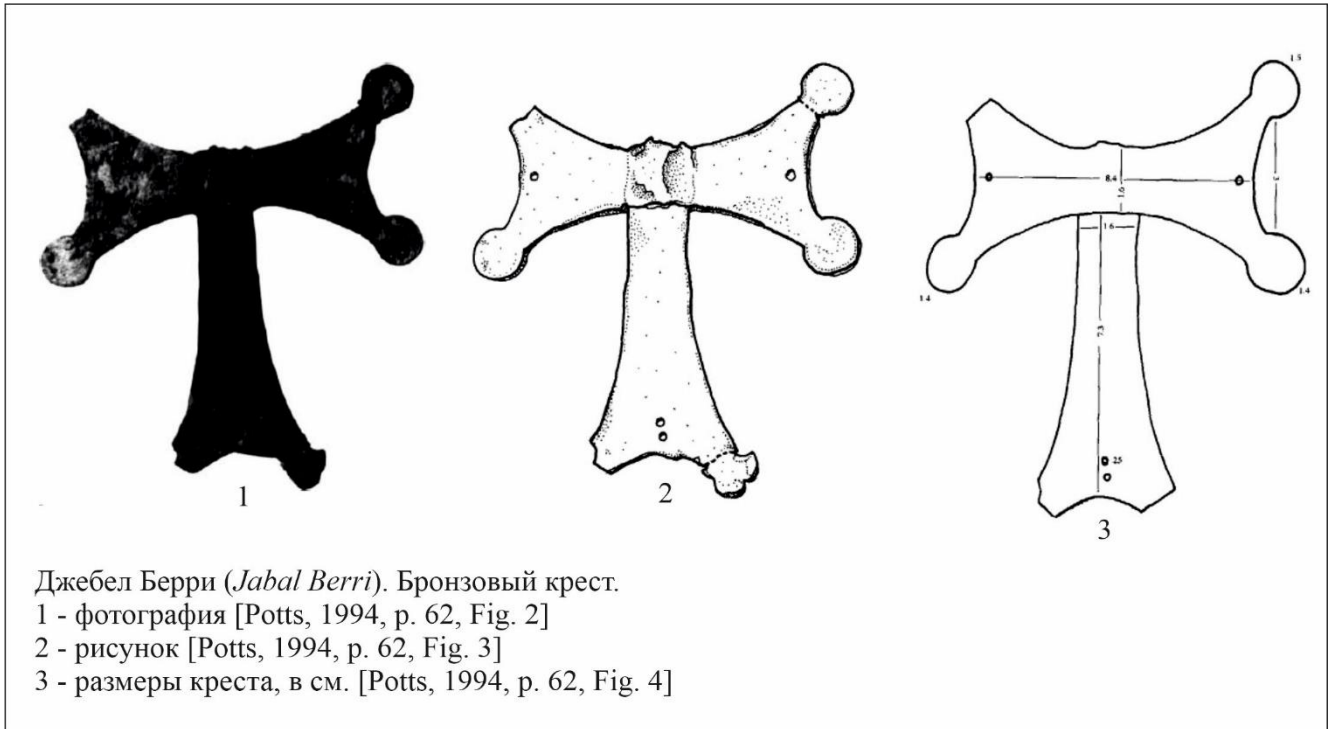

Рис. 172. Северо-восток Саудовской Аравии. Джебел Берри. Крест процессионный (?), бронзовый.

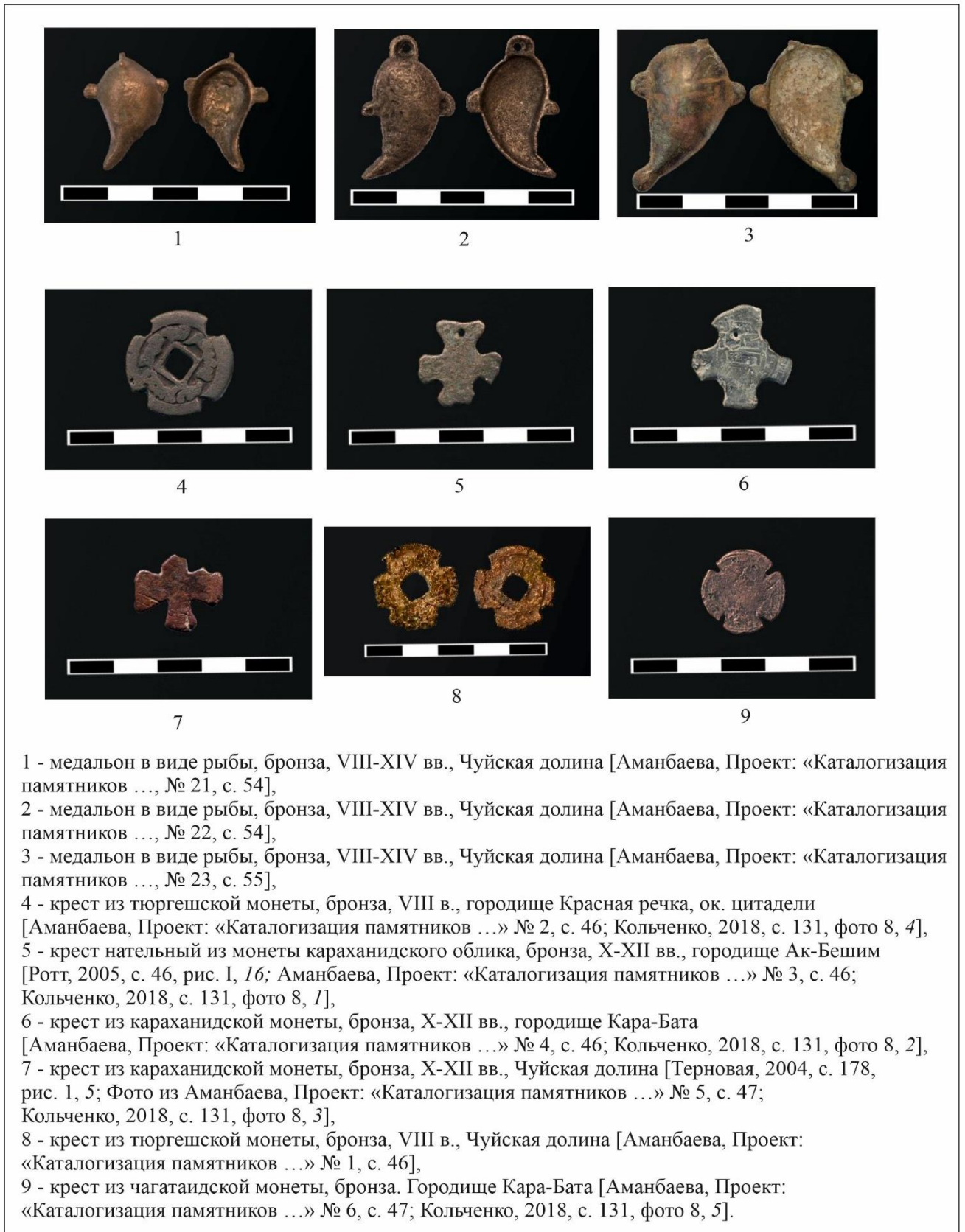

Рис. 173. Медальоны-рыбки и кресты, выпиленные из монет.

1-7 - нателные кресты круглые в сечении.
Частные коллекции (Семиречье)
[Кольченко, 2018, с. 131, фото 9]

1-7 - нателные кресты плоские в сечении.
Частные коллекции (Семиречье)
[Кольченко, 2018, с. 131, фото 10].

1-5 - нателные кресты, выпиленные из монет (Семиречье).
[Кольченко, 2018, с. 131, фото 8].

Рис. 174. Нателные кресты и кресты, выпиленные из монет из Семиречья [Кольченко, 2018, с. 131, фото 8. 9, 10].

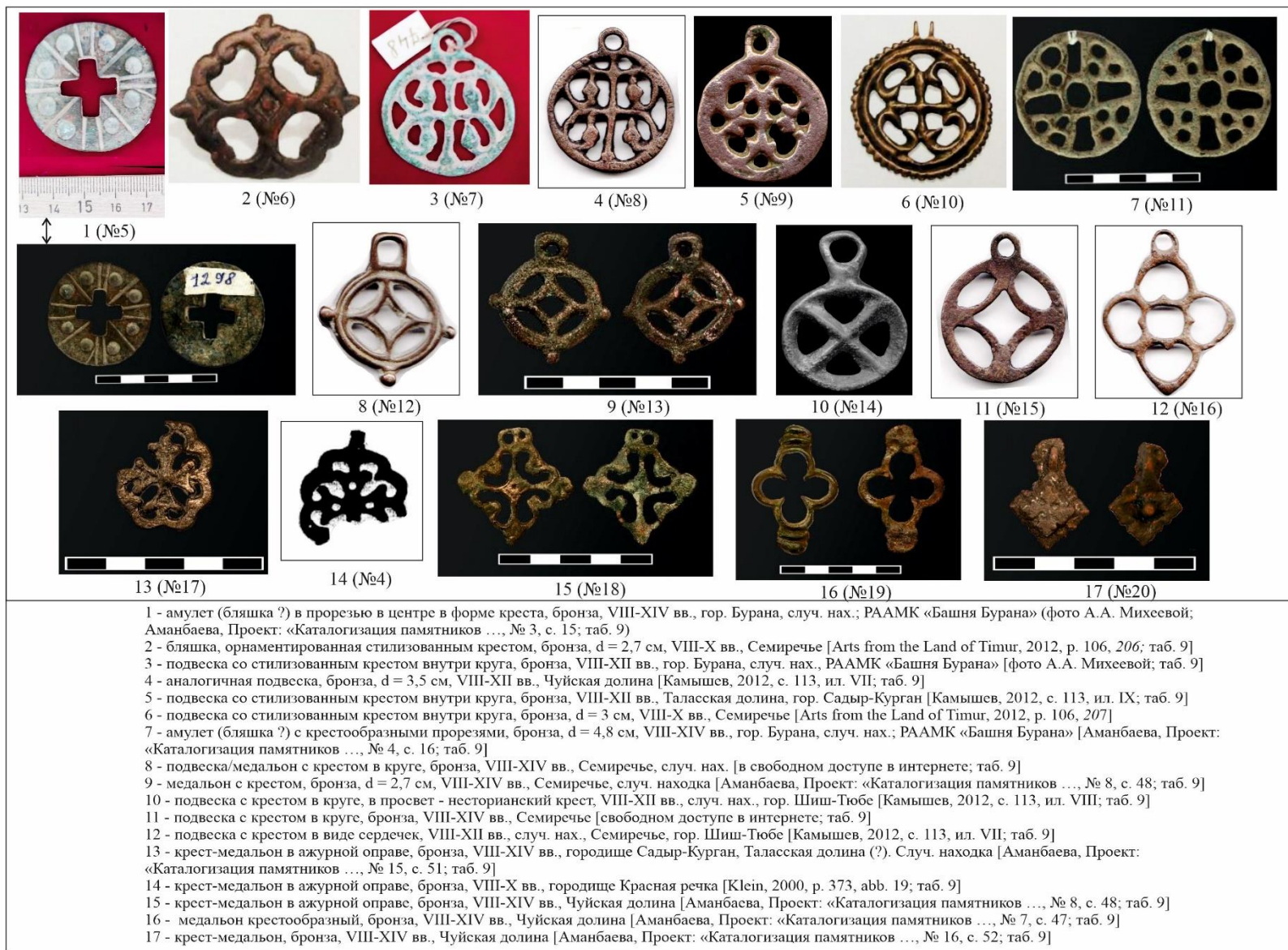

Рис. 175. Крестовключенные подвески, Семиречье.

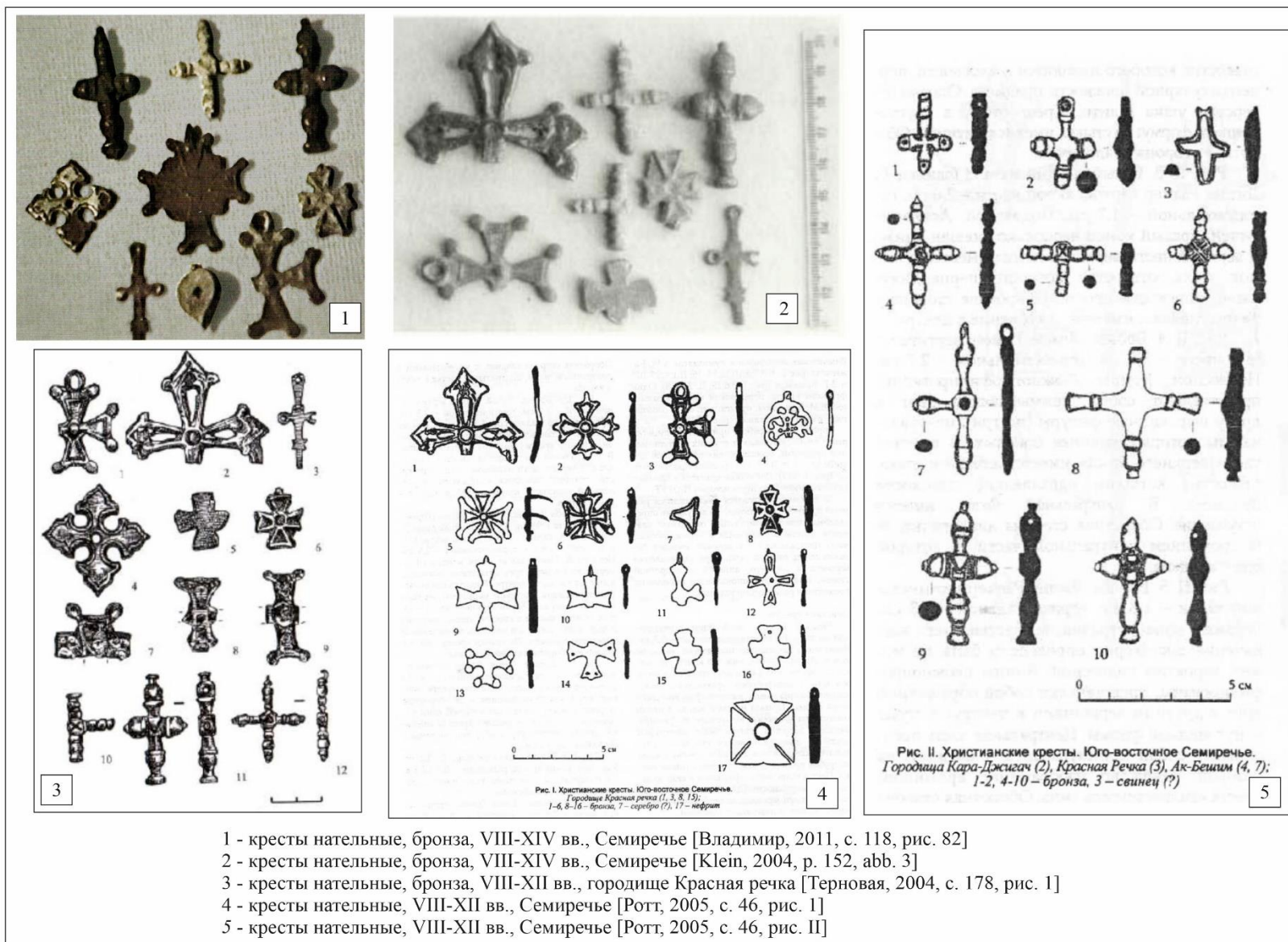

Рис. 176. Кресты нателные из публикаций.

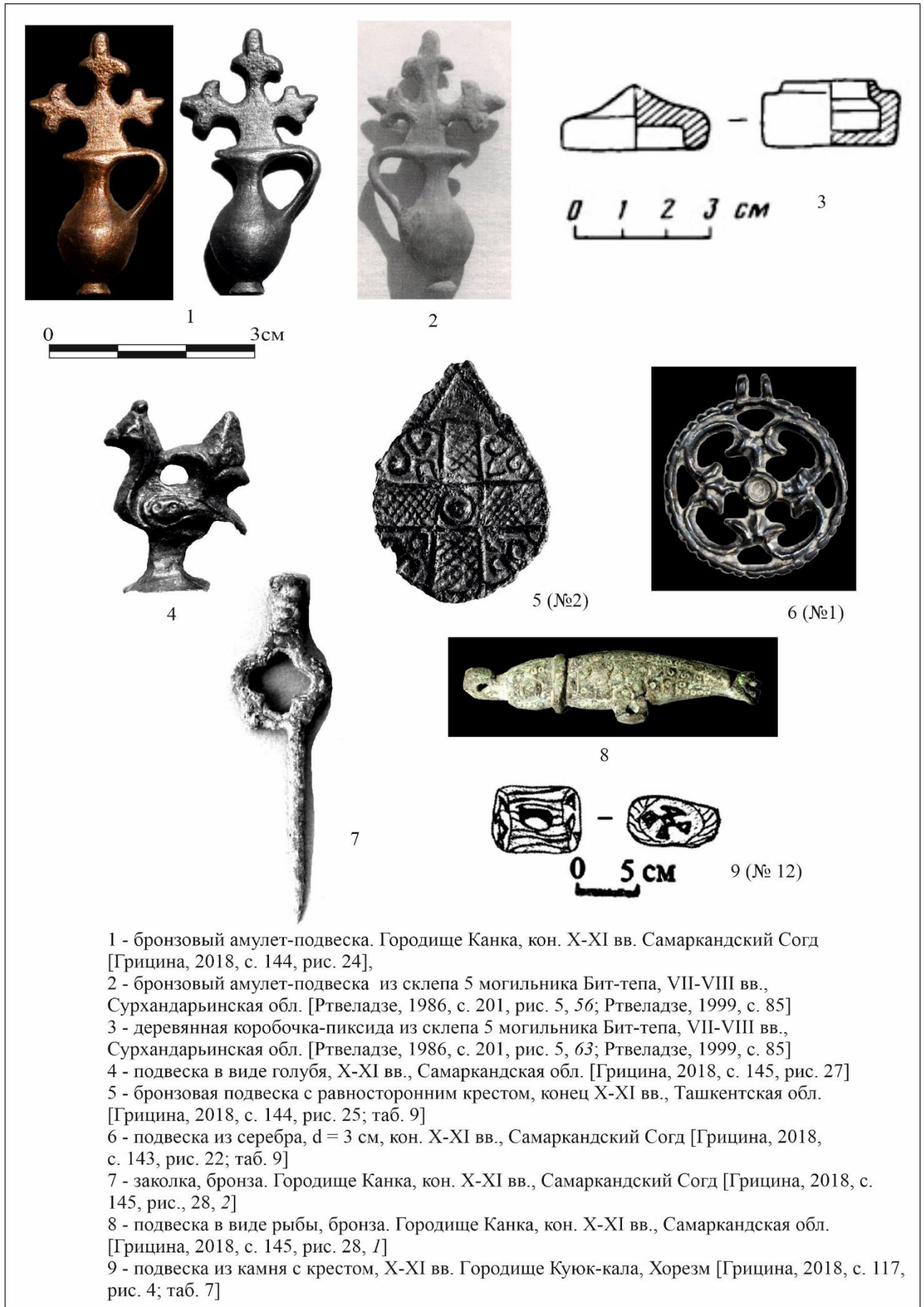
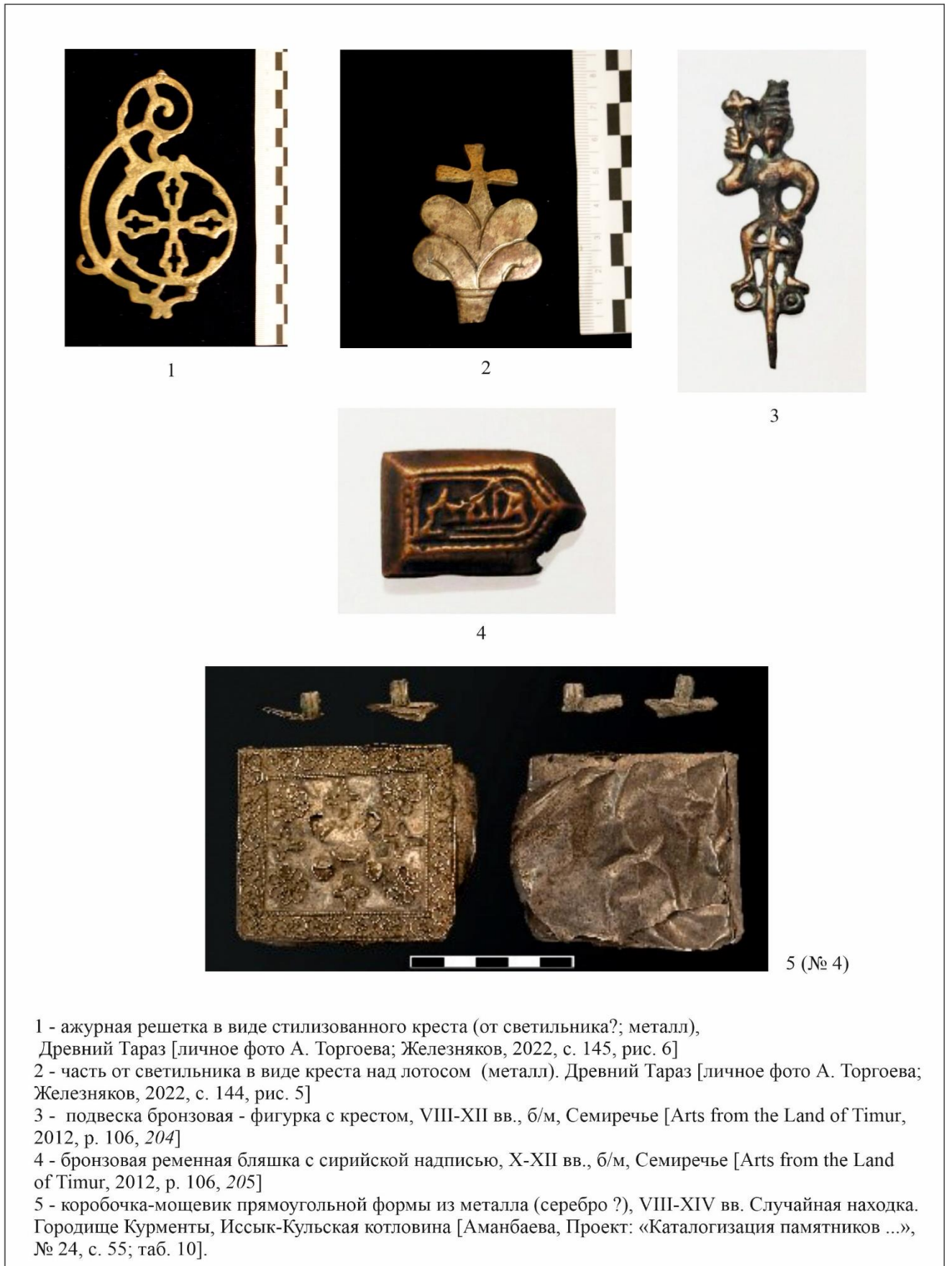

Рис. 177. Предметы с христианскими символами. Узбекистан, Хорезм.

- 1 - ажурная решетка в виде стилизованного креста (от светильника?; металл), Древний Тараз [личное фото А. Торгоева; Железняков, 2022, с. 145, рис. 6]
- 2 - часть от светильника в виде креста над лотосом (металл). Древний Тараз [личное фото А. Торгоева; Железняков, 2022, с. 144, рис. 5]
- 3 - подвеска бронзовая - фигурка с крестом, VIII-XII вв., б/м, Семиречье [Arts from the Land of Timur, 2012, p. 106, 204]
- 4 - бронзовая ременная бляшка с сирийской надписью, X-XII вв., б/м, Семиречье [Arts from the Land of Timur, 2012, p. 106, 205]
- 5 - коробочка-мощевик прямоугольной формы из металла (серебро ?), VIII-XIV вв. Случайная находка. Городище Курменты, Иссык-Кульская котловина [Аманбаева, Проект: «Каталогизация памятников ...», № 24, с. 55; таб. 10].

Рис. 178. Предметы христианского культа из Семиречья и Иссык-Кульской котловины.

Рис. 179. Камни-кайраки с высеченными крестами и тюркско-сирийскими эпитафиями.

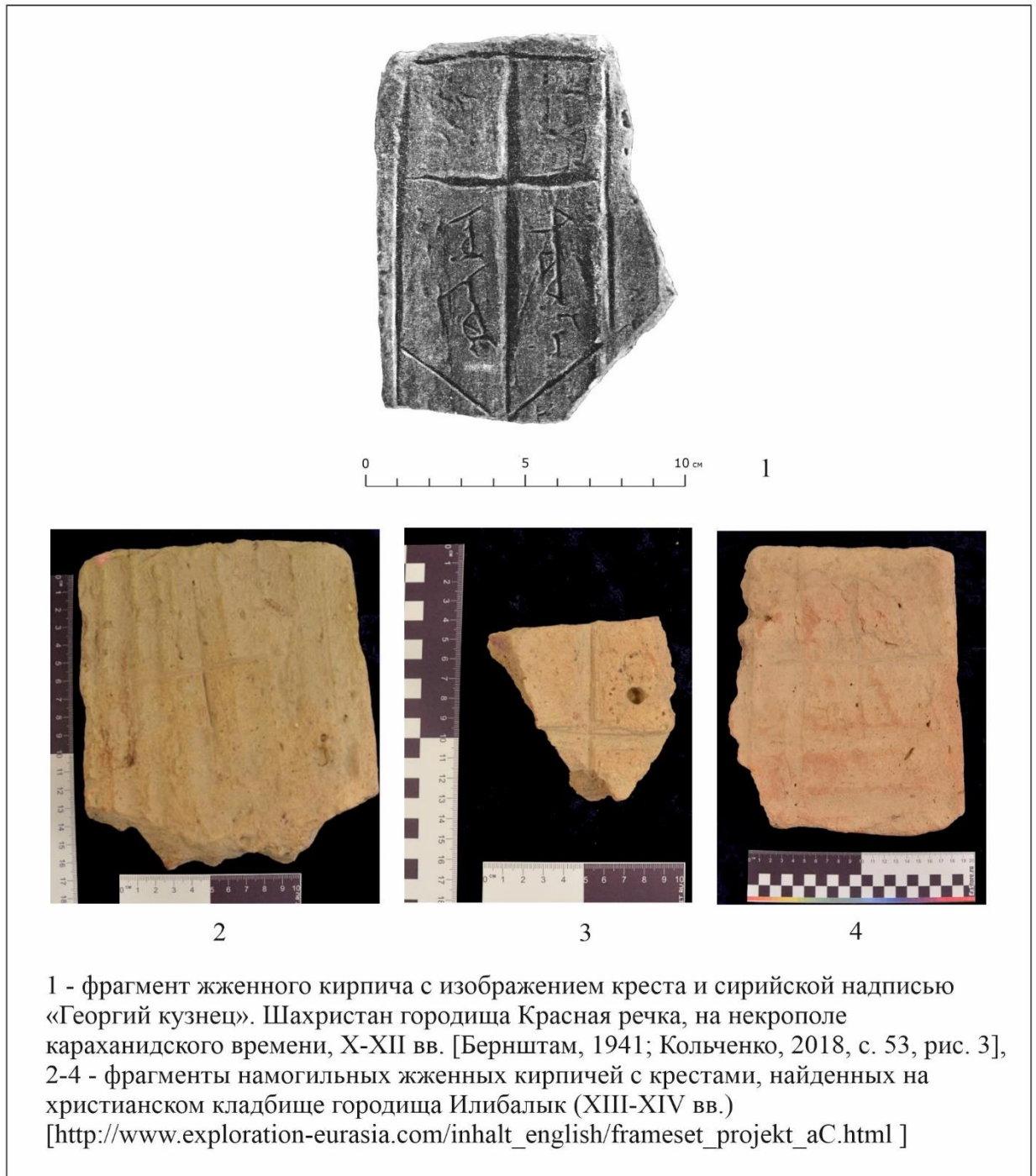

Рис. 180. Фрагменты жженных намогильных камней с крестами и сирийскими надписями.

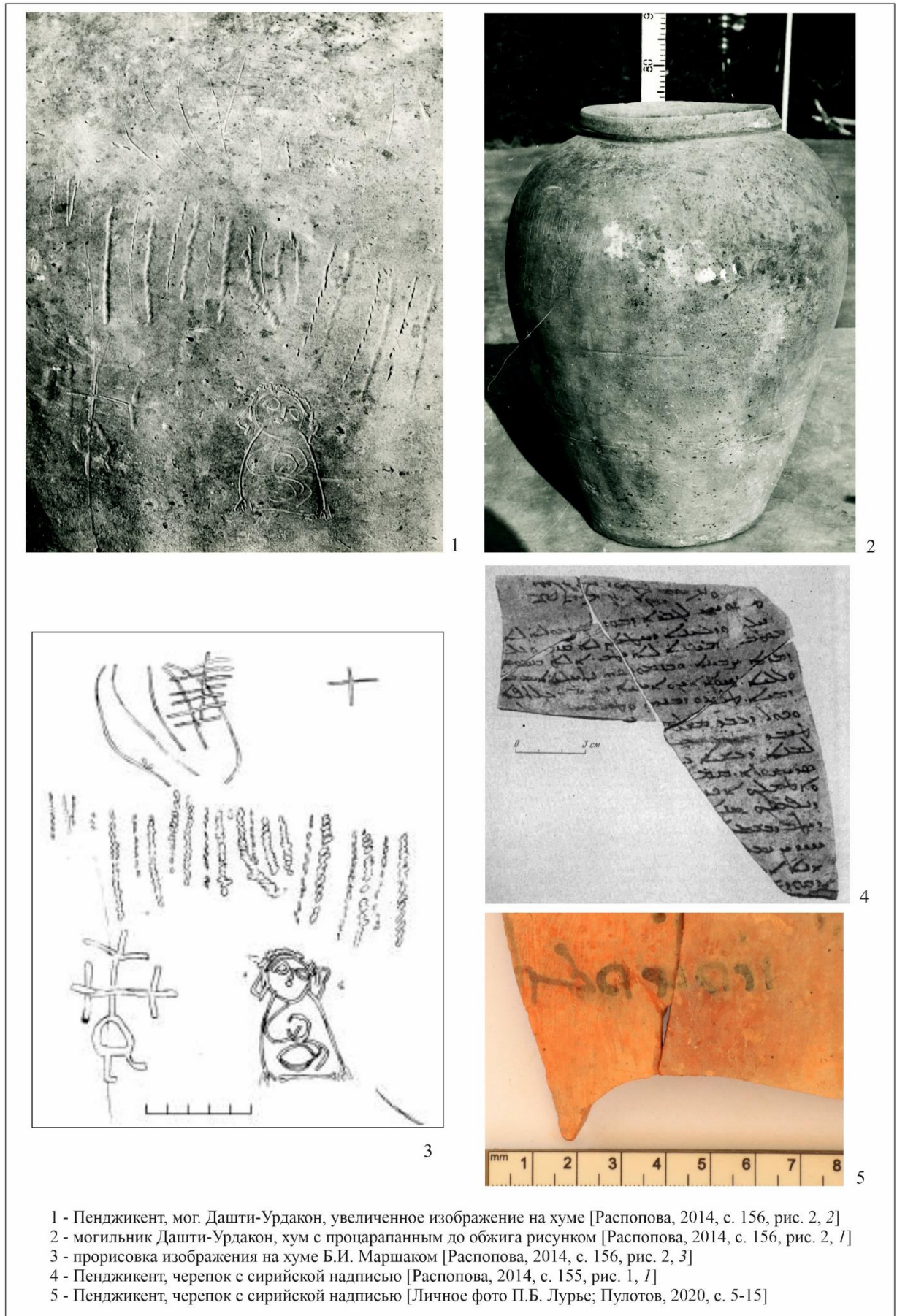

Рис. 181. Эпиграфические источники Древнего Пенджикента.

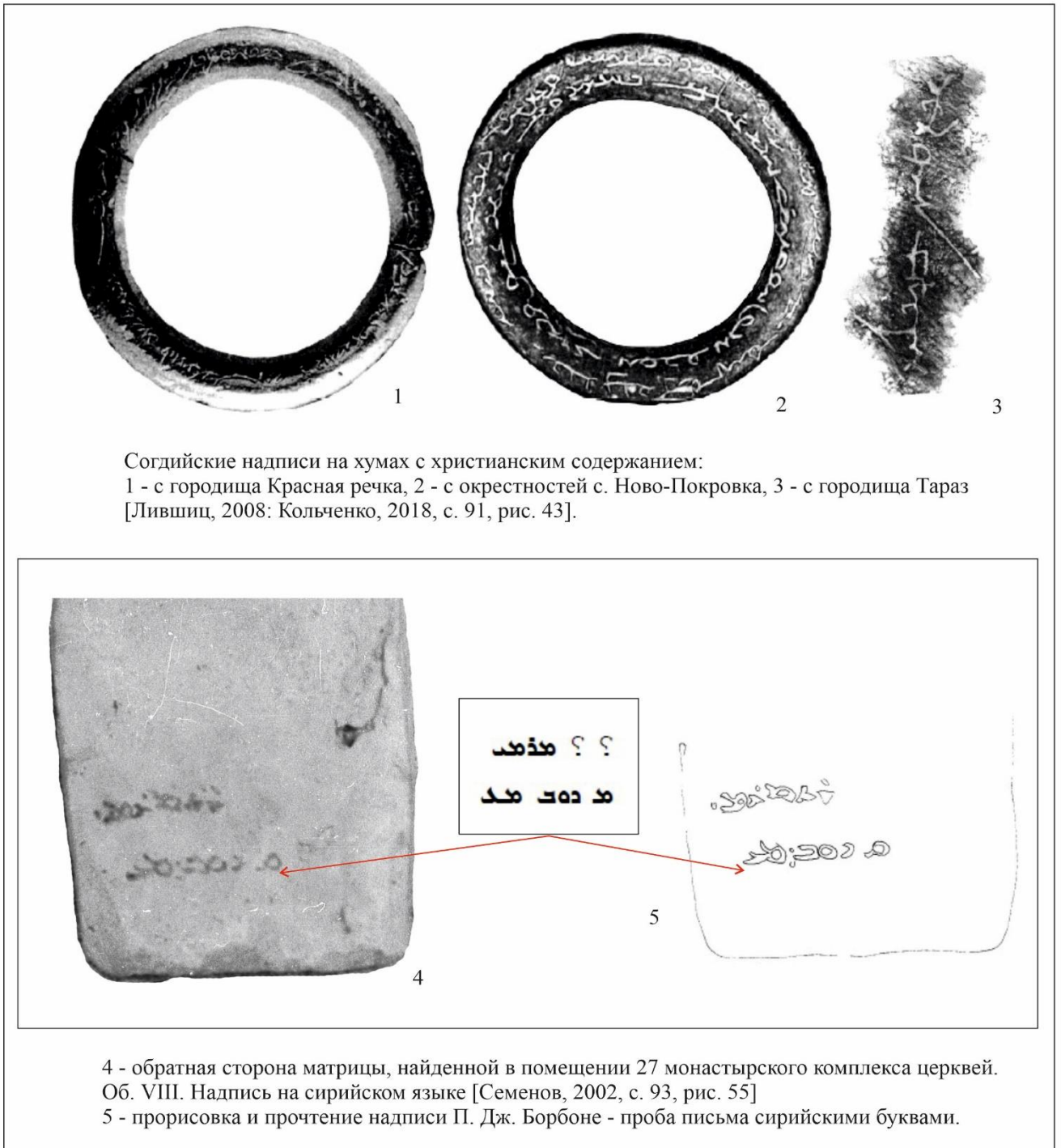

Рис. 182. Эпиграфические источники из Семиречья.

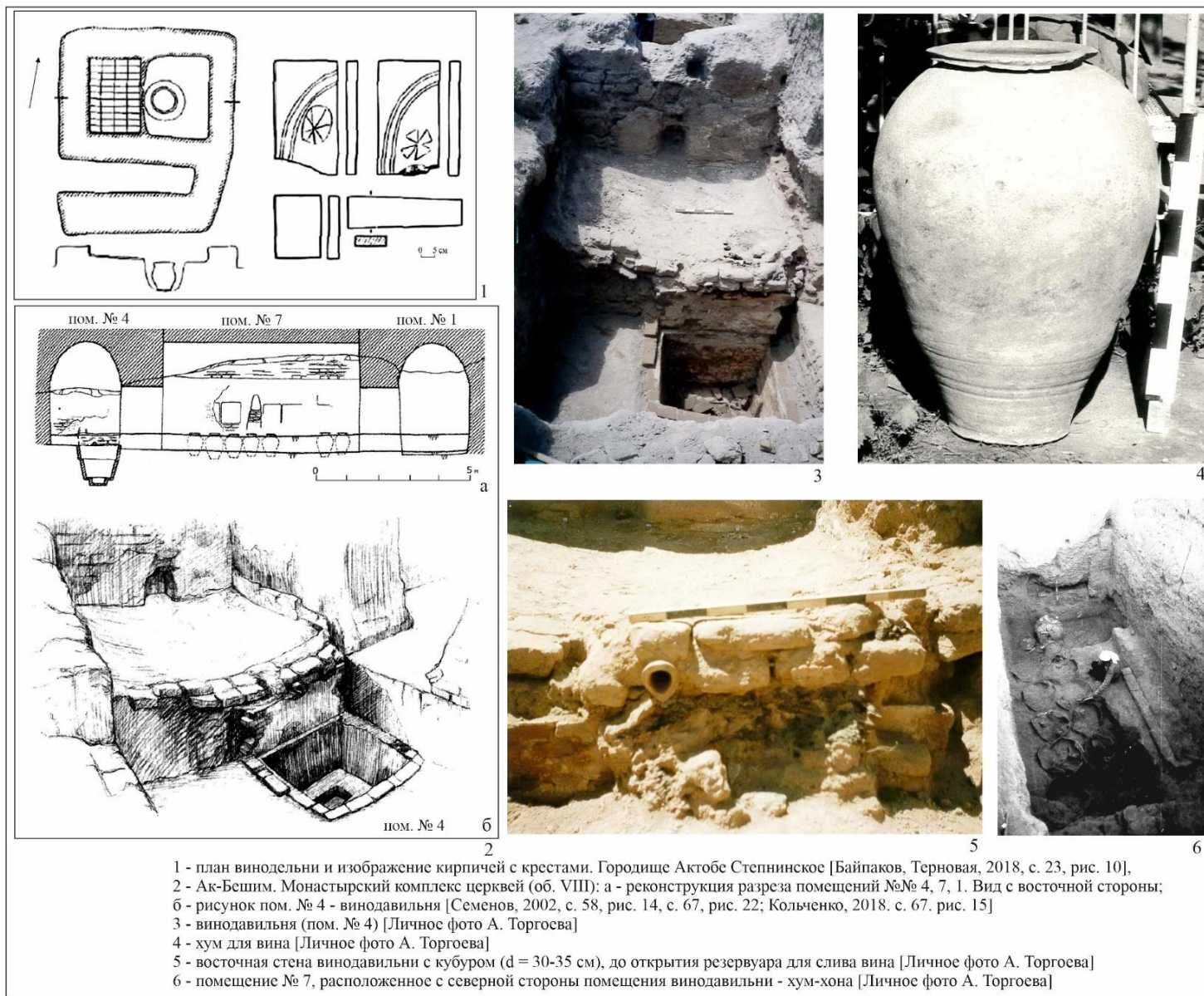

Рис. 183. Винодельни на Ак-Тобе Степнинское и монастырском комплексе с церковью (об. VIII, Ак-Бешим).